

ЛУДОВИКО АРИОСТО

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД

Песни I—XXV

Л. АРІОСТЪ.

Перевод свободным стихом М. Л. ГАСПАРОВА

Издание подготовили

М. Л. АНДРЕЕВ, Р. М. ГОРОХОВА, Н. П. ПОДЗЕМСКАЯ
МОСКВА «НАУКА» 1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Д. С. Лихачев (почетный председатель), *В. Е. Багно*, *Н. И. Балашов* (заместитель председателя), *В. Э. Вацуро*, *М. Л. Гаспаров*, *А. Л. Гришунин*, *Л. А. Дмитриев*, *Н. Я. Дьяконова*, *Б. Ф. Егоров* (председатель), *Я. А. Жирмунская*, *А. В. Лавров*, *А. Д. Михайлов*, *И. Г. Птушкина* (ученый секретарь), *А. М. Самсонов* (заместитель председателя), *И. М. Стеблин-Каменский*, *С. О. Шмидт*

Ответственный редактор Р. И. ХЛОДОВСКИЙ Редакторы издательства О. К. ЛОГИНОВА, Л. М. СЕНИНА

ISBN 5-02-012764-7 ISBN 5-02-012795-7

© Издательство «Наука» 1993. Составление, перевод, статья, примечания

ЛУДОВИКО АРИОСТО

Гравюра XVI в.

ОТ РЕДАКТОРА

«Неистовый Роланд» — одна из высочайших и, видимо, уже недостижимых вершин мировой поэзии. В Западной Европе имя Лудовико Ариосто неизменно ставилось подле имен Гомера и Вергилия. В русской литературе Ариосто сопоставим с Пушкиным. Перед последней мировой войной О. Э. Мандельштам недоумевал:

«Незнакомство русских читателей с итальянскими поэтами (я разумею Данта, Ариосто и Тасса) тем более поразительно, что никто иной, как Пушкин, воспринял от итальянцев взрывчатость и неожиданность гармонии.

В понимании Пушкина, которое он свободно унаследовал от великих итальянцев, поэзия есть роскошь, но роскошь насущно необходимая и подчас горькая, как хлеб».

Во время последней войны, до которой Мандельштам, как известно, не дожил, Михаил Лозинский осуществил перевод всей «Божественной Комедии» и сделал это так, что его титанический труд вряд ли когда-нибудь устареет. В 1967 г. перевод поэмы Данте был издан в серии «Литературные памятники» вместе с обширным комментарием к ее первой кантике. Теперь настал черед Лудовико Ариосто. Слова о насущной необходимости роскоши поэзии к Ариосто очень подходят. Лицейст Александр Пушкин хорошо знал «Неистового Роланда» и, когда писал богатырскую поэму «Руслан и Людмила», нередко вспоминал его авторские интонации («Я каждый день, восстав от сна, // Благодарю сердечно бога // за то, что в наши времена // Волшебников не так уж много») и почти буквально перевел из «Роланда» целый эпизод. Во втором издании поэмы Пушкин этот эпизод опустил. «Неистовому Роланду» конгениален не «Руслан», а «Евгений Онегин». Это — тоже не поэма, а по-своему уникальный роман в стихах. Правда, в его «свободной дали» возникают не «добрый приятель» автора и не современная ему действительность, одухотворенная идеалом милой поэту женщины, а фантастический мир, населенный героями средневековых эпических поэм о Карле Великом и его паладинах, а также добрыми и злыми волшебниками, знакомыми нашему читателю по рыцарским романам Кретьена де Труа и Томаса Мэлори. Однако взаимоотношение между реально историческим Ариосто и повествователем и специфически романное отношение повествователя к фабульному материалу в «Неистовом Роланде» точно такие же, как в «Евгении Онегине». Поза рассказчика, рассказывающего своим слушателям о хорошо им известных персонажах, в романе Ариосто намеренно подчеркнута. Однако она порождает не «иллюзию сказа» (Б. Эйхенбаум), а мягкую, обаятельную иронию, никогда не перерастающую в желчь сатиры.

«Неистовый Роланд» — формально — продолжение рыцарского романа феррарского поэта Маттео Боярдо «Влюбленный Роланд». Читатель сможет составить представление о его фабуле по подробному пересказу, включенному в наше издание. Фабула в романе Боярдо крайне запутанная. Ариосто сделал ее еще запутаннее — и увлекательнее. Если читатель вдруг утратит одну из сюжетных нитей «Неистового Роланда», пусть это его не смущает. Потом она сама собой отыщется. Ариосто умел строить сюжет непринужденно и весело и знал все подстерегающие его опасные повороты. Кроме того, главное в его романе все-таки не сюжет (который, впрочем, сам по себе достаточно интересен), а та ренессансная свобода, с которой итальянский поэт Высокого Возрождения повествует о, казалось бы, самых невероятных приключениях сказочных рыцарей и принцесс, обретших в его рассказах неподдельную человечность и заживших вдруг по законам высшей гармонии и красоты, столь характерных для эстетического идеала современников и друзей Ариосто — Рафаэля (он изобразит Ариосто на вершине своего «Парнаса»), Джорджоне (его «Спящая Венера» — едва ли не лучшая иллюстрация к «Неистовому Роланду»), молодого Тициана (в написанном им портрете величаво спокойного и прекрасного мужчины многие поколения читателей ариостовского романа не зря хотели видеть черты его «божественного» автора). «Неистовый Роланд» — самое ренессансное произведение в литературе итальянского Возрождения. Отнюдь не склонный к поэтическим восторгам Вольтер писал в своем «Философском словаре»: «Роман Ариосто отличается такой полнотой и разнообразием, таким избытком всевозможных красот, что мне не однажды случалось, прочтя его до конца, испытать лишь одно желание: перечитать все сначала. Вот каково очарование естественной поэзии!» И чуть дальше в той же статье: «У Ариосто был дар легко переходить от описания ужасных картин к картинам самым сладострастным, а от них — к высоконравственным наставлениям. Но что в нем еще поразительней, это умение пробудить живой интерес к своим героям и героиням, хотя тех и невероятное множество. В его поэме почти столько же трогательных событий, сколько гротескных приключений, и читатель до того свыкается с этим пестрым чередованием, что переходит от одних к другим без всякого удивления».

В России без ума от «Неистового Роланда» был К. Н. Батюшков, едва ли не первый русский поэт прочитавший этот роман по-итальянски и под свежим впечатлением от прочитанного уверявший Н. И. Гнедича, что Ариосто в своем роде единственный поэт, который «умеет соединять эпический тон с шутливым, забавное с важным, легкое с глубокомысленным, тени со светом, который умеет вас растрогать даже до слез, сам с вами плачет и сетует, в одну минуту над вами и над собой смеется. Возьмите душу Вергилия, воображение Тасса, ум Гомера, остроумие Вольтера, добродушие Лафонтена, гибкость Овидия: вот Ариост!»

Не станем, однако, умножать подобного рода примеры. Читатель и без того, вероятно, давно готов спросить: а почему же произошло так, что мы до сих пор не имели полного стихотворного перевода романа Ариосто и были вынуждены довольствоваться отдельными отрывками, чаще всего, плохо объясняющими восторги Вольтера и Батюшкова?

Вопрос естественный и законный. Подробный ответ на него читатель, видимо, найдет в статье Р. М. Гороховой, посвященной судьбе Ариосто в России. А пока пусть вспомнит главу из великой книги Сервантеса, где рассказывается «о великом и потешном обследовании, которому священник и цирюльник подвергли библиотеку хитроумного идальго» на предмет изъятия из нее для последующего сожжения всех рыцарских романов, превративших доброго сеньора Кехана Алонсо в сумасбродного Дон Кихота и «погубивших, — как скажет его экономка, — самую разумную голову во всей Ламанче». Как только речь заходит о «Неистовом Роланде» Ариосто, священник говорит: «Если этот последний отыщется среди наших книг и мы увидим, что говорит он не на своем родном языке, а на чужом, я не почувствую к нему никакого уважения; но если он будет говорить на своем, — я возложу его себе на голову» (Перевод К. Мочульского).

Сервантес не верил, что ренессансная поэзия рыцарского романа Ариосто может быть воспроизведена на каком-либо другом языке, кроме итальянского, и считал «Неистового

Роланда» в принципе непереводаемым. В настоящей поэзии Сервантес разобрался. В «Неистовом Роланде» она доведена до высшего совершенства. Лудовико Ариосто издавал свой роман трижды — в 1516, в 1521 и 1532 гг., — от издания к изданию улучшая его язык, стих, стилистику и стиль. Он следовал заветам самого авторитетного в ту пору филолога Пьетро Бембо, объявившего язык Петрарки классическим образцом новой, итальянской поэзии. Вместе с тем Ариосто прекрасно сознавал, что со времени создания петрарковской «Книги песен» прошло почти что два столетия, что пишет он в ином жанре и вынужден считаться со вкусами если не придворного, то во всяком случае светского литературно образованного общества не одной лишь Феррары, но всей Италии XVI в. Он тщательно очищал свой роман от диалектизмов, которые нередко встречались в романе Боярдо, но, добиваясь петрарковской чистоты и ясности, всячески избегал тосканизирующей архаики и пуризма. Ему хотелось придать национальному литературному языку «Неистового Роланда» непринужденность живой разговорной речи, и он обогащал повествование (впрочем, и тут избегая крайностей) местными речениями, поговорками и — в отдельных случаях — эпическими формулами площадных сказителей, которые только еще больше подчеркивали ренессансную индивидуальность автора, свободно владеющего всеми оттенками имеющегося в его распоряжении лексического и стилистического материала. То же самое можно сказать о стихе на редкость непринужденном, гибком и музыкальном. Строфа, которую Джованни Боккаччо ввел в ренессансные поэмы и романы была огранена Ариосто до ослепляющего блеска и стала именоваться уже у его современников «золотой». Именно в «золотых октавах» «Неистового Роланда» наиболее наглядно материализовался художественный идеал классического, Высокого Ренессанса, что дало основание Бенедетто Кроне называть Ариосто «поэтом гармонии», но создало почти непреодолимые трудности для перевода его романа на другие языки.

В XVIII в. французский писатель Жан Батист Мирабо попробовал перевести роман Ариосто прозой, но его проза сразу же убила ренессансный роман в стихах. «В наших прозаических переводах, — уверял Вольтер, — я никогда не был в силах прочесть ни одной песни поэмы Ариосто». По словам Вольтера, Мирабо не только не передал, но даже не ощутил «светского изящества и чистоты слога, умения пошутить, которым проникнуты все песни поэмы: ему и в голову не пришло, что Ариосто посмеивался над собственными вымыслами».

Сам Вольтер считал возможным переводить «Неистового Роланда» так называемым александрийским стихом. Его примеру последовал Константин Батюшков, принимаясь за перевод романа Ариосто на русский язык. В письме к Н. И. Гнедичу, оправдываясь в несколько вольном обращении с текстом, он уверял приятеля: «засмейся в глаза тому, кто скажет тебе, что в моем переводе далеко отступлено от подлинника. Ариоста один только Шишков в состоянии переводить слово в слово, строка в строку, око за око, зуб за зуб, как говорит Евангелие». Однако, некоторое время спустя, Батюшков, который, к слову сказать превосходно перевел сонет из «Книги песен» Петрарки, отказался от своего дерзновенного замысла создать русского Ариосто, заявив, что поэтов итальянского Возрождения в том числе и Петрарку «не должно переводить ни на какой язык; ибо ни один язык не может выдержать постоянной сладости тосканского».

Через несколько лет Пушкин блистательно опроверг одного из своих любимых учителей. Тем не менее от воспроизведения ариостовой «золотой октавы» он, как известно, отказался, хотя понимал, что сам бы он свободно «совладел с тройным созвучием». Дело было не в способах рифмовки. Как раз в то время, когда Пушкин показал, как по его мнению, надобно переводить роман Ариосто, в русской литературе снова разгорелся спор о строфике Ариосто и Тассо. В защиту ее выступил С. П. Шевырев в статье «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение». Имея в виду октавы, Шевырев, недовольный, как ему казалось, чересчур «гладкими стихами» Пушкина, писал: «Рифма основана на согласовании гласных звуков; созвучие на гармонии согласных. Какому же языку всего более могут они (т. е. октавы. — *Ред.*) быть свойственны, как не русскому, избобилующему

согласными? Ухо русского народа давно признало созвучия, но вкус чопорной моды их не допускает. Как бы особенно приятно было слышать их в шумливом Ариосто!»

Насколько прав оказался С. П. Шевырев, читатель сможет судить по октавам, напечатанным в разделе «Дополнения». Говоря о взрывчатости и неожиданности гармонии итальянского стиха, О. Мандельштам имел в виду прежде всего Ариосто. В посвященном ему стихотворении он писал: «И звуков сомкнутых прелестные двойчатки... Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг». Петrarку Мандельштам переводил, но на «золотую октаву» покуситься не решился.

Публикуемый ныне перевод «Неистового Роланда» — первый полный стихотворный перевод романа Ариосто. Он очень точен и передает смысл романа, говоря словами К. Н. Батюшкова, «слово в слово, строка в строку». Но и от октав и от рифм переводчик отказался. М. Л. Гаспаров перевел «Неистового Роланда» новейшим верлибром, ритмически несравненно более свободным, нежели верлибр Ал. Блока, Н. С. Гумилева и Михаила Кузмина. Почему он так сделал, объяснено в заметке «От переводчика». Там же М. Л. Гаспаров рассказывает о причинах, побудивших его избрать несколько непривычную для современного русского читателя лексику, синтаксические конструкции и стилистику, сразу же, однако, оговариваясь: «Это не единственное возможное решение». Перевод его подчеркнута экспериментален.

В результате стиховедческих и филологических экспериментов такого большого ученого как М. Л. Гаспаров получилось произведение очень своеобразное, по-настоящему новаторское, и уже потому интересное, хотя и во многом спорное.

Спорно само заглавие. Филологи и историки литературы чаще всего (но теперь уже далеко не всегда) называют роман Ариосто «Неистовым Роландом». Они не хотят забывать, что исторически герой Ариосто восходит к старофранцузскому героическому эпосу, в частности к знаменитой «Песни о Роланде».

Не посчитаться с этим, вроде бы, действительно нельзя. Однако невозможно не принять во внимание и то, что в романе Ариосто историческая память о французском народном эпосе полностью стерта. Не станем предвосхищать выводов обстоятельной статьи М. Л. Андреева, в которой выявлено жанровое своеобразие ренессансного рыцарского романа в стихах, но все же отметим: представить героя Ронсевальской битвы неиствующим из-за неразделенной любви к ветреной Анжелике просто напросто немислимо. Точно так же как совершенно невообразима его дружба с добродушным великаном Моргантом, порожденным фантазией итальянских кантасториев. Это совсем другой персонаж. К началу XIV в. французский Роланд прочно вошел в итальянский городской фольклор и так же естественно превратился в нем в итальянского Орландо, как итальянский Буово д'Антон обернулся в русских народных книгах Бовой королевичем. Уже создатель «Божественной Комедии» говорил об Орланде, хотя имя Роланд в его время в Италии существовало и его носил один из знакомых Данте литераторов. М. Лозинский в своем переводе это учел («Рай», XVIII, 43). В отличие от филологов, русские поэты, как правило, предпочитали говорить не «Роланд», а «Орланд». Пушкин писал: «Орланд их имена читает». Так же поступил Мандельштам. Батюшков называл роман Ариосто: «Неистовый Роланд» только до того, как он погрузился в его языковую и романную стихию.

Филологические установки М. Л. Гаспарова проявились не только в предпочтении Орланду Роланда, но и в выборе языковых и стилистических средств. Вероятно, на первых порах читатель испытает некоторые трудности, связанные с необычностью ожидающих его слов и словосочетаний. Однако преодолев их, он будет щедро вознагражден. В своем переводе М. Л. Гаспаров погружается в те глубинные фольклорные слои, которые составляли сюжетную и стилевую подпочву не только ренессансных романов Боярдо и Ариосто, но и поэмы Луиджи Пульчи. Отсюда — архаический колорит и известный пуризм, исключаяющую всякую возможность проникновения в языковую ткань перевода не то что варваризмов, но вообще, не исконно русских слов. Вместе с тем язык перевода (словарный диапазон которого: от Григория Котошихина до раннего Заболоцкого и Пастернака), отсюда не музейно

консервативен. Напротив, именно в языке М. Л. Гаспаров — переводчик оказался еще большим новатором, чем в стихосложении. Тут его опыты почти беспрецедентны. Перевод М. Л. Гаспарова не передает классический ренессансный стиль и стилистику романа Ариосто, но зато возвращает в нашу литературу многие из тех сокровищ русской речи, которые беллетристика, журналисты и средства массовой информации давно уже безжалостно выбросили на далекие обочины российской словесности.

Перевод снабжен статьей М. Л. Андреева и большим научно-критическим аппаратом, который как мы надеемся не только поможет читателю свободно войти в «запутанный рассказ о рыцарских скандалах» (О. Мандельштам), но и послужит добрым подспорьем как будущим исследователям романа Ариосто, так и его последующим переводчикам. Создание русского Ариосто пока еще только начато. Хочется верить, что новые переводчики «Неистового Роланда» сумеют так же точно воспроизвести его строфы и рифмы, как М. Л. Гаспаров воспроизвел его дух и содержание.

Р. И. Хлодовский

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ РОЛАНДОВОЙ ЛЮБВИ КАК О НЕЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ В ПОЭМЕ МАТТЕО МАРИА БОЯРДО, ГРАФА СКАНДИАНО, НАЗЫВАЕМОЙ «ВЛЮБЛЕННЫЙ РОЛАНД»

КНИГА I

Песнь I. Градасс, царь Серикании, желая завладеть мечом Роланда и конем Ринальда, отправляется в Европу во главе несметного войска.

При дворе Карла объявлен турнир. Накануне турнира ко двору является Анджелика, дочь катаяского царя Галафрона, и вызывает всех желающих на бой с братом своим Аргалием: побежденного ждет плен, победитель получит красавицу. Цель ее — пленить всех рыцарей Карла, а расчет — на свою несравненную красоту и волшебное вооружение брата: в особенности на копьё, одно прикосновение которого выбивает из седла. Рыцарь-колдун Малагис пытается овладеть Анджеликой, погрузив ее чарами в сон, по кольцо Анджелики ему помеха: положенное в рот, оно делает невидимым, надетое на палец рассеивает чары. Он пленен и отослан в Китай. Астольф, первый по жребью поединщик, сброшен с коня волшебным копьём. Феррагуса, чья очередь следующая, постигает та же участь, но он, оказавшись на земле, не хочет сдаться, убивает четырех великанов, свиту Анджелики, и вступает в новый бой с Аргалием.

Песнь II. Анджелика бежит с поля боя, вслед за ней бежит Аргалий, за ними в погоню устремляется Феррагус. Узнав о бегстве Анджелики, уходят на ее поиски Ринальд и Роланд, сердце которого впервые не устояло перед женской красотой.

В Париже начинается турнир. Всех, в том числе Оджьера-Датчанина и Оливьера, спешивает сарацин Грандоний. Наконец, из паладинов остается один Астольф, в успех которого никто не верит.

Песнь III. Астольф выходит на турнирное поле с копьём Аргалия, которое досталось ему случайно и волшебных свойств которого он не знает. Грандоний, ко всеобщему изумлению, повержен. Астольф изумлен не меньше других. Он был бы объявлен победителем, но некий рыцарь-предатель, принадлежащий к злодейскому майнцкому роду, исподтишка сбивает его с седла. Астольф бросается на него с мечом, бранится с императором и брошен в темницу.

Первым из преследователей Анджелики в Арденнский лес поспевают Ринальд. По пути ему встречается волшебный источник, сотворенный некогда Мерлином, дабы исторгнуть из Ланселота страсть к Гиневре. Ринальд пьет из источника, и вместо любви к Анджелике в нем вспыхивает живейшее отвращение. Дальнейший путь приводит его к другому источнику — пробуждающему любовь. Жажду Ринальд уже утолил, поэтому он всего лишь располагается близ него на отдых. К тому же источнику выходит Анджелика, пьет, видит Ринальда и

проникается к нему страстью. Ринальд спасается бегством.

Феррагус настигает Аргалия в том же Арденнском лесу и наносит ему смертельную рану. Бросив тело (такова была предсмертная воля Аргалия) в ручей и взяв взаимы шлем (с обязательством бросить и его в ручей спустя несколько дней), он натывается на Роланда, замершего в созерцании спящей Анджелики. Поединок.

Песнь IV. Поединок прерван появлением Флордеспины, дочери короля Марсилия, которая призывает Феррагуса на помощь Испании и королю, изнемогающим под натиском Градасса.

Карл посылает на помощь Марсилию пятидесятитысячное войско во главе с Ринальдом. Французское подкрепление и Феррагус прибывают одновременно. Общее сражение.

Песнь V. Градасс и Ринальд соглашаются решить исход войны в поединке друг с другом.

Анджелика освобождает Малагиса из подводной темницы с условием, что он добудет ей Ринальда. Малагис велит бесу принять облик Градасса и заманить Ринальда на волшебный корабль. Корабль уносит паладина в открытое море.

Роланд, расставшись с Феррагусом, отправляется на поиски Анджелики. Он убивает Сфинкса, не сумев разгадать загадку, — ту же, что была загадана Эдипу. На Смертельном мосту он вступает в бой с великаном.

Песнь VI. Великан сражен, но в предсмертный миг он приводит в действие ловчую сеть. Роланд, опутанный с ног до головы, ждет смерти или помощи. Проходят сутки, появляется монах и предлагает Роланду духовную помощь. Словоохотливый монах рассказывает, как только что чудом спасся от одноглазого великана-людоеда. Тут же является и сам великан, рубит Роланда его же мечом, но разрубает лишь сеть: Роланд неуязвим для оружия. Освобожденный Роланд убивает людоеда, поражая его в единственный глаз, и отпускает его пленников.

Роланд едет к замку. На стене замка — дама: это фея Драгонтиня, приглашающая графа испить из кубка. Ничего не подозревающий Роланд подносит кубок к губам и мгновенно забывает свою любовь, цель своего пути, самого себя, становится слепым рабом феи.

Градасс, прождав Ринальда весь день до вечера, уходит ни с чем. Рикардет, исполняя приказание брата, данное на случай неудачного исхода его поединка с Градассом, уводит французские войска на родину. Марсилий, оставшись в одиночестве, заключает союз с Градассом. Соединенными силами они вторгаются во Францию. Битва под стенами Парижа. Подвиги Оджьера-Датчанина.

Песнь VII. Продолжение битвы. Христиане берут верх, пока в сражение не вступает Градасс. Французы разбиты, Карл и все его лучшие рыцари пленены. Раненный Оджьер в одиночку защищает городские врата, обрушив за собой мост; но и он в конце концов не может устоять перед сверхчеловеческой мощью Градасса. Город готов сдать, но Астольф, выпущенный из темницы, захватывает власть, отказывается признать договор, который тем временем Градасс успел заключить с Пленным Карлом (свобода в обмен на коня — Баярда), и вызывает Градасса на поединок. Копье Аргалия исправно делает свое дело: противник на земле и едва верит своим глазам. Астольф, верный своему нраву, притворяется побежденным, высмеивает Карла и палатинов и под конец преподносит весть о победе. Градасс отправляется восвояси, Астольф уходит на поиски Роланда и Ринальда.

Песнь VIII. Волшебный корабль уносит Ринальда за тысячи миль от Европы и доставляет его на Остров Наслаждений. Но Ринальд, узнав, что здесь его ждет встреча с Анджеликой, вновь с превеликой поспешностью пускается в плавание; наконец, он достигает суши и тут же вступает в бой с великаном, который заманивает его в ловушку. Ринальд связан, заточен в Злом Замке, и ему предстоит померяться силами с чудовищем.

Рассказ о рождении этого чудовища: хозяйка замка, где сейчас находится Ринальд, в юности была замужем за рыцарем, который полюбил другую. Чтобы удовлетворить свою страсть, он убил мужа возлюбленной. Женщины столковались и замыслили месть: жена убила своих сыновей и изготовила из них кушанье, любовница после трапезы поднесла

своему обидчику головы съеденных им младенцев. Отец, ставший могилой своих детей, в свою очередь избрал изощренный способ мести: привязал любовницу к телу ее мертвого мужа и плотски с ней соединился, а затем в виду приближающихся мстителей, ведомых его женой, убил свою жертву и соединился с ней, мертвой, вновь. От этого-то противоестественного соития, замешанного на измене, прелюбодеянии, убийстве, людоедстве и труположестве, родилось то самое чудовище, сражаться с которым предстоит Ринальду. Меч его шкуру не берет, когти же его рвут сталь как бумагу.

Бой, в котором Ринальду приходится туго. Он ранен и обезоружен.

Песнь IX. Анджелика верхом на черте поспекает Ринальду на выручку. Но паладин предпочитает достаться в пищу чудовищу, нежели спастись благодаря красавице. Анджелика все же находит способ избавить возлюбленного от верной гибели. Она связывает чудовище, а Ринальд ломает ему шею и не оставляет в злодейском замке ни одной живой души.

Астольф тем временем достиг пределов Востока, где готовится великая война за руку Анджелики. Обладать красавицей жаждет Агрикан, татарский царь, ненавидимый Анджеликой пуще смерти. Среди защитников Анджелики — царь Черкессии Сакрипант. Золотое копьё Астольфа продолжает творить чудеса: с его помощью он ссаживает Брандимарта, бросает наземь черкесского царя. Поблизости находится колдовской сад Драгонтины: Флорделиза, дама Брандимарта, предупреждает рыцарей о чудесах и опасностях сада, но они смело в него вторгаются и вступают в бой с очарованными, забывшими себя пленниками феи. Тут же и Роланд, прибывший чуть раньше и все еще погруженный в созерцание картин и фресок на дворцовом балконе. Роланд обрушивается на своего двоюродного брата, и Астольфа выручает лишь несравненный бег Баярда, верхом на котором Астольф совершал свой путь.

Песнь X. Брандимарт вынужден испить из кубка Драгонтины, и его постигает судьба других ее пленников. Астольф тем временем достигает крепости Альбракки, где укрылась от Агрикана Анджелика. Астольф один вызывает на бой все войско татарского царя — 2 миллиона 200 тысяч. Сбросив нескольких неверных своим волшебным копьём, он падает под одновременным натиском с четырех сторон и взят в плен.

Под Альбракку подходят войска Сакрипанта и начинается общее сражение.

Песнь XI. Поединок Сакрипанта и Агрикана. Раненый и истекающий кровью Сакрипант доставлен в крепость, куда врывается во главе небольшого отряда Агрикан и учиняет страшную резню. Сакрипант, презрев раны, вновь бросается в бой и без доспехов, в одной рубашке вынуждает Агрикана отступить.

Ринальд, покинувший Злой Замок, встречает Флорделизу, которая зовет его на выручку своего возлюбленного Брандимарта, и по дороге к саду Драгонтины рассказывает ему историю трех любовников.

Песнь XII. Рассказ Флорделизы. Ирольд любит Тисбину и любим ею. В Тисбину влюбляется также Прасильд, но все его мольбы о взаимности напрасны, и он в отчаянии готов наложить на себя руки. Тисбина, чтобы отвлечь его от мыслей о самоубийстве и излечить от любви, просит, обещая взаимность, доставить ей золотую ветвь из сада Медузы. Эта Медуза, в отличие от античной, не превращает своим взглядом в камень, но зато ее голос убивает в услышавшем память. Побеждает Прасильд, подобно Персею, с помощью зеркального щита — увидев свое отражение, Медуза в ужасе пускается в бегство. Ветвь доставлена Тисбине, и та, чтобы сдержать слово, но не изменить возлюбленному, идет на свидание к Прасильду, приняв яд, действующий через несколько часов. Прасильд, узнав от нее правду, отпускает возлюбленную, удовлетворившись одним поцелуем. Тисбина и Ирольд, также принявший яд, ждут смерти, но яд оказывается снотворным снадобьем. Эту весть приносит Прасильд, и Ирольд, в воздаяние за его великое самоотречение, оставляет даму сопернику и удаляется в изгнание.

Песнь XIII. Ринальд убивает великана и двух грифонов, охранявших чудесного коня. Это Рабикан, рожденный от ветра и огненной кобылицы; на нем в свое время выезжал на бой Аргалий. Ринальд овладевает конем, но должен дать клятву, что отомстит за красавицу,

предательски умерщвленную вавилонским царем Труффальдином. История этого злодеяния тут же рассказывается.

Спутницу Ринальда похищает кентавр.

Песнь XIV. Ринальд настигает и убивает кентавра, но тот перед смертью успевает бросить Флорделизу в реку, и ее уносит течением.

Успех под Альбраккой решительно склонился на сторону Агрикана. Крепость взята, в башне укрылась Анджелика и трое ее защитников — Сакрипант, Торинд и Труффальдин (предатель, которого разыскивает Ринальд). Анджелика уходит за помощью. Коварный старец заманивает ее в замок, где уже томятся сотни плененных девиц; среди них Флорделиза, спасенная от смерти в пучине, чтобы подвергнуться новой и неведомой опасности. Она рассказывает Анджелике о саде Драгонины, к которому она вела и не довела Ринальда. Анджелика, проведав, что среди пленников феи — лучшие рыцари мира, решает среди них найти себе защитников. С помощью волшебного кольца она выходит на свободу, с помощью того же кольца развеивает чары Драгонины. Роланд и восемь его товарищей по плену (среди которых Грифон и Аквилант) скачут за Анджеликой к Альбракке.

Песнь XV. Рыцари пробиваются, потеряв одного, к башне сквозь бессчетное войско. Однако в башню их не пускают. Изменник Труффальдин предательски захватил и заковал Сакрипанта и Торинда и предложил сдать башню Агрикану. Агрикан с презрением отказался. Теперь Труффальдин согласен открыть ворота только при условии, что рыцари Анджелики поклянутся выступать в его защиту против любого обвинителя и на любое обвинение. Им ничего не остается, как согласиться.

Песнь XVI. Роланд выходит на бой с Агриканом. Бой прерван подходом огромного войска во главе с отцом Анджелики Галафроном. Среди его союзников — царица Марфиза, дева-воительница, поклявшаяся не снимать доспеха, пока не одолеет трех могучих царей — Градасса, Агрикана и Карла Великого. Агрикан обращает войско Галафрона в бегство. Марфиза медлит — она считает ниже своего достоинства принимать участие в битве, пока Галафрон не будет окончательно разбит.

Ринальд видит на берегу ручья горестно стенающего рыцаря.

Песнь XVII. Стенающий рыцарь — это Ирольд (герой новеллы, рассказанной Флорделизой). Два года он скитался по свету, страдая по оставленной Тисбине, и наконец попал в плен к фее Фалерине, которая завела у себя жестокий обычай — подстергать путников и отдавать их в пищу дракону. Прасильд прознал о случившемся с Ирольдом несчастье и спас, заменив собой. Сегодня — тот день, когда Прасильд должен быть отдан на съедение чудовищу.

Ринальд, шутя, разгоняет сброд, который ведет к дракону Прасильда и девицу, оказавшуюся Флорделизой. Спасенные сначала принимают спасителя за Магомета и падают ниц; затем, просвещенные Ринальдом, они принимают крещение. Ринальд готов до конца свой подвиг, но Флорделиза напоминает ему о прежнем обещании освободить пленников Драгонины, и он, следуя за девицей, откладывает поединок с драконом на будущее.

Близ Альбракки путники встречают Марфизу.

Песнь XVIII. Марфиза выбивает из седла сначала Ирольда, за ним Прасильда и вступает в долгий бой с Ринальдом, где паладину приходится туго.

Роланд под Альбраккой вновь схватывается с Агриканом. Поединок прерван ночной темнотой. Спешившись на лугу, рыцари мирно беседуют: Роланд, восхищенный доблестью Агрикана, старается склонить его к перемене веры. Агрикан, заявив, что вероисповедные споры не его дело, что он не поп и не книгочей, заводит разговор о рыцарстве и любви, в итоге которого узнает, что Роланд — его соперник. Ревность исторгает у него слезы; он требует, чтобы Роланд отрекся от любви к Анджелике, и услышав отказ, берется за меч.

Песнь XIX. Продолжение поединка. Агрикан смертельно ранен и с последним вздохом славит Христа.

Войско Агрикана, лишившееся вождя, окончательно разбито. Освобожден из плена

Астольтф; он находит свои доспехи и свое волшебное копьё.

Бой Ринальда и Марфизы прерван Галафроном, который узнает в скакуне, на котором гарцует Ринальд, коня своего сына, и сочтя Ринальда убийцей Аргалия, нападает на него врасплох. Марфиза вступается за своего недавнего противника, и вдвоем они громят войско Галафрона.

Флорделиза находит Брандимарта и они предаются радостям любви.

Песнь XX. Сарацинский отшельник похищает спящую Флорделизу, пленившись ее красотой. Брандимарт пускается в погоню и видит трех великанов, ведущих под стражей некую даму. Приняв ее за Флорделизу, он вступает в неравный бой, из которого выходит победителем благодаря могучей помощи Роланда.

Под Альбраккой Ринальд и Марфиза вынуждают прежних союзников Марфизы в панике бежать под защиту крепостных стен. Ринальд, помня о клятве, объявляет Труффальдина изменником и вызывает на поединок.

Песнь XXI. Вместо Труффальдина на бой выходят пятеро рыцарей из тех, что клятвенно обязались быть его защитниками. Двух Ринальд спешивает, с третьим, Грифоном бой затягивается и исход его сомнителен.

Брандимарт, оглушенный могучим ударом великана, приходит в себя и убеждается, что дама, за которую он сражался — не Флорделиза. Дама рассказывает свою историю.

Ее зовут Леодилла, отец ее — государь Дальних Островов. К ней сватались двое: юный Ордавр и старый и мудрый Фольдерик. Старец Леодилле не по душе, и чтобы его отвадить, она просит отца устроить брачные испытания. Руку красавицы получит победитель в беге; при этом Леодилла рассчитывает легко обогнать Фольдерика и дать себя обогнать Ордавру. Однако Фольдерик побеждает, прибегнув к хитрости, использованной некогда Гиппоменом в соревновании с Аталантой — бросая девице под ноги золотые яблоки. Леодилла, попав в собственную ловушку, поклялась отомстить и отомстить по-женски.

Песнь XXII. Флорделизу спасает от сластолюбивого отшельника лев, но она тут же попадает в лапы дикого лесного человека.

Леодилла продолжает свою повесть, пока вместе с Роландом и Брандимартом ищет Флорделизу. Фольдерик берет Леодиллу в жены и держит ее взаперти в неприступном замке. Но Ордавр приобретает замок неподалеку и, прорыв из него подземный ход, торжествует над всеми ухищрениями ревнивого супруга. Более того, он выдает Леодиллу за ее сестру и представляет Фольдерiku в качестве своей новобрачной. Наконец, любовники бегут. Фольдерик их настигает, отбивает жену, но лишь затем, чтобы пасть в схватке с великанами.

Брандимарт пускается в погоню за оленем феи Морганы (она же фея Сокровищ).

Песнь XXIV. Роланд продолжает путь с Леодиллой. Фея Озерного Острова предлагает ему невиданный многоступенчатый подвиг. Роланд укрощает двух быков, вспахивает на них поле, убивает огнедышащего дракона, засеивает вспаханное поле его зубами, сражает выросших из зубов воинов.

Песнь XXV. Награда за подвиг — золоторогий олень феи Морганы. Овладевший им овладевает несметными сокровищами. Но паладин с презрением отказывается от сокровищ, сдает с рук на руки и с нерыцарским облегчением Леодиллу Ордавру и держит путь к Альбракке.

Меж тем под Альбраккой поединки отложены на следующий день. Астольтф, узнав, что с защитниками крепости враждует Ринальд, переходит на сторону двоюродного брата. Роланд же решает, что Ринальд претендует на Анжелику и готовится к бою с ним с невиданным ожесточением.

Песнь XXVI. Продолжение поединков под Альбраккой. Ринальд, опрокинув всех противников, захватывает Труффальдина и казнит, привязав к хвосту своего скакуна. Роланд вступает с Ринальдом в бой.

Песнь XXVII. Бой Ринальда и Роланда: распаленный ревностью Роланд теснит соперника. Бой прерван наступлением темноты. Анжелика, проведая, кто бьется против Роланда, просит позволения присутствовать при поединке.

Песнь XXVIII. Продолжение поединка. Роланд берет верх, но Анжелика спасает Ринальда от смерти, послав Роланда в заколдованный сад феи Фалерины. По пути Роланд видит даму, привязанную к сосне за волосы, и охраняющего ее вооруженного рыцаря.

Песнь XXIX. Рыцарь, как явствует из его рассказа, был влюблен в привязанную даму. Имя ее Оригилла. Из природной любви к злодейству она натравила друг на друга трех своих поклонников и еще одного рыцаря и своим же отцом была приговорена к той казни, свидетелем которой стал Роланд. Четыре ее жертвы должны с оружием в руках следить за тем, чтобы казнь свершилась неукоснительно.

Роланд тем не менее освобождает преступную даму, повергая всех четырех рыцарей, и тут же расплачивается за свое благородство. Коварная Оригилла пленяет сердце паладина и крадет у него коня, несравненного Златоузда.

КНИГА II

Песнь I. Аграмант, молодой африканский царь, сын Трояна, сраженного некогда Роландом, решает идти войной на Францию. Военный совет в Бизерте, столице Аграмантова царства. Старики, свидетели походов Альмонта и Трояна, не забывшие, как умеют рубиться паладины, против войны. Но голос разума тонет в голосах молодых и первого среди них, Родомонта. Поход решен, Аграмант прислушался лишь к одному предостережению. Престарелый царь гарамантов, маг и звездочет, твердо стоит на том, что поход обречен на неудачу, если в нем не примет участие двоюродный брат Аграманта, сын его тетки Галациеллы и могучего христианского рыцаря Руджьера, зовущийся как и его отец, Руджьером. Галациелла вскоре после гибели мужа родила близнецов, мальчика и девочку, и умерла родами. Судьба девочки неизвестна, а мальчик был воспитан магом Атлантом и ныне живет со своим воспитателем где-то в отрогах Атласских гор.

Песнь II. Ринальд, придя в себя и обнаружив исчезновение Роланда, пускается по его следам. Вместе с ним уходят Астольф, Ирольд и Прасильд. По пути им встречается замок, где они видят рыцаря, избивающего кнутом нагую девицу. Ирольд и Прасильд по очереди вступают с ним в бой, и обоим он, оглушив ударом палицы, бросает в озеро. С Ринальдом ему справиться не удастся, и тогда он, схватив паладина в охапку, прыгает в озеро вместе с ним.

Стан защитников Альбракки редет: Грифон и Аквилант тоже последовали за Роландом. Случай привел их на Розовый Мост, где они обманом захвачены и заключены в темницу. Вместе с ними захвачена Оригилла.

Под Альбраккой Марфиза выводит из строя последних защитников Анжелики из бывшего Роландова отряда и вступает в ожесточенный бой с Сакрипантом.

Песнь III. Появляется вестник, объявляющий Сакрипанту, что его царство захватил и разоряет сын Агрикана Мандрикард. Поединок продолжается.

Поиски Руджьера безуспешны. Царь гарамантов объясняет, что замок Атланта окружен стеклянной стеной и невидим; проникнуть в него можно, только обладая волшебным перстнем Анжелики. Родомонт не желает медлить и уезжает в свое королевство с намерением, никого не дожидаясь, выступить против Франции. За перстнем посылают карлика Брунеля, прославленного вора.

Роланд продолжает путь к саду Фалерины пешим порядком: навстречу ему процессия, во главе которой он видит связанных Грифона и Аквиланта и с ними на Златоузде Оригиллу — **они** предназначены в жертву дракону. Роланд их освобождает, вновь не может устоять перед красотой Оригиллы и, заметив, что она обменивается с Грифоном красноречивыми взглядами, поспешно с ней удаляется. Неловкая попытка выразить свои чувства прервана появлением **дамы**, объявляющей, что они находятся вблизи сада Фалерины.

Песнь IV. От дамы Роланд получает книгу с изъяснением чудес и опасностей сада. В сад можно проникнуть только на рассвете. Ночью Оригилла вторично похищает у Роланда коня, теперь вместе с мечом. Паладин идет на подвиг пешим и безоружным. Ворота охраняет дракон, его Роланд убивает дубиной. Во дворце он находит фею, она накладывает последние

заклятья на волшебный меч, пред которым будут бессильны любые чары. Этот меч, Бализарда, изготовлен ею специально на погибель Роланду, который неуязвим для обычного оружия. Меч паладин отбирает, а фею пока привязывает к дереву. Убивает сирену, предварительно заткнув уши лепестками роз. Убивает быка об одном железном и об одном огненном роге. Убивает чудовищную птицу. Убивает осла с острым как меч хвостом. Убивает полудеву-полузмею по имени Фавна. Убивает великана, а когда из его крови встают еще два, связывает их.

Песнь V. Роланд уничтожает сад Фалерины, но милует фею, которая обещает освободить всех своих пленников.

К Альбракке, где все еще не кончился бой Марфизы и Сакрипанта, прибывает Брунель. Взобравшись по отвесной крепостной стене, он среди бела дня крадет с руки у Анджелики перстень и затем из любви к искусству похищает меч Марфизы и коня Сакрипанта, по имени Белолоб — последнего прямо из-под всадника.

Сакрипонт отправляется просить помощи у Градасса.

Песнь VI. Родомонт, невзирая на бурю, приказывает флоту выйти в море. К берегу Франции пристаёт едва одна треть Родомонтова войска, остальные канули в пучине. На берегу уже выстроились отряды защитников; Родомонт один обращает их в бегство. К христианам подходят подкрепления: с одного фланга сарацинам угрожает лангобардский король Дезидерий, с другого — баварский герцог Наим, одним из отрядов которого командует дева-воительница Брадаманта, сестра Ринальда.

Песнь VII. Родомонт в одиночку сокрушает многотысячный отряд Наима, в то время как Дезидерий обращает в бегство все остальное войско Родомонта.

Роланд вместе с Фалериной подходит к тому озеру, куда канул Ринальд. Фалерина объясняет, что это озеро феи Морганы, злодей же, топящий в нем путников, зовется Аридан и победить его невозможно, ибо его сила чудесным образом всегда в шесть крат больше силы противника. Роланд вступает с ним в бой и, как все предшественники, оказывается в озере.

Песнь VIII. На дне озера цветущий луг, сияет солнце, и здесь Роланд, освободившись от объятий Аридана, убивает его. После долгих странствий по подземным гротам и лабиринтам Роланд видит пленников Морганы, заточенных в тюрьму из прозрачного и нерушимого кристалла. Чтобы освободить их, нужно получить у Морганы ключ. Для этого нужно ее поймать. Роланд пускается в погоню за феей, которая обликом подобна богине Судьбы: лысый затылок, единственная прядь, за которую ее можно поймать, и пр.

Песнь IX. Роланд догоняет Моргану, и та вынуждена дать свободу всем своим пленникам, испросив, однако, позволения оставить у себя юного Зилианта, сына короля Маноданта. Среди пленников — Дудон, посланный Карлом с тем, чтобы призвать под его знамена Роланда и Ринальда. Роланд, без ума от Анджелики, глух к зову императора: он спешит назад к Альбракке, сопровождаемый верным Брандимартом (который тоже был в плену у Морганы). Ринальд же вместе с неразлучными Прасильдом и Ирольдом направляется за посланцем императора во Францию. По пути они оказываются во владениях короля Маноданта, и им предстоит битва с великаном и чернокнижником по имени Балисард.

Песнь X. Ирольд и Прасильд схвачены великаном. Перед Дудоном он устоять не может, хотя бьется с ним в виде дракона, и в виде полубыка-полумедведя. Пленяет он его хитростью, заманивая в сеть. Та же участь постигает Ринальда. Пленники отвезены к королю Маноданту, где среди других узников уже находится Астольф.

Роланд с Брандимартом встречают Марфизу, преследующую Брунеля.

Песнь XI. Брунель крадет у Роланда рог и меч Фалерины.

Роланд с Брандимартом оказываются у того моста, где были схвачены Ринальд и его спутники. Чуть раньше их к мосту подоспела Оригилла (в очередной раз прощенная Роландом). Роланд бьется с Балисардом и попадает в ту же ловушку, что и его предшественники; но Брандимарт убивает чернокнижника. Кормчий рассказывает рыцарям, что Балисард был поставлен здесь по приказу короля Маноданта, надеявшегося таким способом вернуть сына. У короля было двое сыновей, одного в младенчестве похитил слуга,

другого пленила Моргана и согласна вернуть его только в обмен на Роланда. Балисард не пропускал ни одного проезжего рыцаря, рассчитывая, что рано или поздно этим рыцарем окажется Роланд.

Роланд отправляется к королю, выдает себя за другого и обещает добыть для него Роланда.

Песнь XII. Оригилла доносит королю, что один из ее спутников Роланд, и за этот донос король дарует ей свободу вместе с Грифоном и Аквилантом. Роланд и Брандимарт брошены в темницу, но Брандимарт выдает себя за Роланда, а настоящий Роланд отпущен на свободу и спешит в царство феи Морганы. Астольф, не ведая о причинах обмана, раскрывает его, и Брандимарт приговорен к смерти.

Песнь XIII. Роланд возвращается к знакомому озеру и отбирает у Морганы Зилианта. Вместе с ним и встреченной по пути Флорделизой он отплывает на остров короля Маноданта. По прибытии обнаруживается, что старший, похищенный в младенчестве сын короля — не кто иной, как Брандимарт. Король обретает сразу обоих сыновей.

Пути палатинов вновь расходятся. Роланд, с которым не пожелал разлучаться Брандимарт, вновь устремляется к Альбракке, Ринальд, Астольф и Дудон — во Францию. Кит феи Альцины, сестры Морганы, уносит Астольфа в открытое море (первый непосредственный стык с сюжетом «Неистового Роланда» — VI, 33 сл.)

Песнь XIV. Ринальд по дороге во Францию встает во главе подкреплений, идущих из Венгрии, и прибывает в Прованс в тот момент, когда Родомонт довершает истребление лангобардского войска. Не лучше приходится и венграм, как только они вступают в бой. Дудон взят в плен.

Песнь XV. Бой Ринальда и Родомонта. Подходят основные силы Карла. Родомонт обрушивается на них. Ночь, Услышав, что Ринальд отъехал в Арденны, Родомонт бросается за ним. Остатки его войск грузятся на корабли и отплывают восвояси. С ними плывет пленный Дудон (еще один стык — «Неистовый Роланд», XXXIX, 22 — 23). Родомонт схватывается с Феррагусом, странствующим по свету в поисках Анджелики.

Ринальд, который и не думал никуда уезжать, пускается вслед за Родомонтом, но обгоняет его и первым прибывает в Арденнский лес. Здесь его жестоко наказывают Амур и грации, которыми он так долго пренебрегал: он пьет из источника любви и вновь охвачен страстью к Анджелике.

Марфиза упорно и безуспешно преследует Брунеля, конь под которым (украденный у Сакрипанта Белолоб) много резвее ее коня: чувствуя себя в безопасности, Брунель не торопится и всячески издевается над преследовательницей.

Песнь XVI. Под Марфизой падает конь, она сбрасывает с себя доспехи и продолжает преследование пешком, пока ее не останавливает встреча с неким рыцарем и дамой.

Брунель достигает Бизерты и пожалован за свои услуги королевским титулом. Волшебный перстень открывает взорам убежище Атланта, но проникнуть в него невозможно — его защищает отвесная скала и несокрушимые стеклянные стены. Брунель подает совет, как выманить Руджьера из неприступного укрытия. Следуя его совету, у подножия горы устраивают турнир. Действительно юноша очарован открывшимся перед ним зрелищем и, несмотря на мольбы и предостережения Атланта, сходит с горы. Брунель выставляет перед ним еще одну приманку — бывшего Сакрипантова коня — и легко добивается обещания присоединиться к Аграманту. Руджьер ничего так не желает, как вскочить на коня, схватить меч (Бализарду, также подаренную ему Брунелем) и вмешаться в толпу турнирных бойцов.

Песнь XVII. Руджьеру нет равных на турнире: никто после схватки с ним не может удержаться в седле. Один из противников предательски его ранит: разгневанный Руджьер платит ему смертельным ударом (нарушая турнирные законы).

Роланд и Брандимарт приближаются к тому месту, где в стародавние времена погиб Нарцисс, приникший к своему отражению. У истории Нарцисса есть, оказывается, продолжение: фея Сильванелла, влюбившись в мертвого Нарцисса, заколдовала источник таким образом, что каждый, взглянувший в него, будет пленен прекрасным женским образом

и погибнет той же смертью, что и Нарцисс. Мост, ведущий к роковому источнику, охраняет Изольер, с ним вступает в бой Сакрипант, спешащий в царство Градасса. Роланд разнимает сражающихся.

Песнь XVIII. Роланд и Брандимарт достигают, наконец, Альбракки. Анджелика, услышав, что Ринальд уехал на родину, бросает крепость на произвол судьбы и сопровождаемая Роландом и Брандимартом устремляется вслед за предметом своей страсти. Осаждающие скачут в погоню — их останавливает и рассеивает Брандимарт, а Роланду приходится иметь дело с лестригонами, диким народом людоедов.

Песнь XIX. Брандимарт и Флорделиза встречают Марфизу, преследующую Брунеля, и она отбирает у Брандимарта коня и доспехи. Продолжая путь, она встречает двух рыцарей, с которыми в будущем ей суждено достичь Франции (еще один сюжет, подхваченный с этого места «Неистовым Роландом» — XVIII, 98 — 101).

На Брандимарта нападают разбойники; безоружный, он вынужден спасаться бегством, но, наткнувшись на тело убитого Агрикана, хватает оружие мертвого и справляется с разбойниками.

Роланд достигает Сирии и отплывает вместе с царем Дамаска Норандином на Кипр, где должен состояться турнир за обладание рукой прекрасной Люпины.

Песнь XX. У Норандина есть соперник — греческий принц Констант. Среди рыцарей Норандина на турнире отличается Роланд, среди рыцарей Константа — Грифон и Аквилант. Констант, узнав, кто помогает его сопернику, прибегает к обману и вынуждает Роланда покинуть остров.

Роланд и Анджелика оказываются в Арденнском лесу: Анджелика пьет из источника, убивающего любовь, и на место страсти, приковавшей ее к Ринальду, приходит отвращение. Появляется Ринальд, только что испивший из источника с противоположным действием. Паладины берутся за мечи.

Песнь XXI. Поединок Роланда и Ринальда прерван по повелению императора. Анджелика отдана под охрану герцога Наима, Карл обещает решить ее судьбу.

Турнир в Атласских горах завершился. Брунель, получив от Руджьера обратно свои доспехи, хочет выдать себя за победителя. Но по доспехам в нем опознают убийцу одного из турнирных бойцов и Аграмант посылает его на виселицу. Вмешивается Руджьер, открывает истину, Аграмант посвящает Руджьера в рыцари.

Песнь XXII. Аграмант проводит смотр своих войск. Возвращаются остатки Родомонтова флота.

Продолжается бой Родомонта и Феррагуса. Мимо скачет вестник, посланный к Карлу из Монтальбана, осажденного королем Марсилием. Узнав о том, что испанский король вторгся во Францию, Родомонт и Феррагус заключают мир и отправляются на помощь Марсилию. Малагис пытается преградить им путь, напуская на них полчище демонов, но сарацинские рыцари, шутя, справляются с чертями и захватывают в плен Малагиса и Вивиана (очередная связка с «Неистовым Роландом»: XXV, 74 — 75).

Песнь XXIII. Родомонт и Феррагус прибывают к Монтальбану. Туда же подходит войско Карла. Генеральное сражение.

Песнь XXIV. Сражение продолжается. Карл схватывается с Марсилием, Ринальд с Феррагусом, Роланд с Родомонтом.

Песнь XXV. Чудовищным ударом Родомонт оглушает Роланда, но в это время из засады выходит полк Брадаманты, сея панику среди сарацинов. Брадаманта вступает в бой с Родомонтом.

Брандимарт, путешествующий с Флорделизой, попадает в заколдованный замок и видит изображения великих мужей из рода д'Эсте. Бьется с великаном, который использует вместо палицы дракона, причем раненный великан превращается в дракона, а дракон становится великаном. Великан в конце концов убит, и еще Брандимарт убивает некоего рыцаря.

Песнь XXVI. Брандимарт целует отвратительную змею, которая оборачивается феей Фебозиллой. Фея в благодарность зачаровывает коня и доспехи Брандимарта и просит

сопроводить на родину даму по имени Дористелла, мужа которой Брандимарт убил вслед за великаном. Дама по дороге рассказывает свою историю.

Она любила Теодора, но замуж ее выдали за старика и ревнивца. В отсутствие хозяина его доверенный слуга, польстившись на деньги, пустил Теодора к Дористелле. Муж неожиданно вернулся; любовник успел скрыться, но в спешке забыл плащ. Слугу отправили на виселицу, но по дороге его встретил Теодор и набросился на него с побоями, утверждая, что тот украл у него в трактире плащ.

На Брандимарта и двух его дам нападают разбойники. Разбойники рассеяны и их предводитель Фуджифорка схвачен.

Песнь XXVII. Фуджифорка открывает Брандимарту, что много лет назад похитил дочь у отца Дористеллы.

Брандимарт доставляет Дористеллу на родину, где уже появился во главе войска Теодор. Всеобщее примирение, сопровождаемое узнаванием: Флорделиза и есть похищенная в младенчестве сестра Дористеллы.

Брандимарт и Флорделиза сочетаются браком и вместе продолжают поиски Роланда. Буря заносит их корабль в окрестности Бизерты и Брандимарт, давно окрещенный Роландом, вынужден, оказавшись среди неверных, выдавать себя за приверженца сарацинской веры.

Песнь XXVIII. Брандимарт бросает вызов рыцарям Аграмантова двора и бьется с Аграмантом. Поединок, в котором отличаются оба противника, прерван нападением львов. Охота на хищников. Аграмант приказывает снаряжать корабли для похода на Францию.

Песнь XXIX. Аграмант высаживается в Испании и быстрыми переходами идет к Монтальбану. Здесь продолжается битва: Оливьер бьется с Грандонием, Оджьер-Датчанин — с Серпентином, Карл одолевает Марсилию, Ринальд добывает Феррагуса, который сопротивляется из последних сил. Брадаманта сражается с Родомонтом, а очнувшийся от обморока Роланд следит за их поединком и первым видит бесчисленные полчища Аграманта. Он благодарит бога за эту удачу, которая, как он надеется, позволит ему отличиться в глазах императора и заслужить драгоценную награду — Анджелику. Карл, также заметивший новую угрозу, оставляет Марсилию и разворачивает строй против Аграманта. Во главе французов — Ринальд, бросивший совершенно обессиленного Феррагуса.

Песнь XXX. Ринальд сдерживает натиск вражеских полчищ.

Песнь XXXI. Феррагус удаляется с поля боя и, склонившись над ручьем, теряет шлем (подхват сюжета — в «Неистовом Роланде»; I, 14). Роланд, распаленный рассказом Феррагуса о подвигах Ринальда, бросается в бой. Его схватка с Руджьером прервана Атлантом, который отвлекает Роланда колдовским миражем. Роланд вновь оказывается вдали от поля боя и, заглянув в источник, видит великолепную залу из прозрачного кристалла, полную красавиц. Паладин прыгает в воду.

КНИГА III

Песнь I. Мандрикард, сын Агрикана, отправляется мстить убийце отца. Уходит он в путь без доспехов и оружия, намереваясь завоевать их в бою. Попадает к Источнику Феи, где ему предстоит ряд испытаний. Прежде всего это сражение с защитником Источника — им является Градасс. Мандрикард побеждает и в ожидании следующего испытания расправляется с разбойником Малапреза.

Песнь II. Мандрикард должен сжечь волшебное поле и свалить волшебное дерево. На поле из каждого упавшего зерна рождается хищный зверь или чудовище, а каждый листок, упавший с дерева, превращается в хищную птицу. Преуспев и на этот раз, Мандрикард убивает десятихвостого змея и становится обладателем щита и доспехов Гектора. До полного доспеха не хватает меча: мечом Гектора владеет Роланд, и Мандрикард дает клятву другого меча, кроме Роландова, не носить.

Все пленники феи — Градасс, Сакрипант, Изольер, Грифон, Аквилант — обретают свободу. Грифона и Аквиланта ждет встреча с двумя их феями-покровительницами, Белой и

Черной, и те, дабы удержать рыцарей от возвращения во Францию (где им суждено погибнуть), посылают их сражаться с чернокожишкой по имени Орилл. Могучие удары рыцарей бессильны ему повредить, так как все нанесенные ему раны мгновенно заживают, а все отрубленные члены прирастают на место.

Песнь III. Грифон и Аквилант убивают чудовищного крокодила и продолжают бой с Ориллом. Показывается рыцарь, ведущий закованного в цепи великана (см.: «Неистовый Роланд», XV, 65 — 75).

Мандрикард и Градасс, странствующие вместе, видят на берегу моря нагую, прикованную к скале девицу. Это Люцина, дочь кипрского короля, обреченная в жертву чудовищу. Рыцари устремляются к ней на помощь. Клинок не берет чудовище, но Мандрикард подводит его к горной расщелине, куда слепое чудовище и низвергается. Оно не убито, но у беглецов теперь есть время взойти на корабль. Едва они успели отчалить от берега, как чудовище появляется вновь и чуть не топит корабль, метнув в него огромной скалой (продолжение этого сюжета см.: «Неистовый Роланд», XVII, 26 — 64).

Песнь IV. Буря прибывает корабль с беглецами к побережью Франции, и Градасс с Мандрикардом становятся свидетелями развязки Монтальбанской битвы.

Ринальд, пустившись в погоню за своим неожиданно ускользавшим конем, выходит из боя (см.: «Неистовый Роланд», I, 10 — 12), и христианское войско, оставшись без предводителя, прекращает сопротивление. Бегство продолжается вплоть до самых стен Парижа. Брадаманта просит Родомонта отложить их поединок: она хочет следовать за своим государем. Родомонт в этой просьбе отказывает, и Руджьер, свидетель его нелюбезного отказа, бросает ему вызов.

Песнь V. Родомонт признает себя побежденным. Руджьер открывает Брадаманте свою родословную, восходящую к Гектору. Брадаманта открывает перед ним свое лицо. Узнав в рыцаре даму, Руджьер поражен ее красотой. Брадаманта же покорена его доблестью. На Брадаманту нападают пять сарацинских царей, и один из них наносит ей рану в голову, на которой нет шлема. Руджьер вступает за свою собеседницу.

Песнь VI. Все нападавшие убиты, но Брадаманта, увлекшись погоней, разлучилась с Руджьером. Разыскивая ее, Руджьер встречается с Мандрикардом и Градассом. Ссора между рыцарями: Мандрикард оспаривает у Руджьера право носить герб Гектора, у Градасса — право притязать на меч Роланда. Поединок Градасса и Мандрикарда. Появляется Брандимарт и зовет всех выручать Роланда из Источника Смеха.

Песнь VII. Мандрикард, исключенный жребием из числа участников этого предприятия, решает присоединиться к Аграманту, разбившему лагерь под Парижем (см.: «Неистовый Роланд», XIV, 30). Руджьера и Градасса постигает неудача: оба попадают в Источник Смеха, их вовлекают в свой хоровод наяды, и они забывают о том, что их сюда привело. Брандимарт, наставляемый Флорделизой, выводит из источника Роланда, Руджьера и Градасса. Карлик предлагает им чудесное приключение. В пути Роланд и Градасс ссорятся, бьются и разъезжаются: Градасс и Руджьер — за карликом (см.: «Неистовый Роланд», II, 45), Роланд и Брандимарт — в Париж.

Песнь VIII. Штурм Парижа. Роланд и Брандимарт прибывают в решающую минуту, освобождают пленных паладинов и ударяют по сарацинам с тыла. Ночь разъединяет сражающихся (см.: «Неистовый Роланд», VIII, 69-70).

Брадаманта засыпает на берегу ручья, ее видит Флордеспина, дочь Марсилия, принимает за рыцаря и пленяется ее красотой (см.: «Неистовый Роланд», XXV, 26 слл)

Тут Боярдо, удрученный зрелищем Италии, охваченной пожаром галльского нашествия, бросает перо.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ (ТЕМНЫЙ ЛЕС)

Песнь I

Карл отбирает у Роланда Анджелику и передает ее Наиму

Вступление

1 Пою дам и рыцарей, пою брани и любовь,¹
И придворное вежество, и отважные подвиги
Тех времен, когда мавры из заморской Африки
Столько зла обрушили на французский край,
Устремленные гневом и юным пылом
Аграманта, их короля,
Вставшего отмстить за Троянову смерть
Карлу, императору Римскому.

2 И на том я поведаю о Роланде²
Сказ, не сказыванный ни в повести, ни в песне:
Как герой, столь славный своею мудростью,
Неистов стал от любви, —

1 *Пою дам и рыцарей...* — Образец для зачина Ариосто нашел в начальных строках «Энеиды» Вергилия, а само исчисление воспеваемых сюжетов — в «Божественной Комедии» Данте: «Дам, рыцарей, и войны, и забавы, // Во имя благородства и любви» (Чистилище, XIV, 109 — 110 — «Божественная Комедия» здесь и далее цитируется в переводе М. Л. Лозинского).

Тех времен, когда мавры... Карлу, императору Римскому. — Отсылка к сюжету «Влюбленного Роланда» Маттео Мария Боярдо, непосредственным продолжением которого является поэма Ариосто (см. в настоящем изд. пересказ содержания). Место, где происходит стык сюжетов — поражение христиан при Монтальбане, после которого сарацины обкладывают осадой Париж. Порядок событий, приведших к этой войне, согласно итальянской эпической традиции, следующий: Карл в юности, пребывая в изгнании, убил Барбанта, царя Бизерты. Сын последнего, Аголант, вместе со своими сыновьями, Альмонтом и Трояном, высадился в Калабрии, но был разбит Карлом, а Альмонт и Троян убиты Роландом, для которого этот подвиг стал своего рода героической инициацией (экспедиция Аголанта составляет сюжет итальянских и французских поэм об Аспромонте). Аграмант, сын Трояна, достигнув двадцати двух лет, решил отомстить за отца и повел мавров во Францию — это уже сюжет «Влюбленного Роланда».

Карлу, императору Римскому. — Карл Великий, король франков (768 — 814) и император Священной Римской империи (800 — 814), один из основных героев Каролингова цикла эпических сказаний. Во французском эпосе — идеальный монарх, в итальянской традиции, где на его образ, можно полагать, наложился образ короля Людовика из цикла Гильома Оранжского, — слабый, неумный и неверный правитель, фигура почти шутовская.

2 *Роланд.* — Исторически это один из приближенных Карла Великого, префект Бретонской марки; о его смерти в августе 778 г. во время нападения басков (или гасконцев) на арьергард французского войска, уходившего из Испании, сообщает Эйнхард в своем «Жизнеописании Карла Великого» (830). В Каролинговом эпосе — величайший из паладинов, персонаж, помимо «Песни о Роланде», еще нескольких французских поэм («Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь», «Жирар Вьенский», «Аспромонт»). Согласно итальянским источникам, сын Милона и Берты Большеногой, сестры Карла. Родители Роланда, заключив негодный императору брак, бежали в Италию, где скрывались в пещере, пока благодаря их сыну не совершилось примирение. На итальянской почве образ героя претерпел значительную романизацию, но одно свое качество удержал — целомудрие и полную непричастность миру любовных коллизий. Только Боярдо устранил этот последний эпический рудимент.

...та, от которой // У меня у самого заступает ум за разум... — Алессандра Бенуччи (ок. 1481 — 1552), возлюбленная Ариосто. Происходила из флорентийской купеческой семьи, жена Тито ди Леонардо Строцци (двоюродного брата поэта Тито Веспасиано Строцци), родившая ему шестерых детей. Отношения с Ариосто начались в 1513 г., после смерти мужа (1515) продолжали оставаться тайными. Брак с Ариосто (1528) также был тайным (что объяснялось со стороны Алессандры желанием сохранить права на наследство первого мужа). Ариосто, со своей стороны, ни разу не назвал имя возлюбленной и жены в своих сочинениях (ср.: XLII, 93 — 95).

Если только та, от которой
У меня самого заступает ум за разум,
Мне оставит сил
Довести обещанное до края.

3 Благороднейший отпрыск Геркулеса,³
Светоч и украшение нашего века,
Снизойди, Ипполит,
К тому малому, что может и хочет смиренный твой слуга!
Отплатить за твои благодеяния
Могут лишь слова мои и перо мое;
Не пеняй же, что дар мой необилен —
Сколь могу, столь дарю.

4 А меж доблестных героев, о которых моя хвала,⁴
Ты услышишь
И о том Руджьере,
В коем древний твой корень и славных твоих отцов.
Вышнюю его честь, громкие его подвиги
Ты услышишь, если склонишь ко мне слух
И дашь волю на миг возвышенным своим мыслям,
И вместишь меж ними и этот стих.

Король Карл отбирает Анжелику у Роланда,

5 Роланд,⁵
Издавна влюбленный в прекрасную Анжелику,
И по Индии, Мидии, Татарию
В честь ее сеявший трофеи несметные и бессмертные,
Воротился с нею в пределы Запада,
Где у Пиренейских круч
С воинствами французскими и немецкими
Распростер свой стан император Карл,

6 Чтобы покарать за безумный пыл⁶

3 *Ипполит*. — Ипполито д'Эсте (1479 — 1520), сын герцога Феррарского Эрколе I («отпрыск Геркулеса») и брат герцога Альфонсо I, кардинал (1493), заметный политический и церковный деятель своего времени. Ариосто находился у него на службе с 1503 г. до 1516 г.

4 *Руджьер* — Персонаж итальянской эпической традиции, сын Руджеро II ди Риза (т. е. Реджо) и Галациеллы, дочери Аголанта. Отец Руджьера погиб во время калабрийского похода Аголанта, а Галациелла в наказание за самовольный брак была, беременная, погружена в ладью и оставлена на волю стихии. Вынесенная на берег Ливии, родила двух близнецов и умерла в родах. Руджьер — это уже сюжет Боярдо — был воспитан магом Атлантом. Боярдо же впервые изобразил Руджьера прародителем династии герцогов Феррары. Ср.: XXXVI, 60, прим.

5 *Роланд*, // *Издавна влюбленный... // Упреждая побегом поражение...* — Резюме заключительных песен второй книги «Влюбленного Роланда» (события, непосредственно предшествующие битве при Монтальбане, и бегство Анжелики в разгаре битвы).

6 *Марсилий*. — Легендарный царь Испании, персонаж «Песни о Роланде», где является главным антагонистом христиан, и других, главным образом, итальянских поэм, посвященных испанскому походу Карла.

Марсилия-царя и Аграманта-царя —
Одного — за то, что ополчил он из Африки
Всех, кому под силу копьё и меч,
Другого — за то, что возжег Испанию
К сокрушению престола французских владык.
Во-время приспешил Роланд,
Но невольное привелось ему раскаяться, —

7 Ибо здесь не стало у него возлюбленной —
(Такова тщета всех умыслов людских!) —
Ибо та, за кого подвизался он мечом
От закатных берегов до восточных берегов,
Отторгнута от него
В родной земле, среди стольких друзей, —
Так повелел премудрый император,
Угасить желая грозящий пожар,

8 Ибо памятовал свежую распрю⁷
Меж Роландом и Ринальдом, двоюродным его,
Которые оба о дивной той красавице
Любовным желанием жглись в душе;
И Карл, противясь раздору,
Лучшим двум грозившему сподвижникам,
Отдал деву, бывшую тому причиною,
Под охрану седому баварскому Наиму,

9 Посуливши руку ее в награду
Тому из двоих, кто в решительном бою
Больше умертвит неверных
И знатнейшим подвигом прославит свой меч.
Но не так сбылось, как желалось:
В бег обращено было крещеное воинство,
Пленным стал баварский князь и его ближние,
И безлюден его княжий шатер.

Анджелика спасается бегством

10 А девица того шатра,
Не желавши стать добычею победившего,

⁷ *Ринальд*. — Традиционный персонаж Каролингова эпоса, герой французской эпической поэмы «Четыре сына Эмона» (XIII в.), где рассказывается о многолетней вооруженной расправе Рено Монтобанского с императором, об его обращении, смерти и посмертных чудесах. В число персонажей первого ряда выдвигается в Италии, отчасти оттесняя Роланда с заглавных ролей (для характеристики климата эпохи небезразличен спор между Изабеллой д'Эсте, дочерью Эрколе I, и миланским дворянином Галеаццо Висконти, завязавшийся в 1491 г. и получивший эпистолярное продолжение — о том, кто, Роланд или Ринальд, более достоин именоваться лучшим рыцарем мира: Изабелла стояла за Ринальда). Известен и в других национальных традициях: испанский романс (ок. 1220) изображает его павшим при Ронсевале.

Наим. — Традиционный персонаж Каролингова эпоса, один из пэров Франции, сын Гаслена, баварского короля, мудрый и осторожный советчик Карла. Рассказ о его юности — в поэме «Обри Бургундский» (XIII в.), заметную роль играет он в «Аспремонте».

Вскочила в седло и пустилась прочь,
Упреждая побегом поражение:
Верно, чуяла она, что сурова в тот день
Обернется судьба к Христовым верующим.
И вот въезжает она в лес, и на узкой тропе
Пешего она встречает рыцаря.

11 Вкованный в доспех, в шеломе над челом,⁸
С мечом при бедре, со щитом в руке,
Несся он по лесу легче и быстрее,
Чем бегун, налегке соревнуя за красный плащ.
Ах, ни самая робкая пастушка
Не отдернет так ногу перед едкой змеей,
Как рванула поводья Анджелика
Прочь от приближающегося пешего!

и встречает в лесу Ринальда

12 Это был Ринальд, удалой паладин,⁹
Сын Амона, владетель Монтальбана,
У которого только что скакун его Баярд
Вырвался из крепких рук по воле случая.
Издали,
С первого же взгляда на красавицу
Он признал в лице ее те божественные черты,
Чьими чарами был в любовных путях.

13 А красавица устремляется прочь,
А красавица мчит стремглав
Меж частых стволов, меж редких стволов,
Не разбирая доброго пути:
Бледная, трепещущая, вне себя,
Вверясь скакуну,
Кружит она круги по дикому лесу,
И вот перед нею открывается река.

и сарацина Феррагуса.

⁸ *Чем бегун, налегке соревнуя за красный плащ.* — Традиционный приз (кусок ткани) в народных состязаниях в беге. Ср.: Данте. Ад, XV, 121 — 123: «Как те, кто под Вероною бежит К зеленому сукну».

⁹ *Сын Амона...* — Амон — традиционный персонаж Каролингова цикла, сын Бернара Клермонтского, супруг Беатрисы Баварской, отец Ринальда, Аларда, Гвискарда, Рикарда.

У которого только что скакун его Баярд // Вырвался... — Согласно «Влюбленному Роланду», Ринальд спешил, чтобы вступить в поединок с пешим Руджером. Увидев, что войско христиан терпит поражение, он попытался вновь оседлать коня, но не смог его поймать.

Баярд. — В «Четырех сыновьях Эмона» необыкновенного разума конь, предмет ненависти Карла. Избегнув назначенной ему императором казни, он скрывается в Арденнском лесу и живет в нем до сих пор, избегая людей.

14 А над тою рекою сарацин Феррагус,¹⁰
В кровавом поту, в битвенной пыли,
Искал от боевых забот
Отдыха и глотка воды.
Поневоле замедлил он на этом берегу:
В торопливой жажде
Уронил он в струю шишак
И напрасно его отыскивал.

15 С криком, во весь опор
Вынеслась на него перепуганная красавица;
Вскакивает Сарацин на крик,
Смотрит в ее лицо
И узнает
В бледной и смятенной от перепуга
Ту, о которой он так давно не слышал, —
Во всаднице этой — прекрасную Анджелику.

Они бьются за нее,

16 Он был рыцарь,
И сердцем горяч, как Ринальд и как Роланд:
Без шлема, как в шлеме
Рьяно он прынул на защиту девицы —
С мечом наголо, с криком на бегу
Против неоробелого Ринальда.
Не раз они видывали друг друга,
Не раз переводывались булатом!

17 Жестокая заварилась сеча:
Нога к ноге и клинок на клинок.
Не латам и не кольчуге —
Наковальне бы не в мочь такие удары.
Длится ратный труд один на один,
А меж тем скакун красавицы помнит свой путь:
Он, пинаемый пятами ее,
Мчит сидящую по лесам и лугам.

18 А когда утомились воители
Тщетно одолевать друг друга,
И ни этот над тем, ни тот над этим
Не явился искусней мечом в руках, —
То первый Ринальд из Монтальбана
К испанцу обратил свое слово,
Горя любовью,

¹⁰ *Феррагус*. — Персонаж Каролингова цикла, впервые в хронике Псевдо-Турпина, где бьется с Роландом и сражен им. Во франко-венетской поэме «Вступление в Испанию» (XIV в.) ему принадлежит роль главного антагониста, там же он становится племянником Марсилия.

Из-за коей места себе не чуял.

а потом мирятся и пускаются вслед.

19 Он сказал: «Ты мне чаешь казни —
А со мною и себя ведь казнишь!
Если впрямь это юное солнце
Ясными лучами зажгло твое сердце, —
То к чему тебе со мною тратить время?
Убьешь ты меня или пленишь ты меня —
А красавица не станет твоею:
Мы здесь медлим, а она себе скачет.

20 Так не лучше ли, упрямый влюбленный,
Наперерез
Застичь ее, задержать ее,
Пока вовсе не скрылась она прочь?
А как станет она нашею —
Вот тогда и померяемся мечами:
Иначе, как мы ни сился,
Ничего нам не будет, кроме урона».

21 Басурман не отвергнул предложимого,
И спору пришел конец до поры:
Быстрое настало замирение,
Истребились вражда и гнев,
Да так, что нехристь
Не пустил Ринальда пешим от речной струи:
Убедил его он сесть за седло к себе,
И скорее вскачь вслед красавице.

22 Ах, хороши были старинные эти витязи!
Враги по вере, соперники по любви,
Еще томные всем телом
От боли боевых ударов,
А уж вот они оба с чистым сердцем
Мчат вдвоем по черным чашам и кривым тропам, —
И в четыре шпоры доспевает скакун
До распутия, где дорога раздваивается.

Феррагус встречает дух Аргалия,

23 И вот, не зная,
По какому пути пустилась красавица,
Ибо на обоих
Одинаков был свежий след, —
Разошлись наудачу
Ринальд направо, сарацин налево.

И долго кружил Феррагус в лесу,
Покамест не пришел, откуда вышел.

24 Пришел он опять к реке,
Куда уронил свой шлем.
Что ж! хоть бы шлем
Из речной похитительной волны
Добыть, не добыв красавицу.
Вот он сходит в том месте на влажный берег —
Но так этот шлем ушел в песок,
Что не просто было его вызволить.

25 Обнаживши древесный сук,
Делает он длинный шест,
Пытает пучину, шарит по дну,
Не минует ни единого места,
Как вдруг
Средь упорных своих хлопот
Видит он: по пояс встает щ воды
С пугающим ликом — витязь.

26 Весь в броне, но с открытой головой,
В правой длани держал он тот самый шлем —
Шлем, так долго
Исканный и не сысканный Феррагусом.
«Вероломец! обманщик! —
В гневе он гласит басурману, —
Ты давно мне обещал его, —
Что ж теперь жалеешь оставить?»

27 Вспомни, нехристь:¹¹
Как сразил ты Анжеликина брата —
(А это я!) —
То оружие мое бросив в реку,
Посулил ты мне бросить за ним и шлем.
За тебя мне это сделала судьба —
Так о чем твое горе?
Не о том ли, как ты неверен слову?

который посылает его за шлемом Роланда

28 Если ж впрямь ты хочешь доброго шлема —¹²
То ищи иного и вздень со славою!

11 ...*Анжеликина брата*... — Аргалий — персонаж «Влюбленного Роланда», убит в поединке Феррагусом. Перед смертью просил Феррагуса бросить его тело во всем вооружении в ручей. Феррагус просьбу выполнил, но испросив займы на несколько дней шлем, о своем обещании вернуть шлем забыл.

12 *Альмонт*. — Персонаж сказаний об Аспромонте, сын Аголанта и брат Трояна (см. I, I, прим.). Роланду, его победителю, перешли шлем, меч и конь Альмонта. *Мамбрин*. — В итальянских «Историях Ринальдо» (XV в.) сарацинский рыцарь, похитивший невесту Ринальда и павший от его руки.

Один такой шлем — на паладине Роланде,
Другой — на Ринальде, еще того отменнее:
Это шлем Альмонта и это шлем Мамбрина —
Доблестью своею стяжай любой,
А сей, обещанный,
По-обещанному мне и оставь!»

29 Внезапен был призрак над водою —
Волосы зашевелились у сарацина,
Побледнело лицо,
Голос в гортани замер.
Аргалий —
Звался тот, кого он убил здесь когда-то;
И Аргалий его корил вероломством,
А он сгорал от стыда и гнева.

30 Слыша правду¹³
И не чая себе оправданий,
Он не размыкал безответных губ,
Но стыд переламывал его сердце.
И поклялся он Ланфузою, матерью своей,
Что иного не надвинет он шлема,
Нежели который сорвал Роланд
С головы у горделивца Альмонта.

31 И он верен остался этой клятве —
Да, верней, чем прежней, данной Аргалию.
Недовольный едет он прочь,
Угрызаясь и терзаясь вседневно,
С единой целью —
Здесь иль там, но сыскать паладина Роланда.
А меж тем на другой дороге
Славного Ринальда ждали другие приключения.

а Ринальд гонится за конем своим Баярдом.

32 Чуть прошел он, вдруг видит:
Впереди взвился буйный его скакун.
«Стой, мой Баярд, стой!
Худо мне без тебя!» —
Он кричит, но жеребец не слушает,
Быстрым бегом уносясь все дальше.
В ярости мчится за ним Ринальд —
А мы последуем за прекрасной Анджеликой.

Тем временем Анджелика в своем бегстве

¹³ Ланфуса. — В итальянской традиции мать Феррагуса.

33 Скакала Анджелика по чащам
Темным и страшным, безлюдным и диким;
Шелест листьев в ветках
Дубов, тополей и вязов
Внезапным страхом
Гнал ее на окольные тропы,
И всякая тень на всхолмье и во вздолье
Мнилась Ринальдом, мчащимся по пятам.

34 Так козочка, так юная лань¹⁴
Видит сквозь зелень родной рощи,
Как милую ее мать
Лютый барс, смяв, рвет, вгрызшись в горло, в грудь и в бок,
И летит она из сени в сень,
Трепеща тревогой и страхом,
И хищной пастью
Видится ей каждый задетый куст.

35 День и ночь и новое утро
Носилась Анджелика, не зная, где,
И опомнилась в ласковой дубраве,
Шелестящей под веющим зефиром,
А вокруг журчали два ручья,
Обновляя и лелея мураву,
Неспешными струйками меж круглых камешков
Сладкие разливая созвучия.

36 Здесь-то, полагая себя
В безопасной дали от Ринальда,
Рассудила она отдохнуть
От томящего пути и палящего лета,
И нисходит в цветы, и пускает в травы
От узды избавленного коня,
И он бродит над светлыми волнами,
Где свежую муравую пышны берега.

37 Видит она рядом купу шиповника
В цветущих ветвях и румяных розах
Над зеркалом чистой влаги,
Тенистыми дубами укрытую от полдня,
В глубине своей вместившую
Прохладный приют меж густых теней, —
Так свились там ветки и листья,
Что не мог проникнуть ни луч, ни взгляд.

38 Нежные травы
Там сплетались в ложе, маня вздохнуть, —
И красавица
Там садится, ложится, засыпает, —

14 *Так козочка, так юная лань...* — Образец для сравнения: Гораций. Оды, I, XXIII.

Как вдруг
Звук копыт разрывает недолгий ее сон;
И, приподнявшись неслышно,
Видит она у реки рыцаря в латах.

встречает незнакомого рыцаря,

39 Друг ли он? враг ли он?
Сердцем зыблясь меж надеждой и страхом,
Не дыша,
Ждет красавица, что с нею станется.
А рыцарь спускается к берегу,
На ладонь опускает голову,
В тяжелой думе
Недвижимый, как каменная скала.

40 Не час и не два
Скорбный рыцарь не подымал лица,
А потом
Голосом, перехваченным вздохами,
Томные изливает он сетованья.
От которых дрогнул бы камень и смягчился тигр.
Щеки его были, как два ручья,
Грудь — как Этна.

41 «Ах, жестокая дума, лед и пламень моей души
(Так сказал он), ты грызешь меня и точишь!
Что мне делать? Пришел я слишком поздно,
А другой dospешил уже до плода:
Я добился только слова, только взгляда,
А другой стяжал всю добычу.
Ни цветка, ни плода мне на долю, -
Отчего же все о ней крушится сердце?

42 Девушка подобна розе — ¹⁵
В саду, на родимой ветке,
В беспечном, уединенном,
Безопасной от пастуха и стада:
Нежный ветер и роса рассвета
И земля и влага к ней благосклонны;
Только те, кто влюблены и любимы,
На груди и в кудрях ее лелеют;

43 Но едва сорвется
С зеленого стебля материнской ветви —
И красу, и прелесть, и славу пред людьми и богом —
Все она теряет.
Девушка, отдавши другому

Тот цветок, что лучше света и жизни, —
Уже ничто
Для иных сердец, о ней пылавших.

44 Для иных — ничто,
А единым, кому далась она, — любима?!
Ах, судьбина немилостивая и злая:
Другим — торжество, а мне — изнеможенье?
Мне ли она не милее всех,
Мне ли с ней расстаться, как с душою?
Лучше пусть иссякнет моя жизнь,
Если я не в праве любить прекрасную!»

узнает в нем Сакрипанта

45 Если спросите, кто он был,¹⁶
Проливавший эти слезы над рекою,
Я скажу вам — это был Сакрипант,
Царь Черкесский и труженик страсти;
И добавлю — только любовь
Есть виною его терзанья.
Он был в сонме влюбленных в Анджелику,
И теперь она его признала.

46 От восточного предела к закатному
Вела рыцаря его любовь.
Он услышал в Индии (с какою болью!),
Что она за Роландом ушла на запад;
И узнал во Франции: император
Наложил на красавицу запрет,
Чтоб сберечь ее лучшему поборнику
Франкских лилий против черных мавров.

47 Он пришел в королевский стан,
Он услышал о битве, плачевной Карлу,
Искал следов Анджелики,
И доселе не мог сыскать.
Новое это горе
Умножило его страстную муку,
И слова его стенаний могли бы
Тронуть солнце на небесной тропе.

и решается довериться ему.

48 И вот тут-то,
Между тем, как он сетует и страждет,

16 *Сакрипант*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», царь Черкесии, верный рыцарь Анджелики.

И очи его — жарких два потока,
И речи его нет нужды пересказывать, —
Своенравная его судьбина
Их доносит до слуха Анджелики.
Так в час, так в миг
Больше достигается, чем в тысячу лет!

49 Чутко ловила красавица
Слова и вздохи
Неизбывной его любви.
Не впервые она это слышала,
Но, тверда и холодна, как камень,
Не склонялась до жалости,
Гнушаясь всеми,
Никого не почитая ее достойным.

50 Лишь здесь, одна, в лесу —
В нем она увидела провожатого.
Ведь в воде по горло,
Лишь упрямец не закричит о помощи.
Упустив случай,
Где найти ей защитника надежнее?
Знала она давно и долго:
Всех любивших ей вернее был этот царь.

51 Впрочем, не о том она думала,
Чтоб из гложущих мук изнять влюбленного,
И былую боль
Вожделенною воздать ему радостью —
Нет: обманную выдумку сплетает она в уме —
Лишь столько внушить ему йадежды,
Чтобы нынче он послужил ей,
А там вновь она станет горда и тверда.

52 И вот из густых кустов,¹⁷
Прекрасная и нежданная,
Как на сцене
Диана или Венера из рощи или из грота,
Является она со словами:
«Мир тебе! Ниспошли тебя Всевышний
Быть защитником нашей чести;
А что ложно обо мне ты думал — забудь!»

53 Никогда так изумленно и радостно
Мать на сына не скидывала глаз,
Оплакав его, как мертвого,
При вести, что не вернулся он с полком, —
Как изумленно, как радостно
Взвидел растерявшийся сарацин

¹⁷ Как на сцене // Диана или Венера... — Ариосто имеет в виду пантомиму на мифологический сюжет, театральный жанр, популярный при итальянских дворах в конце XV — начале XVI в.

Царский ее вид, нежную ее повадку
И поистине ангельское лицо.

54 Полный нежности и страсти, спешит он
К своей даме, к своей богине,
А она обвивает ему шею,
Как не стала бы, верно, в своем Катае.
Он при ней, и летит ее душа
В отчий край, в родные приюты,
И вновь в ней жива надежда
Воротиться в свой разубранный терем.

55 Поведывает она обо всем¹⁸
С того дня, как она его послала
Искать подмоги
У царя сериканов и набатеев;
И о том, как хранил ее Роланд
От гибели, от несчастья и бесчестья;
И о том, что девический ее цвет
Так же свеж, как в первый день рождения.

56 Что ж, быть может, так оно и было —
Хоть и трудно в то поверить здравому толку;
Но все вмочь тому,
Кто метался и не в таких блужданиях.
Любовь зримое скрывает от зренья,
А незримое являет очам.
Сакрипант поверил:
В горькой доле чего ищешь, тому и веришь.

57 «Ежели Роланд Англандский¹⁹
Был столь прост, что упустил благовремение, —
Тем и хуже для него, ибо впредь
Уж не быть в судьбе столь щедрому зову
(Думал про себя Сакрипант).
Но я подражать ему не стану,
И того, что уступил он, не брошу,
Чтобы после о том не пожалеть.

58 Я сорву эту утреннюю розу,²⁰
Чтобы от времени она не увяла —
Ибо знаю, что для женщины нет

18 *У царя сериканов и набатеев...* — Имеется в виду Градасс, персонаж «Влюбленного Роланда» (см. о нем: XXVII, 55, прим.). События, о которых вспоминает Анжелика, посольство Сакрипанта к Градассу, изложены во «Влюбленном Роланде» (II, V, 55 — 65). Набатей — арабийское племя. Серикания — область на северо-востоке Китая.

19 *...Англандский...* — титул отца Роланда, Милона, во французских (где имеются варианты: Энгланд и Англер) и итальянских поэмах.

20 *Я сорву эту утреннюю розу...* — Тема поэтов латинской антологии, подхваченная в XV в. Анджело Полициано и Лоренцо Медичи.

Ничего иного желанней и слаще,
Даже ежели на ее лице
Ужас, и боль, и слезы:
Ни отпор, ни притворный гнев
Не помеха моему замыслу и делу».

Но таинственный всадник убивает Сакрипантова коня;

59 Так сказал он, и уж был наготове
К страстному подступу, — как вдруг
Громкий шум из чащи поражает его слух,
Он с досадой оставляет предприятное,
Вскидывает шлем
(Рыцарь должен быть всечасно при оружии!),
Уздает коня, садится в седло
И хватает копьё наперевес.

60 И вот на опушку въезжает всадник,
Вид у него удалой и гордый,
Плащ, как снег,
Над гребнем шлема — белый султан.
Сакрипант, в досаде,
Что пришлец перебил ему дорогу
К лучшей из услад,
Смотрит на него свысока и мрачно.

61 Всадник ближе; наш царь бросает вызов
В жажде ссадить его с седла;
Тот не хочет уступать ему ни на волос
И готов себя показать;
Обрывает его гордые угрозы,
Наставляет копьё, шпорит коня;
Сакрипант срывается, как буря,
И они сшибаются лоб в лоб.

62 Ни львы, ни буйволы так
Не бросаются сшибиться и сцепиться,
Как те рыцари в бешеном их напоре,
Копьями друг другу прободая щиты.
Дрогнула от схватки земля
С травянистых низин до нагих вершин;
И кабы не отменные латы,
Ни один бы не вынес целой грудь.

63 Два коня, не кривя на скаку,
Ударились, как баран в барана;
Конь язычника рухнул мертв,
Хоть и добрым конем считался вживе;
Конь врага тоже пал, но встал,
Боками почуяв шпоры, —

А басурманский простерся на земле,
Всею тяжестью придавив хозяина.

64 А неведомый единоборец,
Стоя прям над соперником и конем,
Рассудил, что их спор доспорен,
И не стал обновлять борьбу —
В лес по прямой тропе
Удаляется он, отдав поводья,
И когда язычник вызволился из-под бремени,
Тот был уже за версту.

65 Как пахарь, оглушенный молнией,²¹
Лишь отгрянет гром,
Встает с борозды, куда его бросило
Рядом с его мертвыми волами,
И глядит на сосну, уже без гордой вершины,
Которой он так любовался издали, —
Так спешенный Сакрипант
Поднимается с земли пред Анджеликой.

66 Он вздыхает, он стонет, но не с того,
Что сломал себе ногу или вывихнул руку,
А единственно сгорая стыдом —
Не случилось ему так ни прежде, ни после!
Мало, что он упал, —
Из-под тяжести вызволяла его дама!
Он был без слов;
Но она воротила ему дар речи.

67 «Полно! — молвила она, — не поддайтесь горю!
Что упали вы — не ваша вина,
А коня, которому бы нужнее
Отдых и корм, чем ратные труды.
И соперник ваш не венчался слазой,
А явил себя проигравшим бой,
Ибо видела я сама —
Первым он оставил поле брани».

это была Брадаманта, сестра Ринальда.

68 Но меж этих ее утешений
Подъезжает к ним вскачь на тяжелой лошади,
Рог через плечо, сума на боку, —
Посыльный, утомленный и хмурый,
И поровнясь с Сакрипантом, вопрошает,
Не проехал ли в лесу
Рыцарь с белым щитом

21 *Как пахарь, оглушенный молнией...* — Образец для ариостовского сравнения: Илиада, XV, 414 — 419.

И с белым перьем на гребне шлема?

69 Сакрипант в ответ: «Видишь сам —
Это он свалил меня и скрылся.
Объяви же мне его имя,
Чтоб я знал, от кого я пеш!»
А гонец: «На такой вопрос
Я не задержусь ответом —
Знай: выбила тебя из седла
Доблестная рука прекрасной дамы.

70 Громка ее удаль, громче того красота,²²
Имя ее знаменито:
Это Брадаманта
Подсекла завоеванную тобою славу».
Так сказав, отпускает он поводья,
А нерадостный сарацин
Не знает, что сказать и что сделать,
И лицо его в пожаре стыда.

71 Тяжко и тщетно
Думает он, что же случилось,
И все видит: победила его женщина,
И чем дальше, тем ему больнее.
Молча, без слов
Взбирается он на Анджеликина коня,
А девицу сажает на круп —
Ждать до лучшего случая и места.

Тут к Сакрипанту выбегает Ринальдов конь,

72 Не проехали они и часу,
Как слышат по окрестному лесу
Такой шум и треск,
Что как дрожью задрожала вся чаща;
И явился им могучий конь,
Раззолоченный, в пышном чепраке, —
Он несся вскачь через рвы и ручьи,
И круша стволы, пролагал себе дорогу.

73 «Если пыль и гуща ветвей
Не помеха моим очам, —
Говорит красавица, — то это Баярд
С треском ломит свой путь сквозь чашу.
Да, это Баярд —
Он понял, что мы в нужде

²² *Брадаманта*. — Персонаж итальянской эпической традиции. В «Историях Ринальдо» — внебрачная дочь Амона, сестра Ринальда. Во «Влюбленном Роланде» дается завязка ее романа с Руджьером; влюбленные однако вынуждены вскоре расстаться, теперь Брадаманта устремляется на поиски возлюбленного.

С одной лошадей, неладной для двоих,
И примчался сюда нас вызволить».

74 Черкес, сойдя, подступает к скакуну,
Простирает руку к узде —
Задними ногами тот бьет в ответ,
Переверотясь быстрее молнии;
Но копыта минуют цель —
Не то горе было бы витязю!
Такие копыта были у коня,
Что раздробили бы и медную гору.

75 А конь кротко бежит к красавице,²³
По-человечьи смирен и покладлив,
Словно пес, что с трех дней разлуки
Скачет, радуясь у хозяйских ног, —
Баярд помнил,
Как в Альбракке он кормился из рук ее,
А она тогда любила Ринальда,
А Ринальд был глух и жесток.

76 Левою рукою берет она повод,
Правой треплет коню гриву и грудь,
И разумный конь
Повинуется ей, как агнец.
Сакрипант не теряет времени —
Он верхом, он взял Баярда в шпоры;
А красавица на своей лошади
Вновь из-за седла собралась в седло.

а за ним и сам Ринальд.

77 Но случайно оборотясь,
Видит она пешего исполина в гулких латах
И в гневном омерзении
В нем угадывает Амонова сына.
Больше жизни он ее любит и желает,
А она от него прочь, как журавль от сокола.
Прежде он ненавидел, она любила —
Ныне же они обменялись участью.

78 А виною тому были два источника,²⁴

23 *Альбракка.* — Во «Влюбленном Роланде» замок в Катае, где укрылась Анджелика, спасаясь от преследования влюбленного в нее татарского царя Агрикана.

24 *два источника...* — Источник, пробуждающий любовь, и источник, убивающий любовь. Во «Влюбленном Роланде» они определяют коллизию отношений Ринальда и Анджелики. Вначале из любовного источника пьет Анджелика, а из источника с противоположным действием Ринальд, и в течение доброй половины поэмы Анджелика преследует Ринальда своей любовью. Затем роли меняются, и в таком качестве — Ринальд влюбленный, Анджелика, отвергающая его любовь, — герои вступают в поэму Ариосто.

Источавшие влагу, по-разному волшебную:
Оба в Арденнах, оба друг близ друга,
Но один льет в душу любовное желанье,
А кто пьет из другого — избывает страсть,
И прежний его жар обращается в лед.
Ринальд пил из одного, и гнетет его любовь,
Анджелика из другого, и гонит ее ненависть.

79 Эта влага, этот тайный яд,
Любящего неволящий к ненависти
Омрачает ясные очи
Анджелики, завидевшей Ринальда, —
И дрожащим стоном, с плачевным ликом
Заклинает она Сакрипанта
Не ждать подступающего героя,
А бежать и спасти ее от плена.

80 «Неужели, — молвит черкешенин, — ²⁵
Неужели мне так мало веры,
Что я вовсе нехорош и негод
Оберечь вас от вашего гонителя?
Неужели у вас уже не в памяти
И Альбракка, и битвенная ночь,
Где один, без лат,
Был щитом я вам от толп Агрикана?»

81 Та молчит, не зная, как быть,
В страхе видя, что Ринальд уже на подступе
И уж издали грозит сарацину,
Потому что узнал под ним коня
И узнал тот ангельский лик,
От которого сердце его в пламени, —
Но что стало меж двумя гордцами,
Я скажу вам в следующей песне.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ (ПИНАБЕЛЬ)

Песнь II

Битва Ринальда с Сакрипантом (на первом плане — конная, на втором — пешая). Слева — поворачивающаяся в бегство Анджелика, справа сзади — бес разнимает сражающихся

Вступление.

²⁵ *И Альбракка, и битвенная ночь...* — Как рассказывается во «Влюбленном Роланде» (I, XI), Агрикану, осаждавшему Альбракку, удалось ворваться в замок во главе отряда из трехсот рыцарей. Сакрипант, прикованный раной к постели, преградил ему путь с одним мечом, без доспехов, в рубашке.

1 Ах, несправедный Амор, почему
Так часто не смыкаются наши желанья?
Почему, вероломный, тебе любо
Видеть несогласие меж сердец?
Ты от легкого чистого ручья
Гонишь меня в темную пучину —
От той, к кому рвется моя любовь,
Шлешь любить ту, которой я противен.

2 Чрез тебя и Ринальду мила Анджелика,
А он ей и мерзок и отвратен;
А когда она его, любуясь, любила,
Это он отвечал ей черной ненавистью.
Как он мучится том, как жалеет!
Воздалось ему мерой за меру —
Она так его теперь гнушается,
Что ей смерть желанней, чем он.

Ринальд бьется с Сакрипантом

3 Ринальд горделиво кричит черкесу:
«Прочь с коня моего, разбойник!
Я терпеть не привык:
Кто возьмет у меня мое — поплатится!
И девицу я тебе не оставлю —
Это был бы грех:
И добрый конь и прекрасная дама —
Не для такого разбойника, как ты!»

4 «Лжешь, что я разбойник, — ²⁶
С той же спесью кричит черкес. —
О тебе такая молва,
Что ты сам разбойник куда похлеще!
Попытаем же, кто достойней
И красавицы и коня, —
Ибо я в одном с тобой един:
Что прекрасней ее нет в целом свете».

5 Как зубастые два пса
Из-за зависти или иной вражды
Сходятся, скрежеща
И кося глазами, красными, как угли,
Чтоб с хриплым рыком и шерстью дыбом

²⁶ *Что ты сам разбойник...* — Репутация Ринальда как «разбойника» берет начало с «Четырех сыновей Эмона», где он показан в постоянной борьбе с Карлом, и упрочивается в итальянской эпической традиции (его можно считать предтечей образа благородного разбойника, популярного в эпигонской по отношению к романтизму развлекательной литературе). В «Морганте» Пульчи Ринальд с братьями, поссорившись с императором, грабит путников на большой дороге. Отзвуки этой репутации слышатся даже во «Влюбленном Роланде», тогда как у Ариосто единственный отзвук — данная реплика Сакрипанта.

Вонзить друг в друга яростные клыки, —
Так от криков и попреков к клинкам
Шли черкес и сын Амона Клермонтского.

6 Один пеш, другой вскачь —
Но от этого лучше ли сарацину?
Ничуть: едва ль
Не бессильней он несвычного отрока:
Природному повинуюсь чутью,
Конь Баярд не хотел задеть хозяина,
И не мог черкес ни шпорой, ни поводом
Ни на шаг его двинуть, куда хотел.

7 Он его гонит, а тот встает;
Он ему «Стой!», а тот в рысь и вскачь;
Нагибает голову между ног,
Бьет копытом, играет хребтом;
Видит басурман,
Что не время укрощать своенравного,
Опирается на луку,
Привстает и соскакивает о левый бок.

8 Как избавился он легким прыжком
От Баярдова упрямого бешенства,
Так и началась
Эта славная схватка лихих двух рыцарей.
Меч звенит о меч, то вверх, то вниз, —
Млат Вулкана и тот не так быстр
В дымной пещере
Над ковальней, где куют перун Юпитеру.

9 То с размаху, то в упор, а то с хитростью —
По ударам видно искусников игры;
То они распрямятся, то сожмутся,
То прикроют себя, то приоткроют,
То надвинутся, то отступят,
Отразят, уклонятся,
Идут по кругу, —
Где один отшагнет, тут же встанет другой.

10 Вот, вскинув меч,²⁷
Рушится Ринальд на Сакрипанта;
Тот подставляет щит —
Костяной под пластом каленой стали;
Меч Фусберт врубается в его толщъ,
Гулом отзывается лес,
Сталь и кость разлетаются, как льдинка,
И стоит сарацин с онемелою рукой.

27 *Фусберт*. — Имя Ринальдова меча в итальянской традиции (во французском эпосе — Фроберж).

Анджелика в страхе бежит,

11 Как увидела боязливая красавица
Этот ярый крушительный удар,
Искажается красота ее страхом,
Как у жертвы, когда близится казнь,
И она не желает медлить,
Чтоб не стать добычей Ринальда —
Того Ринальда,
Что противен ей так, как она ему мила.

встречает отшельника,

12 Повернув коня,
Она гонит его трудною тропой в гущу леса,
Поминутно оборачиваясь, бледна,
Словно уже Ринальд у нее за плечами.
Недолго так проскакав,
Встречает она в лесной ложине
Отшельника, богомольного и кроткого,
С длинною до пояса бородой.

13 Исхудалый годами поста,
Медленно он ехал на ослике,
И, казалось, душа в его лице
Являла уединенную ясность.
Пред нежным обликом
Девушки, представшей на его пути,
Хоть давно увядший и немощный,
Дрогнул он любовным состраданием.

и тот вызывает демона,

14 А она его спрашивает,
Где есть путь ей к морю и к пристани
Она хочет покинуть Францию
И не слышать даже имени Ринальда.
Наш чернец умел волхвовать:
Ободряющим словом
Он сулит ей избавление от невзгод
И протягивает руку к своей суме.

15 Достает он книгу, а книга была волшебная:
Чуть прочел он в ней первый лист,
Как явился дух в обличье прислужника
И покорно внял его веленьям:
Связан писанным словом,

В тот понесся он лес, где лицом к лицу
Не давали друг другу спуску наши рыцари,
И отважно бросился между ними.

который разнимает бойцов.

16 «Ради бога! — вскричал он, — скажите мне:
Если даже кто кого из вас зарежет,
Что вам проку
От надсады такой борьбы,
Если граф Роланд без спора и боя,
Не прорвав ни одной кольчуги,
Нынче мчит в Париж
Ту красавицу, за которую вы бьетесь?»

17 Я Роланда повстречал за версту,
Он скакал с Анжеликою в Париж,
Тешась и смеясь,
Что ваш спор останется без награды.
Так не лучше ли,
Пока близко, пуститься им вслед,
Ибо где ни где, а в Париже
Он не даст вам на нее и взглянуть».

18 Видели бы вы,
Как смешались омраченные поединщики,
Как корили они себя: где глаза их и ум,
Что они вдались в обман сопернику?
Но вот храбрый Ринальд шагает к коню,
Дышит жаром, и бешена его клятва:
Если только настигнет он Роланда —
Вырвет сердце у него из груди.

19 Он подходит к Баярду.
И вскидывается в седло, и пускается вскачь,
Не сказав «прости», не позвав за седло
Пешего, оставшегося в чаше.
Ярый конь под хозяйскими шпорами
Все крушит и сносит на бегу —
Ни рвы, ни реки, ни скалы, ни сучья
Не своротят его с пути.

20 Не дивитесь, государь мой,²⁸
Что так быстро Ринальд овладел конем,
Столько дней догоняв его напрасно,
И не могли дотянуться до повода.
У коня был человеческий ум,
И не зря он несся в такие дали,

28 ... *государь мой...* — Здесь и далее означает обращение к Ипполито д'Эсте.

А затем, чтобы привести господина
К даме, о которой так громко тот страдал.

21 Ускользнувшую из Наимова шатра²⁹
Уследил Анжелику скакун —
В тот час без седока,
Ибо рыцарь сошел с его седла
На тот самый бой,
Где равно были неистовы Ринальд и Руджьер;
И с тех пор не сбивался наш конь с ее следов
В жажде воротить ее влюбленному.

22 Чтоб его завлечь в ее места,
Он маячил ему в долгом лесу,
А вскочить в седло не давал,
Чтобы тот не своротил его с дороги.
Это он
К ней доставил Ринальда и раз и два,
И напрасно: встал на пути
Один раз Феррагус, а другой раз — черкес.

Ринальд скачет искать Роланда,

23 А теперь и он поверил демону,
Сбившему Ринальда на мнимый путь,
И понес свою конскую службу,
Как всегда, и твердо и послушно.
Ринальд шпорит коня к Парижу
Жгут его гнев и страсть,
И не то, что конь,
А и ветер ему кажется медленным.

24 Чтоб сойтись с Англандским героем,
Даже ночью он не хочет привала —
Столько веры в нем в пустые слова
Вестника лукавого чародейства.
Так он скачет от зари до зари,
И вот перед ним открылись
Те места, куда бедствующий Карл
Свел остаток пораженного воинства.

но Карл посылает его вместо этого в Англию

25 В ожидании боя и осады
От ливийского короля,
Он спешил скликать храбрых и отважных,

²⁹ На тот самый бой... — См.: I, 12, прим.

Крепить вал, рыть ров;
Ничего не упустил император
Сильного к обороне,
И решил он призвать к себе из Англии
Новый люд для нового стана,

26 С новой ратью выйти на брань,
Перебросить жребий битвенной удачи, —
И Ринальда он тотчас шлет в Британию,
В ту, что нынче — английский край.
Сетует паладин —
Не из неприязни к той земле,
А с досады, что Карл его торопит
И ни дня не дает ему промедлить.

27 Недоволен, как никогда,
Был Ринальд, которому отказывали
Искать светлый лик
Той, что вынула ему душу из тела.
Но, покорный Карлу,
Тотчас он тронулся в путь,
В несколько часов приспел в Кале,
В тот же день взошел на корабль,

В пути Ринальда застигает буря,

28 Кормчим наперекор
Выплыл в море, чтоб скорее вернуться, —
А море было смутным и шумным
И зримо грозило грозою,
И вот вознегодовавший
Ветер вздыбил злобную бурю,
Валами со всех сторон
Охлестывая по самую мачту.

29 Быстро моряки
Свивают широкие паруса,
Чтоб вернуться к пристани,
Откуда в недобрый отчалили они час;
Но «Нет! — свирепеет ветер, —
Не к лицу мне ваше своеволие!» —
И ревет, и свищет, и грозит крушеньем,
Если поплывут не по его гону.

30 То в корму, то в нос
Бьет неистовый все круче и круче;
Мечется корабль на малых парусах,
И его несет в открытое море...
Но как должен я выплесть
Из разных нитей — разную ткань,

То покину я Ринальда на волнуемой корме,
А вернусь к сестре его Брадаманте.

Тем временем Брадаманта в поисках Руджьера

31 Это та знаменитая дева,³⁰
От которой пал Сакрипант,
Достойная сестра своего брата,
Дочь Амона и герцогини Беатрисы.
Ее мощь и пыл
Были столь же любы Карлу и франкам
(Есть ли выше хвала?),
Как прославленная доблесть Ринальда.

32 А влюблен в нее был герой,³¹
Рожденный от Руджьерова семени
Злополучной Аголантовой дочерью;
Вместе с маврами пришел он за их царем.
И он не был отвергнут, в сердце девы
Не медвежья текла кровь и не львиная;
Но один лишь раз им дозволила судьба
Увидеться и перемолвиться.

33 И теперь Брадаманта искала милого
Своего Руджьера, сына Руджьера,
Без единого спутника в путях,
Но спокойна, как с тысячною стражей.
И вот,
Бросивши черкеса в грязь лицом,
Миновала она лес, а за лесом горный кряж,
И выехала к дивному источнику.

встречает Пинабеля

34 Он струился среди чистого луга
В сени древних тенистых деревьев,
Добрый шелестом звавших путников
Здесь испить и здесь отдохнуть;
А зеленый холм по левую руку
Их хранил от полуденного зноя.
Но, оглядевшись вокруг ясными очами,
Вдруг заметила воительница рыцаря.

30 *Беатриса* Баварская. — Персонаж итальянской эпической традиции. В качестве матери Брадаманты — впервые у Ариосто (Боярдо имя матери не называет, а у предшественников Боярдо Брадаманта — единокровная сестра Ринальда).

31 *Злополучной Аголантовой дочерью...* — Имеется в виду Галациелла (см. I, 4, прим.).

35 Он сидел под лиственной сенью
На зеленом, белом, желтом, красном,
Один, безмолвен, задумчив
Над прозрачно льющеюся струею;
Щит и шлем висели на ветке бука,
Конь стоял, привязан к стволу;
Очи долу, влажные взоры,
Все являло томность и скорбь.

36 Общее людское желанье
Слышать новое о чужих заботах
Побуждает девушку спросить,
Отчего он, рыцарь, так печален?
И тот не остался скрытен
Пред учтивой просьбой
И достойным облцком той,
В ком увидел он юнца-удальца.

Он рассказывает, как волшебник Атлант похитил его даму

37 «Сударь (так он начал), я держал мой путь³²
С пешими моими и конными
В императорский стан, где на выходе из гор
Карл Великий ждал напасть на Марсилия;
И со мною была юная красавица,
О которой пылало мое сердце.
Но у города Родонны нам предстал
Латный воин на крылатом коне;

38 Смертный ли, адское ли исчадье,
Но, завидев прекрасную мою милую,
Он, как хищник,
Соколом на дичь,
Пал, взлетел, и в единое мгновенье
Трепетная была в его руках.
Не успел я вспомниться,
Как лишь крик моей дамы слышался с высоты.

39 Так разбойный коршун
У курицы умыкает цыпленочка,
А она вне себя, недоглядевши,
Тщетным криком кудахчет ему вслед.
Как мне было догонять похитителя?
Я в горах, везде отвесные кручи,
Конь устал и еле двигает ноги
По мучительным камням трудных троп.

32 *Родонна*. — Античный город, который, согласно «Биографии» Птолемея, находился в районе Луары.

40 Мне казалось, было бы легче,
Чтобы сердце мне вырвали из-под ребер!
Я оставил моих бойцов
Без вождя продолжать свой путь,
А сам, путеводимый Любовью,
По откосам; где было способнее,
Стал держать туда, куда хищник унес
Мой покой и мою утеху.

41 Шесть дней я шёл от зари до зари
По кручам и склонам, чуждым и грозным,
Без дорог, без троп,
Без следа ноги человеческой, —
И пришел в заброшенный дикий дол
Меж каменных гор и черных берлог,
И там был утес, а на утесе замок,
Неприступный, крепкий и дивно прекрасный.

42 Издали сиял он, как пламя,
Не кирпичным был он и не мраморным;
А как ближе подошел я к его сиянью,
Он предстал еще чудесней и прекрасней.
После я узнал: это работные демоны,
Повинуясь заклетьям и куреньям,
Возвели эти стены из булатной стали,
Кованой в аду и каленой в Стиксе.

43 Такой гладью сияла сталь,
Что не брала ее пятнистая ржавчина.
Здесь-то и укрывался злой хищник,
И отсюда он рыскал днем и ночью,
Без помехи в своих разбоях —
Тщетны крик и проклятья ему вслед.
Здесь замкнул он мою даму, мое сердце, —
Больше нет мне надежды ее вернуть.

44 Бедный, лишь издали смотрел я³³
На утес, затаивший мое счастье —
Как лиса, которая слышит
Писк лисенка в орле гнесте,
А без крыльев достать его не может,
И теряется, и мечется вокруг.
Крут утес, еще круче — стены;
Только птице взлететь в такую высь.

и как бились с волшебником Руджьер и Градасс.

45 Так я медлил, и вдруг я вижу.³⁴
Двое витязей, а ведет их карлик.
Вмиг желанье мое вспыхнуло надеждой,
Но и та и другое были тщетны.
Это были два отважных героя —
Градасс, сериканский царь,
И Руджьер, юный удалец,
Что в чести при африканском владыке.

46 „Эти двое, — сказал мне карлик, —
Собрались померяться силой
С владельцем этого замка,
Небывалым всадником четвероногой птицы".
Я воскликнул: „О, господа,
Сжальтесь над горькой моей бедою,
В час победы (на нее моя надежда!),
Умоляю, воротите мне мою даму!"

47 Я повеываю о своей утрате,
Слезы подтверждают мою боль;
Они многие сулят мне посулы
И спускаются к замку с крутизны, —
А я остаюсь видеть бой вдалеке
И молить небеса об их победе.
Перед замком было ровное место
Шириной в два переброса камнем;

48 Там, у подножия утеса,
Двое спорили, кому биться первым.
То ли жребий помог Градассу,
То ли меньше это было дорого Руджьеру,
Но вот сериканский царь
Трубит в рог, отгрянули скалы и стены,
И является из ворот
Латный рыцарь на крылатом коне.

49 Взлетал он понемногу,
Как перелетный журавль,
Разбежавшись, вздымается над землей
На локоть, на два,
А потом распахнет свои крылья,
И уже за ними не уследить.
Так колдун плещет взмахами в такую высь,
Где не реют и орлы.

50 А в урочный миг поворотил он коня;
Сложив крылья, тот прыгнул вниз —
Так бьющий сокол
Рушится взять горлинку или утку;
Всадник, взяв копьё вперевес,

Грозным шумом рассекает воздух —
И еще не взвидел его Градасс,
Как сотрясся от удара и раны.

51 Бьет в Градасса волшебниково копьё —
А Градасс разит лишь праздный воздух.
Потому что бывший уже
Отлетел поодаль,
Но удар его бросил на траву
Славную альфанскую кобылицу —
Была у Градасса альфанская кобылица,
И лучше ее не хаживало под седлом.

52 До звезд взвился колдун,
И кружит, и низлетает вновь,
И разит не чающего Руджьера,
Руджьера, что весь в тревоге о Градассе.
Руджьер покачнулся от удара,
На шаг отшатнул коня,
А когда размахнулся для ответа,
Тот уже маячил в вышине.

53 То он на Градасса, то он на Руджьера,
То в лоб, то в грудь, то в хребет,
А они к нему тянутся впустую —
За летучим не уследить.
Он витает широкими кругами,
Одному грозит, а другого разит,
И обойм так мелькает в очи,
Что они не знают, откуда ждать.

54 Двое на земле, один в небе —
Так они сражались до поры,
Когда темная пелена
Обесцветила всю земную красу.
А потом было вот что — расскажу без примолвки,
Что видел, что знаю, а убеждать не стану,
Такое чудо
Больше похоже на ложь, а не на быль.

55 Щит в руке подоблачного всадника
Весь был скрыт дивным шелковым платом,
Я не знаю, зачем так долго
Он держал его под таким покровом,
Ибо кто его увидит открытым —
Тот вмиг ослеплен,
И падает, как падает мертвец,
В добычу волшебнику.

56 Щит горел, как камень-огнеок —
Нет на свете светлее света!
Блеск вмиг сбил с ног

Всех не видящих и не помнящих.
Я был вдали, но и я лишился чувств
И очнулся лишь по долгом времени:
Ни рыцарей не было, ни карлика,
Пусто поле, во мраке холм и дол.

57 И я понял, что чародей
Одним махом прибрал к рукам обоих,
Огнеоким лишив сияньем
Их — свободы, а меня — надежды.
И сказал я „прости“ темнице,
Где томится моя душа.
Рассудите же, какая невзгода
На путях Любви сравнится с моей?»

58 Молвив, рыцарь вновь затих в тоске,³⁵
О причине которой он поведал.
А был это граф Пинабель,
Сын Ансельма с Высокого Берега.
В своем Майнцском вероломном роде
Не хотел он знать ни верности, ни чести;
Всеми черными, всеми гнусными пороками
Был равен другим и больше других.

Брадаманта хочет идти спасать Руджьера

59 С меняющимся лицом
Слушала красавица графа Майнцкого
С первого же слова о Руджьере
Просияла она ликованием;
Но при вести, что он в заточении,
В ней вскипела вся любовная жалость
И она велит повторять рассказ
Раз и два, и снова, и снова.

60 А когда все предстало ей ясно,
Она молвила: «Рыцарь, не печалуйся —
Мой приход может стать тебе счастьем,
А этот день — днем большой удачи.
Двинемся в те алчные стены,
Где сокрыто такое сокровище —
И труды наши не будут напрасны,
Если только не изменит нам Фортуна».

61 Тот в ответ: «Это значит, я должен вновь
Протоптать эти горы, а ты — за мною?»

³⁵ *Пинабель*. — Персонаж Каролинговых сказаний, в качестве родича Ганелона присутствует уже в «Песни о Роланде», где выступает его защитником на судебном поединке. Упомянут во «Влюбленном Роланде». О майнцском роде см. ниже, прим. к октаве 67.

Что ж, потерявши все,
Мне не жалко терять и этот труд!
Но тебе по этим скалам и росщелям
Прямая дорога — в плен!
Пусть так! Не пеняй же, —
Я предостерег, но ты пошел».

62 Так сказал он, и сел на коня,
И повел отважную вслед себе,
Для Руджьера не дрогнувшую перед тем,
Что колдун ее убьет или похитит, —
Как вдруг — гонец
С громким криком «стой! стой!» —
Тот самый гонец, который
Объявил черкесу его соперника.

63 У гонца к Брадаманте были вести,³⁶
Что от Монпелье и Нарбонны
По самые Мертвые Воды
Берег вскинул кастильские стяги,
Что худо городу Марселю
Без своей заступницы,
И он просит совета и подмоги,
И вверяется только ей.

64 Этот город и с ним все земли³⁷
От моря до Роны и Вара
С верою и надеждою
Государь вручил дочери Амона,
Дивясь ее доблести
Всякий раз, как видел ее в ратоборстве.
Вот из этого Марсея
И приспел к ней гонец с мольбой о помощи.

65 Юная колебалась меж «да» и «нет»:
Вернуться или не вернуться?
Оттоль зовет честь и долг —
А отселе жжет любовное пламя.
Но решает она делать, что сдумано, —
Спасти Руджьера из колдовных стен,
А не станет сил —
То хоть разделить с ним неволю.

но Пинабель замышляет на нее зло

66 Умными отговорками

36 *Мертвые Воды*. — Эг-Морт, часть Лионского залива Средиземного моря, южное побережье Франции.

37 ... *до Роны и Вара*... — Реки, обозначающие границы Прованса.

Отпустивши вестника довольным,
Она тронула коня в дорогу
Вслед Пинабелю, который был нерадостен
Узнать, что она из такого рода,
С которым вражда у них и явная и тайная,
И что не миновать ему беды,
Как проведает она, что он из Майнца.

67 Между Майнцским домом и Клермонтским домом³⁸
Давний и ненасытный зиял раздор,
И не раз они сходились на брань,
И без меры было пролито крови.
Вот и задумал вероломный граф
Беспечную девицу предать беде,
При первом случае бросить ее одну,
А себе искать другой дороги.

68 И врожденная вражда, и сомненье, и страх³⁹
Так теснились в его уме,
Что не уследил он, как сбился с пути
И забрел в самый темный лес —
А среди того леса был горный кряж
С голою кремневой вершиною.
Между тем дочь Дордонского Амона
Следует за ним, не отставая ни на шаг.

69 Как увидел он вокруг густую чашу,
Так замыслил отделаться от спутницы
И молвит: «Пока не стемнело,
Лучше нам податься к пристанищу —
Помнится мне, за этою горою
Есть долина, а в ней привольный замок.
Подожди меня здесь, а я с этой кручи
Уверюсь в нем своими глазами».

70 Так сказав, погоняет он коня
Ввысь, к самому каменному острию,
Озираясь, нет ли сторонних троп,
Чтоб скрыть свой след от наездницы?
И вот в скале ему является пещера
Вглубь на тридцать с лишним локтей,

38 *Между Майнцским домом и Клермонтским домом...* — Вражда родов Клермона и Майнца, понятая как стержень эпической истории, и вообще введение в сюжеты Каролингова цикла майнцского изменнического рода — это вклад итальянской традиции. Клермонский род (в итальянской транскрипции: Кьярамонте) принадлежит к одной из ветвей французского королевского дома: Кьярамонте, его основатель, ведет происхождение от Буово Антонского (ставшего Бовой русского лубка). Брат Кьярамонте, Бернардо, приходится дедом Роланду и Ринальду (см. генеалогическую таблицу). История Майнцского рода с его неизменной склонностью к интриге и предательству сопровождает легендарную историю французских королей с самых ее истоков и вплоть до Ганелона, Иуды каролингова цикла.

39 ... *дочь Дордонского Амона...* — Дордонь — название области во Франции и имя реки в Аквитании, впадающей в Бискайский залив; зд. скорее всего имеется в виду замок, владение Амона (Дордонским он именуется уже в «Четырех сыновьях Эмона»).

За уступами, резаными и рублеными в камне,
А внизу была дверь.

71 Дверь была большая и широкая
И распахивалась в просторный покой,
А оттуда шел свет, как будто
Это факел пылал в пустой горе.
Онемел злодей от изумления, —
А тем временем героиня,
Издали страшась потерять его след,
Настигает его над самой пещерой.

и сбрасывает ее в горную пещеру.

72 Увидевши злодей,⁴⁰
Что напрасен вышел первый его умысел
Потерять ее или погубить ее,
Новый и причудливый затеял ков.
Он вышел к ней, он позвал ее
Туда, где в горе был пустой провал,
И сказал ей, что в глубине
Видел он красавицу-девицу;

73 Ясный лик, богатый наряд
Обличали в ней знатную породу,
Но была она смутна и печальна,
Словно не по воле томила в плену.
Что с нею? —
Он стал уже спускаться, чтоб узнать,
Но тут встал из глуби
Некто яростный и повлек ее внутрь.

74 Брадаманта
В безоглядной своей отваге
Поверила Пинабелю
И рванулась помочь красавице,
Но не знала, куда шагнуть.
Вскинув взгляд на ветвистый вяз,
Отсекает она мечом своим длинный сук
И спускает его в расселину.

75 Срубленный конец
Отдает она держать Пинабелю,
А сама опускает ноги в пропасть
И всем телом повисает на руках.

⁴⁰ *Новый и причудливый затеял ков* . — «Ков» Пинабеля восходит к эпизоду французского «Романа о Паламеди» (XIV в.), где, однако, жертвой был рыцарь, а предательницей — дама (у Ариосто — наоборот). Но остальные детали совпадают, в том числе встреча с вещим старцем. См.: Райна [*Здесь и далее имеется в виду издание: Le fonti dell' Orlando Furioso. Firenze, 1976.*]. С. 105 — 111.

Улыбнулся Пинабель и спрашивает,
Удобно ли так ей спрыгнуть? —
А потом, разжав и вскинув руки:
«О, как жаль, что с тобой не весь твой род!»

76 Но иначе приключилось с невинною,
Рушась по камням,
Первым ткнулся в дно крепкий ее сук;
Он сломался, но сдержал юную латницу,
И она им сбереглась от погибели.
Оглушенная, лежит она в пещере, —
Но об этом доскажу я в третьей песни.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ (ДУХОВИДИЦА)

Песнь III

Пещера Мерлина: справа — Брадаманта с Мелиссой у Мерлиновой гробницы, слева — смотр грядущих потомков Брадаманты. На поверхности земли — уезжающий с места преступления Пинабель, дальше — Мелисса провожает Брадаманту в дальнейший путь

Вступление.

1 Кто мне даст голос, кто мне даст речи,
Достойные избраннейшего предмета?
Кто даст крылья моему стиху
Возлететь до моего высокого замысла?
Жарче привычного
Ныне должен вспыхнуть огонь в моей груди:
Эта песня — для моего покровителя,
И поет о тех, кому он внук и правнук.

2 Меж всех светлейших владык,
Небом избранных править землей,
Ты не видел, Феб, озаритель мира,
Никого славней ни в брани, ни в мире,
Никого, чья знатность
Столько лет цвела и будет цвести
(Если правду мне пророчит вдохновение),
Пока звезды в небе кружат свой хоровод.

3 Чтоб по чести воздать им честь,⁴¹
Не моя мне надобна лира,
А твоя, на которой по сраженью неистовых гигантов

⁴¹ *А твоя, на которой по сраженью неистовых гигантов...* — Ср.: «Будь таким же, как был, когда ты, по изгнание Сатурна, Гимны Юпитеру пел...» (Тибулл. Элегии, II, V, 9 — 10, пер. Л. Остроумова). Державец небоздания — перифраза Юпитера, созданная по образцу Стация: aethrae Rector (Silvae, I, II, 135 — 136).

Ты восславил державца небоздания.
Дай мне лучший резец
Для такого благородного камня —
И вложу я в дивные черты
Весь мой труд, весь мой дар.

4 А теперь неумелым долотом
Я, снимаю лишь первую каменную стружку,
Лишь в надежде, что опыт и усердие
Не оставят мой труд до совершенства.
Но пора: вернусь
И к тому, кого не спасут ни шлем, ни латы, —
К Майнцскому Пинабелю,
Чаявшему погубить свою спутницу.

Пинабель отъезжает,

5 Рассудив, что дева
Сгинула на дне безмерной пропасти,
Вероломный с бледным лицом
Отошел от порога скорби и скверны,
Торопясь взмогил в седло,
А как всякая нечистая совесть
Громоздит злое дело на злое дело,
То уводит он с собой Брадамантина коня.

а Брадаманта попадает в пещеру Мерлина

6 Так оставим же его
Ковать ковы другим на свою пагубу, —
Обратимся к той, кого он предал
Разом и смерти и каменной могиле.
Когда встала она, оглушенная
От ушибов о крутые каменья,
То вошла она в дверь,
А за дверью была вторая пещера больше первой

7 Просторная, четверугольная,
Была она, как благолепная храмина,
Вставшая алебастровыми столбами
Редкого и дивного зодчества.
Посредине высился приглядный алтарь,
Перед ним возжена была лампада,
И свет ее, блещущий и ясный,
Разливался и в тот покой, и в этот.

Ее встречает Мелисса,

8 Богомольным смирением⁴²
Осеньет деву святой приют,
И она, преклонив колени,
Сердце и уста возносит к Господу.
Вдруг скрипнула невидная дверца,
И выходит из стены к ней женщина,
Волосы распущены, босая, без пояса,
И по имени привечает Брадаманту.

9 «Благородная Брадаманта,⁴³
Не без божьей воли ты здесь!
Мне давно тебя предвестил
Прорицательный дух Мерлина,
Молвив, что нечаянным путем
Ты придешь ко святым его останкам —
И осталась я здесь открыть тебе,
Что судили тебе небеса.

10 Это древний памятный грот Мерлина,⁴⁴
О котором, верно, ты слыхивала, —
Здесь иссек его мудрый волхв,
Здесь обманут был Дамой Озера,
Здесь и гроб, где иссохла его плоть,
Где в угоду ее уговору
Он возлег живой
И остался мертвый.

11 Но и в мертвом теле жив вещей дух
До самого часа, когда судная труба
Грянет звать и гнать
Тех, кто ворон, и тех, кто голубь.
Жив в нем голос, и ты сама услышишь,
Как он всходит из мраморной гробницы,
На всякий спрос
Возвещая и о бывшем и о будущем.

12 Много тому дней, как из дальних стран
Я пришла к его мавзолею,
Чтобы изъяснил мне Мерлин

42 *И выходит из стены к ней женщина...* — Имя этой женщины, Мелисса, Ариосто назовет только в VII песни. Персонаж, вымышленный Ариосто.

43 *Мерлин.* — Известный персонаж бретонских сказаний, прорицатель и кудесник, наставник короля Артура.

44 *Здесь обманут был Дамой Озера...* — Ариосто, скорее всего, опирался на итальянский роман XIV в. «История Мерлина», где рассказывается, что волшебник соорудил чудесную гробницу, способную сохранить тело нетленным вплоть до Страшного суда. Мерлин хотел лечь в нее вместе со своей возлюбленной, Дамой Озера, но она уговорила Мерлина лечь первым и произнесла заклинание, затворившее его в гробу навеки. В других вариантах речь идет не о гробнице, а о пещере, но мотив погребения заживо постоянен.

Темную тайну моих забот;
А в желанье видеть твое лицо
Я осталась на месяц сверх урока,
Ибо он, нелгущий,
Мне назвал этот день твоего прихода».

13 Смущенно стояла дочь Амона,
Молча силясь вместить услышанное;
Чудеса теснили ее душу,
И она не знала, спит или не спит.
Скромно опустил стыдливые вежды,
Только она и промолвила:
«Чем я причинна,
Что пророки пророчат мой приход?»

14 И, радостная небывалому,
Пошла она вслед за волшебницей
К гробнице,
Сокрывавшей Мерлинов и прах и дух.
То был саркофаг из твердого камня,
Гладкий до блеска, красный, как пламя,
Бросавший свет
На все подземелье, не видевшее солнца.

15 Мраморы ли бывают такие,
Что, как факелы, прогоняют тьму,
Или то заклинанья, куренья
И знаки, начертанные по звездам
(Наверное, так!),
Оживляли великолепии
Чудной резьбы и красок,
Венцом облегли святыню.

Мерлин возвещает Брадаманте и Руджьеру стать родоначальниками Эсте,

16 А едва Брадаманта занесла стопу
На порог заветной часовни, —
Живой дух из мертвого тела
Ясным голосом к ней возговорил:
«Благослови Фортуна всякую твою волю,
Благородная и чистая
Дева, от которой возрастает
Многоплодный сев, честь Италии и Вселенной!

17 Древняя троянская кровь⁴⁵

⁴⁵ *Древняя троянская кровь Сольет в тебе два потока...* — К Астианакту, сыну Гектора, род д'Эсте впервые возвел Боярдо (Влюбленный Роланд, II, XXI, 55). Любопытно, что из враждебных Ферраре кругов исходила версия о том, что родоначальником Эсте был сам архипредатель Ганелон (см.: Райна, с. 116). «Один поток» — это Клермон, род Брадаманты, Другой — Монгрена, род Руджьера.

Сольет в тебе два потока
И родит красу, цвет и радость
Всем подсолнечным племенам
Между Индом, Тагом, Нилом и Дунаем,
От южного полюса до медвежьих звезд.
Чтимые явятся в потомках твоих
Вожди, князья, государи;

18 Выйдут из них воеводы и воители⁴⁶
Мыслью и дланью
Древнюю возродить честь
Всепобедного оружия Италии;
Выйдут праведные владыки,
Августу подобные и древнему Нуме,
Благосклонными скиптрами
Оживить золотой первородный век.

19 Во свершение небесной воли
Над тобой, изначально избранной
В брак Руджьеру, —
Смело шествуй своей стезей!
Нет в мире сил
Пошатнуть твой замысел
И спасти от твоего крушительного приступа
Злого вора, замкнувшего счастье твое!»

20 Смолк Мерлин на этих словах,
Чародейке оставив делать дело —
Явить Брадаманте образ
Каждого из ее потомков.
Немало было избрано духов,
Не знаю, из ада или не ада,
И все были здесь,
Разные станом и лицом.

21 Вершительница Брадаманту ведет в притвор,⁴⁷
Где начертан был круг
В полный ее охват
И еще на пядь с каждой стороны.
А чтоб не было обиды от духов,
Осеяет она деву большим пентаклем
И велит стоять, молчать, смотреть, —
А сама, раскрывши книгу, кличет демонов.

46 *Нума*. — Согласно легендарной традиции, второй царь древнего Рима (ок. 715 — ок. 672 г. до н. э.).

47 ... *осеяет... пентаклем...* — Пентакль — пятиконечная звезда, в магической практике использовалась как оберег от злых духов.

перед Брадамантой проходят духи ее потомков

22 И вот из первой пещеры
Вкруг священного круга теснятся тени,
Рвутся проникнуть, но путь закрыт
Заповедней, чем рвом и валом.
И тогда вереницей они уходят
В тот покой, где починут мощи Мерлина,
Трижды пред тем
Урочным обходом обогнувши круг.

23 «Если все назвать имена и подвиги
(Говорит Брадаманте заклинаящая)
Тех, что под чарами
До рождения своего предстали пред тобой,
То на это не станет целой ночи,
И неведомо, когда мы расстанемся.
Я поведаю лишь о немногих,
Вслед порядку и благому случаю.

от Руджьера

24 Смотри: вот первый,⁴⁸
Так с тобою схожий красой и прелестью,
Начинатель италийского рода,
Понесенный тобою от Руджьерова семени.
Я провижу: от его руки
Обагрится земля понтьерской кровью
В месть за вероломство и предательство
Тем, от коих падет его отец.

25 Пред силою его рухнет⁴⁹
Дезидерий, владыка лангобардов,
И за это примет он под высокую руку
От державной власти Эсте и Калаон.
Вслед ему — вот твой внук Уберт,
Бранная краса гесперийского края,
Не раз и не два
Охранит он от басурманов святую Церковь.

48 ... *вот первый*... — Руджерино, сын Руджьера и Брадаманты. Вплоть до Аццо V (окт. 32) генеалогия, излагаемая Ариосто, частью неточна, частью фантастична (см. генеалогическую таблицу рода д'Эсте).

Я провижу: от его руки... — Вероломное убийство Руджьера майнцскими предателями (ср.: XLI, 61 — 66) предсказано уже Боярдо. Понтьер — владение Ганелона в Пикардии.

49 *Дезидерий*. — Последний король лангобардов (756 — 774), побежденный Карлом Великим. *Эсте* (Атесте) и *Калаон*. — Замки в Венецианской области.

Уберт. — Род д'Эсте является одной из четырех ветвей, на которые разделилось лангобардское семейство Обергенги. Под Убергом может иметься в виду Оберто I — о нем известно, что он участвовал в посольстве, призвавшем императора Оттона в Италию (см. ниже), и получил от него в 962 г. титул графа палатинского.

26 Вот непобедимый Альберт,⁵⁰
Столько храмов украсивший трофеями;
С ним Гугон, его сын, что над Миланом
Развернет свой стяг со знаком змей,
И Ассон, который после брата
Примет под руку инсубрийский край.
С Альбертассом, чьи мудрые советы
Изживут из Италии Беренгария с сыном,

27 И которому снизойдет⁵¹
Кесарь Отгон вручить дочь свою Альду.
Вот новый Гугон — о, славное потомство,
Не сходящее с путей отцовской доблести! —
Это он во имя правого дела
Собьет спесь с заносчивых римлян,
Разорвав тяжкую осаду и вырвав
Из рук их папу и Третьего Оттона.

28 Вот Фольк, — он уступит родичу⁵²
Все, что было за ним в Италии,
И пойдет по большое княжество
В сердцевину германской земли.
Он подаст руку саксонскому дому,
Чтобы не пала одна из его опор,
И в чреде материнских наследств
Его внуки помогут роду выстоять.

29 Новый приближается Ассон,⁵³

50 Альберт — Неисторическое лицо.

Гугон. — Уго I, маркграф Миланский (1021) ...

стяг со знаком змей... — Герб миланских Висконти: змея с младенцем в пасти (анахронизм).

Ассон. — Альберто Аццо I, брат Уго, маркграф Восточной Лигурии, в исторических документах его имя встречается в пределах 1011 — 1026 г. («инсубрийский край» — Миланская область).

Альбертасс. — Альберто Аццо II (ум. 1097), сын предыдущего. Согласно Ариосто, подал совет Оттону I Великому, германскому королю (936 — 973) и императору Священной Римской империи (962 — 973), объявить войну итальянским королям Беренгарию и его сыну Адальберту. Беренгарий II (король в 950 — 961) был действительно низложен Отгоном, но призвала германского короля в Италию Адельгейда, вдова Лотаря, предшественника Беренгария на итальянском троне, свергнутого им и по его приказу отравленного.

51 ... дочь свою Альду. — Альберто Аццо II был женат на Кунегунде, сестре баварского герцога Вельфа III, и имел от нее сыновей Вельфа и Фолька...

новый Гугон... — Уго, граф де Мен (ум. 1131), третий сын Альберто Аццо II, от другой его жены. Участие его в подавлении римского восстания (1000) против Оттона III (император в 983 — 1002 гг.) и Сильвестра II (папа в 999 — 1003 г.) не подтверждается. Восстание, кстати, было успешным: император и папа бежали из Рима, и смерть прервала попытку Оттона III силой вернуть свою столицу.

52 Фольк (ум. 1128). — Сын Альберто Аццо II, настоящий родоначальник фамилии д'Эсте. Но в Германию отбыл не он, а его брат Вельф, усыновленный дядей Вельфом III и наследовавший от него титул баварского герцога.

53 Новый приближается Ассон... — Ни этот Ассон, ни его сыновья не имеют отношения к истории д'Эсте.

Первый поразит Второго Генриха... — Генрих IV, император (1056 — 1106), потерпел поражение под Пармой от Альберто Аццо II. «Вторым» Генрих является по франконскому династическому счету.

А второму станет женой... — Матильда — Мательда, маркграфиня Тосканская (ок. 1046 — 1115), вышла замуж сорока трех лет за восемнадцатилетнего Вельфа V (см. в след. октаве: «ибо многая честь — в такие

Друг изяществ, а не ратных браней;
С ним Бертольд и Альбертасс, сыновья его:
Первый поразит Второго Генриха,
Страшной влагой немецкой крови
Напитав зелень поля перед Пармой;
А второму станет женой
Чистая и мудрая графиня Матильда.

30 Доблестью стяжал он этот брак,⁵⁴
Ибо многая честь — в такие годы
Половину Италии принять в вено
За внучкою Генриха Первого.
Но вот и Бертольдов милый плод —
Твой Ринальд, стяжатель крепкой славы
Вызволить святую Церковь из неправедных
Рук Рудобородого Фридриха.

31 Вот еще один Ассон, под чьей рукой⁵⁵
Быть Вероне с доброй ее округой,
И его поставят над Анконскою маркою
Четвертый Оттон и Второй Гонорий.
Но никогда я не кончу, если
Каждого буду называть мужа твоей крови
Меж поборников святого престола, и каждый
Подвиг их за апостольскую церковь.

32 Взгляни: Фольк, Обиссон, вновь Ассоны, вновь Гугоны,⁵⁶
Двое Генрихов, отец обок с сыном,
Двое Гвельфов, из которых один

годы...»), сына Вельфа IV Баварского и внука Альберто Аццо II.

54 *Половину Италии...* — Владения Матильды охватывали Тоскану, Пьяченцу, Парму, Модену, Мантую, Феррару, часть Умбрии, Сполето, патримоний св. Петра.

За внучкою Генриха Первого. — Мать Матильды Беатриса Лотарингская была дочерью Фридриха Люксембургского и двоюродной сестрой императора Генриха III (первого — по франконскому счету).

Ринальд. — Неисторическое лицо.

Рудобородого Фридриха. — Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи (1152 — 1190). Папа Александр III сформировал против него Ломбардскую лигу.

55 *Вот еще один Ассон...* — В этом лице соединены два Аццо: Аццо VI (ум. 1212), ставший в 1207 г. подестой Вероны и в 1208 г. получивший от папы Иннокентия III инвеституру на маркграфство Анконское; и Аццо VII (ум. 1264), его сын, принявший Анкону от Гонория III (папа в 1216 — 1227 гг.) в 1217 г.

Четвертый Оттон. — Император Священной Римской империи (1198 — 1218).

56 *Фольк.* — Брат Обиццо I (см. ниже), ум. до 1178 г.

Обиссон. — Обиццо I (ум. 1193), маркграф Миланский и Генуэзский, с ним в орбиту интересов д'Эсте впервые входит Феррара;..

вновь Ассоны, вновь Гугоны... — Неизвестные лица; ...,

двое Генрихов... — Возможно, Генрих Черный (ум. 1126), герцог Баварии и Саксонии, сын Вельфа IV, и Генрих Гордый (ум. 1139), сын предыдущего;..

Двое Гвельфов... — Вельф VI, сын Генриха Черного, герцог Сполето; и Вельф VII, сын предыдущего.

... показав на Ассона Пятого... — Об Аццо V сведений очень мало: сын Обиццо I, умер раньше отца, побывав в плену у веронцев. С Эццелино (см. ниже) воевал Аццо VI, но был разбит. Победителем Эццелино стал Аццо VII, он же Аццо Новый.

Возьмет Умбрию и княжий плащ Сполето.
И вот — избавитель Италии от кровавых мук,
Слезы в смех обращающий для страждущей —
Это он (показав на Ассона Пятого),
Кем подавлен будет Эццелин,

33 Эццелин, чудовище меж тиранов,⁵⁷
Дьяволовым слывающий отродьем,
Пагуба подданным, разор милой Авзонии,
Извергатель столького зла,
Что пред ним добронравны
Марий, Сулла, Гай, Нерон и Антоний;
И пред тем же Ассоном
Рухнет в прах второй кесарь Фридрих.

34 Будет под благодатным его скиптром⁵⁸
Добрая земля над тою рекою,
Где кликал слезною лирою
Феб сына своего, не управившего свет,
И плакал янтарь из тополей,
И Кидн одевался белыми перьями.
Этот удел за тысячу услуг
Воздаст ему апостольская церковь.

35 А забыть ли брата его Альдобрандина?⁵⁹
Для римского первосвященника
На Четвертого Оттона и присных его,
Досягнувших Капитолия,
Полонивших все окрестные места,
Угрызавших Умбрию и Пицен,
Он, бессильный без многого золота,
Станет сыскивать взаем у Флоренции, —

57 *Эццелин*. — Эццелино да Романо (1194 — 1259), синьор Вероны, Падуи, Виченцы, викарий императора Фридриха II в Северной Италии. Легенду о его рождении от семени сатаны использовал Альбертино Муссато в трагедии «Эццеринида».

Что перед ним добронравны... — Перечисляются правители древнего Рима, прославленные жестокостью: Гай Марий (157 — 86 г. до н. э.), семикратный консул; Луций Корнелий Сулла (138 — 78 г. до н. э.), диктатор; Гай Цезарь Калигула (12 — 41), император; Тиберий Клавдий Нерон (37 — 68), император; Марк Антоний (83 — 30 г. до н. э.), триумвир.

... второй кесарь Фридрих. — Фридрих II, император Священной Римской империи (1212 — 1250). В 1248 г. был вынужден отступить от Пармы, которую осаждали войска гвельфов (среди осаждающих был и Аццо VII), и вернуться в Южную Италию.

58 *Добрая земля...* — Феррара, вторым правителем которой из рода д'Эсте был Аццо VII (первым, с 1209 — Аццо VI).

... над тою рекою... — Имеется в виду По, куда, согласно античному мифу, упал сын Феба Фазтон, сброшенный с колесницы солнца молнией Юпитера. Гелиады, сестры Фазтона, оплакав его смерть, превратились в тополя, а слезы их стали янтарем. Кидн, друг Фазтона, был превращен в лебедя (см.: Овидий. *Метаморфозы*, II, 1 — 380).

59 *Альдобрандин* (ум. 1215). — Маркграф Анконский, синьор Феррары. Две посвященные ему октавы опираются на исторические факты (помощь папе, осажденному в Риме войсками Оттона IV, борьба с императорской партией в Умбрии и Марках, заем у Флоренции с отдачей в залог брата). Оттон IV (см. о нем прим. к окт. 31) отправился в Рим для коронации в 1209 г.

36 А в залог, не имея большей радости,⁶⁰
Ей отдаст любимого брата;
А потом, вскинув стяг побед,
Разметет германское полчище!
Он воссадит Церковь на престол ее,
Он воздаст поделом Челанским графам
И в служенье высочайшему Пастырю
Кончит дни свои в цветущей поре.

37 Он оставит Ассона, едиnorodного своего,⁶¹
Наследником Анконе и Пизавру
И каждому городу от Триента
До Исавра, моря и Апеннин,
И тому, что превыше золотой казны, —
Веледушию, доблести и верности.
Все иное Фортуна и дает и берет,
А над доблестью нет ей воли.

38 Вот и Ринальд — тот Ринальд, в котором⁶²
Был бы скор блеснуть луч не меньших честей,
Если бы — на горе славным родичам! —
Если бы не злая смерть и завистливая судьба.
Скорбь о нем прозвучала до Неаполя,
Где томится он заложником за отца.
А вослед ему пред тобою Обиссон:
Юный, будет он избран князем после деда;

39 К добрым своим землям он прибавит⁶³
Ясный Регий и строптивую Модену;
Такова его будет доблесть,
Что народы дружно призовут его править.
Из сынов его, взгляни, вот шестой Ассон,
Знаменосец креста Христова, —

60 *Ей отдаст любимого брата...* — Аццо VII. — *...Он воздаст поделом Челанским графам...* — Пьетро, граф ди Челано (ум. 1212), видный сторонник императорской партии, проводил политику Оттона IV в Южной и Средней Италии (1210 — 1212).

61 *И каждому городу от Тронта...* — Перифраза Анконской марки, которая простирается от Асколи, что стоит на р. Тронто (зд. Тронт), до Пезаро (зд. Пизавр), где впадает в Адриатическое море р. Фолья (зд. Исавр).

62 *Вот и Ринальд... Где томится он заложником за отца.* — Ринальдо (ум. 1251), сын Аццо VII, был заложником в Неаполе у императора Фридриха II (1239); отравлен позже, по приказу другого императора, Конрада (произошло это в Апулии). *Обиссон* — Обиццо II (1247 — 1293), сын Ринальдо, наследовал деду, Аццо VII, в 1264 г., семнадцати лет.

63 *... Он прибавит Ясный Регий и строптивую Модену...* — Модена была присоединена в 1288 г., Реджо — в 1289 г. Эпитеты объясняются юношескими воспоминаниями Ариосто о Реджо и упорной борьбой Модены за независимость.

... вот шестой Ассон... — Речь идет об Аццо VIII (ум. 1308), гонфалоньере церкви («знаменосец креста Христова»). В 1303 г. женился на Беатриче, дочери Карла II, короля Неаполя (1285 — 1309). Данте обвинил Аццо VIII в убийстве отца (Ад, XII, 110 — 112), а его брак с Беатриче назвал продажей (Чистилище, XX, 79 — 81).

Он возьмет графство Андрию за дочерью
Сицилийского Второго Карла.

40 А за ним, посмотри, в красе и дружбе⁶⁴
Сонм князей, сиятельный превосходством:
Обиссон, Альдобрандин, Николай Хромой
И Альберт, весь любовь и милосердие.
Промолчу, чтоб не медлить,
Как умножат они власть свою Фавенцей,
А еще отважней — тою Адрией,
Что даст имя неумной соли моря,

41 А еще — землю, родящей розы,⁶⁵
Чтобы зваться сладким их греческим зовом,
А еще — тем городом рыбных лагун,
Тем страдальцем двух устьий По,
Где жаждут живущие
Бурь в море и вихрей над морем;
Промолчу и об Ардженто и о Луго
И о тысяче других городов и крепостей.

42 Вот — опять Николай; в нежном еще отрочестве⁶⁶
Примет люд его господином над собой,
И ничто ему Тидей,
Поднявший на него гражданскую брань.
Детской будет для него забавою
Латный пот и оружный труд;
Процветет в нем воительный цвет
Из завязи раннего усердия.

43 Каждый умысел тех мятежников⁶⁷
Выведет он на свет, обернет во вред,
Каждая битвенная хитрость

64 *Обиссон*. — Обиццо III (1294 — 1352), сын Альдобрандино II, племянник Аццо VIII.
Альдобрандин, Николай Хромой, Альберт — сыновья Обиццо III: Альдобрандино III (1335 — 1361), Никколо II (1338 — 1388) и Альберт V (ум. 1393).

Как умножат они власть свою Фавенцей... — Фавенца была присоединена к владениям д'Эсте Никколо II, но вскоре отошла к Висконти. Адрия удерживалась более длительное время.

65 *А еще землю, родящей розы...* — Имеется в виду Ровиго, чье латинское название (Rhodigium) производили от греч. rhodos (роза).

А еще — тем городом рыбных лагун... — Комаккио, город, который расположен между двух рукавов По у его устья, среди заводей, богатых рыбой. Его жители «жаждут» бурь, так как волнение на море загоняет рыбу в тихие речные заводи. *Ардженто*. — Замок между Феррарой и Болоньей.

Луго. — Городок близ Равенны.

66 *Вот опять Николай...* — Никколо III (ок. 1383 — 1441), сын Альберта V, наследовавший отцу в возрасте десяти лет.

И ничто ему Тидей... — Неясно, кто имеется в виду. Согласно наиболее достоверной гипотезе, Ариосто спутал некоего Аццо, родича Никколо III, пытавшегося захватить власть в Ферраре, с его сыном Таддео (либо назвал Аццо именем известного из греческой мифологии смутяна).

67 *Оттобон*. — Оттобон Терци (ум. 1409), кондотьер, тиран Реджо и Пармы, погиб при попытке свергнуть Никколо III.

Безобманно будет ему ясна.
Поздно в том уверится Терцо Оттобон,
Злой тиран Регия и Пармы,
Разом от героя
Лишась в разгроме и власти, и жизни.

44 Так владычествуя шире и шире,
Ни на шаг он не сойдет с прямого пути;
Никому необидевшему
Не станет от него вреда;
И на том Вышний Движитель Мира
Не положит ему границ,
Но продлит его власть во благо,
Пока звезды ходят в своих кругах.

45 Вот Леонелл и вот славный Боре,⁶⁸
Первый меж князей, герой меж сверстных, —
На мирном престоле громче его триумф,
Чем иные ищут в дальних землях;
Марсу не даст он взвидеть света,
Ужасу скрутит руки за спиной;
И одна у него будет властная забота —
Чтобы жил в довольстве его народ.

46 И вот — Геркулес,⁶⁹
Его неровный шаг опаленной ноги —
Как укор соседу, чей дрогнувший полк
Лбом и грудью удержит он при Будрии,
Хоть награда ему за это — война
И набег до самых Баркских порослей.
Как молвить о нем,
Державней ли он в войне или в мире?

47 Долгой памятью вспомнят его дела⁷⁰
Апулия, Калабрия, Лукания,

68 *Вот Леонелл.* — Леонелло (1407 — 1450), внебрачный сын Никколо III, один из первых итальянских правителей, получивших гуманистическое образование.

... *вот славный Боре...* — Борсо (1413 — 1471), также внебрачный сын Никколо III, преемник Леонелло, первый в роду получивший титул герцога («первый меж князей») — Модены и Реджо императорской инвеституры, Феррары — папской.

Марсу не даст он взвидеть света... — Образ Вергилия (ср.: Энеида, I, 294 — 296).

69 *Геркулес.* — Эрколе I (1431 — 1505), единокровный брат Леонелло и Борсо.

Его неровный шаг... — Эрколе был ранен в ногу во время битвы при Молинеццо (Будрио, обл. Эмилия — Романья), где он сражался на стороне Венеции. Во время «соляной войны» (1482 — 1484), в которой Венеция и Феррара были противниками и в итоге которой Феррара понесла значительные территориальные потери, феррарцы были отеснены под самые стены города, в герцогский парк (Барко).

70 *Долгой памятью вспомнят его дела...* — Юность Эрколе I прошла при неаполитанском дворе Альфонса I («монарха каталанского»), короля Арагона, Каталонии, Сицилии и Неаполя (1416 — 1458). Отличился в турнирном поединке с Галеаццо Пандоне («небывалый бой»).

... *власть, // Тридцать лет, как ему должную.* — Ровно тридцать лет власть в Ферраре принадлежала внебрачным сыновьям Никколо III.

Где за небывалый бой он примет лавр
От монарха каталанского;
Меж непобедимых воевод
Многими одоленьями стяжает он имя,
И за доблесть возымеет он власть,
Тридцать лет, как ему должную.

48 Сколько в свете есть благодарствований,⁷¹
Столько будет их князю от земли его:
Не за то, что топи
Обратит он в плодоносные нивы,
Не за то, что валом и рвом
Он упрочит своих сограждан,
И украсит храмы, и украсит дворцы,
И площади, и театры, и здания,

49 Не за то, что уберется он от хитрой⁷²
Дерзости окрыленного Льва,
Не за то, что в час, когда галльским огнем
Полыхнет вся прекрасная Италия,
Лишь его удел выстоит в мире,
Вне страха и побора, —
Не за это и не за иное
Будет люд благодарен Геркулесу, —

50 А за то, что подарит он миру двух отпрысков,⁷³
Правого Альфонса и доброго Ипполита,
Подобных славным в древней молве
Близнецам Тиндарейского лебедя,
Чередой сходящим из-под солнца
В черный воздух, чтобы вызволить друг друга:
Такова и в них будет воля и сила —
Друг за друга принять долгую смерть.

до Альфонса

71 *Не за то, что топи...* — Отмечаются работы по осушению земель и градостроительству, которые с большим размахом велись при Эрколе I.

72 *... от хитрой // Дерзости окрыленного Льва...* — Т. е. уберезет Феррару от агрессии венецианцев (крылатый лев — герб Венеции).

... в час, когда галльским огнем... — Во время похода французского короля Карла VIII в Италию (1494 — 1495), открывшего эпоху итальянских войн, Феррара сохраняла нейтралитет (но открыла свою территорию для прохода французских войск).

73 *Правого Альфонса и доброго Ипполита...* — Об Ипполите см. I, 3, прим.; Альфонс I (1476 — 1534), после смерти отца герцог Феррары.

Подобных... близнецам Тиндарейского лебедя... — Братья д'Эсте сравниваются с героями древнегреческого мифа Кастором и Полидевком, сыновьями одной матери (Леды), но двух отцов, Тиндарея и Зевса (Зевс соединился с Ледой в образе лебедя). Полидевку как сыну бога было суждено бессмертие, но он разделил его со смертным братом, и они попеременно проводят время то на Олимпе, то в Аиде.

51 Великая любовь славной четы⁷⁴
Больше осенит народ спокойствием,
Чем если бы сам Вулкан
Оковал их стены двойным булатом.
Мудрость и доброта
Так сольются в Альфонсе, что грядущий век
Решит, что сама Астрея
С неба воротилась в наш жар и холод.

52 Благо ему, что он мудр⁷⁵
И доблестен, как отец, —
Ибо мало тех, кто с ним, — а рядом
Справа на него — полки венецианцев,
А слева — та,
Кому зваться бы не матерью, а мачехою,
Если же матерью —
То такую, как Медея и Прокна.

53 С верным своим народом⁷⁶
Сколько он ни выйдет на рубеж,
Столько будет врагу от него разгромов
Ночью ли, днем ли, на море и на земле.
Уверятся в этом и романцы,
Под недобрым вождем выступив на друзей,
^Согда кровь их зальет поля
Между По, Сантерно и Заньоло —

54 Там же, где вскоре⁷⁷
Научатся его знать
Испанцы высокого Пастыря,
Урвавшие его Бастию, убившие его вождя, —
Ибо, вновь взяв взятое, он
Не оставит ни малого, ни главного
С вестью в Рим

74 *Сама Астрея // С неба воротилась...* — Астрея — в греческой мифологии богиня справедливости, обитавшая среди людей, пока не кончился золотой век, и затем вознесшаяся на небо.

75 *Справа на него — полки венецианцев...* — Феррара и Венеция были естественными противниками: их впервые впрямую столкнул перенос венецианской экспансии на континент, начавшийся в XV в. и связанный с вытеснением Венеции из Средиземноморья турками. Отношения с Римом осложнились тем обстоятельством, что Феррара считалась папским леном и вплоть до времен Ариосто титул феррарского маркиза или герцога формально не был наследственным. В период правления Альфонса I Феррара держала сторону Франции, имея постоянным противником Венецию; с Римом же, с церковью («та, кому зваться бы не матерью, а мачехою») отношения менялись: в Камбрейской лиге (1508 — 1510) папа Юлий II был союзником Феррары, в Священной лиге (1511 — 1512) — противником.

Медея, Прокна. — В греческой мифологии детоубийцы.

76 *Уверятся в этом и романцы...* — Имеется в виду битва под Бастией (1511), где на стороне папы Юлия II («недобрый вождь») сражались войска городов Романьи. Бастия находится в треугольнике, образованном реками По, Сантерно и каналом Заниоло.

77 *Там же, где вскоре // Научатся его знать...* — Испанский наемный отряд под командованием Пьетро Наварра взял Бастию в том же 1511 г., причем был предательски убит ее комендант Вестиделло Пагано. Альфонс отвоевал крепость 13 января 1512 г. и все до единого захватчики были уничтожены. Ср.: XLII, 3 — 5.

Об утрате и о погибели.

55 Это он умом и копьем⁷⁸
На романском поле
Даст французскому воинству честь
Одоления над Испанией и Юлием:
По стремяна в крови
Кони поплывут над бранным полем,
И не станет рук хоронить
Немцев, римлян, испанцев, франков, греков.

56 А другой, в ризе иерарха⁷⁹
Скрывший алым святыи кудри, —
Это сильный и светлый духом
Высокий кардинал римской церкви
Ипполит, на веки веков
Всем наречьям герой слов, стихов и песен,
Которому правосудное небо
Даст Марона, как дало Марона Августу.

57 Он блеснет в блистательном пламени,⁸⁰
Как солнце в мировом колесе,
Ярче луны и звезд,
Ни одно светило пред ним не первое.
Вот с немногими пешими, с еще меньшими конными
Выступает он грустный, возвращается радостный,
И ведет к берегам своим в плен
Пятнадцать галер и без счета челнов.

58 Взгляни дальше: вот Сигисмонд и Сигисмонд,⁸¹
Вот Альфонсовы пять любезных отпрысков,
Чьей молве ни моря, ни горы
Не помеха наполнить мир:
Между ними — Второй Геркулес, зять Франции,
И тот Ипполит,
Чей в роду не меньше просияет луч,
Чем у славного соименника,

78 *Это он умом и копьем...* — Битва под Равенной (11 апреля 1512 г.). Решающий вклад в победу французов внесла феррарская артиллерия. Под «греками» имеются в виду албанцы, которых набирали в венецианские войска. Ср.: XIV, 2 — 9.

79 *Даст Марона...* — Марон — когномен Вергилия. Под новым Мароном Ариосто, скорее всего, имеет в виду Андрея Мароне (ок. 1474 — 1527) — брешинец, он подвизался при различных дворах, в том числе при дворе папы Льва X, где завоевал славу в качестве непревзойденного импровизатора.

80 *Вот с немногими пешими...* — Битва под Полеселлой (22 декабря 1509 г.), где Феррара взяла верх над Венецией. Ср.: XV, 2 — 4.

81 *Вот Сигисмонд и Сигисмонд* — Брат (1433 — 1507) и сын (ум. 1524) Эрколе I. ... *Второй Геркулес...* — Эрколе II (1508 — 1550), после смерти отца — герцог Феррары. Муж Ренаты Французской, дочери Людовика XII.

И тот Ипполит... — Ипполит II (1509 — 1572), кардинал, архиепископ Миланский, Лионский, Нарбоннский.

59 И Франциск, и еще два Альфонса,⁸²
Но уже я молвила —
Чтобы каждую показать тебе ветвь,
Какою процветет твой ствол,
Много нужно раз
Вспыхнуть и стемнеть небесам, —
А ныне мне пора
Дать покой теням и умолкнуть».

60 Не перечила дева,⁸³
И волхвующая затворила книгу.
Призраки чередую
Тотчас канули в глубь, где мощи мудрого.
С Брадаманты снят зарок молчания,
И она, разомкнув уста,
Вопрошает: «Но кто были те двое,
Скорбные, меж Альфонсом и Ипполитом?

с его братьями-заговорщиками.

61 Очи долу, вздохи на губах,-
Ни следа отваги в облике —
И поодаль от них держали шаг
Словно бы сторонящиеся братья?»
Но волшебница переменилась лицом,
Залилась слезами
И воскликнула: «Злополучные,
Стрекалом недобрых сбитые с пути!

62 О добрая поросль доброго Геркулеса,
И в них, в несчастливцах, — твоя ведь кровь!
Да не сломит грех — доброты,
Да уступит правосудие — милосердию!»
(И притишив голос:)
«Больше тебе о них — ни слова:
Сладко будь устам твоим, и не сетуй,
Что не стану я уязвлять их горечью.

63 А как вспыхнет в небе рассвет,
Ты за мною выйдешь на ближайший путь

82 *Франциск*. — Третий, после Эрколе и Ипполита, сын Альфонса I от Лукреции Борджа.
...еще два Альфонса... — Альфонсо (1527 — 1587) и Альфонсино (ум. 1547), внебрачные сыновья Альфонса I от Лауры Дианти.

83 *...те двое, Скорбные...* — Фердинандо (Ферранте, 1477 — 1540), второй сын Эрколе I от Элеоноры Арагонской, и Джулио (1478 — 1561), его внебрачный сын. После смерти отца составили заговор с целью свержения брата, Альфонса I. Менее заметные участники заговора были в сентябре 1506 г. казнены, Ферранте и Джулио приговорены сначала к смерти, затем — к пожизненному заключению. Джулио вышел из тюрьмы в 1559 г. Ариосто откликнулся на это потрясшее Феррару событие эклогой.

К тому замку, сияющему сталью,
Где томится Руджьер под чужою волей.
До опушки дремучей этой чащи
Я тебе буду спутницей и вожатою,
А как выйдем к берегу моря —
Укажу тебе след, с которого не сбиться».

64 Все ночь ночевала в подземелье
Юная воительница,
И увещевал ее Мерлин
Не медлить за любезным ее Руджьером.
А как вновь озарилось небо,
Вышла она из земных хором
В путь, надолго еще тесный и темный,
Рядом с духовидицею.

Мелисса выводит Брамданту на дорогу

65 Они едут глухим ущельем
Меж невступных гор,
Без отдыха целый день,
Вскачь чрез расселины, вперерез ручьям;
А чтоб не скучна была дорога,
Сглаживали они свой нелегкий путь
Красными и сладкими беседами
О самом милом —

66 Пуще же всего
Толковала Брамданте волхвовательница,
Сколько ловкости ей надобно и тонкости,
Ежели взыскует она Руджьера.
«Будь ты Марс, будь ты Паллада,
Будь с тобою больше бойцов,
Чем у Карла и чем у Аграманта, —
Ты не выступишь против колдуна:

67 У него не только стальные стены
Вкруг скалы, неприступно-высокой,
У него не только воздушный скакун —
Мчатся и биться меж небом и землей:
У него тот смертельный щит,
Чей открытый блеск поражает очи,
Отымает взгляд, оглушает чувства,
И остаешься лежать, как труп.

68 И не льстись, что можно
Выйти к бою, замкнувши веки, —
Как тогда суметь
Охранить себя и достать врага?
Но от этого слепящего света

И других его дурманящих чар
Есть у меня средство, есть для тебя спасение,
А больше в целом мире такого нет.

и учит ее добыть волшебный перстень Брунеля.

69 У царя Аграманта есть перстень,⁸⁴
В Индии похищенный у некой царицы,
И он дал его барону Брунелю,
И барон этот — в переходе от нас.
У кого этот перстень на пальце,
Тот спокоен от злобных чар.
А Брунель искусен в плутнях и кражах,
Как пленитель Руджьера — в чернокнижии,

70 И за это его проворство
Повелел ему его король
Гибким умом и помощным перстнем,
Испытанным в трудный час,
Вызволить Руджьера
Из каменной его темницы, —
И в том клятвенно похвалился Брунель королю,
В сердце выше всех державшему Руджьера.

71 Но как суждено Руджьеру быть обязану
Лишь тебе, а не королю Аграманту,
Выводом из кудесного узилища,
То скажу я тебе, как быть.
Нынче тебе откроется море,
Будет тебе три дня пути по берегу,
А на третий придет к твоему постою
Тот Брунель, у которого перстень.

72 Росту в нем (чтобы ты его узнала)
Шести пядей нет, голова курчава,
Волос черен, смуглая кожа,
Лицо бледно, борода непомерна,
Глаз навывкате, взгляд косой,
Плоский нос, косматые брови,
А наряд (чтобы все уж было сказано),
Как у скорохода, узок и кургуз.

73 С ним тебе будет случай
К разговору о тех чудных чарах,

⁸⁴ У царя Аграманта есть перстень... — Этот перстень, как рассказывается во «Влюбленном Роланде», принадлежал Анджелике и был похищен у нее Брунелем с тем, чтобы уничтожить волшебные препятствия, которыми затруднил Атлант доступ к своему питомцу Руджьеру. Ныне этот перстень должен сыграть ту же роль. Положенный в рот, он делает своего владельца невидимым; надетый на палец, оберегает от колдовства.

Брунель. — Персонаж «Влюбленного Роланда», неподражаемый хитрец и ловкий вор (ср.: XXVII, 72), за добычу перстня Аграмант возвел его в царское достоинство.

И ты скажешь (и скажешь правду),
Что сошлась бы с колдуном в рукопашную,
Но не выдашь, что тебе небезведомо
О том перстне, который рушит чары.
Он предложится тебе в вожатые
До той самой каменной горы,

74 Ты пойдешь за ним,
А когда откроется та гора,
Ты его убей,
И да минет тебя всякая жалость.
Лишь не дай ему угадать твой умысел
И успеть схватиться за кольцо —
Чуть положит он волшебное в рот,
Как глаза твои не станут его видеть».

Брадаманта встречается с Брунелем.

75 Так беседа, вышли они к морю
Близ Бордо, где уста Гаронны,
И здесь, проливая слезы,
Простились дама и дама.
Тронулась Амонова дочь в назначенный путь,
Эрная спасению любовника,
И приходит некоторым вечером
К тому двору, где стоял Брунель.

76 Узнала она его сразу —
Так черты его врезались ей в душу;
Спросила, откуда он и куда —
Он ответил, и ни слова правды.
К этому она была готова
И так же вольно себе сочинила
Родину, веру, имя, род и пол, —
А сама не сводит глаз с его рук.

77 А сама не сводит глаз с его рук,
Чтобы не остаться обокраденною,
И не подпускает его к себе,
Крепко зная, с кем имеет дело.
Так они и мешкают, — как вдруг
В уши их врезается странный звук,
А откуда — я скажу и об этом,
Но сейчас в моей песне — передышка.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ (БРАДАМАНТА У АТЛАНТА)

Песнь IV
Брадаманта видит пролетающего Атланта (вверху) и выезжает на битву с ним (внизу)

Вступление.

1 У притворства — худая слава,
Сколько зла в нем — каждому видно;
Но часто, очень часто
И оно благотворно спасало
От хулы, от беды, от смерти, —
Потому что в ненавидящем мире,
Где больше мрака, чем света,
Не всегда вокруг нас — друзья.

2 Много нужно трудов, много испытаний,
Чтоб увериться, что друг тебе верен,
И что можно говорить без оглядки,
Раскрывая перед ним свои думы.
Каково же было Руджьеровой подруге
Не видеть в Брунеле ни прямоты, ни правды,
А только притворство и обман,
Как волшебница и молвила ей заранее?

Брадаманта видит пролетающего Атланта

3 Ложь за ложь — самый подходящий
Разговор с лукавцем из лукавцев;
А к тому же, сказал я, не спускает она глаз
С рук Брунеля, хищных и хватких.
Тут-то и раздается страшный шум.
«Царь небесный! святая Дева!
Что это такое?» —
Воскликает красавица и бежит на звук.

4 Видит: и гостиник, и все люди его —
Кто у окон, кто во дворе,
К небу глаза и лбы,
Словно там затмение или комета.
Смотрит: в вышине — диво,
Сразу и не поверишь:
Мчится по воздуху крылатый конь,
И в латах на нем — ездок.

5 Раскинуты крылья, переливаются перья,
Меж ними — всадник, прямой в седле,
Весь в железе, светлом и блестящем,
И правит путь Прямо на закат,

И вот ринулся вниз и исчез за горами.
«Это был колдун, —
Сказал гостиник (и это была правда), —
Он часто летает этою стороной:

6 То он держится выше туч,
То ведет над самою землей,
Но всякую девушку, взрачную на вид,
Он, завидев, хватает и уносит.
Поэтому бедные те,
Кто красивы, или думают, что красивы
(Всем от него беда!),
Прячутся по домам и не видят божьего света.

7 Замок у него в Пиренеях (продолжал гостиник),
И замок этот — колдовской,
Весь из стали, весь так и сияет, —
Другого такого чуда на свете нет.
Много на него ходило рыцарей,
Но никто не хвалился, что вернулся;
Думаю я, сударь, и боюсь —
Или они в плену, или убиты».

и собирается с Брунелем против него.

8 Слушает девица и радуется
В надежде (и не праздной надежде)
Так спытать чудотворное кольцо,
Что йонец придет колдуну и замку.
Говорит она гостинику: «Дай мне человека,
Чтоб получше знал здешние дороги —
Не могу терпеть, кипит мое сердце
Схватиться с таким колдуном». —

9 «Будет тебе вожатый, — отозвался Брунель, —
Мне с тобою одна дорога,
А у меня есть и путь на чертеже,
И еще, за что ты скажешь спасибо».
(Это значило: перстень; но вслух он не сказал,
Чтобы не пришлось потом расплачиваться).
«Подлинно, спасибо», — говорит Брадаманта.
(Это значило: перстень — моя добыча).

10 Что на пользу — сказано, что во вред
Делу с сарацином — о том ни слова.
У хозяина в угоду ей был скакун,
Удалой для бега и для боя.
Она за него заплатила
И на ясном рассвете пустилась в путь.
Тропа шла узким ущельем,

Брунель был то впереди, то позади.

11 С холма на холм и из рощи в рощу,⁸⁵
Так и взъехали они на ту вершину,
Где видно с Пиренеев в бестуманный день
Францию, Испанию и оба моря,
Как у нас с Камальдолийской горы
И тосканские видно волны, и славянские.
А отсюда крутым и трудным спуском
Они сходят в глубокую долину.

Они подъезжают к замку.

12 Посреди долины была скала,
Чья вершина — в венце стальной стены:
Так вздымалась она в самое небо,
Что округа стелилась далеко внизу.
Кто без крыльев, не лстись достичь вершины —
Тщетный труд!
«Здесь, — сказал Брунель, —
Изнуряет колдун в темнице дам и рыцарей»

Брадаманта отнимает перстень у Брунеля

13 С четырех сторон обрывался обрыв,
Падающий вниз, как по отвесу;
Ниоткуда ни лестниц, ни уступов,
По которым можно взойти;
Сразу видно, — лишь крылатая тварь
Могла свить гнездо в таком пристанище.
Поняла красавица: пришел ее час
Отбить кольцо и убить Брунеля.

14 Но противно ей было запятнаться
Кровью презренного и безоружного:
Разве трудно овладеть ей богатым перстнем
Без его гибели?
И Брунель не остерегся:
Она его схватила.
Крепко вяжет к высокой сосне,
А с перста срывает свою добычу.

15 Он рыдал, он стонал, он взывал,
Но не умолил ее к пощаде,

85 ...оба моря...-- Средиземное и Атлантику. *Как у нас с Камальдолийской горы...* — В Апеннинах, с пика Фальтерона, который возносится над Камальдолийским монастырем, открывается вид одновременно Адриатического («славянского», омывающего берега Славонии) и Тирренского («тосканского») моря.

Осторожно сходит она с горы
В ту долину, под самый замок,
И чтобы колдун предстал для битвы,
Трубит в свой рог.
Рог гремит, и она грозящим криком
Кличет злобного в поле и на бой.

бьется с колдуном,

16 Тотчас на гул и голос
Чародей является из ворот —
Крылатый конь его мчит сквозь ветер
На нее, как на оружного мужа.
И сперва воительница радуется,
Что ничем он зримо не опасен:
Ни копыя с ним, ни меча, ни палицы,
Чтоб пробить или разбить ее доспех.

17 Только щит у него был на левой руке,
Весь в багряном покрове шелка,
Только книга в правой, но, читая в книге,
Он являл очам дивные чудеса,
То казалось во мгновенье века,
Что он мчится копьем наперевес,
То разит клинком или палицею, —
А меж тем он был далек и недосыгаем.

18 Только конь был не мнимый, а истинный,⁸⁶
Конь, исчадь кобылицы и грифона:
Перья и крылья — в отца,
И передние лапы, и лоб, и пасть,
Остальное же все — как у матери.
Имя ему было — гиппогриф,
Водятся такие (но редко)
На Рифее, обок льдистого моря.

19 Силой чар стяжал его колдун,
И никто другой ему стал не надобен:
Неустанным трудом
В месяц он взнуздал его под седло и повод.
На земле и в небе, на юг и север
Он ристал на нем, не зная равных.
Да, средь призрачных его чар
Только конь и был настоящим.

20 Все иное было навождением,
Где вставало черное белым.

⁸⁶ *На Рифее...* — Рифей — в античной мифологии страна гипербореев, расположенная за Рифейскими горами. Комментатор Вергилия Сервий указывал, что там обитают грифы."

Но в поединщице не было испуга —
Ее перстень хранил ей верный взгляд.
Она сеет удары в ветер,
Она мечет коня вправо и влево,
Она тщетно билится и бьется, —
Но затем лишь, что так ей было велено.

21 А поратовав верхом,
Сходит она с седла на землю,
Чтоб вернее достигнуть своего, —
Был и это урок умной волшебницы.
И тогда последней своею чарой,
Не зная и не чая отпора,
Раскрывает колдун свой щит,
Чтоб низвергнуть врага заветным блеском.

22 Он бы мог раскрыть его сразу
Не мороча воителей игрою, —
Но ему был сладостною потехою
И разбег их копий, и размах мечей.
Так хитрый кот
Вновь и вновь заводит шутки с мышью,
А когда прискучит забава —
Вдруг прикусит и бросит насмерть.

23 Маг — как кошка, а враг — как мышка:
Так бывало в прежних его схватках,
Но не так было в этот раз,
Ибо на персте у противницы был перстень.
Зорко и твердо она следила,
Чтобы не было волхву перевеса.
А завидев раскрытый щит —
Сжала веки и упала наземь:

24 Не ослеплена,
Как другие, блеском ярого металла,
А затем, чтобы обманувшийся чародей
К ней спустился со своего коня.
И она не обманулась в умысле:
Чуть коснулась голова ее земли,
Как летун учащает взмахи
И широкими кругами идет на спуск.

и побеждает его.

25 Щит вновь под платом,
Он крепит его к седлу
И сходит к лежащей пешим,
А она ждет, как волк в кустах козленка.
Он рядом — и она на ногах,

И схватила, и ему не вырваться.
Книгу, где вся ратная его снасть,
Злополучный оставил на траве,

26 И была при нем только цепь,
Что всегда он носил на поясе, —
Потому что шел он ее связать,
Как уже и прежде стольких связывал.
А теперь он лежал перед победительницей,
Беззащитный,
И не диво, ибо не ровня —
Он, старик, и она, могучая.

27 Она вскидывает победную руку —
Отсечь сраженному голову;
Но глядит ему в лицо и отводит удар,
Гнушаясь недостойным отомщением.
Она видит пред ней в последней беде —
Чтимый старец с печальным ликом,
Лоб в морщинах, седые кудри,
И ему лет семьдесят или близ того.

28 «Возьми, юный, жизнь мою, ради неба!» —
Молвит старец, в гневе и горе.
Но как рвется он отдать жизнь,
Так она противится отнять ее.
А желает она узнать:
Кто он? и зачем он воздвиг
Здесь, в глуши, свой оплот? и зачем
В целом мире сеет он погибель?

Но Атлант любит Руджьера и хочет укрыть его от опасностей.

29 «Ах, не по недоброму умыслу⁸⁷
Взнес я замок на высь утеса, —
Простонал к ней старый чародей, —
И не из корысти стал я хищником,
А подвигла меня любовь
Уберечь от рокового пути
Славного рыцаря, обреченного от звезд
Стать крещеным и пасть от измены.

30 Свет не видел меж севером и югом⁸⁸
Такого удальца, такого красавца.

87 *Славного рыцаря, обреченного... пасть от измены.* — См.: XXXVI, 64; XLI, 61 слл.

88 *Атлант.* — Персонаж «Влюбленного Роланда», волшебник. Прочитав по звездам, что его воспитаннику Руджьеру суждена безвременная смерть, он пытается предотвратить роковой ход событий, скрывая Руджьера в волшебном замке в Атласских горах. Из замка его выманивает Брунель с помощью перстня Анджелики.

Имя ему Руджьер;
Я, Атлант, с пелен его вскармливал и спаивал.
Жажда славы и жадный рок
Его бросили вслед царю Аграманту;
А мне он был, как сын, и искал я
Вызволить его из беды и из Франции.

31 Чудный замок я воздвиг лишь на то,
Чтоб замкнуть в безопасном Руджьера,
Когда взял я его,
Как хотел я нынче взять и тебя.
А рыцарей, дам и прочую знать,
Которую сам ты увидишь,
Я увел сюда затем, чтоб Руджьеру
С ними легче была долгая неволя.

32 Выхода им отсюда нет,
Но иные их радости мне в радость:
Все, что можно собрать с целого мира,
То и собрано за этими стенами —
Звоны, песни, игры, наряды, сласти —
Все, что сердце просит и губы молвят.
Славно я сеял, славно пожинал,
Но ты пришел, и всему конец.

33 Ах, если душой ты хорош, как видом, —
Не препятствуй доброму моему умыслу!
Вот тебе щит — дарю,
Вот тебе конь, летящий в ветре;
Но не посягай на мой замок!
Уведи двух, трех друзей, а больше не трогай;
Уведи хоть всех, не заспорю,
Лишь оставь мне моего Руджьера.

34 Если ж и его ты хочешь отнять —
О, тогда, унося во Францию,
Прежде вырви мое разбитое сердце
Из развалины этого тела!»
Но девица ему в ответ:
«Его-то от тебя я и вызволю!
А ты плачь, сколько хочешь, но не сули мне даров:
И конь твой и щит и без того уже не твои.

35 Да хоть будь они и в твоей власти —
Недостаточна такая мена:
Ты сказал, что заточил Руджьера
От дурного знака его созвездий?
Но что предназначено ему небом,
То или неведомо или неизбежимо!
И тебе ли, не видев собственной беды,
Прозирать судьбу твоего ближнего?

36 Не проси умереть: я не слышу просьб.
А ежели впрямь ты ищешь смерти,
То, будь целый мир наперекор,
Сильный духом всегда в ней властен.
Но пока ты жив —
Раствори темницу твоим невольникам!»
Так молвила героиня
И с пленным волхвом двинулась к скале.

Он освобождает пленников замка,

37 Собственную скованный цепью,
Шел Атлант, и она за ним,
Все еще ему не веря,
Хоть и был он подавлен и убог.
Немного прошли они шагов,
Как явилась в подножии расщелина,
А за ней — ступени винтом
Вверх до самого входа в замок.

38 Подымает Атлант с порога камень,
Весь в странных чертах и тайных знаках,
А под ним сосуды, имя им — урны,
Из них шел дым, а внутри был огонь.
Вдребезги дробит их колдун — и вмиг
Кругом пустыня, безлюдье, глушь,
Ни стен, ни башен,
Словно замка на скале и не бывало.

39 Исчез волшебник,
Как дрозд из сетки,
Замка — нет,
Узники его — на воле.
Дамы и паладины
Из хором очутились в чистом поле,
И вздохнул не один,
Что на воле уж нет того довольства.

40 Здесь Градасс, и здесь Сакрипант,⁸⁹
Здесь Прасильд, благородный витязь,
За Ринальдом шедший из Леванта,
С ним Ирольд, верный его друг;
И вот видит прекрасная Брадаманта
Желанного своего Руджьера,
И он ее узнает,
И идет к ней с приветным ликованием, —

⁸⁹ *Здесь Прасильд... С ним Ирольд...* — Прасильд и Ирольд -персонажи «Влюбленного Роланда», друзья Ринальда, спасенные им от смерти и обращенные в христианство.

41 Ибо любит ее Руджьер⁹⁰
Больше света, больше сердца, больше жизни
С того самого дня, как пред ним скинула она шлем,
И ранили ее в открытую голову.
Кто и как — об этом долго рассказывать,
Но искали они друг друга день и ночь
В том лесу, дремучем и диком,
А нашли только здесь и теперь.

но Руджьера он заманивает на гиппогрифа,

42 И вот видит он ее, и вот видит он в ней
Единую свою избавительницу,
И таким он полон ликованием,
Что никто его на свете не блаженней.
Вдвоем сходят они в тот дол,
Где красавица венчалась победою,
И глядят: перед ними — гиппогриф,
А на боку его — щит в покрове шелка.

43 Брадаманта идет к его узде;
Конь помедлил, пока она приблизилась,
А потом расширяет крылья
И опять опускается невдали.
А она за ним, а он опять
В воздух, и опять неподалеку —
Как ворона вокруг собаки
То взлетит, то сядет, то тут, то там.

44 Руджьер, Градасс, Сакрипант
И все рыцари, шедшие следом,
Рассеялись по склонам холмов,
Выше, ниже, куда держал крылатый, —
А он,
Не раз и не два погоняв их между скал
По сырым низинам и голым кручам,
Наконец, направил свой шаг к Руджьеру.

45 А и это устроил седой Атлант,
Неустанный в любящем желании
Уберечь Руджьера от грозящей беды —
Лишь об этом мысль его и боль его,
Лишь за этим подослал он гиппогрифа
Вымчать героя из Европы.
Вот Руджьер его тянет за узду,
А тот не хочет идти и упирается.

⁹⁰ С того самого дня, как пред ним скинула она шлем... — Эпизод «Влюбленного Роланда» (III, V): Брадаманта сняла шлем по просьбе Руджьера и этим воспользовался сарацин Мартазин.

46 Тогда сходит храбрец с Фронтин⁹¹
(Так звали его коня)
И садится на ветробежца,
И, пришпорив, бодрит в нем дух.
Разбегается гиппогриф, отталкивается
И — ввысь,
Легче сокола, с которого снят шлычок,
И он взмоет, взвидев добычу.

47 Брадаманта, глядя на любезного⁹²
В такой выси и в такой беде,
Цепенеет
И долго, долго не в силах опомниться.
Слышала она, как Ганимед
Был похищен в небо из отчего царства,
И не знает, не то же ли с Руджьером —
Он ведь краше и милей Ганимеда.

48 Другу вслед
Ведет она взглядом, пока хватает взгляда,
А когда он исчезает из виду,
Все летит за ним ее душа.
Вздохи, стоны, слезы
Изливаются без конца и без отдыха, —
Но Руджьера уже не видать,
И глядит она на коня его Фронтин,

и тот уносит его на запад.

49 И не хочет его покинуть
В добычу первому встречному,
А хочет забрать с собою,
Чтобы рано или поздно воротить хозяину...
Между тем крылатый летит без удержу,
Руджьер видит под собою горы,
Но в такой дали, что не может разглядеть,
Где там ровно, а где отвесно;

50 Так он высоко, что взглянуть с земли — ⁹³
И увидишь в небе лишь точку,
И скользит легко, как смоленая ладья,

91 *Фронтин*. — Во «Влюбленном Роланде» конь Сакрипанта (зававшийся прежде Белолобом — Фронталатте), украден Брунелем (попутно с его прочими воровскими подвигами во время похода за перстнем Анджелики) и отдан затем Руджьеру. Ср.: XXVII, 71 - 72, прим.

92 *Ганимед*. — В античной мифологии троянский царевич, отличавшийся необыкновенной красотой. Был похищен Зевсом, принявшим облик орла, и унесен на Олимп, где стал виночерпием богов.

93 *А дорога ему — на запад солнца...* — Гиппогриф следует широте тропика Рака, как она была исчислена во времена Ариосто, т. е. через Испанию в Азию и в Индию (маршрут Колумба, который привел его в Америку).

Вслед которой попутный ветер,
А дорога ему — на запад солнце,
Когда Рак его держит на кругах его.
Пусть летит, далеко ему лететь;
А мы воротимся к удалому Ринальду.

Между тем Ринальд пристает к Шотландии.

51 И день Ринальд, и другой Ринальд⁹⁴
По простору несшись бурного моря
Под полуденным ветром и полуночным
То к закату, то к полярным звездам,
Наконец, dospешил до Шотландии,
И открылся ему тот Каледонский лес,
Где под сенью древних дубов
Столько слышано битвенного звона.

52 Странствующие рыцари, прославленные в боях,⁹⁵
Сходились сюда со всей Британии,
И из ближних мест, и из дальних,
Из Норвегии, Швабии, Франции,
А кто робок, тот сюда не смел:
Где ищешь честь, там встречаешь смерть.
Это здесь гремели подвигами
Тристан, Ланселот, Галасс, Артур и Гальван

53 И другие лучшие рыцари⁹⁶
Старшего и Младшего Круглого Стола,
Чьих поныне многие высятся
Памятники славных побед.
Наш Ринальд, на коне и при оружии,
Сходит с борта на тенистый берег
И приказывает кормчему
Поспешить и ждать его в Бервикской гавани.

54 Без спутника, без оруженосца
Едет рыцарь по бескрайнему лесу
То одною тропой, то другою,
Где маячат ему чудные нечаянности,

94 ...Каледонский лес... — Каледония, согласно античным авторам (см., например; *Тацит*. Жизнеописание Юлия Агриколы. 10, 11, 25, 31), местность на севере Шотландии. В рыцарской литературе не упоминается никогда, у Ариосто — впервые.

95 *Это здесь гремели подвигами...* — Перечисляются герои бретонского цикла рыцарских романов: Тристану и Ланселоту посвящены отдельные романы; фигура короля Артура скрепляет весь цикл; Галасс — это Галахад, сын Ланселота, вытеснивший отца в поздних прозаических романах с роли первого рыцаря мира (в подцикле Грааля); Гальван — Говен, племянник короля Артура, в свою очередь оттесненный Ланселотом.

96 *Старшего и Младшего Круглого Стола...* — Старший - это стол Утера Пендрагона, отца Артура, младший — стол самого Артура.

И к исходу дня приспевает в монастырь,
Из честного своего имения
Оказывавший приют и почет
Рыцарям и дамам, попавшим в тот край.

55 Игумен и чернецы
Приняли Ринальда на славу,
И насытив утробу щедрым ужином,
Он спросил:
Как в этих краях найти
Доброму рыцарю побольше сручных случаев,
И на чем себя показать,
Стоит он хулы или хвалы?

56 А они в ответ ему: «В этих чашах
Приключений много, и самых чудных,
Но места здесь глухие и дела глухие,
Мало о них кто слышит.
Поищи лучше, — говорят, —
Где будут твои подвиги у всех на виду,
Чтоб за труд и риск
Встала слава воздать тебе должное.

Здесь нуждается в защите от клеветы королева Гинебра,

57 А чтоб доказать твою доблесть,
Есть тебе и достойное дело,
Какое ни встарь, ни вновь
Ни единому не выпадало рыцарю.
Дочери нашего короля
Нынче надобна защита и подмога
На барона по имени Лурканий,
Рвущегося отнять у нее и честь и жизнь.

58 Этот Лурканий
Знать, по злобе, а не по правде
Донес ее отцу, что застиг, как в полночь
Вела она любовника к себе на балкон.
По закону королевства
Ей сгореть на костре, ежели за месяц
(А месяц на исходе) не объявится поборник —
Неправого обвинителя обличить во лжи.

59 Безбожно суров шотландский закон:⁹⁷
Всякая женщина из всякой семьи,
Если сходится с тем, кто ей не муж,
И обвинена, —

⁹⁷ *Безбожно суров шотландский закон...* — Как предположил П. Райна, закон, карающий адюльтер смертью, Ариосто нашел в первой главе испанского романа «Амадис Гальский» (Райна, с. 133).

То казнь ей — смерть, и ее не спасти,
Если не встанет за нее сильный боец —
Доказать,
Что она невинна и вправе жить.

60 В горести о прекрасной своей Гиневре
(Так ее зовут)
Повестил король по градам и замкам:
Кто встанет ей в оборону,
Кто сотрет клеймо клеветы, —
Будь лишь доброго рода,
Он возьмет ее в жены,
И с ней столько имения, сколько вместе от короля.

61 Если канет месяц,
И никто не придет, а придя, не победит, —
Она умрет.
Это ли не дело для тебя,
Чем рыскать наугад по нашим дебрям?
Будет тебе честь и слава, неделимая вовек,
И лучшая из красавиц
От Инда до Атлантических столпов,

62 И вволю золота, и столько имения,
Сколько хватит на весь твой век,
И королевская милость
За восставленную честь его рода.
А и рыцарское твое звание велит
Оберечь от срама
Ту, которая в общей молве —
Истинный образ целомудрий».

63 Подумал Ринальд и молвит:
«Как! должна умереть красавица
Лишь за то, что в нежных объятьях
Утолила мучения любовника?
Проклят будь, кто издал такой закон,
И проклят, кто его терпит!
Если уж казнить — то казнить немилостивую,
А не ту, что в верного вдыхает жизнь!

и Ринальд пускается ей на помощь.

64 Правда ли, нет ли, что был у Гиневры милый, —
Это мне равно;
Если правда — я сказал бы „добро!",
Кабы не было из этого столько шума.
Ничего я не хочу, а лишь спасти ее:
Дайте мне жоака
В тот конец, где ждет обвинитель,

И как бог свят, я вызволю Гиневру!

65 Не хочу сказать, что она неповинна, —
Я в том несведом и боюсь солгать;
А скажу одно: по такому делу
Не за что ее казнить;
И скажу другое: сумасброден бйл и зол,
Кто писал такие лютые законы.
Отменить бы вам их за несправедность,
А издать бы новые, получше.

66 Если общий жар, если равная жажда
Клонит и гнет и девицу и молодца
К сладкому тому концу,
Что укорен только невежеству, —
То зачем казнить и зачем хулить,
Коли дастся даме с одним и с другим,
Что дается мужчине в охоту и без счета,
И за то ему хвала, а не кара?

67 Истинно говорю: нечестив закон
И для дам очевиднейше обиден.
Так не ясно ли, как бог свят, что не дело
Томиться под ним так долго?!»
И никто не спорил с Ринальдом,
Что предки были неправы,
Заведя столь недобрые законы,
И напрасно-де король их не выправил.

68 А когда просиял небосвод
Чистым румянцем нового рассвета,
Уж Ринальд — в доспехе, и верхом на Баярде,
И при нем — щитоносец из обители
В дорогу на много верст,
Все лесом, густым и диким,
Туда, где решит королевнину участь
Новый оружный суд.

По пути он спасает от разбойников Далинду.

69 Сокращая путь,
Свернули они с дороги на тропу,
Как вдруг слышат изблизи крик и плач
На всю лесную окрестность.
Шпорит он Баярда, а спутник — клячу,
В ту лощину, откуда крик,
И видят: меж двух мерзавцев —
Девушка, издали недурна собой,

70 Но в слезах, но в муках,

Как никто никогда из женщин,
А двое при ней — с ножами,
Чтобы ею окровавить траву;
Она жалостно молит
Не милости — хотя бы отсрочки, —
Но является Ринальд, озирается Ринальд
И с грозным криком мчится на них.

71 Мигом злодей поворотили тыл,
Дальнюю завидев ей подмогу,
И пластаются в глубокой низине.
Герой погнушался погоней —
Он подходит к даме, он хочет слышать,
От какой беды ей такая мука;
А для сбереженья времени велит щитonosцу
Принять ее в седло и держать свой путь.

72 Они едут обок, и он видит, что она
И лицом хороша и повадкою учтива,
Но вся в перепуге
От миновавшей смерти.
Спрашивает он ее вновь,
Кто завлек ее в такую беду, —
И она покорно начинает сказ,
А какой, — о том в следующей песни.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ (ГИНЕВРА)

Песнь V

Далинда рассказывает Ринальду историю Гиневры и свою

Вступление.

1 Все земные твари
Или живут в мире и покое,
Или, если уж ссорятся и враждуют,
То мужской пол с женским — никогда.
Медведица с медведем безопасна в лесу,
Львица льва не боится в логове,
И волчица спокойно бродит с волком,
И корова со своим быком.

2 Какая же напасть, какая Мегера
Так переверотила людские души,
Что мы видим и слышим: мужья и жены
Бранят друг друга злою бранью,
Синяками и кровью метят лица,

Обливают слезами брачные ложа,
И кабы только слезами! —
Кровью не раз их пятнал слепой раздор.

3 Вот и говорю я: не просто зло, а грех
Против естества и против Господа —
Бить красавицу по щекам,
Терзать красавицу за волосы;
А уж кто ей хочет вынуть душу
Удавкой, ножом или зельем, —
Не поверю, чтоб он был человек:
Это черный дух в людском обличий!

4 Верно, таковы были и те
Два разбойника, что умыкнули девушку
В темную ту лощину,
Чтоб о ней уже никто и не слышал.
Отчего случилось такое горе, —
О том будет она теперь рассказывать
Рыцарю Ринальду, спасителю своему.
Здесь я их покинул, отселе и продолжаю.

Далинда рассказывает,

5 Дама начинает: «Вот повесть»⁹⁸
Ужасов, страшнее и громче,
Чем в Микенах, Аргосе, Фивах,
Или где еще злей были злодейства.
Если светлое солнце в своем кругу
Дальше держится от нас, чем от южных стран, —
То не оттого ль, что мерзит ему глядеть
На наше безжалостное племя?

6 Люди беспощадны к врагам —
Это видано во все времена;
Но губить того, кто не жалеет сил и чувств
Для тебя же — это злейшее несчастье.
Чтобы лучше обнажить вам правду,
Почему эти люди, рассудку вопреки,

98 *...Вот повесть...* — Повесть о Гиневре, которая далее рассказывается, в самом общем плане напоминает прославленный эпизод французской «Вульгаты» (XIII в.), в котором Ланселот вооруженной рукой спасает от казни королеву Геневру (ср.: имя героини в повести), обвиненную в супружеской измене. Фигура Далинды, рассказчицы, создана с оглядкой на судьбу Бранжьены, верной служанки Изольды. Сама же интрига, послужившая к обвинению Гиневры, воспроизводит эпизод из каталонского романа Ж. Мартуреля «Тирант Белый» (изд. 1490), где заглавный герой также наблюдает инсценировку измены, причем, в отличие от «Неистового Роланда», в чужом облике выступает не возлюбленная, а ее мнимый любовник. Сюжет «повести» Ариосто через новеллу Банделло (I, XXII) проник в комедию Шекспира «Много шума из ничего». Воспользовался им также Спенсер («Королева фей», II, IV). См.: Райна, 128 — 140.

...Чем в Микенах, Аргосе, Фивах... — В Микенах Клитемнестра убила мужа, Агамемнона, и затем была убита сыном; в Аргосе Данаиды убили своих мужей; под стенами Фив в братоубийственной войне погибли Полиник и Этеокл.

Рвались смять нерасцветшую мою жизнь, —
Расскажу я вам с самого начала.

как она любила Полинесса,

7 Ведайте, добрый сударь: с юных лет⁹⁹
Я была в услужении королевы,
С ней росла
И была при дворе в чести и милости.
Но жестокий Амор мне позавидовал —
И велел на мою беду,
Чтоб меж всеми юношами и рыцарями
Краше всех мне стал Альбанский герцог

8 Он являл мне такую любовь,
Что ответною дрогнуло мое сердце.
Мило нам слышать речи и видеть очи,
Трудно знать, что таится на душе.
Веря и любя,
Приняла я его на ложе,
Не подумав, что я была
В тайной той светлице королевы,

9 Где хранила она самое дорогое,
Где не раз почивала сама.
Вход туда был с балкона,
Балкон нависал над стеною,
Этот путь и указала я любовнику,
А веревочную лестницу
Я сама спускала ему с балкона
Всякий раз, как желала его к себе;

10 А бывало это так почасту,
Как была мне воля от королевы —
А она охотна была менять свои спальни,
От жары укрываясь или зимней стужи.
Как взбирался мой друг, никто не видел,
Потому что с той стороны
За дворцом были разваленные хижины,
Где никто не хаживал ни днем, ни ночью.

11 Много длилась дней и много месяцев
Наша тайная любовная игра;
Все сильнее была любовь,
Все внутри у меня горело,
И была я так слепа, что не видела,
Что любил он мало, а лгал много,
Хоть могла бы угадать его обманы

99 ...Альбанский герцог. — Имеется в виду Олбани, графство в Шотландии.

По тысяче самых верных признаков.

а он — Гиневру,

12 Но вот сам он вдруг сказал мне, что влюблен
В прекрасную Гиневру. Я не знаю,
Новая ли эта была любовь,
Или ко мне пришел он уже с раненым сердцем.
Но как он ни во что меня не ставил,
Но как знал он свою власть надо мною,
Что сам открылся и сам не устыдился
Просить о помощи — в такой любви!

13 Он сказал, что любовь его к принцессе —
Совсем не то, что ко мне,
А пылает он к ней лишь притворно,
Чтобы справить с ней законную свадьбу:
Будь на это ее согласие —
И король уж верно не станет спорить,
Потому что и родом и саном
Только короля он ниже.

14 Он меня уверил, что если я
Помогу ему стать королевским зятем, —
А вестимо, что никакой тщеславец
Выше этого не взмоется к королю, —
То он вспомнит меня на добром деле,
Не сотрет мою услугу из сердца
И пуще жены и всякой женщины
Вечно будет любить меня.

15 Я была на все для него готова,
Не хотела и не знала ни слова против,
Только я и видела света,
Когда что-то могла ему в угоду;
Каждый ловила я случай
О нем говорить и его выхвалять,
Все заботы мои были о том лишь,
Чтоб любовник мой полюбился Гиневре.

а она — Ариоданта.

16 Всей силой и всей охотой,
Видит бог, я делала, что могла,
Но напрасно:
Не склонялась Гиневра к моему герцогу.
А все потому, что ее любовь
Всею думой и всею жаждой

Была в ясном милом рыцаре, который
Приплыл в наш край из заморских стран.

17 Из Италии к нашему двору
Он явился с юным своим братом,
И таким показал себя в оружии,
Что отважней никто не слыл в Британии.
А король от большой любви
Лучшие ему дарил
Замки, города и уделы,
Величая его вровень с большою знатью.

18 Таков был Ариодант,
Чудесами рыцарской доблести
Любезный королю, а пуще — королевне.
Но превыше того был он сам в нее влюблен:
Ни Везувий, ни Этна, ни Троя
Не пылали в небо стольким пламенем,
Сколько страстью радел Ариодант,
И Гиневре это было заведомо.

19 И с того, что она его любила
Искренне так и верно, —
Не желала она и слышать герцога,
Не было надежд в ее ответах.
Я ли за него не просила,
Я ли не молила ему о милости, —
Но она к нему делалась все хуже
И все круче и суровой говорила о нем.

20 Я не раз побуждала друга
Отрешиться от тщетных покушений, —
Нет надежды переломить душу,
Где крепка другая любовь.
Я показывала ему яснее дня,
Как она горит по Ариоданту,
И что всеми водами океана
Не залить ни искорки этого огня.

21 Много раз это слышав от меня,
Полинесс (так прозывался герцог)
Понял, наконец, и увидел,
Что любовь его на ложном пути.
Но в своей гордыне
Пред лицом предпочтенного соперника
Он не выветрил любви из сердца,
А оборотил ее в ненависть и месть.

22 Меж Гиневрою и ее влюбленным
Он затеял посеять
Рознь, раздор
И вражду, какой они не вынесут,

А Гинеvру ввергнуть в такой позор,
Какового не избыть ни живой, ни мертвой.
Черным этим замыслом не делился он
Ни со мной и ни с кем, а таил про себя.

Оскорбленный Полинеcс подговаривает Далинду

23 Так порешив, говорит он мне: «Далинда,
(Это я — Далинда), пойми меня:
Как, трижды и четырежды срубленное,
Снова дерево пускает побег,
Так злосчастное мое упорство
Хоть подрублено неуспехом,
Но не вырвано с корнем
И все тянется к цели своих желаний.

переодеться Гинеvрою

24 Не столько мне наслаждение,
Сколько дорога победа:
Непосильная вьяве,
Она радует и в воображенье.
И прошу я тебя: когда Гинеvра
Отойдет, раздетая, ко сну,
Ты меня встретить,
Одевшись ее одеждою,

25 Разубравшись ее уборами,
Уложивши кудри, как она,
Изощрившись стать ее подобием, —
И тогда явись на балконе с лестницею.
Я увижу мысленною мечтою
В платье — ту, что носила платье,
Обману себя сам
И, быть может, угашу мое желание».

26 Так сказал он. А я,
Вне себя и сама не своя,
Не сумев угадать в его мольбе
Очевидного обмана,
В одеянье госпожи взошла на балкон,
Сбросила ему привычную лестницу,
А коварство угадала не ранее,
Чем обрушилась беда.

и, поспорив с Ариодантом,

27 Случилось в ту пору герцогу
Собеседовать с Ариодантом
(А они были добрые друзья,
Пока их не развела Гиневра),
И сказал ему мой любовник: «Не странно ли —
Я тебя и чту и люблю
Предо всеми моими сверстными,
А в тебе не обретаю ответа?»

28 Я ведь знаю, что тебе небезведома
Меж Гиневрою и мною долгая любовь,
И что я ее добиваюсь в жены
От господина моего, короля.
Отчего же ты мутишь нас? отчего
Тщетно на нее полагаешь сердце?
Видит бог, я не так бы тебя уважил,
Будь я в твоей доле, а ты в моей».

29 «А мне, — отвечал Ариодант, —
От тебя еще и более странно,
Ибо я ее любил много прежде,
Чем ты только ее увидел,
И я знаю, что тебе небезведома,
Какова между нами горит любовь,
И как жаждет она мне стать женою,
Небезведома и что тебя она не любит.

30 Отчего же ты мне сам не окажешь
Ради нашей дружбы
То, чего ты ждешь, и что я сделал бы,
Если б ты ей больше был, чем я?
Я ведь тоже жду ее в жены,
Хоть и нет у меня таких богатств,
И для короля я не меньше, чем ты,
А для королевны — и много больше».

31 «Ах, — сказал ему герцог, —
Как слепит тебя безумная любовь!
Ты говоришь — ты любим; и я
Говорю — я любим; посмотрим же на деле.
Открой мне все, что у тебя за душой,
И я открою тебе мои тайны;
Кто из нас увидит, что он — слабее,
Тот уступит и уйдет к другому поиску.

32 Если хочешь клятвы — поклянусь
Никому не сказать того, что скажешь;
Дай залог и ты,
Что мои слова останутся в скрытности!»
Так они согласились о присяге,
Положили ладони на Евангелие,

Поклялись молчать о том, что доверено,
И тогда заговорил Ариодант.

33 Он поведал по чести и по правде
Все, что было меж ним и Гиневрою,
Как она изустно и заручно
Поклялась не быть ни за кем другим, —
Если же король воспрекословит,
То навек остаться затворницею
И на всякое искательство
Отвечать: «нет».

34 И поведал, что он в надежде
Битвенною своею доблестью,
Явленной и явимою много крат
В славу, честь и благо царя и царства,
Так возвыситься в милости государя,
Что почтется от него достойным
Принять его дочь в супруги,
Как откроется, что он ей угоден.

35 «Вот рубеж мой, — сказал Ариодант, —
Кто иной на нем меня настигнет?
Большого мне не надобно,
Лучших знаков любви ее не ищу я,
Пока господь
Не сведет нас в законном браке.
Да иное бы желание и тщетно,
Ибо знаю: нет девиц ее целомудренней».

36 Когда молвил Ариодант по сущей правде,
Какой ждет он награды за труды,
То упорствуя Полинесс
Развести влюбленного с возлюбленною,
Начал так: «До моего рубежа
Далеко тебе: ты сам это скажешь
И, увидев, в чем завязь моего счастья,
Сам признаешь, что нет меня блаженной.

37 Лжет тебе Гиневра: не любит тебя, не ценит
И пасет лишь словами обещаний,
И сама мне говорит,
Что любовь твоя ей в потеху.
Для меня же залог ее приязни —
Не посулы и не обманы:
Под присягой я поведаю мою тайну,
Хоть и лучше бы ей быть скрытой.

38 Что ни месяц, то три или четыре
Или шесть или десять ночей
Я лежу нагой в ее объятиях,
Жар любви растворяя в сладострастье.

Суди сам, сравнить ли
Твою и мою усладу?
Уступи же и ищи себе другую,
Ибо нынче я тебя перевысил».

39 «Не желаю тебе верить, — ответил
Ариодант, — я знаю, ты лжейь,
Ты сам это измыслил
В устрашение моему намеренью.
Но твой измысел — позорен даме,
Встань же к ответу за твои слова:
Ты — лжец,
И тебе я докажу, что вероломец».

40 Отвечает герцог: «Не пристало
Затевать нам бой:
Если хочешь —
О чем спор, я представлю тебе воочию».
Помутился Ариодант,
Хладный трепет проникает его кости,
И поверь он коварному вполне,
Жизнь по вздоху отлетела бы от тела.

41 С бледным лицом, с пронзенным сердцем,
С дрожью в горле, с горечью в устах
Он сказал: «Если дашь ты мне .увидеть
Небывалое это дело —
Я клянусь сойти с следов ее,
Столь щедрой к тебе, столь скупой ко мне.
Но не жди, чтобы я поверил
Иначе, как собственному взору!» —

выдает себя за любовника Гиневры.

42 «Час придет — и я тебя вызову», —
Отвечает и уходит Полинесс.
А ночь или две спустя
Когда был уговор ему прийти ко мне,
Порешил герцог захлестнуть тайную свою сеть,
И пришел к сопернику,
И сказал: «Спрячься
Нынче ночью в тех безлюдных хижинах», —

43 И показал напротив
Привычного своего балкона.
Затревожился Ариодант,
Не затем ли его заманивают,
Чтоб в условном месте
Засадить засаду и отнять его жизнь,
Посулив обманно

Показать невозможное от Гиневры.

44 Он решил прийти,
Но прийти не слабей врага:
Случись засада —
Чтоб суметь отбиться от смерти.
Был у него брат, горячий и хитрый,
В битвах лучший меж всех, кто при дворе,
Звали его Лурканий,
И в спутниках был надежней десятерых.

45 Ариодант его кличет, и велит ему быть
С мечом, и ведет с собою,
Но тайны своей не открывает
И ввек не открыл бы ни ему и никому.
Он ставит его от себя в перебресе камня:
«Услышишь крик — беги ко мне, —
Говорит он, — но пока не слышно крика,
Ежели ты любишь меня — ни с места». —

46 «Ступай, не тревожься», — отвечает брат;
И вот во тьме
Идет и укрывается Ариодант
В пустой хижине против тайного балкона.
А с другой стороны уже спешит злой лжец,
Радуюсь опозорить Гиневру,
И условный подает меж нами знак
Мне, не чающей этого обмана.

47 В белом платье,
В золотом поясе вокруг стана,
В золотой фате,
Алыми расшитой цветами
(У одной Гиневры такой наряд) —
Заслышав знак,
Выступила я на балкон,
Видная и спереди и сбоку.

48 А Лурканий,
В тревоге ли за участь брата,
В общем ли человеческом желании
Досмотреть, что приключается с ближним,
Тихо тронулся вслед за ним,
В темной улице держась темных мест,
И прокравшись, укрылся в той же хижине,
В десяти от него шагах.

49 Всего этого я не зная,
В сказанном наряде вышла на балкон,
Как не раз и не два
В добрый час выходила навстречу другу.
Платье мое светлелось при луне,

Видом и осанкою
Я довольно сходствовала с Гиневрой,
И принять нас друг за друга было просто.

50 А еще и расстояли не на мало
Тот балкон и те глухие хижины,
Где в тени таились двое братьев, —
И легко внушил обманщик сопернику
Свою ложь.
Представьте же, добрый рыцарь,
Весь ужас Ариоданта, всю муку!
А герцог идет, и лестница ему спущена,
И он подтягивается и вскидывается на балкон.

51 Я встречаю его и обнимаю —
Ведь не знала я, что за мною следят!
Я целую его в лицо и в губы,
Как всегда, когда он со мной;
Он ласкает в ответ, и еще живей,
Чем всегда, это тоже для обмана.
А тот, другой, зритель злого зрелища,
Страждет поодаль и видит все.

Это видит Лурканий, брат Ариоданта.

52 Таково его горе,
Что он рвется тотчас умереть.
Он вонзает меч рукоятью в землю,
Чтобы сердцем броситься на острие;
Но Лурканий, глядевший с изумлением,
Как взбирался любовник на балкон,
Но не знавший, кто он, —
Замечает беду, бросается к брату

53 И своей рукою
Бешеного спасает от удара в грудь:
Мигом позже или шагом дальше
Он бы не поспел и он бы не помог.
«Брат, несчастный! брат, безумный! —
Он кричит, — до того ли ты сбрел с ума,
Что загубишь себя за женщину?
Всем бы им сгинуть, как тучам в ветре!

54 Если смерть — поделом, то ей, а не тебе;
А себе дождись случая достойнее!
Было тебе любить ее до обмана,
А теперь твое дело — ненавидеть:
Не своими ли ты видел глазами,
Какая и что она за шлюха!
Сбереги свой меч не на себя,

А на уличенье зла пред царским взором!»

55 Увидев себя застигнутым,
Оставляет попытку Ариодант,
Но воля, подвигнувшая его к смерти,
Не уходит из его души.
Он встает, с пронзенным и растерзанным
От безмерного горя сердцем,
Но притворно уверяет брата,
Будто бешеный жар уже погас.

56 Но на следующее утро,
Не сказавши слова ни брату и никому,
Он покинул двор путем отчаяния,
И никто ничего о нем не знал:
Кроме брата и герцога, никто
Не угадывал, что его встревожило,
И при короле, и по всей Шотландии
Разные о нем ходили толки.

Ариодант в тоске бросается в море,

57 А на восьмой или девятый день
Ко двору предстал пред Гиневру странник
С недоброй вестью,
Что Ариодант в морской пучине
Принял вольную смерть:
Не борей и не левант его обрушил,
А сам он с приморского утеса
Ринулся головою вниз

58 «А пред этим, — поведал странник, —
Повстречав в пути нечаянного меня,
Он велел мне: «Следуй за мной
И поведай мою участь Гиневре,
И скажи: всему, что ты увидишь,
Единая была причина —
Что сам я слишком многое видел.
Ах, век бы мне лучше быть незрячим!»

59 Были мы на нижнем мысу,
Что глядит в ирландское море;
Он стоял на гребне утеса,
И с этими самыми словами,
Видел я, как пал он в море головой, —
И на этом поспешил к тебе с вестью».
Пораженная, искаженная,
Слушала его Гиневра, едва жива.

60 Боже правый, что она молвила и делала,

Как осталась одна на верном ложе!
Била в грудь, рвала одеянье,
Терзала золотые кудри
И все твердила
Последние слова Ариоданта,
Что причина злой и горькой его гибели —
В том, что слишком многое он видел.

61 Разбегается молва:
Лучший рыцарь казнил себя от горя!
Не просыхают очи
Ни у короля, ни у рыцарей, ни у дам;
Но более всех терзается Лурканий,
И в такой он страсти,
Что готов, как брат,
На себя наложить смертную руку.

62 Вновь и вновь твердит он,
Что Гиневра была брату губительницею,
Что лишь взвидевши ее вероломство,
Тот рванулся в смерть, —
И в такой слепоте он жаждет мести,
Так гнетут его боль и гнев,
Что ему — ничто
И немилость и ненависть царя и царства.

а Лурканий обвиняет Гиневру в распутстве.

63 Он пришел к государю
В час, когда пред ним был в сборе весь двор,
И сказал: «Государь, узнайте,
Кто свел брата с ума и ввел в погибель:
Это ваша дочь — она одна,
Изъявивши свое нецеломудрие,
Такой болью пронзила его сердце,
Что ему милее стала смерть, чем жизнь.

64 Он любил ее, говорю об этом вслух,
Ибо благороден был его помысел:
Был он в надежде заслужить ее в жены
Доблестью пред вами и верностью.
Но меж тем, как лишь издали вдыхал он аромат,
Он увидел: на хранимое дерево
Взлез другой
И похитил плод, желанный и сладкий».

65 И повел он повесть,
Как увидел он Гиневру на балконе,
И спустила она лестницу, и вошел
К ней любовник, а кто — ему не ведомо,

Ибо тот, чтоб не дать себя узнать,
Сменил платье и скрыл свои волосы.
А что сказанное — не ложь,
Он готов подтвердить оружием.

66 Ах, сударь, представьте себе муки отца
При этом обвинении дочери!
Он слышит о ней такое, о чем
Никогда не думал, и не может опомниться,
И он видит, что принужден
(Ежели не явится защитник
Мечом обличить Луркания во лжи)
Осудить ее и казнить ее смертью.

67 Господин мой, вам уже не новость,
Что закон наш обрекает на казнь
Всякую девицу и даму,
Что не своему далась супругу.
Через месяц уличенную ждет смерть,
Если за нее не встанет поборник,
Сильный доказать лжеобвинителю,
Что она невинна и достойна жить.

68 Чтобы вызволить неправо обвиненную,
Велит король огласить,
Что он выдаст ее, и с большим приданым,
За того, кто с ее имени смоем позор.
Но не слышно пока о таком поборнике,
Все кивают один на другого,
Потому что так силен в оружии
Был Лурканий, что всякому страшно.

69 Не по-доброму рассудила судьба,
Чтоб Зербин, королевнин брат,
Был не здесь, а в рыцарском странствии,
Где он кажет себя славными подвигами.
Будь он ближе, юный удалец,
И доспей к нему тревожная новость,
Он не минул бы на помощь сестре.

Далинда, опасаясь за себя, бежит к Полинексу,

70 Но король, взыскуя узнать
Не единым оружным испытанием,
Правда в обвиненье или ложь,
Достойна дочь казни или нет,
Приказал схватить ее служительниц,
Должных знать, что было и чего не было.
И понятно стало: как возьмут и меня —
Худо будет и мне, и герцогу.

71 В ту же ночь я прокралась из дворца
Прямо к герцогу
И открыла, как опасно нам обоим,
Ежели возьмут и меня.
Он сказал «спасибо», он сказал «не бойся»,
И присоветовал
Мне укрыться в ближнем своем замке,
И послал со мной двух своих людей.

72 Теперь вы слышали, сударь,
Доказала ли я любовь мою к Полинессу,
Теперь видите въяве,
Заслужила я его приязнь или нет.
Послушайте ж, как отслужена услуга,
Посудите, можно ли за такую любовь
Женщине чаять быть любимой?

но он велит ее убить,

73 Вероломный, неблагодарный, подлый,
Он посмел не верить моей верности,
Испугался, что наконец
Я открою лисьи его хитрости,
Притворился, будто он хочет
Удалить и скрыть меня в своем замке,
Пока минет в короле гнев и ярость, —
А сам меня отправил на прямую смерть:

и ее спасло лишь появление Ринальда.

74 Провожатым моим тайно велел он,
Заведя меня в эту дебрь,
За всю верность мою меня зарезать, —
И так бы оно и сделалось,
Не явись сюда ты на мой крик.
О Амор, вот награда твоим искренним!»
Так Далинда рассказывала рыцарю,
Между тем как кони их шли да шли.

75 А Ринальду радостью из радостей
Было встретить такую спутницу,
От которой он услышал всю повесть
О невинности прекрасной Гиневры.
Он и прежде, он и не уверенный
В чистоте ее, шел ее спасти,
А теперь пылал еще отважней,
Видя въяве, что наговоры — клевета.

76 Ко граду святого Андрея,¹⁰⁰
Где король и королевский дом,
И где было быть единоборству
За честь дочери того короля,
Поспешил Ринальд всею спешью,
И уже недолог оставался переход,
Как на крайнем привале
Он узнал от щитоносца новые новости:

Тем временем на защиту Гиневры является рыцарь под забралом

77 Объявился на защиту Гиневры
Никому не ведомый рыцарь,
Пришелец, с незнакомым гербом,
Всегда под стальным забралом —
И с самого его явленья
Никто его не видел в лицо:
Даже собственный его щитоносец
Клялся, что не знает, кто он такой.

78 Вот немного они проехали и доехали
До столичных стен и ворот;
Дальше страшно стало Далинде,
Но при ней опорю был Ринальд.
Оказались ворота на запоре;
«В чем дело?» — кричит Ринальд,
А ему отвечают: весь народ
Побежал смотреть на поединок

и вступает в поединок с Лурканием.

79 Меж Лурканием и неведомым рыцарем
На другом городском конце,
Где есть луг просторный и ровный,
Где они уже затевают бой.
Отворяют ворота монтальбанскому витязю
И тотчас запирают за его спиною.
Вот едет Ринальд по пустому городу,
А Далинду оставляет в гостинице

80 И наказывает ей сидеть и ждать,
Очень скоро он к ней вернется.
А покуда он скачет к битвенному полю,
Где разит и отражает всадник всадника,
И ратной распре не видать конца:

100 *Ко граду святого Андрея...* — Сент-Эндрю, город на восточном побережье Шотландии.

Всей злобою сердца стоит Лурканий
Против королевны, — и так же тверд,
За нее поборая, его соперник.

81 А на страже стоят стеной
Шесть рыцарей, пеших и в броне,
А над ними, верхом, альбанский герцог
На могучем коне первейших кровей.
Как начальный воевода,
Надзирал он над городом и станом,
И смотрел на Гиневрину беду,
Вскинув лоб и ликуя сердцем.

Ринальд прерывает их бой,

82 Ринальд на лихом Баярде
Прорезается меж людом и людом;
Слыша бурю его явленья,
Все спешат распахнуть ему дорогу:
Он воочию превосходней всех,
В нем сияет цвет рыцарственной удали.
Вот он встал перед царским местом,
И все прихлынули слышать его слова.

83 Он сказал: «Благородный государь,
Прерви бой!
Знай: кто бы из двух ни пал,
Ты его погубишь безвинно.
Один хочет правды, но не видит,
Молвит ложь и не ведает, что ложь:
Под одним и тем же обманом
Брат его погиб, а сам он встал губить.

84 А другой и не знает, правда с ним или нет, —
Из единого веледушия
Он готов на смерть,
Чтоб такой красоте спастись от смерти.
Я пришел с избавленьем для невинности
И с расправой для низкого коварства —
Но сначала во имя Господа,
Разними сраженье, а после выслушай меня!»

обличает Полинесса

85 Важность и достоинство,
Зримые в властном облике Ринальда,
Внушили королю
Подать слово и знак к пресеченью боя.

И тогда пред королем и баронами
И многим рыцарством и несчетным народом
Раскрывает Ринальд всю кознь,
На Гиневру замышленную Полинессом,

86 Вызывается доказать
Правду слов своих бранной сталью, —
Полинесс принимает вызов
И выходит с сумрачным лицом
Но вину отрицая последней наглостью.
«Поглядим!» — говорит Ринальд.
Оба в седлах, поле открыто,
Без помехи начинается бой.

87 О, как жаждет король и с ним народ,
Чтоб Гиневра предстала невинною!
Вес надежды — что Божий суд
Обнаружит мнимость ее позора.
Слыл Полинесс злым, надменным, скаредным,
Вероломным, неправосудным,
И не в диво было никому,
Что такие им ковались ковы.

и на Божьем суде убивает его.

88 Стоит Полинесс —
Мрачен вид, бледен лик, трепет в сердце;
С третьей трубой
Вздымает он копьё наперевес.
Мчит Ринальд, чтоб кончить одним ударом,
Метит в грудь, чтоб копьё прошло насквозь.
По желанному был исход —
Вбилось в грудь копьё до полкопья.

89 Вздетого на древко швыряет он наземь —
На шесть локтей в сторону от коня.
Соскакивает Ринальд и срывает с него шлем,
Не давая ему встать и опомниться.
Не в силах биться,
Тот покорно просит пощады
И вслух пред королем и пред всем двором
Кается в обмане, за который погиб.

90 Он не кончил: на полуслове
Оставляют его и голос и вздох.
А король, чья дочь
Вызволена из смерти и недоброй славы,
Утешается, радуется, ликует
Больше, чем если бы
Потерял и вернул себе корону, —

И за это Ринальду — особенная честь.

Неведомый рыцарь открывает лицо...

91 А когда Ринальд снял шишак,
И увидел король знакомое лицо —
Вскинув руки, он благодарит
Небеса за такого помощника.
Между тем другой паладин,
В трудный час представший за Гиневру
И принявший оружный бой,
Стоит в стороне и глядит на все.

92 Просит его король
Открыть имя или хоть лицо,
Чтобы тоже принять награду
По достоинству его доброго помысла.
После долгих просьб вот и он снимает шлем,
И видят все
То, о чем скажу я в другой песне,
Если вам благоугодно послушать.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ (ОСТРОВ АЛЬЦИНЫ)

Песнь VI

Внизу — Ариодант открывается перед королем. Вверху — Руджьер опускается на остров Альцины

(Вступление)

1 Беда злодею,¹⁰¹
Что мечтает схоронить злодеяние,
Пусть все молчат — но кричит сам воздух
И кричит земля, где оно схоронено.
А нередко бог попускает грешнику,
Чтобы, незаподозренный,
Но и неосмотрительный,
Грех раскрыл себя сам.

2 Беда была Полинессу
Полагать, что он скроет преступленье,
Удалив Далинду, которая

¹⁰¹ *Беда злодею...* — Сентенция относится к числу распространенных в античной афористике. Ближе всего она напоминает изречение Цицерона (О пределах добра и зла, I, XVI, 50).

Знала и могла бы рассказать:
Громоздя злодейство на другое,
Он ускорил беду, что мог бы оттянуть,
Мог бы оттянуть и даже обойти, —
Но он шпорил себя и мчался к гибели,

3 И лишился жизни, и сана, и друзей,
И того, что всего дороже — чести.
Но уже я сказал, как все
Умоляли открыться неведомого рыцаря;
И вот снял он шлем
И явил знакомое милое лицо,
Ибо это был Ариодант,
Столь оплаканный уже по всей Шотландии.

...и оказывается уцелевшим Ариодантом.

4 Это был Ариодант,
О котором рыдали, как о мертвом,
И Гиневра, и брат, и король, и двор, и люд —
Так он был хорош и светел доблестью.
Тут-то и открылось,
Сколько правды и неправды поведал странник.
Подлинно он видел своими глазами,
Как низвергся рыцарь в море со скалы, —

5 Но в отчаянии так ведь бывает:
Кто издали жаждет смерти,
Тому рядом она противна,
И груба, и крута, и тяжела;
Вот и Ариодант, случившись в море,
Расхотел умирать,
А как был он ловок, силен и быстр,
То пустился в плавь и выплыл к берегу.

6 Разбранив сумасбродством
Ту охоту свою покончить с жизнью,
Весь измокший, он тронулся в путь
И набрел на хижину пустынного.
Здесь втайне решил он выждать,
Какие послышатся слухи —
Обрадуется Гиневра его гибели
Или будет печальна и верна.

7 И сперва он слышит: Гиневра
Чуть жива от великой горести
(Лишь о том по сей стране и твердили —
Так шумела о том молва).
Это было совсем не то,
О чем думал он, терзаясь отчаяньем.

А потом он слышит: Лурканий
Обличает Гиневру пред отцом.

8 Горит гневом Ариодант на брата,
Как горел любовью к королевне, —
Понимает, эта месть — за него,
Но не в меру она страшна и нещадна.
А потом он слышит: никто из храбрых
Не решается в защиту Гиневры,
Потому что Лурканий силен и смел,
И идти на него надобно подумавши;

9 А кто знал его, тот знал, что в нем —
Острый ум, здравый смысл и осторожность;
Значит, верно, в словах его — правда,
Коли он за них идет на жизнь и смерть.
Оттого-то бойцы и сомневались,
Вдруг защита обернется им бедой?
И поразмышляв, Ариодант
Сам решил предстать на вызов брата.

10 «Горе мне! — сказал он — нет сил
Видеть, как она за меня страждет!
Мне и смерть не в смерть,
Если прежде меня умрет Пгаевра.
Она — моя дама, она — моя богиня,
Она моим очам — как небесный свет;
Виновна она или не виновна,
Долг мой — спасти ее или пасть в бою.

11 Я знаю, она виновна. Пусть!
Я умру. Но и это мне не в тягость,
А лишь то, что вслед моей смерти
И она, прекрасная, должна умереть.
Только мне и утешенье в кончине,
Что хваленый ее Полинесс
У нее на глазах
И не шевельнется ей на помощь,

12 А я, столько вынесши обид,
Пред ней паду за ее спасенье.
Заодно я накажу и брата,
Запалившего такой пожар:
Ему станет больно,
Как узнает он, что жестоким своим подвигом
Он хотел отомстить за родного,
А сгубил его собственной рукой».

13 Додумав такую думу,
Добывает он новый доспех и коня,
Черное покрывало и черный щит
В узоре горчичного цвета

И счастливо приискивает оруженосца,
Никому не знакомого в тех местах;
А потом я уже рассказал,
Как, неузнанный, он вышел на брата,

Гиневру выдают за Ариоданта,

14 И что приключилось потом,
И как в нем признали Ариоданта.
И не меньше был рад ему король,
Чем освобождению дочери;
Рассудил он, что нет на свете
Любовника искреннее и вернее,
Чтобы после таких обид
Встал за обидчицу на родного брата;

15 И по собственной душевной приязни
И по просьбам всего двора,
А пуще того — Ринальда,
Выдает он дочь за Ариоданта,
Герцогство же Альбанское,
Выморочное за Полинессом,
Чтобы больше ему не пустеть,
Отдает он за королевною в приданое.

а Далинда уходит в монастырь.

16 А Ринальд упросил за Далинду,
Чтобы ей простить, в чем виновата;
И она, уставши от мира,
Обратила душу к господу богу,
По обету приняла пострижение
И черницей скрылась в Датскую землю.
Но пора нам воротиться к Руджьеру,
Мчащемуся в небе на крылатом коне.

Тем временем Руджьер на гиппогрифе

17 Духом Руджьер тверд,
Ликом не побледнел,
Но уж верно, сердце
Трепетало в нем, как лист на ветру,
Далеко позади
Осталась Европа,
Далеко позади —
Геркулесов рубеж, заветный кораблям.

18 Гиппогриф, пернатый исполин,
Мчит его стремглав
Быстрее орла,
Держателя огненных стрел;
Ни одна из птиц
Не проворнее его в выси,
И ни молния, ни гром
Не мгновенней меж небом и землей.

19 По прямой черте, не свернув,¹⁰²
Неоглядный покрыв простор,
Начинает, наконец, летун,
Утомленный ветром,
Снижаться широкими кругами
Над островом,
Подобным тому, куда дева Аретуза
Тщетно сквозь пучину спасалась от любви.

прилетает на остров феи Альцины.

20 Во всем своем перелете
Ничего Руджьер не видел краше и милей;
Облети он весь свет,
Он нигде бы не нашел приюта сладостней,
Чем остров, куда, кружа,
Опускался его летун:
Пахотные доли, покатые холмы,
Светлые воды, прибрежные рощи, нежные луга.

21 Привольные дубравы, где дышат
Лавры, пальмы, ласковые мирты,
Кедры, померанцы, чьи цветы и плоды
Все прекрасны и все по-разному,
Лиственными ветвями сплетали сень
От полуденного летнего зноя,
А в ветвях с бестревожным пением
Перепархивали соловьи.

22 Меж белых лилий и алых роз,
Вечно свежих под лелеющим зэфиром,
Безмятежные виднелись зайцы и кролики,
Горделивые высились олени
И щипали или жевали травку,

¹⁰² *Над островом, Подобным тому...* — Подобным Сицилии. Как гласит греческий миф, Алфей, бог реки в Пелопоннесе, преследовал своей любовью нимфу Аретузу, Диана обратила нимфу в источник и по подземным пещерам вывела на остров Ортигию (в Сиракузской бухте). Но Алфей успел слить свои воды с новым источником (по античным поверьям, река в Пелопоннесе и источник около Сиракуз соединены под морем), поэтому спасение Аретузы «сквозь пучину» Ариосто называет «тщетным». Ср.: Овидий. *Метаморфозы*, V, 572 — 641.

Не боясь ни стрел, ни сетей,
И с луга на луг
Быстрые и проворные скакали лани.

23 Как спустился гиппогриф до земли,
И способно стало сойти с крылатого,
Соскакивает Руджьер с седла
И оказывается на цветистой траве,
Но узду не выпускает из рук,
Чтобы вновь скакун не пустился в лет,
И на берегу его привязывает
К зеленому мирту меж сосны и лавра.

24 Здесь, где бил источник
Под сенью кедров и плодовых пальм,
Он слагает щит, он снимает шлем,
Вынимает руки из железных рукавиц,
И глядит то в море, то в горы,
Подставляя лицо живительному ветру,
Добрым шелестом
В высях колеблющему и бук и ель.

25 Он остужает в светлой свежей струе
Высохшие губы, он окунает
Руки, чтобы выстыл их жар,
Натруженный железными доспехами.
Не дивитесь, что ему тяжело:
Не было ему передышек, —
Без оглядки, не снимая брони,
Он пронесся три тысячи миль.

Здесь Астольф, обращенный в мирт,

26 А тем временем привязанный конь
Над густой травой, под густой сенью
Рвется прочь, перепуганный
Из тенистой рощи неведомо чем:
Сотрясает привязью мирт,
Осыпает зелень к его корням,
И колеблется ствол, и падают листья,
Но порвать поводья ему не в мочь.

27 Как древесный сук,¹⁰³
Рассевшийся и дуплистый,
В очаге, где огненный жар

103 *Как древесный сук...* - -Ср.: «И как с конца палимое бревно От тока ветра и его накала В другом конце трещит и слез полно, Так раненое древо источало Слова и кровь...» (Данте. Ад, XIII, 40 — 44). И весь эпизод с Астольфом, превращенным в мирт, создан по образцу дантовского рассказа о Пьере делла Винья и Вергилиева — о Полидоре (Энеида, III, 19 — 72).

Выест в его порах влажный воздух,
Лопается с треском,
Выпуская на волю кипящие пары, —
Так скрипит и ворчит и корежится
Страдный мирт, а потом разевается корой,

28 И из щели раздаются стонуще и жалобно
Внятные слова:
«Если есть в тебе почтение и вежество,
Зримые в твоём облике, —
Отвяжи крылатого от моего ствола!
Довольно мне и моей беды,
Без новых, без лишних мук,
Налетающих на меня из-за моря!»

29 Как слышал Руджьер этот стон —
Дрогнул лицом и вскочил с земли;
Как он понял, что этот стон — из дерева, —
Оцепенев, застыл,
Щеки его горят стыдом,
Торопливо он отвязывает скакуна,
«Прости меня, — говорит, — кто бы ты ни был —
Дух людской или нимфа лесная:

30 Не знал я, что под шершавою корою
Человечья живет душа,
Оттого и обидел твой дышащий мирт,
Оттого и встревожил чудные листья.
Но ответь: кто ты?
В кривом и колючем теле
Как ты жив и разумом и словом?
Да хранит тебя небо от градов и бурь!

31 Если же нынче или после
Я смогу обиду сгладить услугой, —
То клянусь тебе той прекраснейшей,
В чьем владычестве все лучшее во мне:
Словом и делом
Заслужу я твою благодарность!»
Так закончил Руджьер, — и в ответ
Дрогнул мирт от корня до вершины,

рассказывает ему,

32 А потом кора его увлажнилась,
Как потеет комель, только что из лесу,
Долго тщетно споря с огнем,
А затем поддавшись его мощи, —
И повел он повесть:
«За твою любезность расскажу тебе сразу,

Кем я был и от кого я стал миртом
На пленительном этом берегу.

33 Звали меня Астольф,¹⁰⁴
Слыл я во Франции грозным паладином,
Был родней и Роланду и Ринальду,
Слава которых не знает рубежей,
А по родителе моем Оттоне
Ожидало меня владычество над Англией.
Был я строен, пригож, и пылала обо мне
Не одна красавица; а кончилось худо.

34 Держа путь домой с крайних островов¹⁰⁵
На восходе в Индийском океане,
Где с Ринальдом и другими храбрыми
Я томился в темных подземельях,
Пока не распахнула нам волю
Необорная мощь паладина Бравы, —
Шли мы вдоль песчаной пустыни,
Легшей грудью под бури аквилона,

35 И тогда-то судьбина, суровая и злая,¹⁰⁶
Завела нас на нашем пути
К утреннему берегу, где над морем
Взнесся замок могучей Альцины.
А владетельница, выйдя из ворот,
Стояла одна на взморье
И без невода и уды
Завлекала к суше всякую рыбу:

36 Быстрые сплывались к ней дельфины,
Толстые тунцы с открытыми ртами,
Кашалоты, тюлени,
Потревоженные из ленивого их сна,
Краснобородки, лососи, сальпы,
Толпами, быстрее, чем могли,
Плоскоглавы, пилоносы, киты
Выгибали из волн чудовищные спины.

104 *Астольф*. — Двоюродный брат Роланда и Ринальда, отец его, Оттон, приходится братом Милону и Амону. Под именем Эсту появляется во французском эпосе («Четыре сына Эмона», «Отинель», «Ги Бургундский»), но заметным персонажем цикла становится только на итальянской почве. Во франко-итальянских поэмах XIV в. «Вступление в Испанию» и «Взятие Памплонь» ему принадлежит роль насмешника и остролова. «Моргант» Пульчи и «Влюбленный Роланд» Боярдо придают ему черты хвастуна и дон-жуана.

105 *Держа путь домой с крайних островов...* — Астольф, как рассказывается во «Влюбленном Роланде», был вместе с Ринальдом, Дудоном и другими героями поэмы пленником Моноданта, царя Дальних Островов (см.: XIX, 38, прим.). Освобожденные Роландом, они направились на родину. Далее, вплоть до окт. 42, идет переложение рассказа Боярдо (Влюбленный Роланд, II, XIII, 54 — 66).

...паладина Бравы... — Роланда. Название происходит, предположительно, от г. Бле на Жиронде, который упомянут в «Песни о Роланде» (3689) как место, куда Карл отвозит тела павших при Ронсевале паладинов.

106 *Альцина*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», фея.

как попал он на этот остров,

37 Видели такого мы кита,
Больше которого не ведано в целом море:
На одиннадцать с лишним шагов
Простирался над хлябью тучный его хребет.
Стоял он в воде, не движась,
И глядели мы на него, и думали,
Что не рыба это, а островок —
Таков он был от конца до конца.

38 Так стояла Альцина, закликая рыб¹⁰⁷
Только словом, только заклатьем.
Была она сестрою самой Моргане —
То ли младшею, то ли старшею, то ли ровнею.
Посмотрела она, и по лицу стало видно,
Что понравился я ей с первого взгляда.
И задумала она хитро меня отбить
От товарищей, — и так оно и вышло.

39 Подошла она любезно и милостиво
И с приветливым лицом говорит:
«Добрый рыцарь, если вы соизволите
Нынче дать себе отдых у меня,
То увидите вы
Все породы рыб моего улова,
И чешуйчатых, и кожистых, и колючих, —
А их столько, сколько в небе звезд.

40 Если же почтете вы угодным
Здесь отъехать на другую отмель,
То туда всплывает сирена,
Сладкой песней утишающая море».
И указывает на того кита,
Что виделся нам за островок;
А я на беду мою всегда был горяч,
И вот — всхожу на чудовищную спину.

41 И Ринальд и Дудон¹⁰⁸
Подают мне знаки: не ездиди!
Все напрасно. С улыбкою Альцина,
Покидая их, всходит вслед за мной,
И послушливый кит
Мчится вплавь сквозь соленую волну.
Пожалел я о своем неразумии,

107 *Была она сестрою самой Моргане...* — Фея Моргана — в артуровском цикле сестра короля Артура и его неприятельница. Во «Влюбленном Роланде» входит в число персонажей и олицетворяет Фортуну.

108 *Дудон.* — В Каролинговом цикле сын Оджьера-Датчанина.

Но до берега уже было далеко.

42 Ринальд вслед мне бросается вplash
И едва не тонет,
Потому что с юга налетает буря
Черной тенью на небо и на море.
Что с ним было потом, не знаю.
«Смелей!» — говорит мне Альцина
И весь тот день и всю ту ночь
В бурном море не спускает меня с чудища,

где Альцина враждует с доброй Логистиллой,

43 Так приплыли мы на этот чудный остров,
Где почти везде царит Альцина,
Потому что она его отбила
У сестры, которую отец
По себе одну оставил наследницею,
Потому что та была законной дочерью,
А другие две (так знающие говорят)
Родились от кровосмешения.

44 И как те были неправедные и злые,
Черных мерзких полные пороков,
Так эта обреталась в чистоте
И лелеяла сердце в добродетели.
Две сестры на нее сплотились сговором,
Чтоб изгнать ее из острова,
И воздвигли за ратью рать,
И отбили сто с лишним замков;

45 Не осталось бы Логистилле ни клочка земли¹⁰⁹
(Логистилла — так ее звали),
Если б не были ей оградой
Слева — море, справа — голые горы,
Как меж Англией и Шотландией,
Где лежат рубежом река и хребет.
Но и тут Альцина и Моргана
Все рвались отнять и эту малость:

и какова судьба Альцининых любовников.

46 Так ярилась чета порочной злобы
На святейшую чистоту.
Но вернусь к рассказу,
Как стал я деревом.

¹⁰⁹ Где лежат рубежом река и хребет, — Река Твид и горная цепь Чевиот-Хилс.

У Альцины я купался в уладах,
Все в ней обо мне пылало,
И не меньше пылал я сам
О ее красе и любезности.

47 Нежное тело ее было мне восторгом —
Все в нем были прелести.
Каковы смертным даны порознь,
Кому больше, кому меньше, и никому много.
Я забыл о Франции и обо всем,
Я смотрел лишь в ее лицо,
Каждый помысел мой и умысел
Был лишь к ней и кончался в ней.

48 И Альцина меня любила вровень:
Больше никто ей был не нужен, —
Она бросила всех прежних любовников,
А их было до меня предовольно,
Я при ней был ночью и днем,
Как поставленный надо всеми,
Мне она верила, у меня просила совета,
А ни с кем другим не молвила и слова.

49 Но увы! зачем я трогаю раны,
Для которых нет у меня целенья?
Зачем поминаю счастье,
Злейшую терпя за него казнь?
Пока льстился я блаженством,, пока чаял,
Что любовь Альцины будет вечною, —
Вырвала она у меня свое сердце,
Бросившись в новую страсть.

50 Поздно понял я, как она переменчива,
Как мгновенна ее любовь и нелюбовь.
Я не пробыл при дворе ее и двух месяцев,
А меня отменил уже другой.
В милости мне было отказано,
Я с гнушением выгнан вон.
А потом я узнал, что не иначе
Было с тысячью таких до меня.

51 А чтобы не разнесли они по свету
Славу о ее распутстве,
Обращает она на здешних тучных почвах
Кого сосной, а кого оливой,
Кого пальмой, кого кедром, а кого
Вот таким, каков я на этом взморье,
Кого светлым ручьем, кого диким зверем —
Как придет на ум надменной фее.

52 Добрый рыцарь, с небывалых небес
Ты предстал в роковую эту землю,

Чтоб и из-за тебя
Кто-то сделался волной или камнем.
Будет тебе царство Альцины,
Будет тебе радость превыше радости,
Но знай: и тебе невдолге стать
Скалой, зверем, ручьем или деревом.

53 Я не скрыл от тебя ничего
Не в надежде быть тебе помощью,
А чтоб встретил ты судьбу предостереженным
И знал, каков здесь обычай.
Но, быть может, как отличен ты обликом,
Так отличен и умом и наукой, —
И тогда, быть может, ты сладишь,
С чем не сладили тысячи других».

54 Слыхано было Руджьеру
Об Астольфе, двоюродном его дамы,
И досадно было, что скрыта
Его рыцарская стать в бесплодном дереве.
Ради той, кого он так любил
Лишь бы ведать, как, —
Он бы рад оказать ему услугу —
Но какую, кроме слов утешенья?

Руджьер собирается на помощь Логистилле.

55 Он утешил его, как умел,¹¹⁰
И спросил его, нет ли здесь дороги
В царство Логистиллы, —
Ровной или горной, но минуя Альцину?
Есть и такая, — ответил ему мирт, —
Крутая она и каменистая:
Как пойти вперед и направо,
Там и всход от равнины к горным гребням.

56 Но не след надеяться, что легко
Ляжет его путь по той дороге, —
Будет там поперечное племя,
Ражее, горячее, разнузданное:
Для Альцины они — как вал и ров
Тем, кто хочет прочь из ее плена.
Руджьер мирту на всем сказал спасибо
И отходит прочь умнее, чем был.

110 *Крутая она и каменистая...* — Логистилла символизирует разум и добродетель (как Альцина — чувственность) и поэтому путь к ней труден. Достижение добродетели как преодоление тяжелого подъема — это для европейской литературы общее место, начиная с античности (ср.: Гесиод. Труды и дни, 290 — 292, а также рассказ Продика о Геракле, выбирающем между Добродетелью и Пороком — Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, II. I). Разумеется, Ариосто имел в виду, в первую очередь, Данте, у которого путь от зла к добру изображается как восхождение (на гору Чистилища).

57 Он отвязывает скакуна
И ведет его в поводу,
А всходить на него не хочет,
Чтобы тот не понес, куда не надо.
Одна у него мысль — пройти
Невредимо в царство Логистиллы,
И он тверд на все,
Чтоб не дать под руку Альцине.

58 Он и рад бы в седло
И пришпорить вновь коня по воздуху,
Но колеблется попасть в худшую беду,
Ибо тот недолжно слушается повода.
«Не беда, возьму дорогу силою!» —
Так сказал он, но сказал слишком рано.
Не прошел он по берегу и двух миль,
Как завиделся чудный город Альцины.

59 Издали вставала в глаза
Длинная стена вокруг немалого простора.
Высотой она казалась до неба,
И вся снизу доверху золотая.
Иные меня оспорят
И скажут: это алхимия;
Может, им и видней, а может, нет,
Но по мне, коли блестит, значит, золото.

60 Невдали от драгоценных этих стен,¹¹¹
Каким нет подобных в целом свете,
Свернул рыцарь со столбовой дороги,
Прямо лившейся с равнины в их ворота,
И взял вправо
По скрытой тропе меж гор,
Как вдруг вырвалось ему поперек тропы
Буйное неравное полчище.

По пути он бьется с чудовищами.

61 В мире не видано удивительней гурьбы,¹¹²
Лиц уродливей, туш чудовищней!
Одни — по шею совсем как люди,

111 *Буйное неравное полчище.* - Аллегория пороков, преграждающих путь к добродетели.

112 *Одни — по шею совсем как люди...* — Согласно комментаторам XVI в., чудовища с кошачьей головой символизируют притворство, с головой обезьяны — лесть, фавны (кто «бьет оземь копытом козьим») — похоть, кентавры — насилие, гарцующие на «разнузданном коне» — грех по несдержанности, плетущиеся на осле или буйволе — грех по неусердию, оседлавшие кентавра — творцы насилия, оседлавшие страуса — ничтожные, орла и журавля — гордецы, дующие в рог — хвастливые, с чашей у рта — чревоугодники, двуполые — преступники против естества, с воровскими инструментами — обманщики и грабители.

А головами — то кошки, то мартышки;
Иной бьет оземь копытом козым,
Иные — как кентавры, легки и ловки;
Там бесстыдные юнцы, тут бессмысленные старцы,
То голые, то в шкурах неведомых зверей.

62 Кто гарцует на разнузданном коне,
Кто плетется на осле или буйволе,
Кто вскочил к кентавру на круп,
Кто на страуса, орла, журавля;
У кого в губах рог, у кого чаша,
Кто самец, кто самка, кто двуполый,
Кто с крюком, кто с арканом,
Кто с кистенем, кто с тупою пилой.

63 Во главе был вождь — ¹¹³
Тучный брюхом, жирный лицом.
Верхом на черепахе,
Медленно переставлявшей лапы,
Сам хмельной, с набыченным лбом;
А ближние его поддерживали под бока,
Утирали ему бороду и темя,
Повевали на него покрывалами.

64 Некто с песьей пастью, мордой, шеей¹¹⁴
Над людским туловом и статью,
Взлаял на Руджьера, чтобы тот
Повернул и вошел в манящий город.
Отвечает рыцарь: «Никогда,
Пока хватит сил держать вот это!»
И острием меча
Поиграл у того перед глазами.

65 Псоглавец замахнулся копьем,
Но Руджьер на него — в упор,
Клинок вонзается ему в брюхо
И выходит из спины на целую пядь.
Щит на руке, меч направо, меч налево,
А враги всею грудой со всех сторон:
Тот рвется убить, этот рвется изловить,
А Руджьер один на всех в жестокой сече.

66 Одного раскроит до зубов,
Другого рассечет по грудь,
Под мечом его не крепок ни шлем,
Ни щит, ни кольчуга, ни броня,
А враги на него — вплотную,

¹¹³ *Во главе был вождь...* — Праздность. Черты для описания «вождя» Ариосто заимствует у традиционного образа Силена.

¹¹⁴ *Некто с песьей пастью...* — Киноцефал, символизирующий злоязычие.

И чтоб злобный сброд
Отстранить хоть на взмах меча,
Надобен сторукий Бриарей.

67 Догадайся Руджьер раскрыть
Щит, оружие старого волшебника,
Тот, что был на луке седла,
Тот, перед которым слеп взор, —
Пала бы безглазая нечисть
И была бы перед ним без сил;
Но должно быть, погнушался он, привыкнув
Доблестью побеждать, а не хитростью.

Две дамы его выручают

68 Но так или нет, а скорее он умрет,
Чем дастся мерзавцам в плен, —
Как вдруг из ворот того города,
Что сиял золотою стеною,
Выезжают две юные девицы.
По виду и платью не простого рода,
Не в пастушьем вскормленные убожестве,
А в уладах королевских чертогов,

69 Обе верхом на единорогах
Белее чистейшего горноста, я,
Обе красавицы,
Обе разубраны так ярко и затейливо,
Что глядящему на таких
Надобны глаза, как у бога,
Чтоб решить, которая краше:
В них сама во плоти Красота и Прелесть

но сбивают с пути.

70 Обе подъезжают к поляне,
Где теснит Руджьера гнусное толпище,
И вмиг вся нечисть сторонится,
А они помахивают ему рукою,
А Руджьер розовеет лицом,
Благодарствует прекрасных за услугу,
И в угоду им соглашается
Поворотить свой путь к тем золотым вратам

71 Над дивным входом
Изгибалась пышная сень,
На каждом сиявшая выступе
Самоцветными диковинами Востока,

Четырьмя углами покоясь
На столпах чистейшего алмаза, —
Мнимость это или не мнимость,
Но очам нет вида краше и радостней.

72 На пороге и вокруг столпов
Бегали, резвясь, игривые девушки —
Верно, были бы они еще милей,
Будь в них больше женственной пристойности:
Все в зеленом,
Все в венках из свежей листвы,
Нежно глядя, с приветливой речью,
Они вводят Руджьера в этот рай.

Руджьер в царстве Альцины.

73 Истинно мнилось, это рай,
Где сама рождена Любовь:
Здесь только игры, здесь только пляски,
И каждый час здесь праздничный час.
Ни надолго, ни на недолго
Здесь седая забота не живет в душе,
Здесь нет места бедности и скудости,
Здесь царит Изобилие с полным рогом.

74 Здесь, где ясно и весело,
Словно вечно смеется милый апрель,
Юные цветут кавалеры и дамы.
Иные у фонтана ласкательно и сладко
Поют; иные в тени холмов и рощ
Пляшут, играют и красиво резвятся;
А иные в стороне верному наперснику
Изливают любовную свою тоску.

75 По вершинам сосен и лавров,
Стройных буков и мохнатых елей
Весело порхали малютки-амуры:
Те — ликуя о потешных победах,
Те — готовя стрелы для новых сердец,
Эти — расставляя тенета,
Кто в ручье стужил каленые острия,
Кто оттачивал на катком камне.

76 Здесь Руджьеру дали жеребца,
Каурого, лихого и крепкого,
В отменной сбруе,
С золотом и камнями на очелке;
А крылатого гиппогрифа,
Неизменного мавританскому колдуну,
Доверяют отроку под уздцы

Не спеша вести вслед паладину.

77 И тогда-то две красавицы-заступницы
Славного рыцаря от нечистой черни,
От нечистой черни, преградившей ему путь
По правой тропе от дороги,
Говорят: «Любезный паладин,
Ваши подвиги, о которых нам ведомо,
Обнадежили и нас просить
О доблестном вашем благодеянии.

Он должен сразиться с Эрифилой.

78 Поперек равнины¹¹⁵
Скоро ляжет перед нами топь,
А мост на ней стережет,
Грабя, муча и мороча путников,
Люгая Эрифила,
Видом великанша,
Зубья длинные, укус ядовитый,
Когти острые, и рвут, как медвежьи.

79 И она не только
Сеет страх на вольной дороге,
Но и в наши налетает сады
То по ту, то по другую добычу.
Знай и то, что в убийственном племени,
На тебя насевшем у ворот,
Иные — сыны ей, и все — приспешники,
Такие же неистовцы, хищники и зловерцы».

80 Руджьер в ответ: «Не в одну, а в сотню
Битв готов я, спасая вас.
Ежели чем я хорош —
Все это в вашей воле!
Ибо вздел я кольчугу и панцирь
Не искать земель и добыч,
Но творить добро для всех страждущих,
А тем паче — для таких прекрасных дам».

81 Красавицы рассыпаются в благодарностях,
Пристойных такому рыцарю,
И в таких беседах
Вот увидели они реку и мост,
А над ним, в изумрудах и сапфирах
По золоту оружия, — великаншу.

115 *Эрифила*. — Аллегория Алчности. В античной мифологии Эрифила, польстившись на драгоценное ожерелье, уговорила своего мужа Амфиарая принять участие в походе семерых против Фив, трагический исход которого Амфиарай предвидел.

Но отложим до следующей песни,
Как отважился на нее Руджьер.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ (ИСКУШЕНИЕ)

Песнь VII

На первом плане — Руджьер побивает Эрифилу. На втором — Альцина принимает Руджьера перед своим дворцом

Вступление.

1 Кто странствовал далеко от дома,
Видел непривычные виды,
И рассказывает, и ему не верят, —
Тот надолго ославится именем лжеца.
Глупому народу понятно
Только то, что можно видеть и трогать:
И конечно, неискушенный,
К моей песне он будет маловерен.

2 Маловерен или многоверен — неважно,
Что мне нужды до незнающих и глупых?
Зато вам, кому ясен свет разумности,
Эта повесть не покажется ложью.
А ведь только о вас моя забота —
Чтобы плод трудов моих был вам сладок.
А бросил я вас у реки и у моста,
Где на страже — великанша Эрифилла.

Руджьер побеждает Эрифилу.

3 На ней панцирь из лучшего металла,
На нем блещут пестрые самоцветы —
Ал лал, зелен изумруд,
Золот хризолит и рыжий яхонт.
А верхом она не на коне —
Ехала она на волке,
Ехала она пред самой переправой
На седле, что богаче нет.

4 А волков таких не бывало и в Апулии — ¹¹⁶
Толст, как бык, и высок, как бык.
Пасть его не пенилась удилами:

116 *А волков таких не бывало и в Апулии...* — Реминисценция Горация (Оды, I, XXII, 13 — 16).

Как вела его наездница — не знаю сам.
Покров песчаного цвета
У проклятой был поверх доспеха,
И такого кроя, под каким при дворах
Выступают епископы и прелаты.

5 На щите ее и на шишаке ее
Раздувалась ядовитая жаба.
Такова-то, на виду у дам и рыцаря,
Встала она перед мостом
Поиграть мечом, посрамить и бросить вспять
За несчетными единоборцами и этого.
«Прочь отсюда!» — кричит она Руджьеру;
А он грозит копьём и летит наперехват.

6 Быстро великанша в отпор
Шпорит волка, прямится в стремях,
На скаку выставляет копьё,
Под ее разбегом дрожит земля, —
Но вот сшиблись, — и она во прахе:
Сильный Руджьер ударил ее под шлем
И с такой яростью сбил с седла,
Что она отлетела за шесть локтей.

7 Меч в руке, он бежит
Снять с плеч надменную голову,
И снял бы, потому что как мертвая,
Эрифила лежала меж цветов и трав.
Но крикнули ему дамы: «Полно,
Не мрачи победу жестокой мезтью,
Добрый рыцарь, опусти свой меч:
В путь! чрез мост и вперед по дороге».

8 Вот едут они по чаще леса
Неторным путем и неладным —
Узким он был, каменистым
И вел как будто все в гору.
Но когда поднялись до перевала,
Вдруг открылась им просторная равнина,
А на ней дворец, такой светлый и отраднй,
Что подобного не сыщется на земле.

Его принимает Альцина.

9 Из передних ворот его к Руджьеру
Выступает прекрасная Альцина
С пригожею достойною свитою
И державно привечает рыцаря.
А за нею и все остальные —
С такой честью, с таким благоговеньем,

Что ниже нельзя склониться, даже
Снизойди сам Господь с небесной сферы.

10 А дворец не тем был прекрасен,
Что над всеми сиял великолепием,
А что жил в нем люд,
Несравненный изяществом и прелестью.
Ни один ни одного был не ниже
Цветом лет и блеском красоты,
Но прекраснее меж всех была Альцина,
Как пресветлое солнце меж светил.

11 Так она была сложена,¹¹⁷
Как усерднейшему не вымыслить художнику.
Кудри длинные, золотые, завитые —
Само золото не светлей и не ярче.
По нежным ее ланитам
Слились цветом лилии и розы.
Ясный лоб как чистая слоновья кость
Встал наверхшем, венчав обличье.

12 А под черными, под тонкими выгибами —
Два черных ока, два светлых солнца,
Милостивых взором, но бережных на взоры:
А вокруг витает веселый Эрот.
Этими он взорами набивает колчан,
Этими он взорами прилучает сердца.
А под ними встал меж щекою и щекою
Безупречный нос, неуязвимый зависти.

13 Еще ниже легли меж двух ложбин
Нежные уста в природной алости,
Где две нити скатного жемчуга
То являлись, то скрывались в тонких губах.
Отселе излетают речи,
Умягчающие жесточайшие души,
Родятся улыбки,
Обращающие юдоль в эдем.

14 Белоснежная шея, беломлечная грудь,
Шея круглая, грудь просторная,
Два точеные плода молодой белизной
Всходят и сходят, как волна у берега

¹¹⁷ *Так она была сложена...* — Знаменитый портрет Альцины (окт. 11 — 15) венчает длительную традицию такого распространенного поэтического и риторического приема как описание персонажа, приема, формализованного в средневековых поэтиках (ср., например, описание красавицы в «Показании о науке и способе сочинения прозы и стихов» Гальфреда Винсальвского. — В кн.: Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., 1986, с. 131 — 132). С другой стороны, этот портрет предоставляет благодарный материал для сопоставительного рассмотрения разных видов искусства, что весьма существенно для самохарактеристики постренессансных стилей. В XVI в. ариостовское описание приводилось (Лодовико Дольче в «Диалоге о живописи») как пример абсолютной живописности. В XVIII в. (Лессингом в «Лаокооне») — как пример абсолютной антипоэтичности.

В час, как милый ветер играет с морем.
Остального в теле не прозреть и Аргусу,
Но ясно уму,
Что и скрытое достойно явного.

15 Мерно и верно сложенье рук,
Белая ладонь
Удлиненная виднеется и узкая,
И ни складки на ней, ни жилки;
А царственная стать сходит к маленькой стопе,
Узенькой, короткой, округлой.
Ангельскую красу, детище небес,
Никаким не утаить покровам.

Руджьер возгорается любовью.

16 Говор, смех, пение, поступь, —
В каждом знаке был раскинут силок.
Мудрено ли, что не выстоял Руджьер
Перед зримою ее благосклонностью?
Что сказал ему мирт, как коварна она и зла, —
То уже ему и немило;
И не верится ему, что предательский обман
За такую кроется улыбкою.

17 Легче ему поверить,
Что Астольф на том песчаном берегу
Обращен был в мирт
За его же неблагодарную злобу,
И поделом, и еще ему мало.
Все, что он сказал, — это ложь, это месть:
Это лишь обида и ненависть
Страждущего толкнули на такую хулу.

18 Та, кого он столько любил,
Вдруг изглажена из любившего сердца —
Это чары Альцины
Стерли шрамы прежних нежных ран
И вчертили Альцину и ее любовь.
И ее лишь образ врезан в душу.
Не осудим же доброго Руджьера,
Что случился он нетверд и неверен.

19 А над знатным пиром
Цитры, лиры, арфы
Звоном зыбили воздух
В сладком согласье и звучном созвучье;
А иные пели
О любовной сласти и страсти,
А иные стихами

Изъясняли милые образы.

20 Ни победная роскошь¹¹⁸
Наследников Нина,
Ни славной той Клеопатры
Пиршества с латинским победителем
Не сравнятся с этим, которым
Рыцаря приветила влюбленная фея.
Я не верю в такой пир даже там,
Где чашником Ганимед при Юпитере.

21 А как стал конец тому застолью, —¹¹⁹
Сели в круг для милой игры:
Каждый каждому на ушко
Нашептывал любовные тайности,
Это ли не случай влюбленным
Без помехи оказать свою любовь?
И последнее меж ними было слово —
Провести эту ночь в одной постели.

22 Тут кончается игра,
Не дождавшись обычного часа.
Входят отроки, вносят факелы,
Разгоняют светочами сумраки, —
И меж свиты сзади и спереди
Отправляется Руджьер на покой
В чисто убранную опочивальню,
Избранную ему между лучшими.

Они становятся любовниками.

23 Вновь подносят ему по обычаю¹²⁰
И сласти и доброе вино,
И учтиво клонятся, и расходятся
Каждый в назначенный приют.
А Руджьер возлег на душистые полотна,
Тонкие, словно из Арахниных рук,
Но ухо — настороже,
Не послышится ли поступь красавицы

118 *Наследников Нина...* — Нин — мифический основатель ассирийского царства. Среди его наследников прославлен своими пирами легендарный Сарданапал.

Ни славной той Клеопатры... — О пирах, которыми египетская царица Клеопатра чествовала Марка Антония («латинского победителя»), сообщают Плутарх и Плиний.

Ганимед. — См.: IV, 47, прим.

119 *Сели в круг для милой игры...* — Салонная игра, принятая во времена Ариосто в феррарском придворном обществе.

120 *...словно из Арахниных рук...* — Арахна — в греческой мифологии искусная ткачиха и вышивальщица, рискнувшая соперничать с Афиной.

24 На каждый чуемый шорох
Вскидывал он голову — не она ли?
И будто бы слышал, и вновь не слышал,
И опомнясь, вздыхал о своей ошибке,
И вскакивал с ложа, и распахивал дверь,
И выглядывал, а там никого.
И по тысяче он раз проклинал
Так медлительно тянущееся время.

25 Почасту говорил он: вот она вышла;
И принимался отсчитывать шаги
От своей опочивальни до той,
Откуда ждал он выхода Альцины.
И эти, и другие, и разные
Тщетные он считывал счета
И боялся, не взошла ли помеха
Меж рукой и не дающимся плодом?

26 Альцина же
От долгих благоуханных умащений
Вставши к часу, когда не время медлить,
Потому что все затихло во дворце, —
Вышла из своего покоя,
Молча, одна, по тайному переходу,
Туда, где за Руджьерово сердце
. Долго уже бились надежда и страх.

27 Как увидел Астольфов сменник
Вставшую ему улыбчивую звезду, —
Словно сера вспыхнула в его жилах,
Словно в собственной коже не мог он усидеть:
По самые очи
Погрузился в море он нег и услад.
Он взлетает с ложа, он хватает ее в объятья,
Он не в силах ждать, чтоб она себя раздела, —

28 А на ней и так ни платья, ни подплатья,
Только покрывало легкого шелка
Поверх сорочки
Тончайшей и белейшей.
Охватил ее Руджьер, ниспадает покрывало,
И в прозрачном полотне
Явлена она и сзади и спереди,
Как розы и лилии под ясным стеклом.

29 Не так плотно плющ¹²¹
Оплетается вокруг своего дерева,

121 *Не так плотно плющ...* — Распространенное в литературе сравнение. Например: Гораций. Эподы, XV, 5 — 6; Овидий. Метаморфозы, IV, 365; Данте. Ад, XXV, 58 — 59. *На индийском и савском ароматном берегу.* — Нет ни в Индии, ни в Аравии, где выращивались пряности.

Как сплелись наши двое любовников,
Друг у друга впивая с губ
Вздохи, слаще которых нет в посевах
На индийском и савском ароматном берегу.
Два языка в каждых устах
Были красноречьем их услады.

30 Обо всем об этом никто не знал,
А которые и знали, те молчали,
Потому что губы на замке
Редко нам во вред, а часто во благо.
Но догадлив двор,
И в приветной лестии стелется пред
Руджьером:
От каждого честь, от каждого поклон —
Так по нраву влюбленной Альцине.

31 Ни одна отрада их не минет —
Всё сошлось в чертоге любви.
По два и по три раза на день
Переменяются платья для веселых забот:
Повседневно — пир, повсечасно — праздник,
Борьба, турнир, театр, купанье, пляска;
А подчас под навесом у фонтана
Читают они про старинную любовь;

32 Или по светлым холмам и темным долам
Гонят гоном пугливых зайцев,
Или шумом испугивают фазанов
Чуткими псами по кустарникам и жнивью,
Или на дроздов в пахучем можжевельнике
Ставят клейкие прутья и хваткие силки,
Или сетью, или обманчивым силком
Беспокоят затишья рыбных заводей.

Между тем Брадаманта тщетно ищет Руджьера.

33 Так-то праздновал Руджьер, так-то радовался
Между тем, как тягались Карл и Аграмант,
О которых нимало не хочу я забыть,
Ни о Брадаманте,
В великой своей тоске
Плачущей о милом и желанном,
Которого на ее глазах умчало
Небывалым путем неведомо куда

34 Вот о ней и расскажу я раньше прочих.
Много дней она бродила в тщетном поиске
По тенистым лесам и выжженным полям,
Городам и слободам, холмам и долинам,

Но нигде не знали о милом ее друге —
Слишком он был далеко.
В сарацинском стане была она не раз,
Но и там не уследила Руджьера.

35 Сто раз на день она о нем пытается,
А ответа нет.
От стана к стану
Ищет она по шатрам и по палаткам,
Без помех
Пробираясь между конными и пешими,
Ибо чудный перстень,
Взятый в рот, творил ее незримою.

36 Не верит она, что он погиб, —
Сокрушение такого героя
Разнеслось бы в мире
От индийских струй до закатных морей.
Не умея ни сказать, ни придумать,
Где искать его меж небом и землей,
Бродит бедная одна,
И лишь вздохи, слезы, пени ей попутчиками.

37 И решила она пойти к той пещере,
Где починут мощи Мерлина,
И так всплакаться пред гробницей вещего,
Чтоб и хладный мрамор дрогнул жалостью.
Жив ли Руджьер
Или вышний рок оборвал его ясный день, —
Здесь ей станет ведомо,
И она найдет, что делать далее.

Мелисса приходит ей на помощь.

38 С тем она и пустилась в путь¹²²
В тот Понтъерский лес,
Где в горном глухом урочище
Крылась вещая Мерлинова могила.
А меж тем волшебница
Та, чьи думы всегда о Брадаманте,
Та, которая в дивном подземелье
Вразумила ее о ее потомках,

39 Та кудесница мудрая и добрая,
Неослабная в попечении своем
О девице, чье племя процветет
Полубожеской необорностью,
Каждодневно следит дела ее и речи,

122 В тот Понтъерский лес... — См.: III, 24, прим.

Каждодневно пытается ее жребий,
И она уже знает, как Руджьер
И спасен, и пропал, и откуда он в Индии,

40 И она видела, как он неся вдаль
Небывалым роковым путем
На том коне,
Что знать не хотел узды,
И видела, как он нежится в томной праздности
И в пирах, и в играх, и в плясках,
И не помнит ни о своем короле,
Ни о своей даме, ни о своей чести.

41 Так грозил увянуть
Цвет лучших рыцарских лет
Доблестного Руджьера,
Так угас бы он и телом и душой,
И дыханье славы,
Которое одно переживает нашу брэнность
И за гробом продлевает нам жизнь,
Иссякло бы, не успев разнестись.

42 Хорошая однако волхвовательница,
Больше о нем пекшись, чем он сам,
Положила взвести его вновь
На крутую стезю прямой добродетели,
Хочет он того или не хочет:
Так умелый врач
Смел ножом и огнем и зельем,
Зная: боль в начале — благо в конце.

43 Не попустительствовала,
Не была она близорука в любви,
Как Атлант,
Помышлявший лишь продлить его дни, —
Ибо тот ему лучше хотел
Долгой жизни без чести и без славы,
Чем за хор хвалы всего света
Потерять хоть год утешного житья,

44 Ибо тот затем и завел его к Альцине,¹²³
Чтоб боец в забавах забыл о бое;
А как знатный чернокнижник,
Всеведец чаровании,
Он в такой любовный силоч
Захлестнул волшебницыно сердце,
Что его уж было не распутать,
Проживи Руджьер хоть Несторовы веки.

123 ...*Несторовы веки*. — Нестор — в греческой мифологии царь Пилоса, видевший на своем веку три поколения героев.

45 Итак, повторю я,
Держит наша провидица
Прямой путь туда, где застичь
Дочь Амона, ищущую и блуждающую,
Брадаманта, завидевши ее,
Просияла сквозь скорбь свою надеждою;
А вещунья возвещает ей воистину,
Что ее Руджьер — в плену Альцины.

46 Красавица чуть жива,
Слыша, как далек ее милый,
И что быть беде над ее любовью,
Если сильная не приспееет подмога.
А добрая волшебница ее бодрит,
Проливает елей на ее боль
И клянется, что немного минет,
И опять с нею будет ее Руджьер.

Она пускается на остров Альцины,

47 «Дай мне, — говорит она, — твое кольцо,
Сильное против всякой чары, —
И едва я с ним прорвусь туда,
Где Альцина таит твое сокровище,
Как разрушу ее кознь и верну
Милого твоего подопечного.
Я пушусь туда в первом часу вечера,
А в Индии буду на рассвете зари».

48 Слово за слово,
Рассказывает она, что надобно то кольцо,
Чтоб из царства роскоши и неги
Вызволить возлюбленного во Францию.
Брадаманта снимает перстень с перста,
И не только перстень,
А готова отдать и сердце и жизнь
Ради блага милого Руджьера.

49 И вручает ей перстень, и вверяет ей себя,
А пуще того — Руджьера,
И шлет ему тысячу приветов,
А потом поворачивает к себе в Прованс.
У волшебницы же — своя дорога:
Чтоб свершить замышленное,
Вызывает она повечеру коня,
Весь он черный, одна нога красная:

50 Не иначе, это Косокрыл или Кривляка¹²⁴

124 ...*Косокрыл или Кривляка*... — В оригинале: Alchino и Farfarello, имена, которыми Данте награбил бесов пятого рва восьмого круга (Ад, XXI, 118, 123). Аликино — производное от Эллекаина, предводителя нечистых

В таком теле встал к ней из Геенны.
А она на него — верхом,
Необута, непоясана, кудри по ветру;
Лишь кольцо сняла она с пальца,
Чтоб своим же не поперечить чарам.
И в такой-то скачке
Поутру она уже на Альцинином острове.

51 И вот здесь она чудесно меняет облик:
На пядь прибавляет росту,
Каждым членом становится крупней,
Храня склад и меру,
И теперь у нее вид
Чародея, вскормившего Руджьера, —
Долгая борода одевает подбородок,
И морщинами ложится кожа на лбу;

52 И лицом, и голосом, и повадкою
Так она перенимает образец,
Что мнится, это прямой Атлант.
А потом она укрывается и ждет,
Чтоб в удачный день
Ей застичь Руджьера без Альцины.
А оно не просто — не могла фея без друга
Ни часу прожить, ни шагу ступить.

находит Руджьера

53 И нашла она его, когда один
Радостно встречал он ясное утро
У чистого ручья, который с холма
Падал в милое прозрачное озеро.
Весь наряд его, привольный и распущенный,
Негою дышал и праздностью,
Шелком и золотом
Вышитый искусной рукой Альцины.

54 Ожерелье из блещущих камней
С шеи ложилось на широкую грудь,
На руках, так недавно мужеских,
Светлые изгибались запястья,
Тонкое золото колечком
Правое пронзало ухо и левое,
Обвисая скатными перлами,
Каких нет ни в Аравии, ни в Индии.

духов, возглавлявшего «дикую охоту» во французских средневековых легендах и театральных представлениях. В дальнейшем — маска комедии дель арте (Арлекин). Фарферелло связывается с нарицательным именем нечистого духа в старофранцузском и старотосканском (farfadet, farfanicchio). Играет определенную роль в «Морганте» Пульчи. В данном случае имена даются в вольном переводе М. Л. Лозинского.

55 Кудри его вились, увлажненные
Благовоньем, которому нет цены;
В каждом повороте была истома,
Как у валенсийского женолюба;
Все в нем выгнило,
Богатырским оставалось только имя.
Вот каков был Руджьер,
Сам себя потерявший в нежных чарах.

и в образе Атланта обличает его.

56 Ему-то она и предстает,
Храня принятый образ Атланта,
С тем же ликом, важным и почтенным,
Пред которым всегда склонялся Руджьер,
С тем же взором, полным грозного гнева,
Пред которым трепетал он еще юнцом, —
И гласит:
«Это ли тот плод,
Для которого проливал я пот?»

57 Мозговиною медведей и львов¹²⁵
Вскармливал я тебя с малолетства,
По пещерам и дремучим ущельям
Я учил тебя удушать драконов,
Вырывать когти тиграм и барсам,
Выворачивать клыки кабанам, —
Лишь затем ли, чтоб ты стал с такой наукой
Аттисом и Адонисом при Альцине?

58 Об этом ли
Следимые звезды, священные потроха, черты на земле,
Птичьи взлеты, вещания, сновидения, все
Голоса судьбы, над которыми жив мой труд,
Мне гласили с младых твоих ногтей,
Что в нынешние годы
Равных в славе
Бранным твоим не грянет подвигов?

59 По такому ли в тебе началу
Угадается
Скорый Цезарь, Сципион, Александр? увы!
Кто бы верил,
Что ты станешь Альцининым холопом?

125 *Мозговиною медведей и львов..* — Эта героическая «диета» имеется уже у Боярдо («Влюбленный Роланд», II, 1, 74), который строил детство Руджьера по образцу детства Ахилла (Хирон вскармливал его внутренностями львов, медведей и вепрей). *Аттис*. — Возлюбленный Кибелы. *Адонис*. — Возлюбленный Афродиты.

А это зримо,
Ибо вот на руках твоих и шее
Цепь, на коей тебя водит ее воля.

60 Если собственный блеск,¹²⁶
Собственные подвиги, веленные небом,
Для тебя ничто — не кради
Хоть у внуков многообещанное им благо!
Ах, зачем ты хочешь замкнуть навеки
Чрево, осененное судьбами
Для посева твоего, что взойдет
В полубожеской славе, ярчайшей солнца!

61 Не препятствуй же доблестнейшим душам,¹²⁷
Выкованным меж вечных идей,
От поры до поры обременяться плотью
От стебля, чей корень — в тебе!
Не препятствуй же тысячам триумфов, чьими
Лаврами твои наследники и внуки
После тяжких ущербов и злых обид
Поворотят Италию к верховной славе!

62 Но пусть дух твой подвигнется примером¹²⁸
Даже не всех благородных душ,
В силе, славе, чести, блеске и святости
Процветущих от плодного твоего ствола,
А единой лишь четы —
Ипполита с братом,
Ибо мало таких доселе видано
На крутых ступенях добродетели.

63 Я недаром больше тебе сказывал
Об этих двух, чем о всех других, —
Потому что пред иными твоими
Больше доля их в верховном достоинстве,
Потому что и ты на мои о них слова
Чутче был, чем об ином твоём семени,
Зримо радуясь, что столь светлые герои
Меж твоими явятся правнуками.

64 А твоя царица — что она сделала
Больше, чем любая из блудниц?
Со столькими делила она ложе,
А были ль они счастливы — знаешь сам.

126 *Если собственный блеск...* — Ариосто, создавая эту октаву, держал в уме упреки, обращенные Меркурием к Энею (Вергилий. Энеида, IV, 272 — 276).

127 *Кованым меж вечных идей...* — Имеются в виду платоновские идеи и вообще платоновское учение о предсуществовании и переселении душ. Литературный образец использования этого учения — опять Вергилий (Энеида, VI, 713 — 751).

128 *Ипполита с братом...* — см.: III, 50.

Но чтобы уведал ты ее вполне,
Свеяв ее чары и козни,
Вот тебе перстень, надень и оберни,
И увидишь, хороша ли твоя Альцина!»

С Руджьера спадают чары,

65 Посрамленный, онемелый,
Глядя в землю, стоял Руджьер,
А волшебница на мизинный его палец
Надела кольцо и огнула его вмиг.
И обрел богатырь себя,
И такое встало в нем гнушение,
Что хоть в землю бы провалиться
И не видеть никого из-под тысячи локтей.

66 А кудесница меж этих слов
Предстает ему в истинном обличий —
Достигши цели,
Не надобны ей Атлантовы черты.
Такова явилась названная Мелисса
(В первый раз мне пришлось ее назвать!)
И открыла себя Руджьеру,
И сказала, зачем она здесь:

67 Она — от той, чья любовь не знает меры,¹²⁹
И томится о нем, и не может без него;
Она — затем, чтобы сбросить эти ковы,
Кованные ему насильным колдовством.
С тем одним, чтобы встретить в нем доверие,
Приняла она вид Каренского Атланта,
Но теперь, когда вновь он здрав,
И себя и все она ему откроет.

68 «Благородная дама, которая тебя любит
И сама достойна твоей любви,
Та, которой, ты помнишь,
Сколь обязан ты своею волею,
Шлет тебе перстень, сильный против чар,
А послала бы и сердце,
Если бы то сердце, чем тот перстень,
Стало бы тебе во спасение».

69 И потом повела рассказ,
Как любила его и любит Брадаманта,
Возносила ей высочайшие хвалы

129 ...*Каренского Атланта*... — Замок Атланта, где воспитывался Руджьер, Боярдо помещает в Каренских горах — так в древней географии назывался горный хребет в системе Атласских гор, вытянутый вдоль средиземноморского побережья Алжира (совр. Тель-Атлас).

Со всей страстью и со всею правдою,
Говорила все лучшие слова,
Что к лицу заботливой вестнице, —
И вздымает в Руджьере ненависть к Альцине
Такую, что подстать гнуснейшему из зол,

он видит Альцину в ее настоящем виде.

70 Такую ненависть, какова была любовь, —
И не диво,
Ибо та любовь была чародейная
И пред перстнем его развеялась в ничто.
Открывается перстнем,
Что и вся краса Альцины — заемная,
Не своя, а заемная, от косы до пят, —
И вот сладкое схлынуло, а в осадке — дрянь,

71 Как малыш припрячет спелый плод,
А потом забудет, куда,
А потом через много дней
Набредет случайно на припрятанный,
И дивится, что он не такой, как был,
А насквозь гнилой и вонючий,
И гнушается прежним милым лакомством,
Брезгует, кривится и швыряет прочь, —

72 Так Руджьер,
Когда велела ему Мелисса обратиться к своей фее
С тем перстнем на персте,
Над которым немощны все заклятия, —
Вдруг видит перед собой
Вместо давешней своей красавицы
Урода из уродов,
Такую старуху, что мерзей не выдумать:

73 Лицо бледное, кривое, в морщинах,¹³⁰
Волос сед и редок,
Росту пядей шесть, а то и меньше,
Во рту ни единого зуба, —
Ибо старше была Альцина,
Чем Ккуба и Кумекая Сивилла,
Но неведомые были у ней средства
Видеться юной и красивой.

74 Юной и красивой она коварно

130 *Гекуба*. — В греческой мифологии жена троянского царя Приама, мать девятнадцати сыновей и трех десятков дочерей, пережившая их всех.

...*Кумская Сивилла*... — В античной мифологии прорицательница, срок жизни которой был тысяча лет (ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*, XIV, 144 — 146).

Многим являлась, как Руджьеру,
Но вот перстень разоблачил покров,
Столько лет облакавший правду, —
Так не диво,
Что с души Руджьеровой свеялись вмиг
Помыслы об Альцининой любви,
Как застиг он ее в необманном ее облике.

Руджьер пускается прочь из Альцининого царства.

75 Но по умному совету Мелиссы
Он не выказал своей перемены.
Пока с ног до головы
Не оделся в давнее свое оружие.
А чтоб не было у Альцины подозрений,
Он сказал, будто хочет испытать себя,
Попрежнему ли он ловок, не слишком ли ожирел,
Столько дней не взмеривая доспеха?

76 Вот уже при бедре его — Бализарда¹³¹
(Это имя его меча),
Вот уже в руках его — чудный щит,
Тот, перед которым слепли очи,
Обмирала душа
И едва не испарялась из тела, —
Весь под шелком, как был:
Рыцарь взял его и вешает на шею.

77 Он идет в конюшню, уздает и седлает¹³²
Жеребца, вороного, как смоль,
И на этого навела его Мелисса,
Зная, как он легок на скаку.
Сведущие кликали его Рабиканом —
Это он
Был под витязем, ныне клонимым по ветру,
В час, как тот примчал их к тому взморью.

78 Мог бы наш герой отвязать и гиппогрифа —
Он стоял в стойле с Рабиканом;
Но сказала волшебница: «Ты ведь знаешь сам —
Он не свычен твоей узде»,
И обещала: завтра
Сама уведет его отсюда
В такое место, где не в труд его выездить,

131 *Бализарда*. — Во «Влюбленном Роланде» меч, от которого нет защиты колдовством. Его изготовила фея Фалерина, чтобы погубить Роланда, Роланд его добыл, у Роланда его похитил Брунель, от Брунеля он перешел к Руджьеру (вместе с конем Фронтинем). Ср.: XLI, 26 — 27.

132 *Рабикан*. — Во «Влюбленном Роланде» конь, которого кобылица, созданная из огня и искр, зачала от ветра. Сначала он принадлежал Аргалию, брату Анджелики, затем Ринальду, от Ринальда перешел к Астольфу.

Чтоб слушался поводыев на всех путях.

79 А к тому же, не тронув крылатого,
Легче скрыть от подозрений побег.
Что сказала Мелисса, то и сделал Руджьер,
Чуткий слухом к словам невидимой.
С тем покинул он
Сладострастный двор старой распутницы
И пустил коня к тем воротам,
От которых — дорога к Логистилле.

80 Грянув врасплох,
Он мечом пробивается сквозь стражу,
Кого ранил, кого убил,
И вперед, через мост;
А когда о том дошло до Альцины,
Был Руджьер уже далеко.
В следующей песне расскажу я,
Как он ехал и как достиг Логистиллы.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ (ОТШЕЛЬНИК)

Песнь VIII

Слева — тревога во дворце Альцины; на первом плане — Руджьер поражает Альцининого ловчего. Вдалеке — Анджелика и отшельник на пустынном берегу; в небе — Мелисса уносит Астольфа к Логистилле

Вступление.

1 Ах, сколько колдуний, ах, сколько колдунов
Ходят между нами неузнанные,
И ловко меняют лица,
И влюбляют в них те мужчин, а эти дам!
Чары они деют
Не следя светил, не заклиная духов —
Притворство, лесть и обман
Вяжут им путы для сердец.

2 Лишь тот, у кого на пальце
Перстень Анджелики, перстень разума,
Может видеть в людях лицо —
Под личиной лукавства и притворства.
Иной хорош и пригож,
А сотри румяна — зол и мерзок.
Хорошо Руджьеру, что при нем —
Умный перстень, раскрыватель истины!

3 Вот и говорю я: Руджьер,
В латах, верхом на Рабикане,
Словно невзначай, у тех ворот
Вторгся в стражу, меч из ножен,
Позади него кто мертв, а кто при смерти,
Он уже за мостом, крушит решетку,
Мчится к лесу, но тут
Вдруг навстречу ему Альцинин ловчий.

Руджьер побеждает Альцининого ловчего

4 У него на рукавице — хваткий сокол,¹³³
Каждый день которому ученье
То в лугу, то над ближним озером,
Где всегда довольно добычи;
Обок — верный пес,
Под незнатным седлом — незнатный конь;
Он и понял по Руджьеровой скачке,
Что затеял рыцарь побег.

5 Он берет ему наперерез,
Вопрошает свысока: «Куда так спешно?»
Наш Руджьер на это ни слова.
Тот, еще уверенный в победе,
Замышляет его перехватить,
И вытягивает левую, и спрашивает:
«А далече ли ты наметился?»
От такого сокола нет спасенья!»

6 Сокол спущен, сокол плещет крыльями,
Рабикану его не опередить;
Ловчий спрыгивает с коня,
Срывает с него узду,
Конь мчит стрелой,
Страшный зубом, страшный копытом,
А ловец — вслед,
Словно ветер и огонь за ним погоня.

7 Не отстает и пес —
Он несется вслед Рабикану
Поворотливей, чем барс за зайцем.
Непристойно Руджьеру их не встретить:
Повернул он к лихому бегуну,
Видит: тот без оружья, только палка,
Чтобы свору держать в остратке;

¹³³ У него на рукавице — хваткий сокол... — У ловчего и его свиты есть некоторая аллегорическая подоснова, но она сильно размыта и с трудом поддается абстрагированию. Согласно комментаторской традиции, сам ловчий будет символом рабской покорности наслаждению, пес — это брань и попреки, которые преследуют желающего уклониться со стези зла, конь и хищная птица — сила дурной привычки.

И стыдно Руджьеру обнажить клинок.

8 Подбежавший — к нему, удары сыплются,
Пес вгрызается в левую ступню,
Жеребец, взметнувшись крупом,
Вновь и вновь бьет витязя справа,
Сокол ходит над ним кругами,
Острым когтем метя в лицо;
И страшимый шумом Рабикан
Уж не слышит ни повода, ни шпоры.

9 От такой напасти
Привелось Руджьеру выхватить меч;
То холопу, то тварям
Он грозит лезвием и острием;
А негодные напирают
Справа, слева, шагу не ступить;
Видит Руджьер: промедлить доле —
И великий будет срам и ущерб.

10 Знает: минет малая малость —
И Альцина доспееет по пятам:
Уж по долам катятся гулы —
Трубы, барабаны, набат.
Не дело стоять с Бализардою
На холопа с палкою и на пса:
Лучше и быстрее —
Раскрыть щит, дело чар Атланта.

11 И он вскинул красную ткань,
Столько дней отенявшую щит,
И как прежде тысячу раз,
Ударил по глазам свет,
Ловчий пал без чувств,
С ним пес, с ним конь,
Пали крылья сокола на лету,
А Руджьер бессильных бросил и скачет дальше.

Альцина гонится за Руджьером,

12 Альцина впрямь,
Сведав, что Руджьер разбил ворота,
И побил немалую стражу,
Стала от горя ни жива ни мертва,
Рвала платье, полосовала лицо
И кляла свою неопасливую глупость;
И вот кличет она: «К оружию!»
И сзывает всех своих людей;

13 Разделяет их на две ватаги,

Одну — по суху вслед Руджьеру,
А другую — скорее к пристани,
На суда и в море —
Так, что волн не видать за парусами;
И с ними, в отчаянии, она сама —
В такой тоске по любовнику,
Что оставила свой город без охраны:

а Мелисса оживляет Астольфа и других ее пленников.

14 Некому сторожить дворец.
А Мелисса была наготове —
И чтоб из-под злобного владычества
Вызволить тех, кто попал в беду,
Ловит она случай и спешит
Обойти, кто где есть и что где есть,
Жжет болванов, взламывает печати,
Рубит каждый узел, виток и знак.

15 А потом — в поля,
Где томилась толпа былых любовников,
Кто ручьем, кто зверем, кто скалой, кто деревом,
И вернула каждому прежний лик.
А они, лишь почуя под собой ноги,
Тотчас — вслед за нашим добрым Руджьером
К Логистилле, в спасительный приют, а потом
Кто куда: к скифам, персам, грекам, индам.

16 Отпускает их Мелисса по родинам,
Нескончаемо ее благодарящих;
Но прежде всех
Стал меж них человеком британский Астольф —
Он родня Брадаманте, за него
Кроткими словами просил Руджьер,
И не только просил,
А и дал ему в помощь свой чудный перстень.

17 Так обрел себя вновь¹³⁴
Славный витязь по Руджьерову слову,
Но Мелиссе и того было мало,
Пока не было у рыцаря оружия —
Золотого того копья,
Одним касаньем сбивающего с седла:
Было то копье у Аргалия и у Астольфа,

134 *Золотого того копья...* — Как рассказывается в первых песнях «Влюбленного Роланда», Аргалий, явившись ко двору Карла, поставил свою сестру Анджелику наградой тому, кто победит его в бою на копьях. Рассчитывал он при этом на свое волшебное золотое копье и, действительно, одержал верх над Астольфом и Феррагусом, но последний, нарушив условия поединка, отказался признать себя побежденным и убил Аргалия в рукопашной схватке. Копье затем случайно досталось Астольфу (с его помощью он, в частности, освободил из плена Карла со всеми его паладинами и заставил Градасса снять осаду с Парижа).

У того и у этого с превеликою славою.

18 Отыскала Мелисса золотое копьё
У Альцины в недоброй палате,
Где был весь доспех,
Ею снятый с британского паладина;
Села на черного чародея коня,
За седлом взмостила Астольфа,
И dospела с ним до Логистиллы
Часом раньше, чем сам Руджьер.

Руджьер продолжает путь к Логистилле.

19 А Руджьер держал свой путь к мудрой фее¹³⁵
По колючим кустам и крутым камням
Из оврага в овраг, с тропы на тропу,
Трудную, безлюдную, дикую, —
И в великой истоме
К знойному девятому часу
Он пришел в пески меж гор и моря,
Обнаженные, пустынные, выжженные.

20 Солнце бьет в холм,
Отраженный жар
Накаляет воздух и песок —
Здесь бы даже и стекло заплавилось.
Стихли птицы, кроясь в тени, —
Лишь цикада докучным звоном
Из густой листвы
Полнит холм и дол, море и небо.

21 И жара, и жажда,
И усталая поступь по сыпучему —
Тяжкими Руджьеру были спутниками
Под солнцем в пустой степи...
Но опять я скажу: нельзя мне
Все рассказывать об одном да об одном
Так оставлю я Руджьера на этой жаре,
А пушусь в Шотландию навстречу
Ринальду.

Между тем Ринальд собирает войска в Шотландии и Англии.

22 Очень там Ринальд был в почете
И у короля, и у королевны, и у всех.
А когда он им открыл,

135 *К знойному девятому часу...* — Время между полуднем и тремя часами пополудни.

Для каких причин приплыл он в Шотландию,
И от своего государя
Просил помощи английской и шотландской,
И все Карловы просьбы
Основательнейше обосновал и сам, —

23 Не колеблясь, отозвался король,
Что сколько ни есть у него силы,
Всю он отдает
В часть и пользу Карла и империи,
И что в несколько дней
Выступят для Карла все его рыцари;
И не будь он нынче стар,
Встал бы сам водителем воинства;

24 Да и старцем
Не коснел бы в неподобной праздности,
Не будь у него сына, достойнейшего в вождях
Силою, а пуще умом.
Нынче он на чужой стороне.
Но надежда есть, что воротится,
Пока рать собирается в поход,
И в главе собравшихся станет сам.

25 С тем и повестил он по всему краю
Блюстителем своим скликать пеших и конных,
Снаряжать суда, готовить добро,
Припасать припасы и не жалеть денег.
А Ринальду меж тем дорога в Англию;
И король любовно
Сопроводил его в Бервик
И прощаясь, проливал слезы.

26 Ветер бьет в корму.
Ринальд всходит, говорит «С богом!»,
Кормчий велит отчаливать,
И вот всплыли они в соленое море,
Где прекрасная растворяется Темза,
И с высокою водою
Веслом и парусом
Достигают города Лондона.

27 У Ринальда от Карла и Оттона,¹³⁶
Вместе с Карлом сидевшего в осаде,
Были своеручные их грамоты
К князю Валлийскому.
Чтобы сколько было в том краю
Конных и пеших,
Всех созвать к приморскому Кале

136 *Оттон*. — Король Англии, в эпическом родословии отец Астольфа, брат Милона и Амона, родителей Роланда и Ринальда.

На подмогу Франции и Карлу.

28 Названный тот князь,
Местоблюститель державного Оттона,
Принял сына Амона с такою почестью,
Что подобных не воздавалось и царю.
Все вершится по его прошению,
Весь ратный род
Из Британии и окрестных островов
Созван к морю на урочную пору.

29 Но, государь мой,
Я, как знатный игрец на ладных струнах,
Должен нового искать вновь и вновь
То высокого, то низкого звона, —
И пока я говорил о Ринальде,
Мне припомнилась милая Анджелика:
Как она от него пустилась в бегство
И в том бегстве повстречала отшельника.

30 Вот о ней я теперь и продолжу.
Спрашивала она тогда и расспрашивала
Лишь о том, где дорога к морю, —
Ибо так она боялась Ринальда,
Что по сю сторону пучины
Все ей было смерти подобно.
Но отшельник с нею медлил и медлил,
Потому что ему было приятно:

31 Редкая ее красота
Разогрела в нем охладелую кровь.
Хоть и видит он, что мало ей до него дела,
И быть ей с ним не в охоту,
Но шпорит он осла в сто шпор,
А тот кой-как в шаг или еле-еле в рысь,
И куда уж там вскачь —
Так упрям он в природной неспешности.

В коня Анджелики сердце, вселяется бес,

32 Ускакала дама далеко и еще дальше,
Потерялся ее след.
И тогда глядит отшельник в черную дыру,
Вызывает демонов целый легион,
Выбирает одного,
Говорит ему, какая в нем надоба,
И велит ему залезть в нутро скакуну,
Вместе с дамой унесшему отшельниково

33 И как чуткий пес,

Гончий по холмам за лисами и зайцами,
Видя зверя справа, заходит слева
И как будто теряет след,
А потом в теснине
Хватъ, и жертву в пасть, и клыками в бок, —
Так отшельник окольными дорогами
Обстигает красавицу со всех сторон.

34 А зачем это он, мне небезведомо,
И скажу это вам, но не теперь.
Анджелика же, ничего не ведая,
Долго ли, коротко ли, скачет день за днем,
А в коне ее бес,
Как огонь под пеплом,
Ждущий вспыхнуть пожаром,
И его не унять, и от него не уйти.

35 Отыскала она свой путь
К гасконскому берегу, к большому морю;
Держит коня вдоль самой кромки,
Где от влаги тверже песок копытам,
И вот тут-то бес
Гонит его в воду, пускает вплавь,
А она в перепуге
Не знает, что делать, и чуть держится в седле.

36 Тянет повод, а конь не сворачивает,
Дальше и дальше забирает в глубь.
Девушка поджимает ноги,
Подбирает юбку над мокрой пеной,
По плечам распустились кудри,
Резвый ветер заигрывает с ними;
Затишают вихри и волны,
Очарованы такою красотою.

который уносит ее на необитаемый берег.

37 Озирается она прекрасными очами,
Плачем орошая лик и перси,
Видит: берег уходит и уходит,
Он все меньше, меньше;
А конь на плаву забирает вправо
И, выкружив, выносит ее на сушу
Меж грозных гротов и черных скал,
И уже нависает ночь.

38 Как увидела она себя в пустоте,
Где и оглянуться — страх,
А солнце окунается, в море,
А на земле и над землею темно, —

Так и оцепенела:
Посмотреть — и не скажешь,
Женщина ли это, живая и во плоти,
Или камень, крашенный под женщину.

39 Застывши, недвижимая, на неведомом берегу,
Волосы разметаны и спутаны,
Руки сцеплены, губы сжаты,
Истомленный взгляд вперен в небеса,
Словно к Вышнему Движителю с укором,
Что все судьбы двинуты ей во зло, —
Так она стояла, обеспамятев,
А потом — речи в взрыд и очи в плач.

40 «Ах, судьбина, тебе ли меня домучивать,
Мною уж насытись вдоволь и вдосталь?
Что еще отнимешь ты? только жалкую
Мою жизнь? Но ты сама ее не хочешь:
Я могла бы кончить дни в этом море,
А ты вытащила меня из погребальных волн.
Видно, я еще не все отстрадала,
Чтобы встретить смерть?»

41 Но есть ли
Еще злее зло, чем я знала от тебя?
Ты гнала меня из царского дома,
И нет мне пути назад;
Ты взяла мою честь, и это горше:
Нет на мне греха,
Но каждый недобрый скажет:
Я бездомна, а стало быть, бесстыдна.

42 А дороже чистого имени¹³⁷
Есть ли что у женщин на свете?
Молода я? тем хуже. Красива я?
(Так ведь люди говорят) — тем хуже.
Мне и этот дар не на радость,
От него пошла моя гибель:
За него пал брат мой Аргалий —
Не спасли его волшебные доспехи;

43 За него Агрикан Татарский¹³⁸
Обездолил отца моего Галафрона,
Катайского великого хана;
И мой удел —
Засыпать, не зная, где проснусь.

137 *Аргалий*. — См.: I, 27, прим., и выше, в этой же песни, прим. к окт. 17.

138 *За него Агрикан Татарский...* — События первой книги «Влюбленного Роланда»: Агрикан, татарский царь, пошел войной на Галафрона, царя Катая и отца Анжелики, получив отказ в своем сватовстве. Был убит в поединке Роландом.

Отняв дом, отняв честь, отняв ближних —
Для каких еще мук
Бережешь ты меня в живых?

44 Ежели несытая твоя жестокость
Не дала мне захлебнуться морем —
Вышли дикого зверя
Растерзать меня, и я не побоюсь:
Нет таких мучений (лишь бы насмерть!),
Чтобы я не сказала: «благодарствуй!»
Так, рыдая, говорила красавица,
Когда вдруг явился пред ней отшельник.

Здесь на нее покушается отшельник, но тщетно.

45 С верхнего гребня¹³⁹
Каменной кручи
Видел отшельник Анджелику внизу,
Страждущую, истерзанную.
Шесть дней здесь он ждал,
Примчав на демоне по неторному пути,
И вот предстал ей, по виду
Набожней Илариона и фивейского Павла.

46 Лишь завидев и еще не узнав,
Ожила красавица духом,
Оттек понемногу страх, .
Но лицо еще было, как мертвое.
Подошел он, а она ему: «Сжалуйся,
Добрый отче, ибо я в беде!» —
И прерывистым от рыданий голосом
Все рассказывает, что он знал и так.

47 Говорит ей старец утешные слова,
Благолепные и добрые,
А покладливой рукой
То ей тронет грудь, то влажные щеки,
А потом забирает смелей,
А она осторожно негодует,
Кулачком колотит ему в грудь, отбивается,
И в лице ее — честный румянец.

48 У него на поясе — сума,
Достает он из нее сосудец зелья,
И красавице в властительные очи,
Где лучится жгучий факел любви,

139 *Набожней Илариона и фивейского Павла.* — Иларион (290 — 371) — ученик св. Антония Великого, основатель первых палестинских монастырей; Павел — согласно легенде, первый христианский отшельник, предтеча св. Антония в Фиваиде.

Брызжет самую малую каплю,
Но и в той — усыпляющая сила.
И она уже навзничь на песке
Перед хищным вожделием старца.

49 Он ее обнимает, гладит власть,
Она спит и не в силах противиться;
Он целует ее в рот, целует в грудь —
Их в укромном месте никто не видит.
Но споткнулся его конек,
Был он телом слабей желанья,
Неспособно много было ему лет,
И чем больше он храпел, тем хуже.

50 Седок пробует и так и сяк —
Все не вскинуть ему ленивца:
Тщетно он затягивает узду —
Тот не вздымет понурую голову.
Наконец, без сил
Рядом с сонною он падает в сон —
Как вдруг встало на них новое бедствие.
Ах, судьба! ты, начав играть, не выпустишь!

С острова Эбуды, где казнят девиц,

51 Но чтобы сказать вам, что случилось,¹⁴⁰
Надобно мне сперва свернуть с пути.
В северном море, в западной стороне
По ту сторону Ирландии
Лежит остров, называется Эбуда,
Малолюдный,
Ибо разорил его морской зверь со своим стадом,
А привел их, мстя, морской Протей.

52 Правда ли, неправда ли,
Но рассказывают старинные повести,
Будто был на том острове могучий царь,
А у него дочь, такая красивая и милая,
Что лишь выйдя на соленый песок,
Так она разожгла в воде Протея,
Что однажды он ее застиг,
И схватил, и оставил брюхатою.

53 Тяжким это было горем и обидой
Для сурово безжалостного отца.

140 *Эбуда*. — Имеются в виду Гебридские острова, которые в античной географии (Птолемей, Плиний) назывались Эбудскими.

Протей — В античной мифологии морское божество, пастух тюленых стад. Единственный античный мифологический персонаж, косвенно включенный в действие поэмы.

Ни любовью, ни оправданиями
Не склонился к прощенью ярый его гнев.
На нее, беременную,
Скор свершеньем крутой его приказ,
И царский внук,
Хоть невинен, обречен до рождения.

54 Но морской Протей,
Пастырь буйных стад всеводного Нептуна,
Сведав злую казнь своей дамы,
В ярости крушит закон и устав
И из вод на сушу
Кличет стаи чуд морских и гад морских
На погибель не только быкам и овцам,
А и градам, и селам, и насельникам.

55 И не раз подступали они к столице,
И вставали осадой со всех сторон;
Днем и ночью стража
Не слагала оружия, в страхе и тоске;
В полях — ни души;
И вот, чтоб сыскать какое средство,
Посылают послов к прорицалищу,
А ответ прорицалища был таков:

56 Найти девицу,
Красотой подобную погибшей,
И взамен ей на морском берегу
Предложить ее гневному Протею:
Если будет она ему хороша,
Он возьмет ее, и кончится смута;
Если нет — то пусть ему дадут
И другую, и третью, пока не вдоволь.

57 Вот с того-то и пошла напасть
На девиц, пригожих собою;
Каждый день по одной ведут Протею,
Чтобы выбрал себе в угоду,
И одна за другою гибнут —
Всех глотает тот зверь морской,
Что один остался на страже,
Кгда прочие гады расплылись.

58 Правда это о Протее или выдумка,
Я знаю лишь то, что слышал;
Но с тех самых пор в той земле —
Злой закон против женского пола:
Чтоб кормить им то морское чудище,
Что всплывает к берегу всякий день.
Всюду несладко быть женщиною,
А здесь — подавно.

приплывают пираты

59 Ах, бедные, бедные девицы,
Злой судьбой привезанные к злым местам,
Где чуткий дозор над морем
Чужеземкам ладит жертвенный костер!
Ведь чем больше погибнет пришлых —
Тем меньше убыль в своих.
Но не с каждым ветром идет добыча,
И народ на розыск пускается сам:

60 Шлет во все моря
И челны, и струги, и парусники,
Чтобы с дальних и ближних берегов
Раздобыть облегченье своей казни.
Берут женщин силой, берут захватом,
А иных золотом, а иных лестью,
Но всегда из всех мест
Полны пленниц башни и подземелья.

61 Вот одна такая ладья
От берега к берегу доплыла и туда,
Где на мягкой траве меж жестких кустов
Злополучная спала Анджелика.
Сходят пловцы на сушу
За дровами и сладкой водой,
И прекрасную из прекрасных, прелестную из прелестных
Они видят в объятиях святого отца.

62 Ах, слишком дорога, слишком хороша
Такая добыча для таких злодеев!
Ах, жестокая судьбина, поверить ли,
Что по тяжкой над нами воле твоей
Будет брошена гаду в снесь
Та краса, для которой сам Агрикан
С половиной Скифии из кавказских ворот
Хлынул на Индию и нашел нам смерть?

и увозят Анджелику в жертву морскому чудовищу.

63 Та краса, что была для Сакрипанта
Больше чести и больше царства;
Та краса, что и Роланду легла пятном
На громкое имя и светлый ум;
Та краса, на чье мановение
Встал бы и пал бы целый Левант, —
Ныне брошена от всех,
И никто не поможет ей даже словом?

64 Красавица, одурманенная сном,
Вмиг в цепях, не успев проснуться;
Следом лег монах-чародей
В полный челн удрученного полона;
Парус взвизгнул,
Мчит ладью к погребальному острову,
Где замкнули даму в крепкий замок,
Пока жребий не скажет ее час.

65 Но и здешний жестокий люд
Так был тронут такою красотой,
Что на много дней отлагали ее смерть,
Сберегая ее до крайней крайности.
И пока другие были чужеземки,
Ангельской Анджелике не делалось беды.
А как вывели ее наконец,
Весь народ за нею шел и плакал.

66 Кто опишет
Слезы, стоны, крики, вопль до небес?
Как не вышли моря из берегов,
Когда дева простерлась на холодном камне
Беспомощная, в цепях,
Перед страшною черною погибелью?
Я смолкаю: таково мое горе,
Что к иному обращается лира

67 И утешнейших ищет песен,¹⁴¹
Чтобы ожил мой изнемогший дух.
Ибо ни черная ехидна,
Ни тигрица в яри, лишась тигрят,
Ни кищащие змеи по смертным пескам
От Атласа до Красного берега
Не сдержали бы дрожи сердца,
Взвидев скованную Анджелику на голой скале.

68 Знал бы о том Роланд,¹⁴²
За красавицей мчавшийся в Париж,
Или двое, которых хитрый старец
Обманул изветом адского вестника!
Они в тысячу бы смертей
Ринулись на помощь по ангельским стопам —
Но что пользы?
Даже зная, это слишком далеко.

141 ...*От Атласа до Красного берега...* — Имеется в виду пустыня, простирающаяся от Атласских гор до Красного моря. Ливийская пустыня в античной литературе изображалась как змеиное царство (см., например: Лукан. Фарсалия, IX, 708 — 721). В том же качестве ее вспоминает Данте (Ад, XXIV, 85 — 90).

142 *Или двое, которых хитрый старец...* — Ринальд и Сакрипант (см.: II, 15 — 17).

Между тем в осажденном Париже

69 А меж тем Париж осажден¹⁴³
Славным сыном ливийского Трояна,
И был крайний день,
Что едва он не подпал под неприятеля;
И когда бы небо, вняв моленьям,
Не разверзлось долу темными хлябями —
Сверглись бы от черного копья
Слава Франции и святость Империи.

70 Но склонился вышний Творец
Правым сетованьем седого Карла,
И внезапный ливень
Смял огонь, непосильный человеку.
Каждый знай: спасение — в Господе,
А ничто иное не подмога,
Спасши себя божеским споспешеством.

тоскующий Роланд

71 Ночью Роланд¹⁴⁴
Мечется умом на докучном ложе,
Бродит мыслями вблизи и вдаль,
Собирает их и удержать не может.
Так от светлой влаги трепетный луч
Отраженного солнца или месяца
Рыщет дальним броском по крутым кровлям
Вправо и влево, вверх и вниз.

72 Возлюбленная дама приходит ему на ум,
Откуда никогда и не выходила,
Жжет ему сердце, и все яростнее горит
Белым днем приутихшее пламя.
Из дальнего Катая
Он примчал ее на запад, а здесь
Потерял ее след
С той поры, как Карл разбит у Гаронны.

73 Это ему и горько, и вот¹⁴⁵
Он страдает о своем неразумии.

143 *А меж тем Париж осажден...* — Октава дает резюме-заключительных событий «Влюбленного Роланда»: осада Парижа сарацинами и штурм города, прерванный наступлением темноты и бурей.

144 *Так от светлой влаги трепетный луч...* — Сравнение восходит к Вергилию (Энеида, VIII, 22 — 25).

145 *...отдал тебя в Наимовы руки...* — См.: I, 8.

«Сердце мое! — он тоскует, — на беду
Ты похитилась! это ли не досада,
Что по добру твоему я мог
Быть и день и ночь с тобою рядом,
Ах, и отдал тебя в Наимовы руки,
Не нашедшись воспротивиться обиде!

74 Я ли не был вправе сказать: «Нет!»?
Государь бы мне не поперечил.
А и поперечь он, кто меня принудил бы?
Кто бы взял тебя, не сведавшись со мной?
Прежде бы дошло до мечей,
Прежде душу бы мне вырвали из тела,
Но ни Карл, ни все его племя
Не сумели бы отбить тебя силой!

75 Добро б ей под верною охраною
Быть в Париже иль в ином крепком месте!
Но что дали ее Наиму, это
Лишь затем, чтобы я ее лишился!
Кто ее уберег бы надежнее,
Чем я? Не по гроб ли я хранитель ей?
Пуще сердца, пуще зеницы
Мог и должен я был, а не устерег!

76 Ах, жизнь моя, ах, любезная моя,
Где ты нынче, так юна и так прекрасна?
Как в лесу на закате
Заблудившаяся овечка,
Чтоб услышал ее пасущий,
Бродит, блея, взад и вперед,
Пока волк, далекий и чуткий,
Не оставит пастуха тщетно плакаться, —

77 Так и ты — где же нынче, где
Бродишь, одинокая, блуждая?
Иль без верного твоего Роланда
Злые волки уже тебя настигли,
И цветок твой, залог небесного счастья,
Цветок, невредимо мною хранимый
Из тревоги помутить чистоту твою,
Горе мне! кем-то смят и сорван?

78 Если сорван — беда моя! страда моя! что мне
Остается? только умереть!
Господи в небеси, да будет
Мне любая рана в сердце, но не эта!
Если ж эта — оборву своею рукою
Жизнь, отпущу на покаяние душу!»
Так плача, так рыдая,
Говорил себе страждущий Роланд.

ВИДИТ ВЕЩЕЙ СОН ОБ АНДЖЕЛИКЕ

79 Все живое в ночном покое¹⁴⁶
Усталые лелеяло души:
Кто на ложе, кто на жестких каменьях,
Кто спал в травах, кто под миртом и буком;
Но едва лишь рыцарь смежил ресницы,
Колючей думой тревожимый в дреме,
То и этот сон, мгновенный и летучий,
Не порадовал перемирием с горем.

80 Видит Роланд зеленый берег,
Пестрый душистыми цветами,
Видит белизну слоновой кости,
Розово расписанную Любовью,
Видит светлые звезды, из которых
Любовь сети закидывает в души:
Это очи на милом лице,
У него похитившие сердце.

81 Он пирует высочайшим блаженством,
Каким награждается любовник, —
Вдруг злой вихрь
Гнет стволы, сметает цветы,
Словно сшиблись в ветровом бою
Север, юг и восток.
Ища крова,
Тщетно рыщет рыцарь по пустыне,

82 И сам не понимает, несчастный,
Где красавица потерялась в тумане.
Вправо, влево сладким ее именем
Оглашает он лес и луг,
А потом бессильно молвит: «Горе!»
Кто мне сладость обернул ядом?»
Он слышит, она плачет о помощи
И вверяет ему себя;

83 Бежит на крик,
Изнемогает в поиске, —
О, мука из мук:
Больше не видеть родного света! —
И вот издали звучит чужой голос:
«Нет тебе отныне сей радости на земле!»
И на этот грозный крик он проснулся,
И лицо его было в слезах.

146 *Все живое в ночном покое...* — Аналогичное противопоставление всеобщей погруженности в сон и бессонных тревог героя см.: Вергилий. Энеида, IV, 522 — 530; Данте. Ад., II, 1 — 6.

и бросается на поиски ее.

84 Он не думает, что во сне¹⁴⁷
Страх и страсть рождают ложные образы, —
Примнилось ему в жару,
Что красавица его в беде иль стыде,
И он молниєю взлетает с одра,
Кольчугу на плечи, сталь на грудь,
Отвязал коня Златоузда, —
Все сам, щитоносец ему не надобен.

85 А чтобы ни на каком пути¹⁴⁸
Не легло пятно на славное имя,
Отлагает он щит в четыре четверти,
Красный с белым, знак доброго рода,
А берет черный,
Во всю меру своей тоски,
С своеручно убитого эмира
Снятый несколько лет тому назад.

86 Выезжает он в полночь, неслышимый,¹⁴⁹
Без привета державному своему дяде,
Ни верному и любимому
Не сказав «прости» Брандимарту.
Лишь когда златокудрое вышло
Солнце из сияющих кущ Тифона,
Разгоняя влажный сумрак ночи, —
Государь хватился богатыря.

87 В великом Карл недовольстве,
Что в ночи отъехал его племянник,
Должный быть при нем на подмоге, —
Не умея осилить гнев,
Он сетует, он укоряет,
В голосе его хула, он грозит,
Что ежели Роланд не воротится, —
По заслуге будет ему кара.

147 *Златоузд.* — Согласно итальянской традиции, коня Роланд завоевал вместе со щитом и мечом, победив Альмонта. «Златоуздом» (Брильядоро) его впервые называет Боярдо. В предшествующей традиции, начиная с «Песни о Роланде», конь звался Вельянтиф.

148 *Отлагает он щит в четыре четверти...* — Двухцветный, красно-белый щит Роланда, согласно одной традиции, отбит у Альмонта, согласно другой, — изготовлен в воспоминание эпизода из детства паладина, проведенного в изгнании.

149 *...державному своему дяде...* — В эпической генеалогии мать Роланда, Берта, приходилась сестрой Карлу Великому.

Брандимарт. — Персонаж «Влюбленного Роланда», сын царя Моноданта (см. о нем: VI, 34, прим.), друг Роланда, обращен им в христианство.

...из сияющих кущ Тифона... — Тифон — в античной мифологии супруг богини зари, которая испросила для него бессмертие, но забыла о вечной молодости (ср.: XVIII, 103).

88 Между тем, любя Роланда, как себя,¹⁵⁰
Брандимарт не медлил —
И в надежде ли скоро воротить его,
В обиде ли на ропот и брань, в
Он не выждал и дня,
А засветло выехал на поиск,
Не сказавши ни слова Флорделизе,
Чтоб она ему не помешала.

89 Это была дама, которую
Он любил и с ней не расставался —
Красотою одаренная, прелестью,
Добрым нравом, зорким умом,
И что друг уехал, не сказавшись ей, —
Это лишь в надежде к ней вернуться
В тот же день; но случилось так,
Что промедлил он куда как дольше.

90 А она, прождав понапрасну
Целый месяц, и его не видя,
Так о нем встосковалась,
Что пустилась одна, без провожатого,
Искать его по чужим краям,
Как о том будет вовремя поведано;
А сейчас я о них двоих — ни слова:
Рассказ мой — о паладине Англантском,

91 Который, сняв с себя славные
Родовые знаки Альмона,
Подъехал к воротам, шепотом
Сказал сотнику: «Я — Роланд», —
И перед ним опускается мост,
И он едет прямою дорогою
В вражий стан, —
А что дальше, о том скажу я дальше.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ (ОЛИМПИЯ)

Песнь IX

Роланд проезжает по спящему лагерю Аграманта. На дальнем плане — встреча Роланда с Олимпией

Вступление

150 *Флорделиза*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», возлюбленная, затем супруга Брандимарта.

1 Кто же уберется от власти
Жестокого предателя Амора,
Если даже в Роланде заглушил он
Великую верность государю?
Разумнейший, почтительный к высшим,
Поборатель за Христову церковь,
Он забыл за сердечною тщетою
И себя, и Карла, а пуще — Господа!

Роланд ищет Анжелику во вражьем стане,

2 Но его я легко прощаю: рад
Я делить с таким собственные слабости —
Я ведь тоже на благое ленив,
А к дурному пылок и прыток.
Вот Роланд, весь в черном,
О покинутых друзьях не жалея,
Едет в стан, где готова к бою
Стоит Африка и стоит Испания.

3 И готова к бою и не готова —
Дождь попрятал под кронами и кровами
Кого ближе, кого дальше, по пять
Человек, и по двадцать, и по десять.
Все спят, изможденные, усталые,
Лоб на локте, тело в растяжку,
Спят; Роланд легко бы перебил их,
Но ни разу не обнажил меча.

4 У графа благородное сердце —
Он гнушается нападать на спящих.
Не затем он здесь,
А затем, чтобы найти следы красавицы.
Встретит кого неспящего — и со вздохом
Скажет, какое у ней лицо и платье,
И попросит во имя неба
Показать, куда такая скрылась.

5 День настал, солнечный и светлый,
А он все обыскивал вражий стан —
Без опаски,
Потому что одет был по-арабски,
И без труда,
Потому что не только свой
Знал он язык, но знал и африканский,
Словно родился и вырос в самом Триполи.

а потом по всей Франции.

6 За три дня
Все он здесь обыскал,
А потом пошел по городам и слободам;
И окрестную Францию,
И даже Овернь, и даже Гасконь
Перевидал он до малейшего посада,
От Прованса рыскав до Бретани,
От Пикардии до испанских границ.

7 Между октябрем и ноябрем,
Когда лиственный наряд
Облетает, и дрожащие рощи
Открываются взору в наготу,
И в отлете стайные птицы, —
Начал Роланд любовный поиск,
И не оставлял его всю зиму,
И не оставил по весне.

8 Странствуя своим обычаем
Из края в край, дошел он однажды
До реки, что меж Бретанью и Нормандией
Мирно падала в ближнее море,
Но теперь вся вздулась и вспенилась
От талых снегов и горных дождей,
Сбила и унесла напором
Мост, и не было переправы.

Он узнает про казнь девушек на Эбуде

9 Рыцарь не рыба, рыцарь не птица —
Ищет он глазами
Вправо и влево по отмели,
Где б ему занести ногу на ту сторону?
И вдруг видит: плывет кораблик,
На корме его сидит девица,
Подает ему знак приблизиться,
Но сама не причаливает к берегу,

10 Не врезается челноком в песок — боится,
Чтоб герой не взошел к ней насильно.
Роланд просит взять его с собою
Через реку, а она в ответ:
«Не взойдет сюда никакой рыцарь,
Не поклявшись честью
Встать на бой, на какой я укажу,
Самый честный и самый правый.

11 Ежели, рыцарь, вам угодна¹⁵¹

Моя помощь для вашей переправы —
Обещайте:
Прежде, чем иссякнет ближний месяц,
Выступить к королю Ивернии,
Где собирается доспешная дружина
К усмирению острова Эбуды,
Самого злодейского в целом море.

12 По ту сторону большой Ирландии
В океане есть много островов,
И меж них Эбуда, где закон,
Чтобы люд промышлял разбоем,
И сколько ни похитит женщин,
Вел их в снедь подводному гаду,
Каждый день всплывающему к берегу
Каждый раз за новой девой или дамой,

13 Которых, самых красивых,
Туда свозят торговцы и пираты:
По единой на день —
Считите же, сколько их погибло!
Если есть в вашем сердце жалость,
Если вы не мятежник на Амора, —
Будьте рады, что избраны и вы
В подвижники благодетельного подвига».

и бросается туда,

14 Роланд, не успев дослушать,
Клянется быть первым в деле, —
Неправедная жестокость
Не по сердцу ему и не по слуху,
И страшно подумать —
Вдруг и Анджелика у них в полону,
Если, столько искав,
До сих пор он ее не выследил?

15 Смущенный такой картиной,¹⁵²
Забывает он все, к чему стремился;
Вмиг
Он хватается плыть в то злое царство.
Не успело дважды погаснуть солнце,
Как сыскал он челн при Святом Мало,
Велит вскинуть парус,
За ночь гору Михаила минует,

152 ...при Святом Мало... — Сен-Мало — порт в Бретани.
...минует Святого Михаила... — Мон-Сен-Мишель — скалистый остров у входа в залив Сен-Мало.

16 Правит обок бретонских круч,¹⁵³
Оставляет влево Бреак и Ладрильер,
Держит путь к тем белым пескам,
Давшим Англии имя Альбиона;
Но полуденный ветер сник,
Встал другой, меж севером и западом,
И ударил с такою силой,
Что без паруса гнал в корму.

но его относит во Фландрию.

17 Сколько проплыли туда за четыре дня,¹⁵⁴
Столько вспять — за один.
Умный кормчий тянет в большое море,
Чтоб не разбиться о берег в хрупкие дребезги.
Четыре дня отсвирепствовав,
На пятый — ветер утих,
И ладья без помехи входит
В пасть реки у города Антверпена.

18 И едва в том устье бросил причал
Битого корабля измученный кормщик,
Как из города на правом берегу
Сходит старец,
Весь седой от преклонных лет,
И с учтивым вещественным приветом
Держит речь к Роланду,
В нем признав военачального человека.

19 От имени некоторой девицы
Попросил он не почесть за труд
Навестить ее, убедившись,
Как она прекрасна, любезна и мила,
Или же помедлить,
Чтоб она сама была на корабль;
Но едва ли граф ленивей, чем все
Прежние здесь странствующие рыцари:

20 Ни один, представ в этот край,
По суху ли, по морю ли,
Не отказывал даме в собеседованье,
Утешительном в тяжкой ее доле.
На такие слова Роланд,
Не ждав мига, взбежал по берегу —
В рыцарственной готовности
Идти, куда вел старик.

153 ...Бреак и Ладрильер... — Сен-Брие и Ландерно, в Бретани. Корабль Роланда держит курс норд-ост.

154 В пасть реки у города Антверпена. — В устье Шельды.

Здесь Олимпия рассказывает ему,

21 А привелся паладин во дворец,
Где над восходом лестниц
Ждала дама,
Лик которой был знак глубокой скорби,
И черный покров
Выстилал вокруг покои, палаты и горницы.
Усадивши гостя с честью и любезностью,
Повела она печальную повесть:

22 «Пусть вам будет ведомо,
Что я дочь правителя Голландии,
Меж двух моих братьев
Не единственная ему, но любимая,
И о чем бы я ни просила,
Не было от него поперечного слова.
Так жила я на радость,
И вот приехал к нам некоторый герцог.

как любила она Бирена,

23 Был он герцог Зеландии,¹⁵⁵
А ехал в Бискайю биться с маврами,
И пред цветом его красы и юности
Пало мое сердце без большой борьбы
В плен любви, дотоле мне неведомой,
Тем вернее, что по виду его
Верила я, верю, и верю, что верю верному —
Что и он любил меня и любит.

24 Остановленный противными ветрами —
Противными присным, попутными мне, —
Все те дни, а дней было сорок,
Но они промчались, быстрокрылые, как миг, —
Он со мною вновь и вновь беседуя,
Поклялся мне, и я поклялась,
Что когда он воротится —
Быть меж нами святому чину брака.

25 Но едва покинул нас Бирен¹⁵⁶

155 *Зеландия*. — Имеется в виду датский остров.

156 *Что лежит от нас через морской рукав...* — Географические представления Ариосто в данном случае архаичны, будучи почерпнуты в значительной степени из «Естественной истории» Плиния и «Германии» Тацита. Границей Фризии (северная часть Голландии) он, следуя этим источникам, считает рукав Рейна.

(Бирен — звали моего верного),
Как владыка Фризии,
Что лежит от нас через морской рукав,
Порешив мне в мужа своего сына
Единственного, по имени Арбант,
Шлет по мою руку знатнейших вельмож
К родителю моему в Голландию.

26 А как я не могла преступить клятвы
Милому моему возлюбленному,
А и могла бы — Любовь
Не дала бы мне вероломной воли, —
То чтобы порушить
Сговор, быстрым шагом шедший к цели,
Я сказала отцу: чем быть за фризом,
Пусть он лучше сам меня убьет.

как фризский Кимосх, владетель пицали,

27 Добрый мой отец, не имея
Иных желаний, кроме моих,
В утешенье мне и в унятье плачу
Порвал сговор, —
А прегордый фризский король
За такую это почел себе обиду,
Что, вскипев, вступил войной в Голландию
И сгубил всех моих единокровных.

28 Он не только могуч и владычествен,¹⁵⁷
Как немногие в наши дни,
И в злодействах столь искушен,
Что ничто ему — отвага, сила, хитрость, —
Но еще у него есть и оружие,
Небывалое встарь, неведомое днесь:
Сверленное железо с огненным боем,
Два локтя длины; а в нем порох и свинец.

29 В том конце, где оно закрыто, —
Маленькая скважинка, ее трогают огнем,
Осторожно,
Как врач открытую жилу;
И оттуда с громом и блеском
Вылетает пуля
И, как молния, на своем пути
Жжет, бьет, ломит и крушит, чего коснется.

30 Два раза

¹⁵⁷ *Сверленное железо с огненным боем...* — Аркебуза, вошла в употребление в XIV в. Сознательный анахронизм Ариосто.

Этой пагубой он рассеял наше войско
И убил моих обоих братьев —
Одного на приступе, сквозь панцирь в сердце,
А другого в рассыпном бегу,
Издали уметив между плеч,
Чтобы пуля вышла насквозь
И вынесла душу из тела.

31 И отец мой,
Потерявший все, что имел,
Отбиваясь в последнем своем замке,
От такого же пал удара:
Он шагал по стене вперед и обратно,
Те и эти отдавая приказы,
И в лоб меж глаз
Был сражен злодейским прицелом.

хотел выдать Олимпию за своего сына,

32 Погибли отец и братья, осталась
Я одна наследницею Голландии,
И тогда-то фризский король,
Крепко встать желая в нашем острове,
Вновь гласит и мне и моим людям,
Что объявит мир,
Если я приму, что отвергла, —
Руку сына его, Арбанта.

33 А я,
Не из ненависти даже к нему и его своре,
Мне убившим отца и братьев,
Выжегшим и разграбившим край, —
А из того, чтобы не обидеть
Друга, которому поклялась
Ни за кем не быть,
Пока не воротится из Испании, —

34 Отвечаю: «Впятеро и всотеро
Пусть помножится беда на беду,
Пусть меня убьют, сожгут, развеют по ветру,
Но чего хотите, того не будет».
Мой народ меня отговаривает,
Кто просит, а кто кричит,
Чтобы выдать и меня и Голландию
Прежде, чем мой норв погубит всех;

35 А увидев, что ни просьбы, ни крики
Против воли моей — ничто,
Они впрямь сталкиваются с фризом
И меня в моем замке выдают ему головой.

Он не делает мне дурного,
Обещает жизнь, обещает власть,
Лишь бы я смягчилась в своем упорстве
И пошла за его Арбанта.

36 Я, увидевшись в таком утешении,
Чтоб спастись, готова умереть,
Но мне горше всех обид,
Что тогда умру я неотмщенною.
Много я передумав, вижу:
Без притворства горю не помочь.
И тогда я мнимо жажду и рвусь,
Чтоб простили меня и взяли замуж.

как она убила жениха,

37 Между многими присными отца своего
Избираю я двух братьев
Славного ума, славного сердца,
А пуще того, славной преданности,
Ибо выросли они при нашем дворе,
Воспитывались при нас от младых ногтей,
И столь были мои,
Что жизнь бы положили за меня.

38 Я им рассказала мой умысел,
Они мне обещали помочь.
Первый едет снастить корабль во Фландрию,
Второй остается при мне.
Вот уж званы на свадьбу и свои и чужие, —
Вдруг приходит весть,
Что Бирен в Бискайе собрал дружину
И идет походом на Голландию.

39 Еще после первого ратоборства,
Где побит и погиб мой брат,
Я послала в Бискайю скорохода
Отнести Бирену злую весть;
Но пока Бирен сбирался и снаряжался,
Все подпало под фризского короля,
А он не знал
И вел корабли мне на помощь.

40, Проведав такую весть,
Фриз позабывает свадьбу сына,
Спускает в море армаду,
Встречает герцога, бьет, жжет, крушит
И по воле судьбы уводит пленником.
Весть об этом медлит,
А меж тем королевич правит свадьбу

И хочет меня, как хочет супруг.

41 Но укрыла я в ложнице за занавесью
Того верного слугу. Он стоял, не движась,
До явления моего новобрачного,
И еще тот не успел возлечь,
Как обрушенный мощною десницею
Поражает топор его в затылок,
И он падает без слова и вздоха,
А тут я с ножом, и по горлу навзрез.

42 Как перед мясником — бык,
Так злосчастный пал
Вероломному на горе Кимосху —
Это имя фризского короля,
Что убил мне и брата, и другого брата,
И убил отца, и хотел владенья,
И меня приданницею к нему —
Не затем ли, чтобы так же зарезать?

43 Но пока иное что на пути не встало,
Я хватаю, что дороже и легче,
Мой пособник меня спускает к морю
По канату из нависшего окна,
А уж там настороже его брат
На ладье, снаряженной во Фландрии;
Парус в ветер, весла в воду,
Бог помог, и все мы спасены.

и должна погибнуть, чтобы спасти Бирена.

44 Горестью ли о сыне,
Яростью ли на меня
Жарче вспыхнул фризский король,
Поутру предстал к раззору, — не знаю!
Шел он и вел свой полк,
Горд победой и взятым Биреном,
Ждал прийти на свадьбу и пир,
А пришел йа черное погребение.

45 Любовь к сыну, ненависть ко мне
Вровень рвут его днем и ночью;
Но как плачем мертвых не поднять,
А отмщеньем утоляется ненависть,
То и та доля души,
Где любовь исходит стонами и вздохами,
В нем свивается с ненавистью в одно —
В мысль, как взять меня и как казнить меня.

46 Кого знал он за ближних моих друзей,

Кто мне были помощны в делах, —
Всех
Он убил, он пожег, он засудил;
Он хотел резать и Бирена,
Зная, что нет мне большей боли,
Но решил: живым
Будет он ловцу как силок на меня.

47 Он такое ему назначил
Грозное условие: через год
Ждет его кромешная казнь,
Ежели он силою или хитростью
С друзьями и родичами
Всем их знанием и умением
Не заманит меня в плен:
Спасет ему жизнь одна моя смерть.

48 Ничего я не жалела,
Чтобы выволить его, не губя себя:
Шесть осталось мне замков во Фландрии, —
Я их продала подорогу и подешеву,
А из их цены через дошлых гонцов
То Биреновых подкупала стражников,
То вздымала на безбожного короля
С моря англов, а с суши саксов.

49 Но наемные мои, хоть и вызвались, —
То ли не взяли, то ли не сладили,
Много было посулов, мало проку,
Взяли деньги и забыли обо всем.
А уже подходит тот срок,
За которым ни золото, ни сталь
Ни на миг не отринет
От милого моего терзание и смерть.

Она просит рыцаря о помощи.

50 Что ж! для него погиб отец, для него
Пали братья, для него я лишилась
Княжества, последнее для него
Именье, убогая опора,
Расточилась на вызволение из беды, —
Что ж осталось,
Как не дать самой в руки злобному врагу,
А его — на волю?

51 Если больше нечего делать,
Если нет другого пути,
Как жизнь положить, —
В радость мне и жизнь положить!

Лишь один мутит меня страх:
Что не тверд уговор,
Так, чтоб залучивший меня злодей
Уж не мог потешиться обманом.

52 Когда буду я за железными прутьями
И встанут на меня все пытки и муки,
То отпустит ли он Бирена,
Чтобы спасшийся помянул меня добром?
Вероломный, яростный,
Мало ему будет убить меня:
Сколько мне,
Столько выметит он и бедному Бирену.

53 Для того я о себе и рассказываю
Вам и стольким другим заезжим рыцарям,
Чтоб за этими разговорами
Хоть один меня научил:
Есть ли какой залог,
Чтоб злодей, пред которым я предстану,
Уж не мог удержать Бирена
И умножить мою казнь его казнью?

54 Я просила воителя за воителем
Встать при мне,
Когда дамся я в фризский плен,
И поклясться мне честью,
Что обмен будет — голову за голову,
Я в темницу, Бирен на волю,
И тогда умру я, светла,
Что мне смерть, а милому жить.

55 Но до нынешнего дня
Ни единый не поклялся мне честью,
Что когда я выйду, и король
Меня схватит, а Бирена не выдаст, —
Клятвенник не даст
Увести меня в вероломный плен:
Всех страшит то убоище, которому
Не помеха сталь никакой толщины.

56 Если в вас мне, рыцарь, не обманчивы
Гордый вид и геркулесова стать,
Если в силе вы дать меня и отбить меня,
Коли силою сломится уговор, —
Будьте рады быть со мной и выдать
Меня недругу: если я при вас —
Мне не в страх,
Что за мной умрет мой повелитель».

Роланд тотчас спешит в Голландию и бросает вызов Кимосху,

57 Кончила девица свою речь,
Вздохами перебитую и слезами.
Лишь замкнула она уста, — Роланд,
Никогда не медленный на доброе дело,
Не тратя слов —
На это он был не мастер, —
Честью клянется
Быть ей в помощь превыше просьб.

58 Он не выдаст ее врагу,
Чтобы ею спасти Бирена,
Он спасет обоих,
Если прежние при нем мощь и меч.
В тот же день они оба в путь,
Ветер дует свежий и попутный,
Граф спешит —
Ведь ему еще плыть к морскому гаду.

59 К одному, другому, третьему острову¹⁵⁸
Умный кормщик правит через хлябь,
Чередой проходит мимо вся Зеландия,
Берег спереди, берег сзади,
И на третий день
Сходит Роланд на голландском взморье,
Но не сходит с ним гонимая фризом:
Пусть дождется погибели гонителя.

60 Едет паладин по твердой земле,
Под ним конь, вороной с серою помесью,
Датской крови, фландрского вскорма,
Что дороже мощью, чем прытью, —
Потому что, всходя в ладью,
Граф оставил в Бретани своего скакуна
Златоузда, лихого красавца,
Меж коней сравнимого лишь с Баярдом.

61 Приезжает Роланд в город Дордрехт,
Глядь, в воротах латники, целый полк, —
Потому что где тиранство, там и страх,
А когда оно внове — тем более;
И как раз в тот город приспела весть,
Что идет из Зеландии
С многим флотом и доспешным людом
Пленного герцога двоюродный брат.

62 Посылает одного Роланд к королю
Объявить: хочет странствующий рыцарь

158 Зеландия. — В данном случае (в отличие от IX, 23) голландская провинция.

Переведаться с ним копьем и мечом,
Но с таким уговором:
Ежели король побьет зачинщика,
Будет ему дама, убийца его Арбанта, —
В недалнем она месте,
И выдать ее не в труд;

63 А король пусть даст обещание:
Ежели он будет побит,
То отпустит на все четыре стороны
Невольного своего Бирена.
Пеший поспешает с вестью
К королю, но король, несвычный
Ни с честью, ни с благородством,
Ум вперяет в обман, коварство, ложь.

сокрушает его засаду,

64 Он раскидывает: взяв паладина,
Он возьмет и даму,
Если пеший вестник не ошибся,
И обидчица подлинно вблизи.
И он шлет из других ворот
Тридцать латных,
Чтоб окольною дальнею тропею
Они вышли у витязя за спиной;

65 А пока они, пешие и конные,¹⁵⁹
Не приспели к назначенному месту,
Он лукаво затягивает беседу,
А потом — навстречу, с другими тридцатью.
Как ловкий ловчий
Оцепляет с круга чашу и зверя,
Или как в Волане
Длинный невод заводит на рыбу рыболов, —

66 Так фризский король
Перенял нашему витязю все выходы:
Он затеял взять его живым,
И настолько без труда,
Что и ту свою рукодельную молнию,
От которой нет счета мертвецам,
Он с собой не взял: она не надобна,
Если травля — на улов, а не на убой.

67 Умный птицелов
Сохранит свою первую добычу,
Чтоб на пленный плеск и клик

159 *Волана*. — Селение в Феррарской области, близ одного из устьев По, обильного рыбой.

Пуще слеталась пернатая стая, —
Так хотелось и королю Кимосху.
Но Роланд не из тех,
Кто дается в первую же петлю, — :
Вмиг прорвал он стиснутый круг.

68 Где больше мужей и больше мечей,
Туда ударяет англандское копьё
И пронзает одного, другого, третьего,
И четвертого, и пятого, как тесто, —
Шестеро их нанизано, седьмому
Нет уже места на древке,
И ему лишь гремит удар по панцирю,
Но такой, что дух вон.

69 Точно так на песчаной кромке
Канала или канавы
Меткий самострельщик
В бок и в спину бьёт лягушку за лягушкой,
Не давая себе покоя,
Пока вся не унижена стрела.
Бросает Роланд отяжелелое копьё
И с нагим мечом устремляется в бой.

70 Копьё пополам, блещет клинок,
Никогда не знавший оплошки;
На каждый взмах остря и лезвия
Испускает дух то пеший, то конный;
Где коснется он, там окрасится в багрец
Белизна, и синь, и чернь, и желть, и зелень.
Жаль Кимосху, что в самый нужный миг
Нет при нем огневого боя,

71 Грозным криком он велит его подать,
Но никто не слушает:
Кто уж скроется за спасительные стены,
Тот обратно в поле ни ногой.
Видя, кто как ищет спасения,
Помышляет фризский царь и о своем —
Мчит в ворота, велит вскинуть мост, —
Но уж витязь у него за плечами.

врывается в город

72 Тот прочь от ворот,
Бросив их и мост во власть Роланда;
За конем его никто не угонится,
Он летит, бойцы отстают,
Но Роланду не до всякого сброда,
Лишь злодею несет он смерть.

Только конь его не для этой скачки:
Он как вкопан, а вражий — как крылат.

73 С улицы в улицу кроется король
Из взгляда рыцаря, но чуть промедлив,
Является вновь, по-новому оружный:
С ним полое железо и с ним огонь.
Он встал за углом,
Он ждет, как ловец в засаде
С копьём и псами в шипастых ошейниках
Ждет, чтоб грянул рьяный кабан,

74 Чей издали крутой напор¹⁶⁰
Крушит сучья, рушит каменя
С таким шумом,
Словно ломится лес и дробится гора.
Так встал Кимосх
Взять расплату с ретивого Роланда,
И едва тот показался, — вмиг
Пламя к скважине, и грянул взрыв.

75 От затравки пыхнула молния,
Из раструба в воздух грохнул гром,
Дрогнули стены, затряслась земля,
Отгрянуло небо на грозный звук.
Огненная стрела,
Нещадная на пути,
Свищет, скрежещет, бьет, — но бьет
Не туда, куда желал злой губитель.

76 Спешка ли, смертная ли злоба
На Роланда сбила его с пути,
Или сердце дрогнуло, как лист,
А за ним — рука,
Или божие милосердие
Охранило верного поборника, —
Но пришлось удар под грудь скакуну,
И он рухнул наземь и не встал,

77 Рухнули наземь и конь и конник,¹⁶¹
Один всею тяжестью, другой — слегка,
Так вскочив проворно и быстро,
Словно в нем прибавилось прыти и сил.
Как ливийский Антей
Лишь грозней воздвигался с сотрясенной земли
Так земным касаньем прирастает

160 . *Чей издали крутой напор...* — Напоминает описание бега вепря у Овидия (Метаморфозы, VIII, 338 — 344).

161 *Антей*. — В греческой мифологии великан, неуязвимый до тех пор, пока прикасался к земле, своей матери. Геракл убил его, оторвав от земли.

Мощь Роланда.

78 Кто видел, как небесный перун,¹⁶²
С грозным грохотом рушимый Юпитером,
Бьет в затвор,
Где селитра, сера и уголь,
И едва их тронет —
Полыхнет прах, полыхнет твердь,
Стены взвержены, глыбы всколоты,
И камня взлетают выше звезд, —

и сражает Кимосха.

79 Тот представь, каков,
Павши и вставши, наш воитель:
Он возносится, яр и крут,
В страх и Марсу на небесных кругах;
Помутился фризский король,
Вспять уздой бросает коня,
Но Роланд — за ним,
Быстролетней, чем стрела из лука,

80 Не мог вскачь — настигает впешь,
Молниеносный, —
Кто не видел, тот не поверит.
В несколько шагов он достал врага,
Вскинул меч над железным гребнем,
И ударил,
Раздвоив ему голову до шеи
И швырнув его в прах в последней корче.

Бирен спасен,

81 А меж тем по городу летит
Новый шум, новый шпажный звон —
Это двоюродный Бирена,
Подступив своим доспешным людом,
Увидел растворенные ворота,
И вошел в город,
В город, столь смятенный Роландом,
Что вошедшему не было препоны.

82 Народ, врассыпную,
Не умеет понять, кто это и зачем;
Но сперва один, потом другой
По платью и говору узнают зеландцев,

162 Затвор, где селитра, сера и уголь... — Пороховой склад.

Просят мира, выносят белый знак,
И спешат под начало к их начальнику,
И рвутся за ним на фризов,
Мстить за князя, томимого в темнице.

83 Издавна здешний люд
Не любил короля с его фризами —
И не только за смерть старого графа,
А и за нечестье, неправду и разор.
Наш Роланд, встав меж здешними и пришлыми,
Друг обоим, учиняет мир,
И они заодно в целом городе
Не оставили ни фриза живым и вольным.

84 Сорваны двери тюрем —
Некогда искать ключей.
Бирен бросается к графу,
Изливаясь словами благодарности;
И вдвоем, а за ними — толпы,
Поспешают к кораблю, где ждет Олимпия —
Та дама,
Чья по праву власть над этим островом,

85 Та, что привела с собой Роланда
Не в надежде таких побед,
Но лишь с тем, чтобы пасть самой,
Вызволяя из муки нареченного своего.
А теперь ей плещет народ
А теперь нет места мне рассказывать,
Как ласкает ее Бирен, она — Бирена,
И как оба благодарствуют графа.

86 Народ взводит ее на отчий трон,
Присягает присягою на верность,
А она вверяет и себя и землю
Бирену,
Незрывному с ней в цепи Амора.
Но влекомый новою заботою,
И твердыни свои и власть
Поручает он своему двоюродному,

87 Сам затеяв с верной женой
Воротиться в Зеландию
И пытаться судьбу на царство фризов,
А к успеху
Был немалый при нем залог,
Дорого им ценимый, —
Королевская дочь,
Взятая меж несчитанными пленными,

Пицаль Роланд топит в море

88 И которую он назначил¹⁶³
В жены младшему своему брату.
А Роланд, а римский сенатор
В тот же день, как спасся Бирен,
Отплывает от голландского берега,
Ничего не взявши из больших добыч,
Кроме той смертной пагубы, которая,
Как сказал я, небесной подобна молнии.

89 Не с тем он ее взял,
Чтоб была она ему обороной —
Лишь малым душам
Он вменял борьбу не- на равных.
Нет: хотел он ее похоронить,
Чтобы впредь от нее не было обиды,
А при ней
Вез он порох, пули и все причастное.

90 И когда миновалось мелководье
И открылась бездонная пучина,
Где ни справа берега, ни слева, —
Он взметнул ее над собой
И сказал: «Вовек
Пусть тобой не растлится доблесть рыцарства,
Пусть тобой не станет злой больше доброго, —
Где легло, там лежи.

и продолжает путь к Эбуде.

91 Ты, проклятое, ты, зловещее,
В преисподних недрах
Кованое ковами Вельзевула
На погибель белому свету, —
Вышедши из ада, вернись во ад!»
Так сказав, он швырнул ее в пучину.
Ветер вздул паруса,
Мчит его к мучительскому острову.

92 Жжет героя жажда
Знать, не там ли его красавица,
Что дороже ему целого света,
Без которой нет ему жизни:
Он не хочет вступить в Ивернию,
Чтоб за новым отлучным приключением
После не всплакаться: «Увы!

163 ...римский сенатор... — Один из титулов Роланда в итальянской эпической традиции.

Для чего я не был чуть поспешнее!»

93 Так плывет он, не высажаясь ни в Англии,
Ни в Ирландии, ни насупротив:
Пусть же и плывет, куда гонит
Бьющий в сердце нагой стрелок!
А я вновь ворочусь в Голландию,
И с собою зову и вас —
Ведь и вам неохота упустить,
Чтоб без вас Бирен сыграл свою свадьбу.

94 Пышная была свадьба и богатая,
Но не так еще богатая и пышная,
Как готовилась в Зеландии впереди.
Но туда, прошу, не спешите,
Ибо ей в отмену
Должно сбыться новым событиям,
О которых — новая песня,
Если новая песня вам в угоду.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ (ОСТРОВ ЛОГИСТИЛЛЫ)

Песнь X

Бирен сводит Олимпию с корабля и оставляет спящей в шатре. На дальнем плане — плач Олимпии на берегу моря

Вступление.

1 Меж всеми, кто любит, меж всеми, кто верен,
Меж всеми, кто тверд и неизменчив сердцем,
Меж всеми, кто в радости или в горе
Явили славнейшие примеры страсти,
Первою, а не второю
Назову я мою Олимпию:
Ежели она в любви не больше всех,
То уж и ее не больше ни древние, ни новые.

2 Таково несомнительны знаки
Любви, ею явленные Бирену,
Что никакая никоторому не явит ярче,
Хотя бы и сердце распахнула из груди.
И ежели такая преданность и верность
Достойны венца ответной любви, —
Заслужила Олимпия,
Чтоб не меньше, а пуще любил ее Бирен,

3 И чтоб никогда ее не покинул — ¹⁶⁴
Ни ради той, за которую Европа
И Азия вверглись в старинную беду,
Ни ради иной, если есть еще прекраснее.
Чтоб отречься от нее, — пусть сперва
Отречется он от света, слуха, вкуса, слова,
Жизни, славы
И всего, что можно вздумать драгоценнее.

4 А любил ли ее Бирен,
Как она его, был ли предан,
Как она ему, не направил ли парус
Не за нею, а по иному морю, —
Или был к ее служению глух,
К ее верности и любви безжалостен, —
Я об этом расскажу вам такое,
Что кусать вам губы и хмурить бровь.

5 И уздав, как не по-доброму¹⁶⁵
Отплатил он за столькое добро,
Пусть меж вами, добрые дамы, ни единая
Не вверяется бездумно любовным речам!
Любовник, рвущийся к цели,
Забывает, что бог все видит и слышит,
Рассыпает клятвы и обеты
На волю летучего ветра,

6 И летучий ветер¹⁶⁶
Разметает его клятвы и обеты
В тот же миг, как жадный
Утолит сжигавшую жажду.
Научась примером, милые мои дамы,
Скупое верьте слезам и жалобам:
Благо тому,
Кто за чужой счет набирается ума!

7 Берегитесь тех, кто в юном цвету¹⁶⁷
Льстится взору нежным лицом, —
Как огонь в соломе,
Вспыхнет и сгаснет всякая их страсть.
Как ловчий летит вслед зайцу
В горах и долах, сквозь жар, сквозь стужу,

164 *Ни ради той, за которую Европа...* — Имеется в виду Елена, похищение которой привело к Троянской войне.

165 *Пусть меж вами, добрые дамы...* — Воспроизводит Катуллово: «Женщина пусть ни одна не верит клятвам мужчины...» (Книга стихотворений, 64, 143 — 148). Катулл зд. и далее цитируется в переводе С. В. Шервинского.

166 *И летучий ветер...* — Ср.: *Тибулл. Элегии*, I, 4. 21 — 22.

167 *Как ловчий летит вслед зайцу...* — Ср.: *Гораций. Сатиры*, I; II, 105 — 108.

А затравит — и смотреть не хочет:
Только то, что не дается, ему любо, —

8 Так и эти юнцы: пока
Вы суровы и неприступны,
Они дышат чувством и покорством,
Словно впрямь нет вам преданнее читателей.
Но едва такой дотщеславится
До победы — всему конец:
Вмиг богиня обернется рабыней,
И обманная любовь отворотится к другим.

9 Не хочу я сказать, избави боже,¹⁶⁸
Чтоб, вы вовсе позабросили любить:
Без любовника женщина — как забытая лоза,
У которой ни кола, ни ствола.
Только помните: первый юношеский пух
Переменчив, увертлив, миг — и нету;
Право, слаще — плод не кислый и не жесткий,
А доспелый без переспелости.

Бирен влюблен в дочь Кимосха.

10 Стало быть, сказал я, меж пленниц
Там была дочь фризского короля,
И ее-то сулил Бирен
В жены брату,
А по правде и сам разевал на нее рот,
Потому что кусок был лакомый,
И отдать кому-то, что сам закусил,
Было бы дурацкой обходительностью.

11 Было девице едва четырнадцать лет,¹⁶⁹
Красотою она была и свежестью —
Словно роза в роспуске,
Что брызжет из завязи в божий свет.
Вот и вспыхнул о ней Бирен, да так,
Как не полыхнет и пожар,
Злобными руками завистника
Зароненный в зрелые колосья:

12 Вспыхнул во мгновение ока,
Пронялся до мозга костей,
А все с того, как над телом отца
Он увидел в слезах ее нежное лицо.

168 *Без любовника женщина — как забытая лоза...* — Сравнение Катуллы (Книга стихотворений, 62, 49 — 53). Ср.: Овидий. *Метаморфозы*, XIV, 665 — 666.

169 *Как не полыхнет и пожар...* — Сравнение Овидия (*Метаморфозы*, VI, 455 — 457).

И как от капли холода
Замирает вода, клокодавшая в котле,
Так огонь, его сжигавший по Олимпии,
Перед новым огнем стал мертв.

13 Уж она докучна, уж она постыла,
Уж ему на нее и глядеть не в мочь, —
А по той, другой
Так горит, что вот умрет от ожидания.
Но пока не приспел назначенный
К исполнению желания день, —
Он в узде, он живет лишь для Олимпии,
И любит ее, и обожает ее.

14 А что он приласкивает другую,
И пожалуй, чаще, чем надо бы, —
То никто не скажет о нем худого,
Это он лишь по добру и из жалости:
Ведь утешить, кто страждет, ободрить,
Кто попал под колесо Фортуны, —
Это дело не охульное, а похвальное,
А она еще девочка, невинное дитя.

15 Господи праведный! как часто людские¹⁷⁰
Сужденья окутаны слепую мглой!
Бирен творит грехи и нечестье,
А кажется благ и едва не свят!
Однако гребцы берутся за весла,
Налегают прочь от верного берега,
И весело мчат через соленые заводи
В Зеландию и герцога и всех, кто с ним;

16 Уходит вдаль, скрывается из виду
Голландский край;
Чтобы минуть Фризию, они правят,
Держа Шотландию по левой стороне, —
Как вдруг перестиг их вихрь,
И два дня кружил в открытом море,
А на третий к вечеру
Вынесло их к острову, дикому и пустому.

Он бросает Олимпию на попутном острове.

17 Как втянулись они в залив,
Соступает Олимпия на берег:
Тут ей, радостной, не чающей беды,

¹⁷⁰ *Господи праведный! как часто людские...* — Ср.: «Вышние боги, увы, — как много в груди человека
Тьмы беспросветной» (Овидий. *Метаморфозы*, VI, 472 — 473). «Метаморфозы» зд. и далее цитируются в
переводе С. В. Шервинского.

Вечеря с неверным Биреном,
Тут ей ложе с мужем вдвоем
Под раскинутым шатром в пригожем месте;
А попутные люди их оставили
И вернулись ночевать на корабль.

18 От морской тоски,
От страха стольких дней,
Оттого, что земля тверда,
А дубрава далека от шума,
Оттого, что ни дума, ни забота
Ей не в тягость, коли милый рядом, —
Такой сон напал на Олимпию,
Что медведи и сони не крепче спят.

19 А изменник, в недобром бденье,¹⁷¹
Чуть почувал ее сон, —
Тихо, тихо встает с одра,
Платье в узел, одеться некогда,
И вон из шатра, и словно
На крыльях, летит к своим,
Будит спавших и без лишнего крика
Велит прочь от берега и прямо в море.

20 А на берегу¹⁷²
Бедная Олимпия лежала во сне.
Лишь когда с золотых колес Авроры
Пал на землю студеной иней,
И морская завела альциона
Долгий стон о своем старинном горе, —
Потянулась красавица, ни во сне, ни наяву,
Обнять милого своего, — и не может.

21 Его нет: рука вернулась праздно.
Снова тянется, и снова никого.
Ищет справа, слева, рукой, ногой —
Напрасно.
Страх снял сон: раскрывает очи, смотрит —
Ни души. На вдовьей перине
Ни тепла, ни неги:
Она мигом на ноги, и прочь из шатра,

22 Бегом к морю, ногтями в щеки,
Предвидя и видя свою судьбу,
И рвет волосы, и колотит в грудь,

171 *А изменник, в недобром бденье...* — Нижеследующий эпизод строится по классической сюжетной модели: Ариадна, покинутая Тесеем. Октавы 20--22 — почти буквальный перевод Овидия (Героиды, X, 7 — 24). Плач Олимпии переключается с плачем Ариадны по Катуллу (Книга стихотворений, 64, 132 — 201) и с плачем Дидоны по Вергилию (Энеида, IV, 591 — 629).

172 ... *альциона*... — Зимородок. Альциона — в греческой мифологии жена фессалийского царя Кеика, бросившаяся в море и превращенная богами в зимородка.

И глядит, а луна ей светит,
Нет ли кого на берегу, —
Но ничего не берегу, кроме берега;
И зовет Бирена, и на имя Бирена
Лишь бесчувственным гулом отзывается грот.

23 Был на берегу утес,
Выклеванный волнами,
Выгнувшийся сводом над пустотой, —
Он стоял, нависая над морем,
На него крутыми шагами
(Властный дух дал ей сил)
Всходит Олимпия и видит вдали
Беглый парус безжалостного мужа.

24 Видит ли, видится ли он
В воздухе, еще не просветлевшем,
Но упала она ниц,
И белее и холоднее снега,
А как встала из крайних сил —
Закричала вслед кораблю
И кричала, пока могла кричать,
Вновь и вновь к безжалостному Бирену.

25 А когда не стало голоса —
Билась в муке и ломала руки
С плачем: «Куда торопишься, злорадный?
Не тот груз у тебя на борту:
Я — твой груз! Ты увозишь мою душу —
Увези же и тело, оно — легче!» —
И руками своими и одеждami
Помавала ему вернуться.

26 Но ветры, уносившие в море
Вздутый парус неверного повесы,
Уносили и мольбы и жалобы
Бедной Олимпии, и плач, и стон.
Трижды, не жалея себя,
Порывалась она с утеса в море, —
А потом покидает морской простор
И назад в шатер.

Стенания Олимпии.

27 Припавши лицом к постели,
Увлажняя ее рыданьем,
«Не вчера ли здесь, — молвит, — заснули вместе,
Почему не вместе мы проснулись?
Вероломный Бирен! злосчастен
День, когда родилась я жить!

Что мне делать? что могу я одна?
Кто поможет? кто утешит?

28 Не видать ни людей,
Ни следов людских рук,
Ни челна,
Чтоб взойти и пытать спасенья:
Я умру без сил, и мне никто
Не закроет очи, не зароет
Тело, — разве волки этих чаш
Мне дадут злой приют в своих утробах.

29 Мне страшно. Мне видится: из дубрав
Вот выходят львы, тигры, медведи,
Все, кому на зло дала природа
Пронзительный коготь и острый клык.
Но какой самый злобный зверь
Меня сгубит горше, чем злобный ты?
Им довольно с меня одной смерти,
А ты крутишь меня тысячью смертей.

30 Но пусть даже сюда причалит
Перевозчик, и меня пожалеет.
И медведей, тигров, львов
Мне не будет, ни голодной смерти,
Ни кровавой; но куда поплыву?
В Голландию? но там под тобой
Каждый город. В родную землю?
Ты ее оттягал коварством:

31 Все, что я имела,
Ты прибрал себе любовью и браком,
Там уже везде твои клеветы,
Чтоб ничто не ушло из-под руки.
Во Фландрию? но давно распродана
Здесь та малость, которой я жила,
Чтоб подмогой вырвать тебя из плена.
Бедная! Куда мне? не знаю.

32 Не во Фризию ли, где я могла
И из-за тебя не захотела
Королевствовать, и теперь у меня нет
Ни отца, ни братьев, никого, ничего?
Все, что я для тебя сделала, —
Не в угоду тебе, не в прок и не в укор:
Ты сам все видел —
И вот мне твоя отплата.

33 Ах, придут разбойные моряки
И возьмут меня и выставят в рабство!
Лучше б прежде волк, и лев, и тигр,
И медведь, и любой с клыком и когтем

Вышли бы заломать и растерзать
И мертвую меня растащить по логовам!»
Так рыдала она и ввивала
Пальцы в кудри, и рвала за прядью прядь.

34 И опять бежит по краю моря,¹⁷³
Водит взором, волосы в ветер,
Как безумная, словно за спиною
И не дьявол, а целый легион,
Или как Гекуба,
Обуянная погибелью Полидора;
А то всходит на камень и смотрит вдаль,
И сама на нем каменной камня.

Тем временем Руджьер минует башню соблазна

35 Но оставлю я ее в ее горе
До поры, и доскажу о Руджьере,
Который в полдневном зное,
Истомленный, усталый, пробирается поберегу.
Солнце бьет в холмы, отдается жаром,
Под копытами кипит белый сыпкий песок.
Латы на его плечах
Все в огне, как только что из горнила.

36 И с докучливыми этими неразлучниками —
Жаждрей, трудным песком и одиночеством —
Держа путь по опаленному побережью,
Вдруг он видит:
Из воды стоит старинная башня,
А в ее тени на берегу
Узнает он по платью и повадке
Трех дам от Альцинина двора.

37 Раскинувшись на александрийских коврах,
Наслаждались они свежеею тенью,
А вокруг были отборные сласти
И кувшины разного вина.
Играя с морскою зыбью,
Дожидался их у берега челнок,
Чтоб летучий ветер подул в ветрило, —
Но не веяло в воздухе ни вздоха.

38 Эти дамы, заридев Руджьера,
Как он ломит путь по сыпучему песку,

173 *Или как Гекуба...* — Гекуба (см.: VII, 73, прим.), отомстив за смерть своего сына Полидора, была превращена в собаку.

А то всходит на камень... — Ср.: «Или сижу на холодной скале, уставившись в море, Словно на камне моем делаюсь камнем сама» (Овидий. Героиды, X, 49 -50). Перевод С. А. Ошерова.

Губы в жажде и лицо в поту, —
Завели к нему уветные речи,
Что не надобно сердечною волею
Столь упорствовать в избранном пути,
Что не лучше ли склониться в тень и свежесть
Сладким отдыхом усталому телу?

39 И одна уже подходит к коню
Поддержать гостю стремя, чтобы слез,
А другая дразнит его жажду
Пенное вино вздымая в хрустале, —
Но Руджьер не дается на эти песни:
Ибо каждая его заминка
На руку настигающей Альцине,
А она за ним по пятам.

40 Ни селитра с серою
Так не вспыхнет на тронувший огонь,
Ни под черным смерчем
Не взревет свивающееся море,
Как при виде Руджьера,
Твердо по песку торящего прежний след
Без вниманья на них, таких красавиц,
Ярым гневом третья вспыхнула дама.

41 «Ты не благородный и ты не рыцарь
(Так кричала она из всех женских сил) —
Краденый у тебя доспех,
И твой конь нипочем не твой!
Истинно говорю:
Смерти тебе, злодею, мало —
Сжечь тебя, удавить тебя, четвертовать тебя,
Мужичина, подлец, наглец, мерзавец!»

42 Но на это и другие обидные
Слова гневливой красавицы
Все так же Руджьер не замедлил шаг,
В такой склоке полагая мало чести.
Тогда девица с сестрицами,
Сев в челнок, ожидающий у берега,
Поспешили веслами,
Следя с моря сухой его путь,

и переправляется в царство Логистиллы.

43 Не щадя на него хулы и брани,
Что всегда у обиды на остром языке.
Так добрел Руджьер до той воды,
По которой переправа к лучшей фее.
Здесь он видит: старый перевозчик

С того берега отчаливает к нему,
Словно он заранее здесь
Был на страже Руджьерова прихода.

44 Отчаливает перевозчик и плывет
Перевезть подошедшего на лучший берег,
Потому что, судя по лицу о душе,
Был он, старец, и добр и скромн.
Вот Руджьер заносит ногу через борт
И с благодарением Господу
По спокойному морю плывет с гребцом
Умным и умудренным долгой жизнью.

45 Похваляет гребец Руджьера,
Что он во-время вырвался от Альцины,
А не то бы, как всем бывшим любовникам,
И ему не минуть чародейной чаши;
И добро, что путь его — к Логистилле,
У которой обычаи святы,
Краса бесконечная, благость вечная,
Сердце пьет ее, а все не сыто.

46 Как откроет она лик (продолжал старик),
Цепенеет душа благоговением;
И чем дольше созерцаешь высокую явь,
Тем ничтожнее все иные блага.
И любовь к ней — особенная любовь:
Ни желанье, ни страх не точит сердце,
Ничего человеку не надо,
Только надо смотреть на нее и видеть.

47 Она учит тому, что милей
Плясок, песен, сласти, бань, благовония, —
Учит, чтоб стройны были мысли
И вносились выше, чем коршун в лёт,
Учит в смертном теле
Приобщаться участи блаженных.
Так рассказывая, гребец
Не достиг еще спасительного берега,

48 Как вдруг видит: по широкому морю
Целый флот кораблей, и все за ними вслед.
Это, изобидясь, Альцина
Ополчилась со всеми, кто при ней,
Погубить ли себя и свое царство,
Воротить ли дорогую потерю.
Двигала ею любовь,
Но не меньше двигала обида —

Погоня Альцины разбита.

49 Отроду

Не пылало в ней злее негодованье.
И вот весла гонят волну,
Пена плещет влево и вправо,
Клик встает, и откликается эхо,
И не молкнет ни море, ни бзморье.
«Открой щит, Руджьер: пора!
А не то тебе смерть или стыдный плен»

50 Так сказал Логистиллин кормщик
И сказавши, собственною рукою
Сорвал шелк, открыл щит,
И сверкнул он въяве и въяре,
И волшебный блеск
Так ударил по глазам гонителей,
Что и зоркий стал незряч,
И кто пал с кормы, а кто с носа.

51 Был один на дозорной скале,
Уследивший Альцинину армаду,
Он ударил в колокол билом,
И из гавани грянула подмога:
Камнеметы, стрелометы
Бурец били по врагам за Руджьером,
Помощь мчалась со всех сторон
И спасла ему и волю и жизнь.

52 Вышли на берег четыре дамы,¹⁷⁴
Верные воле Логистиллы:
Доблестная Андроника, и мудрая
Фронесия, и праведная Дикилла,
И чистая Софросина, больше всех
Пылавшая о представшем деле.
А за ними рать, которой нет равных,
Излилась из ворот и растеклась по волнам.

53 В заводи перед замком
Ждали часа малые и большие
Корабли, на крик и на звон
Днем и ночью готовые к битве.
И настала битва,
. Буйная, злая, на земле и море,
Битва, ниспровергшая царство,
Что Альцина отбила у сестры.

54 Ах, как много битв

174 ... *четыре дамы*... — Аллегии четырех естественных добродетелей. Андроника — мужество, Фронесия — мудрость, Дикилла — справедливость, Софросина — умеренность.

И чистая Софросина, больше всех // Пылавшая о предстоящем деле. — Так как невоздержанность, в которой повинен Руджьер, исправляется умеренностью.

Кончатся не так, как затевались!
Не только не стяжала Альцина
Беглеца, которого искала,
Но и все суда ее, плотным строем
Только что не вмещавшиеся в море,
Все пылают пожирающим пламенем,
А она спаслась на последнем челноке.

55 Бежит Альцина, а гиблое ее войско —
Под мечом, в огне, в воде, в цепях.
Но горше ей всех напастей,
Что потерял для нее Руджьер —
Днем и ночью о нем она страждет,
Слезы о нем льются из очей,
И не знает, как избыть-злую муку,
И горюет, что нет для нее смерти.

56 Нет для неё смерти,¹⁷⁵
Пока солнце ходит и небо стоит.
Будь не так — ей стало бы горя
Двинуть Парку допрясть ее нить,
Или, как Дидона, пресечь сталью стон,
Или смертоносный сон
Вслед за нильской вкусить блистательной царицею —
Но нет: феям не дано умирать.

Руджьер — в садах Логистиллы.

57 Оставим же Альцину казниться,
А посмотрим на достославного Руджьера.
Выйдя из челна
И ступив на твердую землю,
Возблагодарил он Господа за удачу,
Повернулся к морю спиною
И поспешными стопами устремился
Вверх по склону, над которым был замок.

58 Крепче того замка и прекраснее
Не видал и не увидит смертный взор.
Стены его драгоценней,
Чем камень-диамант и камень-огнеок.
О таких самоцветах у нас не слыхано —
Кто их хочет прознать, тот сам сюда приди,
А больше такого нигде не сыщешь,
Разве что у Господа в раю.

59 Пуще же всего пред иными камнями
Превосходно то, что, взглядевшись в такой,

175 *Вслед за нильской вкусить блистательной царицею...* — Вслед за Клеопатрой.

Собственную усмотришь душу,
И пороки и доброты, которые в ней,
И не станешь верить о себе
Ни льстецу, ни лживому хулителю, —
Созерцаясь в светлом зеркале,
Всяк познает себя и станет мудр.

60 Ясный блеск этих; стен, как солнце,
Таким пышет сияньем вблизи и вдаль,
Что, кто хочет, тому в них всюду
Белый день наперекор тебе, Феб!
И не только в камнях чудеса:
Вещество с искусством
Соревнуют здесь о великолепии,
И чей верх, не скажет никто.

61 А в выси над аркадами,
Словно вставшими подпереть небосвод,
В красоте простирался сад,
Какой трудно рассадить и в низине.
Сквозь зубцы сиявшей стены
Зеленели душистые деревья,
И зимой и летом
В пышном цвете и в зрелых плодах.

62 Нет на свете столь породных деревьев
Вне ограды этих садов,
Ни подобных роз и фиалок,
Амарантов, ясминов и лилей.
Наш цветок, раб изменчивого неба,
За единый солнечный пробег
И рождается, и живет, и умирает,
И никнет на сиром стебельке, —

63 А здесь — несвядаемая зелень,
Вечные цветы в дрящейся краде,
И не оттого, будто воздух
Благорастворен самой природою, —
Нет: заботное рвение Логистиллы
Невозможное сделало возможным:
Без опеки небесных смен
Здесь стоит незыблемая весна.

Логистилла принимает и отпускает рыцарей.

64 Немалую изъявила радость
Логистилла такому паладину
И распорядилась по споспешникам,
Чтоб от всех ему был почет и ласка.
Здесь уже задолго был Астольф,

И Руджьер его приветил чистым сердцем,
А в немного дней приспели и прочие,
Кого Мелисса вернула к бытию.

65 Отдохнувши день и другой,
Вот Руджьер приходит к умной фее,
И с ним Астольф,
Тоже в жажде вновь увидеть Запад.
Мелисса повела за них речь
И смиренно просила у владычицы
Милости, совета и помощи
Им вернуться, откуда пришли.

66 Ответила фея: «Я подумаю,
И в два дня они будут наготове», —
И раскидывает умом,
Как помочь Руджьеру и британцу,
И решает: первого
Отнесет в Аквитанию крылатый скакун,
Но сперва ему надобна узда,
Чтобы сдерживать и чтоб поворачивать.

67 И показывает витязю сама,
Как править вверх, как править вниз,
Как идти по кругу, и как
Встать на крыльях, и как мчать во весь опор.
Что на твердой земле умеет
Хороший всадник с хорошим конем,
То теперь умел и в зыбком воздухе
Обуздавший крылатого Руджьер.

68 Как дошел он в выучке до точки,
Отпустила его любезная фея,
И покинул он ее край,
Унося навек любовь к ней и преданность.
А теперь мой рассказ —
Как он ехал в добрый час,
А потом уж — как долго и как трудно
Добирался до стана Карла англичанин.

Руджьер летит вокруг света.

69 Полетел Руджьер,¹⁷⁶
Но не прежним невольным путем,
Когда нес его гиппогриф
Лишь над морем и так редко над сушею.

¹⁷⁶ Так волхвы ускользали от Ирода. — В евангельском рассказе восточные мудрецы, пришедшие на поклонение младенцу Иисусу, получили во сне откровение не возвращаться к Ироду (выслеживавшему Иисуса) и «иным путем отошли в страну свою» (Матф., II, 12).

Теперь мог герой править его крылья
Вправо, влево, куда хотелось,
И пустил его на окольный путь:
Так волхвы ускользали от Ирода.

70 Он сюда принесся из Испании¹⁷⁷
Прямо, как стрела,
В край, где плещет индийское море
И раздорят фея против феи.
А теперь он хочет в иные страны,
Чем Эоловы вихревые пастбища,
Чтобы завершить, свое странствие,
Словно солнце, обежав целый свет.

71 Вот справа Катай, вот снизу Кинсай¹⁷⁸
Видит он, пролетая Мангиану,
Миновал Исмайский Рифей,
Оставляет обок Сериканию;
От гипербореев держа к гирканам,
Правит выше Сарматии, а там —
Через шов меж Европою и Азиєю,
Глядя сверху в русов, прусов и поморцев.

72 Хоть и очень ему желалось
Поскорей воротиться к Брадаманте,
Но, отведав кругосветной потехи,
Он не раньше утих,
Чем промчал и поляков, и венгров,
И немецкую сторону, и все
Северные косматые страны,
И в далекой, наконец, спустился Англии.

73 Не думайте, государь мой,
Что весь долгий путь не смыкал он крыл, —
Каждый вечер находил он пристанище,
И по мере сил — какое получше.
Так и шли его дни и месяцы
В зрячей радости над землями и морем,
Пока он не соспустил однажды утром
Возле Лондона, за рекою Темзой.

В Англии он видит смотр войска, идущего к Карлу.

177 *Эоловы вихревые пастбища...* — Море, куда Эол выпускает пастись ветры.

178 *Вот справа Катай, вот снизу Кинсай...* — Катай — северная часть Китая, Мангиана — южная. Кинсай соответствует совр. Ханчжоу; Имайский Рифей — Гималаи; Серикания — см.: I, 55, прим.; гиперборееи — в греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере (в данном случае, Сибирь); гирканы — жители Гиркании. области у Каспийского моря; Сарматия - область к западу от Волги; «шов меж Европою и Азиєю» - согласно античной географии, граница Европы и Азии проходила по Дону; поморцы — жители Померании.

74 И он видит: на загородных лугах
Несметные латники и ратники
С трубами и бубнами
Строятся в полки, а пред всеми впереди
Удалой Ринальд, краса рыцарства,
О котором, помните, я сказал,
Что от Карла-повелителя
В этот край он явился за подмогою.

75 А Руджьер приспел под самый смотр
Этой силы в этом самом месте;
Чтобы все узнать,
Спешась, он подходит к одному рыцарю,
И тот любезно
Говорит ему, что все эти стяги
Сдвинулись сюда из Англии, Шотландии
И Ирландии, и окрестных островов,

76 А как кончится смотр,
Выступят они к морю,
Где уже у пристани
Ждут суда, чтоб подмять волну,
Потому что Париж в осаде,
И вся там надежда — на них.
«А чтоб знал ты все обо всем,
Я тебе перечислю все дружины.

77 Вот, смотри: высокая хоругвь,¹⁷⁹
На которой лилии и парды, —
Это стяг вождя,
Все знамена веют ему следом.
Имя его, славное в полках, —
Леонет, цвет рыцарской удали,
Мудрый в думе, жаркий в бою,
Королевский племянник, князь Ланкастерский.

78 А за королевским первый прапор,
Что дрожит в ветру над холмом,
На зеленом поле три белые крыла, —
Это герб Рикарда, графа Варвика.
А вот Глостер —
Два оленьих рога и лоб по срез;
Вот Кларенс;
Вот, под знаком дерева, — Йоркский князь;

79 Трижды сломленное копьё —

179 *На которой лилии и парды...* — Французская лилия (поскольку Отгон, которого Ариосто в согласии с эпической традицией ставит во главе английского королевства, принадлежит к французскому королевскому дому) и английский леопард. Нижеследующий парад гербов и фамилий имеет чисто орнаментальный характер и поэтому не комментируется. Английские имена и названия у Ариосто итальянизированы, в переводе — латинизированы (например, Дорсетский вместо Дорчестерский. Антонский вместо Хэмптонский, Вигор вместо Винчестера, Эрбий вместо Дерби, Оксоний вместо Оксфорда и т. п.).

Знак над воинством герцога Норфолька,
Грифон — Пемброк, молния — Кент,
А у Суффолька на стяге — весы;
Где ярмо спрягло двух драконов —
Там Эссекский граф,
А цветочная цепь в лазурном поле —
Нортомберленд

80 Вскинул Арундель
Знак ладьи, стремящейся в море;
Вот маркграф Барклай, и другой
Маркский граф, и с ними граф Рикмондский,
А над ними — расколота гора на серебре,
И сосна из волн морских, и пальма.
Вот Дорсетский, вот Антонский граф —
С колесницей в гербе и с щитом в гербе;

81 Сокол с крыльями над гнездом
Осенил Раймонда Девонского;
Черный с желтым флаг у Вигора,
Пес у Эрбия, медведь у Оксония,
Кристалльный крест —
Над имущим Батским епископом,
А расколотый трон на черном поле —
Это герцог Ариман Сомерсетский.

82 Латников и конных стрелков
Здесь в строю сорок тысяч и две,
А пеших — вдвое,
Или сотней больше или меньше,
И над ними цвета: зеленый, желтый, седой,
И каймленный чернью и лазурью.
Это Готфрид, Генрих, Герман и Эдвард
Правят пеших, каждый своим знаменем:

83 Первый из них — князь Букингамский;¹⁸⁰
Генрих — он владетель Салисбери;
Над Бургенией сидит старый Герман,
И над Кросбери — граф Эдвард.
Всю ту рать на восточном лугу
Исполчила Англия. А на западном
Встали тридцать тысяч шотландцев,
И в челе их — королевич Зербин.

84 Видишь: лев меж двух единорогов
Потрясает серебряным мечом?
Это — стяг короля Шотландии,
И его здесь вознес Зербин.
Нет красивей рыцаря в целом поле —
Природа отлила его и разбила льяло!

Столькой доблести, приветности, могучести
Нет ни в ком; а удел его — Росс.

85 Золотая решетка в лазурном поле —
Это знамя Отонельского графа;
Рядом вскинул знак герцог Марр —
Барса в кузнечном стояке;
Пестрым цветом чудные птицы
Веют над удальцом Алькабруном —
Он не граф, не маркграф, не герцог,
Но он первый в своем лесном краю.

86 Вот Стаффорд — ¹⁸¹
Орел смотрит в упор на солнце;
Вот Лурканий Ангусский —
Над ним бык с двумя псами по бокам;
Вот Альбанские цвета —
Синий с белым;
А вот коршун рвет зеленую змею
Над Боканским графом.

87 Правит Форбсом сильный Арман,
Прапор его — черный и белый;
А направо от него — граф Эрольский,
На зеленом поле — светлый светоч.
Рядом на лугу стоит Ирландия,
Посмотри, это два полка:
Один ведет Кильдар, а другой
Привел Десмонд с высоких взгорий,

88 В одном стяге — горящая сосна,¹⁸²
В другом — пояс, червлёный по белому.
И не только
Англия, Шотландия, Ирландия
Встали в помощь Карлу, но и шведы,
И Норвегия, и Исландия, и Фула:
Дальние те страны
По природе — ненавистницы мира,

89 Шестнадцать тысяч их люда
Вышли из пущ и пещер,
В зверских космах лицо, и грудь, и руки
И спина, и ноги, и бок;
Белый стяг без знака
И копыя вокруг, как лес, —
Это вскинул их вождь Морат,
Чтоб окрасить басурманскою кровью».

181 *Вот Лурканий...*- Следуют два героя новеллы о Гиневре, Лурканий и его брат Ариодант, ставший герцогом Олбани после смерти своего врага («вот Альбанские цвета...»).

182 *Фула*. — В античной географии северный предел обитаемого мира.

90 Пока смотрит Руджьер на этот блеск,
Вставший подмогою для Франции,
И дивится гербам, и вопрошает,
И британские слышит имена, —
То один изумленный, то другой
Подбегает и столбенеет
Пред невиданным зверем под рыцарским седлом,
И уже кольцом вокруг толпа.

91 Тут лихой Руджьер
Им на диво, а себе в забаву
Тронул повод своему крылатому,
Тронул шпорой бок,
Тот взвивается к самому небу,
Оставляя пораженных зевак, —
И вот, перевидев все британские полки,
Наш Руджьер направляется в Ирландию.

Над Эбудою он видит Анджелику на скале,

92 Сказочную он видит Ибернию,¹⁸³
Где колодезь святого старца,
В чьей воде великая благодать
Омывать с грешившего нечестие.
Дальше мчится скакун над морем,
Плещущим о Малую Британию,
И вдруг видит перелетный ездок:
Внизу — скала, и в цепях — Анджелика

93 В цепях, на скале, на Плакучем острове —
На Плакучем,
Ибо я сказал уже в прежней песни:
Здесь живут
Люди не по-людски, а в лютости и злобе,
На хищных ладьях по всем берегам
Рыщучи за добычею красавиц
Чуду морскому в безбожную снедь.

94 В самое это утро
Выставили ее на урочной скале
На потребу неоглядному гаду,
Пютателю страшного живья.
А как впала она в плен,
Спавшая пред ловчими на берегу

183 *Где колодезь святого старца...* — Св. Патрик (ок. 389 — 461), святой Ирландии, соорудил, согласно легенде, колодец, вода которого очищала от грехов. Ариосто мог вспомнить об этом местном ирландском поверье, поскольку уже в его время колодец был по распоряжению папы Александра VI закрыт.
Малая Британия. — Бретань.

Обок с престарелым чарователем, —
Я о том уже сказал в своем месте.

95 Крутонравные, бессердечные,
Выставили они прекраснейшую нещадному хищнику
Нагою,
Как впервые явила ее Природа,
Ни малым не скрывались покровом
Белые лилии и розовые розы,
Нежный цвет девического тела,
Не вянувший ни в декабре, ни в июле.

96 Светломраморным или алавастровым¹⁸⁴
Показалась бы она Руджьеру
Изваяньем, на вершине скалы
Ставленным искусными камнеделами, —
Если бы не слезы,
Меж тех свежих роз и чистых лилий
Орошавшие два юных ее плода,
И не ветер в золотых ее прядях.

97 И вот пали его взоры в ее очи,
Вспомнил он свою Брадаманту,
Пронизали его жалость и любовь,
И едва он удержался от плача.
Смирив крылья своему скакуну,
Кротким словом он обратился к юной:
«О дама,
Лишь Аморовых достойная оков,

98 А не этих и ни каких гнетущих, —¹⁸⁵
Какой злодей,
Черножелчный, назло природе метит
Оттиском оков белый снег этих рук?» —
А она на его слова
Стала, как слоновья кость в соку граната,
Видя в теле своем нагим
Все, что стыдно, хотя и так прекрасно.

99 Укрыла бы она лицо руками —
Но вкованы руки в каменный утес;
Лишь слезы ей остались,
И в слезах она кроет поникающий взор.
Источает вздохи, потом слова,
Тихо и томно начинает повесть, —
И оборвала:

184 *Светло мраморным или алавастровым...* — Ср.: Овидий. *Метаморфозы*, IV, 673 — 675. И в целом эпизод освобождения Анджелики, следующий далее, построен по примеру овидиева рассказа о Персее, спасающем Андромеду (*Метаморфозы*, IV, 663 — 738).

185 *Стала, как кость слоновья в соку граната...* — Ср.: «Словно слоновья кость, погруженная в пурпур кровавый» (Вергилий. *Энеида*, XII, 67). «*Энеида*» здесь и далее — в переводе С. А. Ошерова.

По морю разнесся цепенящий шум.

бьется с морским чудовищем,

100 Это было неоглядное чудище,
Вполовину на виду, вполовину под водой.
Как протяжный корабль
Мчится к пристани, веемый бореем,
Так несся завидевший поживу
Пловчий зверь. Миг — и вот он вплоть;
Дама полумертва от страха,
И ни в ком не чает спастись.

101 У Руджьера копьё не праздно,
Он разит чудовище вперевес,
А оно — как гора,
Кольцами дыбящаяся в море,
Звериная — только голова,
И в ней клычья наружу, как у вепря;
Руджьер бьет ее в лоб меж глаз, —
Тщетно! как в гранит и как в железо.

102 Как не выдалась первая удача —
Удалец заходит по вторую.
Под его широкими крыльями
Беглый отблеск льется в морской волне;
Видит ярый зверь, забывает верное
Для неверного, берег — для зыбей,
Изгибается вслед призраку,
А Руджьер бьет сверху вниз, и удары его — как град.

103 Так орел с небес,¹⁸⁶
Высмотрев гадюку, как вьется она в траве
Или на камнях под солнышком
Золотимую вылизывает чешую,
Налетает на нее не впрямь,
Где шипит и сочится смертный яд,
А когтит с хребта и плещет крыльями,
Не давая извернуться и ужалить, —

104 Так и наш Руджьер
Копьем и мечом
Бьет не в щерящиеся клыки,
А меж ухом и ухом, в хвост и в спину,
То взвиваясь, то рушась вниз, —
Зверь к нему, а он уже не там.
Но удары его — как в мрамор:

186 *Так орел с небес...* — Кроме Овидия, который остается основным ориентиром (Метаморфозы, IV, 714 — 717), сравнение отсылает также к Гомеру (Илиада, XII, 200 — 203) и Вергилию (Энеида, XI, 751 — 756).

Не врубиться в непробойную шкуру.

105 Так наглая муха мучит пса¹⁸⁷
В пыльном августе
Или месяцем раньше или позже,
В пору жатв или в пору виносбора, —
То куснет его в глаз, то в хваткий нос,
И кружит, и жужжит, и все время рядом, —
А у пса все зубы наголо,
И как схватит, тут все и кончено.

106 Чудище хлещет хлябь хвостом,
Волны дыбом в самое небо;
Не понять Руджьеру, воздух ли под крылом,
Или в море гребет его пернатый;
Лучше бы ему стать на берегу —
Если нет конца плеску и брызгу,
То измокнут гиппогрифовы крылья,
И нужней ему будет пузырь или бревно.

побеждает его волшебным щитом

107 Он решает по-новому, по-лучшему —
Взять крутого гада иным заходом:
Ослепить его блеском,
Что вколдован в подпокровный щит
Вот взлетел он на скалу,
А чтоб не было оплошки,
Надевает узнице на мизинный палец
То кольцо, уберегающее от чар, —

108 То кольцо,
Что отбила Брадаманта у Брунелла,
Чтобы вызволить Руджьера из
Альцининых ков,
И которым на том индийском острове
Столько доброго сделала Мелисса
(Я уже рассказывал, как),
А потом вручила его Руджьеру,
И уже он его не снимал с перста.

109 Ныне отдал он его прикованной,
Чтоб вольнее вспыхнул чудесный щит
И чтоб стали им невредимы
Анджеликины очи, берущие в полон.
А уж исполинский гад у берега,
И под брюхом его — пол-моря.
Встал Руджьер, сдернул ткань —

187 Так наглая муха мучит пса... — Ср.: Гомер. Илиада, XVII, 570 — 572; Данте. Ад, XVII, 49 — 51.

И как солнце грянуло под солнцем.

110 Бьет в чудовище чудный свет,
Разит взор знакомою чарою;
Как в горах глушимые известью
По реке сплывают лосось и форель,
Так во взбитой пене
Страшным чревом завиднелся гад,
Справа, слева вьется с копьём Руджьер,
Но все ему нет прокола.

111 А красавица его молит
Не толочь твердокожего понапрасну:
«Добрый господин, вызвольте меня, —
Она плачет, — пока зверь не опомнился:
Унесите, утопите хоть в море,
Но не бросьте для утробы зловредного!»
Тронулся Руджьер невинным вскриком,
Высвободил девицу и взвил со скалы.

и уносит Анжелику на гиппогрифе.

112 С четырех копыт в упор
Конь под шпорой ввысь и под облако вскачь,
В седле — Руджьер,
За седлом — красавица.
Так осталось чудище без обеда,
Не по чину отборного и сладкого.
Летит Руджьер, а сам, поворотясь,
Целует ее без счету в грудь и в очи.

113 Он уже не хочет,¹⁸⁸
Как хотел было, долететь до Испании,
Он правит коня на ближайший берег,
Где Малая Британия обрывается в зыбь.
А на том берегу была дубрава,
Где под сенью дуба плачет филомела,
А в дубраве поляна, и там источник,
А справа и слева — безлюдные холмы.

114 Здесь привал для страстного рыцаря:
Скачка кончена, сходит он на травку,
Укрощает пыл жеребца,
А вот собственного пыла — не может.
Только слезши, снова хочет влезть,
Да помеха — железные латы:
Латы — железные, надобно их снять,

188 ... *филомела*... — В греческой мифологии царевна, сестра Прокны (см. примеч. выше), превращенная в ласточку.

Препиная исполнение желаний.

115 Торопливо и вразнобой
Стаскивает он.то шлем, то поножь, —
Никогда он так не путался:
Один узел развяжет, два затянет.
Но не слишком ли затянулась моя песня,
Не в доuku ли моему господину?
Отложу-ка я свое продолжение
До лучших пор.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ (ЗМЕЕБОРСТВО)

Песнь XI

На первом плане — Анджелика ускользает от Руджьера и прячется в хижину пастуха. На дальнем — Руджьер видит бой великана с мнимой Брадамантой

Вступление.

1 Даже легким шевельнувши поводом,
Мы удержим жеребца на скаку;
Но как редко угрызения разума
Страстную обуздывают похоть,
Когда сласть впереди!
Так медведя не оторвешь от меда,
Если он лишь почуял сладкий запах
Или каплю слизнул с горшка.

2 Так с чего бы и Руджьеру обуздываться,
Если ищет он наслаждения, а пред ним
Милая Анджелика, нагая,
В благостном уединении дубравы!
И он уже не помнит о Брадаманте,
Врезанной в его рыцарское сердце;
А хоть бы и помнил,
Он не слеп, чтобы отвергнуть вот эту,

Анджелика с перстнем-невидимкой

3 Пред которой и сам суровый¹⁸⁹

¹⁸⁹ *Ксенократ* (ок. 400 — ок. 314 г. до н. э.). — Греческий философ, ученик Платона. Как утверждает Диоген Лаэртский (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, IV, 6) «отличался важностью и мрачностью». Гетера Фрина пыталась его соблазнить, но безуспешно (там же, IV, 7).

Перстень, отнятый у нее Брунелом. — См.: III, 69, прим.

Ксенократ не явился бы воздержан!
Отшвырнув Руджьер копьё и щит,
Торопливо выпрастывался из доспеха,
Как вдруг красавица,
Стыдливо потупясь на свою наготу,
Видит у себя на пальце дивный
Перстень, отнятый у нее Брунелем.

4 С этим перстнем она когда-то¹⁹⁰
Впервые явилась к франкам
Вместе с братом, которого копьё
После стало добычей Астольфа;
Этим перстнем разбила она чары
Малагиса близ Мерлиновой пещеры;
Этим перстнем она и Роланда
Вызволила из Драгонтинина плена;

5 С этим перстнем она незримой¹⁹¹
Вышла из башни злого старца, —
Но к чему нанизывать
Все, что ведомо вам и без меня?
Брунель в Альбракке
Выкрал у ней перстень для царя Аграманта,
И с тех пор судьба на нее нахмурилась,
И она обездолилась отчим царством.

ускользает от Руджьера

6 А теперь, завидев его на пальце,
Чуть от радости не зашлась она умом,
И не знает, не сон ли это,
И еле верит глазу и ощупи.
Сорвав с пальца, единым взмахом
Кольцо — в рот, и быстрее мгновенья
Исчезает она из глаз Руджьера,
Как солнце в туче.

190 *Вместе с братом, которого копьё...* — См.: VIII, 67, прим.

Этим перстнем разбила она чары // Малагиса... — Малагис (Маладжиджи) — персонаж Каролингова цикла, двоюродный брат Ринальда и Роланда, чародей. В этом качестве известен уже французской героической поэме («Четыре сына Эмона»). Герой нескольких второстепенных поэм («Можис д'Эгрмон», «Смерть Можиса» и др.). Во «Влюбленном Роланде» пытается овладеть Анджеликой, наведя на нее и на ее спутников колдовской сон, но сам оказывается в плену.

... и Роланда // Вызволила из Драгонтинина плена... — Волшебный перстень позволил Анджелике уничтожить чары феи Драгонтинны («Влюбленный Роланд», I, XIV, 38 слл.), которая держала у себя в плену Роланда, Астольфа и других рыцарей, лишив их памяти посредством колдовского напитка.

191 *Вышла из башни злого старца...* — Во «Влюбленном Роланде» (I, XIV, 29 — 37) Анджелика, сделавшись с помощью перстня невидимой, ускользает из башни, где в плену у «злого старца» томились сотни дам и девиц, предназначенные в пищу дракону феи Фалерины. Покинув башню, Анджелика держит путь к зачарованному саду Драгонтинны.

7 Озирается Руджьер,
Рыщет во все стороны, как безумный,
А потом, припомнив про перстень,
Застывает в стыде и бессилии,
И клянет, что он такой разиня,
И корит, что такую неучтивостью
Отнеслась неласковая
На рыцарскую службу.

8 Воскликает: «Неблагодарная!
Такова-то от тебя мне награда?
Отчего тебе милей украсть кольцо,
Чем принять его честным подношением?
Возьми перстень, возьми щит, возьми коня
И всего меня,
Но яви мне красу твою нескрытую!
Ах, ты слышишь, но ты не отвечаешь».

9 Так он бродит над источником, ропщущий,
Ощупью, как слепой,
Простирает объятья в тщетный воздух,
Ждет в них милую, а ее нет.
А она уже далеко:
Шла и шла, и дошла до пещеры
В горном склоне, емкой и просторной,
А в пещере ей нашлось, что поесть.

10 Там жил старик-пастух,
Выпасая конный табун
Свежей травкой над свежей речкой
Под горой в подолье.
Вкруг пещеры была сень
Кобылицам от полуденного зноя,
И долго там отдыхала в этот день
Анджелика,
Никем не видимая.

и пускается на родину.

11 А когда освежил ее вечер,
И решила она: «довольно медлить!» —
Завернулась она в рогожу —
Ах, не то, что ее прежние веселые
Зелень, желть, синь, и огонь, и пурпур,
Столько красок, столько покровов! —
Но и это рублище
В ней не сгладило красоты и знатности.

12 Замолчите, хвалители бегучей¹⁹²

Галатеи, Неэры, Филлиды, Амариллы!
Не в обиду вам, Мелибей и Титир, —
Далеко им до нашей красавицы!
Выбирает Анджелика из табуна
Самую угодную кобылицу
И собирается с мыслями
Воротиться на свой родной Восток.

Руджьер, лишась и гиппогрифа,

13 А Руджьер,
Тщетно ждавши, не явится ли подруга,
И поняв, наконец, что нет,
Что не рядом она и не слышит, —
Отошел взнудать
Скакуна своего земного и воздушного —
Хвать, а тот перегрыз узду
И умчал в поднебесье, куда глаза глядят.

14 Налегла беда на беду:
Без копытной птицы остался рыцарь.
Женский обман да конский угон —
Камнем ему на сердце; но еще тяжелей —
Тоска и страх,
Что пропал бесценный его перстень:
И не потому, что великая в нем сила,
А что это — дар его дамы.

15 Что ж! нерадостно вскидывает он
На плечи бронь, а за плечи щит,
И шагает со взморья через травный луг
В просторный дол,
Где дремучий лес,
А тропа в нем протоптанней и шире,
И немного он прошел, — как вдруг
Справа, в самой чаще слышит шум:

идет по лесу и видит Брадаманту жертвой великана.

16 Громкий шум, страшный лязг
Меча в меч; рыцарь ломится меж стволов
И видит: двое
В малом месте бьются большим боем,
Без прощенья и без пощады,
Словно это месть, а за что — неведомо.
Один — великан, грозен и свиреп,

Другой — пылкий и отважный витязь.

17 Щитом и клинком, прыжком и скачком
Отбивается витязь,
Чтоб не грянула на него дубина,
Двоеручно вскинутая великаном;
Павший конь его лежит на тропе.
Встал Руджьер и смотрит на битву,
И не ровен душой,
А желает одоления витязю,

18 Но держит себя в стороне,
Только смотрит, а помочь — ни на шаг, —
Как вдруг человек-гора
В две руки глушит палицею по шлему,
Меньшой рушится под ударом,
А большой, чтоб добить,
Сволакивает с простертого шлем,
И видит Руджьер знакомое лицо —

19 Видит Руджьер в открытую
Милый лик возлюбленной своей
Красавицы Брадаманты — вот кого
Гнет под гибель гнусный гигант!
Рыцарь выкликает его на бой,
Рыцарь мчится, грозя нагим клинком, —
Но злодей не хочет новой схватки —
Он хватает полумертвую,

20 Вскидывает на плечи и прочь:¹⁹³
Как волк тащит малую овечку,
Как голубку или прочую птичку
Вносит ястреб в кривых когтях.
Видит Руджьер, без него добра не будет,
И бегом по пятам, — но тот
Мерит лес такими шагами,
Что и взгляду не угнаться вслед.

Тем временем Роланд

21 Так в побеге и так в погоне
Бегут двое по темному лесу,
А тропа все шире и шире,
И вот вывела их на просторный луг, —
А дальше ни слова: пора
Воротиться мне к Роланду, который
Только что Кимосхов перун
Свергнул в хлябь, чтоб никто уж его не видел, —

193 *Как волк тащит малую овечку...* — Сравнение Вергилия (Энеида, IX, 563 — 566).

22 Но напрасно! Враг¹⁹⁴
Рода человеческого, измыслитель
Этой пагубы, подражатель огня,
Сквозь тучи в землю гремящего с небес,
Как когда-то Еву пронял яблоком,
Так и эту
Вновь явил добычу некоему чернокнижнику
На свежей памяти наших дедов.

23 Адская снасть,
Скрытая в столько вод столько лет,
Выколдовалась из пучин
И явилась поначалу у немцев,
А они, пытая так и так,
Дьяволовым погибельным подсказом
До того изострили ум,
Что доискались ее употребления.

24 А после — Италия и Франция и все¹⁹⁵
Страны переняли страшную науку:
Иной льет бронзу в полые льяла,
Жидко топленную в печном огне,
Иной сверлит железо, иной тачает
Легкий ствол и тяжелый ствол,
И зовут это пушкою, простою, двойною,
И бомбардою, и единорогом,

25 Мортирой, фальконетом, кулевриной,
И кому еще какое имя нравится.
А с того — и в клочья сталь, и камни в пыль,
И ничто разящему не преграда.
Бедный ратник, брось в кузнечную печь
И доспех и самый меч,
А взвали пищаль или фузею —
Ничего иначе ты не выслужишь.

26 Зверская, злодейская кознь,
Как нашла ты угол в людском сердце?
Чрез тебя ныне рыцарство без славы,
Чрез тебя ныне война без чести,
Чрез тебя храбрость и доблесть без цены,
Ибо худший с тобой сильнее лучшего.
Чрез тебя отваге и удали
Больше нет удела в ратном поле;

194 *Вкрал добычу некоему чернокнижнику...* — Ариосто, видимо, намекает на Бертольда Шварца (ок. 1310 — 1384), немецкого монаха и алхимика, который считался изобретателем пушечного пороха. К этому изобретению Шварц отношения не имеет, но именно он наладил отливку бронзовых пушек в венецианском арсенале.

195 *И зовут это пушкою...* — Здесь и в следующей октаве Ариосто перечисляет различные виды огнестрельного оружия, известные в XVI в.

27 Чрез тебя¹⁹⁶
Столько полегло князей и рыцарей
Нынче в недоеванной войне,
Что весь мир в слезах, а Италия вдвойне!
Оттого-то я сказал, и не лгу,
Что нет некого и не было
Злее, коварнее, зловернее,
Чем искусник проклятого орудия.

28 И я верю: Господь,¹⁹⁷
Чтобы вечною была казнь,
Ввергнет его черную душу
В ту слепую бездну, где Иуда.
Но воротимся же к герою,
Рвущемуся к слезной Эбуде,
Где юных и прекрасных
Дам бросают на пожранье чудищу.

29 Спешит Роланд,
Но ветер ему не в помощь —
Справа ли, слева ли,
Сзади ли, но так он слаб,
Что не долго на нем управишь,
А то вовсе стихнет,
А то дунет в лоб, и тогда кружи назад
Или рыскай, перебрасывая парус.

приплывает к острову Эбуде,

30 Но Господу было угодно,¹⁹⁸
Чтоб приплыл он к острову не прежде
Короля ирландского и успел
Свершить то, о чем я вам поведаю.
Говорит Роланд своему кормщику:
«Стань под берегом,
А челнок дай мне —
Я один поведу его к утесу.

31 И еще мне надобен большой якорь
И при нем его толстый канат, —
А зачем, увидишь сам,

196 ... *в недоеванной войне...* — Ариосто имеет в виду войну за гегемонию в Европе (и, в частности, в Италии), которую вели в первой половине XVI в. Карл V, император Германии и испанский король, и Франциск I, король Франции, и которую продолжили их преемники.

197 *В ту слепую бездну, где Иуда.* - Поскольку Ариосто использует здесь дантовский образ («склеп слепой» — Ад, X, 58), надо полагать, что место в аду для изобретателя огнестрельного оружия он видит рядом именно с дантовским Иудой — в последнем кругу, где казнятся предатели.

198 *Короля ирландского...* — См.: IX, 11.

Коли доберусь я сойтись с чудищем».
Взяв задуманное,
Без доспеха, с одним мечом
Оттолкнул он челн
И один гребет к тому утесу:

32 Грудью к веслам, спиною к цели — ¹⁹⁹
Как соленый краб
На песок из заводи или топи.
А уж был тот час,
Как Заря взметнула златые кудри
Перед Солнцем, вставшим
По пояс в море, от пояса в небе,
И ревниво роптал ее Тифон.

33 Как подплыл он на переброс
Камня, сильною пущенного мышцей, — вдруг
То ли слышит, то ли не слышит
Плач, едва долетающий до слуха.
Оборачивается влево,
Скользит взглядом, и над самой водою
Видит: женщина в узах
У столба, нагая, и волны у ног.

вступает в бой с драконом

34 Лица ее он не видит — ²⁰⁰
Далеко, а она потупилась, —
Но налег и гребет,
Чтоб поближе узнать, чего не знает.
Тут взревела бездна,
Гром отгрянул в гротах и рощах,
Вздулись волны, и встало чудище,
И под ним не стало видно моря.

35 Как из темного дола всплывает влажная²⁰¹
Туча, чреватая грозой и ливнем,
И ширится на мир,
И стирает день слепую ночью, —
Так встал зверь,
Подбирая под себя все море.
Волны в клокоте, Роланд тверд и горд,
Не сменясь ни лицом, ни сердцем.

199 *И ревниво роптал ее Тифон.* — См.: VIII, 86, прим.

200 *Вздулись волны, и встало чудище...* — Ср.: Овидий. *Метаморфозы*, IV, 689 — 690.

201 *Как из темного дола всплывает...* — Ср.: Гомер. *Илиада*, XVI, 364 — 365, а также: Валерий Флакк. *Аргонавтика*, II, 515 — 517.

36 Как решившийся в дело,
Он быстр:
Чтобы разом
Деве стать охраной, гаду пагубой,
Он бросает меж них свой челн;
Меч его в ножнах,
А канат и якорь — в руке,
И, не дрогнув, он ждет страшилища.

37 Зверь уж здесь,
Разом рушится на Роландов борт,
Разевая пасть
В рост всаднику на коне;
И тогда Роланд прядает вперед,
Прямо в плотку,
Вместе с якорем, помнится, вместе с лодкой,
И вонзает якорь в тот зев и тот язык,

38 Чтоб ни верхней упасть, ни нижней встать
Челюсти с крушительными зубьями.
Так в копиях железокопы
Крепят крепь над своими лазами,
Чтоб нечаянную осыпью
Не накрыло небрежного труженика.
А от крюка до крюка того якоря
И Роланду не достать без прыжка.

39 Уверясь таким распором,
Что уж гад не сведет клыков,
Роланд вырвал меч и под темным сводом
Бьет вверх, бьет вбок, лезвием, острием —
Как крепость
Не крепка, когда враг внутри,
Так бессильно чудище
Против витязя в собственной пасти.

40 То от боли оно бьется меж волн,
Выгибая спину и чешуйные бока,
То ныряет
И взметает брюхом песок со дна.
Чует франкский паладин: его захлестывает;
Выгребают в плавь,
Бросив якорь в зверском зеве, а канат
Сжав в руке.

и побеждает его.

41 С ним в руке dospешив он до утеса,
Упирает ноги

И в два зуба рвущий зверскую пасть
Выбирает на себя якорь.
И влечется зверь-гора на пеньковой бечеве
Пред силу сил,
Пред ту силу, которая в один рывок
Движет дальше, чем ворот в десять.

42 Как дикий бык,
На рогах почуяв негаданный аркан,
Рвется вправо, влево, вкруг,
Вверх и вниз, но уж из пут не выбиться, —
Так морская тварь, из родных зыбей
Мощною влекомая мышцею,
Ста изгибами, ста извивами
Мечется с крюка, а уйти не может.

43 Льет кровь из губ,
Стало Красным синее море,
Бьет ^вост меж волн,
Разверзая его донные глубины,
Взбитая брызжет ввысь
Пена, и застит солнце,
Гулом отозвались
Горы, чащи, дальнее взморье;

44 Старый Протей, слышав²⁰²
Столько шуму, показался из грота
И, завидев Роландов въезд и выезд
Меж зубов, и чудо-рыбу на канате,
Бросился вглубь пучины,
Не собрав своего, морского стада;
Нептун помчал к эфиопам,
Погоня подъяремных дельфинов;

45 Левкотея в слезах над Меликертом,²⁰³
Нереиды, разметав мокрые кудри,
И Тритоны, и Главки, и прочий
Морской люд не знает, куда бежать;
А Роланд чудо-рыбу тащит к берегу,
И тут заботам его конец:
От натуг и мук

202 *Протей*. — См.: VIII, 51, прим. *Нептун помчал к эфиопам...* — Олимпийские боги время от времени пируют у «непорочных» эфиопов (см.: Гомер. Илиада, I, 423; Одиссея, V, 282).

203 *Левкотея в слезах над Меликертом...* — Образцом для Ариосто является описание свиты Нептуна у Вергилия (*Энеида*, V, 822 — 826).

Левкотея — в греческой мифологии морское божество, в которое превратилась Ино, супруга беотийского царя Афананта, когда бросилась в море, спасая их сына, Меликерта, от безумной ярости мужа.

Нереиды — морские божества, дочери Нерея.

Тритоны — морские божества.

Главки — собственно, известен в единственном числе, как рыбак, случайно превратившийся в морское божество. Множественное число, возможно, объясняется оборотом, употребленным Вергилием («Главка хор седовласый») в указанном выше описании поездки Нептуна.

У ней дух вон, едва легла на отмели.

Островитяне нападают на Роланда.

46 Толпою островитяне
Сбежавшись на дивную битву,
Суеверным терзались страхом,
Не кощунство ли святой этот подвиг?
Толковали: вновь
Обозлится Протей, ополчится Протей
Всей морскою тварью им на остров,
И опять не избыть старинной распри.

47 Не лучше ль, пока не худо,
Просить мира у горького бога, ,
А удальца
Свергнуть в море, ему в угоду?
Как огонь от факела к факелу
Озаряет целую окрестность,
Так от сердца к сердцу
Рвется страсть, чтоб Роланда бросить в море.

48 Кто с пращом, кто с луком,
Кто с мечом, кто с пикой бежит на взморье,
Сзади, спереди, со всех сторон,
Издали, изблизи, все на приступ.
В диве герой
На такую зверонравную встречу —
Что за сверженного гада
Обида ему, а не наградная честь.

49 Но как бурый медведь
У Литвы или Руси на людном торге
Идет себе прямо
И не слушает шавочьей брехни,
И ни глазом на них не поведет, —
Таков паладин пред сбродом,
Зная: стоит ему подуть —
И не станет низменного толпища.

50 Повернулся он, взялся за меч — ²⁰⁴
И впрямь мигом стало просторно.
Думали шальные,
Что он им не соперник
Без панциря на груди,
Без щита на руке, без доспеха,
А не знали, что от темени до пят

204 *Он и кожею крепче камня.* — Роланд, как Ахилл, неуязвим для оружия. Это свойство придано ему итальянской эпической традицией. Ср.: XII, 49.

Он и кожею крепче камня.

Отбив их, он освобождает Олимпию.

51 Но чего Роланд не даст другим,
То Роланду дадут другие:
В десять взмахов положил он тридцать,
А не в десять, так в немногим больше!
Вмиг берег пуст;
Повернулся Роланд высвободить даму,
Как. вдруг
Новый шум, новый крик несется издали.

52 Пока нашего рыцаря
Всей толпою спирали дикари,
Без помехи со всех сторон на остров
Всходят ирландцы,
И ударили с разных берегов,
И рубили, не зная жалости, —
За правду ли, по злобе ли,
Но ни возраста не щадя, ни пола.

53 Здешние беззащитны:
И застигли их врасплох,
И остров мал, и народу мало,
А еще того меньше ума-разума.
Все добро — на поток, все дома —
На поджог, все головы — под меч,
Стены стерты
В прах, нигде ни единого живого.

54 Но до воплей, шума и грохота
Нет Роланду дела:
Он подходит к той,
Что ждала на скале стать снедью чудищу,
Он глядит, и она ему знакома,
И чем ближе он, тем знакомее:
И он видит Олимпию, и это
Впрямь Олимпия, верная неверному.

55 Бедная! поруганная в любви,
Новый приняла она удар —
В тот же день
Взяли ее разбойные моряки
На Эбуду. Признала она Роланда, —
Но, нагая,
Лишь молчала, тупила лицо
И не смела вскинуть к нему очи.

56 «Какою судьбою, — спросил ее Роланд, —

Принесло ее к этому острову
Оттуда, где при супруге
Он оставил ее в счастье и в радости?
«Не знаю, — она в ответ, —
Спасибо ли вам за вызволение из смерти,
Или горе мне, что из-за вас
Не пресеклись нынче мои муки.

57 Благодарствовать бы мне,
Что от страшной избавлена я гибели —
Страшной, ибо зверь
Гробом мне готовил утробу, —
Но нет во мне благодарства,
Ибо смерть лишь спасенье мне из бед,
А была бы я радостнее
От ваших рук концу моих бед».

58 И с великим она плачем²⁰⁵
Молвила, как покинул ее супруг
Спящую на том острове,
Где и взял ее в полон морской разбой.
Говорила, а телом поворачивалась,
Как у живописца или ваятеля
Та Диана над теми струями,
Где плеснет она в очи Актеону, —

59 Прикрывая грудь и живот,
А бедро и бок являя взору.
Ждет Роланд, чтоб подплыл его корабль,
Приодеть любую одеждою
Высвобожденную даму из оков, —
Но тут
Предстает Оберт, ирландский король,
Прослышав о поверженном чудовище —

Является Оберт с ирландцами,

60 Что приплыл из-за моря паладин
И вогнал ему в глотку тяжкий якорь
И взволок на сушу,
Как ладью волокут в упор течению.
Чтоб узнать глазами,
Правду ли сказал сказавший, —
И явился Оберт, а его люд
С четырех концов громил Эбуду.

61 Хоть и был Роланд

205 *Та Диана над теми струями...* — В античной мифологии охотник Актеон был превращен в оленя Артемидой (Дианой) за то, что увидел ее обнаженной.

Весь в крови, в поту, и мокр, и грязен, —
Оттого в крови,
Что вошел он и вышел в пасть чудовища, —
Но узнал его ирландский король,
С первой вестью о том подвиге
Положив в душе,
Что ничья, как Роландова, эта доблесть.

62 А Роланда он знал,
Бывши рыцарским отроком во Франции
И лишь год как воротясь принять венец
По кончине родителя.
Видел он его не раз, говорил не два,
А без счету и сметы,
И вот бросился обнять его и приветить,
Скинув шлем со лба.

63 Как король Роланда, так Роланд короля
Радуетя, увидев;
Вновь и вновь сменясь они объятьями,
Завели беседу,
И сказал Роланд Оберту о красавице,
Как была она предана
Вероломным Биреном,
Последним из всех, кому такое подстать;

64 И сказал, сколько раз она являла
Великую ему свою любовь,
Как лишилась дома и рода,
Как готова была на смерть,
И это все — лишь малое из многого,
А тому многому и счета не счесть.
Так он сказывал, а красавицыны ясные
Очи изливались потоком слез.

65 Было ее прекрасное лицо,
Как вешнее небо,
Когда брызжет дождь, и вдруг из туч
Светлое показывается солнце.
И как нежною песнею соловей
Оглашает зелень дубравной сени,
Так любовь купает крыло
В токе ясных слез, и смеется свету.

вспыхивает любовью к Олимпии

66 Золотые стрелы любви
Зажжены очами, закалены ручьями
Льющихся слез меж лилий и роз,
И такая в закаленных сила,

Что юноше не ограда
Ни щит, ни кольчуга, ни железная скорлупа:
Он стоит, он глядит в лицо и кудри,
Чует рану в сердце, а отколе — невесть.

67 Несравненны прелести Олимпии:
И не только
Лоб прекрасен, очи, ланиты, кудри,
И уста, и нос, и плечи, и шея, —
Но и перси,
И что скрыто бывает под покровами, —
Таково, что выше
Ничего не сыщется в целом божьем мире.

68 Белей взору, чем нетроганный снег,
Глаже пальцам, чем слоновою кость,
Округлые груди
Были, как тростниковое молоко,
А меж ними крылась
Складка, как тенистое разложье
Меж крутых холмов,
Наметенных снежною зимою.

69 Гибкий бок, дивное бедро,²⁰⁶
Белые голени,
Гладкий, словно зеркало, живот, —
Были, как из-под Фидиева резца,
Говорить ли и о том в ее теле,
Что она так тщетно пыталась скрыть?
Нет, скажу одно:
С тмени до пят в ней всё — прекраснейшее.

70 Явись она фригийскому Парису²⁰⁷
На Идейском пастбище, — и ей.
Уступила бы Венера и две другие:
Лишь ее бы красоте стала честь.
И не плыл бы он тогда в Амиклы
Попрять святость гостеприимства,
А сказал бы: будь Елена Менелаю,
А себе я желаю только эту.

71 Явись она в Кротоне,²⁰⁸

206 ... как из-под Фидиева резца... — Фидий (ок. 490 — после 430 г. до н. э.), великий греческий скульптор, создатель скульптурного ансамбля Парфенона и гигантских культовых статуй.

207 Явись она фригийскому Парису... — Имеется в виду суд Париса, присудившего первенство в красоте Афродите (Венере). «Две другие», проигравшие состязание с Афродитой — это Гера и Афина.

И не плыл бы он тогда в Амиклы... — Т. е. в Лаконию, где рядом с Амиклами расположена Спарта, откуда Парис похитил Елену. Афродита в награду за вынесенное в ее пользу решение посулила Парису обладание красивейшей из смертных женщин.

208 Явись она в Кротоне... — Согласно легенде, жители города Кротона (в Калабрии), дабы украсить храм Геры (Юноны), заказали художнику Зевксису (484 — 380 г. до н. э.) изображение Елены. Художник писал с пяти

Когда Зевксис, затеяв образ
В Юнонин храм,
Вкруг себя собрал нагих красавиц,
Чтоб сложить в совершенство
Лучшее от одной и лучшее от другой, —
Вмиг никто не стал бы ему надобен,
Все красоты он обрел бы в ней одной.

72 Поклянусь я, что никогда Бирен
Не видал своей красавицы нагою —
У него бы не стало злобных сил
Бросить ее на безлюдную погибель.
Диво ли, что вспылал о ней Оберт?
Пламени не скрыть:
Говорит он утешные слова
И надежит, что обернется горе радостью,

73 И сулит, что пойдет с нею на Голландию,
Что пока не отобьет ее земли,
Пока праведная и памятная месть
Не казнит ее изменника, —
Он не сложит ирландского оружия,
И не станет медлить ни дня.
А меж тем велит
Искать по всем домам одежд ей и платий.

74 Недалек был поиск:
Все сыскалось, не сходя с острова:
Каждый день здесь оставлялись платья
От нещадных драконьих жертв.
В недолгом явилась сборе
Пред Обертом груда всех покровов,
И велел он одеть Олимпию,
И жалел, что не может так, как надо.

75 Но ни лучший шелк, ни золото,²⁰⁹
Флорентийским тканое искусством,
Ни шитье, в котором столько
И ума, и сил, и терпения,
Не смогли бы сделать ее красивей:
Ни лемносский, ни Минервин труд
Не достоин лечь покровом на те прелести,
Что не выйдут из ума у ирландца.

и увозит ее в Ирландию, а Бирену мстит.

натурщиц одновременно, так как не нашел такой женщины, красота которой была бы безупречна.

²⁰⁹ *Ни лемносский, ни Минервин труд...* — Гефест (Вулкан), имевший кузницу на Лемносе, упомянут здесь как золотобит, Афина (Минерва) — как портниха и вышивальщица.

76 Этою любовью
Много доволен наш паладин,
Оставляя страстного короля
Мстить войною Биреновой измене —
Не то стала бы такая доука
Отвлечением ему самому,
А он шел на выручу
Не Олимпии, а собственной даме.

77 Видно было: здесь ее нет,
Но не видно было: была ли,
И некого спросить: ни души
Не осталось живой на целом острове.
Потому на другое утро,
Как отчалил от острова флот,
Вместе с ним отчалил Роланд в Ирландию,
Чтоб оттуда — во франкские края.

78 Как его ни молили,
Не промедлил он в Ирландии ни двух дней —
Любовь гнала вслед красавице,
Не давая ему привала.
Он уходит, вверив Олимпию
Королю под клятвенным обетом, —
Да и то было лишним:
Король сделал больше, чем брался.

79 В немного дней он собрал людей,
Он вошел в союз с английским государем
И в другой с шотландским, и отбил
Голландию, и ни фризского вершка
Не оставил Бирену, и взбунтовал
На него Зеландию, и не прежде
Кончил брань, чем бросив его на казнь, —
Но и то ему, предателю, было мало.

Роланд продолжает поиски Анджелики.

80 А Олимпию берет он женою — ²¹⁰
Из графини она стала королевою.
Но воротимся же к рыцарю, который
День и ночь по волнам под парусом
Правит вновь к тем самым причалам,
От которых когда-то вышел в плаванье,
Вновь он в латах, седлает Златоузда
И показывает спину морям и бурям.

210 *Правит вновь к тем самым причалам...* — К порту Сен-Мало (см.: IX, 15).

81 До конца той зимней поры,
Верно, было ему время к добрым подвигам,
Но они доселе скрыты от слуха —
Не моя вина, что и я промолчу:
Потому что всегда Роланд
Был удал не на слово, а на дело,
И чему не случилось соглядатаев,
То осталось неведомо и молве.

82 Так и дотянулась зима: в тиши,²¹¹
Не подавши о нем статочной вести.
А как солнце сверкнуло в небосводе
От кроткого Фриксова овна,
И Зефир, сладостный и радостный,
Вновь привял любезную весну,
То в рассеве цветов и юных трав
Новые разнеслись Роландовы подвиги.

83 По горам и долам, полям и взморьям
Ехал он, печальный и скорбный,
И въезжает в новый лес, — и вдруг
Долгий зов, громкий стон бьет в слух,
Рыцарь шпорит коня, хватает меч,
Мчит на крик, —
Но что из этого вышло, —
С вашего позволения, в следующий раз.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ (РОЛАНД У АТЛАНТА)

Песнь XII

На первом плане — Роланд видит Анджелику в плену у всадника; на втором — он въезжает за нею в волшебный дворец

Вступление.

1 Когда Церера²¹²

211 *А как солнце сверкнуло... // От Фриксова овна...* — В греческой мифологии Фрикс, преследуемый мачехой, спасая в Колхиду на златорунном овне. Солнце входит в созвездие Овна во время весеннего равноденствия.

212 *Когда Церера // От идейской Матери богов...* — В поэме Клавдиана «Похищение Прозерпины», которой здесь Ариосто следует, говорится, что Церера, укрыв дочь Прозерпину в Сицилии (там, где гиганта Энцелада, павшего от молнии Юпитера, «гнетет» Этна), отправилась в обитель Кибелы («идейской Матери богов»), на Иду (гора во Фригии, центр оргиастического культа Кибелы). В отсутствие Цереры Прозерпина была похищена богом подземного царства.

Вырвала она две сосны... — Ср.: «В обеих руках запалила Ветви горячей сосны...» (*Овидий. Метаморфозы, V, 441 — 442*).

От идейской Матери богов
Скорой поступью воротясь в пустой дол,
Где павшего под перуном
Энцелада гнетет Этнейский кряж,
Не нашла в тех неуступных местах оставленной дочери, —
То встерзав себе щеки, очи, кудри, грудь,
Вырвала она две сосны,

2 Запалила их
Вулкановым неиссякающим огнем,
И с ними в руках
На колеснице о двух драконах
По лесам, полям, горам, долинам,
По холмам, ручьям, прудам, потокам,
По суше искала ее и морю,
По подсолнечному миру и Тартару;

3 Будь Роланд подобен²¹³
Элевсинской богине не только волею,
Но и силою, — он для Анджелики
Обыскал бы все леса, поля, ручьи,
Холмы, горы, доли, сушу, море,
Высь небес и бездну забвения, —
Но нет у него ни драконов, ни колес,
И он делает, что может и как может.

Роланд видит Анджелику в плену у всадника

4 Обошел он Францию, и готов²¹⁴
Обойти Италию, Тевтонию,
Новую Кастилию и Старую,
А потом и за море в африканский край, —
Так он думал, но тут он слышит
Крик, а в крике внятную жалобу,
И пришпорил, и видит: впереди
Рыцарь рысью на большом коне,

5 А меж рук его на выгибе седла
Истрадавшаяся девица
Плачет, бьется, на лице ее мука,
И зовет на помощь,
Выкликаая его — графа Англандского.
Смотрит он на юную пленницу
И в ней узнает

213 ... *Элевсинской богине...* — Элевсин в Аттике — место культа Деметры (с которой была отождествлена римская Церера),

214 *Новую Кастилию и Старую...* — Новая Кастилия расположена в центре Испании (главные города — Мадрид и Толедо), Старая — на севере (столица — Бургос).

Ту, за кем он столько рыщет по всей Франции.

6 Анжелика то была или нет,
Но он видит в ней свою драгоценную,
Свою даму, свою богиню,
И в такой страде, в такой горести,
Что в яром гнев
Страшным зовом вызывает он похитчика
Вызывает похитчика, грозитя
И погоняет Златоузду златой уздой.

7 А лукавый в ответ ни отклика,
Крепко держит знатную добычу
И летит меж зеленых зарослей,
И ни ветру за ним не поспеть.
Тот в утек, тот в нагон, дубрава
Вся звенит немолчным рыданием,
И вот вымчались они на широкий луг,
А на лугу стоит золотой дворец.

и за ними попадает в замок Атланта.

8 Тонко точеными мраморами
Гордые вознеслись палаты;
В золотые створы
Скачет всадник с красавицею в объятьях,
А за ним — Златоузд
И на нем Роланд, кипящий яростью,
И влетает, и водит диким взором,
Но вокруг — ни красавицы, ни рыцаря.

9 Прочь с седла, и разящей молнией
Он стремится под высокий кров,
Вправо, влево, вперед, назад,
Ни единого не минует угла,
Тщетно нижние
Обыскав покои, бежит по лестнице,
Но и вверху, как внизу,
Только зря теряет время и силы.

10 На постелях — шелка и золото,
На стенах — ни бревна, ни камня,
Всё в обивках, всё под коврами,
Не задеть подошвою голый пол.
Мечется Роланд вверх и вниз,
Но нигде не потешат ему взор
Ни милая Анжелика,
Ни злодей, унесший прекрасную.

Там — и другие рыцари;

11 В трудных думax
Понапрасну бродит он туда и сюда,
А ему навстречу — Феррагус,
И Градасс, и Брандимарт, и Сакрипант
Так же мечутся вверх и вниз по лестницам,
Так же попусту,
И клянут коварство незримого
Властника тех мест.

12 Все его ищут, все впустую —
У всякого есть на что пенять:
Кто в обиде, что тот увел коня,
Кто в неистовстве, что похитил даму,
Кто за что, — но никому не вмоchь
Выбраться из этой заперти.
Много их здесь, обманутых,
В долгие томятся дни и годы.

13 Трижды и четырежды Роланд
Обыскав таинственный чертог,
Говорит себе: «Я здесь мешкаю,
Трачу время и силы, а злодей
Вдруг да тайным выходом
Далеко уже умкнул мою милую!»
И сбегает на зеленый луг,
Что со всех сторон вокруг дворца.

14 Вот обходит он лесные хоромы,
Глаза в землю,
Нет ли где справа или слева
Свежего следа на траве, —
И вдруг слышит оклик из окна,
Вскинул очи, а в окне несбыточный
Мнится ему голос и лик
Той, из-за которой он сам не сам.

15 Слышится ему: Анджелика
Плачет, молит: «Ко мне! ко мне!
Защити девичий
Цвет, дороже души и жизни!
При тебе ли, при моем Роланде,
Взять меня насильному? Пусть
От твоей умру я руки,
Чем подвергнусь под мое злополучие!»

16 На такие слова Роланд —
Вновь и вновь из горницы в горницу,
Не жалея труда и страсти,
Окрылась великою надеждою,

То бежит, то застынет, и вновь
Словно голос, словно Анджеликин,
Кличет его в помощь, но куда?
Где ни вслушаться, голос далеко.

туда вслед за великаном попадают и Руджьер,

17 Что ж, воротимся к Руджьеру, который
По темной лесной тропинке
Вслед за великаном и красавицей
Выбежал из чащи на широкий луг,
Тот же, там же (чтоб не солгать)
Где недолге проскакал и Роланд.
Великан — в ворота,
Руджьер — неотступно по пятам,

18 Вбежал за порог,
Смотрит — двор, видит — дивные палаты,
Но ни великана, ни дамы,
Сколько взор ни скользит по сторонам.
Он бежит по палатам вверх и вниз —
Ни следа желанной,
Ни приметы, куда пропал
Тот мгновенный злодей с нею в объятьях.

19 Дважды, трижды, и пять, и шесть
Раз обходит он горницы и светлицы,
И опять по тем же местам,
И на лестницах ищет, и под лестницами;
Выбегает, не в окрестной ли она
Чаще? — но тот же голос,
Кликавший Роланда, кличет и его,
И он снова в тех же хоромах.

20 Тот же голос, тот же лик,²¹⁵
Что Роланду являлся Анджеликою,
Для Руджьера — его Дордонская
Дама, в чьем плену он сам не свой;
И Градассу, и всякому,
Кто в путях своих попал в тот дворец,
Мнится в нем
Та, кому какая всех желаннее.

21 А была это новая неведомая
Чара, деянная Каренским Атлантом,
Чтобы сладкой мукой этого труда
Оберечь Руджьера,
Стороною пустив грозящее

Смертью юноше веянье светил:
Ни булатный замок, ни Альцина
Не спасли, и это — третий ков.

22 И не только Руджьера, а и всех,
Чья славней гремела доблесть по Франции,
Залучал Атлант в свою волшбу,
Чтоб от их руки не погиб любимец.
А чтоб в долгом привале
Не томиться им голодом и жаждою,
Был его чертог
Полон всем вволю рыцарям и дамам.

и Анджелика.

23 А теперь воротимся к Анджелике,
У которой тот чудотворный перстень,
Что во рту скрывает от взоров,
А на пальце охраняет от чар.
Как нашла она в горном гроте
Лошадь, снедь и все, что было надобно,
Вспала ей в ум охота
Снова в Индию, в милые места,

24 И взять для дороги спутником
Сакрипанта или графа Роланда —
Не с того, что один милей другого,
Страсть в обоих равно не по ней,
А с того, что на пути — большой Левант,
В нем — без счету городов и замков,
Нужен спутник, надобен вожатый,
А верней двух сказанных не найти.

25 Долго она странствуя, искала
След и признак того или другого,
И по городам и слободам,
И по дебрям, и по разным дорогам;
Наконец, привела ее судьбина
В самый тот дворец, где граф Роланд,
Сакрипонт, Феррагус, Руджьер, Градасс и прочие
Впутаны в Атлантову чародейную сеть.

26 Она входит, а волхв ее не видит,
Она ищет, хранимая кольцом,
И глядит, как Роланд и Сакрипонт
Сами ищут ее, напрасно мыкаясь,
И как тешится над ними Атлант
Собственным, ее мнимым образом.
Которого же взять? —
Долго думает, и все не решится:

27 Все не знает, который лучше —
Граф Роланд или гордый царь Черкесии?
Роланд отважней
Защитит в опасных переходах,
Но такой ей слуга сильней хозяина,
И его потом не осадить:
Когда станет он ей не надобен,
Как унять его или как услать во Францию?

28 А черкеса она и с поднебесья
Спустит наземь, только захотеть.
По такой-то она причине
Прочит его себе охраною,
Вынимает изо рта кольцо,
Пелена спадает с глаз Сакрипанта, —
Но она хотела предстать наедине,
А тут приключились и Роланд и Феррагус.

Анджелика ускользает с помощью перстня, за ней — три рыцаря.

29 А тут приключились Роланд и Феррагус,
Оба одинаково
Вверх и вниз, внутри и вокруг
По дворцу искавшие свою богиню.
Все втроем подбегают к даме,
Никакие им чары не помеха,
Потому что на персте ее — перстень,
Отвевающий наваждения Атланта.

30 Двое из воителей
В панцирях были и шлемах,
Не слагая их ни днем, ни ночью,
Сколько там ни минуло ночей и дней:
Такова привычка,
Это им не тяжелей любого платья.
Только третий, Феррагус, был в такой же броне,
Но без шлема:

31 Не хотел он шлема, кроме шлема,²¹⁶
Какой снял Роланд с Троянова Альмонта,
И поклялся о том он в день,
Как искал в тщетной глубине шлем Аргалия.
Во дворце он обок был с Роландом,
Но ни разу не занес на него руку —
Так уж здесь велось,
Что нельзя было узнать в этих стенах,

32 Так уж был чарован дворец,
Что и встретившись, не признать друг друга.
Крепкий панцирь, меч в руке, щит у локтя —
Так в нем дневали и ночевали.
Кони витязей — седло на спине,
Узда у луки — наготове
В стойле стояли у ворот
При яслях, полных овса и сена.

33 Потому и не мог Атлант
Помешать нашим трем воителям
Вмиг в седло и вскачь за черноокою,
Златовласою, розоволанитною
Их красавицею, а она во весь опор
Прочь от них, потому что нимало
Ей не в радость трое влюбленных сразу:
Иное дело — по очереди.

34 И вот, отскакав довольно,
Чтоб не стало страха
Злых коварств
От хитрого чародея —
Вновь кладет она меж розовых губ
То кольцо, выручающее из бед,
И скрывается из глаз
Изумленно онемелых витязей.

35 Хоть и было у нее в мыслях
Взять Роланда или Сакрипанта
Спутником возврата
В Галафроново восточное царство,
Но теперь они оба ей постылы,
Мигом новое у нее на уме —
Ни тот, ни другой ей не надобен,
За обоих сослужит службу перстень.

36 Рыцари, растерянные,
Тупо рыщут взглядом меж деревьями, —
Как ловчий пес,
Потеряв на травле зайца или лиса,
Что нырнул в нору,
Или в ров, или в густой кустарник. —
А задорная Анджелика смеется,
Видя вид их и невидима сама.

37 Одна была дорога в лесу,
И подумали рыцари,
Что по ней умчалась красавица вперед —
Больше ведь было некуда!
Роланд — в опор, Феррагус не медлит,
Сакрипант в обе шпоры гонит коня,
А девица подтягивает узду

И вполлепеха едет за ними следом.

Роланд и Феррагус вступают в бой;

38 Доскакали они дотуда,
Где дорога расходится в тропы;
Начали оглядывать траву,
Нет ли где следов;
И тогда-то Феррагус, пред всеми
Гордецами всех времен пальмоносец первенства,
Не по-доброму обернувшись к спутникам,
Крикнул им: «Вы куда?»

39 Прочь назад или ищите другой дороги,
А не то лежать вам здесь покойниками!
Не хочу попутчиков
Ни в любви, ни в погоне за моей дамой!»
А Роланд на то черкесу: «Будь мы бабы,
Самые дешевые и трусливые
Изо всех кудельных шерстопрях, —
Он и то не сыскал бы слов обиднее!»

40 А потом Феррагусу: «Звериная
Твоя морда! Не случись ты без шлема —
Мигом бы ты узнал,
Ладно ты молвил или неладно».
А испанец ему: «Какое
Тебе дело до моего дела?
И без шлема, один на вас двоих,
Докажу я, что ладно, что неладно».

41 «Слушай! — говорит Роланд черкесу, —
Ради меня — уступи ему твой шлем,
И тогда поплатится этот беленый,
Потому что бешеней не было и нет!»
Отвечает черкес: «Будь так,
То не он, а я бы вышел бешеным!
Если хочешь — дай ему свой,
А уж я не хуже расправлюсь с сумасбродом».

42 Феррагус им: «Несмысленные! Разве,
Будь мне нужен шлем,
Разве я давно бы
Не сорвал с вас ваших же шишаков?
Но я даже приоткрою вам сказ:
Я без шлема, и буду без шлема
По обету, покуда не добуду
Тот, который на паладине Роланде!»

43 Граф смеется:

«С непокрытою головою
Хочешь ты пустить того Роланда,
Который сам
Так пустил Альмонта при Аспрамонте?
Да явись он, ты дрожал бы до пят,
И не то, что шлем, —
Сам бы отдал ему все свое оружие!»

44 А нахвальщик: «И не раз и не два
Таково я припирал Роланда,
Что не только шлем,
Но и все бы взял его доспехи;
А не взял потому,
Что не всякая мысль приходит впору:
Прежде не хотел, теперь хочу,
И возьму, и это мне нипочем».

45 Тут рвется Роландово терпенье,
И кричит он: «Подлец и лжец,
Где, когда
Ты меня осиливал оружием?
Не вдали, а здесь
Я — тот рыцарь, над которым ты хвалишься!
Переведаемся же: кто возьмет,
Ты — мой шлем, или я — твои доспехи?»

46 А заранее перевеса мне не надобно!»²¹⁷
И снимает шлем,
И на ветку его вешает бука,
И выхватывает из ножен Дурандаль.
Феррагус, не дрогнувши духом,
Меч наголо, а сам в такую статью,
Чтоб клинком и вскинутым щитом
Оберечь непокрытую голову.

47 Начинают поединщики
Выкруживать коней, выгибаться в седлах;
Метят сталью в сталь,
Где складка в броне, где тоньше.
Не бывало на свете двух других,
Столь способных сразиться и померяться:
Вровень силой, вровень пылом;
Вот и бьются, а ни один не ранен.

48 Государь мой, вы, верно, помните.²¹⁸

217 *Дурандаль*. — Меч Роланда (известен под тем же именем уже в «Песни о Роланде»), добытый им, вместе с конем и шлемом, у поверженного Альмонта.

218 *Феррагус заколдован по всей коже...* — О неуязвимости Феррагуса говорится в хронике Псевдо-Турпина и в итальянской эпической традиции, начиная с ее первых памятников. Во время испанского похода (предшествующего Ронсевалю) Роланд сразил Феррагуса, пробив «семь каленых пластин» (см. ниже в той же октаве).

Феррагус заколдован по всей коже,
Кроме места, где утробная привязь
Первым соком вскаривала младенца;
С той поры и до самого гроба,
Где он лег под черною землей,
Семь каленых ему пластин
Закрывали уязвимое средоточие.

49 Заколдован был и англандский князь —
Весь, кроме малой части:
Лишь подошвы были открыты, ране,
И о них была его оборона;
Всем же телом (коли молвить правду),
Они тверже камня диаманта.
Вот какие сошлись богатыри,
Что броня им не в нужду, а в украшу.

тем временем Анджелика похищает шлем Роланда,

50 Свирепеет ярая битва,
Страшно и трепетно смотреть.
Феррагус лезвием и острием,
Что ни взмах, то в цель и без промаха;
Меч Роланда в кольчугу и броню
Рубит, бьет, рвет, дробит и рушит;
Анджелика незримою зрительницею
Любопытствует над ними одна, —

51 Потому что черкесский царь,
Полагая, что она — впереди,
Как увидел Роланда с Феррагусом
В боевой их задержке, сам не медлил,
А пустился тою тропой,
Где он чаял настичь красавицу.
Потому-то дочь Галафрона
Двум бойцам одна была очевидицею.

52 И хоть было ей и страшно и трепетно,
Но глядела она во все глаза,
Как грозила гибель
И тому от этого, и этому от того.
А была она любознательна,
И захотелось ей унести тот самый шлем:
Не надолго, а чтобы посмотреть —
Что тогда станут делать единоборцы?

53 Потом она отдаст его графу,
Но сперва потешится себе вволю.
Вот сняла она шлем, скрыла на грудь,
Посмотрела еще раз на бьющихся,

И уходит без единого слова,
И ушла уже далеко,
А ни тот, ни другой и не заметили —
Столько пламенело в них ярости.

54 Первым оглянулся Феррагус,
Отшатнулся от Роланда и молвил:
«Ну, вышли мы дураками:
Обошел нас тот, что был третий!
За что мы бьемся,
Если он уже унес наш шлем?»
Роланд замер, смотрит, шлема нет,
И вдвойне он вспыхивает гневом.

55 Граф не розно мыслит с Феррагусом,
Что похитил шлем их прежний спутник.
Отпускает он повод,а,
Пришпоривает бок Златоузда,
Феррагус летит вслед противнику,
И вдвоем доскакав
Дотуда, где завиделся на траве
Свежий след и черкеса и красавицы,

и его захватывает Феррагус.

56 Повернули они: граф налево,
Где долина, куда ушел черкес,
Феррагус — к горам,
Куда тропку протоптала Анджелика.
А она между тем доехала
До тенистой поляны над источником,
Такой доброй, что никто прохожий
Не минует, не став и не испив.

57 Приближается Анджелика к чистой влаге,
Не чая никого встретить,
Сокровенная священным кольцом,
Не страшась недоброго случая;
Ступает на травный берег,
Вешает шлем на крутую ветвь
И глядит, где получше мурава,
Чтоб на выпас привязать кобылицу.

58 Но тут по ее пятам
Скачет к источнику испанский богатырь;
Как увидела его Анджелика —
Мигом прочь из глаз и шпоры в бок,
Только шлема, что упал на траву,
Не успела подхватить: не дотянулась.
Басурман, ликуя,

Прямо к Анжелике во весь опор, —

59 А ее уж и нет — ²¹⁹

Вмиг незрима, как сон по пробужденье.
Рыщет он за нею по зарослям,
Но бессилен бедный взор ее высмотреть.
Вот, кляня Терваганта с Магометом
И все их вероучительство,
Возвращается Феррагус к ручью
И глядит: на траве — Роландов шлем.

60 Он узнал его с единого взгляда,
Потому что шли на нем письма: —
Где Роланд добыл такую добычу,
И когда, и от кого, и как.
Вздел язычник шлем на темя и шею, —
В утешенье своей большой тоске,
Тоске о той,
Что исчезла, как ночное видение.

61 Утвердив славный шлем над панцирем,
Он хотел бы для полноты довольства
Отыскать, наконец, и Анжелику,
Что мелькнула и исчезла, как молния;
Обыскал весь дремучий лес,
До последней надежды
Высмотреть ее малейший след,
А потом — назад, к Парижу, в стан испанцев.

62 Болью жгло его сердце, ²²⁰
Что не утолилась большая жажда,
Но остудю ей был шлем,
По обету отнятый у Роланда.
А потом, лишь узнал об этом граф,
Долго он гонялся за Феррагусом,
Пока в сече меж мостом и мостом
Не вырвал у него шлем вместе с жизнью.

Анжелика продолжает путь в Китай.

63 Анжелика, одинешенькая,
Держит путь, незрима, но тревожная

219 ... кляня Терваганта с Магометом... — Магомет, Тервагант и Аполлин составляют, согласно распространенной в средневековой литературе традиции, троицу сарацинских божеств. В «Песни о Роланде» эта троица уже имеется.

220 Пока в сече меж мостом и мостом... — О смерти Феррагуса от руки Роланда рассказывается в хронике Псевдо-Турпина, во франко-венетском «Вступлении в Испанию», в итальянских поэмах («Испания» и др.), посвященных испанскому походу Карла. Роковой для Феррагуса бой происходил на мосту между двумя вратами.

Из-за шлема,
Что оставила она, бросившись бежать.
«К неподобному, — думает она, — делу
Унесла я у графа этот шлем:
Это ли награда
За все его мне услуги?»

64 Видит бог, без дурного умысла
Обернула я дурной оборот —
Для того лишь сняла я шлем,
Чтобы миром перебить побоище,
А не с тем, чтоб от моей руки
Злой испанец стяжал себе желанное!»
Так она ехала, горюя,
Что остался без шлема граф Роланд;

65 Так тоскуя и так досадуя,
Пробиралась она в свой Восток,
От народа к народу,
Где скрываясь, где являясь, как сподручнее.
Много перевидев земель,
Вот пришла она в еще одий лес и видит:
Двое мертвых, а меж ними юноша
С страшною раною прямо в грудь...

66 Но довольно об Анджелике,
У меня есть предметы поважнее:
Не хочу я тратить моих строчек
Ни на Феррагуса, ни на Сакрипанта;
Англандский граф
Вновь зовет меня поведать прежде прочих
Тяготы свои и томления
В том желанье, которому не сбыться.

А Роланд встречает два мавританских войска

67 Чтобы ехать неузнанным,
В первом же он попутном городе
Новый себе вздел на чело
Хохлатый шлем,
Крепкий, нет ли, ему все равно:
Таково он надежно заколдован.
Им покрывшись, он длит свой поиск
Днем и ночью, в ливень и в зной

68 Был час, когда Феб вздымает из волн
Колесничных коней под брызги росы,
И Заря рассыпает по всходу небес
Алые цветы и желтые цветы,
И звезды, покидая ночной хоровод,

Кроют очи в туманящий покров, —
Когда в пути, невдали от Парижа,
Вновь Роланд проблистал своею доблестью.

69 Встретились ему два конных полчища:²²¹
Пред одним — Манилард, седой сарацин,
Царь Нигриции, вдавне рьян и пылок,
Ныне — крепче не силою, а советом;
Над другим — стяг
Тремизенского царя,
А он в маврах слывет отменным витязем,
И зовут его знающие: Альзирд.

70 Зимовали они ту зиму
Обок прочих басурманских сил
Кто у города, кто подальше,
Кто по слободам, кто при замках,
Ибо царь Аграмант немало тщетных дней
Положил на парижскую осаду,
А теперь порешил быть приступу,
Потому что больше не было пути.

71 Воинство его неисчетно:
Кроме тех, которые при нем,
И которые пришли из Испании
Под Марсилиеву державную хоругвь,
Он набрал наемный люд и по Франции,
Потому что от Парижа до Роны
И по самую Гасконь вся земля,
Кроме нескольких крепостей, — вся под ним.

72 И едва прорезали дрожащие
Ручейки теплой влагой хладный лед,
И луга оделись новой травой,
И нежною листвою — дерева,
Скликнул царь Аграмант
Всех, кто шел за его удачею,
Чтобы сделать смотр своим оружным
И тем выправить ратные дела.

73 Для того-то царь Тремизена
И спешил к нему с царем Нигриции,
Чтоб доспеть к расчету
Всех полков, какой плох, какой хорош.
И тогда-то (как было вам рассказано)
Перестиг им дорогу граф Роланд
В неотступном своем поиске
Той, что держит его узами любви.

221 *Манилард*. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 9); *Нигриция*. — Идентификации не поддается. *Тремизена*. — То же. *Альзирд*. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 21).

74 Как увидел Альзирд героя,
Доблестью не знающего равных,
Челом гордого, обликом такого,
Что и бог войны ему не под рост, —
Замер, глядя на знатную осанку,
Ярый лик, сверкающий взор,
Взял он в толк, какой пред ним воитель,
Но не в пору всхотел его испытать.

75 Молод был Альзирд и заносчив,
Что хвален за отвагу и силу,-? —
Шпорит он коня к поединку,
Только лучше бы остался в строю:
Сшиблись двое,
И он пал, и в сердце — англандское копье,
И скакун его в страхе мчится прочь,
Уж не чуя правящего повода.

и побивает их.

76 Крик мгновенный и страшный
Вспыхнул в воздух со всех сторон,
Как увидели: юноша во прахе,
И ключом бьет красная кровь.
С ревом рвутся к графу передние,
Вперебой, кто с копьем, кто с мечом,
А несчетные задние пернатыми дротами
Рушат бурю на рыцарственный цвет.

77 С каким шумом щетинистое стадо
Разбегается по холму или полю,
Если волк из черной пещеры
Или с гор спустившийся медведь
Схватит зубом малого кабаненка,
А тот плачется хрюканьем и визгом, —
Так крича, напирали нехристи
На Роланда: «Смерть ему! смерть!»

78 Копья, стрелы, клинки грохочут градом
И по панцирю, и по щиту,
Кто разит дубиною сзади,
Кто грозит ему в грудь, кто в бок;
Но в чьем сердце не жилось страха,
Тот глядит на весь оружный сброд
Все равно, как в темной овчарне
Глядит волк, считая овец.

79 В руке — меч, как молния,
Столько сарацинов положивший на веку;
А сколько под ним падает новых —

Кто попробует счесть, тому не счесть.
Красной кровью льется дорога,
Не вмещая столько мертвецов,
Потому что ни щит, ни шлем
Не защита, когда рушится Дурандаль,

80 И ни хлопчатый халат, и ни чалма,
В сто обвивов обвивающая лбы;
Летят в воздух крики и стоны,
Летят срубленные руки, плечи, головы;
По полю гарцует грозная Смерть,
У которой много лиц, и все страшные,
И думает: «Меч в руке Роланда
Стоит больше, чем сто моих серпов».

81 Удар спешит за ударом,
Толпице рассыпается в бегство:
Как навалились враз
Множеством задавить одного,
Так теперь никто не задержится
Помочь друг другу в общей беде —
Кто несется со всех ног, кто со всех шпор,
И некогда искать, где получше.

82 Объезжает побоище Доблесть,
Держа Зеркало всех морщин души,
Но никто на себя не смотрит, —
Только старец, которому годы
Высосали силы, но не мужество,
Видит: лучше смерть, чем срам побега.
Это был король Нигриции,
Он и встал на Роланда с копьем вперевес.

83 Но разбилось копьё о наверхье щита,
А граф ни на шаг:
У него на лету обнаженный меч,
Он бьет Маниларда с ходу,
И благо тому, что злая сталь
У Роланда в руке нагнулась книзу —
Удар на удар не приходится, —
Но и то Манилард выбит из стремян,

84 Вышиблен из седельного выгиба.
А Роланд и не оглянется,
Рубит, режет, сечет, бьет вражью рать,
Каждый его чует за плечами:
Как по воздуху, где просторно,
Разлетаются от сокола скворцы,
Так в рассеявшемся полчище
Кто бежит, а кто лежит, а кто валится.

Продолжая путь,

85 Ни души живой в пустом поле —
Прячет рыцарь окровавленный клинок,
А куда поворотить, не удумает,
Хоть и все места кругом знакомы:
Не дается в ум,
Взять направо или взять налево,
Он устал идти не по тому пути
И ловить Анджелику там, где нет ее.

86 От расспроса к расспросу
Правя ход по лесам и по лугам,
Он сошел с пути, как сходят с ума,
И прибился к горному подножию,
Где глядит и видит: сквозь ночь
В скальных щелях плещется дальний свет.
Пробирается граф к скале
Посмотреть, не там ли Анджелика.

87 Как по низкой гуще можжевельника
Или по открытому жнивою
Ловит ловчий робкого зайца
Поперек борозд, без пути,
От тернового к терновому кусту,
Наугад, не сыщется ли спрятавшийся, —
Так Роланд в трудах
По следам надежды шел за дамою.

он приходит в пещеру Изабеллы.

88 Он спешил навстречу тому лучу,
И приспел туда, где сквозь дебрь
Пробивался он из горной расселины,
За которой скрывался емкий грот.
Как заслон и тын,
Заплелись пред входом колкие поросли,
Укрывая тех, кто в пещере,
От пыталелей раззора и обид.

89 Днем пещеры не видно,
Только ночью выдает ее свет.
Угадывает Роланд,
Но хотел бы дознаться повернее.
Привязавши Златоузду у подступа,
Он неслышно движется к прибежищу
И сквозь сетку веток входит в устье,
Не ища о себе оповестителя.

90 Сходит он по долгим ступеням в склеп,
Где живые похоронены души.
Скала была просторная,
Выдолбленный резчиком, выгнулся свод,
Доставало даже белого света, —
Хоть и скуден вход,
Но светило окно,
По правую прорубленное руку.

91 А у очага, посреди подземелья,²²²
Дама сидела, прекрасная лицом,
Было ей немногим за пятнадцать лет,
Это граф увидел первым взглядом.
Такова была она красавица,
Что лесная дёбрь казалась, как рай,
Хоть в очах и стояли слезы,
Верный знак страждущей души.

92 С ней была старуха, они ссорились,
Как то водится у женского пола;
Но как встал пред ними граф —
Смолкли вмиг пререканья и перекоры.
Положил Роланд привет по-ученому —
Перед дамами он всегда учтив;
А они, встав с мест,
Благосклонно ему ответствовали.

93 Видит он, помутились они в лице,
Как слышали нечаянный голос,
И увидели под своею сенью
Такого грозного и одетого в латы.
Спрашивает Роланд: кто
Тот невежа, обидчик, злодей, варвар,
Который в подземном склепе
Схоронил такую светлую красоту?

94 С трудом красавица повела ответ,
Перехватываясь жаркими рыданиями,
И прерывисты были нежные звуки,
Излетавшие из ее перлов и кораллов
Меж тем, как слезы,
Струясь, терялись между лилий и роз.
Извольте же о том послушать другую
Песню, государь мой, а этой — конец.

222 *А у очага, посреди подземелья...* — Отдельными деталями (старуха, красавица, разбойники) рассказ о пещере, где Роланд встречает Изабеллу, напоминает эпизод из «Золотого осла» Апулея (кн. IV). См.: Райна, с. 193 — 194.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ (ИЗАБЕЛЛА)

Песнь XIII

Роланд выслушивает рассказ Изабеллы, потом расправляется с разбойниками и (на дальнем плане) казнит их.

Вступление.

1 Удачливы

Были витязи прежних лет,
Что в раздольях, в темных пещерах, в дремучих
Дебрях, в логовах змей, медведей, львов
Сыскивали то, что нынче не во всяком
Сыщет дворце разборчивый знаток —
Дам во цвете их юности,
Достойных величаться красавицами.

2 Я уже сказал, как и Роланд

Сыскал в пещере красавицу
И спросил, кто туда ее завел;
А теперь скажу, как в ответ ему,
Прерываясь многими рыданиями,
Голосом сладостным и кротким,
Как умела, коротко
Поведала она свои невзгоды.

Изабелла рассказывает,

3 «Знаю, — сказала, — добрый рыцарь,

За речь мою будет мне расплата,
Потому что не замедлит вот эта
Обо всем донести заточившему меня.
Но я тебе раскрою всю правду —
Пусть себе на погибель! —
Ибо единая мне осталась жданная радость —
Смертный день.

4 Я — Изабелла. Была я дочерью²²³

Галисийского злосчастливого короля.
Говорю: была, потому что ныне
Я — дочь горя, скорби и тоски.
А виной тому — бог Любви,
Лишь его коварством я и стражду, —

²²³ Я — Изабелла. — Фабула рассказа Изабеллы восходит к двум синонимичным эпизодам французского «Романа о Паламеди»: героем первого является Карадос, героем второго — Гирон, в обоих случаях доверенный героя изменяет слову и пытается овладеть его возлюбленной. См.: Райна, с. 195 — 198.

Поначалу он нежен и приветен,
Но таит измену и обман.

5 В счастливой росла я доле —
Юность, знатность, прелесть, богатство, честь, —
А теперь убога, скудна, несчастна;
Если есть удел и горше, то он — мой.
Но сперва узнай, от какого корня
Эти бедствия, вставшие на меня, —
Помощи от тебя не чаю,
Но и жалость твоя мне немалый дар.

6 Мой отец в Байонне праздновал праздник,²²⁴
Было это двенадцать месяцев назад.
Собирались к славному турниру
В нашу землю храбрецы из всех земель.
Но меж ними (Любовь ли мне то открыла,
Или доблесть являет себя сама)
Лишь один пришелся по моей хвале —
Князь Зербин, сын короля шотландского.

как она полюбила Зербина,

7 Как увидела я в бранной потехе
Чудо его рыцарственности, —
Обняла меня любовь, и не чаявши,
Стала я себе сама не своя. ,
На беду меня ведет та любовь^
Но сладко думать,
Что вложила я душу
В знатнейшее и лучшее, Что видывал сьет.

8 Красотою и доблестью
Был Зербин отличен меж всех ристателей.
Зрима была его любовь и вероимна,
И не меньше пламенна, как моя.
Обоюдному тому пламени
Отыскался меж нами и посредник,
Когда были мы наружно в разлуке,
Но навек неразлучимы душой.

9 По скончании празднования
Воротился мой Зербин в свою Шотландию.
Если ведома вам любовь, то ведома
И тоска моя о нем как ночью, так днем;
И не меньшее, знала я,
Опаляло пламя душу и в Зербине.

224 *Князь Зербин...* — См.: V, 69. Само имя Зербина и некоторые детали его любовной истории указывают как на один из источников на новеллу Боккаччо о Джербино и дочери тунисского короля (Декамерон, IV, 4).

Не было преград его желанью —
Только и искал он, как быть ему со мной.

10 А как были мы разной веры,
Он — Христовой, я — Магометовой,
И не мог он просить меня у отца моего,
То и порешил меня взять увозом.
Был в моем щедром отеческом краю
Между морем и зелеными нивами
Сад на берегу,
Озиравший круг холмов и большое море.

как тот поручил Одорику ее похитить,

11 Здесь он и задумал²²⁵
Связать то, что возбраняла нам вера,
И довел до меня, каким порядком
Положить начало нашему счастью.
Здесь при Святой Марте укрыл он
С верными воинами тайную ладью
Под началом Одорика Бискайского,
Славного бойца на суше и на море.

12 Сам он быть не мог,
Потому что дряхлый его отец
Побудил его на помощь королю Франции,
И поставил он Одорика вместо себя,
Почитая его меж вернейших своих друзей
Самым верным и самым другом.
Так бы оно и стало,
Будь дружба всегда ответом на добро.

13 В условленный срок для похищения
Привел Одорик оружную ладью,
И настал тот желанный день,
Когда вышла я в сад, чтоб быть застигнутой.
В ночь пред тем
С храбрецами, привычными к мечу и к веслу,
Всплыл рекою Одорик до ближнего города
И прокрался тайно в мой сад.

14 Не успел народ всполошиться,
Как была уж я на смоленной ладье,
Слуги, безоружные, с голыми руками,
Иные бежали, иные пали,
Иные схвачены в тот же плен.
Так простилась я с родною землею — .

225 ... *при Святой Марте*... — Санта-Марта — городок на мысе Ортегаль (северо-западное побережье Испании).

В несказанной радости
Вскоре насладиться милым моим Зербином.

15 Но едва мы миновали Монгию,²²⁶
Как ударил нам влево ветер с моря,
Помутивши воздух, вспенивши зыбь,
Взбив вал до небес;
А навстречу встает дыханье с суши
Все сильнее и крепче с каждым часом,
До того сильней и крепче,
Что невмочь перекидывать паруса.

16 Скручены паруса, повалены мачты,²²⁷
Сорваны снасти, — мало!
Видим мы: безудержно
Мчит корабль на скалы, что пред Роцеллой,
И не будь над нами божией милости,
Быть бы нам разбитым о берег:
Мы неслись в злом вихре быстрее,
Чем стрела с тетивы.

17 Видит бискаец беду,
Прибирает ненадежное средство:
Спускает челн,
Сходит сам и приказывает мне.
И еще сошли двое, — и сошли бы
Все, кабы допустили их первые;
Но те выставили мечи, обрубали канат,
И вот мы одни в открытом море.

18 Невредимыми вынесло на берег
Нас, которые были в том челне,
А прочие сгнули на проломленной ладье
В хищном море со всем, что с ними было.
И простерла я благодарящие руки
К вечной Благости, к бесконечной Любви,
Из ярости моря
Вызволившей меня увидеть Зербина.

19 Были у меня в ладье и платья
И камня, и чего только не было,
Но в чаянье о Зербине
Мне не жалко их было в пучинной пасти.
Не было, где мы вышли,
Ни тропинки топтанной, ни приюта,
А крутая гора, и ей бичуют
Ветры — хвойный лоб, и море — взножье.

226 ... мы миновали Монгию... — Совр. Муджиа, городок между мысом Финистерре и мысом Корунья.

227 ... пред Роцеллой... — Ла-Рашель.

как Одорик сам покусился на нее

20 Здесь-то
Беспощадный тиран Любовь,
Вечно вероломный, вечно
Мнущий в выворот каждый добрый умысел,
Обернул коварно и безжалостно
Благо — в зло, и утеху мою — в скорбь, —
Ибо тот, кому вверил Зербин себя и меня,
Вспылал страстью, и угасла верность:

21 Меж морских ли еще трудов
Возжелал он, но не решился выказать,
На пустынном ли берегу
Взыграла его досужая охота, —
Но не медля ни часа,
Захотел он утолить свою жадность,
А сперва для того почел он надобным
Из двух пльвших с нами удалить одного.

22 Это был шотландец, именем Альмоний,
Верностью Зербину отменней всех;
«Вот совершенный воин!» —
Молвил князь, вручая его Одорику.
Одорик сказал Альмонию: срам,
Если я вступлю в Роцеллу пешею;
И просил, чтобы он пошел вперед
И привел мне хоть какую лошадь.

23 Ничего не заподозрив,
Тотчас Альмоний пустился в путь
К городу, который был за лесом
И от моря милях в шести.
А второму спутнику
Одорик сам открыл свой черный умысел —
То ли думав в нем найти пособника,
То ли просто не сумев его услать.

24 Звали того Кореб,
Родом он был из Бильбао,
С детских лет
Взрос он в Одориковом доме,
И отважился изменник
Поделиться с ним злодейскою думою,
Полагая, что и тот
Чести предпочтет угоду другу.

25 Но был Кореб рыцарствен и вежествен,
Слушал и негодовал:
Крикнув он Одорику «Изменник!»,

Словом и делом встал на взмышленное зло.
Гнев вскипел великий в обоих,
Явили его нагие клинки;
А я, взвидев сталь,
В перепуге бросилась в чащу леса.

26 Одорик был воин из воинов —
В несколько он взмахов
Бросил наземь Кореба замятво
И помчался по моим пятам.
Мнится мне, сама страсть
Настигающие дала ему крылья,
И внушила ему мольбы и пени,
Чтоб смягчилась я его полюбить.

27 Тщетно!
Я решилась умереть, чем уступить.
Все пени, все мольбы, все угрозы
Испытавши понапрасну, он ринулся
Напролом силой, —
И без пользы было мне поминать
О Зербиновой на него надежде
И как я сама ему доверилась.

28 Видя, что просьбы мои впустую,
Помощи — ниоткуда,
А Одорик все жаднее и грубее,
Как изголодавшийся медведь, —
Билась я руками и ногами,
Защищалась кусом и царапаньем,
Рвала бороду, полосовала щеки
И кричала криками до небес.

и как отбили ее разбойники.

29 Случай ли,
Крики ли мои, слышные за версту,
Обычай ли был, чтоб сбегаться к берегу,
Когда ломится и тонет у берега корабль, —
Но тут вижу я на горе толпище,
И спускается оно к морю и к нам,
И бискаец, его заметя,
Бросил натиск и ударился в бег.

30 От злодея толпа была мне выручкою,
Но по слову пословицы
Из огня я попала в полымя.
Благо, сударь,
Что ни я не дошла до такой беды,
Ни они до такого злонамеренья,

Чтобы сделать надо мною насилье;
Но и то не с добра и не к лучшему,

31 Ибо если оставлено мне девичество —
То лишь с тем, чтоб дороже меня продать.
Восемь месяцев прошло, пошел девятый,
Как я заживо здесь погребена,
И уже ни мой Зербин не спасет меня,
Потому что слышала я и то,
Что нашелся на меня торговец,
Чтоб свезти меня для султана в Левант.»

32 Так рассказывала нежная девица,
Вздохами и стонами
Разрывая ангельскую свою речь,
Так что тронулись бы змеи и тигры,
Оживляла ли она угасшую боль,
Живую ли унимала муку, —
Но вдруг вваливаются в пещеру
Двадцать ратных, кто с пикою, а кто с саблею,

Роланд справляется с разбойниками

33 Впереди — один, с беспощадным лицом,
Черный глаз смотрит зло и косо,
А другого глаза нет — его выхлестнул удар,
Пересекший ему и нос и челюсть.
Видит он, что в пещере
Сидит перед девицею рыцарь,
И оборотясь к своим, восклицает:
«Ну! силоч не ставлен, а птичка в сетке!»

34 И к графу: «Редкое дело!
Подходящий ты малый и пришел в самый раз:
Сам ли догадавшись,
Узнавши ли от кого,
Что давно я хотел такие доспехи
И такой отменный черный плащ!
Впрямь ты впору
По самой той моей надобе!»

35 Быстро вскочив, мрачно усмехнувшись,²²⁸
Говорит негодяю граф:
«Что ж, продам я тебе оружие,
Только хватит ли у купца на расчет?»
Разом к очагу,

228 *Вырвал головню...* — Избиение разбойников воспроизводит некоторые детали битвы кентавров и лапифов по Овидию (Метаморфозы, XII, 235 — 468), где есть и удар головней, и удар алтарем (зд. стол). См.: Райна, с. 199.

Вырвал головню, всю в огне и дыме,
И сотряс, и размахнулся, и мерзавца
В самое уметил переносье.

36 Вспыхнули брови справа и слева,²²⁹
А слева даже и хуже —
Выжглось
Последнее, чем он видел белый свет;
Но таков удар, что мало и этого,
И ослепшая душа
Летит туда, где ее с подобными
Надзирает Хирон в кипящей крови.

37 Был в пещере широкий стол,
Толщиной в две пяди, о четырех углах,
На толстом столбе, кое-как обтесанном, —
За ним сиживал злодей и весь его люд.
Не натуживаясь,
Как гибкий испанец с легким копьем,
Ухватил Роланд и швырнул громадину
Туда, где теснился оружный сброд.

38 Кому грудь, кому живот, кому голову,
Кому ноги раздавило, кому руки, —
Одни мертвые, другие калеки,
А кто легче отделался, тот в бег со всех ног.
Так тяжкий камень,
Рухнувши на змеиный выводок,
Выползший понежиться под внешнее солнышко,
Дробит вдребезги головы, давит ребра и хребты,

39 Расточает неисчетные бедствия —
Кто мертв, кто кургуз,
Кто не в силах двинуться
И беспомощным туловом клубится в узлы,
А кому повезло,
Тот скользит в траве за межу и далее.
Вот каков был удар —
И не диво, потому что Роландов.

40 Немногие уцелели — ²³⁰

²²⁹ *Надзирает Хирон в кипящей крови.* — Душа разбойника летит в первый пояс седьмого круга ада, где в «кипящей крови» Флегетона казнятся насильники над ближним и его достоянием. Хирон и отряд кентавров — стража этого круга (Данте. Ад, XII).

²³⁰ *По Турпинову счету...* — Архиепископ Турпин — традиционный персонаж каролингova цикла. В «Песни о Роланде» сражается и погибает при Ронсевале. Считался автором «Истории Карла Великого» (так называемая хроника Псевдо-Турпина, XI — XII в.), и в связи с этим в последующей традиции выступает не столько как активный участник событий, сколько как историограф. Авторы итальянских поэм каролингova круга авторитетом Турпина подкрепляют, как правило, самые фантастические происшествия и самые неправдоподобные подробности. Его исторический прототип — Турпин, епископ Реймский (756 — между 789 и 794).

По Турпинову счету, ровно семеро;
Все стремглав врассыпную —
Но витязь уже у выхода,
Берет их заживо,
Вяжет им руки за спину
Годной веревкою,
Отыскавшейся в том лесном дому,

41 Выволакивает из грота
Под тенистую старую рябину,
Рубит клинком ей ветки
И развешивает пленных в снесь воронам —
Ни цепи ему, ни крючьев,
Чтоб избавить мир от этой скверны:
На сучья он, как на крючья,
Поддевал разбойников под челюсть.

42 А старуха, разбойничья наперсница,
Взвидевши, каков их конец,
Рвет, рыдая, серые космы
И бегом в бездорожную трущобу;
По крутым и кривым извилинам
Тяжким шагом, в долгом страхе
Выбралась к реке, — а навстречу ей рыцарь,
Но какой — об этом потом.

и едет дальше с Изабеллою.

43 А сначала скажу о той, которая
Молит паладина: «Не оставь!»,
Просится за ним куда угодно,
И учтиво утешает ее Роланд.
Вот наутро, едва явилась
Белая Аврора под алым покрывалом
В венке из роз на небесном пути, —
Выехал паладин, и с ним Изабелла.

44 Ехали они много дней,
Ничего не встретив, достойного памяти,
Как вдруг на большой дороге
Видят рыцаря, уводимого в плен,
Но какого — об этом после,
Потому что мне нужнее, а вам милее
Повесть о дочери Амона,
Мной оставленной средь любовных невзгод.

Тем временем Мелисса ведет Брамманту

45 В тщетном красавица желанье
О возврате ее милого Руджьера
Стояла в своем Марселе,
Всякий день выходя на сарацинов,
Раскатившихся по холмам и нивам
Грабить край и до Роны и до Альпов;
Храбрый ратник она и мудрый вождь,
И отменно служит обе службы.

46 А уже немало
Времени прошло с той поры,
Как вернуться бы к ней ее Руджьеру,
А его вовсе нет.
Она в страхе о тысяче несчастий,
Она плачет одиноко, — и вдруг
Предстает ей та, чьим кольцом
Исцелилось сердце, раненное Альциной.

47 Видя Брадаманта, что волшебница,
Столько странствовав, воротилась одна, —
Побледнела, помертвела,
Подкосились задрожавшие ноги;
Но с доброй фея улыбкою
К ней подходит, отвевая страх
И вселяя бодрость
Ясным взором благого вестника.

48 «Не печалься, — говорит, — о Руджьере,
Он жив, он здрав, он верен любви,
Но он узник
В узах вечного твоего врага.
Если хочешь его добыть —
Скорей в седло и за мной,
И я открою,
Как вернуть тебе Руджьера на волю».

вызволить Руджьера у Атланта.

49 И она поведала
Атлантовы колдовские ковы,
Как прекрасный Брадамантин лик
Он явил в плену у злого великана
И завлек им Руджьера в зачарованный
Тот дворец, а потом исчез,
И как тою же уловкою
Держит дам и рыцарей в тех стенах:

50 Каждому чародей
Мечет в очи то, что всех дороже, —
Даму, друга, оруженосца, спутника:

Ведь желанье желанью рознь.
Ведь они и рыщут по дворцу,
Трудов много, а плодов мало,
Но такая в них надежда и жажда
Отыскать свое, что им не уйти.

51 «Как придешь ты, — молвила Мелисса, —
К этим заповедным покоям,
Там увидишь, ждет тебя чародей,
А всё видом он будет, как Руджьер,
И тебе он явит злым наваждением,
Будто чья-то теснит его сила,
Чтобы ты к нему бросилась на помощь
И со всеми оказалась в плену.

52 Вот затем, чтобы ты не поддалась
На обман, в который впали столь многие,
То и знай, что ежели увидишь
Лик Руджьера, взывающий о помощи,
Ты не верь, а шагни вперед
И презренную вырви жизнь из видимого!
Не Руджьер умрет,
А злодей, от которого ты бедствуешь.

53 Знаю: трудно
Умертвить того, кто как Руджьер;
Но не верь глазам: это чары
Ослепят их на то, что пред тобой.
Скрепись же,
Не меняйся умом, как вступишь в лес:
Коль оставишь волхва в живых —
Не видать тебе твоего Руджьера».

54 Доблестная красавица,
Взявшись с духом умертвить кознодея,
Вмиг к мечу и латам и вслед
За Мелиссой, которой верит.
И Мелисса по нивам и дубравам
Немеренными спешит с нею перегонами,
А докучный путь
Скрашивает доброю беседою

55 И всего охотней
Повторяет ей вновь и вновь,
Какие от нее и Руджьера
Великие взойдут князья-полубоги.
Словно все ей были открыты
Таинства небожителей,
Предрекала Мелисса
Грядущее многих поколений.

По пути она рассказывает Брадаманте о знаменитых дамах в ее потомстве

56 «Хранительница моя и водительница, —
Говорит волшебнице героиня, —
Вот уж много лет, как ты мне явила
Стольких дивных мужей от моей поросли;
Ободри меня и о дамах,
Будет ли которой от моего корня
Место в красоте и в достоинстве?»
А провидица ей учтиво в ответ:

57 «Встанут от тебя целомудрые дамы,
Матери государей и больших королей,
Опоры и возродительницы
Славных домов и сильных владычеств,
В покрывалах своих не меньше достойные
Высочайших хвал, чем в оружии мужи,
Благочестием, веледушием, разумением
И воздержностью несравненно великой.

58 Поведать о каждой,²³¹
Кто снищет славу для рода твоего,
Мне невмочь, потому что ни единой
Я не вижу в нем доступной умолчанию;
Разве вырвать двух и трех из тысячи,
Чтоб у речи был конец?
Для чего промолчала ты у Мерлина?
Там бы ты их увидела воочию.

59 Выйдет из твоего рода²³²
Та подруга благородных искусств,
О которой не сказать, что в ней лучше,
Светлая ли краса, мудрая ли скромность:
Это Изабелла, благодарная душой,
Ее светом просияет дневно и ночью
Край над Минцием, которому имя
По вещи Манто, чьему сыну имя Окн.

60 Здесь в блистательном станет она споре²³³

231 *Для чего промолчала ты у Мерлина?* — См.: III, 24 слл.

232 *Это Изабелла...* — Изабелла д'Эсте (1474 — 1539), дочь герцога Эрколе I и Элеоноры Арагонской, супруга Франческо II Гонзага, маркиза Мантуанского. Покровительница искусств, женщина незаурядной культуры, была связана дружескими отношениями с Ариосто, который читал ей в 1512 г. отрывки из «Неистового Роланда».

Край над Минцием... — Мантуя, которая стоит на р. Минчо (зд. Минций) и имя которой дала прорицательница Манто. Ср.: «Также и Окн привел отряд из отчего края, Тибра этрусского сын и Манто, провидица вещей; Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя» (*Вергилий. Энеида*, X, 198 — 200). Ср. также: Данте, Ад, XX, 52 — 99.

233 *С достославным своим супругом...* — Франческо II Гонзага (1466 — 1519), маркиз Мантуанский.

С достославным своим супругом:
Кто выше чтит добродетель,
Кто шире раскрыл душу для вежества?
Если скажет он, как при Таро и Форново
Шел на галлов для вольности Италии,
То она отзовется: Пенелопа славою
Не уступит Улиссу, потому что чиста. —

61 Много в малом сказано мной похвал,²³⁴
Но гораздо более не сказано
Из того, что открыл в те дни
Мне Мерлин из полого камня;
А направь я парус в это море —
Плыть бы мне далее, чем Тифию!
Что даруют Людям бог и добродетель, —
Все в ней будет лучшее.

62 Будет ей сестрой Беатриса,²³⁵
Именем блаженная и блаженная сутью,
Ибо не только всею жизнью
Прикоснется к пределу счастья,
Но взведет к нему и супруга,
Единог меж имущими князьями,
А когда она покинет мир —
Рухнет вдовый в разверзнутые невзгоды:

63 Сфорца, Мор, змеиный стяг Висконти²³⁶
Будут при ней грозой света
От скифских снегов до Красных зыбей,
От Инда до Столпов твоего Моря,
А без нее —
Впадет в рабство инсубрийское царство
К великой беде для всей Италии, —
И что было умом, то станет случаем.

64 Будут у нее и соименницы,²³⁷

Главнокомандующий войсками антифранцузской лиги в битве при Форново (6 июля 1495 г.) на р. Таро: в военном отношении ни одна из сторон не достигла решительного перевеса, в политическом — битва обозначила неудачу итальянского похода Карла VIII. Победитель битвы при Ателле (5 августа 1496 г.), в итоге которой французы были изгнаны из Неаполитанского королевства.

234 *Тифий*. — Кормчий аргонавтов.

235 *Беатриса*. — Беатриче д'Эсте (1475 — 1497), вторая дочь Эрколе I, супруга Лодовико Сфорца, герцога Миланского.

Но взведет к нему и супруга... — Лодовико Сфорца (1451 — 1508), герцог Миланский (1480), в 1499 г. разбит французами, в 1500 г. взят в плен, умер в заключении.

236 *Мор* — Прозвище Лодовико Сфорца, от тутового дерева, изображенного в его гербе. *Сфорца*. — С 1450 по 1535 г. (с перерывами) были герцогами Милана. *Висконти*. — Династия правителей Милана с XIII в. по 1450 г.

237 *И одна осенит святые кудри...* — Беатриче (ум. 1248), дочь Альдобрандино I (см.: III, 35, прим.), третья жена (1234) венгерского короля Андрея II. Изгнана после смерти мужа пасынком Белой IV. Мать Андрея III.

Но родятся раньше на много лет,
И одна осенит святые кудри
Многоплодным венцом Паннонии,
А другая, отрекшись от земного,
В авзонийском крае
Причтется к божественному лику
И почтется обетами и ладаном.

65 Умолчу о прочих,²³⁸
Ибо слишком долог был бы перечень,
Хоть и каждая достойна
Светлой песни геройственной трубы.
Все, о ком мой помысел, —
Будь то Бланка, Лукреция, Констанция, —
Воцарятся в лучших италийских домах
Матерями и возродительницами.

66 Истинно, пред всеми твой род
Знатен будет славными женами —
И о дочерях говорю
И о честно повенчанных супругах.
Чтобы знать тебе и о том,
Что поведал о них Мерлин
Не затем ли, чтоб тебе я переведала, —
Рада я молвить о них слово.

67 Первою назову я Рикарду,²³⁹
Доблести пример и добродетели,
С юности вдову —
Такова немилость судьбины к лучшим.
Сыновей своих, обездоленных царством,
Увидит она в стране изгнания,
Юных, в недружеской власти, —
Но страданью будет щедрое возмездие.

68 И не умолчу о королеве²⁴⁰

А другая, отрекшись от земного... — Известны две Беатриче из рода Эсте, причисленные к лику святых: сестра Аццо VII (см.: III, 32 — 34), монахиня в обители Иоанна Крестителя на горе Джемона (ок. 1191 — 1226); и дочь того же Аццо VII, монахиня в монастыре Св. Антония в Ферраре (ум. 1262).

238 *Будь то Бланка, Лукреция, Констанция...* — Часто встречающиеся в роду Эсте женские имена. Например: Бьянка — внебрачная дочь Никколо III и жена Галеотто Пико делла Мирандола; дочь Сиджисмондо (брата Альфонса I) и жена Альбериго Сансеверино; Лукреция — внебрачная дочь Эрколе I и жена Аннибале Бентивольо, синьора Болоньи (см.: XLII, 88); дочь Сиджисмондо (вышеупомянутого) и жена Альбериго Маласпина; Костанца — дочь Аццо II и жена Уго Альдобрандини, герцога Мареммы; дочь Обиццо III и жена Малатесты Унгеро.

239 *Первою назову я Рикарду...* — Ричарда (ум. ок. 1475), дочь Томмазо, маркиза Салуццо, и жена Никколо III д'Эсте. После смерти Никколо власть в Ферраре перешла сначала к Леонелло, затем к Борсо, его внебрачным сыновьям. Дети Ричарды, Эрколе и Сиджисмондо, были отправлены в Неаполь, ко двору Альфонса Арагонского (тестя Леонелло). Ср.: III, 47.

240 *... о королеве славного арагонского корня...* — Элеонора (ум. 1493), дочь Фердинанда I Арагонского, жена герцога Эрколе I, мать Альфонса, Ипполита, Изабеллы и Беатриче д'Эсте.

Славного арагонского корня,
Кому равной ни в мудрости, ни в тихости
Не бывало в хвалах римлян и греков.
Пред всеми взлюбил а ее судьба:
Божиею милостью
Изберется она родить прекрасных
Альфонса, Ипполита, Изабеллу;

69 Имя ей Леонора,²⁴¹
Лучшему привою на твоём стволе.
Но найду ль слова
О второй ее невестке и преемнице?
Это Лукреция из рода Борджий,
Чья краса, добродетель, честь и счастье
День ото дня возрастут,
Словно юный побег на плодной почве.

70 Олово пред серебром, медь пред золотом,²⁴²
Полевой пред розою мак,
Бледная ива пред зеленым лавром,
Пред бесценным самоцветом крашенный страз —
Такова будет всякая
Перед тою, кого славлю до рождения
За великий ум, за единственную красу
И за все достохвальные превосходства.

71 А меж теми достохвальностями,²⁴³
Что почтутся в ней и вживе и вмертве,
Высшее —
Царский нрав, от нее дарованный
Геркулесу и иным ее сынам:
В нем исток несчетных наград,
Ниспадающих на их латы и мантии —
В свежем сосуде всякий долог аромат.

72 Не смолчу я и о ее невестке,²⁴⁴
О той французской Ренате,
Отец которой — двенадцатый Людовик,
Мать которой — краса Бретани:
Все лучшее во всех женщинах
Всех времен, пока движутся светила,

241 *Это Лукреция...* — Лукреция Борджа (1480 — 1519), дочь папы Александра VI, жена герцога Альфонса I (1503). Это был второй брак герцога, поэтому Лукреция названа «второй невесткой» Элеоноры Арагонской.

242 *Олово пред серебром, медь пред золотом...* — Ср.: Вергилий. Буколики, V, 16 — 18.

243 *В свежем сосуде всякий долог аромат.* — Ср.: «Запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится Долгое время» (*Гораций*. Послания, I, II, 69 — 70). Перевод Н. С. Гинцбурга.

244 *О той французской Ренате...* — Рената (1510 — 1575), жена герцога Эрколе II (1528), вторая дочь короля Франции Людовика XII и Анны Бретонской (дочери последнего герцога Бретани).

Огонь жжет, вода холодит, —
В той Ренате сведется воедино.

73 Но поведывать о саксонской Альде,²⁴⁵
О графине Челанской,
О Бланке Марии Каталонской,
О дочери сицилийского короля,
О красавице Липпе из Болоньи
Мне невмочь:
Начни я им подменную славу —
И безбрежно будет море моей ладье».

74 Перебравши в своей привольной повести
Столько порослей от грядущего ствола,
Вновь и вновь Мелисса повторила,
Как попал Руджьер в волшебный дворец,
И умолкла —
Ибо близились чародейские места,
И она не хотела далее,
Чтоб не взвидеться злобному волхву.

Но Брадаманта забывает наставления и попадает в плен к Атланту.

75 В тысячный раз
Повторивши героине свой наказ,
Исчезает волшебница, — и вот,
В малой миле по прямой тропе
Видит всадница милый облик Руджьера,
А над ним двух свирепых великанов,
И они его теснят,
И уже он на волос от гибели.

76 Как увидела воительница, что в беде
Тот, кто всеми чертами — ее милый,
Вмиг забыты благие помыслы,
Вмиг доверье обернулось тревогой:
Вдруг есть внезапная тайная причина,
Что Мелисса невзлюбила Руджьера
И в неведомом коварстве
Хочет ему смерти от возлюбленных рук?

77 Думает: «Не это ли мой Руджьер —
Вечно в сердце, а ныне пред очами?
Мне ли его не увидеть, не узнать?
А не мне, так кому же?»

²⁴⁵ *Но поведывать о саксонской Альде...* — Альда — см.: III, 27, прим.; графиня Челанская — лицо неустановленное; Бьянка Мария (ум. 1449) — дочь Альфонса Арагонского, короля Неаполя, и жена (1444) Леонелло д'Эсте; «дочь сицилийского короля» — Беатриче (ум. 1321), дочь Карла II Анжуйского и жена Аццо VIII (см.: III, 39, прим.); красавица Липпа — Липпа (Филиппа) Арности (ум. 1347), любовница в течение двадцати лет Обиццо III д'Эсте (см.: III, 40, прим.), принеся ему одиннадцать детей, затем его жена.

Отчего мне верить
Не своим глазам, а чужим словам,
Если мое сердце и без взгляда
Знает, он вдали или здесь?»

78 Думает и слышит:
Голос ее Руджьера зовет на помощь;
И видит:
Витязь шпорит коня, отпустив узду,
А великан с великаном
По пятам за ним в яростной погоне.
Дева вскачь и вслед по всем путям,
А пути — к очарованным хоромам.

79 И едва она на порог,
Как сомкнулось над ней общее наваждение:
Ищет она друга
И внутри, и вокруг, впрямь, вкривь, вверх, вниз,
Дневно, ночью, —
Таково над нею чародеянье,
Что видит Руджьера, говорит с Руджьером,
А друг друга им не узнать.

80 Но оставим ее, и не печальтесь,
Что она в колдовском плену:
Будет срок, и я их вызволю,
И ее, и ее Руджьера.
Но от смены яств живет вкус —
Так и мой рассказ,
Чем он тут и там разнообразнее,
Тем верней не наскучит слуху.

Тем временем Аграмант объявляет смотр сарацинам.

81 Тку я большую ткань,²⁴⁶
Много в ней мне надобно нитей.
Будьте же благосклонны услышать,
Как мавры,
Встав из станов, предстали всеоружно
Королю Аграманту, на страх золотым лилиям
Окликнувшему к великому смотру
Весь свой люд, чтобы его перечесть:

82 Недочет был и в конных и в пеших,
И немалый;
Недочет в вождях, и в самых лучших —
Испанских, ливийских, эфиопских;
В безначальном разброде

246 ... на страх золотым Лилиям... — На страх Франции.

Были полчища и целые племена;
Вот затем и свелись полки на смотр,
Чтобы в каждом стал и вождь и порядок.

83 А на смену павшим
В сечах и жарких поединках
Новый набор учинили короли,
Один в Африке, а другой в Испании,
Поверстали пришлых по полкам
Под начало новым начальникам, —
Но и смотр и чин
Отложу я, господин мой, до новой песни.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (АРХИСТРАТИГ)

*Песнь XIV
Смотр сарацинской рати*

Вступление.

1 В несчетных схватках, в жестоких сечах
Франции, Африки, Испании
Без числа пало павших
В снедь стервятнику, ворону и волку.
Хуже было франкам,
Потому что не за ними осталось поле, —
Но горше горевали сарацины,
Стольких потеряв князей и баронов:

2 Таково кровавы были победы,²⁴⁷
Что и не в отраду.
И ежели, о неодолимый Альфонс,
Мне позволится равнять древнее и новое, —
То припомню я
Ту победу, тот венец твоих подвигов,
От которой навеки полон слез
Взор Равенны,

3 Где дрогнули пикардийцы и моринцы,²⁴⁸

²⁴⁷ *Ту победу, тот венец твоих подвигов...* — Битва при Равенне (11 апреля 1512 г.), в которой французские войска, усиленные феррарскими, одержали победу над испанцами. После сражения Равенна подверглась разграблению («полон слез взор Равенны»). Ариосто лично в сражении не участвовал, но был свидетелем разгрома города. Ср.: III, 55; XXXIII, 40-41.

²⁴⁸ *Где дрогнули пикардийцы и моринцы...* — Имеется в виду французское войско. Моринцы — так Цезарь (О галльской войне; II, 4; III, 9) называет жителей Бельгийской Галлии (совр. Артуа и Фландрия).

Но ты ринул свои знамена... — Как свидетельствует Ф. Гвичардини (История Италии, X, 13), исход сражения решил маневр феррарской артиллерии, переброшенной против незащищенного неприятельского

Подались аквитанцы и нормандцы, —
Но ты ринул свои знамена
Вперехват побеждающей Кастилии,
А с тобой — ретивое юношество,
Доблестью снискавшее в этот день
Твой знатный дар —
Золотые рукояти и шпоры.

4 Жарким вашим духом²⁴⁹
На волос от великой беды
Вы потрясли Золотые Желуди,
Вы сломили Желтый и Красный Жезл:
Это ваша слава,
Что не сорвана, не поправа Лилия;
А другая слава на ваших кудрях —
Что спасли вы для Рима Фабриция.

5 Тот Фабриций, Колонна Рима,²⁵⁰
Что у вас в плену и от вас на воле,
Больше стяжал вам чести,
Чем бранная гордыня, сокрушенная в прах,
Тех, кто лег утучнять поля Равенны,
И кто рушился вспять, роняя стяги
Арагона, Кастилии, Наварры,
И не в помощь были ни колеса, ни серпы.

6 Но стала та победа²⁵¹
В корысть, а не в радость,
Ибо тягостью легла на торжество
Гибель вождя французского похода
И сраженные бранною грозой
Столько славных,
К обороне своего и союзного
К нам нисшедших от холодных Альп.

фланга, и кавалерийская атака, проведенная под личным командованием Альфонса д'Эсте отрядом из трехсот молодых феррарских дворян. Все они после боя были возведены в рыцарское достоинство (получили золотые шпоры и шпаги с золотыми рукоятями).

249 *Вы потрясли Золотые Желуди...* — Дуб с золотыми желудями — герб Делла Ровере, рода, к которому принадлежал папа Юлий II, союзник испанцев; «Желтый и Красный Жезл» — цвета и знаки Испании; «Лилия» — королевский герб Франции.

... *спасли вы для Рима Фабриция.* — Фабрицио Колонна (между 1450 — 1460 — 1520), кондотьер на службе неаполитанских королей и Испании, главнокомандующий войсками Священной лиги, великий коннетабль Неаполитанского королевства. В битве при Равенне был взят в плен отрядом Альфонса. Герцог отказался выдать его французам и отпустил на свободу без выкупа, с богатыми дарами.

250 ... *Колонна Рима...* — Игра на словарном смысле родового имени Фабрицио, прием, уже использованный Петраркой (Стихотворения, X).

И не в помощь были ни колеса, ни серпы. — Как сообщает Гвиччардини, испанский главнокомандующий велел выставить перед фронтом пехоты тридцать колесниц («колеса»), устроенных в подражание боевым колесницам персов (с серпами). На колесницах были установлены орудия малого калибра.

251 *Смерть вождя...* — Гастон де Фуа (1489 — 1512), герцог Немурский, пэр Франции, главнокомандующий французскими войсками в Италии. Убит во время преследования отступающего неприятеля.

7 Спасенье наше и жизнь — ²⁵²
В той победе,
Отвратившей грозу и стужу
Грозного над нами Юпитера;
Но ни радости нам, ни торжества,
Ибо стоны тоски и боли
Черных вдов со слезами на ланитах
Ударяют в наш слух из целой Франции.

8 Пусть поставит король Людовик новых²⁵³
Воевод над воинством,
Чтобы к вящей славе франкских Лилий
Пресекли грабеж и разбой
Рук, что мучат белых, серых, черных
Братьев и сестер, не щадят ни дев, ни жен,
Топчут оземь Христа в святых дарах,
Чтобы вырвать из божьей сени золото!

9 Бедственная Равенна,²⁵⁴
Для чего было противиться победному,
Для чего не пример тебе Брешия,
А ты не пример Фаэнце и Римини?
Прикажи Людовик: пусть добрый
Тривульций
На таких твоих наложит узду
И внушит им, сколько такою кривдою
Множится по Италии смертей!

Смотр сарацинской рати.

10 Как нынче те воеводы
Французскому надобны королю, —
Так встарь
Скликнули Марсильи и Аграмант
Все полки для надобного порядка

252 Грозного над нами Юпитера... — Имеется в виду папа Юлий II (1503 — 1513), прозванный Грозным. Активный участник итальянских войн, союзник Людовика XII в Камбрейской лиге (1508), затем его противник. В 1512 г. наложил на Францию церковную интердикцию.

253 ... король Людовик... — Людовик XII, король Франции (1498 — 1515).

... мучат белых, серых, черных... — Монахов и монахинь всех орденов.

Топчут оземь Христа в святых дарах... — Исторический факт, сообщенный равенским историком XVI в. Джироламо Росси (и отмеченный Муратори в его «Феррарских древностях», II, 240): французский солдат пытался похитить дарохранильницу, вышвырнув из нее освященную гостию.

254 Для чего пример тебе Брешия... — Брешия была разграблена 19 февраля 1512 г., Римини и Фаэнца, опасаясь той же участи, открыли ворота перед французами без сопротивления.

... пусть добрый Тривульций... — Джанджакомо Тривульцио (ок. 1441 — 1518), маркиз Виджевано, маршал Франции. Скорее свирепый, чем «добрый», если судить по его правлению в Милане, где он был губернатором в 1499 — 1500 г.

С зимних мест на большое поле,
Чтобы, все увидев нужды,
Каждой части дать вождя и уставщика.

11 Марсиль первый, Аграмант вторым²⁵⁵
Провели полки свои строй за строем.
Впереди каталонцы,
И над ними — стяг Дорифеба;
Следом те, чей король Фольвирант
Лежал мертв от меча Ринальда,
Шли наваррцы, и владыка Испании
Приказал над ними встать Изольеру.

12 Над Леоном — Балугант,²⁵⁶
Над Альгарвою держит власть Грандоний;
Фальзирон, Марсилиев брат,
Встал оружно с Малою Кастилиею;
Стяг Мадарасса
За собой вел Севилью и Малагу
От гадесских вод до кордовских плодов
По зеленому берегу Бетиса.

13 Стордилан, Тезир, Бариконд²⁵⁷
Чередой движут каждый свое племя:
Первому Гранада, второму Лиссабон,
Третьему покорна Майорка.
А из них над Лиссабоном Тезир
Был преемник отцу своему Ларбину.
Вслед — Галисия, над которой
Марикольду в смену встал Серпентин.

14 Кто из Толедо, кто из Калатравы,²⁵⁸

255 *Дорифеб.* — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 49), король Каталонии и Валенсии.
Фольвирант. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73), наваррский полководец. О его смерти от руки Ринальда см.: Влюбленный Роланд, II, XXIV, 31 — 32. *Изольер.* — Во «Влюбленном Роланде» брат Феррагуса.

256 *Балугант.* — В «Песни о Роланде» имя вавилонского султана, во «Влюбленном Роланде» командует кастильскими войсками,

Грандоний. — Персонаж «Песни о Роланде» и итальянских поэм каролингова круга. Алгарви -- провинция на юге Португалии.

Фальзирон. — Брат Марсилиа уже в «Песни о Роланде». Отец Феррагуса. Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 4) предводительствовал войсками из Леона (у Ариосто поменялся ролями с Балугантом).

Малая Кастилия. - Старая Кастилия (см.: XII, 4, прим.).

Мадарасс. — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 5) Марадасс, король Андалузии. *От гадесских вод до кордовских плодов...* — От Кадиса до Кордовы по течению Гвадалквивира.

257 *Стордилан.* — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 8). *Тезир.* — Впервые у Ариосто (см. ниже).

Бариконд. Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 8).

Ларбин. — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 56) убит Ринальдом.

Марикольд. — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 61) убит Роландом.

Серпентин. — Персонаж итальянской эпической традиции («Испания» и др.).

258 *Маталист.* — Впервые у Ариосто, заступает место Синагона, убитого во «Влюбленном Роланде» (II,

Оступился под Синагонову хоругвь, — -
И со всеми, кого поит и моет
Гвадиана, —
Их ведет отважный Маталист.
А за ним Бланзадрин под астурийское
Вывел знамя Плаценцию, Саламанку,
И Авилу, и Замору, и Паленцию.

15 Сарагоса и двор царя Марсилия²⁵⁹
Повинуются Феррагусу —
Все могучи, все в крепких латах,
И меж них Балинверн,
Мальгарин, Мальзарис и Моргант,
В общей участи на общей чужбине:
Потерявших уделы,
Их собрал ко двору король Марсильи.

16 Там великий королевский бастард²⁶⁰
Фоликон Альмерийский,
Дориконт, Баварт, Ларгалиф, Аналард,
Архидант, вельможный в Сагунте,
Удалой Лангиран и Ламирант,
Малагур, догадливый на хитрости, —
И еще, и еще, и о которых
Будет сказ, когда приспееет время.

17 Как прошли перед королем Аграмантом²⁶¹
В блеске шмотра испанские полки, —

XXIII, 34) Оливьером.

Гвадиана- Река в Испании и Португалии, протекает по Новой Кастилии, Эстремадуре, по границе с Португалией и впадает в Кадисский залив. *Бланзадрин*. — В «Песни о Роланде» Бланкандрин Вальфондский, приближенный Марсилия.

Плаценцию, Саламанку... — Перечисляются города королевства Леон.

259 *Балинвери*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», павший, однако, от руки Ринальда (II, XXIV, 32).

Мальгарин. — В «Песни о Роланде» (955) Маргари Севильский.

Мальзарис. — В эпической традиции король Памплоны.

Моргант. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 48), не имеет отношения к заглавному герою поэмы Пульчи.

260 *Фоликон*. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 9). Альмерия — город на юго-восточном побережье Испании.

Дориконт. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73).

Баварт. Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73).

Ларгалиф. — Искаженное «калиф». Есть в числе советников Марсилия в «Песни о Роланде» (альгалиф), упомянут Пульчи и Боярдо.

Аналард. — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 49) Аланард, граф Барселонский.

Архидант. — Впервые у Ариосто. Сагунто — город в Валенсии.

Лангиран.- Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 73) Лангуран.

Ламирант. — Искаженное «эмир». Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 20) Амирант.

Малагур. — Впервые у Ариосто.

261 *Царь Орана*... — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXII, 22) Марбалуст.

Мартасин. — О его смерти от руки Брадаманты см.: Влюбленный Роланд, III. VI, 10 — 14.

... *король гарамантов*... — Народа, жившего к югу от Нумидии.

Является в поле со своими
Царь Орана, видом исполин;
И вторая рать, скорбная о Мартасине,
Мертвом от Брадамантиных рук, —
Горько воинству,
Что король гарамантов пал от женщины;

18 И третья рать — из Мармонды,²⁶²
Потеряв в Гаскони своего Аргоста;
Надобен над ней новый вождь,
Как и над второю и над четвертою.
Мало у Аграманта воевод,
Но недолго он думает:
Избирает и шлет полкам
Буральда, Ормида и третьего — Аргания

19 Во главе либиканских дружин,²⁶³
Льющих слезы о черном Дудринассе.
Тингитанцев ведет Брунель,
Хмурый ликом, понурый взором,
Ибо с самой той поры,
Как в лесу пред скальным замком Атланта
Вырвала Брадаманта у него кольцо, —
Пала на него царская опала,

20 И не заступись
Феррагусов брат Изольер,
Сам нашедший его в путях под деревом, —
Быть бы ему повешену.
Многими молимый, смягчился Аграмант
Над уже захлестнутым удавкой,
Отпустил, но с клятвой:
По первой вине — не уйти ему от петли;

21 С тем и шел Брунель,²⁶⁴
Сумрачен и поникнув,
А за ним — Фарурант, а с Фарурантом —
Мавританские конные и пешие,
А за тем — Либаний, новый царь,
Ставший над людной Константиною,
Когда отдал ему владыка

262 *Мармонда*. — Предположительно, Мармарика, область между Египтом и Киренаикой.
Аргост. — О его смерти см.: Влюбленный Роланд, II, XXII, 113.
Буральд, *Ормид*, *Арганий*. — Впервые у Ариосто.

263 *Во главе либикаиских дружин...* — Либикана, часть Ливии.
Дудринасс. — Убит Роландом (Влюбленный Роланд, II, XXXI, 23 — 24).
Тингитанцев... — Жителей западной Мавритании (название от Танжера, Tingis по латыни).

264 *Фарурант*.- Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 21).
Либаний. — Впервые у Ариосто. *Константина*. — Город в Алжире.
Пинадор. Убит Руджьером (Влюбленный Роланд, III, II, 32).

Скипетр и венец Пинадора.

22 С гесперийцами — Соридан,²⁶⁵
Дорилон за собою вел Сеуту,
Пулиан — насамонов,
С аммонийцами поспешил Агрикальт,
При феццанцах — Малабуферс,
Финадурр — перед строем ратных
Из Канарии и Марокко,
А Баластр — от царя Тардокко.

23 Полк из Мулги, полк из Арзиллы,²⁶⁶
При одном — его прежний вождь,
При другом — уже нет, и государь
Назначает им верного Коринья;
А над альмансильцами,
Где царил Танфирион, стал Каик,
А Гетулию принял Римедонт,
А народ из Коски — Балифронт;

24 Вот племя Волги — ²⁶⁷
Его царь — Кларинд, а был Мирибальд;
Вот Баливерс, который
Хочет слыть самым буйным во всей орде;
И не знаю, есть ли

265 ... с гесперийцами... — Жителями островов Зеленого мыса (где, согласно античным поверьям, располагались сады Гесперид).

Соридан. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 6).

Дорилон. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 15).

Пулиан. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 12).

... насамонов... — Племена в Большом Сирте, к юго-западу от Киренаики. Древние считали их грабителями кораблей.

... с аммонийцами... — Жителями Аммонийского оазиса в Ливийской пустыне (ныне Сива).

Агрикальт. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 14).

При феццанцах... — Жителях Феса (в совр. Марокко).

Малабуферс. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 25).

Финадурр. — Впервые у Ариосто.

Баластр. — То же. Ср.: XVIII, 45 — 46.

Тардокко. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 24).

266 *Мулга.* — Название, предположительно, идет от р. Мулуя (Марокко).

Арзила. — Совр. Асила, город на побережье к югу от Танжера.

... прежний вождь... — Бамбираг, персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 16). Ср.: XV, 6.

Кориней. — Впервые у Ариосто, занимает место Балинфронта.

... альмансильцами... — Возможна идентификация с массилами, жителями восточной Нумидии.

Танфирион. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 7).

Каик. — Впервые у Ариосто.

Гетулия. — Южная часть совр. Марокко и Западной Сахары.

Римедонт. — Впервые у Ариосто, заменил Грифальда. *Коска.* — Идентификации не поддается.

Балифронт. — Во «Влюбленном Роланде» (II, XXII, 27) царь Мулги, у Ариосто занимает место Кардорана.

267 *Болга.* — Идентификации не поддается.

Мирибальд. — Убит во «Влюбленном Роланде» (II, XXX, 12) Ринальдом.

Баливерс. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 19).

Собрин. — Персонаж итальянской эпической традиции («Аспромонт»). У Боярдо — мудрый и осторожный старец (сарацинский Нестор).

Под чьим знаменем в целом стане
Лучше рать, чем у короля Собрина,
Самого умного сарацина.

25 Над приморцами, которых Гвалькотт²⁶⁸
Вел на битвы, теперь поставлен
Родомонт, король Алджира и Сарзы,
С новым полчищем конных и пеших:
Когда солнце плыло в туманах
Под Кентавром и ярым Козерогом,
Выслал за ним в Африку Аграмант,
И тому три дня, как он явился.

26 Не было в басурманском стане
Ни могучее его, ни отважнее:
Ни пред кем, как пред ним,
Не дрожали парижские ворота,
Даже пред Марсилием, даже пред
Аграмантом
С их несчетной свитой:
Между всеми на том смотрю
Злее не было врага Христовой веры.

27 Идет Прусион из Альваракки,²⁶⁹
А за ним из Зумары Дардинель —
И неведомо,
Граяла ли злую им судьбу
Сова, ворон, иная ли вещунья
Из ветвей и с кровель,
Что завтра в урочный час
Пасть обоим в единой битве.

28 Не отстал никто
Кроме Тремизена и Нигриции:
Ни знака их на смотрю,
Ни вести от них не было в стане.
Отчего они так медленны —
Ни слова сказать, ни ума приложить
Не умел Аграмант, как вдруг является
Тремизенский щитоносец и поведывает все,

268 *Гвалькотт*. — Убит Брандимартом (Влюбленный Роланд, III, VIII, 40).

Родомонт. — Один из героев «Влюбленного Роланда», потомок Немврода.

Сарза. — Идентификации не поддается.

Под Кентавром и ярым Козерогом... — Солнце находится в созвездиях Стрельца и Козерога от 21 ноября до 21 января.

269 *Прусион*. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 13):

Альваракка. — Согласно «Влюбленному Роланду», Блаженные острова, но ни Боярдо, ни Ариосто не отождествляют их с Канарскими.

Зумара. — Предположительно, Аземмур (в Марокко).

Дардинель. — Персонаж «Влюбленного Роланда», сын Альмонта, двоюродный брат Аграманта.

29 И поведывает: Альзирд и Манилард
Пали в поле, и с ними их несметные.
«Государь, — говорит он, — лихой рыцарь
И нас перебил и твоих бы перебил,
Если бы они убегали медленней
Еле ускользнувшего меня.
И конные для него и пешие —
Что для волка козы и бараны».

Мандрикард выезжает мстить за побитых Роландом.

30 А был в африканском стане,²⁷⁰
Незадолго въехав, редкий паладин —
Ни в каком ни на Востоке, ни на Западе
Столько сил в плечах, столько духа в груди;
И в чести он у державного Аграманта,
Ибо это сын и наследник
Славного Агрикана из Татарии,
Имя же нещадному — Мандрикард.

31 Немало знатнейших подвигов²⁷¹
Полнили его славою свет,
Но громче было всего
То, что в замке сирийской феи
Тысячелетний
Он стяжал доспех троянскрго Тектора,
И такое это было страшное дело,
Что и вспомнить ужас берет.

32 Бывши при щитоносцевой повести,
Тотчас вскинул он гневное лицо
И решился в путь —
По следам отыскать того воителя;
Но таит свою мысль
Оттого ль, что не верит никому,
Оттого ли, что опаслив,
Как бы кто не перебил добычу.

33 Спрашивает он вестника, каков
Был наряд на том паладине?

270 *Мандрикард*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», в последних песнях выдвинулся на роль центрального.

271 *То, что в замке сирийской феи...* — Мандрикард отправился мстить Роланду за смерть отца, не взяв с собой — для вящей славы — ни доспехов, ни оружия. Доспехи Гектора он добыл, выдержав ряд трудных испытаний: победил Градасса, пленника сирийской феи, выполол волшебное поле (где из каждого упавшего зерна рождался зверь или чудовище), свалил волшебное дерево (каждый упавший лист которого превращался в хищную птицу), убил десятихвостого дракона. Меч же Гектора, как ему было сказано, принадлежал Альмонту и теперь перешел к Роланду. Мандрикард поклялся не притрагиваться к мечу, пока не добудет Дурандаль. Ср.: XXVI, 100; XXX, 39 — 40.

Тот в ответ: «Черный плащ,
Черный щит и без гребня шлем».
Так оно и было: вы ведь помните,
Был Роланд не при щите в четыре четверти,
Потому что, темный душой,
Он хотел быть темным и по виду.

34 Марсилий Мандрикарду
Дал гнедого с карим отливом,
Ноги черные, грива черная,
От фризской кобылицы и испанского жеребца.
Мандрикард в седле,
Грудь в железе, и вскачь вперед,
И клянется, что не воротится,
Пока черного не отыщет витязя.

35 А ему навстречу в перепуге
Ускользнувшие бегут от Роланда,
Кто в слезах о сыне, кто о брате,
На глазах у них погибших злою гибелью.
В бледных лицах,
Как резцом, врезан страх и стыд —
Бредут и все не опомнятся,
Без кровинки в лицах, без слов, без чувств.

36 Скачет рыцарь дальше, и недолге
Видит страшное,
Видит: правду
О той сече рассказывали африканскому царю.
Справа мертвые, слева мертвые,
Он им мерит раны своею пядью
И странной завистью
Досадует на того, кто их так побил.

37 Как волк, как пес,
Подоспев последним к павшему волу,
Видит лишь костяк и рога с копытами,
А туша — у стервятников в клювах и когтях,
И он праздно глядит на безмясый череп, —
Так и наш злобный витязь в смертном поле
С завистью в груди, с хулой на губах,
Что не в пору он к такому пиру.

Вместо этого он у своих же отбивает Доралису

38 Рыщет он день, рыщет полтора,²⁷²
Всех пытая о черном рыцаре, —

²⁷² *Отриколи.* — Городок в Умбрии (близ Терни), рядом с которым излучина Тибра образовывала островок, впоследствии исчезнувший.

Как вдруг видит: тенистый луг,
А вокруг кольцом большая река,
Узкий вход
Меж излучиною и излучиною —
Как на Тибре,
Где русло изгибается в Отриколи.

39 Как он въехал, глядит, на том лугу
Толпа рыцарей, и все при оружии.
Спрашивает басурман:
Кто, на что их собрал такую ратью?
Отвечает ему начальник, видя
По властной его повадке
И по сбруе в золоте и камнях,
Что знатнейший перед ним паладин:

40 «От гранадского нашего короля²⁷³
Званы мы в свиту его дочери —
Она выдана за властителя Сарзы,
Хоть о том еще неведомо молве.
Как умолкнет под вечер
Та цикада, которую ты слышишь,
Мы с девицей выступим к испанскому стану,
А теперь она спит».

41 Мандрикарду все и всё нипочем —
Хочет испытать,
Каковы они защитники
Даме, которой ставлены служить?
Говорит: «Я слышал, она красавица,
Но угодно мне это знать заведомо:
Отведите же меня к ней или ее ко мне,
Да быстрее: мне недосуг».

42 «Чванный ты глупец», —
Говорит гранадец, но тут и смолк:
Грянул в него татарин
И пронзил копьем наперевес.
Вдребезги стальной доспех,
Мертвецу не встать из-под удара;
А Мандрикард опять за копье,
Больше при нем оружия нету —

43 Ни клинка, ни палицы,²⁷⁴
Потому что, Гекторово стяжав,
Не нашел он при уборе его меча
И поклялся, а клялся он не всуе,
Что иного клинка не возьмет в ладонь,

273 *От гранадского нашего короля...* — Стордилан (см.: окт. 13).

274 *Ни клинка, ни палицы...* — См.: окт. 31, прим.

Нежели вырвав у Роланда
Дурандаль, которою был горд Альмонт,
А теперь Роланд, а некогда Гектор.

44 В бранной ярости
Шел татарин один на всех
С криком: «Кто мне поперек пути?» —
И вперед, с копьем наудар.
Кто хватается за пику, кто за меч,
Все вдруг, все со всех сторон,
А тот крушит,
Покуда копье не пополам.

45 Копье пополам — ²⁷⁵
Он хватает в две руки обломок
И он валит направо и налево
Столько, сколько ни на какой войне.
Как Самсон
С челюстью в руке на филистимлян,
Так он бьет щиты, дробит шлемы,
Разом рушит и всадника и коня.

46 А те рвутся на собственную погибель,
Один падает, набегают другой —
Не страшно умереть,
А стыдно умереть низкой смертью,
Чтобы милую жизнь
Выбило из них ломаное древко,
Чтобы небывало их вымолотило
Скопом, как лягушек или змей.

47 Но как взяли они в толк,
Что срам ли, не срам ли, а смерть одна, —
Две уж трети лежали мертвые,
А третья треть разбежалась, кто куда.
Лютый сарацин ломит вслед,
Словно это они его ограбили,
Чтоб никто из смятенного толпища
Не ушел живым.

48 Как на высохшем шуршащие болоте
Камыши, как на сжатой ниве
Солома под ветром и огнем
Из-под рук умелого земледельца,
Когда пламя бежит по бороздам
И ширится, и шумит, и пышет, —
Так бессильны рассыпанные
Против жгучей ярости Мандрикарда.

275 Как Самсон // С челюстью в руке... — Самсон — герой ветхозаветных преданий, двенадцатый из «судей Израилевых», богатырь. О побиении тысячи филистимлян ослиной челюстью см.: Книга судей, XV, 15.

49 А увидев, что дорога открыта,
И ни одного защитника перед ним,
Вот он едет по траве, куда протоптано
И откуда слышится плач,
Чтоб увидеть, точно ли в той принцессе
Красота равна славе о красоте?
Так, переступая между трупами,
Посуху он входит в луку реки.

50 Видит: Доралиса²⁷⁶
(Таково было имя той красавицы)
На зеленом лугу, склонясь о ясеневый ствол,
Страждет:
Слезы живым ручьем
Струятся на прекрасную грудь,
А в светлом лице —
Боль за ближних и страх за себя.

51 Взвидев витязя в крови, злого, мрачного, —
Пуще страх:
Крик ввысь
Режет воздух ужасом о себе и своих —
Потому что, кроме свитных рыцарей,
Были с нею няньки доброго детства,
Старцы, и дамы, и девицы
Самые красивые в Гранаде.

52 Видя Мандрикард
Лик, которому сравнимых нет в Испании,
Даже в плаче (а то ли в смехе?)
Завлекающий зрячих в неминуемую сеть, —
Сам не чает, жив он или в раю,
И не хочет иной себе награды,
Чем дань пленнице в плен,
Лишь не знает, как оно вернее.

и увозит ее с собой.

53 Нимало он не желает
Дать ей волю плодом своих трудов,
Хоть она, рыдая, как рыдают
Женщины, являет тоску и скорбь, —
Нет: чтобы плач стал смехом,

²⁷⁶ *Доралиса*. — Персонаж «Влюбленного Роланда» (И, VII, 28). Симон Форнари, старейший комментатор «Неистового Роланда» (1549), считал, что в данном эпизоде поэмы нашел отражение исторический факт: в 1501 г. Чезаре Борджа, увлеченный красотой некоей девицы, состоявшей в придворном штате герцогини Урбинской, послал своих людей перехватить ее на пути к жениху, Джамбаттиста Карачоло, капитану венецианской пехоты. Событие в свое время наделало много шума, вплоть до официального протеста дожа и оправданий папы и Чезаре Борджа (впрочем, довольно наглых). Что касается литературных источников, то похищение дамы — распространенный сюжетный стереотип средневекового рыцарского романа. См.: Райна. С. 201 — 204.

Он ее забирает с собою,
Велит сесть на белую лошадку
И сворачивает с ее пути на свой.

54 Дамы, девицы, старцы, сколько ни было
Спутников при ней из Гранады, —
Всех он милостиво уволил,
Всем сказал: «Довольно ей и меня —
Я надзорщик, я хозяин, я служитель
На всякую потребу. С богом, и прочь!»
Нечего делать:
Слезно вздыхая, они и разошлись,

55 Толкуя меж собою: «Какое
Будет горе отцу,
Какой гнев, какая боль нареченному,
И какая встанет грозная месть!
Ах, зачем в столь тревожный час,
Пока свеж здесь след похитителя,
Некому заступиться
За блистательную кровь Стордилана!»

56 Рад татарин добыче
Доблести своей и удачи,
И за черным рыцарем
Едет уж не так тороплив,
Едет, но неспешно и вольготно,
С одною думою о привале,
Где бы стало пригожее место,
Чтобы выдохнуть любовный пожар.

57 Утешает он Доралису,
У которой в слезах и лик и взор,
Измышляет и одно и другое,
Будто слава ее взманила его давно,
Будто царство, будто отечество,
Громким именем превысившее всех,
Он покинул не для Франции с Испанией,
А для светлых только ее ланит.

58 «Ежели любят за любовь — ²⁷⁷
Я влюблен и любви достоин;
Ежели за знать —
Кто знатнее Агриканова сына?
Ежели за богатства — кто богаче?
Владением уступлю я только богу.
Если же за доблесть — то не нынче ли
Оказал я доблесть во имя любви?»

59 Таковые и подобные

Подговоры шептала ему Любовь,
И текли они сладостным целением
Сердцу девы, раненному испугом:
Унимается сперва страх, потом скорбь,
Цепенящая ее душу,
И уже терпеливее
К новому влюбленному склоняет она слух,

60 И уже учтивее и любезнее²⁷⁸
Благосклонность в ее отказах,
И уже не удерживает она
Взор от взора, вспыхнувшего приязнью;
И, бывалый под стрелами Амора,
Уж не чаает, а чувствует Мандрикард,
Что заведомо
Не затяжен будет ропот красавицы.

61 Радостен и счастлив,
Веселясь утешным сопутствием,
Видит рыцарь, что солнце вползакате
И холодная
Клонит ночь все живое на покой;
Уторапливает конскую рысь,
И вот слышит дудки и свирели,
И глядит, дымятся избы и хижины.

62 Это были пастушьи логова,
Некрасивы, зато уютны.
Стадный пастырь
С честью принял и девицу и рыцаря,
Не обидевши ни малым неучтивством, —
Ибо вежественных душ
Сколько в замках и сколько в городах,
Столько и меж сеном и соломою.

63 А что было наставшей ночью
С Доралисою и Агрикановым сыном,
Доподлинно я не знаю, —
Пусть же каждый думает как думается.
Полагаю, что они столковались,
Потому что встали довольные,
И молвила Доралиса спасибо
Оказавшему им честь пастуху.

64 Переход к переходу,
Добрались они так до большой реки,
Тихо лившейся в широкое море:
Глядишь и не знаешь, течет или не течет, —
Так чиста и прозрачна,

278 *И, бывалый под стрелами Амора...* — Появившийся ближе к концу «Влюбленного Роланда», Мандрикард успел стать героем нескольких быстротечных любовных приключений.

Что сквозит в нее взгляд до самого дна.
А на берегу была роща, а в роще
Под свежею тенью — два рыцаря и дама.

Тем временем Аграмант готовится к приступу,

65 Но высокое мое воображение
Не велит идти по единому пути,
А велит туда, где на Францию
Воздвигает шум и крик мавританская рать
Вкруг шатра, где сын царя Трояна
Пышет вражеством на святую державу,
И тщеславится буйный Родомонт
Сжечь Париж и сместить святыни Рима.

66 Донеслось до Аграманта,
Что уж Англия переспела через пролив;
Ск л икну л он Марсилия
И старца Собрина и всех вождей,
И решились они
Снарядиться на Париж великим приступом,
Ибо если не прежде той подмоги,
То не взять им Парижа никогда.

67 Боевые лестницы без числа и счета
Сносятся и свозятся со всех концов,
Доски, бревна, брусья, прутья
Ивняка, что надобен и на это, и на то,
Мостки, лодки, —
А над всем больше всех Аграмант велит,
Чему первому быть, чему второму,
И сам меж тех, кто пойдет на удар.

а Карл Великий молится Богу.

68 Государь же Карл²⁷⁹
В предбитвенный день
Повелел по Парижу править требы и обедни
Иереям и братьям, белым, серым, черным,
И народ его, исповедавшись
И, исторгшись из стигийского вражества,
Приобщился святых даров
Словно с тем, чтоб завтра встать на гибель.

69 А он сам

²⁷⁹ И, исторгшись из стигийского вражества... — Получившие отпущение грехов стали неподвластны дьяволу (владыке подземного царства, где течет река Стикс).

Меж вельмож, послов, баронов, рыцарей,
Твердый верой, в высоком храме,
Подавая пример во святочестии,
Сложив длани, воздевши взоры,
Молвил: «Господи,
Да не всховет благость твоя
За грехи мои казнить твой верный народ!

70 Если же на то твоя воля²⁸⁰
По нечестию нашему и неправедности, —
Попусти нам временем,
Дабы кара была не от рук твоих врагов!
Ибо выпавши от них погибель
Нам, слывущим верными господними,
Даст язычникам хулу на уста,
Что бессилен был оберечь твоих поборников!

71 И тогда на тебя по земному кругу,²⁸¹
Где один восставал, восстанут сто,
И тогда Вавилоновы лжезаветы,
Пересилив, изгонят веру твою.
Стань же в оборону
Спасшим от поганых псов
Гроб твой, мир твой
И Церковь твою с наместником твоим!

72 Ведаю: ни малым зерном
Не убавит свершенное от должного;
Ведаю: нет прощенья
Многогрешному нашему житью;
Но придачею твоего милосердия
Всякий счет будет сверстан и покрыт,
И памятуя душа о всеблагости твоей,
Не отречется в твоём вспоможении».

Бог посылает ему в помощь архангела Михаила.

73 Набожный в сердечном смирении,
Так гласил государь
С многими мольбами и обетами
Во благо и славу свою и своих.
И не празден был молитвенный жар:
Добрый гений его, лучший из ангелов,

280 *Даст язычникам хулу на уста...* — Ср.: «Для чего язычникам говорить: где Бог их?» (Псалтирь, XXVIII, 10).

281 *Вавилоновы лжезаветы...* — Вавилон в библейском смысле, как символ и средоточие богомерзости.
... гроб твой... // И Церковь твою... — Карл Великий вмешался в борьбу папы Адриана I с лангобардским королем Дезидерием и низложил последнего (772 — 774). В эпоху средневековья была распространена легенда о крестовом походе Карла в Иерусалим.

Принял те мольбы и расширил крылья
И вознесся поведать о том Спасителю.

74 И без счету в тот миг было ко Господу
Таких вестников с такими мольбами,
И святые райские души
С умиленьем в ликах,
Внемля им, стремили взоры к Вечной Любви,
Общее являя желанье,
Да услышится праведная мольба
Христиан, воззывающих о спасении.

75 И неизреченная Благодать,
Верными вовеки не молимая вотще,
Возведя благие взоры, простерла
Мановение длани к архангелу Михаилу:
«Ступай, — молвит, — к христианскому воинству
На берегу Пикардии свернувшему паруса,
И препроводи к стенам Парижа,
Чтоб о том не ведал враждебный стан.

76 Но прежде того, нашед Безмолвие,
Объяви мою волю быть ему с тобой,
Ибо наилучше оно
Предусмотрит все предусмотримое.
После же того последуй
В те места, где житействует Распря,
И да, взяв кресало и трут,
Возожжет оно пожар во стане мавров,

77 И меж самыми в них могучими
Таковы посеет споры и ссоры,
Чтобы грянули они друг на друга,
И кто пал, а кто в плен, а кто ранен,
А кто гневен и прочь из стана,
И нимало бы в них пособства их царю».
Горнему глаголу покорен, Божий
Крылоносец, слова не молвя, прочь;

78 Где плеснет крылом —
Тучи в клочья, сияет небо;
Золотой над мчащимся
Блещет круг, как перун в ночи;
Мчит и мыслит:
Где вернее найти
Бессловесное —
То, к которому первые его слова?

Тот находит в монастырях Распря,

79 Где свичней ему, где свойственной?
И сходится мыслями
К тем обителям,
Где бытуют иноки и каноники,
Где на речь — запрет,
Лишь псалмы, лишь еда, лишь сон,
Лишь Безмолвие,
И имя его — на каждой стене.

80 С этою он верою
Шире бьет золотыми крыльями,
Чтоб предстали его очам
И Мир, и Покой, и Благодать.
Но тщетны чаяния:
За обительными затворами
Нет Безмолвия: говорят ему, что было,
Но осталось лишь именем на бумаге.

81 И ни Благости, ни Покоя, ни Смирения,
Ни Мира пред ним, ни Любви:
Они были, но были встарь,
А их выжили Обжорство, Алчность, Гнев,
И Гордыня, и Зависть, и Леность,
И Жестокость. Архангел изумлен;
Озирает буйные толпища
И вдруг видит меж ними — Распрю.

82 К этой Распре вслед за Безмолвием²⁸²
Было у него слово от Вечного Отца;
Эту Распрю он чаял быть в Аверне,
Где искать ее меж погибших душ;
А она хоть и в аду, но в ином:
Меж заутренею, обеднею и вечернею.
Верить ли? Дивится архангел,
Что не долог путь, а рукой подать.

83 Платье на ней стоцветное,²⁸³
Все в разрезах без меры и без счету;
То они сомкнутся, то раскроются,
Как ступит стопа и как венет ветер;
Кудри у нее — золотые и серебряные,
Русые и черные, и все не в лад;
Иные в прядях, иные в косах,
Разметаны по плечам, раскинуты по груди.

84 В руках и за пазухою —

282 ... чаял быть в Аверне... — В аду. *Аверн.* — Озеро в Кампании, где, по античному поверью, находился вход в царство мертвых.

283 *То они сомкнутся, то раскроются...* — Ср.: «В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает» (Вергилий. Энеида, VIII, 702).

Грамоты, справки, свитки, выписки,
Предписания, решения, указы,
На всех подписи, при всех печати,
От которых страшно
Малым людям в городах за свое добро;
А кругом, слева, справа, сзади, спереди —
Ябедники, крючкотворы и писцы.

85 Подзывает ее Архистратиг,
Велит стать меж сарацинских богатырей
И зажечь в них брань
На памятную погибель.
А потом вопрошает о Безмолвии:
Не встречалось ли,
Пока Распря, сея огонь на огонь,
Шла по свету из урочища в урочище?

86 Отвечает Распря:
«Ни в каких его не помню местах,
Хоть и часто слыхивала,
Что отменно это тонкая тварь.
Но Ложь, моя соплеменница,
Важивалась с ним не единожды,
И не скажет ли она чего нового?»
И поднявши палец: «Вот она, Ложь!»

87 Ликом кроткая, платьем честная,²⁸⁴
Взором скромная, поступью степенная,
Речью благоподобно смиренная,
Как архангел, молвивший: Аве! —
Такова была Ложь, во всех уродствах
Скрытая под долгими одеждами,
А под ними
Потаен был отравленный кинжал.

а Безмолвие — среди злодеев.

88 Вопрошает Архистратиг,²⁸⁵

284 *Ликом кроткая...* — Ср.: с дантовским описанием Гериона (Ад, XVII, 10 — 27). *Как архангел, молвивший: Аве!* — Гавриил, архангел Благовещения (см.: Лука, I, 28). Также дантовская реминисценция (ср.: Чистилище, X, 40).

285 *В братии Бенедикта и кармельского Илиш...* — Т. е. среди монахов, принадлежащих к орденам бенедиктинского устава (камальдильскому, клюнийскому, целестинскому, шартрскому, цистерцианскому) и к ордену кармелитов. Бенедикт Нурсийский (ок. 480 — ок. 547) — основатель монашеского движения на Западе. Орден кармелитов (существует с 1205 г.) считался основанным библейским пророком Илией, который, согласно ветхозаветному сказанию (III Книга Царств, XVIII), восторжествовал над пророками Бааловыми на горе Кармил (на этой горе, начиная с 1155 г., возникали поселения христианских отшельников, впоследствии объединившихся в орден кармелитов).

В Пифагоровы времена и Архитовы. — Пифагор (VI в. до н. э.) и Архит Тарентский (ок. 430 — ок. 348 г. до н. э.), философ-пифагореец, математик и полководец, упомянуты здесь Ариосто, так как в пифагорейской школе неопфитам предписывалось пять лет молчания.

На каких путях искать ему Безмолвия?
Ложь в ответ: «В былое доброе время
Обреталось оно меж добродетелей
В братии Бенедикта и кармельского Илии,
Пока были те обитатели внове,
И немало цвело среди учительных бесед
В Пифагоровы времена и Архитовы.

89 Но как те философы и святые,
По прямому его ведшие пути,
Миновали, то из добрых обычаев
Вверглось оно в злодейства —
Повелось по ночам
То с любовниками, а то с разбойниками,
Долго видано с Предательством,
А давеча было и с Убийством;

90 С тайными оно монетчиками
Пряталось в черных ямах,
С места в место, от спутников к спутникам, —
Только случай и даст его сыскать.
Но есть для тебя надежда:
В полночь
Предстань в дом Сна:
Там ему спится, там его найдешь».

91 Лживы речи у Лжи,
Но тут они похожи на правду,
И поверил им архангел, и тотчас
Крылья вширь и вон из монастырей.
Мерит полет,
Расчисляет срок к своей цели —
К жилью Сна
(А его он знал), где спит Безмолвие.

Пещера Сна.

92 Есть в Аравии светлая долина,²⁸⁶
Вдалеке от городов и от сел,
Вся в тени двух гор,
В гущах древних сосен и мощных буков.
Там напрасен солнечный день:
Не пробить лучам
Яркий путь меж сплетшихся ветвей;
А в земле раскрывается пещера.

²⁸⁶ *Есть в Аравии светлая долина...* — Ср.: описание жилища Сна у Овидия (Метаморфозы, XI, 592 — 615) и Стация (Фиваида, X, 84 слл).

93 В черном подлеске
Емкий грот раздвинул скалу,
Лоб которой,
Вьясь, загородил неотвязный плющ.
Тяжкий Сон опочил под этой сенью;
Справа — Праздность, тучная и томная;
Слева — Леность
Сидит, и невмочь ей ни встать, ни в путь;

94 На пороге — Забытье,
Никого не признает, никого не впустит,
Ничего не услышит, ни о чем не скажет,
Всех обымет, никому не уйти;
А на страже бродит Безмолвие,
Черный плащ, подошвы на войлоке,
И кого ни завидит издали, —
Мановением знак: не подступись.

95 Наклонясь ей к слуху,
Тихим зовом молвит ангел: «Божья воля —
Быть тебе вождем на Париж
Ринальду с полками в подмогу государю,
И так тихо, чтоб ни один
Сарацин не услышал выкрика,
И так быстро, чтобы Молва
Не пред ними неслась, а вслед их следу».

Архангел и Безмолвие ведут Ринальда в Париж.

96 Безмолвие в ответ —
Лишь наклон чела, и ни слова,
И покорно вслед,
И в один перелет — на пикардийском взморье,
Двигнулись фаланги архангелом,
Стал им малым немалый путь,
И в единый день они в Париже:
Сбылось чудо, а никто не знал.

97 Витало Безмолвие кругами,
И что ни круг,
Сводом высило над полками тучу,
А кругом был солнечный день;
И такова была густа эта туча,
Что не внять вовне ни рогов, ни труб.
Так оно прошло сквозь язычников,
Непостижную клубя слепоту и глухоту.

Наступает день приступа.

98 А пока Ринальд шел и вел,
Въяве движим от руки архангела,
И так тихо, что ни единый шаг
Не услышался в сарацинском стане, —
Грянул Аграмант
Пешим полчищем на парижские слободы
Под грозимые стены, через рвы —
Чтоб свершить в этот день все свершимое.

99 Кто сумел бы счесть²⁸⁷
В этот день войско, вставшее на Карла,
Тот сказал бы, сколько стволов
На косматом хребте Апеннин,
Сколько волн в бушующий час
Бьет в изножье маврского Атласа,
И во сколько зраков
Смотрит полночь на тайности любовников!

100 Дрогнули колокола
Дробным боем смятенного набата,
Вскинулись в храмах
Руки к небу и губы в крике;
Будь для божьего взора золото
Так же взманчиво, как для скверных нас, —
Каждому в святом сонме
Золотая воздвиглась бы статуя на земле.

101 Плачутся праведные старцы,
Зачем дожили до такого горя;
Блаженными славят павших
Святым прахом в землю в давние годы.
А юные удалцы,
Не гадая, кому жить, кому нет,
Презирая зрелые разумы,
Отовсюду спешат к раскатам стен —

102 Бароны и паладины,
Короли, князья, графы, маркграфы, рыцари,
Здесь и пришлые,
На смерть готовые за Христа и свою честь.
Чтоб ударить на басурман,
Просят государя опустить им мост;
Радуется державный их пылу,
Но на вылазку им не позволил.

103 Он велит им быть по должным местам,
Чтобы нехристям не было прохода —
Инда и немногих довольно,
Инда не достанет и полка.

287 *Тот сказал бы, сколько стволов...* — Ср.: *Вергилий. Георгики*, II, 105 — 108.

Кому велено, готовят огонь,
А где надобно, ставят камнеметы.
Карл повсюду, и нигде не мешкает,
Всем он в помощь, всем в оборону.

104 А стоит Париж средь большого поля,²⁸⁸
В средоточье Франции, в самом сердце,
И течет по нему река,
Входит в стены и выходит из стен.
Есть на той реке остров,
Лучшая и вернейшая твердыня,
А по двум берегам — два предместья,
Каждое от берега до стены и рва.

105 Стена выгнулась на многие версты,
И немало в ней мест для приступа,
Но не хочет Аграмант расточать войска,
И становится за рекою,
Чтоб ударить разом
С запада,
Ибо там за ним до самой Испании
Все покорны и земли и города.

106 А навстречу ему великий Карл
Вкруг стены выводит крепь за крепью:
Что ни холм — окоп, за окопом — прокоп,
А в окопе — крытая кровля.
Где входит Сена в стены, где выходит из стен, —
Тяжкие протягиваются цепи.
Где опасней место,
Там и больше государю забот.

107 Зорче Аргуса сын Пипина²⁸⁹
Видит, где ударит Аграмант, —
Что ни измыслит сарацин,
На всякий замысел наготове отпор.
А в поле стоит Марсилиий,
А за ним в оружии вся Испания,
С ним Феррагус, Изольер, Серпентин,
С ним Фальзирон, Балугант и Грандоний,

108 А по левую руку, по-над берегом,
С ним Сабрин, Пулиан, Дардинель,
С ним оранский король, -
Исполин в шесть локтей от темени до пят;
Ах, зачем не столь я
Быстр пером, как они — мечом!

288 *Есть на той реке остров...* — Остров Ситэ.

289 *сын Пипина...* — Карл Великий. *Пипин* Короткий — первый король франков из династии Каролингов (751 — 758).

Ибо здесь и Родомонт, горд и гневен,
Весь — нетерпенье, хула и крик.

Начинается приступ.

109 Как на дойницы пастухов,²⁹⁰
Как на сладкие остатки пира
С гулким гудом налетают жужжащие
Мухи в докучный зной;
Как скворцы на тычины,
Красные от зрелых гроздьев, —
Так, взметнув до звезд гик и крик
Понеслись на приступ ярые мавры.

110 А на них со стен Христово воинство
Клинком, пикой, топором, камнем, пламенем
Бьет без страха, держит стены,
И ничто им вражеская спесь:
Где собьют одного, убьют другого —
Смел на смену третий и четвертый.
Рушатся сарацины в ров,
А на них градом раны и удары.

111 Бьет сталь, давят глыбы,
Цельные обваливаются зубцы,
Вывороченные камни из стен,
Кровли башен, балки помостов;
Плещет кипящая вода,
Жар и пар ее варварам невмочь,
Ливнем она неодолимым
В щели шлемов вжигается и слепит,

112 Железо ее не злей;
А еще и тучею взвивается известь,
А еще и пышут горшки
Смолой, маслом, серою, скипидаром;
Обручи с огненными ободьями
Не ждут часа, катятся с раската
Яростными гривами вразноей,
Жгучими венцами венчая мавров.

Подвиги Родомонта.

113 А царь Сарзы
Ринул на приступ вторую рать —
С ним Буральд, с ним Ормид,

Гарамантский один, другой Мармондский,
С ним Кларинд, и с ним Соридан,
Не в отлучке и властелин Сеуты,
Король Коски, король Марокко,
Каждый зная цену своей доблести.

114 Знамя над Родомонтом червонное,
Распростерт на знамени лев,
Ярой пастью
Приемлющий от красавицы укрощающую узду.
Лев — это он,
А смиряющая его дама —
Самая та прекрасная Доралиса,
Гранадского дочь Стордилана,

115 Которую у него уже похитил
Мандрикард — я сказал, когда и где;
Любил ее Родомонт
Больше царства, больше божьего света,
Для нее блистал вежеством и доблестью,
А не знал, что она под чужой силой.
Знал бы — давно бы он
Сделал то, что невдолге он и сделает.

116 Разом вздыбилась тысяча лестниц,
По два воина на каждую ступень,
Средний кверху колет верхнего,
А его неволит снизу нижний;
Кто из пыла, а кто из страха,
Каждый ломит в бой,
А кто медлит, того алджирский
Лютый Родомонт или ранит или убьет.

117 Каждый меж огня и обвала
Рвется ввысь, на гребень стены;
Но иные высматривают, где бы
Легче путь и подступней ход,
И только Родомонт,
Гнушается безопасностью,
И когда на устах в злой час отчаянья
У других мольба, у него — хула.

118 Облегла его крепкою броней²⁹¹
Драконья чешуйчатая шкура;
Ею одевал грудь и плечи
Его пращур, зиждитель Вавилона,
Мнивший вырвать власть над звездной твердью,
Выгнав бога из золотого чертога;
И на тот же выковал он умысел

291 *Его пращур, зиждитель Вавилона...* — Немврод, в Ветхом Завете богатырь и охотник, в последующей традиции — богоборец, строитель Вавилонской башни.

Шлем и щит и несравненный клинок.

119 Родомонт не меньше Немврода,
Яростен, горделив, неукротим;
Будь для смертных дорога в небо,
Он и мига бы не дрогнул перед восходом.
Он не медлит, где крепче, где не крепче
Стены, и мельчит ли брод во рву —
Он бегом, он лётном
По горло в воде прорывается через хлябь;

120 Мокрый, в иле,²⁹²
Мчит в огонь, под камни, стрелы, бревна —
Так кабан
В камышах болотной нашей Малей
Грудью, лбом, клыком
Ломит путь свой, куда ни повернет.
Вскинул сарацин над собою
Щит и не боится ни стен, ни бога.

121 Только он из воды —
И уже он на том помосте,
Где за зубьями охранной стены
Во всю ширь толпятся франкские рати.
Тут-то потрещать черепам,
Тут-то быть гуменцам шире монашских:
Летят в воздух руки и головы,
Красные потоки рушатся в ров

122 Щит — прочь, в руки — меч,²⁹³
Пред мечом — голландский Арнольф
Из тех мест, где Рейн
Ниспадает в соляной затон, —
И нет злополучному защиты,
Словно сере под ожогом огня:
Падает в смертной корче,
Раскроенный от темени по грудь.

123 Под одним ударом рушатся
Ансельм, Альдрад, и Спинелл, и Пранд:
Места мало, людям тесно,
Что ни взмах, то и пир клинку.
Двумя осиротела Фландрия,
Двумя — нормандское племя;
А уже и майнцкий Оргетт
Разрублен по грудь и с груди по живот;

292 *Малей*. — Заболоченная местность недалеко от устья По.

293 ... *голландский Арнольф*... — Этот персонаж, как и почти все в следующих октавах, существует только в рамках данного эпизода.

124 Летят с гребня Андропон и Москин²⁹⁴
В водный ров: один — иерей,
А другому нет бога, кроме Бахуса,
Перед ним враз пустели бочки,
А воды он боялся,
Как змеиной крови и яда;
Вот он тонет и об одном горюет,
Что пришлось умирать в воде.

125 Взрублен надвое провансский Людовик,
Пронзен в грудь Арнальд из Тулузы;
Оберт, Клавдий, Гуг и Дионисий,
Все из Тура, испускают кровь и дух;
А за ними четверо из Парижа,
Гвальтьер, Саталлон, Одон и Амбальд,
И иные многие, и для всех
Не упомяну я имена и родины.

Идет бой за второй ров и вал.

126 Напирает толпа за Родомонтом
По всем всходам, во всех местах.
Больше нет им от парижан отпора —
Первая оборона не оберегла.
Но и то знают защитники,
Что врагу еще не шуточен бой,
Потому что за первую стеною
Зиял ров, а за ним второй оплот.

127 Отбегают они, отбиваются они
Снизу вверх, и все та же в них отвага,
А уж новый строй на новый бой
Нависает с внутренней кручи,
Грядой копий и градм стрел
Так ударив в басурманское полчище,
Что врагу бы и не выстоять,
Кабы не был с ним Улианов Родомонт.

128 Иных он бодрит, иных он бранит
И всех через силу гонит наперед,
А кто поворотит к бегству,
Того бьет инда в лоб, а инда в грудь,
Теснит, толкает,
За плечо, за горло, за хохол,
И стольких швыряет с кручи,
Что уже им тесен польный ров.

294 *Москин*. — Прозвище Антонио Маньянино, современника Ариосто и его знакомого, прославленного феррарского пьяницы.

129 А пока спускается,
Пока рушится полчище в опасную глубь,
А оттуда всходнями
Сияются вылезти на второй раскат, —
Король Сарзы,
Как на крыльях,
Вскинул мощное тело в тяжких латах
И одним скачком перелетел через ров.

130 Тридцать футов было в том рву —
Он над ними взмелся, как борзая,
А на том краю
И не лязгнул, как войлок тих по войлоку;
И пошел крушить влево и вправо,
Дробя железные латы,
Словно оловянные скорлупы —
Таков клинок, такова рука!

131 Но тогда-то наши витязи,
В полый пропасти затаившие подвох,
Снесши хворост, вязанка на вязанку,
Все в смоле,
Ни единым прутиком не наружу,
Хоть легли они по двум стенам рва
С темной глуби и до верхнего поровня,
А меж ними — несчетные черепья

132 С серою ли, с маслом ли, с селитрою ли,
С иною ли огненною снедью, —
Тогда-то, сказал я, наши витязи,
Чтоб не впрок сарацинам
Было рваться из рва по лестницам
В бешеном пылу на второй раскат,
Как слышали знак с урочных звонниц,
Запалили пальники и тут и там.

133 Пыхнули пламена единым пламенем,
Полонили ров от берега до берега,
Выметнулись ввысь,
Осушая влагу лунного лона,
Облаком всклубился темный дым,
Затмевая солнце и белый день,
Треск пошел за треском,
Множась в гром, грозный и зловецкий;

134 Дикое созвучие, страшный лад
Вопля, воя, скрежета, крика
Бедных смертников,
Гибнущих во рву от вины вождя,
В странное сливались согласие
С гордым гулом убийственного огня...
Но полно, господин мой, полно:

Хрипнет горло, нужно отдохнуть.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ (АСТОЛЬФ)

Песнь XV

Карл отбивает войско Аграманта. На дальнем плане — Астольф отплывает от острова Логистиллы

Вступление.

1 Победа всегда прекрасна,
От умения ль она или от случая,
Но чем больше крови,
Тем меньше победоносному лавров;
И та лишь вековечна слава,
Божеских достойная честей,
Когда вождь сбережет свои дружины,
А врага повергнет под пятаю.

2 Такова, государь, ваша победа,²⁹⁵
Когда Льва, свирепого по морям,
Распростершего мощь свою вдоль По
От устья до нашего Франколина,
Вы взнуздали так, что львиный рык
Нам не в страх, когда вы над нами.
Вот пример для всех, кто победен:
Враг погиб, свои спасены.

Войско Родомонта пожжено,

3 А язычнику это не далось —
Дерзкий на беду, спнул он ратных
В ров, где пламя мгновенное и жадное
Всех пожрало, никого не обошло.
Стольких тел
Не вместил бы ров,
Но огонь изгрыз, изглодал их в прах,
И тогда сыскалось место для каждого.

4 Одиннадцать тысяч и двадцать восемь
Выжрало жаркое жерло;
Не было на то их воли,

²⁹⁵ Такова, государь, ваша победа... — Ариосто второй раз (см.: III, 57) вспоминает о битве при Полеселле. Лев — Венеция. Франколин — селение на правом берегу По недалеко от Феррары.

А воля была немудрого вождя.
В блеске, в треске
Гибли они в челюстях пламени,
И лишь винный в их погибели
Миновал мучения — Родомонт,

5 Дивным перестигнув скачком
К закопному вражескому склону,
А сойди он с прочими в пропасть,
Тут бы приступу его и конец.
Обернулся на адский дол,
Видит пламя, плещущее ввысь,
Слышит крик и стон своего люда
И рычит в небеса буйную хулу.

а войско Аграманта встречено Карлом.

6 А в тот час король Аграмант²⁹⁶
Двинул рати на градские ворота:
Знав, какая на другом рубеже
Злая брань пылает столькими мертвыми,
Чаял он, что здесь
Безохранно негаданное место.
А при нем — Бамбираг, король Арзиллы,
Баливерс, всех пороков первый друг,

7 Кориней из Мульги, изобильный
Прусион, царь Блаженных островов,
И Малабуферс
Из Феццана, где бескрайнее лето,
И другие князья, и третьи,
В крепких латах, бывалые в войне,
А еще того больше — оробелых и бездоспешных,
Чьему сердцу мало и тысячи щитов.

8 Но иное предвиделось,²⁹⁷

296 *Бамбираг*. — О всех сарацинских вождях, упомянутых в этой и следующей октаве см. смотр войск в предыдущей песни.

297 ... и с паладинами... — Паладинов в эпической традиции двенадцать, но список их существенно варьируется (в «Песни о Роланде» это — Роланд, Оливьер, Самсон, Ансеис, Жерин, Жерье, Иворий, Ивон, Отон, Беранже, Анжелье, Жирар Руссильонский). И в этой октаве их двенадцать, при том что нет Роланда и Оливьера.

Соломон. — В эпической традиции король Бретани, паладин, упомянут в поздних (рифмованных) версиях «Песни о Роланде».

Оджьер-Датчанин — Герой французского эпоса («Подвиги Ожье Датчанина». XII в.; «Паломничество Карла Великого в Иерусалим», «Фьерабрас», «Ги Бургундский»). Основная его тема в эпосе — вражда с императором. Прозвище — результат фонетического искажения, но в дальнейшем он его оправдал, завоевав популярность в качестве героя датских баллад. Популярен был также в Испании, реминисценции испанского варианта его эпической биографии нашли отражение в «Дон Кихоте». Его отдаленный исторический прототип — Ауткарий Франк — участвовал в войнах наследников Карломана с Карлом Великим.

Два Гвидона... — Второстепенный персонаж каролинговых сказаний, Ги де Монфор, и, возможно, Ги Бургундский, герой одноименной поэмы (ок. 1230).

А иное увиделось сарацинскому вождю:
Был у тех ворот
Сам державный Карл, и с паладинами —
Соломон и Оджьер-Датчанин,
Два Гвидона, два Анджелина,
И баварский князь, и Ганелон,
И Оттон, Берленгьер, Авин и Аволий,

9 И без счета меньших
Французов, ломбардцев, немцев,
Каждый полк со своим вождем, и каждый
Рвется слыть удальцом меж удальцов.
Обо всем вам будет поведано,
Но не здесь, — мне к другому пора герою,
Он мне плещет, он издали зовет,
Он мне не велит покладать перо.

Тем временем Астольф получает от Логистиллы волшебные дары

10 Что ж! пора мне вернуться, где оставлен
Британец Астольф, неустанный в приключениях:
Долгая чужбина давно ему постыла,
Жажда о родине давно в нем как пожар,
А к тому подала ему надежду
Не сама ли Альцинина победительница?
Хочет она его воротить
Безопаснейшим путем и удобнейшим,

11 Снаряжает галеру лучше всех,²⁹⁸
Бороздивших сийее море,
А чтоб не было от Альцины
Недоброе случая помехою на пути,
Отправляет Логистилла с сильным флотом
Андронику и Софросину
Спешницами его благополучия
До Арабского или Персидского залива.

12 Плыть она велит ему вдоль²⁹⁹

... *два Анджелина*... — Одного, Анджелина из Бордо, упоминает Боярдо (Влюбленный Роланд, I, II, 37); второй — это, возможно, Анджелин ди Белланда, включенный Пульчи в список павших при Ронсевале (Моргант, XXVI, 78; XXVII, 13, 43).

... *баварский князь*... — Наим (см.: I, 8, прим.).

Ганелон. — Архипредатель каролингова цикла, организатор Ронсевальской трагедии. У Боярдо и Ариосто становится персонажем фона (у Пульчи и в предшествующей итальянской традиции роль его весьма заметна).

И Оттон, Берленгьер, Авин и Аволий... — Четыре сына Наима, у Боярдо и Ариосто всегда упоминаются вместе. Оттон и Беранже входят в число пэров «Песни о Роланде» (Авин и Аволий, видимо, соответствуют Ивону и Иворию из того же списка, но в дальнейшем у Ариосто появится еще один Ивон — XVIII, 10). Беранже в «Аспремонте» выступает как сверстник и товарищ Роланда.

298 *Андроника, Софросина*. — См.: X, 52, прим.

299 *Плыть она ему велит вдоль // скифов*... — Маршрут Астольфа: вдоль берегов Китая и Индии до

Скифов, ищдов и набатейских арабов,
А потом после долгого пути
Повернуть к Персиде и Эритрее,
Чем блуждать в той Бореевой пучине,
Где ветры неумны и злы,
И бессильно солнце
Встать порою месяцы и месяцы.

13 Видя все готовым,
Дозволяет фея принцу: плыви!
Но сперва наставляет наставлениями,
Слишком долгими моему рассказу,
И дает ему, чтобы спастись
От безвыходных сетей волхования,
Славную и надобную книгу,
Чтобы всюду с ним была от ее любви.

14 Сказано в той книге,
От каких заклятий как беречься,
А где что в ней раньше или позже,
На то есть оголовки и росписи.
И еще у нее для Астольфа
Всем дарам дар —
Это рог с небывалым звоном:
Кто услышит, никто не устоит.

15 Это рог с небывалым звоном:
Где ни грянет, все перед ним вспять, —
Нет такого храброго сердца,
Чтоб, услышав, не обратиться в бег.
Вихрь ли, гром ли, земной ли трус —
Все они ничто перед гулким.
И тысячу крат благодарствуя,
Феино напутствие принимает Астольф.

И ПЛЫВЕТ НА ЗАПАД.

16 От пристани, из тихих затонов,³⁰⁰
С добрым ветром прямо в корму,
Вдоль обильных весей и людных градов
Ароматной Индии плывет пловец
Мимо россыпей островов налево
И направо, пока не видит
Того берега Апостола Фомы,

Персидского залива, где он высаживается на сушу и пересекает Аравию в направлении Суэцкого перешейка.
Набатейские арабы — см.: I, 55, прим.

300 *Того берега Апостола Фомы...* — Фома, один из двенадцати апостолов, по преданию креститель Индии, принял мученичество недалеко от Мадраса.

От которого кормщик берет к северу.

17 Бок в бок Золотого Херсонеса,³⁰¹
Доль в доль драгоценных побережий
Славные суда по большой воде
Вновь и вновь видят в море пену Ганга,
Видят, как узится пучина
Между Коморином и Тапробаною,
Доплывают до Кочина, а тут
И конец индийским пределам.

18 Так скользя Астольф по волнам
Меж надежными и верными спутницами,
Хочет знать и спрашивает Андронику:
Из закатных стран
В эти зорные моря заплывал ли
Хоть какой челн на веслах и под парусом?
И мыслимо ли вплавь
Доспешить от Индии до бриттов и франков?

Ему пророчествуют о Новом Свете

19 Отвечает Андроника: «Знай,³⁰²
В океанском лежит земля объятии,
И волна сливается с волной
От кипящих морей до ледовитых;
Но как эфиопская Африка
Разбежалась вширь далеко на юг,
То иные и молвили,
Что на тех местах от Нептуна запрет.

20 Оттого-то ни с индийского Востока
Не пытаются к европейским берегам,
Ни в Европе мореплаватель
Не надежен достигнуть наших мест:
Земная гряда препоною
Нудит вспять и этих и тех,
Дальностью убеждая верить,
Будто пояс ее обомкнул весь круглый мир.

21 Но в круженье лет³⁰³

301 ... Золотого Херсонеса... — Полуострова Малакка. ...пучина // Между Комарином и Тапробаною... — Манарский залив между островом Цейлон (Тапробана) и мысом Коморин.

302 Что на тех местах от Нептуна запрет. — Т. е. что Африка служит преградой к соединению Индийского и Атлантического океанов. Точка зрения античной географии.

303 Вот иные, огибая Африку... — Плавание Васко да Гамы (1497). И минуют тот рубеж... — Пересекают тропик Козерога, достигнув которого в период зимнего солнцестояния солнце поворачивает обратно, к тропику Рака.

Прозираю я: от крайнего Запада
Новые плывут аргонавты,
Проторяя путь, неведомый днесь.
Вот иные, огибая Африку,
Правят вдоль чернокожих берегов
И минуют тот рубеж, от которого
Возвращает к нам солнце зимний Козерог,

22 Чтоб в конце большого пути³⁰⁴
Им раскинулись смежные моря,
А потом берега и острова,
Где индийцы, и арабы, и персы.
Вот иные, налево и направо
Оставляя Геркулесовы труды,
Чертят круглый путь вслед за солнцем
И находят новый край и новый свет.

23 Вижу: святой крест, вижу: кесарский³⁰⁵
Стяг взнесен на зеленом берегу;
Вижу: избраны иные блюсти суда,
А иные покорять большие страны;
Вижу: от десятков бегут тысячи, вижу:
Заиндийские царства пали пред Арагоном
И вожди государя Карла Пятого
Где ни ступят, там и торжество.

24 Божья на то воля — ³⁰⁶
Быть тому пути скрыту
И досель, и отсель, пока шестое
И седьмое не минет столетие;
А явиться в пору,
Когда спрянет мир в одну державу
Под державцем мудрейшим и праведнейшим
Со времен capitoлийского Августа.

и о Карле V с его полководцами.

25 От австрийской и арагонской крови³⁰⁷

304 *Вот* иные... — Плавания Христофора Колумба (1492, 1493 — 1496, 1498 — 1500, 1502). *Оставляя Геркулесовы труды* — Проплывая через Гибралтарский пролив.

305 *Вижу... кесарский // Стяг...* — Имеются в виду походы конкистадоров, приведшие к установлению испанского владычества в Центральной и Южной Америке.

Карл Пятый. — Император Священной Римской империи (1519 — 1556), король Испании под именем Карла I, король Сицилии под именем Карла IV. Во время его царствования произошло завоевание Мексики и Перу.

306 *Под державцем мудрейшим и праведнейшим...* — Окт. 18 — 36 были добавлены Ариосто в третье издание поэмы. Время, когда они писались (1526 — 1532) — период наибольшего сближения Феррары с Карлом V.

307 *От австрийской и арагонской крови...* — Карл V по отцу (Филиппу I Красивому) — Габсбург (и таким образом эрцгерцог Австрийский), по матери (Хуане Безумной) — наследник арагонских королей (Хуана — дочь Фердинанда Арагонского). Родился Карл 24 февраля 1500 г. в Генте. *Астрея.* — См.: III, 51, прим.

По левую руку Рейна
Встанет властный, доблестями превыше
Всех доблестей писанных и петых.
Это он восставит Астрею
Из смерти в жизнь, из гонения на трон,
И с нею отринутые миром,
Под его рукой воскреснут добродетели.

26 По таким заслугам вышняя Благость³⁰⁸
Возвеличит его диадемою
Не над тою лишь державою, над которою
Были Август, Траян, Марк и Север,
Но над всеми окраинами света,
Где ни солнца, ни смен времени,
Чтобы стало под этим властелином
Едино стадо, один пастырь.

27 А чтоб легче одержали верх³⁰⁹
В вечном небе писанные уставы,
Даст ему вышнее Провидение
Необорных вождей на морях и сушах.
Вот Эрнанд Кортес,
Повергший под кесарские указы
Столь восточные города и царства,
Что и нам они неведомы в Индии;

28 Вот Проспер Колонна, вот маркиз³¹⁰
Пескары, а вот за ними следом
Юный из Васта, кем милая Италия
Дорого станет франкским лилеям.
Вот я вижу:
Третьим он рвется к лавровому венцу —
Как скакун, последний от черты,

308 *Август*. — Римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.)

Траян. — Римский император (98 — 117). *Марк*. — Марк Аврелий, римский император (162 — 180).

Север. — Септимий Север, римский император (193 — 211).

Но над всеми окраинами света... — Ср.: «Август Цезарь... пределы державы продвинет... в те земли, где не увидишь светил, меж которым движется солнце» (*Вергилий*. Энеида, VI, 792-796).

Едино стадо, один пастырь. — Ср.: «И будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн, X, 16).

309 *Вот Эрнанд Кортес...* — Эрнан Кортес (1485 — 1547), завоеватель Мексики.

310 *Вот Проспер Колонна...* — Просперо Колонна (ум. 1523). известный военачальник, двоюродный брат Фабрицио Колонна (см.: XIV, 4), отличился в битве при Бикокке (1522).

... маркиз // Пескары... — Франческо д'Авалос (1490 — 1525), маркиз Пескары, главнокомандующий имперскими войсками в Италии после Просперо Колонны. Под Равенной (см.: XIV, 2) был взят в плен, в 1513 г. овладел Падуей, сражался при Бикокке, победитель французов в битве при Павии (1525).

Юный из Васта... — Альфонсо д'Авалос (1502 — 1546), маркиз Васто (место в Абруцци), двоюродный брат Франческо (семейство д'Авалос — знатный испанский род, перебравшийся в Италию в середине XV в.), полководец на службе Карла V (командовал войсками с двадцати трех лет), участник битв при Бикокке и Павии, губернатор Милана. Ариосто встречался с ним в октябре 1531 г.: он от имени герцога феррарского просил у маркиза как у командующего имперскими войсками защиты от папы Климента VII. Ариосто подарил Альфонсо один из первых трех экземпляров поэмы издания 1532 г. Ср.: XXXIII, 47.

Настигает, опережает. И вот он — первый.

29 Этот юный — имя ему Альфонс —
Таков доблестью, таков верностью
Даже в сильные свои годы,
Счет которым не сверх двадцати и шести,
Что доверит государь ему воинство,
Зная:
Сохранив его, сохранит он все,
И весь мир ему склонится покорствовать.

30 Как этими возвеличит он вождями³¹¹
Державу на сухих ее путях,
Так и в море, которое замкнулось
Меж Европой и солнечною Африкою,
В каждой будет он победен войне,
Пока друг ему — Андрей Дориа,
Дориа, кем станет безопасно
Ваше море от разбойных хищников.

31 Не такая хвала довлеет³¹²
И Помпею, смирителю пиратов,
Ибо не были вровень те пираты
Силе царства, сильнейшего в веках;
Этот же — исцелит большое море
Лишь своим умом и своей десницею,
Но от Кальпы до Нила
Дрогнут берега пред громким именем.

32 Вижу, как, храним³¹³
Верностью названного и флотом,
В им раскрытые врата Италии
Вступает венчаться Карл.
Вижу: простертую награду
Не себе герой приемлет, но согражданам,
Вымолив для города вольность,
Где иной бы подмял его под власть.

311 *Андрей Дориа*. — Андреа Дориа (1468 — 1560), итальянский флотоводец, был на службе у папы Иннокентия VIII, у короля Неаполя, сражался со средиземноморскими пиратами (см. след. окт.), снарядив на собственные средства двенадцать галер, служил у французов (и в 1524 г. нанес тяжелое поражение флоту Карла V), в 1528 г. перешел к императору. Карл V поручил ему захватить Геную. Известен подавлением заговора Фиески (1547), направленного против установленного им в Генуе олигархического режима. Участвовал во взятии Туниса (1531).

312 *И Помпею, смирителю пиратов...* — Гней Помпей Великий (106 — 48 г. до н. э.) в 67 г. получил чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами и в три месяца очистил от них Средиземное море. *Кальпа*. — Гора на испанском берегу Гибралтарского пролива, один из Геркулесовых столпов (вместе с противоположащей на африканском берегу горой Авила).

313 ... *Вступает венчаться Карл*. — В 1529 г. Карл V отплыл из Барселоны на корабле Андреа Дориа, высадился в Генуе и принял в Болонье из рук папы Климента VII королевскую корону.

Вымолив для города вольность... — Дориа отказался от генуэзской синьории, предложенной ему императором, и сохранил в городе республиканский строй.

33 Не славней ли такой труд для отечества³¹⁴
Всех побед
Древнего Юлия в Галлии, Фессалии,
Африке, Испании и вашей земле?
Ни Октавий, ни ратный его соперник
Столькой не снискали бы хвалы,
Ибо меркнет слава,
Когда взносится сила на отечество.

34 Кто отчизну из вольности ввергнет в рабство, —³¹⁵
Краснеть тому от стыда,
И не смей тому вскинуть очи,
Слыша имя Андрея Дориа!
Вот, я вижу: сугубится награда,
И сверх блага, общего с соотчичами,
Карл ему дарует тот обильный край,
Из какого стал норманн велик в Сицилиях.

35 И не только к нему, военачальному,
Блещет щедростью веледушный государь,
Но и к всем, чья кровь
Не скудела на кесарские подвиги.
Верного одарить
Городом или краем
Ему радостней, чтущему достойных,
Чем умножиться царствами и державствами».

36 Таково гласила о победах
Через много грядущих лет
Новому Карлу от его вождей
Андроника пред британским наследником,
А меж тем на восходные ветры
Налагала и отпускала удила,
И меняла попутный на попутный,
И взвевала то слабей, то вольней.

Он достигает Египта,

314 *Всех побед // Древнего Юлия в Галлии...* — Юлий Цезарь (101 — 44 г. до н. э.) завоевал Галлию в 58 — 51 г., в 55 г. — Британию (зд. «ваша земля», земля Астольфа, английского принца), в 48 г. разбил Помпея при Фарсале (в Фессалии) и сторонников Помпея в Африке (46) и в Испании (45).

Октавий — Октавиан Август (см.: выше, окт. 26, прим.), победитель в гражданской войне с республиканцами (42 г. до н. э.) и с Марком Антонием (31 — 30 г. до н. э.).

... ратный его соперник... — Марк Антоний (см.: III, 33, прим.), сподвижник Цезаря, союзник, а затем соперник Октавиана.

315 *... тот обильный край...* — Мельфи (в Базиликате), первое владение норманнов в Италии (XI в.), откуда они двинулись на завоевание Калабрии, Апулии и Сицилии.

37 Вот уже Персидское море³¹⁶
Простирается им в великую ширь,
Вот они в немногие дни
Приплывают в залив Святых Волхвов,
К пристани кормою
Ходкие приваливают корабли —
А отселе, без страха пред Альциною,
Держит вдаль Астольф по сухому пути.

38 Много он полей, много рощ,
Много долов и много минует гор,
Где не раз темной ночью и белым днем
Налетают наездники в упор и в догон;
Видит львов, ядовитых видит змей,
И иные на тропе его хищники;
Но у губ быстр рог —
И в трепете встречные врассыпную.

39 По Счастливой едет он Аравии,³¹⁷
Дышащей фимиамом и миррою,
Где приют себе избрала
Птица Феникс, единственная в свете;
Вот пред ним и Красные волны,
Божьей волею в месть сынов Израиля
Поглотившие Фараона с его воинством;
А отселе путь его в Град Героев.

40 Вдоль Траянова он скачет протока,³¹⁸
Под седлом его конь не знает равных,
Так он легок выступом и выбегом,
Что под ним ни песок не в сыпь,
Ни трава не смята, ни снег не сбит,
Над волной летит, не смочив копыта,
Так он стелется, что не в мочь ему вслед
Ни стреле, ни ветру, ни молнии.

41 Имя коню — Рабикан,³¹⁹

316 ... *залив Святых Волхвов*... — Зал. Бахрейн, в древности назывался заливом Магов, от особого мидийского племени, положившего начало жреческой касте у персов. На Западе евангельские волхвы были отождествлены с персидскими магами.

К пристани кормою... — Ср.: «Кормою к берегу встали длинным рядом суда» (Вергилий. Энеида, VI, 4 — 5).

317 *По Счастливой едет он Аравии*... — «Счастливой Аравией» называлась в древности плодородная (*felix* от *fecundus*) часть Аравийского полуострова в отличие от пустынных его районов. *Феникс*. — В греческой мифологии волшебная птица, срок ее жизни — пятьсот лет; когда он подходит к концу, птица сжигает себя и возрождается из пепла. Место ее рождения — Эфиопия, Египет или Аравия.

...единственная в свете... — Ср.: «Феникс, в мире один» (Овидий. Любовные элегии, II, VI, 54, пер. С. Шервинского). *Красные волны*. — Согласно библейскому сказанию (Исход, XIV, 21 — 29), Красное море расступилось перед евреями, бежавшими из Египта, но поглотило войско фараона, посланное за ними в погоню. *Град Героев*. - Героополь, город у Суэцкого залива.

318 *Траянов проток*. — Канал из Нила в Суэцкий залив, восстановлен императором Траяном.

319 *Рабикан*. — См.: VII, 77, прим.

Он ходил когда-то под Аргалием,
А рожден от огня и ветра,
А напитан не овсом, а чистым воздухом.
Скачет рыцарь на Рабикане верхом
По Траянову берегу к Нилу,
И еще не досказал он до устья,
Как вдруг видит: плывет к нему кораблик,

где живет людоед Калигорант.

42 На корме кораблика — отшельник,
Белая до пояса борода,
Зовет он к себе паладина,
Кличет его издали: «Сын мой,
Если жизнь тебе не надоела,
Если смерть принять не охота,
То плыви со мною на ту сторону,
А на этом пути тебе погибель.

43 Не проедешь ты шести верст,
Как заедешь на лютую засаду,
А в засаде — злой великан,
Семь локтей от темени до пят.
От него уйти
Нет надежды ни конному, ни пешему:
Он кому вгрызется в горло, с кого сдерет кожу,
Тех разорвет на части, этих сглотнет живьем.

44 У злодея жестокая забава —
Выплел он умелую сеть
И раскинул невдали от пещеры,
Пыльным притаив ее песком —
Кто не знает, тот не заметит,
Какова она тонка и крепка.
Кто ни мимо, на того он с криком,
Тот шарахнется, и мигом в плену.

45 А терзатель с хохотом
Тащит запутавшихся в свой дом,
Будь то рыцарь, будь то девица,
Будь то подлый или большой человек.
Сложет мясо, высосет кровь и мозг,
А кости разметет по безлюдью;
Где ни взглянь, человечьи кожи —
Страшное убранство его жилья.

46 Сверни, сынок, свороти, сынок,
И спокойно правь до самого моря!»
А паладин бестрепетно отвечает:

«Спасибо, отец, за добрый совет,
Но такая забота об опасности
Мне не в честь, а честь дороже жизни.
Не трать слов:
Не сверну, а поеду прямо к логову!

47 Отступив, спасу я жизнь, но не честь,
И такое спасенье — хуже смерти;
А не отступив — что встречу худшее?
Лягу мертвым с прежними мертвыми!
Но быть может, Господь меня направит,
Ляжет враг, а я выйду жив
И открою этот путь многим тысячам —
Значит, больше мне выгод, чем невыгод!

48 Взмерь-ка разность, смерть ли одному,
Избавление ли многому множеству?»
Говорит отшельник: «С богом, сын мой,
И да будет бдителем над тобой
Страж небес, Михаил Архангел!»
И благословил в простоте души.
Астольф правит по Нильскому берегу,
Сам в надежде не на меч, а на рог.

49 Видит: между водью и топью³²⁰
По песку бежит узкая тропа,
А в конце — одинокий дом, как замок,
И кругом — ни души человеческой;
Лишь со всех сторон пригвождены
Руки, ноги, головы бедных путников —
Ни окна в стене, ни зубца на стене,
Из которого не смотрело бы мертвое.

50 Как охотник в Альпах,
Одолев большую беду,
Прибывает на ворота медвежью
Злую лапу, толстый череп, шкуру в космах, —
Так казал нещадный людоед
Тех отважных, кому пришлось с ним встретиться.
А вокруг без счету белые кости,
И в канавах по край людская кровь.

Астольф одолевает его

51 На пороге — Калигорант:
Так зовут кровожадного, который
Дом срой трупами украшает
Как иные — пурпуром и золотом.

Завидев герцога,
Он кипит ликованием,
Ибо вот уже два месяца и третий,
Как ни всадника не было на тропе.

52 Он стремглав бросается
Через топь в камышевую темь —
Забежать врасплох
И ударить витязю в заплечье,
А потом залучить его в тенета,
Затаенные под песком,
Как всех прочих, кого злая судьбина
Наводила на этот путь.

53 Усмотрев нападчика,
Натянул паладин узду,
Стережась, не ступить бы в сеть,
О которой его сведомил добрый старец,
А рог — в рот,
И рог гремит безобманно:
Дрогнул исполин
И вспять со всех ног без удержки.

54 Трубит Астольф, но следит Астольф —
Все ему мерцает ловчая снасть;
А людогуб бежит, не глядя, куда —
Ни духа в груди, ни света в очах,
И от непроглядного ужаса
В неминуемую свою западает западню,
Схлестывается сеть,
Он в узлах, и он на земле.

55 Взвидевши рухнувшую тушу,
Без опаски, меч из ножен,
Набегает британец отомстить
За несчетные губленные души, —
Но глядит и видит: беспомощного убить
Слыло бы не доблестью, а подлостью,
Коли он по рукам, ногам и горлу
Непошевелимыми сужен узами.

56 Эти узы выковал Вулкан³²¹
Тоньше тонких, но такую выковкою,
Что ни малого не разъять звена,
Суетно усилиясь.
Этими он узами оковал
Из единой ревности
Марса и Венеру, по рукам и ногам
Приточив их к преступному их ложу.

321 *Эти узы выковал Вулкан...* — Пленение Гефестом (Вулканом) неверной жены и любовника — сюжет «Одиссеи» (VIII, 272 слл).

57 А потом у ковщика эту сеть³²²
Скрал Меркурий, чтобы пленить Хлориду,
Хлориду, которая Авроре
Мчится вслед перед солнечным лучом
И из гнутых складок
Сеет лилии, розы и фиалки.
На лету подстерег ее Меркурий,
И не без улова стала сеть,

58 А была та ловля,³²³
Где в семь уст эфиопский льется Нил.
А потом та сеть
На века легла в Каноп во храм Анубиса,
А три тысячи лет спустя
Переял святыню Калигорант,
Выхватил нечестивец сеть,
Пожег город и разорил капище.

59 Эту сеть и раскинул он в песке,
Чтоб не минуть бы ее никоторому
Из травимых, а кто ее хоть тронет,
Тот уже не вызволит ни рук, ни ног.
Отымает Астольф от сети цепь,
Вяжет скованному руки за сцину,
Грудь и локти оставляет в путах,
Чтоб не вырвался, и велит ему: «Встань!»

60 От лодыжных избавленный узлов,
Встал злодей безропотно, как девушка.
И решил Астольф повести его напоказ
По городам, и селам, и замкам,
А ту сеть,
Тоньше коей не ковано под молотом, —
Чтоб он нес на себе, как пленник,
В триумфальной ведущийся череде, —

и приводит в Каир.

61 И чтоб нес он и шлем, и щит,
Как слуга по пятам за хозяином.
С тем и в путь; и куда ни ступит,
Все ликуют, что дорога свободна.
Едет Астольф дальше и видит
Пред собою мемфисские гробницы,

322 *Хлорида*. — Идентична римской Флоре, богине весеннего цветения.

323 *Каноп*. — Город в западной части Нильской дельты, недалеко от совр. Абу-Кира. *Анубис*. — В египетской мифологии бог-покровитель умерших, почитался в образе шакала или собаки.

Мемфисские знаменитые пирамиды,
А на том берегу — многолюдный Каир.

62 Народ толпится
Посмотреть на укрощенного великана;
«Статочно ли, — толкует, —
Такой маленький, а взял такого большого!»
Теснятся справа и слева,
Не дают ни проехать, ни пройти,
Дивуются, рукоплещут
И славят за небывалую доблесть.

63 А Каир был не так еще велик,
Как о нем рассказывают нынче,
Что улиц в нем восемнадцать тысяч,
И то не вместить всего народу,
А дома в нем по три жилья,
И то многие спят под чистым небом,
А султан живет в большом замке,
Ни богаче нет, ни прекраснее,

64 И при нем пятнадцать тысяч ближних,³²⁴
Все — Христовы вероотступники,
Все с женами, и с детьми, и с конями,
И все под одну кровлею!
Собирается Астольф посмотреть,
Где и как льется Нил у Дамиэтты
В соленую заводь, потому что
Слышал он: и там нет людям ходу,

Он встречает колдуна Оррилла,

65 Оттого что над самым нильским устьем
Стоит башня, а в ней разбойник,
Гроза всех и сельских и путников
Оттуда до самого Каира:
Никто супротив него не выстоит,
Нет на него (молвят) погибели:
Сто тысяч на нем ран,
А все из него душа не вынется.

66 Вот чтобы изведать, не можно ли³²⁵
Перерезать Парке нить его дней,
Отправляется Астольф на Оррилла

324 *Все — Христовы вероотступники...* — Мамлюки, невольники тюркского, черкесского и грузинского происхождения, составлявшие гвардию султанов династии Айюбидов. В 1250 г. пришли к власти в Египте и Сирии, уже при жизни Ариосто (1517) династию мамлюкских султанов прервало османское завоевание. *Дамиэтта*. — Правый рукав дельты Нила.

325 *Орилл*. — Персонаж «Влюбленного Роланда».

(Так он звался) к самой Дамиэтте,
А оттуда — к Нильскому устью,
На берегу которого — башня,
Где живет заколдованный, родившись
От феи и нечистого духа.

67 Глядь, а здесь уже рубятся и бьются³²⁶
Два наездника и Оррилл;
Наседает один на двух,
Так, что те едва отбиваются,
Хотя битвенная их слава
Целому ведома свету:
Это — Оливьеровы два сына,
Белый Грифон и черный Аквилант.

68 Правда, что колдун вышел к бою³²⁷
С большою себе подмогою:
С хищным зверем,
Который лишь в тех местах и водится:
Живет в Ниле, живет на берегу,
А кормится человеческими туловами
Плавающих и путешествующих,
Которые не остереглись и которым не повезло.

69 Зверь, уж мертвый
От двух братьев, лежал на том песке,
А они рубили Оррилла,
А Орриллу от них хоть бы что:
Сколько ни рублен, ни разу не гублен,
Можно рубить, а нельзя убить.
Отсечешь ему руку или ногу,
А он ее приставит — и как к воску воск.

70 До зубов раскроит его Грифон,
По грудь — Аквилант,
А колдун лишь смеется под ударами,
И обидно им, что втуне их труд.
Кто видел живое серебро,
У алхимиков зовомое Меркурием,
Как разбрызнется оно и вновь сольется,
Тот припомни это на мой сказ.

326 *Белый Грифон и Черный Аквилант.* - Персонажи итальянской эпической традиции. Сыновьями Оливьера (см.: XVII, 16. прим.) их впервые делает Боярдо, до него они считались детьми Рикардста, брата Ринальда, и крещеной сараинки Гисмонды. В младенчестве одного похитил гриф (отсюда Грифон) и отнес ко двору Марсилия, где он и был воспитан; другого -орел (отсюда Аквилант), доставивший его в Константинополь. Одного полюбила Белая фея, другого — Черная (отсюда их прозвища). В данном эпизоде мы имеем очередной сюжетный стык с «Влюбленным Роландом», где рассказывалось, что феи-покровительницы рыцарей, предвидя сужденную им во Франции гибель, решили удержать Грифона и Аквиланта на Востоке с помощью бесконечного боя (так как противник их по сути бессмертен). У Боярдо эпизод обрывается на появлении неизвестного рыцаря в обществе закованного в цепи великана. Ариосто дает этому рыцарю имя.

327 *С хищным зверем...* — С крокодиллом.

71 Как ссекут ему голову — Оррилл слезет,
И бредет за ней, пока не добредет,
И подымет за нос или за волосы,
И на место, а она и прирастет.
Отрубил ему Грифон голову, забросил
В самую середину Нила,
А Оррилл туда, и вплавь, как рыба,
И назад, и голова на плечах.

72 Две красавицы в знатных одеяньях,
Одна в черном, другая в белом —
Из-за них-то и затеялась сеча —
Стояли и смотрели на удальцов.
Это были две добрые феи,
Воскормившие Оливьеровых сынов
Когда их, младенцев,
Две большие птицы с кривыми клювами

73 Унесли в чужие края³²⁸
Далеко от их матери-Гисмонды, —
Но зачем мне тратить слова
На всеведомое повествование,
Хоть и сбился в нем былой повествователь,
И назвал их отцом не их отца?
Вот теперь оба юных и бились
В битве, преуказанной им феями.

74 А уже закатывался день³²⁹
За далекие острова Блаженных,
И уже застилала зримость сумраки
Под неверною и невнятною луной,
И воротился Оррилл в свою твердыню,
Ибо сестры, и черная и белая,
Положили предел тому сражению
До поры, пока вновь настанет солнце.

помогает против него Грифону и Аквиланту

75 Тут Астольф, давно угадав³³⁰
По чертам, а пуще по метким взмахам
И Грифона и Аквиланта,

328 *Хоть и сбился в нем былой повествователь...*— Ариосто имеет в виду итальянскую поэму XIV в. «Оджьер-Датчанин», где впервые рассказана история Грифона и Аквиланта и отцом их назван Рикардет (см.: 67, прим.).

329 *Острова Блаженных.* — В античной географии западный предел мира, идентифицируются с Канарскими островами.

330 *...со знаком парда...* — См.: X, 77, прим.

Был не горд и не медлен их приветствовать;
А они, увидав в поводу
Великана у щита со знаком парда
(Рыцарь парда — так звали Астольфа),
Отвечали ему с не меньшим вежеством.

76 Дамы приглашают к отдохновению
Поединщиков в ближний свой чертог;
Их встречают в полупути
Девицы и факельные слуги;
Кони сданы конюшим,
Брони не давят спин,
И в цветущем саду накрывается пир
Возле светлого свежего источника.

77 А дикого великана приковали
Двойною толстою цепью
К зеленому вековому дубу,
Что не вырвать никаким рывом,
И приставили десять сторожей,
Чтоб и ночью не мог он высвободиться
И напасть, и наделать бед
Спящим беспечным и беспомощным.

78 Богатое было угощение,
Но не им дорожился пир,
А уветливой умною беседою
Об Оррилле и его чудесах:
Как подумать, не сон ли это —
Подберет с земли руку или голову,
И приставит, и она прирастет,
И опять он в бой, еще свирепее.

79 Но Астольф уже прочел в своей книге,³³¹
Где наказы против всех чародейств,
Что не вынуть из злодея душу,
Пока цел у того заветный волос;
А как вырвать тот волос или усечь,
То колдун в тот же миг и ляжет мертв.
Так-то было писано в книге,
Да не писано, как тот волос угадать.

80 Но радуется Астольф,
Словно он стяжал уже лавр победы:
Чает немногими ударами
Вырвать чернодею и волос и жизнь.
Бремя такого дела

331 ...заветный волос... — Мотив концентрации жизненной силы в волосах (в принципе весьма архаический — см.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980, с. 263 — 269) Ариосто воспринял в его античной интерпретации. Ср. смерть, отсекающую волос Алкесты (*Еврипид.* Алкеста, 74 — 76), Сциллу, отрезающую пурпурный волос Ниса, в котором было заключено его бессмертие (*Вергилий.* Скопа, 382 — 388), Ириду, срезающую золотистую прядь Дидоны (*Вергилий.* Энеида, IV, 698 — 705). Ср. также волосы Самсона.

На свои он испрашивает плечи:
Ежели допустят его до битвы
Братья-рыцари, то Орриллу конец.

и снимает Орриллу голову и волосы.

81 И охотно уступают братья-рыцари,
Полагая, что тщетен этот труд.
Вот вышла в небо Аврора,
А из замка в поле — Оррилл,
А на Оррилла — британский герцог:
Один с палицей, а другой с клинком.
Тысяча у Астольфа ударов,
Хоть один да отлучит дух от тела.

82 То отрубится кулак при дубине,
То отвалится рука с кулаком,
То Астольф рванет поперек по панцирю,
То отхватит обрубок за обрубком.
Но Оррилл как нагнется, как подымет,
Что отрублено, и снова он цел.
Искроши его хоть на сто кусков,
Миг, и глядь, он опять цел и сросшийся.

83 Но вот тысячный вскинулся удар,
Улучил меж плечом и челюстью,
Снес голову с плеч,
Снес шлем с головы, —
И не ждет Астольф, пока соперник спешится,
А хватает голову за космы,
И враз в седло, и вскачь вдоль реки,
Чтоб кровавую не отбил обезглавленный.

84 Не поймет растерянный, что и как,
Бредет, шарит в пыли свою голову;
Но заслышав, что это всадник
Мчится в лес, унося ее с собою, —
Тотчас сам к коню,
И в седло, и в погоню, и без отдыха,
И хотел бы крикнуть: «Постой! назад!» —
Но молчит: его рот в руках у герцога.

85 Радуется, пятками о бока,
Мчит, отпустив поводья,
Но ему еще немалое поле
До Рабикана, дивного скакуна.
А меж тем Астольф по его космам
Рыщет пальцами от бровей к загривку,
Ищет торопливо,
Где тот волос, в котором все бессмертие?

86 Дыбятся волосы без счета,
Ни один не длинней и не короче;
Который же вырвать,
Чтобы вышла смерть душегубцу?
Лучше, — думает, сниму-ка я все!
Но ни щипцов у него, ни ножниц;
И тогда он хватается за меч,
Потому что он режет чище бритвы.

87 Взявши голову за самый ее нос,
Он лысит ее и сзади и спереди, —
И вот выпал роковой меж волосьев,
И лицо стало стылое и бледное,
Закатился зрак,
Закатилась жизнь за явную смерть,
А безглавое тулово
Рухнуло в корче из последнего седла.

88 Возвращается Астольф,
Держа голову, меченную смертью,
К своим рыцарям и своим дамам
И показывает им на дальний труп.
У тех приветные лица,
Но рады ли они, я не знаю —
Зависть гложет сердце братьев-рыцарей,
Что такая победа — не у них.

89 Берегушим красавицам
Тоже, верно, не мил такой исход:
Чтобы дольше длилась
Обреченная жизнь двух братьев,
Скорым во Франции грозимая концом,
Здесь они их вывели на Оррилла,
Чтобы скрасть их время, покуда
В небе не минет недобрая звезда.

90 А местник Дамиэтты
Как слышал об Оррилловой гибели,
Так пустил в небеса голубку
С грамоткою на нитке под крылом.
Прилетела она в Каир —
Из Каира выпускают другую
(Так здесь водится), и в малое время
Уже всюду знают: Оррилл убит.

Астольф с Грифоном и Аквилантом едут в Святую Землю

91 Подвигу конец;
Ободряет герцог славных юношей, —

Хоть они без стрекала и без шпор
Сами кипели доброй волею
Возвыситься к обороне
Святой Церкви и державного Рима,
От восточных браней отстать,
А славы искать меж соплеменников.

92 Испросили Грифон и Аквилант
Отпущения каждый у своей дамы,
И невмочь тем было противиться,
Хоть и ныло сердце об удалцах.
Сели втроем на коней
И пустились вправо, рассудивши
Поклониться прежде святым местам,
А потом уже тронуться во Францию.

93 Было можно бы взять и влево,
Где дорога ровнее и утешнее
И по самому лежит морскому берегу,
Но они взяли вправо, в дичь и глушь,
Потому что так неделею ближе
До святого града Святой Земли.
По пути была вода и конские травы,
А более того — ничего.

94 Для такой дороги³³²
Снарядили они себе все надобное
И взвалили на шею великану,
Потому что он и башню бы снес.
А в конце пути, трудном и опасном,
Вот взошли они на гору, и открылась
Та Святая Земля, где кровию
Грех наш омыла всевышняя Любовь.

и гостят там у Сансонета.

95 У самого входа в город³³³
Их встречает небезвестный им юноша —
Сансонет из Мекки,
Свеж годами, но зрел умом,
Славен доблестью, славен рыцарственностью,
Чтим народом;
Ко Христу обратил его сам Роланд
И своею рукою привел к крещению.

332 *Та Святая Земля, где кровию...* — Иерусалим, где принял смерть Христос, искупив своей кровью первородный грех.

333 *Сансонет.* — Персонаж итальянской эпической традиции, сын персидского султана, обращенный в христианство Роландом и ставший его спутником (в поэмах «Вступление в Испанию», «Испания»). В «Морганте» Пульчи сражается бок о бок с Роландом при Ронсевале и погибает.

96 Здесь он замышлял
Встать оплотом на калифа Египетского
И воздвигнуть вокруг лобной Голгофы
Стену в круг на две тысячи шагов.
Он приветил их,
Неложною просиявши любовию,
И ввел в город и в вольные покои
Королевских своих палат.

97 В подданной ему земле
Право правил он от державы Карла
В дар ему приводит Астольф
Исполинственно могучую тушу,
За десятерых
Вьючных способную верблюдов,
А в другой ему дар при великане —
Сеть, в которую ловлен великан.

98 Сансонет в отдарок дает герцогу³³⁴
Знатные ножны для его меча
И две шпоры, правую и левую,
Золотой прихват, золотой укол, —
Самого-де того Святого Воина,
Что змия сразил, а царевну спас.
Взявши Яффу, взял их в Яффе
Сансонет со многой иной добычею.

99 Исповедав грехи свои в обители,
Доброю благоухающей славою,
По всем таинствам Христовых страстей
Обошли паломники храм за храмом —
Храм за храмом, ныне, увы, сквернимые
Маврами, на позор Христовым верным!
Вся Европа в войне, повсюду бьются,
Но не там, где оно всего нужней!

Здесь Грифон узнает об измене своей Оригиллы

100 Но меж тем как набожные
Стлались духом в покаянном чине,
Вдруг приходит из греческой земли
Дальний странник, ведомый Грифону,
С тяжкими вестями и язвящими,
Всем желаньям его и умыслам поперек.
И так-то полыхнуло в нем сердце,
Что уж стало ему не до молитв.

101 Такая была беда,³³⁵
Что любил рыцарь даму Оригиллу,
Пред которою ни одна из тысячи
Не нашлась бы краше лицом и станом,
Но такую уж злую и коварную,
Что по градам и весям,
По большой земле и морским островам
Век искав, не сыскать другой подобной.

102 В Константиновом Цареграде
Он оставил ее в жаркой горячке,
Уповая, что воротясь,
Обретет ее краше и любовнее;
А теперь услышал,
Что она в Антиохии с новым милым,
Потому-де, что более не в силе
В цвете юности спать совсем одна.

103 С этих скорбных пор нет Грифону
Роздыха от вздохов ни в ночь, ни в день:
Что другим в радость,
То ему только душу бередит.
Вспомни всяк, кто сведался с Амором,
Какова калена его стрела!
А всего тяжелее молодцу,
Что нельзя и признаться в своей беде,

104 Потому что за ту любовь
Старший брат его, умный Аквилант,
Тысячу корил его раз,
Чтоб исторгнуть из юношеского сердца
Злейшую из злейших на белом свете, —
Такою она ему виделась,
И он клял, а Грифон ее оправдывал,
Ибо всяк всегда рад себя обманывать.

и едет ей навстречу.

105 И вот положил он,
Не сказываясь Аквиланту,
Одиночкою dospеть в Антиохию
И похитить похитившую его сердце,
А умычнику ее
Так отмстить, чтобы век об этом помнилось.
Что и как из этого вышло, —
Расскажу я вам в следующей песни.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ (РИНАЛЬД ПОД ПАРИЖЕМ)

Песнь XVI

Грифон встречает Оригиллу с Мартаном. На дальнем плане — Ринальд приводит войска на помощь Парижу

Вступление.

1 Тяжелы любовные муки —
Я ли их не изведал!
Столько их сошлось надо мною,
Что послушайте бывалого страдальца.
Говорил я и говорю,
На бумаге говорю и вживе —
Есть в них малая боль и есть отчаянная боль —
Верьте правде!

2 Говорил я, говорю и буду:
Кто попался в достойную сеть —
То хоть будь его дама уклончива,
Хоть вовсе к нему холодна,
Хоть минуй его всякая награда
За потерю времени и труда,
Хоть он вымучься, хоть умри, а не плачь:
Его сердце — на возвышенном жертвеннике.

3 Но пусть плачет тот,³³⁶
Кто стал раб пустых очей и витых кудрей,
За которыми — коварное сердце,
А в нем мало света и много мути.
Рвется бедный прочь, но, как раненый олень,
Где ни мечется, а стрела все в ране:
И сам себе в стыд, и страсть ему в стыд,
Ни сказаться в недуге и ни выздороветь.

Грифон в Сирии

4 Так и юный Грифон —
Все он видит, а ничего не поделает:
Видит, что не по добру он вверил
Свое сердце неверной, —
Но дурная повадка пуще разума,
А воля пред страстью прах.
Будь она сто раз вероломней и злей,

336 ...но как раненный олень... — Ср.: Вергилий. Энеида, IV, 69 — 73.

Он не волен пойти за нею в поиски.

5 Вот на том и перервался мой сказ,³³⁷
Что он вышел из города тайным образом,
Не посмев ни слова молвить брату,
Столько слышавши его тщетных укоров;
И налево, в галилейскую Раму,
Где дорога ровнее и плавнее
За неделю довела его до Дамаска,
А оттуда прямой путь к Антиохии.

встречает Оригиллу с Мартаном.

6 А у Дамаска навстречу ему тот самый
Рыцарь, с кем слюбилась Оригилла, —
И впрямь,
Зло со злом сошлось в них, как цветок к стеблю:
Оба непостоянны сердцем,
Оба вероломны изменами,
И оба на чужую беду
Черный нрав скрывают светлым вежеством.

7 Ехал, говорю я, тот рыцарь
На могучем коне с великою пышностью,
А при нем коварная Оригилла
В синем платье, вышитом золотом,
И за ним прислужники,
Со щитом один, другой со шлемом,
Потому что хотел он в лучшем виде
В тот Дамаск предстать на турнир:

8 Славный посулил справить праздник
О ту пору дамасский король,
И с того-то издали и изблизи
Соезжались витязи в небывалой красе.
Как завидела Грифона распутница —
Дрогнула, страшась срама и беды,
Потому что понимала: ее новый
Пред ним нипочем не устоит.

9 Но и в трепете
Изошренная дерзкою душой,
Строит она лик, возвышает она голос,
Чтоб ни малой метой не метить страх,
И сверяется хитростью с любовником,
И вперед, с ликованием в лике,
Обняла объятьем Грифона
И повисла на шее, припав и не отпав.

337 *Рамма*. — Рамла, небольшой город в Сирии.

Она выдает любовника за брата.

10 А потом, в слезах,
В словах нежность, в движеньях страсть,
Молвила: «Господин мой, это ли
Награда той, кому ты — как бог?
Год без тебя, и второй без тебя,
А в тебе — ни боли?
Если б только ждала я и ждала,
Я не дождалась бы живою.

11 Как уехал ты в Никозию³³⁸
Ко большому двору на большой турнир,
А меня покинул в злой горячке,
И была я ни жива, ни мертва,
И ждала тебя назад, а слышала,
Что ты в Сирии, то стало мне таково,
Что, не зная попасть тебе вслед,
Чуть я в сердце не врезала клинок, —

12 Но судьбина обернулась ко мне милостива
Вдвое против нещедрого тебя —
И послала мне родного моего брата,
Чтоб в пути сюда он берег мою честь;
И теперь посылает драгоценную
Эту встречу, дарит меня тобою!
А промедли она хоть малость —
И в тоске о тебе я устала бы дышать».

13 И вела она, и вила
Свою кознь, хитроумнее лисицы,
Так сведя обиды,
Что Грифон же и вышел виноват,
И он верит, что мнимый ее родич —
Плоть и кровь от единого отца,
И обман ее мнится святою правдою,
Словно от Иоанна и Луки.

14 Ни худого он слова
Той, в которой неверность пуще прелести,
Ни жестокой мести
Для того, кто ее любодей, —
И то благо, ежели не всеми
Он виновен винами, что в ее устах.
И как истинному брату,
Раскрывает он объятья ее спутнику,

15 Скачет с ним к воротам Дамаска
И слушает от него по дороге,
Что за славный собирает сбор
Блистательный повелитель Сирии:
Всякий и любой,
Будь Христова, будь иного закона,
Пока празднуется праздник,
Безопасен и в городе и в пригороде.

16 Но не столь мне дорого дослеживать
Все измены лживой Оригиллы,
Потому что у нее на счету
Не один ею обманутый, а тысяча, —
Нет, не столь, чтобы я не воротился
К тем изглоданным огненными осыпями
Двумстам тысячам, а может, и более,
От которых Парижу беда и страх.

Тем временем под Парижем

17 Я прервал себя там, где покушался³³⁹
Аграмант на ворота, что над сушею,
Мнивши их найти нехранимыми,
А охраны там было, как нигде:
Там сам Карл,
Там первейшие ратные вожди
Анджельер, два Анджелина, два Гвидона,
Берлинджьер, Отгон, Авин и Аволий.

18 Рать на рать,
Та пред Карлом, эта пред Аграмантом
Рвется отличиться, служа свой долг
Ради славы иль ради громкой прибыли.
Но не столько в нехристях подвигов,
Чтоб затмить их большой урон,
Ибо трупы лежат над трупами
Для живых уроком безумной дерзости.

19 Стрелы со стен —
Градом во врагов,
Крик от нас и от них
В ужас бросает небеса, —
Но и Карл и Аграмант пусть помедлят
Ибо ныне мне петь о Родомонте,
Африканском Марсе, который
В гущу города ворвался грозой.

339 *Там первейшие ратные вожди...* — О списке паладинов см.: XV, 8, прим. Новое имя — только Анджельер, фигурировавший в числе пэров уже в «Песни о Роланде».

Родомонт свирепствует на городских стенах.

20 Помните ли вы, государь мой,
О том безоглядном сарацине,
Который, меж валом и стеною
Бросивши своих соратных
На поживу прожорливому пламени, —
Черное зрелище! —
Одним взмахом, как о том поведано,
Влетел в город чрез обомкнувший рев?

21 Как узнали того свирепого
По небывалой драконовой броне
Старые и слабые,
К бранным откликам простирающие слух, —
Крик, плач, вопль, стук рук
Воз летает в небесные светила:
Кого носят ноги,
Бежит прочь, кроясь в храмы и дома,

22 Но немногих допустил до укрова
Круговой размах злого меча
В басурманской могучей деснице —
Тому ноги с пят, тому голову с плеч,
Одного — насквозь,
Другого — надвое, с темени до пупа;
Скольких бьет, скольких ранит, скольких гонит,
И всех в спину, и никого в лицо.

23 Как на робкий скот³⁴⁰
Тигр в гирканских горах или над Гангом,
Как на козочек и овечек — волк
Под горою, поправшею Тифея,
Так ударил нещадный сарацин —
Не скажу: на пеший строй, ни на конный,
А скажу: на черную толпу
Тех, кому бы, не родившись, вымереть.

24 Скольких колет, скольких рубит, скольких режет,³⁴¹
А никто ему в лицо и не вздымет взор.
Так по толпной улице,

340 *Как на робкий скот // Тигр...* — Ср.: «Словно среди беззащитных овец беспощадного тигра» (*Вергилий. Энеида*, IX, 730). Гиркания — область в северо-восточной части Иранского плоскогорья. *Как на козочек или овечек — волк...* — Ср.: «Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев...» (*Гомер. Илиада*, XVI, 352 — 355, перевод зд. и далее Н. Гнедича). *Под горою, поправшею Тифея...* — Тифей, гигант, восставший против Зевса, погребен, согласно античному мифу, под горой Эпоемо на острове Искья в Неаполитанском заливе (древнее название острова — Инарима или Энария). Ср.: *Вергилий. Энеида*, IX, 715 — 716.

341 *...до моста Михаила Архангела...* — Мост Сен-Мишель во времена Ариосто был деревянным и находился поблизости от современного с тем же названием.

Так до моста Михаила Архангела
Круговым клинком пролагал себе путь
В грозном беге ярый Родомонт.
Он не смотрит, кто раб, кто барин,
Не жалеет, кто праведен, кто грешен,

25 Не в пощаду священнику священство,
Не спасет младенца невинность,
Юную не оберегут девицу
Ясные очи и алые ланиты,
Бьет и гонит он старейшего старца:
Пуще доблести в нехристе неистовство —
Нет разбору
Ни чину, ни полу, ни возрасту.

26 Нечестивый царь и вождь нечестивых,
Не залить ему пыл людскою кровью —
Он огнем встает на дома,
Жжет хоромы и попранные храмы,
А хоромы в те времена,
Кто не знает, были все деревянные,
И не диво, — ведь и нынче в Париже
Что ни пять домов, то три из дерева.

27 Жжет огонь всё вокруг,³⁴²
Но и этого мало большому гневу:
Мавр трясет голыми руками
Стены, и в обвал рушатся кровли, —
Верьте, государь:
Не гремело таких бомбард и в Падуе,
Чтобы так крушить,
Как с единого тряса — Родомонт.

Но является Ринальд с британской помощью,

28 В этот час, когда злочестивец
Воевал Париж мечом и огнем,
Грянь в наружную стену Аграмант —
Стал бы день последним Христову граду.
Но не грянул: его перестиг
Паладин, приспевший из заморья
С воинствами британскими и шотландскими,
Предводимый ангелом и Безмолвием.

29 Ибо так угодно было Господу:
Покамест Родомонт
Полыхал прорывом и пожаром, —

³⁴² *Не гремело таких бомбард и в Падуе...* — Имеется в виду осада Падуи, которую вел в 1509 г. император Максимилиан. Ипполит д'Эсте, к которому Ариосто в данной строфе обращается, принимал в ней участие.

Подступил к стенам заморскими ратями
Цвет Клермонта, герой Ринальд:
В трех часах пути навел он мост
И зашел крутым заходом слева —
Против варваров не помеха и река.

30 Отрядил он шесть тысяч пеших лучников³⁴³
Под высоким знаменем Одоарда,
Отрядил две тысячи конных в плащах
С удалым Ариманом впереди
И назначил им прямую тропу
От побережий Пикардийского моря
До ворот Мартина и Дионисия,
Чтоб оттоле помочь Парижу.

31 С ними двинул он тою дорогою
И телеги и прочий скарб,
А сам оружно и людно
Пошел поверху, выгибая путь,
При челнах, снастях и настилах через Сену.
Переведши всех до единого,
Жжет мосты
И полками строит бриттов и скоттов.

32 Но сперва с князьями и воеводами
Встав Ринальд на высоком берегу,
Чтоб для всех на большой равнине
Быть бы ему видиму и слышиму,
Говорит он так:
«Государи мои,
Вскинем благодарные длани к Господу,
Что он свел вас в кратком труде
Все народы перевысить честною славою!

говорит речь к войску

33 Сбив осаду с этих ворот,
Вы спасете двух государей:
И вашего короля, которого
Вам хранить от неволи и от смерти,
И славнейшего меж державцев,
В божьем мире раскидывавших двор,
А при нем — королей, князей, графов, герцогов
И вельмож и рыцарей из многих стран.

343 *Одоард.* — См.: X, 83.

Ариман. — См.: X, 81.

До ворот Мартина и Дионисия... — Ворота Сен-Мартен и Сен-Дени в восточной части городской стены по правому берегу Сены.

34 Оттого-то, вызволивши Париж,
Вы возвыситесь хвалою не только
В парижанах, которые мнутя
Страхом и тоскою не о себе,
А о женах и детях,
Общею грозимых судьбиною,
И о девах, святых затворницах,
Чтобы их соблюлся благой обет, —

35 Вызволивши, говорю я, Париж,
Вы возвыситесь хвалою не только
В парижанах и не только в окрестных
Землях, но во всем крещеном мире,
Ибо края такого нет,
Чтобы не имел в Париже пришлого:
Победите — и вас
Воспрославит не единая Франция!

36 В старину, кто спас гражданина,³⁴⁴
Тот венчался честным венцом, —
Какова же будет почестъ достойна
Тех, кто спас несметных и несчисленных?
Ежели же святое и славное
Рухнет дело от малодушной тщеты, —
То не мните быть безопасны
Ни в зарейнской земле, ни в заальпийской,

37 Ни в иной, где только ни чтится
Искупитель, за нас приявший крест:
И от вашего не отвратят королевства
Ни сильная даль, ни морская глубь
Мавров, которые умели
Одолеть Геркулесовы столпы
И которые из нашего края
Пощадят ли ваши острова?

38 Но коли ни честь, ни корысть
Не вспояшут вас на битвенный подвиг,
То еще есть долг
Поборать друг за друга Христомыим воинам.
А что враг пред вами расточится, —
Да не будет ни в ком трудного страха,

Ибо вижу я: нет в них ни бывалости,
Ни оружья, ни духа, ни сил».

и направляет полки.

344 *Тот венчался честным венцом...* — В Древнем Риме высшей наградой, дававшейся за спасение на войне соотечественника, был венок из дубовых листьев.

39 Таковыми и иными подобными
Вспламенив речами Ринальд
Свычайно и звучно
Боевую душу в вождях и войске,
Словно шпорил коня, что и сам стлался в лет,
Как то молвится по пословице.
А скончавши речь,
Двинул он дружины под знаменами:

40 Без шума, без гомона³⁴⁵
Тронулись полки тремя отрядами:
Первая у реки
Честь Зербину сразиться с басурманами;
По полю в обход
Пущены ирландские выходцы;
А британцев, пеших и конных,
Ставит вождь в середину при Ланкастере.

41 Каждому указавши путь,
Скачет паладин вдоль реки,
Упредив Зербина
И со всею Зербиновой дружиною.
Первым dospешил он до мест,
Где король Собрин и король Оранский
В полверсте от иберийских соратников
По сю руку сторожили поля.

42 Столько шедши Христово воинство
В верной и надежной сени
При Архистратиге и Безмолвии,
Более не в силах молчать
И, завидевши врага, —
Крик в высь, трубы в гром,
Шум до звезд,
И мороз по костям у сарацинов.

Первые подвиги Ринальда.

43 Ринальд шпорит коня перед передними,
У него копьё наперевес,
Все шотландцы за ним на перелет стрелы,
Ни малая заминка не в мочь ему:
Как взметный вихрь,
За собой клубящий грозную бурю,
Вымчал удалец,
Горяча Баярда.

44 Перед франкским витязем
Помутились мавры тревогою,
Зримо дрогнули
Копья в дланях, бедра в седлах, ноги в стремени;
Лишь один не бледен,
Не признав Ринальда, король Пулиан:
Он летит на него в опор,
Сам не зная, каково это круто, —

45 Стиснувшись в седле,
Весь вобравшись в напор копья,
Отпустив поводья и врезав шпоры,
Он бросает коня вперед,
А ему навстречу
Сын Амона — не сын ли Марса? —
Непритворный в славе
Конеборной ловкости и доблести.

46 Вровень грянули грозные удары,
В два забрала вметив два острия,
Но не вровень была сталь и удаль:
Один скачет, прям, другой простерся, мертв.
Много есть примет истой доблести,
И не в том лишь она, чтоб играть копьем;
Но и к доблести надобна удача,
А без удачи удаль не встанет в счет.

47 Витязь вновь с копьем,³⁴⁶
Перед ним — Оранский король,
А в немхердце убогое и малое,
Но широкая кость и тучная плоть.
Славный был удар, хоть записывай,
Поразивший его в самый низ щита:
Не хвалите и не хулите —
Снизу кверху выше не уметиться.

48 Не сдержат щиту копья,
Хоть в щите сталь с лица, а пальма с исподу;
Не сдержат в царе души,
Не по брюху малой и трепетной.
Конь,
Ждавший быть под всадником весь долгий день,
Благодарен конским сердцем Ринальду,
Что свалил с него жаркую тяготу.

49 Сломлено копье;
Поворачивает Ринальд скакуна
На лету, как крылатого,
И — туда, где теснее вражий строй:
Под кровавым клинком его Фусберты

346 *Снизу кверху выше не у метиться.* — Царь Орана был «видом исполин» (XIV, 17).

Что ни сталь, то как хрупкое стекло —
Никаким не сдержать закалом меч,
Жадный живого мяса.

50 Но не часто сталь, не часто каленую
Чует рубящий, руша взруб,
А то медный щит, то дубовый щит,
То стеганный кафтан, то витой тюрбан, —
Так не диво,
Что Ринальд крушит и крошит,
А враги перед мечом его стелются,
Как трава под косою и сев под бурею.

Войска сходятся.

51 Полегла уже та первая рать, —
Как идет Зербин с передовым полком,
Сам впереди,
Копье вперевес,
А за стягом — люд,
Каждый яр, как вождь:
Так львы, так волки
Рушатся на овчье стадо.

52 Как приблизились,
Каждый — шпоры в конский бок,
И вмиг
Было поле меж войсками — и нет его.
Ни в какой игре того не видано —
Шотландцы лишь бьют,
А мавры лишь мрут,
Словно вышли на казнь, а не на сечу.

53 Что ни язычник — то лед,
Что ни шотландец — то пламень.
Каждая разящая длань
Мнится маврам Ринальдовою дланью.
Тут не ждет король Собрин зова к помощи,
А торопит вперед вторую рать,
Крепче первой
И вождем, и оружием, и доблестью:

54 Лучшая она в бранной Африке,
Хоть сама по себе еще не клад.
Тотчас тронул и третью рать,
Послабее и снастью и бывалостью,
Дардинель, сияющий шлемом,
Грудью в латах и станом в чешуях.
А последней, за Изольером,
Шла четвертая рать — и, по мне, сильнее всех.

55 Чуть завидев и чуть слышав
Что повел свою Наварру Изольер, —
Славный маррский герцог Трасон,
О великих ликуя подвигах,
Скликает
Верных витязей к битвенной хвале,
А за ним — и Ариодант,
Новозванный герцог Альбанский.

56 Трубы, бубны, варварские дудки,³⁴⁷
Сгрудясь в гуле,
Слились с свистом тетив и всех пращей;
Скрип машинных жил, снастей, колес,
С криком, воем, воплем, плачем, стоном,
Отгрянувшись от крутого неба,
Стали громом, громче, чем гром
Водопадного Нила над пустынею.

57 Смертный ливень обложил небеса,
Сея стрелы отселе и отголе;
Темной тучей восходит ввысь
Тяжкий дух, знойный пот, взбитый прах;
То один подастся строй, то другой,
Кто в бег, кто в гон,
А кто, смяв врага,
Сам на мертвом падает мертвый.

58 Дрогнет ли дружина, уставши, —
Вмиг другая друзьям на смену.
Ратный ряд все гуще —
Теснит конный, теснится пеший.
Попранный прах стал красен:
По зелени — алая плащаница.
Где желтели и лазорились цветики —
Там людские трупы и конские.

Подвиги Зербина.

59 Дивен Зербин —
Не бывало в столь юном столькой доблести:
Бьет, крошит, ничтожит
Вражьи рати и направо и налево.
А за ним со своими новозванцами
Блещет напоказ Ариодант,
И пред ним в изумленном трепете

347 ...гром Водопадного Нила... — Ср.: «И вот там, где Нил низвергается с высочайших гор... народ, живущий вблизи этого места, ввиду громкости возникающего там звука лишен слуха» (*Цицерон. О государстве, VI, XVIII, 19*).

Вся Наварра и вся Кастилия.

60 Два бастарда былого Арагонского³⁴⁸
Короля Калабруна, Хелинд и Мосх,
И сам-третий, славный меж отважными,
Барселонский Каламидор, —
Вскачь вперед от своих полков
За венцом повадной победы,
Обольстились обойти Зербина
И в оба бока пронзают его коня.

61 Рухнул взятый на три копыя
Конь, — а всадник вмиг снова на ноги,
И грозитя взором
Отомстить, кто свалил его жеребца.
Первым он не чающего Мосха,
Что навис, метясь снять седло,
Достигает острием под ребро,
И тот рушится, белый и холодный.

62 Взвидевши Хелинд,
Что остался он братом без брата,
Яро мчит затоптать Зербина,
Но Зербин скакуна его за узду,

И с копыт, и тому, уже не встать,
И не знать ни овса, ни сена,
Потому что Зербинов взмах таков,
Что и дух вон из коня и из конника.

63 На такой удар Каламидор
Хвать за повод и стремглав прочь,
А Зербин ударяет изо всех сил
Вслед ему и кричит: «Стой, злодей!»
Не донесся удар до убегающего
Лишь на малость,
А донесся до конского крестца
И свалил Каламидорова скакуна.

64 Тот с седла и спасается вползь,
Но и то ему не уйти:
Налетев, Трасон
По нему проходит тяжким скоком.
А к Зербину в густой толпе врагов
Поспешает Ариодант
И Лурканий и присные их рыцари,
Чтобы витязю вновь воссесть верхом.

65 Ходит по кругу меч Ариоданта,
А каков он — знают Арталих и Марган,

А еще того лучше — Этеарх и Казимир,
Сведавшись с крутой его десницею:
Двое ранены и бегут,
Двое — на траве и без дыхания.
А Лурканий красует свою мощь,
Ранит, давит, рубит и губит.

Подвиги англичан.

66 Но не думайте, государь мой,
Что в полях бито меньше, чем у берега,
Что отстали боевые знамена,
Взвитые вслед доброму Ланкастеру.
Те дружины грянули на испанство,
Бились долго, а взять никто не мог,
Потому что вровень неленивы
Те и эти воины и вожди.

67 Впереди там Ольдрад и Фтерамонт,³⁴⁹
Герцог Йоркский и герцог Глостерский,
С ними граф Варвикский Рикард
И отважный Генрих, герцог Кларенс;
А перед ними — Маталист, Фоликон,
Бариконд и все их приспешные;
Первый держит Альмерию, второй
Гранаду, а третий — Майорку.

68 Вровень длилась ярая битва,
Ни к кому не клонился перевес:
Кто нахлынет, тот и отхлынет,
Как колосья под майским ветерком
Или как прибрежная зыбь,
Плеск туда, плеск сюда, а все на месте,
Наконец, потешившись вдосталь,
Повернулась к маврам Судьба спиной.

69 О ту пору удар герцога Глостера
Выбил Маталиста из седла,
О ту пору Фъерамонт Фоликона
Уронил раной в правое плечо,
И обоих уводят в плен
Язычников добрые британцы,
И о ту же пору Бариконд
Бездыханен под десницею Кларенса.

70 Тут-то все неверные — в трепет,

³⁴⁹ *Первый держит Альмерию...* — В эпизоде смотра сарацинских войск владения были распределены иначе. Над Альмерией царствовал не Маталист (властитель Толедо и Калатравы — XIV, 14), а Фоликон (XIV, 16), тогда как Гранада принадлежала Стордилану (XIV, 13).

Тут-то все верные — в пыл,
А в таком пылу
Вражий строй не в строй,
Те бегут, а эти вперед
По пятам, и теснят, и ломают,
И не будь к тем помощный друг,
То не стало бы басурманова стана.

Феррагус и Аграмант приходят на помощь своим,

71 Но в тот миг Феррагус
Неотлучный от короля Марсилия,
Вдруг увидев, что стяги подались
И полки уже вполковине, —
Шпоры в бок коню, и туда,
Где кипела сеча всего отчаянней,
И примчал, и глядит, а перед ним
Рушится с седла юный Олимпий —

72 Молодой певун Олимпий из Серры,
Нежным голосом под струнную цитру
Улелеивавший сердца
Даже те, что каменной камня.
Ах, и жить бы ему с той милой славою,
Чем с колчаном и луком и ятаганом
И копьем и щитом,
При которых здесь сложил он голову!

73 Видя Феррагус его гибель —
А он юношу любил и чтит без меры,
И была горячее его боль
Об одном, чем о тысяче polegших:
Налетает он на убившего
И одним размахом кроит надвое
Шлем, лоб, очи, лицо и грудь;
Пал труп в прах,

74 А крушителю нейдется: клинок
Блещет по кругу, дробит шлем и бронь,
Кому метит лоб, кому щеку,
Кому руку, кому голову прочь,
Отворяет кровь, изъемлет душу,
И где бьется он, там битве конец,
Ибо ратный сброд
В трепете от него и врассыпную.

75 Входит к бою сам Аграмант,
Взревновав о погубительных подвигах,
А при нем — Баливерс, Бамбираг, Фарурант,
Соридан, Прусион,

И еще несметные без имени,
Чья прольется нынче кровь Красным морем:
Их не счесть, как не счесть листву,
Отрясаемую рощами в осень.

76 Аграмант оторвал от стен
Большой полк и пеший и конный,
Ставит над ним Фецкого короля
И велит ему путь за шатры и вал
На отпор подступающей Ирландии,
Чьи уже завиделись знамена,
С дальнего крутого обхода
Поспешавшие на языческий стан;

77 И не медлит Малабуферс,
Ибо медлить было хуже смерти.
Остальных сам скликает Аграмант,
Строит в строи и правит к бою
Вдоль реки, потому что по реке
Ему виделось быть всего насущнее,
И отсюда уже был ему вестник
О подмоге для короля Собрина.

78 Половину полного полчища
Вел владыка: от великого крика
Такова была шотландцам остуда,
Что забыли они и место и честь.
Против бури одни стояли
Зербин, Лурканий и Ариодант,
А Зербин был пеш, и ему бы
Пасть, когда бы не отважный Ринальд.

а Ринальд — своим.

79 Паладин на другом конце сражения
Гнал погонею сто полков,
Но как ранила его слух
Злая весть о Зербине под грозою,
Пешем, брошенном от своих,
Одиноким пред киренейским воинством, —
Вмиг он поворотив,
Мчит в опор вперерез бегущим,

80 Предстает шотландцам
И кричит беглецам: «Куда?
Такова ли в вас подлость,
Чтобы бросить битву перед подлыми?
Таковыми ли ваши храмы
Изукрашены должны быть добычами?
Что за честь, что за слава — покинуть

Королевича в поле и без коня!»

81 Он хватает у щитоносца копьё
И с тяжёлым налетает на ближнего
Прусиона, короля Альваракки,
И тот сшиблен, мертв, и простерт.
Агрикальт и Бамбираг пали трупами,
Соридан с жестокой раной чуть жив:
И ему не быть бы живому,
Будь покрепче у Ринальда копьё.

82 Копьё сломлено — блещет меч,³⁵⁰
Пред мечом — Серпентин из Стеллы,
У него заговоренные латы,
Но удар — и оглушенный упал.
И уже вокруг шотландского вождя
Разомкнулось пространное место,
Чтобы он взмогился без помехи
На любого коня без седока.

83 И во-время он в седле, —
Миг спустя это было бы не просто,
Ибо здесь уж король Аграмант
С Дардинелем, Баластром и Собрином;
Но Зербин — верхом,
И кружа клинком,
Ниссылает души за душами
Повестить в аду, каково здесь житье.

84 А отважный Ринальд, для которого
Лучший враг — тот, что всех страшней,
Изострился на Аграманта,
Аграманта, царя-богатыря,
В ком одном война грозна, как в целой тысяче;
Вот он шпорит, вот он летит,
И разит, и небывалым ударом
Повергает и царя и коня...

Тем временем Карл узнает, что Родомонт в Париже.

85 Но меж тем, как здесь в лютой сече
Взбились ненависть, ярость, гнев, —
Родомонт в Париже
Рубит люд, рушит храмы, жжет дома,
А великий Карл далеко,
Он не видит об этом и не слышит,
Он встречает у городских ворот
Одоарда и Аримана с британцами.

86 Вдруг к нему стремглав щитоносец,
Лицом белый, ни вдоха в горле:
«Горе, государь мой, горе!» —
Все твердит и не умеет начать, —
«Нынче гибель Риму и миру, нынче
Отступился от верных господь Христос,
Нынче небо ринуло демона,
Чтобы жизни не стало в твоём граде!

87 Сатана (ибо кто иной?)
Бедный город крушит и рушит:
Обернись — и увидишь красный
Дым клубами над хищным пламенем,
И услышишь вопль во всю высь,
И поверишь, что раб твой молвил правду:
Враг один, один мечом и пламенем
Губит град и расточает люд!»

88 Как иной сперва послышит шум,
А потом колокольный бой,
А потом лишь взвидит всевидный
Огонь над собственным домом и двором, —
Так Карл
Слышит злую весть, вздымает взор
И велит своим лучшим и сильнейшим
Устремиться туда, где крик и шум.

89 Лучших рыцарей, лучших ратников
Он скликает лучшую часть
И ведет их знамена к площади,
Где безумствует басурман.
Все слышнее шум, все виднее
Лихоборцем разметанные тела, —
Но полно! а кто желает,
Тот дослушай в следующий сказ.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ (ГРИФОН)

Песнь XVII

*В середине — Родомонт неистовствует в Париже; с первого плана на него ударяет
Карл. Вдалеке — Грифон въезжает в Дамаск*

Вступление.

1 Божий промысел³⁵¹

351 *Марий. Сулла.* — О Марии, Сулле и Калигуле («лютый Гай») см.: III, 33, прим. *Два Нерона...* — Тиберий

На греховную нашу неумность
Размеряя суд по нечестию,
Возвышает над нами царствовать
Зверонравных неистовцев,
Дав им дух и силу к злодеяниям.
Так наслались Марий и Сулла,
Два Нерона и лютый Гай,

2 Худший Флавий и худший Антонин,³⁵²
Так взнесен из самой черной черни
До престольного сана Максимин,
Так и древле явлены
Креонт в Фивах, Мезенций в Тусках,
Жирной кровью напитавшие пажити,
Так и предана была Италия,
Лангобардам, готам и гуннам.

3 Что сказать об Аттиле? что о диком³⁵³
Эццелине? что о ста других, —
Как не то, что за бескрайние кривды
Мы им брошены на муки и казнь?
И не только встарь,
А и ныне тому явны примеры,
Когда мы, паршивое стадо,
Стали паствою свирепых волков,

4 А им все мало голода, мало³⁵⁴
Места в брюхе для такой поживы,
И они из загорных пуц
Кличут к нам волков еще прожорливей.
Тразименские безгробные трупы,

(Клавдий Нерон), римский император в 14 — 37 г., и Нерон, римский император в 54 — 68 г.

352 *Худший Флавий...* — Домициан, последний римский император (81 — 96) из рода Флавиев. *...худший Антонин...* — Гелиогабал, император под именем Марка Аврелия Антонина (218 — 222). После его смерти сенат наложил запрет на имя Антонин. *Максимин.* — Максимин Фракиец, император в 235 — 238 г. В детстве был пастухом. *Креонт.* — В греческой мифологии царь Фив, приговорил к смерти Антигону. *Мезенций.* — В римской мифологии царь этрусского города Цере, изгнанный своими подданными. *Так и предана была Италия...* — Лангобарды вторглись в северную Италию в 568 — 572 г., последний лангобардский король утратил престол в 774 г.; готы (остготы) владели Италией с 493 по 555 г.; гунны вторглись в Италию в 453 г.

353 *Аттила.* — Царь гуннов (ок. 434 — 453). *Эццелин.* — См.: III, 33, прим.

354 *Кличут к нам волков еще прожорливей...* — Обобщенный укор итальянским правителям, прибегающим к помощи иностранных наемных войск. Комментарская традиция указывает в качестве конкретного адресата инвективы папу Юлия II, который после битвы при Равенне (см. ниже) призвал в Италию швейцарских наемников.

Тразименские безгробные трупы... — У Тразименского озера в 217 г. до н. э. Ганнибал разбил римские войска.

Канны. Треббия, — Имеются в виду победы Ганнибала над римлянами в 216 и 217 г. до н. э.

Адда. — Битва при Аньяделло на Адде (приток По), где в 1509 г. французы взяли верх над венецианцами.

Мелла. — Битва при Брешии на Мелле (приток Ольо) в 1512 г. (см.: XIV, 9, прим.).

Ронко. — Битва при Равенне (см.: XIV, 1 — 10, прим.) на Ронко (впадает в Адриатическое море).

Тарро. — Битва при Форново (см.: XIII, 60, прим.) на Таро (приток По).

Канны, Треббия — ныне все ничто
Перед тучными горами на взбрежьях
Адды, Меллы, Ронко и Тарро.

5 Такова нам нынче воля Всевышнего —
Принять казнь от худших и недостойнейших
За сугубо и трегубо несчетные
Наши черные и позорные нечестия.
А настанет время — и мы,
Верно, грянем на их пределы,
Если сами станем светлей,
А они прейдут в грехах Божью меру.

Карл нападает на Родомонта.

6 Верно, так и в те времена
Помутилась мирскою необузданностью
Божья светлость, что брошена земля
На поток, раззор и срам турку и мавру;
Но напастнее всех невзгод
На нас пало Родомонтово неистовство,
И уже поведал я: Карл,
Внявши вести, пошел ему навстречу.

7 Идет, видит: порублен люд,³⁵⁵
Пожжены дворцы, храмы в прахе,
По путям развал и запустение,
Век не ведано столь кровавых бед.
«Куда мчитесь, куда, малодушные?
Иль не в толк вам собственный урон?
Уронив так подло ваш город,
На чужбине ли сыскать вам убежище?»

8 Один бранник,
Крепко замкнутый в ваших стенах,
И его-то невредимым вы отпустите,
Порубившего всех до одного?»
Так воскликнул
Гневный Карл, не стерпев столького срама,
И спешит к большому дворцу,
Где язычник губит его верных.

9 Чающего помощи
Много здесь посбилось народа,
Потому что стены были крепкие,
И припасы — для долгих оборон.

355 *Куда мчитесь, куда, малодушные...* — Ср.: *Вергилий. Энеида*, IX, 781 — 787 (призыв Мнесфея к бегущим тевкрам). и *Алджирский царь у ворот...* — Ср.: *Энеида*, II, 469 — 475 (Пирр, штурмующий дворец Приама).

А пред ними — Родомонт во всю площадь,
Весь нещадность, весь гордыня и гнев,
И одною рукою мечет пламень,
А другою вращает булат.

10 В высокие ворота королевской палаты
Он бьет, и повсюду — гул.
С вышних крыш на него валят зубцы и башни,
И уже не мнят себя в живых.
Никому не жаль древних кровель,
Дерево ли, камень ли — все одно:
Золоченые балки, столбы и плиты,
Отрада праотцев, утеха отцов.

11 Алджирский царь у ворот³⁵⁶
Блещет сталью шлема и тулова,
Как змей из черного заполза,
Совлекшись ветхого вретнца,
Облекшись свежей красою,
Вновь юн, вновь мощен,
Пышут очи, вьются три жала,
И ползет, и вся тварь с дороги прочь.

12 Камни, зубья, балки, своды, плиты
Градом рушатся с выси на врага,
Но нейдет кровавой длани
Бить, рубить и дробить воротный вход;
И уже в нем брешь,
И уже он видит и виден
Взорам лиц, стеснившихся в дворе,
И на каждом — смертная бледность.

13 Слышатся с вышних крыш³⁵⁷
Клики и вопли жен,
Они в муке бьют себя в грудь,
Они мечутся, белые и в тоске,
Припадают к дверям и к ломам,
К ломам, ждущим чужих гостей;
Такова была та беда,
Когда грянул к ним Карл с баронами.

14 Говорит король своим сильным,
Столько раз выручавшим его в беде:
«Это вы ли со мной били
Аголанта у Аспрамонта,
Это вы ли его порубили,

356 *Куда мчитесь, куда, малодушные...* — Ср.: *Вергилий. Энеида*, IX, 781 — 787 (призыв Мнесфея к бегущим тевкрам). и *Алджирский царь у ворот...* — Ср.: *Энеида*, II, 469 — 475 (Пирр, штурмующий дворец Приама).

357 *Слышатся с вышних крыш...* — Ср.: *Энеида*, II, 486 — 490.

И Альмонта, и Трояна, и сто их тысяч,
А теперь без сил, и вам страшен
Сей единый из их полка и племени?

15 Отчего не видно
Прежней крепости в нынешних десницах?
Пусть почует ваш пыл тот пес,
Тот пес, пожиратель правых!
Веледушному смерть — ничто,
Вскоре ль, вдолге ль, а лишь бы с честью;
А где вы со мною,
Там я верю всегда быть победителем.»

16 Кончив слово, шпорит коня³⁵⁸
И, копьё вперевес, на сарацина,
А за ним в опор,
Как один, Оливьер, Оджьер и Наим,
И Авин, и Аволий,
И Отон, и Берлингьер, неразлучники,
Все на Родомонта, все разят его
В грудь, в лоб, в бок.

Тем временем Грифон, Оригилла и Мартан приезжают в Дамаск,

17 Но полно, государь мой, полно
Петь про злобу и считать мертвецов:
Не хочу более ни слова
О враге, что так лих, а пуще лют!
Не пора ль вернуться, где оставлен
У Дамасских ворот Грифон,
А при нем — лукавая Оригилла, а при ней —
Мнимый брат ее и сущий любовник?

18 Обильнейший, многолюднейший
И по целому Леванту прекраснейший,
Славен город Дамаск, до которого
От Святой Земли — неделя пути.
Он лежит на плодной равнине,
Весной в цвете, а летом в жатве,
Под холмом, который приемлет
Первый луч рассветной зари.

19 Две реки, кристальными струями
Разливаясь по несчетным каналам,

358 *Оливьер*. — Традиционный персонаж Каролингova цикла, брат Альды, невесты (или жены) Роланда. В «Песни о Роланде» представляет сторону умеренности и здравого смысла в противоположность героическому безрассудству Роланда. В итальянском эпосе, где он становится персонажем второго ряда, его характеристика приобретает некоторые бурлескные черты (например, элементы дон-жуанства в «Морганте» Пульчи, — впрочем, склонность к такого рода подвигам он проявил уже во французском «Паломничестве Карла Великого в Иерусалим»). Традиционная титулатура — маркиз Вьенский (Вьен в департаменте Изер).

Орошают бескрайние сады,
Вечно свежие листвием и цветом.
Говорят, там течет по мельным мельницам
Не вода, а померанцевый сок,
И по всем заулкам и выулкам,
Что ни дом, то из дверей аромат.

20 Главная дамасская улица
Вся в коврах веселого цвета,
На земле и на всех стенах —
Ветви, листья и душистые травы,
Что ни дверь и что ни окно —
Отовсюду шитье и узорочье,
Но пышней того ткани и камня
Знатных платий прекрасных дам.

21 В какой ни заглянешь двор,
Там празднично утешные пляски,
По улицам разъезжает люд
На конях с чепраками и попонами,
А в большом дворце ярче всех
Повелитель и князья и бароны,
Все в золоте, в алмазах и в перлах
Из индийских и эритрейских вод.

22 Вот едет Грифон с приспешными,
Вот дивятся они по сторонам,
А навстречу им здешний рыцарь,
И зовет заезжих в свой дом
И с таким принимает свичным вежеством,
Что ни малой ни в чем у них нужды:
Кони в стойла, гости в мыльню,
А из мыльни в приветный пир.

23 И поведывает приимец,³⁵⁹
Что дамасский государь Норандин
Созывает все рыцарское звание
Из своей и чужой земли
На великий турнир, которому
Быть на площади завтра поутру;
И чей дух не уступит виду,
Тот теперь им здесь и блесни.

24 Не затем сюда приехал Грифон,
Но на этот зов он не отказчик,
Потому что всегда он рад

359 *Норандин*. — Персонаж «Влюбленного Роланда», где история его любви к Люцине, кипрской принцессе, рассказана отдельными фрагментами. Норандин принимает участие в турнире, призом в котором является рука Люцины. Турнир не окончен, и больше к нему Боярдо не возвращается. Затем мы узнаем, что Мандрикард и Градасс освободили Люцину, каким-то образом оказавшуюся во власти чудовища, и вернули ее отцу. Возвратное плавание на Кипр омрачено бурей, и здесь мы с Боярдовой Люциной прощаемся. Ариосто стягивает все эти разбросанные нити в единый сюжет.

Оказать свою рыцарскую доблесть.
Об одном лишь он дознается:
По какому случаю праздник?
Каждогодний ли он или впервые
Царь пытается, каковы его витязи?

Им рассказывают, как король Норандин с Люциною

25 Отвечает ему хозяин:
«Таков праздник будет каждый четвертый
Месяц, но пока это первый
И доселе подобных не бывало.
Это йамять о том, что наш король
Спасся в этот день от жестокой
Смерти, которая грозила
Повсечасно четыре страшных месяца.

26 Но чтоб молвить об этом по порядку,
То наш царь, а зовут его Норандин,
Много лет пылал рыцарственным сердцем
О прекраснейшей и прелестнейшей из дам,
О принцессе острова Кипра,
И добился, и отпраздновал свадьбу,
И пустился с нею и свитою
Через море в свою добрую Сирию.

27 Но когда мы шли под вздутым парусом³⁶⁰
По неверным карпафийским зыблям,
Вдруг такая грянула буря,
Что смутила даже старого кормчего.
Грозный вал три дня и три ночи
Нас носил по морским околицам,
И вот вынес, изможденных, к берегу
Меж светлых ручьев и зеленых дубрав.

попали на остров злого чудища;

28 Радостно в древесной сени
Воздвигаются шатры, веют пологи,
Возжигаются огни, на огнях
Жарят снедь, на коврах готовят трапезу,
А король наш пускается в окрестные
Долы и укромные рощи
В лов оленей и серн и ланей,
А двое слуг несут за ним лук.

³⁶⁰ По неверным карпафийским зыблям... — Пролив Карпатос между островами Родос и Карпатос. В античной литературе Карпатосское море выступало как обозначение Эгейского.

29 Как мы ждем, привольно раскинувшись,³⁶¹
Государева возвращения с лова,
Вдруг глядим, а на нас несется берегом
Чудо-юдо, страшно сказать.
Боже вас храни, добрый рыцарь,
Увидать такое юдо воочию —
Лучше знать о нем понаслышке,
Чем представить его перед собой.

30 Ни в какой охват оно вширь,
Ни в какую оно ровень — ввысь,
Под бровями торчат два рога
Цвета диких мяс, вместо глаз.
Бежит оно к нам по берегу —
Словно рушится большая гора.
Два клыка из пасти, как у вепря.
Долог нос, пена гнилью кроет грудь.

31 Оно мчится и водит хоботом,
Как ищейка, напав на след.
Как завидели мы его, так и обмерли
И бежать, куда шпорит страх.
Мало радости, что он слеп —
Одним нюхом
Зорче он, чем иной чутьем и зрением,
И без крыльев от него не упасть.

32 Кто куда, но ничто не в прок,
Потому что враг быстрее ветра.
Было сорок, а вряд ли десять
Вплавь dospели до корабля.
Чудо-юдо хватать одних подмышку,
А других за пазуху и на грудь,
А третьих сует в суму,
По-пастушьи висячую у пояса, —

33 И несет он нас в свою царь-пещеру,
Над приливом долбленную в скале,
Всю из мрамора, и такого белого,
Как бумажный неисписанный лист;
А в пещере была хозяйка,
Удрученная и печальная лицом,
А при ней — дамы и девицы,
Разных лет, кто пригожи, а кто нет.

34 Возле самого этого вертепа
Был на горном темени другой,

361 *Чудо-юдо...* — История пленения спутников Норадина чудовищем — людоедом и пастухом и их спасения воспроизводит рассказ Гомера о Полифеме и Одиссее (Одиссея, IX). Учитывал Ариосто и «Энеиду» (рассказ одного из спутников Одиссея в книге III).

Столь же емкий,
Где стояло у чудовища стадо.
Было стадо такое, что не счесть,
И он пас его зимою и летом,
В срок впуская, в срок выпуская,
Не из нужды, а пуще для потехи.

35 А кормился он лучше человеческим
Мясом: не успел он войти,
Как троих из наших товарищей
Он живьем сунул в пасть и проглотил.
Потом к стойлу, отваливает камень,
Стадо — вон, а нас — под затвор,
И уходит, поигрывая в волынку,
Со скотиною в сытные места.

36 А меж тем государь воротился
К берегу и видит беду:
Ни души, ни звука,
Пусто в кущах, в шатрах и под листвою.
Он не знает, на кого и думать,
Он в тревоге скачет к самому морю
И глядит: его моряки
Уж в отчале и втягивают якорь.

37 Чуть завидев государя на взморье,
Они тотчас шлют за ним челн;
Но едва Норандин услышал,
Каково он обездолен от чудища, —
Он без дальних слов прочь от берега
И в погоню, неведомо куда:
Жизнь не в жизнь ему без милой Люцины —
Он вернет ее или он умрет.

38 Где в береговом песке
Свежие метятся следы,
Туда мчит он в любовном гневе
И вот всходит к самой той скале,
Где в несвычном страхе
Мы томимся ожиданием чудища,
В каждом звуке слыша,
Что голодный вернулся нас пожрать.

по совету чудищевой жены

39 Не оставила короля удача:
Вместо чудища в гроте лишь жена.
«Прочь, несчастный! — кричит она, — спасайся,
Пока юдище не пришло тебя съесть!» —
«Съесть ли, нет ли, — король в ответ, —

Быть ли, сгинуть ли, одна мне беда:
Я пришел сюда не ошибкою,
А смерть принять за возлюбленную мою».

40 И он спрашивает: кого
Похватало юдище на взморье?
И первее всех — о милой Люцине:
Она мертвая или она в плену?
Отвечает добрая дама:
«Не печалься, она жива,
И останется жива, потому что
Это юдо женщин не ест.

41 А уликою тому — я сама
И все дамы, которые со мною:
Ни к которой юдо не худо,
Пока мы ни шагу за порог.
Но кто вздумает убежать —
Той непримиримая кара:
Ввергнет в цепи, зароет заживо,
Или выставит нагую под зной.

42 Как он нынче приволок этих пленных,
То не рознил мужчин и дам,
А в ближний вертеп
Побросал их, как были, без разбора.
Он чутьем различает пол от пола, —
Стало, женщинам нечего бояться,
Но мужчины — другое дело: в день
Две-три пары пожрут жадной глоткою.

43 Вызволить ту, что здесь,
Никакого не дам тебе совета;
Радуйся, что она жива,
И что будет жива, к добру ли, к худу ли.
Но спасайся сам, ради Спасителя,
Чтоб тебя не учуял людоед!
Как он входит и носом водит,
То и мышь не утаится в щели».

44 Отвечает царь: нипочем
Не уйдет он, не видевши Люцины,
Лучше ему сгинуть при ней,
Чем томиться живым и одиноким!
Видит дама, никакие слова
Не отвадят его от твердой воли,
И хочет ему помочь
От всего ума и доброхотства.

Норандин, надевши козью шкуру,

45 Были у них в дому
Туши коз, козлов, овец и баранов
В снедь хозяйке и свитным дамам,
А их шкуры свисали с потолка.
И сказала хозяйка королю
У большого козла из потрохов
Набрать сала и натереть все тело,
Чтоб в козлином запахе спрятать свой.

46 А как пошла от него душная вонь,
Тяжкий дых злопашного козлища,
Подает она косматую шкуру
И велит в нее залезть с головой,
Встать на все четыре,
И в такой-то его личине
Повела она его к той скале,
За которой сокрыта его любезная.

47 Покоряется Норандин
И при устье заглыбленной пещеры
Ждет, томясь, вечерней зари,
Чтобы вдаться в загон со всей скотиною.
И вот слышит: заволынила волынка,
Зазывая в горный приют
С росных трав
Гонимое стадо лютым стадником.

48 Верно, дрогнуло сердце в храбреце,
Как слышалось приближение юда,
И обличье, бросающее в ужас,
Нависло над приступом вертепа.
Но любовь сильнее, чем страх,
Ибо зримо, сколь она непритворна.
Вот подходит юдо, глыбу в сторону,
Стадо входит, с ним Норандин.

49 Двинув паству и заваливши устье,
Юдо — к нам,
Всех обнюхал, а двух хватает
И вгрызается в их сырую плоть.
Ах, как вспомню его рвущие клычья,
До сих пор меня кидает в дрожь и пот!
Вот ушел людоед; король из козьей
Шкуры прочь и бросается к жене.

50 А она
Вместо радости и утехи — в стон и боль,
Ибо видит: здесь ему и погибнуть,
А ее от гибели не спасти.
«В столькой моей беде, —
Говорит она, — одна была радость,

Что когда умкнуло меня чудище,
То со мною не было тебя,

51 И хоть горько мне и хоть тяжко
Быть вготове покинуть свет,
Но одно было благо —
Горевать, как и всем, лишь о себе.
А теперь, едва ты вошел —
Горше мне моей твоя погибель», —
И так далее, больше удручаясь
Норандиновой долею, чем своей.

52 «Я пришел, — в ответ ей король, —
Чтоб спасти тебя и с тобою всех,
А коли нет, так лучше погибнуть,
Чем жить во тьме без тебя, мой свет.
Как сюда я вошел, так и отсюда
Выйду, а со мною и вы,
Ежели, как я, душой не дрогнете
Облечь тело в животный смрад».

выручает из плена своих спутников,

53 Он поведывает уловку
Юдовой жены против юдина, чутья,
И зовет одеться в козьи шкуры,
Чтоб злодей не ущупал нас на выходе.
Никто не стал поперек;
И вот, сколько нас мужчин и сколько женщин,
Столько мы взрезали козлов,
Выбирая подряхлей и позловоннее,

54 Умастились от темени до пят
Густым салом козьих утроб
И оделись включенными шкурами.
А уже из золотого подворья
Вышел день, и по первому лучу
Всходит пастух к пещере,
Дунул в гудкие дудки
И выкликает стадо на пастбище.

55 Пятернею загородивши выход,
Чтоб со стадом не выскользнули пленники,
Пропускал он в щель
Всех, чьи спины в шерсти или в щетине.
Чужеходным следом
В космах шкур тянемся и мы,
И никому помехи от чудища,
Пока в страхе не подошла Люцина.

и только Люцина остается в неволе,

56 Тем ли она пахучим салом
Погнушалась умаститься так, как мы,
Поступью ль была плавней и медленней,
Чем скотина, какой хотела быть,
Юдова ли длань на крестце
Вынудила из нее крик испуга,
Кудри ль не в меру пали длинно, —
Я не знаю, но она была узнана.

57 Все мы, каждый сам о себе,
Не закидывали взора на ближнего;
Только я на крик
Обернулся и вижу: сорвав шкуру,
Юдо гнало царицу снова в заперть;
Мы же — прочь, и за диким пастухом
Бродим в стаде, пластаясь в козьих кожах,
По зеленым луговинам меж всхолмьями.

58 А когда, во весь рост разлегшись в тень,
Захрапело хоботное чудище, —
Кто пустился к морю, кто в горы,
И один не пустился Норандин.
В неизбывной своей любви
Хочет он с тем же стадом в тот же грот
И принять там смерть,
Коль не выдастся верная подруга.

59 Ибо впрямь, увидевши, как за входом
Лишь она осталась в плену,
В буре горя едва он сам не бросился
В ненасытную чудищеву пасть
И уже стоял под самым хоботом,
На размол жестоким жерновам, —
Но сдержала его надежда
Все же вызволить милую из узилища.

60 Пришел вечер, пригнало чудище
Скот к пещере, смотрит, а нас нет,
И кричит, голодное,
Что Люцина одна всему виной,
И велит ее выставить в оковах
По край жизни на крутую скалу.
Видит царь, как она за него страждет,
И крушится, и только что не мертв.

61 Поутру и повечеру,
С стадом в поле и с стадом в стойло,
Смотрит ввысь горестный влюбленный,

Как подруга мучится и плачет,
А она ему жалостным лицом
Дает знак скрыться, скрыться ради Бога:
Здесь опасно,
А помочь он бессилен.

62 Людоедова жена тоже просит
Короля бежать, и тоже тщетно:
Нет ему пути от Люцины,
И его постоянству нет конца.
В том служенье Любви и Верности
Велико было его испытание,
Пока случаем к той круче не привелись
Агриканов Мандрикард и царь Градасс.

пока ее не спасают Мандрикард и Градасс.

63 Славная их отвага³⁶²
Умыслом, а пуще удачею
Вызволила светлую Люцину;
И — на взморье, а там ее отец,
И они ему вручают спасенную,
А был ранний час,
И король Норандин
Еще медлил в стойле между жвачными.

64 Белый день отомкнул ему затвор,
Он увидел, что нет его красавицы,
И услышал, как было дело
(Все сказала людоедова жена),
И преблагодарно молит Господа,
Чтоб она, исторгшись из бедствий,
Обрелась в достижном краю
Его слову, клинку или золоту.

65 А потом с плосконосым стадом³⁶³
Вновь спешит на пастбищный луг
И, ликуя, ждет, пока юдище
Не уснет в тени на траве;
И — бежать, весь день и всю ночь,
Чтоб завериться от юдова плена,
И в Атталии всходит на корабль,

362 *Умыслом, а пуще удачею...* — Ариосто резюмирует в одной строфе эпизод «Влюбленного Роланда» (III, III, 48 слл). Мандрикард и Градасс, освободив от цепей Люцину, вступили в бой с чудовищем, но все их удары были бессильны против его непробиваемой шкуры. Спасло их то, что Мандрикард подвел слепое чудовище к горной расщелине, куда оно и свалилось. Рыцари и Люцина едва успели сесть на корабль, как чудовище появилось на берегу и, метнув в корабль целой скалой, чуть не пустило его ко дну. (Этот бросок скалы — единственная деталь, которая роднит Боярдово чудовище с Полифемом. Ариосто это сходство значительно развил).

363 *Атталия*. — Анталья, город на южном побережье Малой Азии.

И уж вот три месяца, как он в Сирии.

66 А свою прекрасную королеву³⁶⁴
Он послал разыскивать в Кипр и Родос,
В Африку, в Египет и в Турцию,
Но сыскал ее лишь третьего дня:
Ибо третьего дня из Никозии
Пришла грамотка, что она жива,
И с отцом, и на Кипре, хоть и долгие
Были ветры паруснику их в лоб.

67 И на радостях о счастливой вести
Огласил король неслыханный праздник,
И чтоб каждый четвертый месяц
Быть такому снова и снова
Для утешной памяти о том,
Как, бродивши четыре полных месяца
В козьих космах меж Юдиных стад,
В этот день он нашел свое спасение.

68 Что сказал я, то видел я воочию³⁶⁵
Или слышал от самого короля,
Все иды и все календы
Прострадавшего от горя до радости;
А кто станет насказывать иное,
Тому молвите: лучше бы молчал».
Вот таков от хозяина Грифону
Был рассказ, отчего такое празднество.

В Дамаске по этому случаю устроен турнир.

69 За долгою об этом беседою
Препровели рыцари немалую ночь
И пришли к тому, что король
Великую изъявил любовь и верность.
А восстав от трапезы,
Разошлись почивать по сладким ложницам.
А поутру, светлому и яркому,
Пробудились они шумом веселья.

70 Били бубны, дули трубы,
Шли и вели город на площадь,
Гул и отгул неся над улицами
От копыт, колес и голосов.
И тогда Грифон надел свои светлые

364 *И с отцом...* — Во «Влюбленном Роланде» имя отца Люцины — Тибиан.

365 *Все иды и все календы...* — Долгий период времени (календы в древнеримском календаре — первые числа месяца, иды — тринадцатые или пятнадцатые).

Латы, каких ни у кого,
Закаленные непробойным закалом
Белой феи ворожащею рукой;

71 И злонравный антиохиец —
Тоже в сталь, тоже в путь,
А радушный хозяин им вручил
Копья, мощные, как узлистые палицы,
И собрал небеззнатных спутников,
И с роднёю выехал сам,
А за ними — отборные в служении
Конные и пешие щитоносцы.

72 Выехали на площадь, стали в стороне,
Не спешив выставлять себя на зрелище,
И глядят, как Марсовы витязи
Чередой едут на праздничную брань,
И как каждый несет цвета,
Или роспись щита, или знак на шлеме,
Какова к нему его дама,
И приветна ее любовь или нет.

(Отступление о крестовом походе.)

73 А латы и шлемы в Сирии
О ту пору были таковы, как у нас, —
Полагаю, от соседственной смежности
С теми франками, чья долгая власть
Осеньяла ту Святую Землю,
Где Всесильный явился во плоти,
И которую нынешняя суетность
Выдала в хулу себе поганым псам.

74 Там, где взять бы копьё на удар
И нести вперед святую веру, —
Там и то немного, что в вере,
Робкою утробой брошено в раззор.
Вы, испанские мужи, вы, французские,
Вы, швейцарские, обратите взор,
Вы, германские, к иному захвату, —
А у нас и так Христова земля.

75 Вы, христианнейшими,³⁶⁶
Вы, католическими величающие себя,
Зачем льете кровь Христовых верных,

³⁶⁶ *Вы, христианнейшими...* — Христианнейший — титул французских королей (с 1469 г.), католический — испанских (с 1492 г.).

Преданный христонредателям... — Так Ариосто обозначает мусульман, имея в виду либо янычар, формировавшихся из вероотступников, либо легенду о том, что основатель ислама был христианским епископом. Иерусалим был потерян христианами в 1187 г.

Зачем хотите честное добро?
Отчего не отбит Ерусалим,
Преданный от вас хриstopредателям?
Отчего под нечистым турком
Лучший выдел мира, Царьград?

76 Ты, Испания, не тебе ль обид³⁶⁷
Больше было не в нас, а в ближней Африке?
Но ты бросила початую славу,
Чтоб трудить свою мощь над убожеством.
А ты, хмельная Италия,
Всех зловонных скопище пороков,
Ты спишь, и тебе не в тягость
Быть рабою былых твоих рабов?

77 Если ты, швейцарец, от голода
Сшед в Ломбардию из горных нор,
Ищешь здесь, кто даст тебе хлеба
Или смертью вызволит из невзгод, —
То взгляни, вот казна Большого Турка,
Изгони его в Азию, изгони
Хоть из Греции, и вот тебе сытость,
А коли смерть, то достойная смерть.

78 Что тебе говорю, то повторю³⁶⁸
И германскому твоему соседу:
Там — богатства римского Константина,
Ибо лучшее он взял, и лишь худшее — дал;
Там Пактол и золотой Герм,
Там Мигдония, Лидия, и там
Препрославленный край обетованный:
Вы шагнете, и перед вами — он.

79 Ты, великий Лев, над которым³⁶⁹
Святой гнет небесных ключей,
Если длань твоя — на кудрях Италии, —
Не оставь ее, спящую, спать!
Ты — над паствою, у тебя от Господа —
Жезл, а имя — от царя зверей:
Грянь же в рыке, простри же руки,
Оборони свое стадо от волков!

367 *Но ты бросила початую славу...* — Славу Реконкисты, которая завершилась при жизни Ариосто (взятие Гранады, 1492).

368 *Ибо лучшее он взял, и лишь худшее — дал...* — Имеется в виду Константинов дар (средневековая легенда о дарении Западной империи в удел римскому первосвященнику).

Там Пактол и золотой Герм... — Золотоносные реки в Лидии: Герм (ныне Гедиз) и приток его Пактол (ныне Сарабат).

Мигдония. — Область во Фригии.

369 *...великий Лев...* — Лев X (Джованни Медичи), папа в 1513 — 1521 г.

Святой гнет небесных ключей... — Ср.: «И ключ дома Давидова возложу на рамена его» (Исайя, XXII, 22).

80 Но начав об одном среди другого,
Куда забрел я, сбившись с пути?
Дай Бог, чтоб впору
Отыскать дорогу назад.
Я сказал, что в оные дни доспехи
Были в Сирии те же, что у нас,
И прекрасна была дамаская
Площадь в блеске шлемов и лат.

81 Алые и желтые цветы
Сыплют дамы с балконов на ристателей,
А они под звук золотых
Труб вздымают коней то вбок, то ввысь:
Ловкий и неловкий
Ищет отличиться, шпорит, хлещет,
И одним — слава и хвала,
А другим — только посмехи и покрики.

82 Наградю победителю — доспех,
А его нашел на дальней дороге
Возвратный из Армении купец
И поднес королю Норандину.
А от себя приложил король
Плащ знатнейшей ткани,
Шитый золотом, перлом и камнем,
Которому нет цены.

83 Знай король, каков тот доспех, —
Дорожил бы им пуще всех сокровищ
И нипочем бы не отдал на турнир,
Хоть и был отменно щедр и вежествен.
А какой доспешник
Так пренебрег им, что бросил на тропе
В добычу любому мимохожему, —
О том нынче не с руки мне рассказывать,

84 Скажу после, а пока моя речь — ³⁷⁰
Как Грифон предстал на турнир.
Видит: вволю поколото, порублено,
Не одно копьё переломлено,
А дружнее всех держатся восемь молодцов,
Все верные королю, все милые королю,
Из семей дворянских и княжеских,
Свычные и сручные к оружию.

85 Здесь в ограде они держали поле
И встречали любого, кто на них,
То копьём, то клинком, а то палицею,
А король любовался и смотрел.

Для потехи они сшибались,
Дробя броню,
Друг с другом, как враг с врагом,
Но по царскому знаку — мигом вроссыпь.

Мартан выступает с позором.

86 А несмысль-антиохиец,
По прозванию Пуганый Мартан,
Словно обок с Грифоном
Впав в Грифонову силу,
Вызывается на Марсову брань,
Но вначале — со стороны
Ждет, чтоб докипела лихая сеча,
Заварясь меж двух поединщиков.

87 Селевкийский князь,
Из восьми единый избранных,
Бившись в эту пору с Омбруном,
Так уметил ему посередь лица,
Что убил.
И все о павшем плакали,
Потому что слыл он добрым рыцарем
И любезнейшим в этой стороне.

88 От такого зрелища
Приступил к Мартану великий страх:
Вновь почуясь в собственном нраве,
Ищет он уйти от схожей участи.
Но при нем — блюдуший Грифон,
И он нудит невмерного нахвальщика
Двинуться на двинувшегося витязя,
Как нудят пса по волчьим пятам,

89 И пес летит в десяти шагах,
И вдруг встал, и в лай,
Взвидев грозно скрежещущую пасть
И глаза, извергающие пламень.
Так-то пред лицом всего двора
И всего удалого рыцарства
Дрогнул робкий Мартан
И рванул узду и морду вправо.

90 Бремя стыдной вины³⁷¹
Он свалил бы на коня:
Но мечом он дал такую обмолвку,
Что ее и Демосфен бы не выправил.

³⁷¹ Демосфен (384 — 322 г. до н. э.). — Афинский оратор, в данном случае как мастер судебного красноречия.

Ему страшен каждый удар,
Словно латы на нем — бумажные,
И уже он бросил строй и бежит,
А народ вокруг поля хохочет.

За это Грифон побеждает целых восьмерых,

91 Все в крик, все в стук,
А Марган,
Как травленный волк,
Со всех ног поспекает в прежний угол.
Стоит Грифон,
Как запятнанный срамом товарища,
И чем здесь стоять,
Он охотней стоял бы в печи огненной.

92 Пышет сердце, пышет лицо,
Словно весь позор на нем едином,
И томит его, что народ
И его клеймит такую же мерою.
Нынче его доблесть
Должна полыхнуть, как факел,
Ибо сбейся он хоть на палец —
Злому взгляду привидится на сажень.

93 Но Грифон не привык сбиваться сталью:
Древко к бедру,
Шпоры в конский бок,
Подскакал, копьё — на удар,
И разит сидонского герцога
Тот — с седла.
Все кругом привстали с мест:
Всего ждали, но этого не ждали.

94 Поворачивает Грифон
И копьё свое, целое и крепкое,
Ломит в три разлома о щит
Барона Лаодикейского.
Трижды чуть не рухнув и четырежды,
Тот откинулся на конский крестец,
Но спрямился, меч наголо,
И пустил коня в упор Грифону.

95 Видя его в седле,
И что схватке еще не конец,
Говорит Грифон: «Копья не стало —
Станет трех ударов меча!»
И как с громного неба,
Рушится удар тому на шелом,
И другой, и третий,

И уже ошеломленный на земле.

96 Были там два апамейских брата,³⁷²
Свычные в турнирных победах,
Тирс и Коримб, — и обоих
Ниспроверг Оливьеров сын.
Один выметен из седла,
На другого удачлив меч, —
И уже для судящих несомненно,
Что герой турнира — новый гость.

97 Но въезжает на поле Салинтерн,
Государев палатный и конюший,
Управитель над всем королевством
И отменный рукоборец в бою.
Не стерпев уступить награду
На такой потехе пришлецу,
Он схватил копье
И с пугающим криком — на Грифона.

98 А Грифон — с ответным копьем,
Из десятка выбрав самое лучшее,
И без промаха метит в щит,
И прошло копье сквозь сталь и грудь,
И, жестокое, меж ребром и ребром,
И на пядь прорезалось за спиною.
Опечален король, а люди рады:
Не любили Салинтерна — был он скуп.

99 Расскакался Грифон и ссаживает
Двух дамасских, Эрмофила и Кармонда;
Первый ставлен водить полки,
А второй началовать над флотом.
Первый выбит, и седло его пусто;
Второй рухнул, придавленный конем,
Не выстоявшим
Пред могучим Грифоновым ударом.

и даже самого сильного.

100 Остается сильнейший всех семи —
Селевкийский герцог,
Мощный дланью,
Чудо-панцирем и славным конем.
Два бойца в два копья
Ударяют друг друга прямо в шлемы;
Но Грифонов удар сильней,

372 ...два апамейских брата... — В античной географии известно несколько городов с названием Апамея: в Сирии, во Фригии, в западной Вифинии.

И язычник вышиблен из стремени.

101 Древки в сторону, бранный пыл
Тешится нагими клинками,
И врубает басурману Грифон
Такой взмах, что впору по наковальне.
На глазах разлетелись сталь и кость
Лучшего меж тысяч щитов,
И не будь на враге достойные латы, —
Быть в разрубе его бедру.

102 В тот же миг селевкийский паладин
Так разит Грифона в створ забрала,
Что взломал бы и достал бы, не будь
На том шлеме заговорные чары.
Таково закален доспех,
Что разбить его — тщетная забота;
А Грифон разит и разит,
И броня на сопернике — в пробоинах.

103 Кто глядит, тот видит:
Грифон — сильней, селевкиец — слабей;
И сложил бы он басурманскую голову,
Не вели сам король борцам разъехаться.
Вот по слову державного Норандина
Выезжает стража разнять борьбу,
Одного правят вправо, другого влево,
И все плещут мудрости короля.

104 А те восьмеро удалых, которые,
Вызвав всех, полегли перед одним,
По неладной такой борьбе
Друг за другом тянутся с побоища;
А иные, на них вышедшие,
Остаются стоять без супротивников,
Потому что со всеми восьмерыми
Перебил им битву один Грифон.

105 Недолгое было воеванье —
Отпразднован праздник за единый час.
И тогда король Норандин,
Чтоб не кончиться потехе до вечера,
Сшед с помоста в чистое поле,
Делит надвое латный сонм
Знатных к знатным, доблестных к доблестным,
И заводит новую игру.

Они уезжают из Дамаска.

106 А Грифон воротился на постой,

Опаляясь гневом,
Ибо пуще своей победы
Был ему Мартанов позор.
Отстранить нависшие укоры
Размыкает Мартан лживые губы,
А обманщица, блудная и лукавая,
Заступает его, сколь было сил.

107 Поверив ли, не поверив ли,
Но не спорит витязь с их уловками,
А решает тотчас и тайно
Сняться с места, чтоб не было бы худа,
Потому что явись Мартан
В людном месте, и быть большому шуму.
Так по улице узкой и кривой
Вышли они за ворота на дорогу.

108 Но конь ли устал, Грифон ли устал,
Сон ли навис ему на очи,
А не минули они и двух миль,
Как свернул он в первую таверну,
Снял шлем, снял латы,
Приказал разнуздать коней,
Заперся в опочивальной камерке
И в постель, в чем мать родила

Мартан похищает доспехи у спящего Грифона

109 Не успел он склонить голову — ³⁷³
Слиплись веки, и свалил его сон:
Ни один сурок, ни полчок
Так не спит, как спалось Грифону.
А меж тем Оригилла и Мартан
Вышли в сад, что при той таверне,
И такую затеяли кознь,
Что вовек не всходила в ум человеческий.

110 Порешил Мартан умыкнуть
Платье, латы и коня Грифонова,
И предстать королю, как тот,
Кто явил на турнире стрелко подвигов.
Сдуманно — сделано: и взял он
Латы, щит, пернатый шлем и плащ,
И коня белей молока,
И отменное Грифоново платье.

³⁷³ Кознь, // *Что вовек не всходила в ум человеческий...* — Данный ариостовский эпизод прямо восходит к французскому «Роману о Паламеде», где герой подобного же сюжета, Мелиадус аналогичным образом обманут и опозорен своей возлюбленной и ее трусливым любовником, выданным ею за двоюродного брата. См.: Райна. С. 228 — 235.

111 С щитоносцами своими и красавицею
Он въезжает в еще людную площадь
В самый час, когда у бойцов
Отswerкали мечи, отставились копья,
И когда повелел король
Сыскать рыцаря под белыми перьями,
В белом плаще и на белом скакуне —
Победителя, чье имя неведомо, —

и выдает себя за победителя турнира.

112 Под чужим покровом,³⁷⁴
Как осел в львиной шкуре,
Вышел званный на жданный зов
В Грифоново место.
Добрый царь встает ему навстречу,
Обымает, лобзает, сажает рядом
И не знает конца хвалам и почестям,
Чтобы подвиг гремел во всякий слух.

113 Золотым возглашают звоном
Победителя торжественного дня;
Громкий крик несет над народом
Недостойное имя;
Король едет с ним конь о конь
От турнирной площади ко дворцу
И такую осыпает его милостью,
Словно он — Геркулес или Марс.

114 Ложница знатная и пышная
Ждет виновника в царственном доме;
Оригилле — смежная честь:
К ней приставлены и дамы и рыцари.
Но пора нам оборотиться к Грифону,
Что без страха об измене друзей
Заснул, спал
И проснулся о заполуденном часе.

Грифон, проснувшись, надевает доспехи Мартана и преследует его.

115 Встал он, видит, что время позднее,
И бежит оттуда, где спал,
Туда, где оставил вероломную
С мнимым братом и свитным людом.
Глядь — ни их, ни наряда, ни доспехов;

374 *Как осел в львиной шкуре...* — Отсылка к известной басне Эзопа.

И вот всходит в его ум подозрение;
И еще оно крепче
Оттого, что кругом — Марганово добро

116 А гостиник ему и говорит,
Что тот спутник, надев белые латы,
И с дамою, и со свитою
Уж давно как воротились в Дамаск.
Тут-то начинает Грифон
Видеть след, затмеваемый Амором,
И с великою понимает досадою,
Что с подругой был любовник, а не брат.

117 В горе о своем неразумии,
Что, услышавши от странника правду,
Предпочел он верить речам
Той, кем многожды был уже обманут,
Он не знает, как ему отомстить,
Ищет казни беглому недругу
И решает на свою голову
Взять у низкого доспех и коня.

118 Чем надеть тот позорный панцирь,
Вскинуть тот посрамленный щит,
Принять шлем с осмеянным знаком,
Он охотней бы шел наг и безоружен;
Но слабей разумение, чем желание
Настичь блудную и ее дружка.
Подошел он к городу в пору,
Когда с час осталось белого света;

119 Встал он у ворот, а налево
Блещет замок над самыми воротами,
Не твердыня, не оплот против приступа,
А привольный многохоромный дворец.
В том дворце под пышным наметом
Король, князья и вельможи
Меж прекраснейших дам всей Сирии
В роскоши и радости пировали пир.

120 На высоком возносилась утесе
Пирная палата из-за градной стены,
Вдаль и вширь
Озирая доли и дороги.
И явьясь Грифон у ворот
В том доспехе позора и подлости,
Волею прихотливого случая
Был увиден королем и двором.

Его принимают за хозяина доспехов,

121 В чьих он знаках, тем он и кажется, —
И хохочут над ним дамы и рыцари,
И с улыбкою король Норандин
Вопрошает злосердного Мартана,
Сидящего одесную
И с подругой себе подстать:
«Кто он, этот трус,
Небрегуший всерыцарскою доблестью?»

122 Как он мог после столького позора
Здесь явить свой клейменный лоб?
В диво мне, — молвит государь, —
Что в отменном вашем военравии
Вы такого избрали спутника,
Что презренней не видывал Левант!
Не иначе, как чтобы рядом
Ярче стал ваш собственный блеск!

123 Но клянусь вековечными богами:
Если бы не вы —
Я бы отдал его на поругание
Меж иных, таких же, как он,
И запомнил бы он по гроб,
Каково я гнушаюсь мерзкой подлостью.
Коли он ушел неврежден —
Это потому, что был он с вами».

124 А Мартан, сосуд всех пороков,
Отвечает ему: «Государь,
Сам я его не ведаю,
Встретил я его на Антиохийской дороге,
Показался он мне по виду
Достойным делить мой путь,
А его дел я не видел и не слышал
До худого, что нынче поутру;

125 И оно мне таково обидно,
Что ему я, малодушному, в казнь
Был готов на такую шутку,
Что вовек он не взялся бы за булат;
Но сдержало меня почтение
Не к нему, а к вам и вашему царству;
О себе же скажу одно:
Ни на час не хочу его в товарищи,

126 Ибо срам его — и на мне,
И душе моей будет вечным бременем,
Если он, осквернитель рыцарства,
Невредим уйдет из этих мест.
Чем отпускать его с миром,
Вам бы вздернуть его на стенном зубце, —

Славно это будет и по-царски,
В погляденье и урок всем негодникам».

127 Оригилла без сговору
Спешит в помощь Мартановым словам;
А король в ответ:
«Не таков его грех, чтоб прямо в петлю;
Но хочу я за его вину,
Чтоб еще раз стался он нам потехою!»
И зовет барона,
И дает барону повеление.

СХВАТЫВАЮТ

128 Собирает барон оружных,
Сходит к входу,
Расставляет своих по тишине
И достерегает Грифона.
Как он въехал меж двух мостов, —
Все врасплох на него и хватъ без бою,
А потом — в темницу до зари
С посмеянием и поношением.

129 Но как только над древним лоном
Солнце вскинуло золотые кудри,
С горных склонов сгоняя тени,
А вершины озаряя светом,
Как злодей Мартан
В страхе, что Грифон добьется правды,
И вина обрушится на виновного,
Отдал честь королю — и восвояси,

130 Обелясь достойными причинами,
Что не будет он зрителем на зрелище;
А король за чужую победу
Сверх награды дарит его дарами
И большую пишет ему грамоту,
Где велится ему всякая честь.
Пусть себе едет —
Обещаю вам: скоро он поплатится.

И ВЫВОДЯТ НА ПОСМЕЯНИЕ.

131 А Грифона выволокли на площадь
В самый многолюдный позор,
Сорвали с него шлем и панцирь,
Оставили в куртке до пупа,
Притащили к мясным рядам,

Взвалили на высокую телегу,
А ее тянули еле-еле
Две коровы, чуть живые с голода.

132 Свитою срамной колесницы
Шли старухи и поганые шлюхи,
То одна, то другая держит вожжи,
И все с хулою на язвящих губах;
А мальчишки, не щадя сил,
Поверх брани, поносной и обидной,
Впрямь забили бы его камнями,
Не сдержи их те, кто поумней.

133 Доспех обманного вида,
Причина злополучного плена,
Привязанный к заднику телеги,
Поделом тащился в грязи.
Встали перед судным помостом
И выкрикнули в очи и в уши
Сказ о чужом бесчестье
Голосом трубного крикуна.

134 И дальше, всем напоказ,
Перед храмами, перед домами, перед кузнями,
И не было худших хул,
Чем злобились над его головою.
Наконец, вываливает народ
За город из ворот,
Чтоб выгнать его и выпроводить,
А кто он — всем невдомек.

Он высвобождается...

135 Но едва ему выпростали из желез
Ноги, и высвободили руки,
Как он хватать тот щит
И тот меч, скрежетавший за телегою,
А на него — никого.
Вздорный люд без мечей и без копий...
Но что вышло — о том новая песня,
А этой, государь мой, конец.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ (ДАРДИНЕЛЬ)

Песнь XVIII

На первом плане — освободившийся Грифон нападает на своих гонителей. На

среднем — Родомонт по реке выбирается из Парижа. На дальнем — Марфиза в Дамаске захватывает свое оружие и отражает противящихся

Вступление.

1 Веледушный мой повелитель,
Вам всегда и за все — моя хвала,
Хоть от слов моих нескладных и неловких,
Вашей славе — только урон.
Но превыше иных доброт
Об одной мое пение и сердце:
К каждому ваш милостив слух,
Но не просто склонить его к доверию.

2 Винят ли тебе кого заочно —
Ты сам ему ищешь оправдания
Или, заложив одно ухо,
Ждешь, чтоб сам он предстал себе помочь.
Никого не судишь,
Не увидев и не услышав, —
Лучше выждешь день, месяц, год,
Чем спешить крутым приговором.

...и побивает много народа.

3 Будь таков Норандин, как ты, —
Ввек Грифону не дельвать бы сделанного!
А теперь — за тобою честь и благо,
А на нем, как смоль, бесславящее пятно,
Ибо много погубил он своих,
Когда странный от ярости Грифон
В десять взмахов
Тридцать душ положил вкруг телеги.

4 Остальные от страху кто куда,
По дорогам, по бездорожьям,
Вспять в ворота
И вповал друг о друга на порог.
А Грифон, не тратя угроз,
Не зная пощады,
В мечь за срам
Мечет меч по немощному толпищу.

5 У кого проворнее прыть,
Первыми доспев до ворот,
В мыслях о себе, а не о товарищах,
Вскидывают мост,
А другие, в слезах и с смертью в лицах,
Мчатся вроссыпь и ни взгляда назад,

И от всех повсюду великий
Крик, шум, вой.

6 А лихой Грифон
Хвать двоих в той толпе, которая
На погибель брошена у моста,
И одного — головою о камень,
А другого поперек тулова
И с размаху через стену прямо в город:
Рушится он с неба на площадь,
Видят люди, и мороз по костям.

7 Робким страшно, что рыцарь в ярости
Сам взлетит над стеною — и на них.
Подступи к Дамаску султан —
И то не было бы громче тревоги:
Бегут люди, машут мечи,
С высоты вопят муэдзины,
Барабаны с трубами бьют в слух,
И небо раскатывается эхом.

Тем временем Карл нападает на Родомонта.

8 Но что из этого вышло,
Я домолвлю в следующий раз,
А теперь мне пора к славному Карлу,
Как он рвется на Родомонта,
Погубителя крещеного люда,
А при нем (я уже их называл)
Оливьер, и Наим, и Большой Датчанин,
Авин, Аволий, Отон, Берлингьер.

9 Восемь копий восьми паладинов
Ударяют, и на все был отпор —
Тверда чешуя,
Скорлупой облегшая сердце мавра.
Как прямится челн,
Когда кормщик спустит снасть перед бурей,
Так выстоял Родомонт,
Где бы дрогнула каменная гора.

10 Раньер, Рикард, Гвидон, Соломон,³⁷⁵
Верный Турпин и неверный Ганелон,

375 Раньер. — Второстепенный персонаж Каролингова цикла.

Рикард. — Персонаж Каролингова цикла, упоминается в «Песни о Роланде», где погибает в сражении с Балигантом. Его исторический прототип — Ришар I, герцог Нормандии (943 — 996).

Ивон. — Один из двенадцати пэров в списке «Песни о Роланде».

Марк и Матвей от

Святого Михаила... — Второстепенные персонажи итальянской традиции. В «Морганте» Пульчи погибают при Ронсевале.

Анджолин, Анджольер, Угетт, Ивон,
Марк и Матвей от святого Михаила
И все восьмеро вышеназванных, —
Крепким кругом обстали басурмана,
А меж них — Ариман и Одоард,
Только что приспевшие из Британии.

11 Не так кипит ветер в Альпах
Перед башней на скальной круче,
Когда ярый аквилон или австр
Гнет в ущельях ясени и ели, —
Как кипит сарацин
Гордым гневом и жаждой крови.
И как слиты молния и гром,
Так в язычнике — ненависть и мщенье.

12 Бьет он в голову ближайшему,
А ближайший был Дордонский Угетт,
И хоть шлем на нем лучшего закала,
Пал несчастный, раскрыт до зубов.
Тотчас сам
Слышит злобный в свой панцирь град . ударов,
Но они — как игла для наковальни:
Так он вкован в драконью чешую.

Стекается народ.

13 Брошены валы,
Обезлюдел город —
Всем народом рвется Карл на площадь:
Здесь он надобнее.
Нет иного людям спасения —
Льется в площадь толпа из всех заулков,
И у каждого жар в груди, булат в руках:
Так пылают души зовом Карла.

14 Как в оградный затвор
К взятой в лове бывалой львице
На потеху черни
Заточают неистового быка, —
Ее львеныши,
Глядя на невиданные рога,
И как с ревом он мечется по песку,
Жмутся в угол в смятении и страхе;

15 Но когда свирепая мать
Ринется жадным зубом в бычье ухо, —
То и дети взиграют на подмогу,
Кто в хребет, кто в чрево,
Чтобы кровью обагровился рот.

Так сбегается люд на басурманина,
Изблизы, издали, из окон, с крыш
Сея ливень тучей стрел и дровов.

16 Конных и пеших
В тесноте не счесть,
Сброд из улиц
Нарастает, как пчельный рой;
Безоружных, праздных,
Всех бы порубил в капусту,
Но и мавру в давке
Станет рубки на двадцать дней.

17 Такова игра ему несручна:
Вошед, он не ведает, как выйти.
Больше тысячи окровавило землю,
А толпе не в убыль,
А толпа набухает бранным духом,
И видит Родомонт:
Не уйди он теперь, пока цел и полон сил, —
Скоро станет поздно.

18 Обращает он грозный взор,
Видит: нет исхода ни впредь, ни вспять,
Но уж он проторит себе путь,
Положив без счету супротивников.
И сотрясши разительный булат,
Мчится обуюнный
На британскую выставшую рать,
Одоардову рать и Ариманову.

19 Кто видел, как на зрелищной площади
Меж кипящим людом со всех сторон
Дикий бык,
Круглый день травимый псами и копьями,
Вдруг прорвет ограду, и народ
Врассыпную, и уж кто-то вздет на роге, —
Тот и знай, что еще страшней в порыве
Африканский был Родомонт.

Родомонт прорывается из города.

20 Двадцать тел пополам
Двадцать голов с плеч,
Что ни удар, то смерть, —
Так садовник сечет ветви и лозы.
Весь в крови,
Рассыпая руки, ноги, плечц, головы,
Где ни ступит ярый басурман,
Там ему и дорога.

21 Покидает он площадь³⁷⁶
Без приметы страха на лице,
Но взыскуя думою,
На каком пути безопасней след.
Так достиг он того берега,
Где под островом льется Сена из стен;
А ратные люди и нератные
Теснят по пятам, и покою ему нет.

22 Как в Нумидии, как в Массилии³⁷⁷
Царь зверей,
Перед ловчими отступая в дебрь,
Медлен, грозен и воочию царствен, —
Так, не низок духом и делом,
Дикой чащей копий, мечей и дротов
Долгими ступал шагами к берегу
Родомонт.

23 Трижды и четырежды гнев
Гнал его с набережья в город,
Красил кровью меч,
Сотни тел валил вправо и влево, —
Но рассудок пересилил ярость
Не смердеть ко Всевышнему трупам,
Взять лучший путь из большой беды, —
И вот с кручи он бросается в воду.

24 Он бросается в воду³⁷⁸
В тяжких латах, как в пловчих пузырях:
Не рождала ты, Африка, подобного,
Ни Антеем гордясь, ни Аннибалом!
Переплыл и терзается оглядкою,
Ибо цел за его спиною
Этот город, что он прошел насквозь,
И не выжжет, и не сравнял с прахом.

25 Гложет его гнев и гордыня
Вновь вернуться на прежний след,
И он стонет из недр души,
Что не уйдет, не спалив и не порушив.

376 ...под островом... — См.: XIV, 104.

377 *Как в Нумидии, как в Массилии...* — Сравнение со львом и вообще весь эпизод отступления и спасения вплавь Родомонта строятся по образцу отступления Турна (*Вергилий. Энеида*, IX, 788 — 818). Дополнительные источники — отступление Аякса (*Гомер. Илиада*, XI, 547 — 574) и отступление Агрикана (*Боярдо. Влюбленный Роланд*, I, XI, 44 — 45).

Нумидия. — В древности страна в северной Африке (примерно на месте Алжира). *Массилия.* — Восточная часть Нумидии.

378 *Антей.* — См.: IX, 77. прим.

Аннибал. — Ганнибал (ок. 247 — 183 г. до н. э.), карфагенский полководец.

Но глядит сквозь ярость, — а там
Вдоль реки уже спешит к нему тот,
Кто умерит пыл и умедлит гнев";
А каков он, о том начну я издали.

Тем временем Распря, спеша к сарацинам,

26 Я начну с того, как гордой Распре
Повелел архистратиг Михаил
Аграмантовых сильнейших и лучших
Возжечь к брани и лютому раздору.
Тот же час она покинула иноков,
За себя им оставивши Обман
Соблюдать огонь вражды меж братьями
До верховного своего возврата.

27 Ас собою в путь
Взяла Распря прислужную Гордыню,
И как жили все в одном покое,
То не надобно было и розыска.
Выступила Гордыня,
Но и за себя оставила в обители
На немногие отлучные дни —
Лицемерие.

28 Вышла неумолимая Распря
С Гордынею в назначенный путь,
И на том пути
К сарацинскому стану
Неутешную встретили они Ревность,
А при той был карлик пигмей,
Вестник владыке Сарзы
От его прекрасной Доралисы.

приносит к Родомонту весть о Доралисе и Мандрикарде.

29 Как досталась Доралиса Мандрикарду
(Я уже рассказывал, где и как),
Она тайно поверилась карлику,
Чтобы тот повестил о ней царя,
А уж царь не пребудет празден,
И блеснет невиданными подвигами,
Чтоб отбить и отмстить
Переютую свою невесту похитчиком.

30 Повстречавши того карлика Ревность
И узнавши, зачем он держит путь,
Присоседилась она к нему подорожницею,

Рассудив, что без дела ей не быть.
И Распря была им рада,
А пуще, когда уведала,
Куда и зачем их странствие, —
Это было ей к думе и с руки.

31 Завиделось ей поссорить
Родомонта с Агрикановым сыном:
Для других придут другие поводы,
А для этих двух — лучше не найти.
Вот она и повелась вслед за карликом
К Парижу, в сарацинские когти,
И приспели они к берегу о ту пору,
Когда злобный выплывал из волны.

32 Как признал Родомонт
Посланника своей дамы, —
Гаснет гнев, всходит ясность на чело,
И отвага блещет в груди.
В чаянии всякого рассказа,
Кроме лишь повести обид,
Он светло вопрошает карлика:
«С чем шлет тебя наша госпожа?»

33 А карлик ему в ответ:
«Не назвать госпожою рабствующую!
Повстречался нам вчера некий всадник,
И отбил ее, и увез», —
С этим словом ввернулась в душу рыцаря
Ревность, хладная, как змея,
А карлик себе рассказывает,
Как тот всех побил один и взял красавицу.

34 А Распря берет кресало,
Ударяет кресалом о камень,
Гордыня ей держит трут,
Вмиг встал огонь, —
И в пожаре сарацинова душа:
Он хрипит и кипит, не зная, где он,
И на страшном его лице —
Вызов небу и всем стихиям.

35 Как тигрица к нежданно опустелому³⁷⁹
Сходит логову, ходит вокруг,
Ищет детищ,
И поймет, наконец, что похищены,
И таков в ней безумен ярый гнев,
Что ни горы, ни реки, ни ночь, ни град,
Ни бескрайний бег
Не помеха преследующей ненависти, —

Родомонт бросается на поиски их.

36 Так и сарацин,³⁸⁰
Исковеркан страстью,
Обернулся к карлику, крикнул: «В путь!» —
И ни слова ближним,
И не ждет ни коня, ни колесницы,
Быстр, как ящер вперевал через зной.
Нет коня, но коня он отобьет
(Так решил он) у первого поперечного.

37 А уж Распря слышит этот помысл
И усмешливо глядит на Гордыню
И молвит, что ужо ему будет
Конь, с которым не обратиться раздоров,
И уже она знает, где;
А иным коням
Не бывать на всей его дороге.
Будь, что будет; а я теперь — о Карле.

Тогда Карл выводит войско на вылазку.

38 Когда минул Родомонт,³⁸¹
Карл утишил окрест пожар
Разобрал народ по дружинам,
Иных выставил, где слабей оплот,
А с иными шагнул на басурманов,
Чтобы шахом выиграть игру.
Каждому полку — свои ворота,
От святого Германа до святого Виктора,

39 А у врат святого Марцелла,
Где широкое и ровное поле,
Там встать и ждать,
Вскинув стяг для общего сбора.
Здесь и быть резне,
Да такой, чтобы вовек не запомноваласы
Такой дух он вдунув дружинам,
Двинул должных к бою на данный знак.

40 А меж тем король Аграмант,³⁸²

380 *Быстр, как ящер вперевал через зной* — Ср.: Данте. Ад, XXIV, 79 — 81.

381 *От святого Германа до святого Виктора...* — Ворота Сен-Жермен на западе, Сен-Виктор на юго-востоке и Сен-Марсель на юге Парижа.

382 *С паладином прекрасной Изабеллы...* — С Зербином.

Вновь в седле, хоть и ссаженный ударом,
Жарко бился упор в упор
С паладином прекрасной Изабеллы,
А с Лурканием рубился Собрин,
А Ринальд, лицом к лицу с целым полчищем,
Доблестью своей и удачею
Разит, рушит, крушит и гонит вспять.

41 Такова-то была битва в тот час,
Когда Карл ударяет с тыла,
Где король Марсилий под стяг
Собрал цвет испанского рыцарства.
Грянул Карл удалым своим народом,
Конным в крыльях, пешим внутри,
И на трубы его и бубны
Раскатился отзвук из края в край.

42 Дрогнули сарацины —
Быть бы
Им гонимым, побитым и размыканным,
Чтобы ввек не ссилиться в бой, —
Но пред ними Фальзирон и Грандоний,
Два когда-то жестокие врага,
Балигант, лютый Серпантин
И Феррагус, а на устах его — выкрик:

43 «Удальцы мои, соратники, братья!
Ни шагу вспять —
Тщетен вражий труд,
Если каждый тверд в своем долге.
Сколько чести и сколько прибыли
Нынче вам являет победа;
Сколько срама и крайнего урона
Побежденному на веки веков!»

44 А в руках его — тяжелое копьё,
А удар того копьё — в Берлингьера:
Бился Берлингьер с Ларгалифом
И уже рассек тому шлем.
Выбит Берлингьер из седла,
За ним восьмеро рушатся под клинком:
Что ни взмах —
То и витязь простерт в пыли.

45 На другом просторе поля Ринальд
Бьет врагов превыше счета и сметы.
Никакой пред ним не выстоит строй —
Где ни явится, сразу пусто.
Бранный жар, что в Зербине, что в Луркании
Таково горит, что век о нем петь:
Перед этим рухнул Баластр,

Перед тем сложил голову Финадур, —

46 Первый воеводствовал Альзербою,³⁸³
Над которою прежде был Тардок,
А второй предводил дружины
Из Марокко, Замора и Саффы.
«Неужели, — спросите вы меня, —
Ни единый в Африке рыцарь
Не проверен ни копьем, ни клинком?»
Тише, тише: всем славным будет слава.

Подвиги Дардинеля.

47 Не забудем: есть Зумарский король,
Благородный Дардинель, сын Альмонта,
От копья его мирфордский Уберт,
Горный Элий и Дольфин, дубравный Клавдий,
От меча его станфордский Ансельм,
И Раймонд, и Пинамонт из Лондона
Пали оземь (а уж кто был сильней!) —
Два без чувств, один ранен, четверо насмерть.

48 Но каким ни сверкнет он подвигом —³⁸⁴
Все ему не сдержать своих людей,
Чтобы выстоять супротив христиан, —
Наших меньше, но наши крепче,
Наши свычней играть мечом
И проворней в ратной потехе.
Вот язычники вспять и в бег,
Марокко, Сеута, Зумара и Канара,

49 А быстрее того — Альзерба,³⁸⁵
И на них-то вперехват — Дардинель,
Кротким словом и едким словом
Подымая им отвагу в сердцах:
«Памятен ли в верных Альмонт, —
Это нынче пришла пора увидеть
По тому, как меня, его сына,
Бросите вы в гибели или нет.

50 Заклинаю вас юным моим цветом,
Порукой ваших надежд:

383 *Альзерба*. — Джерба, остров в заливе Габес.
амор. — Идентификации не поддается.
Саффа. — Сафи, на территории совр. Марокко.

384 *Зумара*. — См.: XIV, 27, прим.

385 *Памятен ли в верных Альмонт...* — Речь Дардинеля и весь эпизод, ему посвященный, следуют за речью Палланта (*Вергилий*. Энеида, X, 369 — 378) и рассказом Вергилия о его подвигах и гибели.

Удержитесь, не рвитесь лечь под меч,
Обесплодить милую Африку!
Если мы не плечом к плечу —
Все пути непрохожи для рассыпанных:
Горы выше стен, море глубже рвов
Отсекли вам путь возвращения.

51 Не красней ли смерть,
Чем позор и казнь от Христовых псов?
Тверже, верные, во имя Всесильного, —
В этом ваше всё!
А ваш недруг не бессмертнее вас —
Две руки, одна душа, одна жизнь!»
Так воскликнув, юный храбрец
Рушит насмерть графа Атлонского.

52 Вспыхнула памятью Альмонта
Бегущая африканская рать,
Вспомнила, что вернее к защите
Руки в битве, чем ноги в бегу.
Был Гильельм из Бервика
Головой выше всех британцев,
А стал вровень, под клинком Дардинеля;
С Аримана Корнваллийского летит голова —

53 Пал мертв Ариман на вздолье;
Мчит ему в помочь брат —
Дардинель раскроил его на-полы
От плечей до разлучья ног;
Вздет копьём барон Богий из Вергалла,
И обету его конец,
Что сулился он к жене из похода
Быть в полгода, коли будет жив.

Дардинель убивает Луркания.

54 Глядит храбрый Дардинель, а вблизи
Лурканий опрокинул Доркина,
Пронзив в шею, и сокрушает- Гарда,
Разломив ему череп до зубов,
И бежит от Луркания Алфей,
Алфей, милый Дардинелю больше жизни,
Но поздно: разит его в затылок
Гордый витязь, и удар — наповал.

55 Дардинель с копьём на удар
Мчится мстить, молясь Магомету:
Если свалит он Луркания намертво —
Украшать его панцирю мечеть.
И пришпорив по полю вперерез,

Бьет в бок,
И копьё выходит напробой,
И приспешники обирают павшего.

56 Надобно ль говорить
В какой муке был брат Ариодант?
Он рвется своей рукой
Дардинелеву душу извергнуть в ад,
Но толпа не дает ему доступа
Вкруг его меча и вкруг басурманова.
Он хочеть мстить,
Он мечом торит себе путь,

57 Бьет, сечет, рубит, валит, режет, гонит
Всех, кто стал ему поперек,
А навстречу Дардинель
Той же жажде ищет упоения,
Но и ей помехою ратный люд,
Но и его порывания тщетны.
Так один крушит мавров, а другой
Губит франков, британцев и шотландцев.

58 Судьба им положила между
Не достичь в ту пору друг друга,
Ибо каждому своя участь,
И уже знатнейшая нависла рука.
То Ринальд на своем пути,
Чтоб сразить, и сраженному не встать.
То Ринальд, и ведет его судьба
К громкой чести низвергнуть Дардинеля.

Тем временем Грифон

59 Но довольно уже поведано
О тех бранях в закатной стороне,
И пора мне воротиться к Грифону
В его пылком гневе и яркой злобе,
Неслыханный сея страх,
Крушащему мятущийся люд.
На тот шум выходит царь Норандин,
А за ним — полк в тысячу латных:

60 Со своими латными Норандин,
Видя, как бегут безоружные,
Подошел к воротам в боевом строю,
Приказал распахнуть ворота настежь.
А уже Грифон разогнал
Чернь, в которой ни ума, ни сердца,
И вздел на себя доспех,
Сколь ни мерзкий, но берегущий тело.

61 Был храм за крепкой стеной,
Обвиваемый копаным каналом,
На канале единый мост,
На мосту неокружимый стал Грифон.
Густой полк выезжает из ворот
С грозным криком,
А отважный ни с места,
И ни страха в его лице.

за безоружными избивает оружных.

62 Видит он знаменную их хоругвь
Ближе, ближе, бросается навстречу,
Бьет, как в бойне, вправо и влево
Двоеручной сталью,
И опять на мост,
Не на долгий час,
Но чтоб вновь вперед и вновь обратно,
Страшным следом метя свой путь.

63 Впредь ли он, вспять ли он,
Пешие и конные — в прах;
Но враги на него вновь строй за строем,
И борьба все злее и злей.
Как прибой, они со всех сторон,
И тревожно Грифону, не затопят ли.
Он поранен в плечо и в левое бедро,
И уже в груди не стало духу.

64 Но доблестным доблесть в помощь —
Тронут доблестью король Норандин:
Приспев к неведомой смуте,
Видит он несметные трупы,
Видит раны, достойные десницы
Троянского Гектора, и видит,
Что недостаточно от него обижен
Рыцарь, несравненный из несравненных.

65 Подъезжает ближе и зрит³⁸⁶
Погубителя столького народа,
Гору страшных тел,
Ров с кровью пуще воды,
И мнится ему на том мосту
Древний Коклес, един в отпор всей Тусции,
И велит он ради чести и выгоды
Войску прочь, а оно и радо прочь.

386 *Древний Коклес...* — Публий Гораций Коклес, герой войны с этрусским царем Порсенной (509 г. до н. э.), в одиночестве отстоял мост через Тибр.

Король Норандин просит его о мире.

66 Вскинув безоружную руку,
Древний знак дружества и мира,
Говорит он Грифону: «Промолчу ли,
Как досадно и криво и оплошно
От малого ума и от злого
Подстреканья впал я в вину —
На подлейшего затеяв из рыцарей,
На лучшего посягнул?»

67 И хоть честию подвига твоего
Ты покрыл и сгладил,
Пересилил и перевысил
Весь позор от нашего невежества,
Но и от меня
Нынче быть тебедоволену
По знанию моему и владению
Золотом ли, городом ли, замком ли.

Они заключают дружбу.

68 Проси половину королевства —
И тотчас она твоя,
Ибо дань твоей гордой доблести
Есть и выше — моя душа!
Дай же мне руку в руку
В залог вечной и верной любви!»
И сошел с коня
И простер к Грифону десницу.

69 Видя гнев на милость
В королевском смененный мановении,
Отлагает Грифон и сталь и злобу
И склонясь, припадает к королю.
Король видит две кровавые раны,
Тотчас кличет целебного лекаря
И велит отнести с великой бережью
Победителя во дворцовый покой.

Аквилант, выехав искать Грифона,

70 Там и были дни житья для пораненного,³⁸⁷

Пока вновь он не облекся в доспех.
Там его я и оставив, пущусь
В Палестину, к его брату и Астольфу,
Которые с самых пор,
Как покинул Грифон святыя стены,
Ищут его окрест Солима
И в близких и в далеких местах.

71 Ни тому, ни другому невдогад,
Что с Грифоном случилось;
Но случился им разговор
С тем паломником греческой земли,
И услышалось о той Оригилле,
Что она держит путь в Антиохию
С новым другом из этих мест,
Обуявшись к нему неожиданным пламенем.

72 Спрашивает Аквилант: а о том
Вестно ли от странника Грифону?
И услышав, что вестно, понял всё —
И куда и для чего он отъехал.
Несомнительно, что пустился он за ней
В самую Антиохию,
Чтобы вырвать ее из супротивных рук
И отмстить достопамятною мезтью.

73 На такое дело
Аквилант не отпустит брата без себя:
Надевает он доспех ему вслед,
А герцогу Астольфу наказывает
Ни во Францию не спешить, ни в Британию,
Пока вновь он, Аквилант, не будет здесь,
А сам — в Яффу, и на корабль,
Ибо морем путь и ближе и лучше.

74 А над морем дул южный австр,³⁸⁸
Таково попутный плывущему,
Что завтра же увидел он Тир,
А потом Саффет,
Миновал и Зибелет и Берит,
И оставив Кипр по левую руку,
Взял от Триполи на Тортосу и Лиццу,
И уже перед ним Александретта.

75 Верткую отсюда ладью³⁸⁹

388 *Саффет*. — Предположительно, Сарафенд, на юг от Хайфы.

Зибелет. — Предположительно, Джебель (между Бейрутом и Триполи).

Берит. — Бейрут.

Тортоса. — Совр. Тартус (в Сирии).

Лицца. — Лаодикея (совр. Латакия, в Сирии).

Александретта. — Совр. Искендерун, залив и город на Южном побережье Малой Азии.

389 *Оронт*. — Река, впадающая в Антиохийский залив.

Оборачивает кормчий к восходу,
Чтобы всплыть в текущий Оронт,
Выждал время и входит в устье.
Скидывает Аквилант сходни,
Сел, оружный, на гордого коня
И вверх по реке вдоль берега
До самых Антиохийских ворот.

76 А в Антиохии он слышит,
Что Мартан и с ним Оригиллз
Минули в Дамаск
К знатному королевскому турниру.
Устремляется он за ними,
Угадавши, что брат на их следах,
И тотчас из Антиохии прочь,
Но на сей раз не по морю, а по суху.

встречает Мартана и Оригиллу

77 Путь его — по Лидии, по Лариссе,³⁹⁰
Мимо пышного и обильного Алеппо;
И здесь-то явил Господь
Милость к добрым и казнь порочным:
За час езды до Мамуги
Повстречался Аквиланту Мартан,
Напоказ красуясь
Недолжною наградою за турнир.

78 Поначалу Аквиланту подумалось,
Что злодей Мартан — его брат:
Обманули его светлые латы
И плащ, как неталый снег.
Радостно он выкрикнул: «О!»,
Но сменился в лице и в слове,
Рассмотрев с подскока,
Что пред ним — не тот.

79 Уподозрив, не коварством ли спутницы
Убил Грифона Мартан,
Он кричит:
«Несомненный ты злодей и изменник,
Отвечай, откуда твой доспех
И твой конь, моего носивший брата?
Жив он или мертв,
Коли ты по нем конный и оружный?»

390 ...по Лидии, по Лариссе... -Путь Аквиланта проходит по течению Оронта через Лидию, Лариссу Эфесскую и Мамугу (города, известные Птолемию), оставляя к северо-востоку Алеппо.

80 Услыхав Оригилла гневный окрик,
Бросила коня наубег,
Но быстрее того Аквилант
Удержал ее волею и неволею.
А Марган перед грозным витязем,
Столь внезапно его взявшим в полон,
Задрожал, как бледный лист на ветру,
И не знал, что помолвить и поделать.

81 Аквилант гремит и сверкает,
Его меч — у Маргановой гортани,
Он грозит, что не сносить
Головы ни Мартану, ни Оригилле,
Ежели не вскажется все, как есть.
И Марган, сглотнув,
Примеряется, как бы обелиться,
И заводит так:

82 «Это, сударь, моя сестра,
Роду знатного и доброго,
Но обидою от вашего брата
В неподобное ввергнутая житье.
А как стало сие мне в бесчестье,
То, не зная управиться усилием
С столь могучим мужем, я умыслил
Залучить ее исхищрением ума.

83 Вызнав, что ей любо и самой
Воротиться к достонравной жизни,
Мы сошлись, что когда Грифон уснет,
Она выскользнет неслышно и тайно.
Так и случилось; а чтобы он погонею
Не расткал нам затеянную ткань,
Он оставлен пеш и бездоспешен,
А мы — прочь, и вот пред вами здесь».

84 Таковым исхищрением ума
Впору бы Мартану гордиться,
Ибо сплел он складно и не во вред
Про коня, доспех и Грифона,
Но он так уж хотел себя оправить,
Что пустился на негодную ложь —
Всё бы ладно, кабы не то,
Будто Оригилла ему сестрица.

и берет их в плен.

85 Ибо Аквилант,
Понаслышавшийся в Антиохии,
Что она ему суцая любовница,

С ярим криком «Лжешь, негодяй!»
Так хватил его стальным кулаком,
Что два зуба вбил ему в глотку
И без дальних слов
Вяжет руки ему за спину вервием,

86 А за ним, как она ни отмаливалась,
Оригилле, —
И ведет их по городам и весям
До самого до славного Дамаска,
Он и тысячу тысяч миль
Передлил бы такое поношение,
Чтоб добраться до брата и ему
Головою их выдать на расправу.

87 Вот, со всем их добром и всею свитою
Приезжает рыцарь в Дамаск,
А уж там
Плещет крыльями Грифонова слава:
Стар и млад, у всех на устах
Тот игрец копьем,
Обездоленный в турнирной чести
Лживым выказом своего спутника.

88 Всем противен злодей Марган —
Все его узнали, кажут пальцами,
«Вот, — говорят, — тот вор:
Другим подвиги, а ему слава!
Вот чьим срамом
Опозорена отменная доблесть!
И не та ли при нем вероломная
Погубительница добрых, вспомогательница злым?»

89 Впрямь, — говорят, — в обоих
Точью в точь одна порода в масть!»
И кипят, и вопят, и неистовствуют:
«В петлю, на костер, под топор!»
Теснится толпа глазеть,
Все бегом на улицы, на площади;
И доходит весть до царя,
И милей ему, чем второе царство.

Аквилант в Дамаске находит брата,

90 Стремглав, как был,
Без доспешной свиты справа и слева,
Он торопится встретить и приветить
Отомстителя дорогому Грифону.
С весельем в лице
Он ведет Аквиланта во дворец,

А двух пленных, по витязеву слову,
Заточает в подземелье большой башни.

91 Потом всходят они в ту ложницу,
Где пораненный простерся Грифон,
Увидевший брата и зардевшийся,
Догадавшись, что скрытое раскрыто.
И потешившись Аквилант о том и этом,
Стали оба судить, каким
Справедливым карам
Обречь злобников, залученных в плен?

а Мартана наказывают розгами.

92 Тысячи терзательных казней
Прочат им король и Аквилант,
Но Грифон, не смея
За единую просить Оригиллу,
Умоляет помиловать обоих,
И многое молвил, и достиг:
Решено Мартана выдать палачу,
И чтоб сечь его, да не до смерти,

93 И связать его, да не меж цветов и трав,³⁹¹
И под розги на целый день;
Оригиллу же оставить в плену
До возврата королевы Люцины,
И ее-то разумным рассуждением
Будь ей мера легка или горька.
Здесь прокоротал Аквилант
Дни, покуда Грифон не взял оружие;

Норандин объявляет новый турнир.

94 А меж тем король Норандин,
Научась бедою уму и мере,
Не умел избыть
Горестного душевного раскаяния,
Что уроном и обидою
Оскорбил достойного всякой чести,
И вседневной томился и всенощною
Думой: как перед ним себя оправить?

95 И решил, что пред городом и людом,
Винным в столь великом бесчестье,

391 *И связать его, да не меж цветов и трав...* — Шутливая реминисценция стиха Петрарки: «Вот Цезарь, которого Клеопатра связала в Египте меж цветами и травами» (Триумф Любви, I, 88-90).

Он, как лучшему из витязей
Достойнейший из владык,
Воздаст славную ту мзду,
Что отторг обманчивый изменник;
И велит повестить по всему краю
Через месяц новый знатный турнир, —

Астольтф и Сансонет едут на турнир

96 Таковой отменной пышности,
Какова пристала истому царю.
Быстрокрылая Слава эту весть
Мчит по Сирии, мчит по Финикии
До Святой Земли,
Где дослышал ее добрый Астольтф
И с наместным тамошним владетелем
Порешил, что без них турниру не быть.

97 А наместный тамошний Сансонет
Был воистину именит отвагою:
Он крещен был от самого Роланда,
А от Карла ставлен владеть Святой Землей.
С ним и снаряжился Астольтф
В пресловутый край,
Ибо пела молва во всякий слух,
Что в Дамаске будет славная потеха.

98 И держа свой путь
Переходами малыми и неспешными,
Чтоб без устали
Предъявиться к бою в урочный день,
Вот встречаются они на перекрестье
Всадника по платью и стати, —
Но то был не всадник, а всадница,
Несравненная в битвенном пылу.

и встречают Марфизу, сестру Руджьера.

99 Имя ей Марфиза,³⁹²
А отвага ее такова,
Что с мечом она выходила на Роланда,
И Ринальд перед нею бывал в поту.
Днем и ночью она в оружии

392 *Марфиза*. - Персонаж «Влюбленного Роланда», индийская царица, дева-воительница. В рассказе Боярдо о рождении Руджьера имеется упоминание о его единородной сестре (II, I, 70).

Днем и ночью она в оружии... — Марфиза дала зарок не снимать доспехов, пока не одолеет в бою трех царей: Градасса, Аграманта и Карла.

Рыскала по долам и горам,
Не встретит ли странствующего рыцаря,
Чтоб помериться и прославиться на века?

100 Увидевши Сансонета и Астольфа
В крепких латах невдали пред собой,
Угадала она сильных поединщиков,
Ибо оба немалы и в рост и в ширь,
И, желая попытать свою мощь,
Тронула на них скакуна,
Как вдруг изблужи
Ей узнался британский паладин.

101 Ей припомнилось, как хорош³⁹³
Был тот витязь при ней в Катае,
И окликнув она его по имени,
Скинула перчатку, вскинула забрало
И спешит принять его в объятия,
Хоть всегда и надменна и горда.
И не меньше приветен был Астольф
Пред такую необычную деву.

102 Поспросились они, куда чей путь,
И когда Астольф отвечал первый,
Что в Дамаск,
Куда лучших латников и мечников
Скликнул король Сирии
Оказать свою рыцарскую доблесть,
То Марфиза, всегда пылая к подвигам,
Объявила: «Хочу там быть, как вы».

103 Отменно такой соратнице³⁹⁴
Рад и Астольф и Сансонет,
И приехали они в Дамаск
В канун праздника,
И до часу, когда Заря
Встала с ложа дряхлого супруга,
Ночевали в градском предместьях
Слаще, чем в царевом дворце.

104 А как новое тресветлое солнце
Разметало блестящие лучи,
Двое витязей и третья красавица,
Вздев оружие, выслали гонцов,
И гонцы им доносят,
Что над местом яростной игры
Уж воссел король Норандин

393 *Ей припомнилось, как хорош...* — Марфиза и Астольф встретились под Альбраккой, куда прибыли в качестве союзников Анджелики и где оба в итоге оказались среди ее врагов.

394 *Заря встала с ложа дряхлого супруга...* — См.: VIII, 86, прим.

Посмотреть, как ломаются бук и ясень.

105 Тут они, не мешкая, — в город,
И по главной улице, и на площадь,
Где уже стоят строй на строй
Рыцари отборной породы,
Дождаясь королевского мановения.
А наградою были в этот день
Меч и палица в изрядном уборе
И скакун, не постыдный королю.

106 Норандин был тверд на уме,
Что как давеча, так и нынче
Двух турниров лучшая честь
Сбережется для белого Грифона.
Чтоб воздать достойную дань
Храбрецу нескудеющею дланью,
Он умножил прежний доспех
Скакуном, и мечом, и палицею.

107 Тот доспех, по прежней игре
Должный всепобедному Грифону
И не впрок
Переятый у него самозванцем,
Ставлен был царем на виду,
Опоясан разубранным мечом,
А при седле скакуна висела палица, —
Две награды единому Грифону.

На турнире Марфиза узнает в награде свое оружие

108 Но такое государево намерение
Вдруг препнула отважная воительница,
Меж Астольфом и добрым Сансонетом
В этот миг представшая пред бойцов.
Увидавши названный доспех,
Тотчас она его признала,
Ибо она сама
И носила его и дорожила им.

109 А оставила она его среди дороги³⁹⁵
Оттого лишь, что был он ей в помеху
Гнавшейся отбить свой верный меч
За Брунелем, которому бы в петлю.
Но смолчу,

³⁹⁵ *А оставила она его среди дороги...* — Отсылка к сюжету «Влюбленного Роланда» (II, V, 41 — 42; X, 58 — 60; XVI, 6 — 7; XIX, 7 — 8). Похищение меча Марфизы — один из воровских подвигов Брунеля, посланного за кольцом Анджелики (см.: III, 69) и прихватившего заодно, из любви к искусству, коня Сакрипанта, меч Марфизы, меч и рог Роланда (ср.: XXVII, 72, 84, 85).

Чтобы дважды одно не пересказывать, —
Нам довольно знать, что вот так
Пред Марфизой сверкнул ее доспех,

110 И довольно понимать, что теперь,
Угадавши его по верным признакам,
Ни за что
Не оставит она его ненадетым.
А уж так ли, не так ли его взять, —
Некогда ей думать;
Подлетает к столбу, и хватъ,
И к седлу, без малого зазренья,

111 Так спеша, что иное — к седлу,
А иное валится оземь.
Оскорблен король
И единым взором взметает бурю.
Невтерпеж народу обида,
Мечет мечь к мечу и копью,
Никому не в память, какво обошлось
На недавнего наброситься рыцаря.

и захватывает его, разогнав толпу.

112 Ни дитя, резвясь по вешним цветам,
Лазоревым, алым, желтым,
Ни красавица, к музыке и пляске
Разодевшись, не радуется так,
Как в лязге бронь и ржанье коней,
Меж бьющих копий и жалящих стрел,
Где льется кровь и сеется смерть,
Рада ратовать мощная Марфиза.

113 Она шпорит коня, клонит копьё,
Мчится на ропщущую чернь,
Метит в грудь, метит в горло,
Чуть заденет — и наповал,
Чуть взмахнет —
И не сносить головы,
Тот пронзен, а этот подкошен,
Кто без правой руки, а кто без левой.

114 А лихой Астольф и могучий Сансонет,
С нею вздевшие кольчуги и брони,
Хоть не с тем пришли,
Но завидевши вскипевшую рать,
Опустили решетки на лицо,
Опустили копья острием в подлый люд,
И пошли рубить,
Пресекая в толпе себе просеку.

115 А приезжее рыцарство из чуждых стран
Для потешных битв,
Вдруг увидев, что потеха — кровава
И нешуточно бешенствуют мечи,
Но не все догадываясь,
Какова была царская обида
И на что вознеистовствовал народ,
Стоит праздно, сомнясь недоумением.

116 И одни хотят в подмогу толпе
(В чем они невдолге раскаются),
А иные, холодные к тем и этим,
Озираются, не проще ли прочь,
А иные, самые разумные,
Узды в руки, и смотрят, кто кого;
А меж них — и Грифон и Аквилант,
Первыми представшие к состязанью.

117 Но как взвидели они, каково
Пышут кровью царицы очи,
Как слышали от ближних и дальних,
Из чего вскипел такой мятеж,
Как почел Грифон, что обида
Королю и ему — одно,
Так оставили они свои копья
И как молния ударили мстить.

118 А навстречу им — Астольф,
А под шпорами его — Рабикан,
А в руке — чародейное копье,
Пред которым ни храброму не выстоять.
Он уметил — и Грифон пал в прах,
Он задел
Лишь крайний обод щита —
И Аквилант распростерся без движения.

Марфиза с друзьями узнает Грифона с друзьями.

119 И пред Сансонетом
Вмиг пустеют седла лучших рыцарей,
И народ в смятенье ищет выхода,
И гремит на малодушных король.
А Марфиза
О двух шлемах и о двух панцирях,
Видя, что все ей кажут спину,
Победительницей возвращается на постой.

120 А за нею — Астольф и Сансонет,
И втроем — к городским воротам;

Народ перед ними — врассыпную,
И вот встали они к бою на мосту.
Между тем Аквилант и Грифон,
Стыдясь пасть с одного удара,
Опускают лица
И не смеют предстать пред Норандином,

121 А скорей в седло
И пришпорили по пятам за обидчиками.
А за ними — король с своими присными,
Все готовые на месть или смерть;
Праздный люд вопит: «Так их, так их!»,
А сам одаль, и ждет, кто кого.
Доскакал Грифон до самого моста,
Где стояли трое наперевес,

122 И глядит, и узнает Астольфа:
Тот же щит,
Тот же конь и тот же панцирь,
Как в тот день, когда он сразил Оррилла.
Там, на площади, в бранный час
Не узнал его Грифон и не приметил,
А тут видит, и шлет ему привет,
И пытается, а кто его соратник,

123 И зачем они сорвали с шеста
Тот доспех, в поношенье государю?
Отвечает британский паладин
О друзьях своих нелживую правду,
А про доспех, откуда вся свара,
Он и сам-де не знает ничего,
Но Марфиза была им спутницею,
Вот они и ударили ей помочь.

124 Так-то к ним стоящим и толкующим
Подоспел Аквилант,
С ближних слов угадал собеседника
И был лют, а сразу стал добр.
Подоспели и Норандиновы спутники,
Но приблизиться не спешат,
А приметивши, что они беседуют,
Стали одаль и напрягли слух.

125 А слышав, что меж ними Марфиза,
Всех на свете слывущая сильней,
Мчит гонец в опор
Повестить короля Норандина:
Если хочет он уберечь свою знать —
Пусть спешит исхитить из смертной ярости,
Ибо взявший наградную броню
Есть никто, как воистину Марфиза.

Король примиряется с Марфизой.

126 Слышит Норандин это имя,
Грозное целому Леванту,
Вчуже
Дыбившее волосы храбрым,
Видит: прав гонец,
Что спасенье — в едином поспешении,
И сменивших гнев на страх
Отзывает своих друзей;

127 А меж этим и сыны Оливьера
С Сансонетом и с британским герцогом
Умолив Марфизу,
Полагают грань жестокому спору.
Подъезжает Марфиза к королю,
Гордо молвит: «Сударь, мне невнятно,
Отчего ты назначил за победу
Оружие, которое не твое?»

128 Доспех этот — мой,
На армянской оставленный дороге,
Чтобы мне способней настичь
Обидчика одного и похитчика.
А доказчиком мне — мой знак:
Если ты его знаешь, то узнаешь», —
И кажет чеканенный ца панцире
Натрое разбитый венец.

129 «Истинно, — отвечает король, —
Нам поднес его торжник из Армении;
Ваш ли, нет ли,
Но единым он словом стал бы ваш.
Нынче же он стал Грифонов,
Но Грифон таковой мне друг,
Что заведомо доброхотно
В дар для вас вернет его мне.

130 А доказчиком мне и заручителем
Никакой не надобен знак,
А довольно вашего слова, —
Ибо что есть тверже?
Доблесть, высших достойная наград,
Заверяет, что ваше — это ваше;
Будь же так, и спору конец,
А Грифон не останется без должного».

131 Грифону не дорог доспех,
А дорого удовлетворить короля —
Говорит он: «Быть вам угодным —

Это лучший мне дар за дар».
А Марфиза ему любезно отвечает:
«В этом всё, и большего не ищущу», —
И склоняет принять от нее латы,
И столь лестного он дара не отверг.

132 Мирно и любовно
Воротились они в город, а там
Вновь и пир, и турнир, а на турнире
Честь и славу стяжал Сансонет,
Ибо ни Астольф, ни два брата,
Ни Марфиза, лучшая между них,
Не искали славы,
А оставили другу и товарищу.

Пятеро друзей собираются во Францию,

133 Так и восемь они, так и десять они дней
Ликовали при праздничном Норандине,
Но томила им душу
Любовь к Франции, слишком брошенной давно
Вот спрашивают они ухода,
И Марфиза сам-пятая при них,
Давно имея охоту
И с французскими померяться паладинами,

134 Чтоб узнать воочью,
В меру ли они своей молве?
Сансонет над Святой Землей
Оставляет по себе местодержца,
И единым они пятеро взводом,
Каковому нет в свете равномошных,
Простясь с государем Норандином,
Держат путь к Триполи и к морю,

135 А там перед ними каравельный корабль,³⁹⁶
На Востоке груженный для Запада;
Старый кормчий — из тосканской Луны;
Порядились, взошли, ввели коней.
Ясный сулит им окоем
Добрую надолго погоду,
Воздух чист, вздуты ветром паруса,
И они отваливают от берега.

останавливаются на Кипре,

136 Первую оказал им пристань³⁹⁷
Святой остров богини любви, —
Но таким дышал берег тяжким воздухом,
Что мерли люди и меркла сталь;
А причиной — Констанцское болото,
Чьим соседством едким и душным
Так обидела Фамагусту природа,
Благодатная к прочему Кипру.

137 Тяжкий болотный дух
Не дает им долгого приюта, —
Распростерши они крылья пред Бореем,
Правят вправо вокруг большого Кипра,
А у Пафоса сбрасывают сходни
И скорей
Кто на торг, а кто любоваться
Сладострастными долами любви.

138 Там на час пути от побережия
Плавно всходит пологий милый холм,
Полный лавров, миртов, кедров, померанцев
И иных сладчайших древес,
Там тимьян, и майоран, и шафран, и розы, и лилии
Льют благоухающую волну,
С благовонных всхолмий
Каждым веяньем веемую в моря;

139 Из светлого ключа струи вьющегося ручья
Живительно орошают взморье;
Воистину здесь
Любезно быть ласковой Венере.
Что ни дама, что ни девица
Здесь милей, чем в любой земле,
И богининою угодою
Страстен старец и пламенен юнец.

140 Здесь услышали гости вновь
О Люцине и о чудище-юдище,
И какой она готовит в Никозии
Знатный поезд воротиться в Дамаск.
Между тем корабельщик, справив торг,
Ловит парусом подорожный ветер,
Встягивает якорь
И кладет на запад ладейный клюв.

а потом попадают в бурю.

397 *Святой остров богини любви...* — Кипр, место рождения Венеры.

...Констанцское болото... — От г. Констанция, построенного на месте еще более древнего Саламина.

141 Парус накось годсеверному ветру,
Вышли плователи в открытую глубь,
Как вдруг вставший южный,
До полудня ласковый и смиренный,
К сумеркам все суровее и злей
Взмел валами хлябь,
Грянул гром, и взъярились молнии,
И как в клочья рвануло небо пламенем.

142 Темным парусом выстелилась мгла,
Не видать ни солнца, ни звезд,
Ревет снизу море, сверху небо
И со всех сторон — ураган,
В сто бичей
Хлещут черный дождь и белый град,
И все ниже
Ночь накатывается на лютые волны.

143 Поневоле кажут пловцы,
Каковы они учены плаванью, —
Иной свистом
Назначает, кому что делать,
Иной тащит якорь из якорника,
Тот при спуске, а тот хорош при снасти,
Кто у мачты, кто у кормила,
Кто груженный разбирает настил.

144 Злей и злей кромешная ночь
Пуще ада;
Держит кормчий в раскинутое море,
Там-де выносимей валы, —
Подставляет бивень
Взмахам волн и ударам ветра,
А надежда его на то, что к свету
Смилостивится гневливая судьба.

145 А судьба не милостивится,
А судьба все круче с рассветом дня,
Ежели и был рассвет:
Всюду темь, хоть считай часы по счету.
Раздирает надежду страх;
Горький кормщик вверяет судно буре,
Подставляет корму волне
И скользит без ветрила в злые зыби.

Между тем под Парижем

146 Так судьба, терзая пловцов,
Не дает покоя и сухоборцам
При Париже, где рубятся и бьются

Сарацины и британская рать.
Здесь (уже сказал я) Ринальд
Налетает, всекается, топчет, гонит
И с Баярда, своего скакуна,
Ударяет на удальца Дардинеля.

147 Четвереный щит,
Гордый знак Альмонтова сына,
Видит он и мыслит: храбрец,
Кто посмел щитом равняться с Роландом!
Скачет ближе, смотрит, и впрямь
Вкруг того уже гора перебитых;
И кричит он: «А ну, пока не выросла,
Худую траву да из поля вон!»

Ринальд убивает Дардинеля.

148 Как взглянул паладин —
Все шарахнулись прочь с его дороги:
Такова честь хваленому клинку,
От Христова ли воина, от нехристя ли.
Он глядит на единого Дардинеля,
Прорубается по его пятам
И кричит: «Мальчишка,
Не к добру тебе дался этот щит:

149 Подожди, я попытаю,
Крепок ли твой красный и белый,
Устоит ли он, четвертной,
Предо мной и подавно пред Роландом?»
А Дардинель в ответ:
«Что держу я, то смогу и оберечь —
В честь мне, а не в пропасть
Эта отчая красно-белая росчетверть!

150 Пусть мальчишка, а я не побегу
И щита не брошу:
Если вырвешь, то только с жизнью,
Но я верю, что Бог — он за меня.
Будь, как сужено, а мною никто
Не взбранит моего славного рода!»
Так он крикнув, с клинком в руке
Мчится на Монтальбанского рыцаря.

151 Кровь от сердца мавров
В хладном отхлынула страхе,
Когда взвиделся им воздвигшийся
Ринальд на их короля,
Ярый, словно лев
На бычка, еще не знавшего телки.

Первым ударил сарацин,
Но невмочь ему просечь шлем Мамбрина.

152 Рассмеялся Ринальд: «Теперь смотри,
А не метче ли я в тебя умечу?»
Повод в роспуск, шпоры в конский бок,
И с такой ударяет его силой,
С такой силой, что грянув в грудь,
Острие возникло за спиною.
Вырвал сталь, льется кровь, летит душа,
И скользит с седла холодное тело.

153 Как под плужным сошником красноцвет,³⁹⁸
Умирая, вянет,
Как в саду склоняет голову мак,
Угнетенный ливнем,
Так сбегает румянец молодых ланит,
Дардинель отходит,
Он отходит, а с ним —
Пыл и храбрость его споспешников.

Сарацины обращаются в бегство.

154 Как вода в запруде
Спряжена стоит людским умением,
А когда вдруг прорвется запеть,
С грохотом низвергается в разлив, —
Так мавры, которым удержью
Дардинелева отвага была в сердцах,
Видя его павшего,
Мчатся врозь, не разбирая дорог.

155 Кто бежит, тот пускай бежит;
Кто оглянется, тому Ринальд не спустит.
Не уступит Ринальду Ариодант —
Где проскачет, там просечет просеку.
Разит Зербин, разит Леонет,
Оба вперевод, и пышут подвигами.
И вершат свое дело Карл, Турпин,
Одджер, Оливьер, Гвидон и Соломон.

156 Быть бы басурманам,
Что не видеть им своей Басурмании,
Кабы им не встал опорой мудрый
Царь Испании с теми, кто при нем.
Рассудив он, что лучше убыль,
Чем потеря и сразу и всего,

398 *Как под плужным сошником красноцвет...* — Ср.: Гомер. Илиада, VIII, 306 — 308; Катулл. Книга стихотворений, XI, 22 — 24; Вергилий. Энеида, IX, 435 — 437.

Положил он отступить и сберечь,
Чем стоять и быть виной гибели:

157 Оборачивает знамена
В старый стан, за ров и за тын,
А при нем — Стордилан, и андалузский,
И, с дружиною, португальский король.
И он шлет к Варварийскому сподвижнику,
Чтоб искал спасти, что под силу:
Сохрани он себя и стан —
И то в такой день не мало.

158 Тот король, почитав себя погибшим
И не чаяв видеть свою Бизерту,
Ибо никогда до сей поры
Не была к нему судьба столь нещадна,
Счастлив знать, что второй при нем, Марсилией,
Спас дружину и держит стан;
И велит он заворотить полки
И трубить всем сбор к отступлению.

159 Но ни трубный зов, ни бубенный бой
Не по слуху битым и гонимым —
Такова в них робость и подлость,
Что и в Сене готовы утонуть.
Аграмант, чтоб сбрести разброд,
И Собрин объезжают поле боя,
И каждый достойный вождь
Вслед за ними напрягается к лагерю.

160 Но ни царь, ни Собрин, ни который вождь
Ни просьбою, ни тщанием, ни угрозою
Не умели хоть бы каждого третьего
Воротить к покидаемым знаменам.
Два из трех — или гиблые, или беглые,
А кто спасся, и тот не без беды:
Иной ранен сзади, иной — спереди,
И все сплошь измождены и без сил;

Ночь спасает разбитых.

161 И все — пуганые погонею
По самый вал и по самый тын, —
Да и тут не бывать бы им в спокойствии,
Как ни крепок стан,
Ибо встретясь лицом к лицу с удачею,
Карл умел ухватить ее хохол.
Но ниспала черная ночь,
Всё унявши и всех утишивши:

162 Верно, сам ее убыстрил Господь,
Сжался над своими творениями, —
Кровь волной лилась по полям,
И дороги были, как реки,
Восемьдесят тысяч
Полегло под сталью меча,
Мужики и волки вышли из логовищ
Обирать и грызть мертвецов.

163 Карл не отвернул своих войск,
Он поставил их станом против стана,
Сжал врагов в охват,
Взвил костры к кострам по всей окрестности.
Сарацины не дремлют пред грозой,
Роют рвы, крепят крепь, сыплют насыпи,
Держат стражу, правят дозоры,
И никто во всю ночь не сденет панциря.

164 И во всю ту ночь
По тревожному сарацинскому табору
Были вздохи, стенания и слезы,
Но таимые и сдавленные в груди.
Иной плакал об отце или друге,
Павшем в сече, а иной о себе,
О томящей нужде, болящей ране,
О невзгодах, которые впереди.

Клоридан и Медор

165 А было меж мавров двое³⁹⁹
Из невидного толомитского рода,
И они достойны сказания
Как образчик истинной любви.
Имена им — Клоридан и Медор,
И они во взгодах и невзгодах
Верно любили Дардинеля,
С ним приспевши из заморья во Францию,

166 Клоридан повседневный был охотник,
Крепкий, гибкий;
У Медора юность
Светилась на розовых ланитах,
И во всем том нашественном народе

399 *Из невидного толомитского рода...* — От Птолемаиды в Финикии.

Имена им — Клоридан и Медор... — Эпизод Клоридана и Медора восходит в своих существенных чертах одновременно к истории Ниса и Эвриала, рассказанной Вергилием (Энеида, IX), и к истории Оплея и Диманта, рассказанной Стацием (Фиваида, X). От Стация идет идея ночной вылазки — найти и похоронить тело вождя и господина (в «Фиваиде» — тела Тидея и Парфенопея), а также молитва, обращенная к луне. От Вергилия — избивание спящих христиан и вся вторая часть эпизода (появление преследователей, бегство, ранение Медора и смерть Клоридана). См.: Райна. С. 215 — 218.

Не было пригожей лица:
Очи черные, кудри золотые,
Как у ангела в Господнем раю.

167 Стояли они меж стражею
На валу, охраняющем шатры.
А уж ночь в полпутье
Озирала небеса сонным взором.
И тогда заговоривши, Медор
Не смолчал о вожде и господине
Дардинеле, сыне Альмонта,
Павшем в поле плачевно и безгробно.

168 Молвил он товарищу: «Клоридан,
Нет мне слов
Горевать о вожде, который пал
В снедь презренному ворону и волку.
Как я вспомню, каков он ко мне хорош,
То и жизнь
Для его пожертвовав чести,
Я воздам ему лишь малую дань.

169 Вспало мне в ум пойти
И найти его в поле, безмогильного:
Бог попустит мне миновать
Неуслышанным смолкшую осаду;
Если же мне писана в небесах
Гибель, — ты останешься и расскажешь.
Пусть судьба поперечит подвигу,
Но не скроет для славы честь и мысль».

170 Дивно Клоридану, что в юном
Столько сердца, верности и любви.
Увещает, движимый дружбою,
Что безумен и тщетен его порыв,
Но напрасно: такая боль
Ни утечи не знает, ни помехи.
Порешил Медор умереть
Иль быть Дардинелю упокоенным.

выходят похоронить Дардинеля.

171 Видя, что его не сломить,
Говорит Клоридан: «И я с тобою,
Я с тобою на достохвальный подвиг,
Я с тобою на красную смерть.
В радость ли
Доживать мне без милого Медора?
Лучше пасть с тобой от меча,
Чем, лишась тебя, от черного горя».

172 Так решившись,
Оставляют на валу они сместников
И вперед, за колья и рвы,
И уже они в нашем сонном стане.
Спят шатры, погасли костры,
О враге никто не тревожится.
Люди — навзничь меж возов и щитов,
Сонные и пьяные по уши.

Они избивают спящих франков,

173 Встал на месте Клоридан, говорит:
«Не минуем доброго случая:
Кто сгубил начального моего,
Тех я вправе ли упускать невредимыми?
Стань, Медор, на стражу,
Зорек и чуток,
А уж мой булат
Торную проложит нам дорогу».

174 Так сказал, и едва сказав,⁴⁰⁰
Входит в сень многоумного Алфея,
Звездознатца, волхва и врачевателя,
Только год, как при Карловом дворе.
Не на пользу ему пришлось
Ведовство, обольстив прямым обманом:
Предсказал он себе в избытке лет
Опочить на лоне милой супруги,

175 А теперь потаенный сарацин
Вогнал меч ему под самое горло,
А за ним — еще четверым,
В негаданности не вымолвившим слова;
Кто они, — Турпин не рассказывает,
Дознаваться стало бы слишком долго,
Но сам-пятый был Монкальерский Палидон,
Безмятежно спавший с конями рядом.

176 Идут дальше, там бедный Грилл
Примостился головой на бочонок, —
Это он, его осушив,
Чаял сна бестревожного и сладкого,
Но не снес под мечом головы:
Хлещет кровь, хлещет хмель,

400 *Алфей*. — Комментаторами предлагались два прототипа этому персонажу: Петр Пизанский (Пиза считалась основанной выходцами с берегов Алфея; Пизы Алфейские у Вергилия), призванный за свою ученость ко двору Карла Великого; и современник Ариосто, неаполитанец Лука Гаурико, приближенный Ипполита д'Эсте, астроном и астролог, ценимый папами Львом X и Павлом III. И та, и другая кандидатура недостаточно обоснованы.

И трезвеет тело, и снова
Грезит пить, но с Клориданом невмочь.

177 Возле Грилла — грек и германец,
Андропон и Конрад,
За полночь коротавшие ночь
То над чашею, то над зернью, —
Благо бы не смыкать им век,
Пока солнце не вспрянет из-за Инда!
Но не ведом людям завтрашний день,
А не то и рок бы им не страшен.

178 Как несытый лев в скотный хлев,⁴⁰¹
Изнурясь от гложущего голода,
Грянет бить, рвать, жрать и терзать
Стадо, бессильное перед сильным, —
Так крутой сарацин
Сонных нас бездушит в смертной бойне,
И у Медора не туп клинок,
Но гнушается он незнатной крови.

179 Он у полога Лабретского герцога,
У которого в объятиях дама,
Плоть в плоть,
Ни просвета между кожей и кожей, —
И ссекает две жизни в один взмах.
Счастливые! не завидно ли:
Как обнявшись были их тела,
Так обнявшись взлетели души к Господу.

180 Он разит Ардалика и Малинда,
Фландрских княжичей, в этот самый день
Пожалованных от царственного Карла
Рыцарством и лилиями в герб,
Ибо воротились они из сечи
С алыми клинками по рукоять.
Им обещаны угодыя во Фризии,
Но не быть тому, а виною — Медор.

181 Близятся тайные клинки
К тем шатрам, что вокруг Карлова шатра
Карловы раскинули паладины,
Каждый в очередь неся при них стражу;
Но в пору отринули булат
Сарацины от безбожной резни,
В стольком сонме
Не надеясь всех найти непробудными.

находят тело Дардинеля,

182 Хоть и много там можно б взять,
Рады были, выйдя живыми,
И пошли, где верней была тропа,
Клоридан, а за ним его товарищ.
Вышли в поле, а там в кровавой топи
Груды копий, луков, щитов, мечей,
А меж них царь и мал, богат и скуден,
Трупы мертвых, туши коней.

183 Таково смешались тела
По простору страшного поля.
Что померкла бы в ищущих надежда
Изыскаться до свету дня,
Ежели бы Медоровыми молитвами
Из-за туч не пронзился рог луны.
Простер благоговейные взоры
Медор ввысь и молвил такое слово:

184 «О, благая богиня,⁴⁰²
От старинных реченная Триликою,
Ибо в небе, на земле и в преисподней
Многовидна ты в ясной красоте,
Ты, по дебрям стремящаяся гоном
За следами хищных и чудищ,
Окажи меж столькими моего короля,
Вживе славного в святых твоих ловлях!»

185 И по вере ли его, по мольбе ли,⁴⁰³
Но Луна разомкнула тучи,
Светлая, как будто нагая
Шла она к устам Эндимиона,
И открылся под луною Париж,
Оба стана, и холм, и дол,
И два дальних взгорья, Лери и Мартр,
Одно слева, другое справа.

186 Заиграл осиянный блеск,
Где лежал поверженный сын Альмонта,
И узнавши красно-белую росчетверть,
Приближается Медор к милому господину,
Омывает лицо его слезами
В два ручья из-под горьких век
Так нежно и так любовно,

402 *...реченная Триликою...* — Диана Тривия («богиня трех дорог»), наделенная в трех лицах тройной властью: на небе (как богиня Луны), на земле (как Артемида-охотница), под землей (как Геката).

403 *Эндимион*. — В греческой мифологии возлюбленный Селены, богини Луны. Зевс, по желанию Эндимиона, погрузил его в вечный сон, в котором он остается юным и бессмертным.
Лери и Маргтр. — Монлери и Монмартр.

Что и ветер, слышав бы, не дышал.

187 Но утишен был тот плач и не слышен,
Ибо плакавший не искал заметиться:
Он не жизнь берег
И готовно бы постылую отдал,
Но страшился, что не сделает дела,
Для которого покинули стан.
Взят убитый король друзьями на плечи,
Разделившись тяжестью между взявшими,

но их застигает Зербин с воинами.

188 И под милым бременем
Оба в путь, уторапливая шаг.
А уж светлый царь
Звезды гнал с высот и тень с низин,
Когда князь Зербин,
Чья высокая доблесть не вмещала сна,
Ночь ристав по следам язычников,
На заре вернулся к Карлову стану,

189 А при нем — его сопутные рыцари;
И завидевши они двух товарищей,
Устремились вслед,
Соревнуя о славе и добыче.
«Бросим, брат, — кричит Клоридан, —
Бросим бремя и бросимся наутек:
Не дело —
Двум живым погибать за мертвого».

190 И бросает бремя,
Думав, будто бросит и друг;
Но Медор, которому вождь дороже,
Подстает под брошенного один.
Клоридан бежит
И не знает, что следом нет Медора:
Кабы знал —
Лучше умер бы тысячью смертей.

191 А Зербиновы всадники, затеяв
Или взять беглецов, или убить,
Рассыпаются по окрестности
Поперек всем дорогам на уход,
И за ними — вождь,
Всех охотнее к той охоте,
Ибо видит по страху убегающих,
Что они из вражбых дружин.

192 А поблизости был старинный лес,

Сплетший ветви, сгустивший тени,
Где свились и спутались узкие
Тропы, топтанные только зверьми;
Там-то, под дружескою сенью,
Чаяли два друга найти приют, —
Но кто любит такие мои песни,
Тот дослушай их в следующий раз.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (МЕДОР)

Песнь XIX

Отряд Зербина нападает на Медора и Клоридана; Анджелика находит раненого Медора, поднимает его и поселяется с ним в одной хижине (Медор изображен четырежды).

Вступление.

1 Кто высок в колесе Фортуны,
Тот не знает, любим он или нет:
Истинные друзья и неистинные
Одинаковые твердят ему слова.
А как сменится счастье на беду,
Так отхлынет льстящийся сброд,
И останется только сильный сердцем,
И его любовь — по смерть и за смерть.

2 Вот большой человек в придворности,
А вот малый, на которого не глядят;
Но будь сердце наружу, как лицо,
Вмиг была бы их судьбе перемена —
Малого господин бы вознес,
А большого смешал бы с низкой чернью.
Так воротимся же к Медору, и в жизни
И в смерти верному пред своим королем.

Клоридан и Медор бьются с преследователями.

3 Искал он, юный, спасенья
На дубравных путаных тропах,
Но тяжкая ноша на плечах
Не давала ему хода и выхода.
Край неведом, а путь неверен,
Он блуждает в колющем терновнике,
А его легкопечий товарищ
Далеко уже впереди.

4 Клоридану уже и не слышен
Шум и крик погони; но вдруг
Он глядит, а Медора нет,
И как сердце выпало из груди.
«Ах, — восклицает, — ах,
Как я мог забыть тебя и себя
До того, что вот, я один,
И не знаю, где ты и когда ты!»

5 Так воскликнул и по кривой
Прочь дороге из лукавой дебри,
И пришел, откуда пошел,
И спешит вдогон собственной погибели.
Слышит ржание, слышит крики,
Слышит вражий грозящий голос,
Слышит, наконец, Медора, и видит:
Он один и пеш, а конные вокруг.

6 Конные вокруг, их целая сотня,
Над ними Зербин, он кричит: «Бери живым!»
Бедный юноша, как челнок на стане,
Мечется, ищет, где спастись,
Прячется за дуб, вяз, бук, ясень,
А все с милою ношею на плечах.
Наконец, полагает ее наземь,
А сам ходит вокруг лицом к врагу.

7 Так медведица,⁴⁰⁴
В скальном логове поднятая ловчими,
Вставши над детенышами,
Рвется ревом меж любовью и яростью:
Злость и лютость ее зовут
Окровавить клычья и когти,
А любовь
Укрощает оглядкою на приплодышей.

8 Клоридан не ведает, как помочь,
Хочет смерти рядом с товарищем,
Но не прежде он отдаст жизнь за смерть,
Чем отымет у многих и у многих.
Вот он вскинул стрелу на лук
И, невидимый, таково уметил,
Что первый между шотландцами
Пал из седла с пронзенной головой.

9 Остальные озираются,
Откуда к ним смертельная трость,
А уже вторая вослед,
И второй ложится вровень первому, —
В торопи кричавшего и пытавшего,

Чей лук, чья стрела,
Настигает острие прямо в горло,
В полуслове оборвав его крик.

10 Невмочь за своих Зербину:
В яром гневе
Скачет к Медору,
«Поплатишься!» — кричит,
Золотые кудри
Сильной ухватывает рукою;
Но взглянул в его светлое лицо,
И вошла в него жалость и пощада.

Медор ранен, Клоридан убит.

11 А юноша молит:
«Рыцарь,
Заклинаю тебя твоим богом, —
Не прети мне хоронить короля!
Большей мне милости не надо,
Жить не жажду,
Дай мне жизни лишь по тот конец,
Где зарю моего господина!

12 Ежели, как фивский злой Креонт,⁴⁰⁵
Хочешь ты питать волков и коршунов, —
Брось им в корм меня,
Но дай скрыть от них Альмонтова сына!»
Так стенал Медор,
И слова его тронули бы гору:
Всколыхнулся любовью и жалостью
Князь Зербин.

13 А в тот миг который-то злобный рыцарь,
Позабыв уважать вождя,
Замахнул копье
И в невинную грудь разит молящего.
Падает пораженный юноша,
Кровь в испуге отхлынула от щек,
Зербин чаёт его убитым,
И такое злодейство ему невстерпеть.

14 С болью и негодуя,
Воскликает он: «Жди себе поделом!»
И с недоброю думою поворачивает
На того, кто осмелил злой удар;
Но тот вмиг

405 ...как фивский злой Креонт... — Креонт (см.: XVII, 2, прим.) запретил хоронить тела осаждавших Фивы воинов, в том числе тело своего племянника Полиника.

Прочь и вскачь, пока цел.
А увидя простертого Медора,
Клоридан выносите из кустов,

15 Бросил лук, вращает булат,
Разъяренный, в гуще ненавистных,
И не мести он ищет впору гневу,
А лишь ловит смерть.
И он видит, как от стольких клинков
Закраснелась мурава его кровью,
И он, чуя, как лишается сил,
Распростерся близ милого Медора.

16 Мчат шотландцы вослед вождю
По высокой чаще к высокой мести,
Оставляя двух павших сарацинов:
Один мертв, другой еле жив.
Долго юный лежал Медор,
Истекая кровью из тяжелой раны,
И тут был бы конец,
Не приспей нечаянная спасительница.

Анджелика находит Медора

17 Подъезжает к нему девица
В смиренной пастушеской одежде,
Но прекрасная ликом, царственная осанкой,
Благородная каждым мановением.
Я так долго о ней вам не поведывал,
Что не всякому впору ее узнать;
А была это сама Анджелика,
Дочь Китайского великого хана.

18 Как вернулось к ней то кольцо,
Коим обездолил ее Брунель, —
Таковым надмилась она мнением,
Что глядит на всех с высокого высока.
И едет одна, и гнушается она
Даже самыми славнейшими спутниками;
И ей стыдно припомнить, что в любви
При ней были Роланд и Сакрипант,

19 А еще того ей досаднее
Благосклонство бывшему тому Ринальду,
Ибо-де невместно
Опускать столь низко милостный взор.
Но не снесши такой от нее обиды,
Бог Любви
Со стрелою на тетиве
Сторожил ее над телом Медора.

20 И увидевши Анджелика юношу,
В тяжелой ране предчующего смерть,
Но не о своей судьбе томящегося,
А о том, что король не погребен,
Чувствует: небывалая
Входит нежность в непривычную грудь;
И смягчилось ее крутое сердце,
И вдвойне — услышав его рассказ.

и исцеляет его.

21 Входит ей на память индийское
Первоучное врачество,
Ибо сказывают, что в Индии
Оно знатно и в славе и в чести,
И не в книгах писано,
А из уст идет к сыну от отца, —
И вот хочет она травными соками
Напитать его цвет до зрелых лет.

22 И припомнилась ей, мимо едучи,⁴⁰⁶
На цветном лугу всеотменная трава —
Диктаман ли трава, панацея ли трава,
Но такая,
Что спекает кровь и свекает боль,
И тяжелая рана с ней не тяжелая.
Невдали сыскав ее и сорвав ее,
Возвращается она туда, где Медор.

23 А навстречу — пастух,
Проезжавший верхом по той дубраве
Вслед за телкой, которая отбилась
И два дня не ворачивалась в хлев.
Привела его царевна туда,
Где Медорова сила исходила кровью,
И земля насквозь в той крови,
И вот-вот он испустит дух.

24 Сходит Анджелика с своей лошади
И велит сойти пастуху,
Растирает траву между камнями,
Точит сок на белые свои руки,
И вливает его в рану, и влагою
Орошает грудь, и живот, и стан;
И такая в той влаге власть,

⁴⁰⁶ *Диктаман ли трава...* — Диктаман — ясенец, дикий бадьян, этой травой Венера исцеляет рану Энея (Энеида, XII, 412 — 424). В античной медицине считалась способной вытягивать из раны наконечники стрел (*Плиний. Естественная история*, XXVI, 14)... *Панацея...* — сказочное всеисцеляющее растение.

Что застыла кровь и вернулась сила.

25 И вернулась сила, да так,
Что садится он на пастушью лошадь,
Но не прежде в путь,
Чем предав земле милого господина,
И рядом с ним — Клоридана,
А потом он готов, куда она.
А она, волнуемая жалостью,
С ним осталась под кровом пастуха,

Анджелика влюблена в Медора.

26 И пока Медор не встал, исцеленный,
Не хотела прочь: такова
В ней взошла и жалость и нежность
Над простертым юношей на траве.
А как взвидела его прелесть и вежество,
Вгрызлось в сердце ей тайное жало,
Вгрызлось тайное жало, как кресало,
И любовный запылал пожар.

27 Жил гостеприимец-пастух
С доброю женою и сыновьями
В лесной хижине меж двух гор,
Свежесложенной, красивой и крепкой.
Там-то красавицыной заботой
Исцелилась Медорова рана,
Но еще того скорее и шире
Вскрылась рана у нее самой в сердце:

28 Широкая рана и глубокая
От незримой взору стрелы,
Испущенной окрыленным лучником
Из Медоровых очей и кудрей.
Жжет ее неминуемое пламя,
Но ее все мысли не о себе,
А о том лишь, как оживить
Винного в той страде ее и муке.

29 Стягивается его рана и сохнет,
А ее — все шире и все больней.
Он здоров, а она в жару и знобе
Лихоманки, неведомой дотоль.
День от дня он расцветает все краше,
А она истаивает, как снег,
Павший в неурочную пору
На простор, открытый дневным лучам.

30 Чтобы страсть не сделалась ей погибелью,

Она ищет сама себе помочь
И в таком мучении
Ждать не медлит зова со стороны.
Закусив удила стыда,
С дерзостью в устах и во взорах,
Просит она зелья той ране,
Что он сам ей, не ведая, нанес.

31 О граф Роланд! о черкесский Сакрипант!
Что вам проку от вашей звонкой славы?
Дорого ли ценена ваша честь?
Хороша ли мзда за служение?
Встаре или внове
Вспомните ль хоть малую вы любезность
Наградительным воздаянием
Всех страданий, принятых за царевну?

32 О владыка Агрикан,
Будь ты жив, какова была бы мука
Тебе, знавшему лишь перебор и отпор,
Столь безжалостный и столь безженственный!
О Феррагус,
О иные несчетные и тщетные,
Каково бы вам видеть неприступную,
В чьих объятиях — молодой Медор!

Они становятся любовниками.

33 Даровала Медору Анджелика
Некасаемую первую розу
Того сада, того вертограда,
Где невступна была рука искателей.
А тому дару в украшающую честь
Справила она святые обряды
Брачные, осененные Амором,
Предводимые пастушьей женой.

34 Не бывало праздничней свадьбы,
Чем под тою смиренною кровлею,
И потом не один блаженный месяц
Там влюбленные лелеяли счастье.
Ни на шаг красавица от желанного,
А все нет ей утоления;
Ни на миг не размыкает объятий,
А не стынет страсть.

35 День и ночь в дому и в саду⁴⁰⁷
Все она рядом с милым:

Поутру и повечеру
Они бродят по зеленым приречьям,
В полдень укрывает их грот,
Кроткий и уютный, как тот
Верный сторож в памятное ненастье
Нежных таинств Энея и Дидоны.

36 А вдоль тех сладострастных троп
Где ни встал прямой ствол над ясною влагою,
Где ни лег податливый валун,
Она ладит булавку или нож,
Чтобы в тысяче и тысяче мест
И под небом и на хижинных бревнах
Выплелись, как вязь, имена
Медора и Анджелики.

37 А когда порассудилось красавице,
Что уже им досталь этих мест,
То взгадала она вновь в Китайскую Индию,
Чтоб Медора венчать на свое царство.
Было у нее золотое запястье
В самоцветной красе каменьев,
Дар любви от графа Роланда,
Ей носимый долго и несъемлемо, —

Они отправляются далее в Китай.

38 Подарила его фея Моргана⁴⁰⁸
Зилианту, озерному своему пленнику,
А тот, воротясь к отцу
Помощью и доблестью Роланда,
Отдал ему графу, а Роланд,
Быв влюблен, принял знатное обручье,
Чтоб поднести от своей любви
Анджелике, достолюбезной владычице.

39 И не столько по приязни к Роланду,
Сколько за красу и роскошество
Дорожила им красавица так,
Как никоей иной меж драгоценностей;
И не знаю уж, каким она чудом
Сберегла его на том слезном острове,
Где безжалостно лютый люд

408 *Подарила его фея Моргана...* — Сам браслет и его история вымышлены Ариосто, но сюжетная канва взята из «Влюбленного Роланда». Зилиант, один из сыновей короля Моноданта (вторым его сыном оказывается Брандимарт), похищен феей Морганой, которая согласна вернуть ему свободу лишь в обмен на Роланда. Монодант устраивает охоту на странствующих рыцарей в надежде рано или поздно схватить Роланда. Ему это удается, однако Роланд освобождает Зилианта без урона для своей жизни и свободы, и Монодант открывает двери темницы перед всеми своими пленниками (среди которых Ринальд, Астольф, Дудон и др.) Ср.: VI, 34, прим.

Ее бросил на пожрание чудищу.

40 А как было ей нечем наградить
Доброго пастуха с его пастушкой
За служительную их верность
Во всю пору жития в том пристанище, —
То сняла она обручье с руки
И вручила им от доброго сердца,
А сама пустилась с другом ко взгориям
Что меж франкскою землею и испанскою.

41 Они чаяли в недолгие дни⁴⁰⁹
В Валенсию dospеть и в Барселону,
Чтобы там случился долгий корабль
Наготове в левантийские страны.
И уже за спиною горных круч
От Гироны им открылось море,
И они, держа его по левую,
Ехали по барселонской дороге,

42 Но еще не доехали, как вдруг
Видят: на песке — бесноватый,
Как свинья, в грязи и в пыли
И с боков, и сзади, и спереди.
И как бросился он на них,
Словно пес на нечаянных прохожих,
Так и быть бы им в сраме и беде...
Но довольно: вернись-ка я к Марфизе.

Тем временем Астольф и Марфиза с друзьями

43 А Марфиза, Астольф, Аквилант,
И Грифон, и прочие плывущие
Самой смерти смотрят в лицо,
А не в силах обороть пучину.
Все круче, все самовластнее
В грозном гневе злая стихия,
Три дня она рвет и мечет,
А ни света не видать впереди.

44 Лютым ветром, ярим валом
Сбиты и разбиты надпалубья;
Что и не доломано,
За борт сами доламывают пловцы;
Кто залез в каморку
И при светике светильника
Следит путь по морскому чертежу,
А кто с факелом торопится в трюм;

409 *Гирона*. — Жерона, в Каталонии.

45 Иной на носу, иной на корме
У сыпучих склянок
Оборачивает время по получасу,
Чтобы знать, куда их мчит и быстро ли,
А потом
Каждый со своей чертежной справой
Все сбредаются на средину палубы,
Куда скликнул их кормчий на совет.

46 И один твердит:⁴¹⁰
«Лимасольские перед нами отмели»,
А другой: «Триполитанские рифы,
Перегрызшие столько кораблей»,
А третий: «Мы у Атталии,
Где у каждого кормщика стон в груди»,
И всяк стоит на своем,
Но над всеми — страх и отчаянье.

47 Третий день все злей
Рвет вихрь, бьет вал,
Тот снес в щепь переднюю мачту,
Этот смыл кормило и кормщика;
Кто не в трепете,
У того, знать, каменная грудь,
Крепче стали: сама Марфиза
Не таила, что изведала страх.

48 Всяк сулится Господу в паломники⁴¹¹
На Синай, в Галисию, в Рим,
И к Эттинской Богоматери,
И к Святому Гробу, и мало ли куда.
А корабль измучен,
То он канет, то прынет ввысь;
И к последнему его облегчению
Рубит кормчий мачту под главным парусом.

49 Мешки, ящики и всякую тяжесть
Мечут в море с носа и с кормы,
Пустошат кладовые и запасники,
Знатный груз — в пасть алчущих волн;
Те к насосам, и вон из корабля
Хлещут вредное море в море;
Эти в трюм, где удары волн
Размыкают щелями доски.

410 *Лимасольские... отмели...* — Лимасоль, город на Кипре. *Триполитанские рифы...* — Триполи. *Атталия*. — См.: XVII, 65, прим.

411 *Всяк сулится Господу в паломники...* — Перечисляются места паломничества: *Синай* — монастырь св. Екатерины на Синайском полуострове; *Галисия* — Сантьяго-де-Компостела, с могилой апостола Иакова; *Рим* — гробница апостола Петра; Эттинская Богоматерь — точной идентификации не поддается; *Святой Гроб* — Иерусалим, с гробницей Христа.

спасаются из бури

50 Четыре трудных, четыре страдных⁴¹²
Перемучась дня,
Им и согнуть бы в торжестве пучины,
Будь хоть малость крепче морская злость;
Но взмаячил надеждою затишья
Вожделенный светоч святого Эльма,
Вспыхнув на подпарусе на носу,
Ибо не было ему ни мачты, ни реи.

51 Пред светлым пламенем
Пали на колени плывущие,
Влажным взором, трепетным зовом
Умоляя о неволнуемом пути.
Не знавшая удержу
Смолкла ярость,
Стихла моряна, стих береговик,
И один владычит ветер из Ливии.

52 Он владычит великой властью,
Он из черных губ
Так вздувает взвороженную зыбь,
Что нагон теченья
Мчит быстрее схваченный челн,
Чем крылатый летит скиталец коршун;
И пугается кормчий, что умчит его на край
Света, или разобьет, или утопит.

53 Но у дельного кормчего на все есть снасть:
Он велит спустить загребные буи,
Травит с кормы канат,
И корабль забирает втрое медленнее.
Таковым-то умыслом,
А того паче знаменьем огней
Погибавшее судно спасено
И спокойно бежит в большое море.

и приплывают к берегу амазонок.

54 Подплывают к сирийскому Лайязу,⁴¹³
Видят город на берегу залива, —

412 ...*светоч святого Эльма*... -Электрическое свечение на мачтах. Св. Эльм (св. Эразм) — христианский мученик, покровитель рожениц и моряков, терпящих бедствие.

413 *Лайяз*.- Аяццо в заливе Александретта (см.: XVIII, 109, прим.).

Так он близко,
Что видны две башни у входа в гавань.
Но увидев такое, корабельщик
Помертвел лицом,
Оттого что не хотел он к той пристани
И не мог повернуть обратно в глубь.

55 Он не мог повернуть обратно в глубь,
Оттого что не было мачт и рей,
Оттого что брусья и доски
Взбухли, сбиты и сшатаны волной.
А та пристань была как смерть
Или как неволя до гроба,
Ибо всяк на беду туда попавший
Становился или мертв или раб.

56 А остаться ни назад, ни вперед —
Тоже страшно, потому что туземцы
Могут ринуть боевые ладьи
На корабль, слишком слабый плыть или биться.
В таком-то корабельщическом сомнении
Вопрошает его британский князь,
Отчего он не знает, что делать,
И не смеет бросить причал?

57 Отвечает ему корабельщик:
«Это берег смертоносных женщин,
У которых древний закон —
Всех пришельцев казнить или неволить;
А спастись дано лишь тому,
Кто побьет в одном бою десять витязей,
А потом в едину ночь десять девушек
Удоволит радостями любви.

58 Если соборет он первую борьбу,
А во второй приключится с ним осечка, —
Тут ему и смерть, а товарищам —
Рыхлить борозды и пасти волов.
Если сладит он с обоими подвигами —
Будет его спутникам воля,
А ему — отнюдь: он останется в плену
И возьмет себе десять жен по выбору».

59 С хохотом слушает Астольф
О таком затейном обычае.
Подошли на смех Сансонет,
И Марфиза, и Грифон с Аквилантом;
Повторяет им корабельщик,
Отчего он не хочет приставать:
«Лучше, — говорит, — захлебнусь
В море, чем склонюсь в ярмо невольника!»

60 Как начальник — так и матросы,
И за ними остальные пловцы;
Но Марфиза с товарищами перечат,
Им надежней не море, а земля,
Путь по разъяренным хлябям
Хуже им ста тысяч мечей, —
Оттого им и страх не в страх
Там, где можно померяться оружием.

61 Шумно рвутся паладины вперед,
А отважней всех — англичанин,
Потому что знает: лишь грянь он в рог,
И во всей округе никто не выстоит.
Одни призывают к пристани,
Другие — прочь, между всеми — спор;
Наконец, сильнейшие
Приневоливают корабельщика к берегу.

Их корабль в плену.

62 А меж этим, глядь,
Чуть заметив их из хищного города,
Поспешает галера с лучшими
Гребцами и бывальыми кормчими
Прямо к бедному,
Где не знают, что делать, кораблю, —
Захлестнуть с кормы его бивень
И выгрести из опасного моря.

63 Подтянувшись на том канате к пристани —
Не под парусом, а за веслами,
Ибо вихрем сорвана снасть,
Что ловила ветер справа и слева, —
Облачаются витязи в железные
Панцири, опоясывают мечи,
Трепетным корабельщикам
Подавая отвагою надежду.

64 Лукоморьем выгибался залив,
На четыре мили обходом,
А по входу шестьсот шагов,
Башня справа и башня слева, —
Ниоткуда не опасна им бездна,
Ежели не прямо с полудня.
А над бухтою, вскат над вскатом,
Встает город, как круговой театр.

65 Чуть явился в виду корабль,
О котором весть уже в разлете, —
Как обстали пристань шесть тысяч

Ратниц с луками, в боевых уборах,
А по горловине
Бухты, от скалы до скалы
Вытянули цепь впереиз побегу
Наготове снащенные ладьи.

Им предлагают бой одному на десятерых.

66 Старейшина, престарелая,⁴¹⁴
Как Сивилла, как Гекторова мать,
Выкликает корабельщика к спросу,
Что милее им, жизни ли решиться,
Или им милей доживать
Под ярмом по здешнему уставу?
В выбор — одно из двух:
Смерть и плен.

67 Продолжает старая: «Но ежели
Между вами будет такой храбрец,
Чтобы выйти на десять наших
И побить их в смертном бою,
А потом в единую ночь
Стать супругом десяти девицам, —
Он останется и будет нам князь,
А вы, прочие, в путь, куда хотите.

68 А кто хочет остаться, тот останься,
Но условившись:
Чтобы жить ему на свободе,
Пусть возьмет себе десять жен.
Если же не соспорит ваш поборник
На одном скаку с десятью,
Или не осилит второго подвига, —
Ему гроб, а вам неволя по гроб».

69 Думала старуха, что в рыцарях
Встанет страх, а встал бранный пыл:
Каждый мнит себя разителем,
Каковому оба подвига по плечу.
И Марфиза кипит, как все,
Хоть вторая затея ей несручна;
Все равно: в чем откажет пол,
Даст клинок, и она полна удачи.

70 Корабельщнковым голосом
Оглашает сговоренный ответ:
Есть такой паладин,
Что за всех дерзнет и в бой и на ложе!

414 Как Сивилла, как Гекторова мать... — См.: VII, 73, прим. (Гекторова мать — Гекуба).

Нет преграды, и кормчий правит к берегу,
Пал причал петлею вокруг бревна,
Сходни спущены, и герои в латах
Важно сходят с конями под уздцы.

71 Они шествуют через город,
Они видят: гордые дамы,
Опоясавшись, гарцуют по улицам,
В ратных латах блещут на площадях.
Здесь мужчинам
Нет ни панцирей, ни мечей, ни шпор,
Кроме сказанных десяти бойцов,
К обычайному призванных ратоборству.

72 Остальным — иголка, станок, челнок,
И веретено, и чесалка,
И платье до пят,
Женское, нежащее и медлящее;
А иных содержат в цепях
Пахать пашню и смотреть за скотиною.
Малолюден мужской пол —
Едва сотня их на женскую тысячу.

Марфиза принимает вызов,

73 Собираясь наши витязи
Метнуть жребий, кому из них за всех
Положить десяток на ратном поле
И иной десяток на ином,
Не считали в счет храбрую Марфизу,
Полагая, что ей бы и несродно
Выступать на ночной турнир,
Не имея победного удобства, —

74 Но она желала метать со всеми,⁴¹⁵
И метнувшись, жребий пал на нее.
Говорит она: «Прежде должна я пасть,
А потом и вам впасть в неволю, —
Но клянусь мечом
(И простерла руку к мечу на поясе):
Рассеку я им вражеские умыслы,
Словно Гордиев узел — Александр.

75 Не хочу, чтобы во веки веков
Этот край был смертным для странников!»

415 *Словно Гордиев узел — Александр...* — Гордий, легендарный фригийский царь, посвятил Зевсу свою повозку, на ярме которой был скручен сложный узел. Согласно прорицанию оракула, тому, кто сможет его распутать, суждена власть над Азией. Александр Македонский в начале своего персидского похода разрубил этот узел мечом.

Так сказала, и никто из друзей
Не умел ее отбить от затей.
Оставляют они на ее долю
Умереть или вызволить своих,
А она, уже в кольчуге и панцире,
Направляется к битвенному поприщу.

76 Был луг на высокой ровности,
И ступенями — скамьи со всех сторон:
Для турниров, для боевых ристаний,
Для звериных травль и прочей потехи,
И ограда о четырех медных вратах;
И туда-то
Стекшиеся толпами воительницы
Призывают Марфизу войти.

77 Въехала Марфиза,
А под ней — серый в яблоках жеребец,
Малая головка, нравный взгляд,
Чудо-статя, горделивая выступка.
Больше всех, легче всех, удалей всех
Между тысяч под дамасскими седлами,
Избран, убран и отдан в дар
Он Марфизе от короля Норандина.

78 Въехала Марфиза
В полуденные ворота,
Не успела встать —
Слышит: грянули и раскатились трубы,
И глядит: в арктические ворота
Едут на нее десять встречников,
А меж ними первый
Силой стоит девяти остальных.

79 Едет он на рослом коне:
Кроме лба и левой задней бабки,
Ни единого белого пятна,
С головы до пят вороной, как ворон.
А под цвет коню — и цвет конника:
В ясный знак,
Что как светлое поперечно темному,
Так утеха — скорбной его душе.

побивает девять рыцарей,

80 Трубы вструбили к бою,
Десять рыцарей уставили копья,
Лишь гнушается черный рыцарь —
Отстранился и не рвется на брань.
Лучше ему общий закон

Преступить, чем собственное вежество:
Застыл одаль и зорко смотрит,
Как соткнутся девять копий с одним.

81 Жеребец легким дробным выбегом
Вымчал им навстречу Марфизу;
У нее копьё вперевес,
Четверым силачам едва под силу,
Между многих самое крепкое,
Нарочито взятое с корабля.
Вся она, как огонь, —
Тысяча побелела лиц, тысяча дрогнула сердец.

82 Первому прободает грудь,
Латному, легко, как безлатному:
Через щит, толстый и окованный,
Через бронь, кольчугу и ткань
Вошло острие и вышло
На четыре пяди из-за плеч;
Таковым пригвоздив его ударом,
Прочь его и вскачь на остальных.

83 Грянула на второго,
Прянула на третьего —
Рухнувших опрокинула навзничь,
Разом вон из седла и из живых:
Таково крута была схватка,
Плоть в плоть, дух в дух;
Как бомбардные ядра конный строй,
Так крушит супротивников Марфиза.

84 Над ней — в щепках⁴¹⁶
Копье за копьем,
А ей — ничто,
Как стене от мяча:
На ней доспех
Тверд невпрокол,
Кованный в кузне ада,
Каленый в воде Аверна.

85 Доскакав до края,
Поворотив коня
На выживших шестерых,
Рубит и губит, в крови по рукоять,
Кого в шею, кого в плечо,
А кого пропоясавши так,
Что скользят в траву грудь и руки,

416 *Как стене от мяча...* — Имеется в виду старинная игра в мяч, примерно соответствующая испанской пелоте.

...доспех // Тверд невпрокол... — О том, что доспехи Марфизы зачарованы, говорится во «Влюбленном Роланде» (I, XVIII, 5). Об Аверне см.: XIV, 82, прим.

А живот и ноги сидят в седле:

86 Так всекся меч
Меж ребер и бедер,
Что сидит полтела,
Как обетный дар,
Чей из воска, а чей серебряный,
Приносимый ближним людом и дальним
В божью церковь
За свершенье молитвенных желаний.

87 Недруг в бегство, она за ним,
Настигает его на полупоприще
И кроит ему голову и шею
Так, что уж ни лекарю не сшить.
Полегли все девять,
Кто убит, кто без сил,
И ему заведомо не восстать
К новой сече.

отвергает перемирие с вождем их, Гвидоном,

88 А меж тем в стороне
Был недвижим десятый, введший девять,
Полагая недостойным рыцаря
Силой стольких смять одного.
Но увидев, как от единой руки
Пал весь взвод,
Тронул он бронного коня,
Чтобы вежество не мнилось немужеством.

89 Давши знак,
Что есть слово у него прежде дела,
И не чая, что мужеский доспех
Скрыл девицу, он молвит:
«Храбрый рыцарь,
Ты устал от стольких смертей —
Стал бы я неучтив,
Пожелав много множить твою усталь.

90 Отдохни до новой зари
И воротимся в поле — не всперечу!
Не знатна мне честь
Одолеть утомленного трудом». —
«Не внове мне ратный труд,
Не в усталь такая малость, —
Отзывается ему дева, —
И тебе недолго в том увериться.

91 Благодарствуй в вежестве,

Только отдых мне не надобен:
Еще долог день
И заторна тяготная праздность».
Отвечает рыцарь: «Твою волю
Легче мне удовлетворить, чем мою:
Что ж, увидим,
Точно ли так долог твой день?».

92 Так сказавши, торопит вынести
Два копыя, два тяжких древка,
И дает Марфизе выбрать угодное,
И берет второе за ней,
И уже они на местах,
Ждущие трубного звука, —
И взгудела земля, вода и небо
Из-под грома рванувшихся копыт.

бьется с Гвидоном,

93 Ни вздохнуть, ни моргнуть, ни ахнуть
Ни единому меж взирателей —
Так вковался взор
В то, чей будет верх.
Нагибает Марфиза копьё
Чтобы выбить черного рыцаря —
Черный рыцарь
Так же насмерть уметился в Марфизу.

94 Словно не дубовые грузные,
Словно зыбкие и хрупкие ивовые,
Выщепились копыя по рукоять,
И в такой опор
Вшибся конь в коня,
Что как серп перерезал им поджилья.
Оба прочь с копыт,
А бойцы вырываются из седел.

95 Сотни сот соперников
Ссаживала смаху Марфиза с конских спин,
А сама — ни разу,
И вот, пришлось.
Небывалостью
Застывает она оцепенев;
Небывалостью поражен и черный
Рыцарь, тоже несвычный падать в пыль.

96 Чуть коснувшись праха,
Оба вмиг на ногах и снова в бой.
Бешен меч колоть и рубить,
Быстр отбой щитом, клинком, уклоном.
То празден удар, то непразден удар,

Свищет воздух, звон до небес:
Знать, у вцтязей крепче наковален
Щит, шлем, бронь.

97 Тяжела рука у девицы,
А не меньше того — у рыцаря.
Мера мере вровень:
Сколько каждый даст, столько примет.
Кому любо взглянуть на двух отважных,
Не ищи других,
Не ищи, кто метче и проворнее —
Быть, как они, никому невмочь.

98 Смотрят женщины, смотрят воительницы,
Как удар разит на удар,
И ни малого в бьющихся не видя
Неможенья сил,
Величают их могучими меж могучих
Паладинов от моря и до моря,
Ибо кабы не мощь,
Им бы пасть не от ран, а от усталости.

99 Говорит в душе своей Марфиза:
«Благо мне, что он стоял в стороне, —
Будь он меж дружиною,
Верно, мне бы не быть живой,
Коли здесь один на один
Я едва его перестаиваю».
Говорит,
А клинок в руке ходит и ходит.

100 «Благо мне, — говорит в душе соперник, —
Что мой враг не пожелал раздохнуть:
Мне далась оборона от усталого,
Потрудившегося в бою, —
А кабы до новой зари
Он набрался бы сил, то какво бы?
То и счастье,
Что не внял он на мой увет».

и лишь ночь прерывает их бой.

101 До вечерней тьмы
Ни один не вышел лучше другого —
А как канул свет,
Не с руки поединок поединщикам.
Стала ночь, и воительной красавице
Первый молвит учтивый паладин:
«Как нам быть, коли недобрая ночь
Застигает нас равными в удаче?»

102 Мне за лучшее видится дожить
Твою жизнь до утреннего рассвета,
Потому что дольше малой ночи
Не дано мне продлить твои дни.
А что краток срок,
Ты вменяй не мне,
А вменяй неключимому закону
Стороны, где владычит женский пол.

103 Ведомо Всеведущему,
Как мне больно за тебя и твоих —
Так останься ж у меня, и с соратниками:
Больше нет вам уютных мест,
Потому что на тебя уже кипит
Скоп всех вдов, чьи мужья сегодня пали,
А у каждого было павшего
Десять жен.

104 Девяносто женщин
Жаждают мстить за нынешнее вдовство;
Ежели не вступишь ко мне под кров —
Сей же ночью жди на себя приступа».
Отвечает Марфиза: «Предложенное — приемлю,
Веря,
Что не меньше ты добр и прям,
Чем силен рукою и пылок духом.

105 Не тужи, что недолгая мне жизнь —
Как бы не встужить тебе о собственной!
Весело ли было, рубясь,
Повстречать не слабейшего соперника?
Длиться ли нашей битве, двоиться ли,
Под ночным ли, под дневным ли светилом,
По-любому будь,
Как тебе угодно, а я вготове».

106 Так отсрочен бой,
Пока утро не встанет из-за Ганга,
И никто не знал,
Кто сильнее из двух отменных воинов.
Тотчас идет гостеприимец
К Аквиланту, Грифону и споспешникам,
И зовет до нового дня
Разделить с ним его жилье и время.

107 Те нимало не колеблются,
И при белых при факельных огнях
Все идут в государские палаты,
Где для каждого разубран покой,
А оба единоборца,
Снявши шлемы, стоят, оцепенев,

Ибо рыцарь под забралом оказывается
Восемнадцати, не более, лет, —

108 И дивится девица,
Что так юн, а так искусен мечом,
И дивится юноша, видя
Кудри той, с кем еле выстоял бой.
Друг у друга спрашивают имя,
Друг от друга слышат ответ;
А какое было имя у юного,
О том будет новый мой сказ.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ (БЕРЕГ АМАЗОНОК)

Песнь XX

Под сенью дворца Гвидон рассказывает рыцарям свою историю, а на улице и на площади Астольф (изображен дважды) трубит в рог, разгоняя амазонок

Вступление.

1 Удивительны в старинное время⁴¹⁷
Были дамы и в Марсе и между Муз —
Ярким светом сияет в мире
Слава и краса их великих подвигов.
Искушенные в ратной сече,
Знамениты Гарпалика и Камилла;
Незатменным солнцем учености
Просияли и Сафо и Коринна.

2 В каждом угодном деле
Были те красавицы превосходны.
Кто читал старинные повести,
Знает: не увяли они в молве.
Горько, что таковых уже нет.
Но верится, что скрала их честь
Только зависть и только немощь пишущих.

3 Мнится мне: даже в нашем веке
Столько доблести встало в лучших дамах,
Что немалый труд перу и чернилам
Донести ее в потомственные годы.
Смолкни же, злоязычие,

⁴¹⁷ *Тарпалика.* — Фракийская воительница и охотница.

Камилла. — В «Энеиде» дочь царя вольсков, посвященная Диане и ставшая амазонкой.

Сафо. — Древнегреческая поэтесса (VI в. до н. э.)

Коринна. — Древнегреческая поэтесса (V в. до н. э.), наставница Пиндара.

Заклеймив себя собственной хулой,
Чтоб возвысились достохвальные,
Превосходнее даже, чем Марфиза.

Гвидон рассказывает путникам,

4 Так воротимся к Марфизе. Она,
Гостя учтивейшего из рыцарей,
Не противилась молвить о себе,
Чтобы он ответил такой же вестью.
Так она спешит к его имени,
Что не тратит слов:
«Я — Марфиза», — и этого довольно,
Остальное у каждого на слуху.

5 Собеседнику⁴¹⁸
Дольше нужно вступление к себе,
И он молвит: «Моей породы
Имя быстро всходит на язык,
Ибо от Испании и от Франции
До Индийского зноя и Понтийских снегов
Знатен Клермонтский род:

6 Из него возрос убивший Альмонта,⁴¹⁹
Из него — сокрушивший Кларизеля,
И Мамбрина, и его королевство;
И от этого-то племени
Над Эвксинским над многоустным Истром
Родила меня мать князю Амону,
Когда был он там в странственном пути.
Вот уж год, как ее я покинул, слезную,
И пустился во Францию искать своих,

7 Но поплыв, не доплыл:⁴²⁰
Южный Нот перевихрил меня бурей,
И я здесь уже десять месяцев,
Считанных по дням и по часам.
А зовусь я Лесной Гвидон,
Но не много за мной славы и подвигов:

418 ...убивший Альмонта... — Роланд (см.: I, 28, прим.).

419 ...сокрушивший Кларизеля // И Мамбрина... — Ринальд. О Мамбрине см.: I, 28, прим. *Кларизель* — брат Мамбрина, великан, сражавшийся с Ринальдом в паре со львом. *Над Эвксинским над многоустым Петром...* — На берегах Дуная (Истра), который впадает в Черное море (Понт Эвксинский) несколькими устьями. *Амон*. — См.: I, 12, прим.

420 *Нот*. — В греческой мифологии божество южного ветра, брат Борей, Зефира и Эвра. *Лесной Гвидон*. — Персонаж итальянской эпической традиции (упоминается также во французской поэме «Айя Авиньонская»), играет заметную роль в «Историях Ринальда» и «Королеве Анкройе» (XV в.), в «Морганте» Пульчи. Считался обычно не братом (как у Ариосто), а внебрачным сыном Ринальда.

Здесь я победил по уставу
Аргилона Мелибейского с его десятью,

8 Здесь свершил иной подвиг над девицами,
И теперь в моей сласти десять жен,
По избранью моему самых лучших
И прекрасных в этой стороне.
Власть моя — над ними и надо всеми,
Ибо мне вручен правительный скипетр,
Как вручится он всякому, кто свалит
Волей счастья десять противоборцев».

откуда пошло государство амазонок,

9 Спрашивают рыцари у Гвидона,⁴²¹
Для чего здесь так мало мужского пола,
И зачем он покорствует женскому,
Вопреки обычаям всех земель?
Отвечает Гвидон: «Не раз
Здесь я слышал, отчего так случилось.
И как слышал, так и перескажу,
Ежели такое вам в угодю.

10 Когда греки воротились от Трои
На двадцатое лето (потому что
Десять лет тянулась война,
Десять лет перечили злые ветры),
То нашли, что их греческие жены,
Избывая разлучное томление,
Взяли милыми молодых молодцов,
Чтобы не простыли постели;

11 И нашли, что в домах, куда ни глянь,
Всё чужие дети; и если
Жен они простили, потому
Что и впрямь не житье им было впроголодь,
То приبلудных тех сыновей
Положили прогнать на божью волю,

421 *И как слышал, так и перескажу...* — История царства женщин-мужеубийц и весь эпизод его разрушения имеет многочисленные и разнородные источники. Что касается учреждения обычая, то история Фаланта (см.: ниже. окт. 14 и прим.), дополнена мотивами, отсылающими к покинутой Тесеем Ариадне (ее здесь представляет Оронтея, «из породы державного Миноса» — окт. 24), к жительницам острова Лемнос (совпадение двух ведущих мотивов, но в обратной последовательности: лемноски перебили все мужское население острова и оставлены аргонавтами) и, наконец, к амазонкам (воинственность, мужененавистничество, особая брачная процедура). См.: Райна. С. 256. Источники самого обычая относятся уже не к классической, а к жанровой традиции. Богатые параллели предоставляет эпизод французского прозаического «Романа о Тристане», где заглавный герой должен меряться силой с хозяином замка, а Изольда красотой — с хозяйкой (мотив двойного испытания). Второе испытание восходит к похвальбе Оливьера в поэме «Паломничества Карла Великого в Иерусалим и Константинополь». Поединок Марфизы и Гвидона обнаруживает значительное сходство с поединком Гирона и Фебуса в «Романе о Паламеде». Роль Алерии в заключительной части вновь возвращает нас к Ариадне (или к Медее, помогающей Ясону). См.: Райна. С. 257 — 269.

Потому что не хотели отцы
Своей тратой вскармливать неродимых.

12 Малолетних бросили умирать,
Коли матери их не утаили;
А кто в возрасте,
Те ватагами пошли, кто куда;
Кто мечом добывает себе жизнь,
Кто взялся за науки и художества,
Кто к двору, кто к сохе, кто к стаду,
На угад Фортунина колеса.

13 А был меж тех изгнанников юный⁴²²
Сын кровавой царицы Клитемнестры —
Восемнадцать лет, свеж, как лилия
И как роза, не знавшая шипов.
Он взошел на битвенный корабль
И поплыл по разбойную добычу,
А при нем сто ровесных молодцов,
Первоизбранных меж целою Грециею.

как Фалант с друзьями увез и покинул критянок,

14 Критяне о ту пору,⁴²³
Беспощадного выгнав Идомея,
Снаряжали новую власть
И к тому искали оружной силы.
Призывают они за лестную плату
Фаланта (так звали юношу)
Со всею его дружиною
К охранению города Диктеи.

15 Было в Крите сто городов,
А Диктея всех краше и привольнее,
Красуясь милыми дамами,
Веселясь забавами от зари до зари.
И как было там в обычае

⁴²² *Клитемнестра*. — В греческой мифологии жена микенского царя Агамемнона, изменившая ему во время похода греков на Трою и подстроившая его убийство.

⁴²³ *Идомея*. — В греческой мифологии царь Крита, участник Троянской войны, после окончания которой изгнан с родного острова. Согласно одной версии мифа, Идомея изгнал его воспитанник, соблазнивший его жену. По другой версии, Идомея дал обет в случае благополучного возвращения на родину принести в жертву первого встречного: им оказался сын (или дочь) Идомея, и боги наслали на Крит моровую язву, избавиться от которой можно было, только изгнав Идомея.

Фалант. — Легендарный основатель Тарента (ныне Таранто). Как рассказывает Юстин (История, III, IV, 8), Фалант стал во главе отряда юношей, родившихся от связи рабов-илотов со спартанскими женщинами, чьих мужей в течение многих лет держала вдали от дома война с Мессенией. Вернувшись, спартанцы изгнали незаконных детей, и те перебрались в Италию, где воздвигли город. У Юстина история Фаланта ни к Клитемнестре, ни к Троянской войне отношения не имеет.

Диктея. — Название города образовано от горы Дикта, посвященной Зевсу (восточная часть Крита).

Привечать чужеземцев ласкою,
Так и эти, еще бы немного,
Здесь бы стали своими во всех домах.

16 Все они и молодцы и красавцы,
Лучший цвет собрал Фалант со всей Греции, —
Так не диво, что взвидевши их, дамы
Изронили сердце из груди;
А как были они вдобавок
И на ложе удалые ристатели,
То в немного дней
Стали так любимы, как никто нигде.

17 Но покончилась миром
Та война, к которой взят Фалант,
Перестало идти жалование,
Молодцам не стало пути,
Собрались они прочь из того края,
И тут встал по Криту великий плач
С таковыми терзательными стенаниями,
Словно вмиг осиротели все женщины.

18 Многожды быв прошен остаться
Каждый юноша каждою дамою,
Ни единый не пожелал; и тогда
Дамы сами пустились вслед возлюбленных,
Бросив братьев, отцов и чад,
Взявши золото, каменья и жемчуги.
В столь великой это делалось тайне,
Что не ведал никоторый критский муж

19 Выбрал вождь к отплытью такой
Добрый час и попутный ветер,
Что как вспрынулся Крит о злой утрате,
То уже они были далеки.
Благой случай
Их приваял к этому побережью,
Чтобы здесь по безлюдной безопасности
Усладиться похищенным плодом.

20 Десять здесь стояли они дней,
Полных всласть любострастными утехами;
Но как в юных водится,
Пресыщенью скука ступает вслед,
И куется сговор
Вызволиться из-под женского бремени,
Ибо тяжелейшая душе казнь —
Опостылевшая женщина.

21 Жадны хватать и хитить,
А нещедры тратить,
Они поняли, что для стольких наложниц

Им не копья надобны и не луки,
И вот — бросили они злополучных
И уплыли со всеми их роскошествами
К апулийским приморьям, где, по слышности,
Основали славный Тарент.

как за это они стали убивать мужчин,

22 А те женщины,
Вдруг увидевшись преданы любовниками,
Так взялись, что днями дневали,
Цепenea, как каменные, на берегу;
Но поняв от стольких
Слез и криков малый себе прок,
Раскидывают они умом,
Как помочь себе в столь великом бедствии.

23 Выставляя, что кому судится,
Говорят одни: вернуться на Крит,
Ибо лучше предать себя суровым
В суд отцам и в расправу мужьям,
Чем снестаться горем и голодом
На пустых берегах и в диких дебрях.
Говорят другие: скорей
Утопиться бы в море, чем такое:

24 Скорей по миру бы пойти⁴²⁴
Нищими, невольницами, блудницами,
Чем отдать себя в казнь,
Веленную таковою виною.
И схожее, и подобное
Говорили несчастные, все круче и больней;
Но вот встала меж ними Оронтея
Из породы державного Миноса —

25 Самая юная, самая прекрасная,
Самая умная, и грешная меньше всех:
Девою предалась она Фаланту
И для милого бросила отца.
Ликом и словом
Изъявив гневнопламенное сердце,
Сокрушила она чужие речи,
А сказавши, сделала по своей.

26 Недостаточно ей мнилось бежать
Из земли, где угодыя плодовицы,
Воздух свеж, прозрачны потоки,

424 *Минос*. — В греческой мифологии сын Зевса, царь Крита, супруг Пасифаи, отец Ариадны и Федры, после смерти судья в царстве мертвых.

В рощах тень, на равнинах ни холма,
А у берега — пристани и устья
Для прибежища тем, кого беда
Из Египта или из Африки
Занесет с припасами для житья.

27 Здесь оставшись, отсюда мстить
Положила она мужскому полу,
Чтобы каждый корабль, который
Ни прибьется для укрытья от бурь,
Брать, бить, жечь,
Ни душе не уделяя пощады.
Так молвлено, так становлено,
Стал закон, и по закону живут.

28 Лишь почувется непогодная смута —
Все в оружии спешат на прибой,
Беспощадная Оронтея впереди,
Дав закон, взяв власть,
И в налет на прибитые суда
Ударяют разбоем и пожаром,
Ни единого не щадя,
Чтоб не шла молва по западу и востоку.

как потом пощадили десятерых

29 Так не год и не два
Они жили войной мужскому полу,
Но удумали наконец,,
Что гнались за собственной бедой,
Что коли не станет перемены
И не высеется юный приплод,
Быть закону тщетну и праздну,
А их царству увянуть, не продлясь.

30 И тогда, укротив суровость,
Выбрали они за четыре года
Из привезенных витязей ко взморью
Десять самых лихих и удалых,
Чтобы выдержать славный бой
Против ста в любовной потехе,
Потому что красавиц было сто,
И на каждый десяток по супругу.

31 Многие не снесли головы,
Не умевши выстоять испытание,
Но десять, которые преуспели,
Поделили с женами сласть и власть.
И взята была с них присяга,
Что коли новых прибьет сюда мужчин,

То в свой черед и нещадно
Их казнить острием и лезвием.

32 Но как стали жены тяжелеть и родить,
То закрался страх,
Что пойдут мужские приплоды,
А на них потом управы не найти,
И возьмется тогда в мужские руки
Столь лелеянный государственный чин;
И вот стали они, покуда мир,
Отстранять своих будущих мятежников.

33 Чтоб не сдаться мужскому полу,
Предписал устрашительный закон
Быть у матери лишь единому сыну,
А всем прочим — рабство, изгнание или смерть.
Рассылают сыновей, кто куда,
А рассыльщикам велят на обмен,
Ежели сумеют — добыть женщин,
А ежели нет, то хоть чего-нибудь.

34 Кабы дело не в том, чтоб выжить,
Не оставили бы и одного они сына, —
Так-то кроток и так-то добр
Злой закон к своим пуще пришлых!
А над пришлыми все прежняя казнь,
Изменясь лишь в том,
Что не сплошь, а по черед
Губят их владычные женщины.

35 Десять ли, двадцать ли их схватят —
Всех подряд в темницу, а потом
По одному в день
Их выводят по жребью на гибель
В страшный храм, воздвигнутый Оронтею,
Где вознесся алтарь Возмездью;
А один из десяти своих
Правит черный долг — разит жертву.

как Александра полюбила Эльбания,

36 Через много лет⁴²⁵
На смертельные эти берега
Взошел юноша, именем Эльбаний,
Ветвь Алкида, славный в бою.
Ни о чем он не догадываясь,
Как предстал, так взят
И под строгою стражею брошен в башню,

Где уж многие ждали, когда их рок.

37 А лицом он хорош и мил,
Светел нравом и обычаем,
И речами так ласкательно нежен,
Что зачаровался бы василиск.
Оттого-то разом
Донесли о нем как о диве
До царевны Александры, чья мать —
Оронтея, дряхлая, но здоровая.

38 Оронтея была жива и здорова,
А иные первосельницы давно в гробах,
Но уже народилось вдесятеро
Молодых, во славу и силу жен,
И на каждые десять наковален
Лишь по молоту, да и то не всегда,
И по-прежнему десять витязей
Не добром дожидали пришлецов.

39 В жажде Александра узнать
Юношу, о котором столько славы,
Трудную вымаливает у матери
Волю видеть Эльбания и слышать;
А услышавши, не может уйти —
Ее сердце с ним, и терзается,
Она в узах, она без сил,
Она пленница собственного пленника.

40 «Ежели, — молвит ей Эльбаний, —
Не забыто в этой стороне
Милосердие,
Как повсюду, где солнце рыщет светом,
То во имя вашей светлой красы,
Воззывающей к любви сердца лучших,
Заклинаю: подарите мне жизнь,
И она отныне будет ваша.

41 Если же и впрямь здесь нет
В человеческих сердцах человечности,
То не жизни у вас молю,
Ибо ведаю, мольбы эти праздны,
А о том, чтобы умереть, как рыцарю,
Храброму ли, худому ли, но с мечом в руках,
А не как подсудному смертнику
Иль скоту под жертвенным топором!»

42 Благородная Александра,
Состраданием увлажняя взор,
Отвечает юноше: «Пусть
Нет земли суровее и жесточе,
Но и здесь,

Знай, не каждая женщина — Медея,
А хотя бы и было так, —
Я себя отделяю быть иною.

43 Пусть воистину в прошлом и у меня
Повсездешняя злоба и неистовство,
Я на то отвечу, что некого
Было мне доселе жалеть;
Но душой, как тигр,
Но сердцем, как кремень,
Я была бы, когда бы я не тронулась
Твоей доблестью, красой и вежеством.

44 И как верно, что нет страшней
Здесь казни на чужестранцев,
Так и то, что пошла бы я на смерть,
Чтобы выкупить тебя к милой жизни.
Но здесь нет тех сил,
Чтобы стать твоей вольною подмогою;
И хоть будь мольба твоя о малом,
Трудно здесь услышать ей: да.

45 Но увидим: вдруг
Я добьюсь тебе схватки вместо казни;
Только не было бы тебе
В этой долгой гибели пущей муки».
А Эльбаний ей отвечает так:
«Дай мне встать на десятерых —
И в груди моей станет духа
Вырвать жизнь, сокрушив любой булат».

как она выпросила для него изменения закона,

46 Только вздохом
Откликается ему Александра,
И уходит, и несет в своем сердце
Тысячу неисцельных ран любви.
И у матери она просит позволения
Быть бы живу храброму паладину,
Если явит он столько доблести,
Что один сокрушит десятерых.

47 Собирает царица Оронтея
Свой совет и заводит речь:
«Только лучший
Нужен нам блюсти берега и пристани,
А на лучшего надобно испытание,
Чтобы знать, кого взять, кого прочь,
И не вышло бы к нашему ущербу,
Что худой царит, а храбрый погиб.

48 Не угодно ли вам, как мне,
Положить, чтобы каждый рыцарь,
Заневоленный судьбою в наш край,
Прежде, нежели упасть под закляние,
Доброхотно мог
Встать один на бой с десятью,
И коли выпадает ему одоление —
Принять стражу и власть над нашим берегом?

49 Говорю так, потому что наш узник
Сам зовется один на десятерых;
Если дастся ему победа —
Видит бог, достойнее его нет;
Если же он пышет лишь попусту,
То и примет заслуженную казнь».
И на том Оронтея умолкает,
А единая из старейшин ей в ответ:

50 «Водимся мы с мужчинами
Не с того, что они нам надобны
Наши оберегать берега —
Не в том причина,
Ибо вдосталь для того в нас самих
И ума и пыла.
Ах, если бы
Мы и множиться умели без них!

51 Но как этого не дано,
Допустили мы их в свое сообщество,
Но не более одного на десять нас,
Чтобы не было в них над нами силы.
К зачатью, а не к защите
Мы берем их — иного проку нет,
И отвага их вовсе нам не сручна.

52 А принять такого удальца
Поперечит всему нашему умыслу:
Положивши десять мужчин,
Сколько же одолеет он женщин?
Будь все наши десять, как он, —
Мы ни дня бы над ними не процарствовали!
Тот забудь царить,
Кто вручает оружие сильнейшему.

53 А еще не принять ли в ум,
Что как впрямь он побьет десятерых.
Сто осиротевших вдов
Грянут в слух твой своими криками.
Нет: коли желает спастись,
То не только срази тех десять молодцов,
А и сделай их дело над стами женщинами:

Если сможет — пускай живет».

54 Жестоко судила Артемия⁴²⁶
(Так она звалась),
И недолго ей казалось заклать
Гостя в капище безбожного бога, —
Но в угоду Оронтея милой дочери
Выставила в ответ
Спор на спор,
И склонила к себе женский собор.

как Эльбаний победил десятерых,

55 Был Эльбаний таков собой хороша
Как никто по всему рыцарскому свету,
И в сердцах молодых девиц,
В том советствовавших совете,
Так он пал на чашу весов,
Что пересилил старух и Артемию
С их старинным уставом, и едва
Не прощен был на все четыре стороны.

56 Но решили дать ему волю
Лишь когда он справится с десятью,
А потом, уж в ином единоборстве,
Ублажит десять женщин, вместо ста.
Выпускают юного из узилища,
Дают щит, коня, копьё по руке,
И единый в поле
Положил он десять одного за одним;

57 А когда наступила ночь,
Вышел наг и один на десять девушек
И таков оказал пред ними пыл,
Что преуспел в испытанье всего сонмища.
Умиленная,
Приняла его Оронтея вместо сына,
И дала ему в жены Александру
И еще девять жертв ночного подвига,

58 И оставила его с Александрою,⁴²⁷
Давшей имя нашей земле,
Быть наследником и блюсти устав
При себе и при всех своих потомках:

426 *Артемия*. — Поскольку в законах ариостовского царства женщин (убийство чужеземцев, алтарь Возмездия) есть некоторые переключки с культом Артемиды Таврической, можно полагать, что имя Артемия дано самой ожесточенной ревнительнице кровавого обычая не случайно. См.: Райна. С. 255.

427 *Давшей имя нашей земле...* — См.: XIX, 54, прим.

Кого бросит недобрая звезда
Занести стопу на здешний берег,
Тому выбор: или в жертву под нож,
Или в подвиг на десять супротивников.

59 Если днем он одолеет мужей —
Будут ночью предлежать ему жены;
А коли и здесь
Улыбнется ему победа —
Быть ему над воительницами вождем,
Брать ему за себя десятерых
И царить, покуда сильнейший
Не придет и отымет ему жизнь.

как царей стали избирать в поединках

60 Так две тысячи
Лет здесь властвует безбожный закон,
В редкий день здесь злополучные
Путники не гибнут на алтаре,
А коли кто вызовется вслед
Эльбанию на десять поединщиков, —
То немногий не гибнет в первом же подвиге,
А второго не выстоит и из тысячи один.

61 Приключалось порой и так,
Что на оба сыскивался победитель;
Таков был Аргилон,
Но недолго царил он со своим десятком —
Злыми ветрами пригнанный сюда,
Я смежил ему очи вечным сном.
Ах, лучше бы
Пал я с ним, чем терпеть мне здешний срам!

и как он, Гвидон, томится на царстве.

62 Игры, смехи, любовные улады,
Милые любому в осьмнадцать лет,
Пурпур, золото,
Сан, превысший в этом краю,
Видит бог, не в сласть,
Коли отнята вольная воля:
Пуще мне несносного рабства,
Что не можно сняться и уйти.

63 Видеть тлимым
Лучший цвет лучших лет меж праздных нег —
Вечно жжет и гложет мне душу,

Отымая ей все земные радости.
Слава моей крови
Ходит по миру, гремит до небес;
Верно бы и я стал ей дольщиком,
Будь я обок с братьями по отцу.

64 Обидно мне, что судьба
В столь презренное ввергла меня рабство,
Как коня в загон,
Если глаз в нем слеп, или шаг в нем хром,
Или чем иным он не годен
Быть в броне для достойных дел, —
И, не чая избыть такого сраму,
Лучше бы мне смерть!»

Астольтф признает в Гвидоне родича.

65 Кончил повесть,
Проклиная Гвидон позорный день,
Ему давший одоление на царство
Над мужами и вслед тому над женами.
Вслушливо стоял Астольтф,
Не открывшись, покуда не уверился,
Что доподлинно сей Гвидон —
Сын Амона, его единородного.

66 А потом и говорит: «Я английский
Князь Астольтф, и двоюродный тебе, —
И обнявши, облобызал,
Проливаяючи любовные слезы. —
Милый родич,
Никакой материнский знак на шее
Не покажет ярче, что ты — из наших,
Чем твоя отвага с мечом в руке.»

67 Рад бы ради родича
Ликовать о встрече Гвидон,
Но не здесь бы ему его увидеть,
И отселе на лице его — скорбь.
Ему ведомо: останься он жив —
И Астольтфу завтра стать невольником;
А избавить Астольтфа — лишь погибнувши.
Одному спасенье — другому смерть.

68 Ему больно: одолей он в бою —
И друзья его брата станут узниками;
И больнее: хоть погибни он сам,
А ему из неволи их не вызволить,
Ибо даже выручи их Марфиза,
Ей потом против новых пришлецов

Одной без него не выстоять,
И тогда ей — гибель, а им — ярмо.

69 А не меньше того Гвидонов
Свежий возраст, вежество и доблесть
Нежностью и жалостью
Так коснулись Марфизиною души,
Что спасти друзей Гвидоновой смертью —
Ей самой как смерть;
И коли нельзя пощадить его,
Она лучше бы с ним погибла сама.

Марфиза предлагает ему спастись вместе.

70 Говорит она Гвидону: «Ступай
Вместе с нами, и прорубимся силою».
«Брось надежду, — отвечает Гвидон, —
Победи или погибни со мною.»
А Марфиза: «Ни разу я не дрогнула
Грять смертью на всякого, кто рожден,
И нет мне пути вернее,
Чем тот, где вождем мне меч.

71 А тебя я изведала в поле чести
И с тобою дерзну везде;
Слушай: как сойдется на завтра здешний люд
И взмостится по скамьям над оградой,
Так ударим на них справа и слева,
Пусть сразятся, бегут или падут,
И тела их будь снедью псам и воронам,
А дома — огню».

72 Ей Гвидон: «Я с тобою рядом
Рад в бой, рад в смерть,
Чтоб хоть малую справить месть,
Ибо нам живым отсель не выйти:
Здесь на площади десять тысяч
Ратниц, и столько же блюдут
Пристань, скалу и стену,
И ни единая тропа не пуста».

73 А Марфиза: «Будь их больше, чем Ксеркс⁴²⁸
Вел на роковую брань,
Будь их больше, чем мятежных душ,

428 *Ксеркс*. — Персидский царь (486 — 465 г. до н. э.). По сообщению Геродота (История, VII, 60), двинул в поход на Грецию войско численностью в миллион семьсот тысяч человек.

Будь их больше, чем мятежных душ... — Данте считает, что павшие ангелы составляют десятую часть от общего числа ангелов (Пир, II, V, 12); он же в «Божественной Комедии» (Рай, XXVIII, 92 — 93) представляет это число как геометрическую прогрессию единицы, ограниченную числом клеток шахматной доски ($2^{64} = 18\,446\,774\,073\,709\,551\,616$).

Павших с неба на вековечный их срам, —
Если ты со мной,
Если ты хотя бы не с ними, —
Им не выжить предо мною и дня».
И тогда Гвидон: «Я знаю путь:

Гвидон придумывает способ.

74 Ежели не он —
Никакие нас иные не выведут.
Только женскому здесь дозволено полу
Из ворот ступать на береговой песок;
А для этого надобно вручиться
Верности единой из моих жен,
Чья изведанная мною не раз
Не нуждается любовь в испытаниях.

75 Ей желанно не менее, как мне,
Вызволяться из рабства
И уйти за мною туда,
Где не в нужду делить меня с совместницами.
Пока ночь слепа,
Уготовит она фелуку или сазтту,
Чтобы ваши моряки, представ к пристани,
Тотчас бы под парус, и в путь.

76 А вы все, гости моего крова,
Рыцари, купцы, пловцы,
Как единый взвод,
Все за мною вслед,
Наготове, если кто поперек,
Грудью проложить себе дорогу.
Только так, положась на меч,
Чаю изойти из смертного города».

77 «Как почтешь, так нас и веди, —
Говорит Марфиза, —
А себе не боюсь я никакой беды:
Право, легче бы
Всех скосить мне по стогнам и по улицам,
Чем явить себя в беге или страхе.
Только днем и только клинком —
Все иное мне в позор и бесчестие.

78 Предстань я сюда как женщина,
Был бы мне от женщин почет и честь,
Доброхотное приятие,
И, быть может, стала бы я меж первых;
Но пришедши сюда с друзьями,
Не желаю им быть предпочтена:

То недостаточно,
Чтобы мне быть в воле, а им в неволе».

79 Этими и иными словами
Изъявила Марфиза, что одна
Верность спутникам в грозной невзгоде,
Где ее отвага — для них беда,
Воздержала ее грянуть на вражью рать
Приступом, памятным и для правнуков, —
А искать безопаснейшего пути
Оставляет она Гвидону.

80 В ту же ночь Гвидон,
Обратясь к вернейшей своей Алерии
(Так звалась жена его), с малых слов
В ней обрел готовность к его желаниям;
И снастит она ладью,
И слагает в ней свое драгоценнейшее,
А гласит, что намерилась поутру
Выйти вплавь по разбойную добычу.

81 Она сносит в покой дворца
Мечи, копья, щиты и панцири,
Чтоб взялись в оружие
Полуголые из волн пловцы и купцы.
И уже они в броне,
Кто спит, кто бдит,
Кто досужен, кто нет, но все высматривая,
Когда встанет им солнечный восток.

Утром друзья вступают в бой.

82 С хмурого лица земли⁴²⁹
Не снялись еще черные покровы,
С круговых небесных борозд
Не сошел ликаонийский сошник,
Когда женское полчище, охочее
До развязки, хлынуло на посмотр,
Словно пчелы, теснящиеся к скважине
Вешним роем взвить нового царя.

83 Дунули трубы, грянули барабаны,
Рев рогов раскатился до небес, —
Это звал народ победителя
На недоеванную брань.

429 ... *ликаонийский сошник*... — Созвездие Большой Медведицы. Согласно греческому мифу, Каллисто, дочь царя Ликаона, была оболщена Зевсом, превращена в медведицу Артемидой и помещена Зевсом на небо. У греков же (начиная с Гомера), как, впрочем, и повсеместно, распространено сравнение Большой Медведицы с повозкой или колесницей. Созвездие заходит непосредственно перед рассветом.

Предстают, сверкая оружием,
Астольф, Грифон, Аквилант,
И Гвидон, и Сансонет, и Марфиза,
И все прочие, кто пеш, кто верхом,

84 От дворца до взморья и пристани
Путь их — через площадь,
Ни короче, ни длинней не пройти, —
Так сказал Гвидон;
Много им примолвивши в ободрение,
Сходит он с крыльца
И без шуму на площадь, в люд,
А за ним — не менее сотни.

85 Уторапливая друзей,
Он идет к выпускным воротам,
Но вокруг — толпа,
Все в доспехах, все рвутся ратовать,
А как взвидели они его с пленниками
И как вздумали, что это побег, —
Луки в руки
И к воротам, ему наперехват.

86 Гвидон, лихие с ним рыцари,
А всех пуще — отважная Марфиза
Не ленивы вращать мечи,
Не податливы на отпор,
Но такая над ними туча стрел
В лоб и в бок
Бьется ливнем, ранящим и смертным,
Что им страшно урона и бесчестия.

87 Благо, что калёны их панцири —
А не то бы еще страшней!
Но уж рухнул скакун под Сансонетом,
Но уж и Марфиза сечется впешь, —
И тогда-то сказал Астольф:
«Ждать ли рогу иной поры?
Где бессилен меч —
Не открою ли я рогом дорогу?»

Астольф трубит в волшебный рог.

88 И привычной подмогою в беде —
Рог в рот,
Страшный гул ударяет в дух,
Словно дрогнули земь и твердь,
А сердца таковым сдавились ужасом,
Что народ, чуть жив, врассыпную,
Плещет с площади, сбившись вниз,

И уже перед выходом ни стражницы.

89 Так в расплохе
Мечутся из окон, крушатся с крыш
Домочадцы,
Увидавшись со всех сторон в огне,
Смалу росшем, пока темнил им томные
Вежды сон, —
Так, не помня жизни и смерти,
Все бегут, чуть слыша грозный гуд.

90 Вправо, влево, вверх, вниз
Бьются толпы, бушуя о выходе,
Тысячи у каждых ворот
Громоздятся грудами друг на друга,
Кто задавлен намертво,
Кто припластан у окон и оград,
Поковерканы руки, ноги, головы,
Кто и жив, тому уж не встать.

В страхе бегут не только враги, но и друзья.

91 Плач, крик
Встал ввысь от смятенного крушения —
Гдедохнет роковой рог,
Там — трепет, поспешище и бегство.
Добро бы таково обездушен
С подлым сердцем черный народ —
То не диво,
Что трусливые зайцы вечно пуганы, —

92 Но кто бы узнал
Гордый дух и Марфизы, и Гвидона,
И двоих Оливьеровых сынов,
С юных лет не пятнавших своей породы?
Сотни тысяч слыли им в ничто,
А теперь и они смелись без памяти,
Словно кролики, словно боязливые
Голуби под громом грозы.

93 Так-то мощен чародейный рог
Над дружными, как над вражными, —
И бегут Сансонет, Гвидон и братья,
С захолившей Марфизою впереди.
Бегут, но не убегут,
Чтобы гудом не било в уши, —
А британский герцог за ними
Трубя, что есть мочи.

94 Разбегаются обитательницы

К морю, в горы, в лес под черную сень;
Та и в десять дней не сыщут сил
Обернуться лбом навстречу гону,
Эта убегает за столько рек,
Что вовек не найдет пути обратно;
Опустели площади, дома, храмы,
В городе ни души.

95 А Марфиза, Гвидон, Сансонет
И два брата, бледные и трепещущие,
Бегом к берегу, а за ними бегом
Корабельные и торговые их спутники.
Там — Алерия
Меж двух башен на снащенной ладье;
Второпях все — к ней,
Весла — на воду, и парус — под ветер.

96 А британец по городу вкруг и поперек,
От холмов к волнам,
Пустошит все улицы —
Кто в бегах, кто прячется,
А иные в убожестве души
Кроются в темноты и нечистоты,
А иные, не зная, куда глядеть,
В воду вплавь, но оттуда уже не выплыли.

97 Поворачивает Астольф за товарищами,
Чает их увидеть на берегу,
Озирается,
Но нигде никого на пустых песках.
Вскидывает взор,
Видит дальний их бег под белым парусом
И не знает, куда же направить путь,
Коли челн отвалил и не воротится.

98 Оставим же его пораскинуть
Одинокого о дальних дорогах
По рубежьям нехристей и варваров,
А у тех на путников недобрый взор, —
Не беда: при нем его рог,
А каков он трубить, уже изведено.
Лучше тронемся вслед его друзьям
В их смятенном побеге через море.

Марфиза с товарищами уплывает во Францию.

99 Вздутые мчали паруса
Вдаль их от кровавого побережья,
И как вслед им уже не долетал
Содрогающий грозный рог,

Стал их грызть непытанный стыд,
Пламенем пылая по лицам,
И не смели они переглянуться:
Очи долу, и ни слова из уст.

100 А кормчий правит свой путь⁴³⁰
Мимо Кипра, мимо Родоса, мимо
Беглых гряд ста Эгейских островов
И Малей, бедственной плавателям;
Верный ветер веет в корму,
Скрылась сзади греческая Морея,
Обогнулась Сицилия, и вот
Длится милый берег Италии,

101 Открывается Луниджанская Луна,⁴³¹
Где остались домашние и дом;
И он чалит к знакомой пристани,
Славя Бога, что воротился живым.
А до Франции рядятся друзья
На корабль к другому корабельщику,
Тотчас всходят к нему на борт,
И невольные они уже в Марселе.

Там она отъезжает от товарищей.

102 Не было тогда в Марселе
Брадаманты, наместницы этих мест,
А не то не преминуло бы ее вежество
Оказать пришельцам привет и приют.
Сходят путники с корабля,
И Марфиза
Здесь прощается с четырьмя паладинами,
Чтобы странствовать наудачу и одна,

103 Ибо никакой-де славы
Стольким храбрым пускаться в путь
Вкупе: стаями стаются лишь робкие
Лани, олени, голуби и скворцы,
А смелый сокол, а гордый орел,
А медведь, тигр, лев
Рыщут врозь, и никто им не в подмогу,
Потому что никто их не сильнее.

Они попадают в плен к Пинабелю.

430 *Малей*. — Юго-восточная оконечность Пелопоннеса. *Морея*. — Средневековое название Пелопоннеса.

431 *Луна*. — См.: XVIII, 135, прим.

104 Ее спутники думали по-иному,
И она удаляется одна
По неведомой тропе через чащу,
Ни за кем, ни с кем,
А белый Грифон, черный Аквилант,
Сансонет и Гвидон с его подругою
Торным следом едут день, два, а там
Встречный замок, учтливое пристанище.

105 Учтливое, сказал я, пристанище —
Только с виду, а на деле — отнюдь,
Потому что хозяин того замка
По притворном доброхотстве и вежестве
Ночью
Их схватил среди беспечного сна
И не прежде выпустил, чем заставил
Клятвенно блюсти некий злой устав.

Марфиза берет на седло Габрину,

106 Но сейчас, государь, я не о них,
А сначала о воительной даме.
Переехав она Рону и Сону,
Подъезжает к подножью большой горы,
А с горы — поток,
А на берегу потока — женщина,
Старая, усталая, в черном,
И в лице — тоска и смертный страх.

107 Эта самая старуха служила⁴³²
Тем разбойникам в той пещерной горе,
Коиx божье казнило правосудие
Злою смертью от Роландовой руки,
И старуха, боясь себе беды
(А за что, — я расскажу во благовременье),
Рыщет в чащах, темных и тайных,
Чтоб ее никто не узнал.

108 Видом и доспехом
Не казалась Марфиза ей знакома,
И старуха не бросилась прочь,
Как от всех туземных,
А с небрежным дерзновением
Приступилась к броду и издали ждала,

432 *Эта самая старуха...* — См.: XIII, 42. Два нижеследующих эпизода, в которых старуха принимает пассивное участие (Марфиза против Пинабеля и Марфиза против Зербина), имеют многочисленных предшественников во французском прозаическом романе (см.: Райна. С. 271 — 281). В положении Зербина, вынужденного против воли стать спутником старой, безобразной и, к тому же, обладающей весьма дурным характером дамы, оказывается, в «Романе о Паламеде», Морхольт Ирландский.

Чтоб к реке подъехала воительница,
А дождавшись, выходит к ней и кланяется,

109 И нельзя ли, говорит, у Марфизы за седлом
Переправиться на заречный берег?
У Марфизы открытая душа —
Едет в брод и в выброд со старухою
И везет ее, не гнушаясь,
Из болотных мест до сухого пути,
А в конце тропы
Вдруг глядят, навстречу им рыцарь.

побивает за нее Пинабеля

110 Рыцарь в боевом седле,
Блещут латы, вышита попона,
Ехал к броду, и ехали при нем
Только дама и только оруженосец.
А та дама была небеспригожа,
Но сурова и надменна лицом,
Вся — спесь, вся — чванство,
И подстать ей был паладин.

111 А он был тот самый Пинабель,⁴³³
Майнцкий граф,
Кем немного тому месяцев
Была сброшена в пропасть Брадаманта.
Все те вздохи, все те стоны,
Все те слезы, слепившие ему очи,
Источались о той, что нынче с ним,
А тогда была в плену чародея.

112 Но как волею и силою Брадаманты
Свеялся с вестимой горы
Черный замок старого кудесника,
Всех поволив, кто куда хотел,
То красавица, быв уже давно
Благосклонна к Пинабелеву вожделенью,
Воротилась к нему, и теперь
Разъезжает с ним из замка в замок.

113 По недоброму своему веселонравию,
Взвидевши Марфизину старуху,
Не сдержала она уст
От глумливых слов и насмешек.
Гордая на то Марфиза,
Не привыкши к обиде своим попутным,
Отвечает с пылом,

433 *Была сброшена в пропасть Брадаманта...* — См.: II, 69 — 76.

Что старуха краше, чем та сама,

114 И она красавицыному рыцарю
Докажет свое булатом,
С уговором: коли ссадит его,
То возьмет с его дамы коня и платье.
Пинабелю молчать не в честь,
Он непрочь перемеряться оружием,
Щит в руку, копьё в другую
И вразбег на Марфизу, горяча коня.

115 А Марфиза Пинабеля в забрало
Так бьет тяжелым копьём,
Что он рушится, оглушенный, наземь
И час не подымал головы.
Победительница Марфиза
Велит даме совлечься всех одежд,
И уборов, и всего, чем блистала,
И отдать старухе, а той,

116 Как молоденькой,
Нарядиться и одеться с головы до пят
И воссесть в седло
На коня, ходившего под красавицею.
Вновь Марфиза в путь, старуха за ней,
Чем пышнее, тем и уродственнее;
Едут день, и другой, и третий,
Ничего не повстречавши достопамятного;

встречает насмешника Зербина,

117 А на четвертый день⁴³⁴
Видят, скачет одинокий рыцарь.
А тот рыцарь, кому угодно знать,
Был Зербин, шотландский королевич,
Дивной красоты, славной доблести,
Но снедаемый гневом и тоскою,
Что не смог отмстить
Попретителю своего великодушия.

118 Ицетно из дебри в дебрь
За своим он гнался обидчиком —
Так умело тот выкруживал путь,
Так любое улучал укрытие,
Так пособны были и лес и мгла,
Утреннее туманившая солнце,
Что ушел он от Зербина цел
Раньше, чем тот выдохнул гнев и ярость.

434 *Что не мог отмстить...* — См.: XIX, 12 — 14.

119 Но и в ярости,
Взвидевши старуху, Зербин
Не сдержался от смеха: уж таков
Дряхлый лик в молодом уборе.
И сказал он ехавшей обок
Марфизе: «Ай, рыцарь, ты умен
Взять такую даму, за которую
Нечего тебе бояться соперников!»

120 А и впрямь, как посчитать ее морщины,⁴³⁵
Была дама — сестра самой Сивилле,
И на вид точь в точь
Ряженая обезьяна при гаере.
А теперь еще тем страшней,
Что сердита, и очи мечут молнии:
Видно, хуже нет обиды женщине
Услыхать, что стара и нехороша!

121 Для потехи
Изъявляет Марфиза гнев и страсть
И гласит:
«Как Бог свят,
Моя дама прекрасна, а ты невежа,
И твои слова — не от души:
Ты не хочешь признать ее красавицею,
Чтоб не выдать, каков ты трус,

122 Ибо разве истинный паладин,
Увидавши столь юную и взрачную
В темном лесе без mnogой свиты,
Устоял бы ее не отхватить?»
А Зербин: «Вы друг другу столь подстать,
Что такую пару грех разрознивать:
Я не так жесток,
Чтоб тебя обездолить: живи на радость!

123 По иному переведавшись счету,
Я бы рад показать тебе себя,
Но за эту
Я не слеп тебя тешить, одноборствуя.
Хороша ли она, нехороша ли —
Будь с тобою, а я вам не разлучник:
Вы друг дружке ровнюшки, видит Бог:
Как она мила, так и ты удал».

124 А Марфиза ему: «Хочешь, не хочешь,
А сразиться за нее ты изволь:
Я не потерплю,
Чтобы муж не польстился на эти прелести!»

А Зербин: «Зачем
Рваться мне к опасному жребию
Для победы, которая милей
Побежденному пуще победителя?»

125 «Ежели не нравится уговор —
Вот тебе другой, и не отделивайся
(Говорит Марфиза): если ты
Одолеешь, я при ней и останусь,
Если ж я, то вручу ее тебе
Силою! Побьемся, кому быть вольным!
Берегись: коли ты не устоишь —
Век бродить тебе с нею и за нею».

побивает его и пересаживает Габрину к нему.

126 «Будь по-твоему», — ей Зербин,
И бросает коня вразбег на схватку:
Врос в седло, тверд в стремях
И без промаха
Бьет в щит, в самый его пуп —
Тщетно! как в железную гору.
А воительница разит его в шелом,
И он валится, ошеломленный, наземь.

127 Очень не по Зербиновой душе
Было пасть, как не падывал ни единожды,
Стами сот ниссаживая врагов, —
И невмочь ему вспомниться от срама.
Долго он лежит, распростертый,
Но еще того ему тошней,
Как приходит в память его обет
Ездить впредь с неотлучною старухою.

128 А победоносная
Говорит усмешливо с седла:
«Вот тебе! чем видней ее краса,
Тем утешнее, что она — с тобою.
Будь ее поборником за меня
И не брось на ветер верное слово:
Быть при ней водителем и хранителем,
На какую бы тропу ни взбрел ось».

129 И не дожидаясь ответа,
Шпорит в чашу, и ее уже нет.
«Кто он?» — спрашивает старуху Зербин,
Полагая в деве доброго молодца.
А старуха и не потаила правды,
Зная в ней Зербину огонь и яд:
«Выбила тебя из седла, —

Говорит она, — юная девица:

130 Та девица поделом своей доблести
Носит рыцарский шлем и щит,
А явилась с Востока попытать,
Каковы во Франции паладины». —
И такой обуял Зербина стыд,
Что не только он вспылал в две щеки,
Но едва и не покраснел
Всеми латами.

131 Всел в седло и кругом себя клянет,
Что не стало ему удержу в стремени;
А старуха злорадствует про себя
И язвит его еще досадительнее —
Поминает, что пора ему с ней
В путь; и зная Зербин свой долг,
Повесил уши,
Как побитый конь в удилах под шпорами,

132 И вздыхает: «Судьбина моя, судьбина,
Что за что воздаст мне твоя ладонь?
Быть со мной красавице из красавиц,
А ее уж нет,
И взамен
Чаешь ты вручить мне вот эту?
Лучше мне остаться ни с чем,
Нежели такую меняться менюю!

133 Та, которой не было и не будет
Равных нравом и подобных лицом,
Растерзана о морские скалы
В снедь рыбам и водным птицам,
А та, кому десять лет и двадцать
Уж пора бы кормить червей,
Жива,
Чтобы тяжче мне стали мои тягости!»

Габрина дразнит его несчастьями Изабеллы.

134 Так страдал Зербин,
Видом изъясняя и словом,
Что постылую такую стяжать добычу
Не отрадней, чем прежней лишиться дамы.
А старуха, дотоле его не знавши,
Но услышавши такой разговор,
Цонимает, что поминает
Он ее Галисийскую Изабеллу.

135 Ежели вы не позабыли,⁴³⁶
То старуха бежала из той пещеры,
Где томила в долгодневном плену
Изабелла, Зербинова возлюбленная.
Много раз
Слышала старая рассказ,
Как покинула она отчий берег,
Билась в буре и спаслась при Роцелле;

136 И не раз назывался и Зербин,
Как красив он и как пригож собою;
И теперь услышавши паладина
И очами вскинув в его лицо,
Видит старая: это он,
О котором Изабелла в пещере
Больше тосковала, лишася,
Чем о собственной невольничьей участи.

137 И склонясь к словам
Зербиновой боли и обиды,
Видит старая, что юноша мнит
Изабеллу погибшею в бурном море.
И хоть ведала она все, как есть,
Но чтобы не радовать рыцаря,
А напротив, похуже удручить,
Говорит она лишь самое досадное.

138 «Слушай, — говорит, —
Мой надменный презритель и гнушатель!
Ежели бы знал ты, что я
Рассказать бы могла о той, которую
Почитаешь ты не в живых,
Ты бы обласкал меня, — но нет,
Я молчу, хоть разорви меня в клочья.
Стань любезней — и, может быть, скажу».

139 Как мордастый пес
Бешено бросается на вора,
Но мгновенно укрощается, брось ему кус
Или вымолви заветное слово, —
Так Зербин вмиг умилен и тих,
Чтобы вызнать все, чего не знает
О подруге, которой в живых не чаял,
А старуха знала что-то лучшее.

140 Лъстиво он глядит ей в лицо,
Просит, умоляет, заклиняет
Ради бога и ради людей
Не молчать ни о добром, ни о недобром.
А упрямая старуха говорит:

«Не слышать бы тебе, что услышишь:
Жива твоя Изабелла,
Только так, что рада бы умереть.

141 Ты не знаешь: немного тому дней,
Как досталась она двадцати захватчикам,
И вернись она даже в твои руки,
Суди сам, сорвешь ли ее цветок?»
Распроклятая ты старуха,
Красно лжешь и знаешь, что лжешь:
Хоть и впрямь она была у двадцати —
Ни единый не посмел ее тронуть.

142 Где она, спрашивает Зербин,
И когда ее видела старуха?
Но ни звука
Не извлечь ему больше из упрямыцы.
То он нежные расточает слова,
То грозитя перерезать ей плотку —
Тщетны и угрозы и мольбы,
Не расторгнется старая уродина.

143 Наконец, Зербин дает отдых
Бесполезному своему языку,
Но такая в нем ревность от услышанного,
Что не сыщет сердцу места в груди:
Так он рвется о своей Изабелле,
Что пошел бы к ней сквозь огонь,
Но не может ни шагу дальше воли
Той, кому обрекла его Марфиза.

144 И куда она волит, туда ему и путь —
По чужим, по безлюдным тропам,
Вверх по склонам и вниз по скатам,
Но ни шагу к ней и ни взгляду на нее.
А как встало солнце спиною к полдню,
Вдруг пришел той молчбе конец,
Потому что предстал в пути им рыцарь,
А какой — о том следующая песнь.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ (ГАБРИНА)

Песнь XXI

Зербин с Габриною встречают Эрмониду. Зербин бьется с Эрмонидом. Павший Эрмонид рассказывает свою историю (Оба героя изображены трижды)

Вступление.

1 Ни канатом — кладь,⁴³⁷
Ни гвоздями — брусья
Так не крепки, как узлами цепкой верности
Благородная держится душа.
Древние не даром
Святую писали верность
Не иначе, как в лилейном покрове,
Оскверняемом от малейшего пятна.

2 Верность ненарушима
Пред единым верящим, как пред тысячей,
И в лесу, в пещере,
Вдалеке от городов и сел,
И перед судом,
В многолюдстве поручителей и уличителей:
Не нужно клясть,
Где словесное крепко обещание.

Зербин и Габрина встречают Эрмонида.

3 Такова была верность
Рыцарственного Зербина всегда и во всем,
А тому урок
Он явил, своротя с своей дороги
Ради той, которая гнала его,
Как хворь,
Как смерть, —
Но обет был пуще его воли.

4 Я уже поведал:
Таково ему далась та опека,
Что тоска его была паче ярости, —
Едут рядом, молча, как немые.
И о том поведал,
Что молчбе вдруг пришел конец,
Когда солнце склонило блеск к закату
И пред ними вырос бродячий рыцарь.

5 Старуха его узнала:⁴³⁸
Это был Эрмонид Голландский,
Потому что носил он знак —
Черный щит с червленою перевязью.
Позабыв она мигом спесь и чванство,

437 *Не иначе, как в лилейном покрове...* — Ср.: *Гораций*. Оды, I, XXXV, 21 — 22.

438 *Это был Эрмонид Голландский...* — Встреча с Эрмонидом продолжает, в плане сюжетного источника, линию Морхольта из «Романа о Паламееде» (см.: XX, 107, прим.): он, как и Зербин, сопровождая свою нежеланную спутницу, встречает рыцаря, узнающего в даме Морхольта убийцу своего брата, вынужден с ним сражаться и нанести ему смертельную рану. См.: Райна. С. 282 — 286.

Трепетно взывает к Зербину,
Помяная его обет
Оберечь ее во имя Марфизы.

6 Ибо-де наехавший воеборец —
Лютый враг ее родичам и ей,
Он безвинно убил ее отца
И брата, единственного на свете,
И теперь добирается до нее,
До последней!
А Зербин ей: «Дама,
Вам никто не страшен, пока я здесь».

7 Рыцарь ближе,
В лице его ненависть и гнев;
«Или к бою, —
Гласит он грозно и гордо, —
Или брось хранимую
Приять казнь поделом от моей руки!
Если к бою, то будешь мертв:
Доля всех, кто привергся неправости!»

8 Учтиво ему Зербин
Отвечает: «Нестаточно и подло —
Чтобы рыцарь даме
Нес смерть;
Если к бою, то я готов,
Но сначала вздумай,
Каково достойному паладину
Женской кровью обагровить меч!»

Зербин побивает Эрмонида.

9 Многое он молвит — тщетно.
Так за дело! Отпрянули в два конца —
И в опор, один на одного.
Не так быстро
Пышут в небо потешные огни
Под веселый праздник,
Как метнулись друг в друга два коня,
Поединщик на поединщика.

10 Эрмонид Голландский
Умечает встречника в правый бок,
Но невмочь его копью на королевича —
Оно в щепья о шотландский доспех.
А Зербинов удар был добрый удар —
Пробил щит, прохватил плечо,
Вошел спереди, вышел сзади,
И обрушился Эрмонид на траву.

11 Зербин думает, тот убит,
Ему жаль, он спешивается, он склоняется,
Взял забрало с мертвенного лица,
И тогда, как из сонного забвения,
Павший взвел на него глаза
И помедлив, молвил:
«Не то горько, что ты меня сразил,
Ибо виден в тебе цвет всего рыцарства, —

Эрмонид рассказывает,

12 А то горько, что виною тому
Коварнейшая из женщин,
Осененная твоею знатною доблестью
Почему — невесть, но тебе не в честь.
Знал бы ты, за что я стою, —
И при каждой бы памяти печалился,
Что побил меня,
Поборая за нее.

13 И коль хватит духа в моей груди⁴³⁹
(А боюсь, что нет),
Ты услышишь из моей трудной повести,
Что ее злодейству несть предела.
Был у меня брат,
Юным он из нашей Голландии
Ушел рыцарствовать
За Ираклия, императора греков.

14 Там он стал как друг и побратим
Знатному барону того двора,
А у барона стоял на грани Сербии
Крепкий замок в красивейшей земле.
Звали барона Аргей,
А жена его — вот эта изменница,
И любил он ее превыше,
Чем пристало бы человеку любить.

439 *Ты услышишь из моей трудной повести...* — История Габрины (так зовут старуху) складывается из двух частей. Первая (убийство Аргея) обнаруживает известное сходство с сюжетом из «Эфиопики» Гелиодора (I, IX — XVII), но ее прямой источник — «Роман о Паламеде» (однако здесь Ариосто отходит от линии Морхольта; рассказчик в источнике — безымянный рыцарь, слушатель — Гирон). Наиболее существенные изменения заключаются в том, что, во-первых, неверная дама в «Паламеде» не жена, а любовница своей жертвы, и, во-вторых, рыцарь, предмет ее воцелений, в свою очередь ее любит (но отвергает ее домогательства во имя верности другу). Главные же моменты (обвинение рыцаря в насилии и обман, делающий его убийцей друга) совпадают. Вторая часть (убийство Филандра) восходит к эпизоду из «Золотого осла» Апулея (X, XXIII — XXVIII): Ариосто, сохранив сюжетное ядро (отравление мужа с одновременным отравлением лекаря-пособника), устраняет нагромождение злодейств в начале и в конце (убийство сестры мужа, отравление собственной дочери и жены лекаря). См.: *Райна*. С. 286 — 299.

Ираклий. — Ираклий I, император Византии (610 — 641), но, разумеется, за его именем в данном контексте нет никакой исторической конкретности.

как Габрина пыталась обольстить его брата Филандра,

15 А была она сердцем ветрена,⁴⁴⁰
Как листья в сухую осень,
Когда дунет холодом по деревьям
И сорвет и разметет их красу.
Невеликий была она срок
Добровольна к мужу,
А потом похотливым своим помыслом
Возжелала брата завлечь в любовь.

16 Но как натиску моря⁴⁴¹
Грозная Акрокеравнская скала,
Но как буйному Борею — ствол,
Сто сменив зеленых уборов,
Вскинув голову словно выше гор,
Внедрив корни настолько же под камни,- —
Так тверд брат
К всем мольбам той, в ком тлели все пороки.

17 А случилось моему брату,
Духом пылкому и охочему до сеч,
Раниться в бою
Невдали от товарищева замка.
И как был он в тот замок вольно вхож
При хозяине ли, без хозяина ли,
Он укрылся туда перележать
До поры, пока исцелет рана.

18 А меж тем выпало Аргею
Отлучиться по надобным делам;
И тогда-то, как прежде, так вновь
Предъявилась страждущему злокозненная.
Но на этот раз
Вероносный не потерпел стрекала:
Для блюденья верности
Избирает он меньшее из зол.

19 Избирает он из зол одно:
Порешить старинное дружество,
Уйти вчужь,
Чтобы впредь о нем порочная и не слыхивала.
Тяжело ему, но не тяжелей,

440 *А была она сердцем ветрена...* — Ср.: «Ты же — легче листка, где ни капли тяжелого сока, Легче сухого листка, ветром гонимого вдаль» (*Овидий. Героиды, V, 109 — 110. Пер. С. Ошерова*).

441 *Грозная Акрокеравнская скала...* — Акрокеравний — мыс в северо-западном Эпире, опасный для мореходов (ныне — Лингетта или Гюхеза). Ср.: *Гораций. Оды, I, III, 20. Но как буйному Борею — ствол...* — Ср.: *Вергилий. Энеида, IV, 441 — 446.*

Чем поддаться срамной похоти
Или чем уличить пред мужем
Пуще сердца любимую жену.

20 И еще несильный от раны,
Облачается он в доспех,
И прочь из замка,
Твердо чая никогда не вернуться.
Но к чему? против прихоти судьбы
Не сильна никакая оборона.
Возвращается Аргей,
А жена в слезах,

как оклеветала его перед Аргеём,

21 Щеки красны, волосы вразброс;
Он пытается, какая ей тревога,
А она умедливает ответ,
Вновь и вновь побуждает к спросу,
А меж тем вращает в уме,
Как ей пуще выместить покинувшему, —
Не в диво
Быстросердой сменить любовь на ненависть.

22 «Ах, — сказала, — скрывать ли грех,
Согрешенный, государь, в твою небытность?
Утаясь от всех,
Утаюсь ли от собственной совести?
Осквернившаяся душа
Таковыми снедается угрызениями,
Каковыми ни строжайший казнитель
Не встерзает мне плоть, карая грех, —

23 Только грех ли содеянное под силою?
Но так ли, нет ли, узнай,
А потом мечом
Отреши от нечистой плоти чистую душу,
Угаси в очах божий свет,
Ибо после столького позора
Мне не вскинуть взгляда, а коли вскину —
Не избыть стыда.

24 Твой товарищ растлил мою честь,
Силою поял мою плоть
И прочь из глаз
В верном страхе, что я не скрою содеянного». —
Таковыми она словами
Всю ту дружбу оборотила враждой:
Аргей верит, Аргей не ждет,
Меч в длань, и мчится на месть.

как Аргей побил и заточил Филандра,

25 Край ему был ведом,
И скоро настиг он брата,
Который, томимый раною,
Тихо ехал, ни о чем не гадая.
Настиг его в скором месте,
Наложил на него мстящую руку,
Никакие не внемлются отказы,
Аргей хочет боя один на один.

26 Один здоров и полон свежего гнева,
Другой слаб и привычно дружелюбен —
И недолго выстоял брат
Против друга, наставшего врагом.
Выпала доля не по Филандру
(Брата моего звали Филандр) —
Не снес он ярого боя:
Взят в плен.

27 Но Аргей говорит: «Не дай мне Бог
Правым гневом казнить твою вину
До того, чтобы стать убийцею, —
Ибо я тебя любил и ты меня любил.
Не добром мне вышла твоя любовь,
Но да видит свет,
Что я лучше тебя и выше
В час вражды, как и в час любви.

28 Не хочу моим рукам твоей крови —
Будь иною кара!»
И велит на конское седло
Сплести носилки из зеленых веток,
Отнести на них чуть живого брата
И замкнуть в заперти своего замка,
Невинного осудив
В вековечном томиться заточении.

29 Он не волен выйти,
А иных утеснений ему нет:
Не в цепях, не в келье,
Что велит, в том все ему послушны.
Но злодейка не устала душой
Рваться к рубежу недобрых помыслов:
У нее — ключи,
Каждый день она приходит к узнику,

30 Вновь и вновь покушается на брата,
И все дерзче пыл:

«Что тебе твоя верность,
Коли всем она видится изменою?
Выспренно ли твое торжество,
Жирна ли твоя добыча?
Славный же успел ты успех,
Коли всяк тебя срамит вероломцем!

31 Дал бы ты мне по моей воле —
Больше бы тебе и пользы и чести!
А за твердость твою, а за стойкость —
Вот тебе великая награда:
Ты в плену, и тебе не выпростаться,
Коли не смягчится кремень-душа.
Угоди мне —
Взыщешь вновь и волю и славу!»

32 А Филандр ей: «Нет —
Моя верность всегда одна,
Хоть будь мне мзда
Крута не под стать заслуг,
Хоть суди меня мир хуже худшего, —
Лишь бы видел мою невинность
Тот Всезрящий,
В чьей руке вековечная благодать!

33 Если мал Аргею мой плен —
Пусть отымет докучившую жизнь:
И что здесь не воздалось мне добром —
Верно, дастся в царствии небесном.
И когда отлетит моя душа —
Верно, сам он, мнящий меня обидчиком,
Восстрадает о содеянном зле
И оплачет утраченного верного».

34 Так пыталась бесстыдная не раз
И не два незыблемого Филандра —
Тщетно!
Но тогда слепое ее желанье,
Не умев стяжать преступную страсть,
Рыщет глубже в застарелой порочности,
Тысячу вращает черных умыслов,
И один утверждает, как вбивши гвоздь.

35 Отложив она прежний свой обычай,
Не казалась полгода к нему в тюрьму,
И уж бедный надеялся Филандр,
Что угасло ее бывшее пламя.
Но судьбина благосклонствует злу —
И преступница не осталась без способа
Приснопамятною бедой
Утолить слепое ненасытство.

как Габрина, попросив Филандра о защите,

36 Был у ее мужа враг
По прозванию барон Моранд Прекрасный,
И когда Аргей отлучался,
Он дерзал под самые его ворота,
А когда Аргей был в стенах,
Он бежал от вызова за сто верст.
Вот, чтобы его залучить,
Обрядился Аргей ко гробу Господню,

37 Огласил себя паломником,
Вышел громко и у всех на виду,
А доподлинные свои помышления
Не открыл никому, а лишь жене.
Сам же потемну воротился в замок
И все йочи ночует в своем гнезде,
А с зарею, никем не примеченный,
В чужом виде кроется прочь

38 И весь долгий день
Рыщет по окрестным урочищам,
Дождаясь, не явится ли к замку,
Как велось, опрометчивый Моранд?
Весь день — в лесах,
А как ляжет солнце в морские волны,
Он — к своим стенам, и там изменница
Принимает его в тайную дверь.

39 Кроме той жены,
Каждый чает его быть далеко.
А она меж тем, улучивши
Время, входит к брату с новою пагубой,
И с очей ее струятся на грудь,
Как из тучи, умышленные слезы.
«Кто меня спасет, — говорит, —
От конечной потери верной чести —

40 Чести моей и мужниной,
Ибо будь здесь Аргей, мне б и страх не в страх?
Не безведом тебе Моранд: без Аргея
Нет ему преград ни людских, ни божьих.
Он и ломится, где мольбой,
Где угрозою,
Подкупив всех моих людей,
Чтобы я отдалась его желанию.

41 Как узнал он, что Аргей далеко
И назад не скоро,
Он, не ждав ни поводов, ни причин,

Яро вторгся ко мне на двор,
Хоть при муже моем и господине,
Видит Бог,
Не посмел бы он сюда
И дрожал бы от страха за три мили.

42 Чего прежде искал он через вестников,
Того ныне хочет лицом к лицу,
И уж так,
Что едва мне не приключилось срама.
И кабы не льстивая моя ложь,
Будто я охотна к его охоте, —
Хищник силою
Взял бы то, на что надеется миром.

43 Чтобы силою не сталась беда,
Я сказала обещательное слово,
А исполнить того слова не мыслю:
Уговор из-под страха недействителен,
В этом — боль, а целенье — в тебе:
А не то порушится моя честь
И Аргеева,
О которой ты будто так ревнуешь.

44 А откажешь — и я тогда скажу:
Грош цена твоей хваленой верности,
И причиной, что презрел ты мои мольбы, —
Бессердечие,
А нисколь не почтение к Аргею:
Оно было для тебя только щит.
Меж тобою и мною была бы тайна —
Между ним и мною — позор на виду».

45 «Не надобно, — говорит Филандр, —
Для Аргея мне стольких предисловий:
Объяви мне, в чем нужда, — а я,
Каков был, таков и поныне.
Пусть он надо мною неправ —
Не виню,
А готов за него на смерть
Против рока и всего света».

заставила его, не зная, убить Аргея,

46 А злодейка: «Нужда — угомонить
Затейщика нашего бесчестья:
Не знай страха,
У меня для этого верный путь.
Когда ночь сгустится о третьем часе,
Он придет,

Он подаст уговорный знак,
И его я впущу, никем не слышимого.

47 А тебе будь не в тягость дотерпеть
В темноте у меня в опочивальне,
Пока сденет он доспех
И достанется тебе, словно голый».
Таковой-то пагубный путь
Метила жена для мужа,
Если впрямь то была жена,
А не фурия в злобе пуще ада.

48 Как настала проклятая ночь,
Она вывела брата, с мечом в руке,
В темную свою ложницу
Ждать злосчастного мужа и господина.
И как сдумалось, так сбылось:
Злоба редко когда бывает тщетною, —
И Филандр, на Моранда вскинув меч,
Поразил им доброго Аргея.

49 Шея врозь, голова прочь —
Беззащитна непокрытая шлемом:
Ни единым не отдарив ударом,
Горькой смерти вкусил Аргей.
Диво:
Не чаявши, не гадавши,
Убил, желая помочь,
Друг, явившись другу хуже недруга.

50 Когда рухнул Аргей, неузнан,
Возвращает брат Габрине меч
(Габрина — имя той, которая рождена
На измену всякому залученному) —
И смолчавши о правде до поры,
Указует она Филандру
Со свечою в руке взглянуть на павшего, —
И невольному злодею являет друга.

как она залучила Филандра в мужья,

51 И грозит:
Если он не сдастся ее страсти,
Огласит она страшное деяние
Всему свету, и скажет Ли он: «нет»?
Он умрет
Как убийца и как изменник,
А уж коли не мила ему жизнь,
Пусть попомнит о своем добром имени.

52 Полон страха, полон муки
Застыл брат мой, внявши свою беду.
Первый рванул его порыв
Умертвить виновницу,
И не подскажи ему ум,
Что он здесь один во вражьем замке,
Он бы и без стали в руках
Растерзал бы зубами ее в клочья.

53 Как в пучине челн,
Двумя вихрями разимый и мучимый,
То вперед швыряемый, то назад,
В нос, в корму,
Из кружения своего
Достается добычею сильнейшему, —
Так Филандр, терзаемый меж двух дум,
Цепенеет жестокою нерешимостью.

54 И поверил он голосу ума,
Что пуще смерти подлая слава,
Коли выслывет такое убийство,
А к раздумью уже отрублен срок,
Волею ли, неволею ли,
Чашу горя надобно пить до дна;
И в усталом сердце перевысил твердость
Конечный страх.

55 Страх бесчестья, страх лютой расплаты
Клятвенные велит ему слова,
Что исполнит он Габринину волю,
Если выйдут они целы из этих мест.
Так урвав злонравная вожделенный плод,
Покидает замок вослед Филандру;
Так Филандр возвращается в отечество,
Оставляя в Греции свой позор.

56 В его сердце навеки — друг,⁴⁴²
Несмысленно убиенный
В злую прибыль преступной тоске
Прокны и неистой Медеи.
И не будь на нем жесткая узда
Клятвенных клятв,
То заведомо не жить бы Габрине;
А она жива, но ненавистна.

57 На лице его с тех пор — ни улыбки,⁴⁴³
В каждом слове — мука,

442 *Прокны и неистой Медеи...* — См. III, 52, прим.

443 *Орест.* — В греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать и ее любовника Эгисфа в отмщение за убийство отца. Ореста преследовали богини мести, Эринии (зд. «Фурии»)

Вздохами истерзана грудь,
Он — как новый Орест,
Обуянный мстящими Фуриями
Над казненной матерью и Эгисфом;
И уже неудержимая боль
Сваливает недужного на ложе.

как она его отравила,

58 А блудная его жена,
Внявши, как ее второй к ней немилостей,
Пременяет огненную любовь
На ненависть, пышущую яростью,
И не меньше восстала страстью
На брата, чем прежде на Аргея —
Чтобы сжить
И второго супруга вслед первому.

59 Сыскивает она лекаря,
Злым умом пригожего для такой нужды,
Лучше знавшего изводить отравой,
Чем отлечивать снадобными зелиями,
И сулит ему дать
Превыше его просьб,
Ежели он смертным питьем
Выморит господина и благодетеля.

60 Видел я и видели премногие,
Как вошел злочестивец с отравой в руке,
Возвестивши, что вот питье
К совершенному исцелению брата.
Но еще не взомкнул недужный уст,
Как Габрина, движась новым умыслом,
То ли чтоб отвести подозрение,
То ли чтоб не дать, что сулила дать,

61 Хвать его за пясть,
Когда чаша была уже у губ,
И сказала: «Не в обиду тебе будь
Страх мой о моем столь возлюбленном:
Но чтоб верно зналось, что ты несешь
Не кривое питье, ни ядотворное,
Мне угодно:
Прежде, чем подать, испей сам».

62 Посуди же, рыцарь:
Что тут делать
Жалкому в смятении старику?
Нет времени выбрать лучшее:
И чтоб не подумалось худшего,

Решается он испить из чаши,
А больной, уверовав его верности,
Допивает поданную до дна.

63 Как ястреб, скогтив дичину,
Изготовится склевать ее власть,
А ее и выхватит
Хищный пес, ненадежный его друг, —
Так лекарь, искатель злой поживы,
Ждал подмог, а нашел подвох.
Вот она, мзда бесстыдству!
Так да сбудется всякому стяжателю!

64 Сделав дело, старец спешит
Удалиться в свой жилой покоец,
Чтобы тотчас каким противотравием
Отстранить неминуемую смерть.
Но не тут-то было —
Габрина сказала ему: «нет»,
Пока влага не сварится в желудке
И не явит свою силу воочию.

65 Ни мольбами он, ни посулами
Не домогшись отлучки с глаз,
Видит, что пришло неизбежное,
И отчаявшись
Открывает обставшим нам
Все, как было, чтоб ей уже не скрыть.
Так лечитель
Вслед лечимым извел себя, лечившего,

66 И его душа отошла
Вслед душе моего смертного брата.
А обставшие мы,
Внявши правде злополучного старца,
Хватаем хищницу,
Лютостию худшую лесных,
И ввергаем под замок темной кельи
Ожидать заслуженного костра...»

Эрмонид лишается сил.

67 И хотел Эрмонид поведать далее,
Как спаслась злодейка из той темницы,
Но такая от раны была боль,
Что он бледный распростерся в траве.
И тогда два приспешных щитоносца
Выплели носилки из толстых веток
И на них возложили Эрмонида,
Ибо не было ему иного пути.

68 Зербин перед рыцарем жалеет,
Что обидел его такую ранюю,
Но таков уж их рыцарский устав —
Быть защитою сопутственной даме:
А иначе уронил бы он честь,
Ибо клялся,
Принимая ее под свою руку,
Ограждать ее от всякого нападчика;

69 А чем иным удовлетворить рыцаря
Он готов.
Отвечает раненый: «Об одном
Моя мысль: разойтись тебе с Габриною
Прежде, чем сплетет она кознь
На твою же беду и пагубу».
А Габрина сидит, потупя взор,
Потому что не просто спорить с истиною.

Зербин с Габриною едут дальше.

70 Отъезжает Зербин со старухою
В урочный путь,
Кляня ее день и ночь,
Что ввела в обиду барону.
А узнав от знавшего,
Сколько в старой зла,
Он и прежде глядел на нее с досадою
А теперь от ненависти и глядеть невмочь.

71 А она в ответ той ненависти
Необорно выставляет свою,
Злою волею не зная удержу:
Где он ей четыре, там она ему пять.
Черный яд вздувает ей сердце
И рисуется на мерзком лице.
В таковом-то они добром согласии
Держат путь по незапамятной чаше.

72 А как солнце наклонилось к закату,
Вдруг
Слышат шум, стук, крик, —
Словно рядом ярое побоище.
Не умедлив мига,
Поспешает Зербин к переполоху,
И Габрина за ним след в след;
Что открылось им, — о том в новой песне.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ (АСТОЛЬФ У АТЛАНТА)

Песнь XXII

Астольфа заманивают в замок Атланта, но он своим рогом разрушает чары

Вступление.

1 Благородные дамы, милые вашим милым,
Вы, чья любовь — неизменная любовь,
Вы, наперечет
Редкие меж многих и многих,
Не вам в обиду
Жгущим словом пылал я на Габрину
И еще потрачу немного строф
В дань хулы ее злому криводушию.

2 Такова она есть как есть,⁴⁴⁴
А молчать о правде мне не велено:
У кого нелживое сердце,
Тем мои слова не в позор.
Кто за тридцать сребреников предал
Учителя —
Не умалил ни Петра, ни Иоанна,
И не меркнет Ипермнестрина слава
От бесславия сестер-Данаид.

Зербин находит мертвого Пинабеля.

3 Лишь единую кдеймит моя песнь, —
Ибо так велит мне склад этой повести;
А всхвалить я буду рад целых сто,
Чтобы честь их сияла ярче солнца.
Но вновь пора мне к труду,
Пестротою угодному столь многим;
А сказ мой был о том, как шотландскому
Королевичу послышался крик;

4 Он бросается навстречу недалежному
На узкий след меж двух смежных гор
И вступает в укромную лощину,
А в лощине, мертв, простерт паладин.
Кто он, я не утаю, — но теперь
Мне пора из Франции на Левант,

⁴⁴⁴ Кто за тридцать сребреников предал Учителя... — Иуда.

... Ипермнестрина слава... — В греческой мифологии Гипермнестра — единственная из пятидесяти дочерей Даная (Данаид) не убила своего супруга.

Где покинул я лихого Астольфа
На пороге его возвратного пути.

Тем временем Астольф возвращается в Англию и Францию.

5 Я его покинул в жестоком крае,⁴⁴⁵
Где он, грянувши в грозный рог,
Расточил нечестивый сонм
И отвел подступившую беду,
А друзья его на всех парусах
С превеликим срамом бежали за море.
Так пуцусь же я по его следам.
Путь его — через Малую Армению;

6 Пересек он в считанные дни⁴⁴⁶
Анатолию до самой до Бруссы,
А оттуда через морскую шель
Он во Фракии, едет вдоль Дуная,
Через венгров, и моравов, и чехов, —
Словно на крылатом коне,
В двадцать дней
Он уже в Франконии и за Рейном;

7 Сквозь Арденнский лес, мимо Ахена,
В Брабант, Фландрию, и там — на корабль;
Ветер веет с полдня на полночь,
Налегает над палубой в паруса;
Не прошло и дня —
В виду Англия, под ногою берег,
Князь в седло, и берег коня в шипы,
И не село солнце, а он в Лондоне.

8 Здесь уведомясь, что старый Оттон
Вот уж много месяцев под Парижем,
И знатнейшие князья и бароны
Все за ним по славным его следам,
Тотчас он решается во Францию,
Спешит к пристани на Темзе-реке,
Выплывает под вздутыми ветрилами,
И направо, к французскому Кале.

9 Крутой ветер слева и вкось
Вынес челн в пучинное море,
А сам крепнет сильней, сильней,
Что и кормчему с ним не сладить;
Чтоб не врыться в хлябь,

445 *Я его покинул в жестоком крае...* — См.: XX, 98.

446 *Брусса.* — В древности Пруса, город в западной Вифинии.

Подставляет он дующему корму,
И летит ладья меж двух суш
Не как хочется пловцу, а как можетя:

10 Рыщет вправо, рыщет влево,
В бок, в другой, как подует случай,
И вот вымелась к берегу Руана.
Чуть ступив на милую землю,
Рыцарь скок в Рабиканово седло,
Сам в броне, у пояса меч,
И в дорогу, а при нем его рог,
А в нем сила пуще тысячи ратников.

11 Миновавши лес,
Видит холм, под холмом источник,
А уж час, когда кроются стада
Под навесы или в полые гроты.
Одоленный тяжким зноем и жаждою,
Снял он шлем со лба,
Привязал коня, где погуще сень,
И спускается испить из студеного.

Его заманивают в замок Атланта,

12 Но еще не смочил он губ,
Как негодник, таившийся непоодаль,
Возникает из кустов, и к коню,
Привяжь прочь, сам в седло и был таков.
Астольф слышит шум, вскинул голову,
А как взвидел таковую покражу,
Вмиг вскочил и, не пивши сыт,
Со всех ног вдогон за похитителем.

13 А разбойник не стелется в опор,
Чтобы разом с глаз —
То он в рысь, то в скачь,
То затахнет удила, то отпустит.
Долго гнавши вкруг по дубраве,
Вдруг они выносятся — туда,
Где столькие славные паладины
Были не в тюрьме, как в тюрьме.

14 Быстрей ветра
Злодей вскачь во двор;
Издали бежит за ним Астольф,
Тяжкий в шлеме, со щитом и в железе.
Добежал, а перед ним — ничего:
За чем гнался, того не стало.
Ни вора, ни Рабикана.
Водит он очами, бежит,

15 Рыщет, ищет,
В горницах, в светлицах, в покоях,
Но найти обманщика
Никаких не хватит сил,
И нигде
Быстролетного не видится Рабикана.
Вверх, вниз, внутрь, вокруг —
Тщетно он метался целый день;

но он разрушает чары.

16 Но измучась бегом,⁴⁴⁷
Взял он в толк, что на дворце колдовство,
И тогда он хват за ту книжку,
Что всегда при нем,
Что дала ему из Индии Логистилла
В напутный прок от всяческих чар;
Сразу глядь в оглавную роспись,
Сразу видит, в какой странице — суть,

17 А на той странице пространно
Писано и про чародейный дворец
И про то, как распутать путы чар,
А кудесника оставить в задачливости.
Под порогом
Сокрывался там хитротворный дух,
А поднять над ним хранительный камень —
И дворец развеется в дым.

18 Рвется паладин
Концом увенчать начало,
Простирает немедленно руки
Попытать, тяжел ли порог.
Видит Атлант
Свои чары на палец от погибели
И, дрожа предвидимого,
Измышляет негаданную напасть.

19 Дьяволическими призраками
Он являет Астольфа обстающим очам —
Кому вором, кому великаном,
Кому вражьем витязем,
Каждому в том виде, в каком
Каждого он вманивал в палаты.
Всяк кипя на волхва за свой урон,
Скопом порываются к пришлому —

447 ... хват за ту книжку... — См.: XV, 14.

20 Руджьер, Брадаманта, Градасс, Ирольд,
Брадимарт, Прасильд и прочие многие,
В новом заблудившись бреду,
Яро ломятся к британскому герцогу.
Тут-то герцог вспомнил про рог,
Чтобы сбить их вставшую спесь,
А не грянь он себе в подмогу —
И была б ему неминуемая смерть.

21 Но нет:
Рог в рот, гром вокруг,
И как голуби, когда грохнет пищаль,
Мчатся врозь дрогнувшие рыцари,
А за ними и сам кудесник,
Спугнутый со своей берлоги,
Трепетный и бледный,
И не станет, пока не смолкнет рог,

22 Разбежались страж и подстражные —
Разбегаются и кони из стойл,
Не крепка никакая привязь,
Куда пешие, туда и они.
Во дворце — ни кошки, ни мышки,
Словно дует в уши каждому: «Прочь!»
Сам бы ускакал Рабикан,
Кабы герцог не уловил его за повод.

23 Выгнавши волшебника,
Воздымает Астольф с порога лещадь,
А под ней — некий образ и иное,
О котором невместно говорить.
Дабы расточить колдовство,
По слову заветной книги
Бьет, дробит, крушит он открывшееся, —
И дворец истаивает в туман и дым.

Астольф находит гиппогрифа.

24 А на золотой на цепи
Пред Астольфом — Руджьеров скакун:
Тот скакун, которого чернокнижник
Дал тому в полет в Альцинин край,
И которому Логистилла узду
Заузда на возврат во Францию
И который от Индии до Англии
Пролетел, держа вправо от земли,

25 И который (ежели вы помните)
Был привязан к дереву за узду
В день, когда с Руджьеровых скрылась глаз,

Насмеявшись, нагая Анджелика.
Дивно поглядеть:
Воротился крылатый к наезднику
И вседневно был неотлучен,
Пока чары не рассыпались в прах.

26 Нет Астольфу
Ничего угоднее на свете,
Нежели по сушам и по морям
Сведывать, чего еще не сведал,
И куда как кстати гиппогриф,
Чтобы махом обнять все божьи страны.
А какая на нем езда,
Это уж ему небезведомо,

27 Небезведомо с тех индийских дней,
Когда вызволила мудрая Мелисса
Очарованного из чар
Злочестивой, менявшей тело в дерево.
Видел он и памятовал,
Как буйную гиппогрифову голову
Логистилла брала в узду,
Наставляя в ристании Руджьера.

28 Вздумавши Астольф увести гиппогрифа,
Он седлает его сручным седлом,
Выбирает удила по губам,
Потому что удила лежала груда
После всех скакунов, которые
Разбежались вскачь, сорвавшись с узд;
Не пускает его тотчас в полет
Лишь единая мысль о Рабикане.

29 А любил он Рабикана не праздно,
Ибо лучше коня не гуляло под копьем,
И никто иной
Не донес бы его из Индии во Францию.
Долго думавши, вот решил он так,
Что отдаст коня в дружеское дарение,
Чем оставить его посередь пути
На добычу первому мимохожему.

30 Стал и смотрит,
Не видать ли где лесника или ловчего —
Чтобы вел за ним Рабикана,
И пуститься, куда глаза глядят?
Ждет день, ждет ночь —
Никого:
А под утро, в тусклые сумерки,
Видит: из лесу является паладин.

Освобожденные Брадаманта и Руджьер узнают друг друга.

31 Но чтобы сказ досказался до конца,
Прежде вспомним Руджьера и Брадаманту.
Как отпел тот рог,
И герои уж были далеко,
Оглянулся Руджьер и узнает
Ту, кого Атлант скрывал за чарами,
Ибо то Атлант
Не давал узнать пленной с пленным.

32 Смотрит Руджьер на Брадаманту,
Смотрит Брадаманта на Руджьера,
И дивятся, что ум и взор
Столько дней был туманим мнимым маревом.
Обнимает Руджьер свою красавицу,
А красавица алее роз,
И срывает он с пурпуровых уст
Первый цвет любовной утехи.

33 Тысячу и тысячу раз
Обоймутся — не разойдутся
Двое милых, и таково блаженны,
Что отрада рвется из груди;
Таково им больно,
Что под тем навожденным кровом
Не узнав друг друга,
Стольких светлых они лишились дней.

34 Раскрывает Брадаманта влюбленному
Все улады, пристойные целомудрой
Деве, жаждущей унять жажду милого,
Не порушив девическую честь.
Ежели-де хочет Руджьер
Не упрямой быть ей в высшем даре,
То пусть честно просит о ней Амона,
Но сперва — крестись.

35 А Руджьер от большой любви⁴⁴⁸
Был готов не только в Христову веру,
Как отец и дед
И иные в его достойном роде,
Но готов ей в угождение тотчас
И жизнь отдать:
«Я не только в воду — пойду в огонь
(Говорит он) твоей любви ради!»

36 Для крещения и почестного брака⁴⁴⁹

448 *И иные в его достойном роде...* — О родословии Руджьера см.: XXXVI, 70 слл.

449 *Валломброза.* — Во Франции такого монастыря нет (есть в Тоскане, основанный в XII в.).

Руджьер — в путь,
И ведет Брадаманту в Валломброзу,
Где слыла обитель
Набожная, обильная, леповидная,
И ко всякому приходящему незлобивая.
Вышли из дубравы и видят:
Сидит дама, и в лице ее скорбь.

Они встречают даму и по ее рассказу

37 Человечествен и вежествен
Быв Руджьер ко всем, а паче к дамам,
Как увидел светлые слезы
В три ручья по нежному лицу,
Жалостию вспыхнул и жаждою
Сведомиться, в чем ее горе;
И учтиво ее приветивши,
Вопросил, отчего она в слезах?

38 А красавица, вскинув влажные взоры,
Достойнейший изъявляет ответ,
И на спрос
Повествует о всей корени своих бедстой.
«Благородный (говорит) господин,
Оттого в слезах мои щеки,
Что печальна я о некоем юноше,
В ближнем замке обреченном на казнь.

39 Он любил прекрасную и юную
Дочь Марсилия, испанского короля,
И что ночь, то вхаживал к ней
В женских платьях, под белым покрывалом,
Не в своем лице, не в своем голосе,
И никто о дурном и не гадал.
Но где долог срок,
Там на всякую тайну есть дозорщик.

40 Узнал один, сказал двум,
Двое многим, дошло до короля,
Король шлет своего верного
Взять влюбленных в постели
(то было завчера),
Врозь
Заточает их в каменные каморы,
И едва ли не до сего заката
Примет юноша палящую казнь.

41 Он сторит живым —
Я бежала, потому что невмочь

В таком неистовстве
Таковую видеть юную красоту.
Все мне радости обернутся болью,
Лишь помыслю,
Как пожжет его белое тело
Злое пламя».

едут спасать Рикардета.

42 Брадаманта слышит,
На душе ее гнет и скорбь,
Встрепетала она об осужденном,
Как о брате
(И не празден был ее страх,
Как о том еще поведается).
Говорит она Руджьеру: «Не нам ли
Ради страждущего преломить копье?»

43 И к скорбящей: «Единого прошу:
Дай нам путь в те стены,
И тогда не бойся:
Если жив он, то и будет жив».
Руджьер видит в своей владычице
Благосклонный дух и доброе рвение,
И сам горит
Вызволить юного из погибели.

44 Говорит он даме,
Льющей слезы, как реки: «Толк ли ждать?
Не в слезы бы, а за дело:
Скажи, где он, и веди нас к нему.
Поспеси — и мы его исторгнем
Из тысячи пик и тысячи мечей;
А не выпешешь сверх посильного —
Будет помощь не в пору, и он сгорит.»

45 Гордый вид, высокая речь,
Дивный пыл героя и героини
Воротили упование
Слушавшей в опустевшую грудь.
Но не столько страшила ее даль,
Сколько перехват средь дороги,
И душа ее зыблилась,
Не тщетен ли обернется тот поход.

46 Наконец и вымолвила: «Путь
Есть дотоле прямой и ровный,
Чтобы в срок dospеть,
Пока злой не запылает костер.
Но для нас легла другая тропа,

Таково кривая и гнутая,
Что нам засветло не быть, а тогда
Не застать бы юношу уже мертвого.»

На пути их — замок Пинабеля,

47 «Чем же быстрый путь непригож?» —
Вопрошает Руджьер, и слышит отповедь:
«В поле-де там замок понтьерских
Графов, а в том замке — устав,
И тому уставу — три дня,
Лютому и жестокому к странствующим,
А завел его злейший Пинабель,
Сын Ансельма от Высокого Берега.

48 Ни рыцарю там, ни даме
Не пройти без урона и бесчестья:
Их щадят,
Но с того оберут латы, а с этой платье.
Не было и не бывало
Лучше во Франции паладинов,
Чем те четверо, какие там клялись
Биться по Пинабелеву уставу.

49 А отколе тот трехдневный обычай,
Не смолчу,
Дабы ведать вам, право или криво
Дался паладинам их присяжный обет.
Была у Пинабеля дама,
Злая и жестокая, как никто.
С нею-то он где-то однажды
Повстречал соперника и был побит.

50 Тот соперник, имея за седлом,
Насмех даме, старую старуху,
Сразился о ней с Пинабелем,
А тот был спесью вздут, да силой худ;
Сбил он Пинабеля, а даму свел
И проведаль, не кривы ль ее ноги:
Взял коня, снял наряд
И одел им ту дряхлую прелестницу.

51 Спешенная, обещенная,
Алчущая и жаждущая мзды,
Вторая по Пинабеле
Всюду, где что можно сдеять злого,
Ни денно она, ни ношно
Не смолкала, что нет ей в жизни радости,
Пока тот не пустит без лат и платий
Тысячу рыцарей и тысячу дам.

52 А случились в тот самый день⁴⁵⁰
В его замок четверо славных витязей,
Незадолго в нашу округу
Из дальнейших причалившие земель,
Доблестью боевых потех
В наши веки не знающие подобных:
Аквилант, Грифон, Сансонет
И Лесной Гвидон, юнейший меж юными.

за которого сражаются пленные Грифон с товарищами.

53 С вежественным притворством Пинабель
Отворил пред ними названный замок,
И отвел им почивальный покой,
А на покое их схватил, и не прежде
Выпустил, чем клятвенный взял обет:
Год и месяц
Здесь стоять и обирать на пути
Всякого странствующего рыцаря,

54 А красавиц, которые при них,
Спешивать и отбирать одеяния.
Такова была присяжная клятва,
Как ни скорбно, а должная блюстись.
Доселева ни единый,
Бившись с ними, не остался в седле,
А побитых — без счету,
Пущенных бесконно и безоружно.

55 А порядок в них таков: кому жребий —
Бьется первым, один на одного,
Если же соперник силен
И сам высидит, а спорника свалит,
Остальные
Скопом грянут умертвить устоявшего.
Если каждый врозь так могуч —
Посуди же, каковы они в сборе?

56 И как нашему делу не с руки
Никакая медленность и просрочность,
То не в пору нам нынешняя брань —
Будь ты даже победителен,
Как сулит ваша рыцарская статья, —
Все равно, эта схватка не на час,
А коли умедлим мы подмогою, —
Быть сегодня юному на костре».

57 А Руджьер: «Не на это мы глядим!
Это сможем, то перевозможем,
А о прочем пусть решит вышний бог,
А не он, так Случай!
По тому по самому поединку
Ты увидишь, хороши ль мы помочь
Ждущему костра
За поведанные пустые вздоры!»

Они подъезжают к замку.

58 Девица больше ни слова,
И в дорогу по краткому пути.
А как минули милую и другую,
Видят, мост, за мостом ворота,
Где потеря латам и платьям
И немалое опасение для жизни.
Чуть они завиделись — со скалы
Дважды грянул им колокол,

59 А из ворот — старик,
Второпях, на усадистом жеребце,
И кричит: «Ни с места, —
Здесь урочище для мытного сбора,
А каков таков этот сбор,
Коли вам не ведомо, то уведайте!» —
И повел о том,
Что за пошлина пошла от Пинабеля.

60 А потом, как приобык прежним рыцарям,
Говорит советные им слова:
«Обнажите, молодцы, вашу женщину,
Совлекитесь лат, соступите с стремян,
И не рвитесь в свою беду
Пред таких пред четырех поединщиков!
Ткани, брони, кони — добро
Наживное, а жизни не воротишь».

61 «Ни слова! — ему Руджьер. —
Все мне ведомо, на то и пришел
Попытать я,
Таково ли я хорош, как душа велит?
На пустые угрозы не отдастся
Ни ткань, ни бронь, ни конь
Ни мной, ни товарищем,
Ибо он, как и я, к пустому глух.

62 Но как бог свят,
Дай сюда тех, кто ищет конь и бронь,
Ибо нам недосужно мешкать,

Когда путь еще и в гору и с горы».
А старик: «Да вот
Ищущий уже на мосту», — и впрямь,
Выезжает к ним рыцарь, а на рыцаре
Плащ-багрец, шитый в белые цветы.

63 Брадаманта
Друга умоляет о любезности
Дать ей волю ссадить противоборца,
Белым цветом украсившего плащ.
Но не домоглась —
Ей приходится быть в Руджьеровой воле,
А Руджьерова воля — ему в бой,
А подруге — смотреть из сторонья.

64 Спрашивает Руджьер у старика,
Кто сей первый, представший из ворот?
А старик ему: «Это Сансонет,
Узнаваемый по рдяному с белым».
Вот съезжаются, тот справа, сей слева,
Не молвя, не медля,
Уторапливая коней,
Чтоб скорей переведаться булатами.

Руджьер побивает Сансонета.

65 А к сходящимся спешит из-за стен
Пинабель с премножеством пеших,
Быстрых и умелых
Обирать доспехи с битых рыцарей.
Скачут на паладина паладин,
Вскинув в дланях древки могучих копий,
Вхват две пяди, из природного дуба,
Ровной толщиной до самого острия.

66 Целый их десяток
Повелел обтесать из живых стволов
Сансонет в окрестной дубраве
И принес на бой для себя и для врага.
Адамант
Должен быть у рыцаря щит и панцирь,
Чтобы выстоять таковой удар.
Взял одно Руджьер, Сансонет другое.

67 Так булатны два острия,⁴⁵¹
Что ударь — пронзят наковальню;
Ими-то и грянули два воителя,
Сшибшись на скаку, щит в щит.

Но Руджьерову не грозен удар,
Кованому потными дьяволами,
Ибо то был щит — дар Атланта,
А каков он, о том уже я сказывал.

68 Сказывал уже я: тот щит
Мечет в очи зачарованный блеск
С такой силою, что только открой —
Зрячий слеп, а живой полумертв.
Оттого-то до неперемной поры
Покрывал его сохранный покров.
И к тому же (как покажет нам бой),
Был тот щит непробойный и вседробящий.

69 А соперникову щиту, безыскуснейшему,
Не по силе пришлось копьё —
Как от молнии,
Он расселся, и вошла в него сталь,
И вошла в него сталь, и дошла
До открывшейся держащей руки:
Раненный,
Сансонет, срамясь, летит из седла.

70 Первый из четверых,
Ставленных по недоброму уставу,
Не стяжал он латных добыч
И повергся от встречного поединщика.
Где смех, там слезы,
И судьба становится поперек.
А дозорный кличет
Новым колоколом новых бойцов.

Брадаманта узнает Пинабеля и преследует его.

71 Пинабель меж тем
Подъезжает конь-о-конь к Брадаманте
Вопросить, кто столь доблестный и смелый
Поразитель не худшего из его людей?
И по божьему правосудию
Ради мзды по его делам
Был он верхом на том самом коне,
Коего умкнул он у воительницы.

72 Тому минуло восемь месяцев,⁴⁵²
Как, сбредясь в пути, Пинабель,
Ежели вы помните,
Уронил ее в гробницу Мерлина,
И была бы там ей смерть,

Кабы не крепкая ветвь да не добрая судьба.
Вот тогда-то; чая ее погибшей,
И увел злодей ее коня.

73 Узнает Брадаманта жеребца,
Узнает по жеребцу злого графа,
А как он подъехал да подал голос —
Всматривался в лоб
И сама себе молвит: «Это он,
Вероломец, таивший мне смерть и срам, —
Ныне же тот грех
И привел его на правую кару».

74 В один миг —
В устах клич, в руках меч,
А конем отсекает путь,
Чтоб не выдалось убежище в замке.
Нет надежды Пинабелю съютиться,
Как лисе в норе, —
С криком, без оглядки,
Он бросается прочь в густую чащу.

75 Бледный, смятенный, жалкий,
Шпорит,
Только в бегстве уповая спастись.
А дордонская Брадаманта
По пятам, гнетет и грозит,
Шум встал, стонет лес,
А у замка никто и не услышит —
Все глаза устремлены на Руджьера.

На Руджьера нападают Грифон с друзьями.

76 А из тяжких ворот
Выезжают на него три новых рыцаря,
А при них — злохотная дама,
От которой тот невзгодный устав.
И у каждого из троих
Тоска в сердце и жар в лице,
Ибо всем милее смерть, чем позор,
Что пришло напасть гурьбой на единого.

77 Злобная и блудная
Чинница недоброго чина
Поминает им клятвенный их обет,
По которому вышел час расплаты.
А Лесной Гвидон с нею в спор:
«Если я положу его копьем моим,
То к чему мне рядом чужие?
Если ж нет — руби мне голову с плеч!»

78 Вторит Грифон, вторит Аквилант —
Каждый рад один на один,
А чем скопом ударить на единого —
Лучше им смерть и плен.
А женщина им: «Бесплодные
К чему слова?
Я велю вам отбить доспех у этого,
А не новый писать закон и чин!

79 Бывшим вам в темнице, тогда
И перечить бы, а нынче не в пору!
Вы повинны блюсти устав,
А не бить напрасными языками!»
А навстречу кричит Руджьер:
«Вот доспех, вот конь, седло, попона,
Все новехоньки, вот дамский наряд;
Если надобно — почто же вы медлите?»

80 Госпожа теснит,⁴⁵³
А Руджьер выкликает и попрекает,
И насилу
Трогаются трое, горя стыдом:
Впереди — два сына
Славного бургундского паладина,
А вослед, приотстав на тяжком топоте,
Лесной Гвидон.

Руджьер побеждает их волшебным щитом

81 Выезжает Руджьер
С тем копьем, каким снизил Сансонета,
С тем щитом, которым Атлант
Хищничал с пиренейских гнездовий,
С тем, чей блеск
Непереносим для смертной зрячести,
С тем, который в крайней беде
Крайней был Руджьеру охраною.

82 Трижды⁴⁵⁴
В крайних бедах надобился тот блеск:
Раз и два, когда из царствий роскошества
Изволялся рыцарь к лучшему бытию,
В третьи же, когда меж пучин
Он оставил несытой пасть чудовища,
Должную пожрать нагую прелестницу,

453 *Славного бургундского паладина...* — Оливьера (см.: XVII, 16, прим.).

454 *Раз и два...* — См.: VIII, 10; X, 50. *В третьи же...* — См.: X, 110.

Столь жестокою к поборнику своему.

83 Трижды было так,
В прочем же тот щит покровен
Покрывалом, сподручным отстраниться
Тотчас, как нагрянет нужда.
С таковым-то нынче щитом
Предстает Руджьер, как молвлено, к полю,
Столь горяч, что три навстречные рыцари
Не ужасней ему малых детей.

84 Бьет Руджьер Грифона
Под забрало, по наверхью щита,
Тот качается, куда бы упасть,
И вот падает, и простерт вдалеке.
А Грифонов удар был в самый щит,
Но пришелся не впрямь, а вкось,
И как щит был гнутый и гладкий,
То всчертился вскользь на большую беду.

85 Треснула и лопнула ткань,
Чародейный запиная свет,
Пред которым ужасом всяк
Ослеплен наповал, и не уйти.
А как вырвался вперед Аквилант,
И разит, и сорвал последний клоч, —
Грянул блеск
В очи братьям и третьему, Гвидону.

86 Рушится кто вправо, кто влево,
Щит бьет в глаз, в ум,
Глушит громом всякое чувство.
А Руджьер,
Не гадав, что битве конец,
Меч в ладонь, повернул коня,
Глядь, а перед ним никого:
Все, как мертвые —

87 Пали конные, пали пешие,
С ними женщины,
Между ними кони
Бьют боками, как испуская дух.
Сперва дивно ему, а после видно:
Слева свесился клоч с его щита,
Клоч того покровного шелка,
Застилавшего свет, вину всех бед.

И ТОПИТ ЩИТ В КОЛОДЕЗЕ.

88 Повернув, Руджьер

Ищет взором подругу и воительницу,
Поспешает в тот поприщный конец,
Где была она о начале брани,
А не нашед,
Мнит ее умчавшийся вперед
Убережь спасаемого юношу
От костра, покуда медлится бой.

89 Видит он между polegшими даму,
Даму, вожатую их пути,
И взнимает ее в седло, как сонную,
И в смущении отъезжает прочь,
А тем платом, что поверх ее платья,
Заслоняет свой колдовный щит,
Сокрывает пагубный блеск,
И красавица тотчас же опамятовалась.

90 Едет рыцарь,
От стыда румян, не вздымая взора,
Словно в каждом чуя поперек
Немногодостойною победою:
«Как себя оправить,
Как отвести срамящий укор,
Будто одоление мое
Не по доблести, а по чернодействию?»

91 В таковом-то едучи размышлении,
Вдруг напал он на что искал:
В полдороге
Был колодезь, копанный в глубину,
У которого в знойный час
Собиралось отпасшееся стадо.
Говорит Руджьер: «Пора предпринять,
Чтобы ты меня, щит мой, не бесчестил:

92 Более тебе со мною не быть,
И обида мне от тебя — последняя!»
Так сказав, соступает он с коня,
Берет камень, громадный и громоздкий,
Вяжет вплоть к щиту,
И в колодезь их, примолвив над глубиью:
«Вечный здесь тебе гроб,
И с тобою — моему позору».

93 Глубока колодезная копь,
Высока вода, тяжел щит, тяжел камень —
Окунулись и канули ко дну,
И сомкнулась над ними легкая влага.
Знатный подвиг
Мчит вразлет немолкнущая Молва
И трубит его блещущую славу
По Испании, Франции и окрест.

94 А когда с уст в уста на целый свет
Весть провеяла о редкостном деле, —
То из ближних и дальних стран
Потянулись рыцари на поиск,
Но не сыскивали ни леса,
Ни колодезя о том чудном щите:
Обо всем повестила говорливая дама,
Но об этом — ни слова никому.

Брадаманта же убивает Пинабеля.

95 Как отъехал Руджьер в свою дорогу,
Четверых Пинабелевых паладинов,
Как соломенных,
Положив в недолгом бою, —
Щит и свет
Перестал слепить глаза и души,
И тогда-то повергнутые замертво
Поднялись и диву дались.

96 До заката дня
Только им и было разговору,
Что о чуде, сразившем всех и каждого
Необорным блеском, — как вдруг
В эти толки вспевает весть,
Что случился Пинабелю конец,
Пинабель мертв,
А от кого он погиб, никто не ведает.

97 Ибо тою порою горячая
Брадаманта настигла Пинабеля
И на узкой тропе сто раз
Вбила сталь в его грудь и бок;
А иссекши таковой гнойник,
Смрадом поражавший всю окраину,
Покидает свидетельную чашу
На своем возвращенном жеребце.

98 Но поворотивши туда,
Где Руджьер, —
Она сбилась меж холмов и долин
И напрасно изъезживала округу:
Не всхотела жестокая судьба
Навести ее на след ее милого.
Если эта повесть кому по нраву,
Тот послушай и следующую песнь.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ (БЕЗУМИЕ)

Песнь XXIII

На первом плане — убитый Пинабель, на втором — Брадаманта в лесу, на третьем — встреча Брадаманты с Астольфом

Вступление.

1 Не скупись на услугу ближнему:
Доброе дело не без доброй mzды.
А хоть и не дастся mzда —
Все ж ни казни, ни сраму, ни урону.
Но кто губит ближнего, тому приспеет
Заплатить незабытый долг,
Ибо сказано: не сойтись горе с горой,
Но человеку человека не минуть.

2 Вот и видно,
Каково пришлось Пинабелю
Расплатиться за недоброе дело
Правой mzдой за неправый ум.
Господь бог,
Не терпящий невинного страдания,
Оберег девицу, и всякого обережет,
Кто воздержан от низости и мерзости.

3 Понапрасну полагал Пинабель
Быть ей мертвой и быть ей погребенной
И вовек уже не предстать,
Взыскупя по Пинабелевой кривде.
Отчий замок —
Даже тот не стал ему в прок
Близ Понтъерских мест, в кручах гор,
Прозываемый Высоким Берегом.

4 А держал тот Высокий Берег
Старый граф Ансельм, отец злодушного,
Не сыскавшего ни друга, ни приспешника,
Чтоб уйти от Клермонтских рук.
Дочь Амона
У подножия той большой горы
Без труда исторгла жалкую жизнь,
Ни слезам не внимая, ни молениям.

Брадаманта ночует в лесу.

5 Уложивши красавица лжевитязя,

Ей самой искавшего смерть,
К милому поворотила Руджьеру, —
Но судьба становится поперек,
Подстелив такую ей тропу,
Что вела в лесную глубь и глушь,
Дикую, чужую, пустую,
А уж солнце садилось в серых сумерках.

6 Не имел, где промедлить ночь,
Здесь и возлегла Брадаманта
Под ветвями на мураве,
То в дремоте дожидая зари,
То следя, как плывут в небесном своде
Марс, Венера, Юпитер и Сатурн,
Но во сне и въяве
Видя в думах Руджьерово лицо.

7 Тяжким сердцем
Полные она испускала вздохи,
Мучась, что сильнее любви был гнев.
«Это гнев меня отхитил от возлюбленного:
Ах, зачем не стало мне глаз,
На лихое пустившись дело,
Оглянуться, чтобы после вернуться,
Чем лететь, не глядя и без памяти?» —

8 С таковыми словами на устах,
А еще того пущими — в сердце,
Источала она вздохи, как ветер,
Изливала слезы, как скорбный дождь.
А когда ей в очи
Долгожданный блеснул восток,
То взнуздала она пасшуюся свою лошадь
И пустилась навстречу дня.

Утром она встречает Астольфа.

9 По немногом выезжает она времени
На опушку, где лишь утро тому назад
Был чертог, в котором столь долго
Ее узил злоумный чародей.
И предстал ей на той поляне Астольф,
Под уздцы красуясь гиппогрифом,
Но недоумя, кому
Вверить верного своего Рабикана?

10 По нечаянности
Было так, что Астольф стоял без шлема,
И едва показавшись из дубравы,
Брадаманта увидела двоюродного

Издали приметила, проворно
Поспешила, горячо обняла,
Назвала по имени,
Подняла забрало и явила лицо.

11 Никого Астольфу не надобно,
Чтоб оставить своего Рабикана
На сохрану и потом на возврат,
Лучше дочери Дордонского герцога —
Словно сам
Бог ее послал ему в подарок.
Всегда он был весел ее видеть,
А нынче всего она нужней.

Астольф оставляет ей коня и оружие,

12 Дважды и трижды
Братскими объявшись объятиями,
Поспросив с пристрастием,
Как живется ему и ей,
Говорит Астольф:
«Тороплюсь я в птичьи уделы!» —
И показывает красавице
Своего летуна.

13 А красавице⁴⁵⁵
И не в диво видеть ширококрылого,
Ибо не на нем ли с небес
Налетал на нее Атлант,
Ибо не ему ли вослед
Устремлялась она до боли глаз,
В день, когда умкнул он ее Руджьера
По крутой и неслыханной стезе!

14 Говорит ей Астольф принять
Рабикана, который конь быстрее,
Чем стрела
С тугой тетивы,
А с конем — его крепкое оружие,
И свезти его в Монтальбан
И держать там, пока он не воротится,
Ибо нынче оно ему не в прок,

15 Потому что к воздушному полету
Ему надобна легкость, а не вес.
Он берет себе шлем да рог,
Рог, спаситель от всяческой беды,
А Брадаманте поверяет копьё

455 В день, когда умкнул он ее Руджьера... — См.: IV, 47 — 48.

Аргалия, сына Галафрона,
То, которым коего ни коснись,
Вмиг задетый валится из седла.

а сам улетает на гиппогрифе.

16 И вскочив Астольф на летуна,
Медленно, медленно
Правит ввысь, а потом рванул,
Миг, и деве его уже не видно.
Так вожатый с кормчим
Бережны меж ветра и скал,
Но оставивши берег позади —
Парус вширь, и вперед в большое море.

Брадаманта приезжает в свой Монтальбан.

17 Как умчался британский князь,
Тяжело задумалась Брадаманта,
Как доправить ей в Монтальбан
Родичевы коня и оружие, —
Ибо жжет ее и гложет
Жадное желание, жаркая страсть
Соспешить с Руджьером
В Валломброзе, а то и раньше.

18 В таком она раздумий глядь —
Видит, по дороге — мужик,
И велит ему увязать доспех
Вьюком на хребет Рабикану,
И дает ему в повод двух коней,
Одного налегке, другого — с грузом,
Ибо у нее у самой
Лишний конь остался от Пинабеля.

19 Снаряжается она в Валломброзу,
Уповая Руджьера быть уж там,
Но какая дорога незаблудчивей,
Ей невесть, а мужик — нездешний,
Как бы им обоим не заплутать.
Вот она, окинувшись, что есть где,
Тронулась наудачу,

20 Рыщет вправо, рыщет влево,
А никого не встретить и не спросить.
Заполдень
Выбралась из чащи, глядит,
Видит гору, на горе замок,

И ни дать ни взять — Монтальбан.
А оно и был Монтальбан,
И в том замке — мать и некто из братьев.

21 Как узнала дама свои места,
В несказанное пришла огорчение:
Подойди она — и ее приметят,
И уже тогда не уйти,
А коли не уйти,
То сгорит она любовным огнем,
И не быть ей с Руджьером, и не быть
В Валломброзе крещенью и венчанью.

22 В том ли постояв размышлении,⁴⁵⁶
Порешила она отселева прочь —
И в обитель,
До которой уж небезведом и путь.
Но к добру или не к добру,
А судьба ее оттоле не выпустила,
Потому что навстречу — брат ее Алард,
И уже от него не у воротиться.

23 Брат ее Алард разводил
По постоям конных и пеших,
Набранных для государева войска
Новым сбором с ближних земель.
То-то между ним и сестрой
Братских ласк и лобзательных приветов!
И бок о бок они едут, беседуя,
В Монтальбан.

24 Въехала красавица в Монтальбан,⁴⁵⁷
Где родительница ее Беатриса,
Лик в слезах и сердце в тоске,
Тщетно ищет ее по целой Франции.
Но ни лобзанье уст, ни сплетенье рук
С матерью ли, с братьями ли
Не замена ей Руджьеровых ласк,
Памятно запечатленных душою.

25 Умышляет она послать
Не себя, так иного с быстрой вестью
В Валломброзу, чтоб уведал Руджьер,
Какова ее сдержала помеха,
И просить, если надобно просить,
Чтобы ради ее любви
Он крестился, а потом, как условлено,

456 *Алард*. — Персонаж Каролингова цикла, старший из сыновей Амона (у Ариосто, однако, старший Гвискард — XXX, 94).

457 *Беатриса*. — Жена Амона, дочь Наима Баварского.

Поспешил бы вести ее к венцу.

26 С тем же посланным
Хочет слать она Руджьеру его коня,
Нездаром ему любезнейшего,
Ибо краше по борзости и лихости
Не найти ни во стане сарацин,
Ни под сенью Главного Галла,
И лишь двое его не хуже —
Конь Баярд да конь Златоузд.

27 В оный день, как дерзкий Руджьер⁴⁵⁸
Взвился ввысь верхом на гиппогрифе,
Он оставил Фронтин Брадаманте
(Фронтин — прозывался конь),
И она его отправила в Монтальбан,
Чтоб ему кормиться и не томиться,
Разве что недолгими выездками,
И на том бы он лоснился и тучнел.

Она посылает Иппалку с Руджьеровым конем в Валломброзу.

28 Всех своих дам, всех своих девиц⁴⁵⁹
Посадила она с собою к тканию
И на черный и белый шелк
Вывела узор тончайшего золота, —
И покрыла вытканым
Сбрую и седло скакуна,
А потом призывает наперсную свою
Дочь кормилицы своей Каллитрефии.

29 Тысячу она уже раз⁴⁶⁰
Поверяла ей своего Руджьера,
И красу его, и повадку, и доблесть
Вознося превыше богов,
И теперь, призвав, молвит: «Ни единую
Умней тебя и верней
Я не приищу себе посланницею,
Милая моя Иппалка!»

30 (Иппалка было имя наперснице).
Брадаманта ей приказывает: «Ступай»,
И указывает, когда и куда,
И о чем сказать милому повелителю —

458 *В оный день, как дерзкий Руджьер...* — См.: IV, 46 — 49.

459 *Каллитрефия*. — Имя, означающее по-гречески «добрая кормилица».

460 *Иппалка*. — Также функциональное имя («ведущая коня»).

Не обман-де
Попретил ей в путь к святой обители,
Но виною тому судьба,
А судьба сильней человека.

31 Усадила она Иппалку на лошадь,
Дала в руку Фронтинovy поводы,
А коли рехнется какой злодей
Отобрать у нее подуздного,
То его образумить одним именем,
Чей тот конь, —
Ибо нет на свете такого витязя,
.Чтоб не дрогнул при имени Руджьера.

32 Многие молвивши и многое
Перемолвить Руджьеру от госпожи,
Отпускает госпожа
Внятливую Иппалку в немедленную дорогу.
И поехала она долгими верстами
По тропам, по полям, по лесам,
И никто ей не был докучником,
И никто не спытывал, куда ее путь.

У той отбивает коня Родомонт.

33 Но о полдень, на спуске горы,⁴⁶¹
На тропинке неторной и неладной
Вдруг навстречу ей бредет Родомонт,
Пеш, оружен, вслед малому карлику.
Вскидывает сарацин гордый лоб
И клянет все силы небесные,
Что такой скакун в такой красе
Держан дамскою рукою, а не рыцарскою

34 Клялся Родомонт
Первого встречного взять себе коня
Силою, и вот тот конь,
Краше и достойней, чем гадино.
Но напасть на даму он ставит в грех,
Рвется сердцем, но стоит в сомнении,
Глаз не сводит и лишь твердит:
«Ах! зачем не при нем его наездник!»

35 «Будь его наездник при нем, —
Отвечает Иппалка, — ты б опешился!
Наш хозяин не знает равного,
И уж верно он получше тебя».
«Кто же он? — кричит сарацин, —

Кто же он, презритель всего рыцарства?»
Та: «Руджьер». — «Коли он — Руджьер,
То беру я себе его коня, —

36 А уж ежели, как ты молвила,
Всех сильнее он и всех храбрей,
То он сам
Пусть и взыщет за коня с меня подержное.
Я, — скажи ему, — Родомонт,
И меня легко сыскать к разделке:
Где ни стану,
Всюду зрится блеск моей доблести,

37 А куда ни ринусь,
Всюду след, как от божьей молнии!»
Так сказав,
Он перенимает золот повод,
И скачком — в седло;
А Иппалка в слезах, тоске и горе
И клянет Родомонта и срамит,
Но ему нипочем, и он правит в гору.

38 Правит в гору Родомонт вслед за карликом,
На спохват Мандрикарда и Доралисы,
А за ним,
Издали кляня и браня, — Иппалка.
Что случилось дальше, — узнается
После, потому что Турпин
Здесь отходит от своего рассказа
В то ущелье, где убит Пинабель.

Тем временем Зербин находит убитого Пинабеля,

39 Не успела Амонова дочь⁴⁶²
Выспешить из недоброго места,
Как является с другой стороны
Принц Зербин и при нем злая старуха.
Видит: на поляне лежит
Мертвый рыцарь, неведомо какой,
Но как был Зербин учтив и добронравен,
Тронулась его душа состраданием.

40 Бездыханен был простерт Пинабель,
Точась кровью
В столько ран, словно сто клинков

⁴⁶² *Принц Зербин и при нем злая старуха.* — Возвращаясь к этой паре, Ариосто одновременно возвращается к двум сюжетным линиям «Романа о Паламеде» (линия Морхольта и рассказ безмянного рыцаря Гируну), комбинируя их в истории очередного предательства Габрины, пленения Зербина и спасения его от казни. См.: Райна. С. 299 — 306.

Свелись вкупе на всю его погибель.
И тогда по свежевмятым следам
Ринулся шотландский паладин
Наудачу —
Вызвать, кто убийца убитого.

41 А Габрине наказывает ждать:
Он-де к ней невдолге вернется.
Подступает Габрина к покойнику,
Глаз не сводит с большого тела,
Ибо не стерпеть ее душе,
Что на мертвом — ненадобные уборы:
Многим она дурна,
Но жадна так, как только может женщина.

Габрина обирает его.

42 Будь ей сручно, укравши, утаить, —
Быть бы павшему
Без покрова, кроющего латный доспех
И без самого латного доспеха.
Нынче же берет, что можно скрыть,
И томится о том, чего не можно,
А средь прочего снявши справный пояс,
Им пояшется меж юбкою и юбкою.

43 Вскорости воротился Зербин,
Тщетно рыскав по следам Брадаманты
И дорыскав до развилья тропы
На тропинки верховые и низовые.
А как день уж был при конце,
И не в радость была ночь в голых скалах,
То повернул он со старухою за спиной
Из злосчастливого дола искать пристанища.

44 Тут-то и нашелся в часе пути
Большой замок Высокий Берег,
Где и стали они ночевать ту ночь,
Во всю ширь объявшую небо.
Но недолог был их постой, ибо вдруг
Крик, стон бьет в слух,
Льются слезы из всех очей,
Словно всем единое горе.

45 На Зербинов спрос
Говорят, что пришла к Ансельму весть,
Будто сын его Пинабель
Лежит мертв на тропе меж двух холмов.
Принц Зербин не показывает виду,
И дивится, и потупляет взор,

Но уверен:
Это тот, кого нашел он в пути.

46 Через малый час
В смольном свете несут печальный одр,
И над ним еще гуще крик,
И биение рук звучит до звезд.
Еще горше плач, как река
Из-под век вдоль скул,
Но еще того черней и грозней
Мрачный лик злополучного отца.

47 Величав и важен
Пока двигался похоронный строй
Пр старинному уставу и чину,
Столь забвенному в поздние века, —
Из господских уст
Пал приказ на уём народных смут:
Быть награде,
Кто уведомит о убийце сына.

а Зербина обвиняет в убийстве.

48 С уст в уста и из слуха в слух
Зашумел тот приказ по всей округе
И дошел до неистойой старухи,
Злейшей медведиц, лютейшей тигриц.
И замыслила она Зербину погибель —
По единой ли злобе,
Для того ли, чтоб тщеславно собой явить
Чудище, чуждое человечности,

49 Для того ли, чтоб разжиться наградой, —
Но приходит она к скорбному графу
И поведши вероимную повесть,
Говорит: убийца — Зербин,
А из пазухи вынимает пояс,
Вмиг знакомый несчастному отцу
Несомненною тому уликою,
Что коварная наветчица не лжет.

50 Длани ввысь,
Граф в слезах клянется отмстить за сына,
Подымает люд,
Обстигает Зербинов приют,
И Зербин, не чая себя в опасности
И ласкаясь быть вдали врагов,
В первом сне
Схвачен графом за мнимую обиду,

51 Темной ночью в темной темнице
Вкован в цепи, вбит в тяжкие колодки,
И еще не пробрызнул день,
Как звучит несправедный приговор
Быть ему четвертовану
На том месте, где вменен ему грех.
Никаких дознаний:
Так судил владетель, и в этом все.

52 А как сделался бел и желт и ал
Новый день под красавицею Авророю,
Высыпал народ с криком «Смерть ему!
Смерть!»
В казнь Зербину за не Зербиново дело.
Подлый сброд
Валит валом, кто пеш, кто конный,
А меж них, прикручен к скаредной кляче, —
Очи долу, шотландский князь.

Роланд выручает Зербина

53 Но Господь, вспомагающий невинности,⁴⁶³
Верным упователям — верный страж,
Таковую усмотрел ему оборону,
Что не быть ему убиту на той заре.
Предстает Роланд,
Крепкий вождь на пути спасения,
Смотрит свыше и видит: мелкий люд
Влечет гибнуть страждущего рыцаря.

54 А была при Роланде та девица,
Изабелла, дочь галисийского короля,
Обретенная им в лесном вертепе,
Где томилась она в разбойном плену,
В яром море
Сокрушенный оставивши корабль,
И которой дороже души и сердца
Принц Зербин.

55 Вызволясь Роландом из заточения,
Спутная ему на всех путях,
Как увидела она то людское толпище,
Так спросила паладина, «Отколь?»
Отвечает Роланд: «Не знаю», —
И оставивши ее на горе,
Сам — в долину, видит Зербина,
Глядь — и видно, что рыцарь хоть куда.

56 Приближается, вопрошает,
С чем он взят и куда его ведут;
Вскидывает скорбный чело,
Внемлет, и поведывает все, как есть,
Так правдиво,
Что уже Роланд за него — хоть в бой.
Явно ему о молвящем,
Что невинен, и казнь его несправедна.

57 А услышавши, что вершитель суда —
Граф Ансельм с Высокого Берега,
Вовсе тверд Роланд, что творится ложь,
Ибо правды за Ансельмом не водится.
Таковы они были, враг к врагу,
Ибо лютая свирепела рознь
Между Майнцским домом и Клермонтским,
На урон, на срам и на смерть.

58 «Развяжите, — кричит он, — рыцаря,
Или всей вашей сволочи конец!» —
«Кто такой ретивый рубака? —
Откликается некто, наглее всех. —
Будь он пламя и будь мы воск
Или хворост, — а все он слишком зычен!»
И вперед на франкского воителя.
А Роланд навстречу ему — с копьём.

59 Блещущий доспех,
Ночью снятый с Зербина майнцским недругом,
Оболокшим в него спину и грудь,
Не упас
От крутого Роландова удара.
Бьет копьё справа по забралу,
Шлем цел,
Но дух вон, и шея пополам.

60 С ходу
Той же сталью и другого насквозь,
Прочь копьё, в руках Дурандаль,
И в теснящемся их толпище
Кому голову надвое, кому
Шею с плеч, кому горло напрокол, —
Мигом
Больше сотни кто полег, кто бежит,

61 Треть мертва,
А иных он бьет, сечет, колет, режет, рубит, ранит, гонит,
Все в разбег, кто бросив щит, а кто шлем,
Кто копьё, кто дрот,
Кто дорогой, кто бездорожьём,
Кто скрывается в пещерье, кто в дебрь;
Нынче Роланд безжалостен —

Кого тронет, никто не жив.

62 По Турпинову вычитанию
Было их сто двадцать, пало восемьдесят;
И тогда Роланд
Воротился к трепещущему Зербину.
Не сказать стихом,
Каково во спасенном ликование!
Благодарный простерся бы в хвале,
Кабы не был прикручен к клятой кляче.

и возвращает ему Изабеллу.

63 Пока, высвободив князя, Роланд
Пособлял ему облечься в доспехи,
Отнятые было вражьем вождем
На свое же горе, —
Вскидывает очи Зербин
К Изабелле,
С холмной кручи по минованье битвы
Низошедшей во всей своей красе.

64 Как увидел Зербин пред собою
Даму, столь безмерно им любимую,
Даму, мнимую быть давно
Погребенной в пучине и оплаканной, —
Словно лед влег в грудь,
Стал он полон хлада и трепета;
Но отхлынул хлад
И взгорается неистовый пламень.

65 Он простер бы к ней объятия, если бы
Не почтение к англандскому графу,
Ибо как не порассудить,
Что Роланд ей приходится любовником?
Отлетает радость,
Снова мечется дух из горя в горе,
Ибо видеть ее с другим
Ему горше, чем слышать ее мертвой.

66 А еще и того больней,
Что красавицын друг — его спаситель,
И ее у него отбить
Нелегко бы, а пуще — непочетно.
Никому
Он не отдал бы добром ту добычу,
Но для графа по рыцарственному долгу
Он готов бы и выею под пята.

67 Добрались они молча до ручья,

Спешившись для привала,
Снял усталый граф тяжкий шлем,
Снял Зербин,
И тогда-то узнала милая милого,
От мгновенной радости став бела,
А потом расцветши лицом,
Как цветок вслед дождю под светлым солнышком.

68 Ни мига не медля, ни на что не глядя,
Бегом к дороговому, обвила его шею
И не выговорит ни звука,
Но в слезах и щеки и грудь.
И без дальних слов
Тронутый их страстью Роланд
Воочию разумеет,
Что пред ним не кто иной, как Зербин.

69 А возобретя дар слова
И еще не осушивши ланит,
Дева поведывает о великом вежестве,
Каков был к ней французский паладин.
И Зербин,
Для которого Изабелла больше жизни,
Припадает к Ролландовым стопам,
Как две жизни прияв в одном дарении.

Тут на них выезжает Мандрикард.

70 Было тут меж храбрыми без числа
Благодарствований и благоответствований, —
Как вдруг
Из-за темных ветвей — копытный звук,
Оба мигом головы под забрало,
Оба на-конь,
И едва каждый врос в свое седло, —
Выезжает на них рыцарь с девицею.

71 Это был небезвестный Мандрикард,⁴⁶⁴
Рвавшийся Ролландовым следом
Отомстить Маниларда и Альзирда,
Павших перед доблестным паладином.
А отстал он
Оттого, что залучил Доралису,
Дубовым своим древком
Одержав ее у ста железных ратников.

72 Не гадал сарацин,
Что спешит за англандским графом,

Но по явным виднелось ему знакам,
Что великий то странствующий рыцарь.
Роланда, а не Зербина
Взмерив взглядом от темени до пят,
Кличет он, уверившись:
«Ты и есть, кого я взыскую!»

73 Десять дней
Не схожу я с твоего следа, —
Таково меня жжет твоя молва,
Дошумев до стана, что при Париже!
Один спасшийся повестил о тысяче
Стигийских гостей от твоей руки
В том твоём побоище
Над Нигрицией и над Тремизеном!

74 Я не замедлю
Перевидеться с тобой, переведаться с тобой,
Ибо плащ поверх твоих лат
Мне свидетель, что это ты;
Но и без плаща
Ты и в сотне бы от меня не утаился:
Твой прегордый вид вопиет, что это —
Ты».

75 Отзывается Роланд: «Никому
Не оспорить твоей великой доблести,
Ибо столь достойная страсть
Не гнездится в низменном сердце.
Если хочешь ты со мной перевидеться,
То взглянув в забрало, взгляни в лицо:
Вот я съемлю шлем
Ради первого твоего желания.

76 Ежели же, взглянув,
Не отстал ты и от второго, —
Я готов
Уцелить тебя в твоей погоне:
Посуди, таков ли я прегорд
Как лицом, так духом!»
А язычник на это: «Удоволь!
Ибо первое мое желание выполнилось».

77 С головы басурмана и до пят
Граф окидывает ищущим взором,
Но ни справа, ни слева, ни у седла
Ни клинка при нем не видит, ни палицы.
«Ежели обманет копьё, —
Вопрошает, — то где твое оружие?»
А соперник: «Не твоя то забота —
Я и так ужасен врагу.

78 Мой обет — не вздевать меча, пока
Я не вырву Дурендаль у Роланда,
Оттого мне за ним на всех путях
Един сыск о многих расплатах!
А обещан был мой обет,
Когда вскинул я на эту голооу
Этот шлем, венчавший доспех,
Тысячу лет назад носимый Гектором.

79 Всем хорош доспех, да нет меча —
Как похитился он, неведомо:
Только нынче носит его Роланд,
А Роланд — отчаянная голова,
Ибо только он мне достанься,
Вмиг простится с недоброю корыстью
И еще сочтется со мной за смерть
Славного моего отца Агрикана, —

80 Знать, Роланд одолел его изменою,
А иначе бы тому не бывать!»
Не смолчал Роланд:
«Лжешь, — кричит, — и лжет, кто так скажет!
Но кого ты ищешь, это — я:
Я — Роланд, и сразил его по-рыцарски!
Вот и меч, за которым ты в погоне;
Отвоюй по доблести — будет твой.

81 И хоть он по праву в моих руках,
Мы с тобой переведаемся по чести:
Будь он в этой битве ни твой, ни мой,
А повисни между нас на лесине!
Повезет тебе взять меня или убить меня —
И он вольно твой».
Так сказав, он споясал Дурендаль
И повесил середь поляны на дерево.

Роланд и Мандрикард бьются.

82 Как распрянулись боец от бойца
В половину лучного перестрела,
Как пришпорили коня на коня,
Отваживши медлящие узды,
Как уметили удар на удар
В шлем, в забрало, в зрячие щели, —
Два копы, как лед,
Разлетелись в небо стами брызгами.

83 Взребезги копье, вдребезги другое,⁴⁶⁵

А не дрогнул паладин, не качнулся басурман:
Что осталось древка у рукояти,
С тем и в бой —
Хоть и оба свыкшись с железом,
Нынче, как мужик мужика
За межу, за кладезь, —
В драке друг друга охаживают дубьем.

84 С четырех ударов
И уже в рукоятях ни щепы,
А нейметя раскипевшимся яростным,
Коли не с чем, так хоть на кулаки.
Трещат латы, рвутся кольчуги,
Где кто вметит, тот там и хватит:
Ни крепче клещи, ни тяжче млат
Для иной поковки не надобны.

85 Как в такой беде сарацину⁴⁶⁶
Честью кончить неладный бой?
Грех терять любезное время,
Где удар ударившему в урон!
Грудь о грудь
Охватил Роланда татарин,
Стиснул,
Как Антея стискивал Геркулес,

86 Держит вперехват,
То рванет к себе, то отринет,
И таков он бешен,
Что забыл о конских браздах;
А Роланд себе на уме
И победной выгоды не выпустит —
Вытянул осторожную руку,
Хвать очелок и прочь с коня узду.

87 Силится соперника сарацин
Сдавить насмерть, ссадить с седла,
А Роланд сжал железные колени
И не гнется ни назад, ни вперед.
Басурмановыми напорами
Враз подпруга врозь пополам,
Рушится Роланд, а того не чует:
Сам в седле, и ноги в стремях.

Мандрикарда уносит его конь.

88 Оземь грянулся граф
С грохотом, как груды оружий;

466 Как Антея стискивал Геркулес... — См.: IX, 77, прим.

А скакун его супостата,
Чуть почувявши себя без узды,
Мчит в опор
Все круша по распутьям и беспутьям,
Глушась страхом справа и слева,
А на нем — Мандрикард.

89 Доралиса,
Видя друга в такой опромети прочь
И не смея остаться одна,
Гонит следом свою кобылу.
Мандрикард во всю свою спесь
Бьет коня пятами и пястью,
И кричит, и грозит, и велит:
«Стой!» — а тот все быстрее и быстрее.

90 Все быстрее в шальном перепуге
Без оглядки
Скачет мило, и две, и три,
Пока ров не стал поперек,
А во рву ни постели, ни подстила,
И в тот ров ударились конь и конник
Кувырком,
Но ни тот, ни другой не поковеркались.

91 Стал конь,
Но безуздному ни пути, ни управы.
В ярости сарацин
Сотрясает его за гриву,
А красавица ему говорит:
«Сними повод с моей кобылы —
Она смиренная,
Все равно, что без узды, что в узде».

92 Непочетен
Мнится сарацину такой прием,
Но судьба ему приходит на выручу,
Поднеся узду не с того коня:
Предстает на его пути
Злобная Габрина,
По Зербиновом погублении
Припустившись в бегство, как волчица от псов, —

93 В том же платье,
В том же молодистом уборе,
Совлеченном ей в завязтый наряд
С Пинабелевой негожей любовницы,
И на том же ее коне,
Повсеместно изрядном и отменном.
Не гадав, не чаяв,
Наезжает старая на татарина.

94 Разразились хохотом
Мандрикард и Стордиланова дочь,
Взвидевши у наездницы
Ни старушечье лицо, ни мартышечье.
Тут-то и рассудил сарацин
Разнуздать ее лошадь себе в прибыль;
Сдумал — сделал,
Гаркнул на безузду, и та — вскачь,

95 Вскачь по чаще, мча на хребте
Полумертвую от страха старуху,
Через рвы, по всхолмьям, по склонам,
Впрямь, вкривь, —
Но нестаточно мне ее дослеживать,
Коли надобно гласить о Роланде,
О Роланде, который, ссев с коня,
Вновь наладил сбитое седло,

Роланд расстается с Зербином.

96 Вновь верхом, начеку, и долго
Ждал, не явится ль татарин назад,
А как тот не казывался,
То решился его сыскивать сам.
Но быв доброго нрава и обычая,
Паладин не прежде пустился в путь,
Нежели учтиво и вежественно
Испросил дозволения у влюбленных.

97 Горевал Зербин,
Проливала слезы Изабелла,
Оба рады бы с ним, но граф
Не желал их ласкового сообщества,
Ибо-де не в честь
Странственному рыцарю,
Взыскавшему неприятеля,
При себе иметь друга и пособника.

98 Он их просит: ежели сарацин
Не ему, а им встретится ранее,
То будь ведомо тому, что три дня
Роланд медлит для него в этой местности,
А затем
Держит путь под Карловы знамена,
Под златые лилии:
Если хочет, пусть там его и ищет.

99 Отвечают они ему, что охотно
И такую исполнят просьбу и всякую.
С тем и разъехались

Налево Зербин, направо Роланд.
А свой меч
Снял он с дерева и вздел на себя,
И пустил скакуна по тем тропинам,
Где вернее чаял застичь язычника.

100 Но как крив был путь
Бездорожного сарацинова ристания,
То ни в день, ни в два
Граф, блуждая, не встретил его следов.
А на третий день приспел он к ручью,
Изливавшему светлую струю
По простору пестроцветного луга
Под чудесными древесными сениями.

Роланд попадает в приют Медора и Анджелики.

101 Был полдень,
Маня в тень и голого козопаса,
А Роланду в шлеме, с щитом и в латах
И подавно ехал ось непрохладно.
Он и слез,
Но неладен стался ему приют,
Крут и горек превыше сказа
В тот злосчастный и злополучный день.

102 Озираясь, видит Роланд под ветками
Неисчетные надписи на стволах,
И прикинув взором,
Различает руку своей богини, —
Ибо это здесь, как мною молвлено,
Невдали от пастушеского крова
Хаживала с милым Медором
Обольстительная наследница Катая..

103 Анджелику и Медора⁴⁶⁷
Видит свитых он в ста местах в сто узлов,
И что букв в словах,
То Аморовых гвоздй в страдном сердце.
Рыщет, ищет он на тыщу ладов
Не поверить, чему невзгодно верить:
Силится удумать, что на коре
Не его, а соименная Анджелика.

104 Молвит: «Внятны мне ее письмена,
Многажды я видывал эту руку;
Но Медор — это, верно, вымысел:
Этим зовом зовет она меня».

Таковой неверною верою
Сам себе обманщик,
Стоит Роланд
В праздном чаянье сам себя утешить.

105 Но в душе сомненье, как злой пожар,⁴⁶⁸
Чем он пуще тушит, тем пылче пышет:
Так пичуга,
С недогляду всевши в сеть или в клей,
Тщетно плещется, и чем больше бьется,
Тем крылатая плотнее в плену.
Роланд движется к светлому источнику,
Где навесом выкрутилась скала.

106 Цепкий плющ и раскидистые лозы
Увивали вход;
Здесь-то в те палящие полдни
Леживали блаженные любовники,
И внутри и вне
Выплетшие вязь их имен
Инде мелом, а инде углем,
Или острым ножевым оконченьем.

По надписям он узнает об их любви.

107 Пеш подходит печальный паладин,
И вступая в сень,
Видит строки, словно вчера
Чертанные Медоровою рукою.
Счастье этих мест
Положил влюбленный в стихи
Лучшим складом своей природной речи,
А по-нашему гласили они так:

108 «Нежные травы, пестрые севы, свежие струи,
Милые тени пещерной сени,
Где светлая Галафронова Анджелика,
Многими любимая тщетно,
Почивала на лоне моем нагая!
За дарованную вами усладу
Чем воздать мне, бедному Медору,
Как не повсечасною хвалою

109 И мольбою
Ко влюбленным паладинам и дамам,
Здесьним и мимохожим,
Случайным и доброхотным:
Молвить травам, цветам, сениям и струям:

Да блюдут вас солнце и месяц,
Чтобы нимфы вас охраняли
И от вас пастуший скот отгоняли!»

110 По-арабски
Это было писано, а Роланд
Между многих свычных наречий
По-арабски умел, как по-латыни,
Тем не раз по языческим краям
Сберегаясь от сраму и урону, —
Но напрасно,
Ибо нынче урон был пуще прибылей.

111 Трижды и четырежды
Он глядит в зловещие письма,
Тщетно чая прочитав в них иное,
Вновь и вновь видя прежнее и прежнее.
С каждым взглядом в страждущей груди
Льдистым стиском стискивается сердце.
Очи в камень и мысли в камень,
И как камень — сам.

112 Обесчувственный,
Остается он весь в добычу горю:
Кто не знает, зная —
Нет больнее боли, чем эта!
Подбородок в грудь, чело долу,
Он не в силах излить слезными пенями
Ни слезы, ни слова —
Так полон он муки.

113 Мука давит,
Рвется вон, а спирается внутри:
Так вода в сосуде
С узким горлом и круглым туловом,
Оберни его, и ринется вон,
Столь спираясь о тесном выходе,
Что лишь каплей капле каплется вслед.

114 Поопомнившись,
Вновь он мнит в том, что есть, не то, что есть,
Хочет верить, верит, надеется,
Что клеветают на его госпожу,
Чтобы он, Роланд,
Несносимой о ней терзался ревностью.
Кто замыслил такое зло,
Тот и вторил ее руке своею.

Пастух рассказывает ему, что случилось.

115 С такового ль зыбкого обнадеженья
Привоспрянув духом,
Вновь он, всел в Златоуздово седло, —
А уж в небе не солнце, а солнцев братец.
По недалней езде
Видит всшедший очажный дым над кровлями,
Слышит песий лай, скотский мык:
Он в усадьбе, и здесь ему ночлежье.

116 Спешился усталый,
Златоузда отдал справному малому,
Другой снял с него латы, третий шпоры,
А четвертый начищает доспех.
А была это самая та хижина,
Где израненный Медор повстречал свою судьбу.
Роланд хочет спать и не хочет есть,
Сытый горем тяжеле брашен.

117 Но чем пуще он взыскует покоя,
Тем плачевней тоска ему и труд,
Ибо стены, двери, окна в дому
Ненавистными же пестреют начертаниями.
Он не спрашивает, он сжимает губы,
Он страшится, что станет яснее дня,
Станет ярче дня
То, что он туманил для безболия.

118 Но обман себя — не обман:
И не к спросу находится ответствователь.
Пожелавши пастух рассеять
Паладинову тяготную печаль,
Затекает сказ о двух влюбленных,
Как он сказывал о них всем охочим,
А охочих было немало, —
И бездумную заводит он речь,

119 Как прекрасная Анджелика упрашивала
Перенести в эту хижину Медора,
Изнемогшего раною, и как
Исцеляла его и исцелила,
Но сама восстраждала горшею
Раною от Амуровой стрелы,
И такой в малой искре был пожар,
Что металась в жару, не зная места,

120 И не помня, что она есть дочь
Наибольшего владыки Востока,
По крайней своей любви
Она стала женой малого латника.
До такого достигнувши конца,
Пастух вынес самое то запястье,
Каковым Анджелика при разлуке

Отдала его уютную услугу.

Страдания Роланда.

121 Это стал топор,
Махом снесший голову с плеч
После неисчетных
Бичеваний от палача-Амора.
Роланд силится утаить свою боль —
Тщетно,
Ибо необорны
Взрыды и всплачи из уст и глаз.

122 А как он остался один,
И снялась препона его кручине, —
Из-под век по ланитам и на грудь
Хлынул слезный ток,
Разлились стенания и рыдания,
Он не сыщет места на ложе,
Оно жестче ему каменьев,
Жесточе крапивы.

123 А как вспало ему в тяжкую мысль,⁴⁶⁹
Что на самой этой постели
С блудным другом
Почасту-де леживала изменница, —
Он шарахнулся от пуха перин,
Он взметнулся прочь,
Как дремотный мужик на мураве,
Вдруг завидя грозящую гадюку.

124 Ложе, дом, пастух
Таково ему сразу ненавистны,
Что, не ждав луны,
Ни Авроры, предшественницы солнца,
Он хватает оружие и коня
И в чашобу, под сплетшиеся ветви,
Где вокруг — никого, и там
Воплем, воем разверз врата страдания.

125 Неумны слезы, немолчны стоны,
Нет избавы ночью, ни днем,
Омерзели села, постыли дома,
Он простерт в глуши на голой земле,
Он не верит сам, что в очах
Столько слез, а в груди
Столько вздохов, и вновь и вновь
Говорит себе в разрыве рыданий:

469 *Как дремотный мужик на мураве...* — Ср.: *Вергилий. Энеида*, II, 379 — 382.

126 «Нет,⁴⁷⁰
То не слезы бьют из глаз, как струя:
Недостало бы горю моему слез —
Иссякли б о полуплаче!
Не сама ли то жизненная влага,
Закипев, встекает к очам,
Чтоб излить в мой последний час
Боль и жизнь?

127 То не вздохи
Означают мучение мое, нет:
Всюду выдоху мера вдох,
Только мне мою боль вовек не выдохнуть.
Это — ветер от крыл любви,
Раздувающей пожар в моем сердце,
Чудо-пожар,
Жгущий, не сжигая.

128 Я уже не я:
Роланд мертв и в землю зарыт,
Он убит неблагодарною красавицею,
Он в неверной нашел врага.
Я лишь дух Роландов,
Рыщущий в мучащем аду,
Чтобы призрак мой был урок
Всем, кто вверит душу Амору»

Роланд впадает в безумие,

129 Всю он ночь блуждал по черному лесу,⁴⁷¹
А как брызнул огненный день, —
Воротила его тропа судьбы
В сень, где врезаны Медоровы строки.
Взвидев вновь он черты своей обиды,
Вспыхнул,
Весь — гнев, ярость, бешенство, ненависть.
И — за меч.

130 Рубит надпись, дробит скалу,
Брызжут в небо каменные дребезги;

⁴⁷⁰ *Нет, // То не слезы...* — Прямым источником жалобы Роланда является стихотворение латинского поэта XV в. Михаила Маруллы «К любви» из третьей книги его «Эпиграмм». См.: Райна. С. 349 — 350.

⁴⁷¹ *Весь — гнев, ярость, бешенство...* — Безумие героя входит в число наиболее популярных сюжетных моментов средневекового романа. Сходил с ума Ивейн, герой одноименного романа Кретьена де Труа, четыре раза утрачивал рассудок Ланселот, почти неотличимо от безумия покаяние Амадиса Гальского, отлученного от лика возлюбленной (в подражание ему Дон Кихот учинил покаяние в Сьерра-Морене, так поразившее Санчо Пансу). Наибольшее сходство эпизод Ариосто обнаруживает с безумием Тристана (поскольку причина последнего — ревность, а причина ревности — письмо Изольды Кахэдину). См.: Райна. С. 342-349.

Горе гроту, горе дубраве,
Где везде — Анджелика и Медор!
Не бывать
Здесь прохлады ни пастуху, ни стаду:
В гневе нет пощады ни ручью,
Ясному и чистому, —

131 В светлый ток
Летят камни, комья, комли, ветви, сучья,
Пока с дна до пены
Не взмелась во влаге темная муть.
Он в поту, и дыханье занялось,
Но все мало
Гневному огню и гнущей ненависти:
Павши навзничь, он дышит в небо,

132 Павши на траву, очи в небо,
Изможден, недвижим,
Не ев, не спав,
Он лежит три восхода и три заката,
А кручина круче и круче
Сводит яростного с ума.
На четвертый день
Рвет он с плеч кольчугу и латы,

133 Здесь шлем, там щит,
Одаль панцирь, а одаль и булат —
Все его железо
Разметалось по роще вразноброс.
Платье — в клочья, обнажены
Волосатая грудь, спина и чрево;
И настало то самое неистовство,
Что не видано и не взвидеть страшней.

134 В том ли буйстве, в том ли бешенстве
Меркнет ум и меркнут пять чувств.
Будь в руках клинок —
Вовсе дивны бы настали дела!
Но ни меч, ни секира, ни топор
Столь великой моготе не надобны:
Такова его проба сил,
Что рывком он рвет сосну о корнях,

135 За сосной другую и третью,
Как бузинный куст иль укропный сноп,
И дубы, и вязы,
Буки, ясени, яворы и ели;
Словно пташный ловчий,
Расчищая земь для сетей,
Рвет жнитво, крапиву и тростие,
Так Роланд — вековечные стволы.

136 На тот треск и тот грохот по дубраве
Стадные пастухи,
Побросав кто овец, кто коз,
Посбежались досмотреть, чье тут диво, —
Но уже я на рубеже,
За которым докучно слуху,
И чем длить, томя,
Я охотней дам повести отсрочку.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ (ЗЕРБИН)

Песнь XXIV

На первом плане — безумный Роланд избивает мужиков; на втором — Зербин встречает Альмония с пленным Одориком (на коленях); на третьем — Зербин с Флорделизою и Мандрикард находят висящее на дереве Роландово оружие

Вступление.

1 Кто увяз в любви коготкром,
Тот держись, чтоб не слиплись крылышки, —
Ибо все гласят нам мудрецы:
Что такое любовь, как не безумие?
Пусть не каждый неистов, как Роланд, —
Разве мало иных примет у бешенства?
И уж что верней,
Чем, взжелав другого, губить себя же?

2 Разнствуют исходы,⁴⁷²
А безумство у истока — одно.
Оно словно дремучий лес,
Где хочешь, не хочешь, а заблудишься:
Вправо, влево, вперед, назад,
А сбредешь с тропы.
Да, скажу я: кто коснеет в любви,
Будь готов попасть в цепи и в колодки.

3 Мне укажут: ты хорош поучать,
А не видишь, каков ты сам оплошлив!
Я отвечу: отменно вижу,
Ибо нынче я в светлом промеженье,
И авось сумею в урочный час
Так собраться и уйти из игры;
Но не нынче: неволя пуще охоты,
Слишком въелось страстное сумасбродство.

472 Оно словно дремучий лес... — Ср.: *Гораций*. Сатиры, II, III, 48 — 51.

Роланд избивает мужиков

4 Государь мой, в допетой песне
Я поведал, как безумный Роланд
Разметал по роще доспех,
Разорвал наряд, бросил меч
И пошел корчевать дубы и сосны,
Оглашая ревом горы и гроты,
А на шум сбегаются пастухи,
За грехи их иль просто по злополучию.

5 Лишь увидели они изблизи,
Какова в рехнувшемся сила рук, —
Мигом в ужас
И бежать, врассыпную, кто куда,
А безумец вслед,
И схватив которого-то за голову,
Враз рвет с плеч,
Как, гуляя, рвут цветок или яблоко.

6 Безголового
Хвать за голень и машет им, как палицею;
Двое пасших лежали в дреме —
Уж не встать им до Страшного суда,
А кто тверд на ногах и мыслями,
Тех уж след простыл.
Но и то не уйти бы им от бешеного,
Кабы тот не перегрянул на скот.

7 Побросали пахари плуги,
Побросали мотыги и серпы,
Повлезали кто на дом, кто на церковь, —
Низок ясень, и явор им опасен, —
И оттуда замирают над тем,
Как Роланд рывком, толчком, тычком, клыком, когтем
Рвет, глушит и губит быков да коней —
Не спастись и самому быстроногому.

8 Вот уж бьется в слух
Людный гул по окрестным селам,
Воют дуды, гудят рога,
А над всем колокольный звон,
И уж катится,
Вздев пращи, луки, пики, копья, вилы,
Тысяча в гору и тысяча с горы —
По-мужицки разделаться со спятившим.

9 Как под ветром полдня на белый берег⁴⁷³

473 *Как под ветром полдня на белый берег...* — Ср.: Гомер. Илиада, IV, 422 — 426; Вергилий. Энеида, VII. 528 — 530; Катюлл. Книга стихотворений, LXIV, 269 — 277.

Набегает, играючи, волна,
А вторая — круче,
А третья — во весь напор,
И все хлеще хлещет по песку
Полноволным валом, —
Так растут на Роланда толпы черни,
Прибывая с гор и с низин.

10 А он хватать десяток, и с ног десяток,⁴⁷⁴
Кто попался, из того и дух вон:
Тут и взвиделось попытчикам,
Что чем дальше от ярого, тем верней.
Тщетен на него и булат —
Крови из крепкого не выкровать:
Такова на графе вышняя милость —
Некрушиму быть поборнику о Христе.

11 Кабы смерть брала,
Тут бы графу и конец,
Тут бы и внялось, каково,
Бросив меч, да бросаться в битву.
Но уже отпрянулось толпище,
Увидав, что как ни бей, не убьешь;
Роланд глядь, вокруг никого,
И бежит к их хижинному селению.

12 А в селенье — ни мала, ни велика,
Все, дрожа, попрятались кто куда,
Побросав припасы,
Скудные по сельскому их житью.
Но ему все равно, что хлеб, что желудь —
Гонит голод и травит страсть
В пясть и в пасть
Урвать кус вареного ли, сырого ли.

и безумствует по всей Франции.

13 А потом он рыскал по всей округе,
Не щадя ни люда, ни зверья
По лесам хватая
Легких ланей и вертких коз,
То и дело голой рукой
Унимая кабана и медведя,
Их убоиною
Вновь и вновь глуша ярую утробу.

474 *Тщетен на него и булат...* — См.: XI, 50, прим.
Такова на графе вышняя милость... — Ср.: XXXIV, 63.

14 Вправо, влево, вдаль, вблизи,
По всей Франции, — и вдруг видит: мост
Над широкою полною рекой
С берегами крутыми и обрывистыми,
А над тем мостом
Башня, зримая изблизи и издали.
Что тут случилось, дослышите потом,
А теперь настала речь о Зербине.

Тем временем Зербин встречает пленного Одорика.

15 Разлучась с Роландом,
Недолго Зербин помедлил
И поехал по паладинову следу,
Мерным шагом сдерживая коня.
Не прошло и часа,
Видит: едет верхом на кляче связанный
Рыцарь, а при нем с двух сторон
Двое стражей в доспехах и при оружии.

16 Зербин тотчас узнал подстражного,⁴⁷⁵
И узнала красавица Изабелла:
Это был бискайский Одорик,
Надзиравший волком над белой агницею.
Предо всеми отличил его Зербин,
Вверив милую,
Ибо чаял быть его надежности,
Как везде, так здесь.

17 Но что вышло из того,
То и сказывала Зербину Изабелла, —
Как скрушила буря ладью,
Как спасся челн,
И про Одориково насильство,
И про скрытие в ведомую пещеру;
Но еще не домолвила до конца,
Как увидела своего злодея воочию.

18 А те двое, что были при Одорике,
Сами узнавши Изабеллу,
Угадали рядом
Ее друга и своего господина,
И тем паче, что на его щите
Писан знак его державного рода;
А подъехавши и всмотревшись, увидели:
Так оно и есть.

19 Вмиг с коней⁴⁷⁶
И бегом, простерши руки, к Зербину,
Чтоб приветить, как набольшего меньшие,
Преклонив колена и скинув шлем.
Вглядысь в лица,
Зербин видит бискайского Кореба
И Альмония, которых он сам
Снарядил Одорику в сопоспешники.

Альмоний рассказывает, как тот был взят.

20 Говорит Альмоний: «Слава Господу,
Изабелла с вами, а потому,
Государь мой, я разумею,
Что не внове внимать вам, для чего
Этот злобный
Схвачен, связан и под моим мечом:
Чья больней обида,
Та вам и поведала весь тот сказ.

21 Видимо, что вам ведомо,
Как коварный отослал меня с глаз,
И поруган я, и поранен Кореб,
Ставший за обидимую.
Но что случилось, как воротился я вспять,
То не видно ею и не слышано,
Чтобы статочно домолвить тебе, —
И отголе я продлю мою повесть.

22 Второпях набрав в городе коней,
Я стремглав устремился к морю,
Озираясь,
Где мои оставленные спутники.
Мчусь к берегу, мчусь по берегу,
Мчусь туда, где мы с ними разошлись, —
Никого,
Только свежий след на песке.

23 Я за следом,
Он уводит в статную рощу;
Чуть вошел я, и слышу стон,
А за стоном — простертого Кореба.
Я пытать его,
Где дама, где Одорик, кто обидчик;
А дознавшись, вскачь
Вверх по кручам изыскивать злодея.

24 Много рыскавши,

Никого не сыскавши,
Ворочаюсь к лежащему Коребу,
А под ним уже красная земля,
И промедли я,
Стал бы ему надобнее
Гроб да поп да хор,
А не лекарь и целебное ложе.

25 Я доправил его из лесу в город,⁴⁷⁷
Положил у приятельного гостиника,
И в недолгом времени стал он здрав
Врачеством искушенного лечителя;
А потом оружно и конно
Мы пустились добывать Одорика
И настигли его при бискайском короле,
И здесь был бой.

26 Королёв ли суд,
Допустивший нас поединствовать,
Правда ли моя,
Удача ли пуще правды
Таково мне вспомогли одолеть,
Что изменник стал моим узником,
Ибо сведав король его вину,
Головою мне выдал побежденного.

27 Ни казнить не хотел я его, ни миловать,
А вковал вот в эти железа,
Чтобы твой решил приговор,
Терпеть ли ему, умереть ли ему.
А слыхав тебя быть при ратном Карле,
Я пустился искать в тот стан,
А нашел, где не чаял,
И за то — благодарение Господу!

28 А еще благодарение Господу
За то чудо, что с тобой — Изабелла,
О которой вести,
Я боялся, не знать тебе вовек».
Молча внимал Зербин,
Не сводя очей с Одорика,
Но не в лютости,
А дивясь, как из дружбы взошло такое зло.
Одорик вымаливает пощаду.

29 И как кончил Альмоний свою повесть,
Смутен сердцем стоял шотландский князь,
Не приметив причин
Стать тому изменнику изменником.

477 ... *при бискайском короле...* — В оригинале названо его имя: Альфонс. Это персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 6), где характеризуется как добрый христианин и единственный из испанских королей, не принявший участия в походе Марсилия на Францию.

Наконец,
Минув вздохом долгое дивование,
Вопросил он пленника,
Верно ли поведан был этот сказ.

30 Павши в ноги,
Вероломный говорит: «Господин мой,
Всяк живущий живет в грехе,
И чем добрый отличен от недоброго,
То лишь тем, что недобрый поражен
И от малой бывает похоти,
А достойный выступает на бой,
Но пред сильным врагом и он бессилён.

31 Будь я ставлен оборонять твой оплот
И по первом приступе
Пропусти я недруга
Без противности взвить над ним победу, —
Ты бы прав клеймить,
Что я трус, а подлея того, изменник.
Но когда б уступил я пущей силе,
То хуле не скрыть бы заслуг и чести.

32 Чем враг сильней,
Тем простимее одоленный.
Моя верность блюлась моей защитой,
Как та крепость в осаде со всех сторон:
Сколько было от Всевышнего Разума
Вложено в меня ума и духа,
Столько я и высил, —
Но с последним приступом пал».

33 Так промолвил Одорик, а потом
Изъявил невпросказ пространно,
Сколь жестоко жгла его страсть,
Сколь крута оборола его сила.
Ежели мольба унимает гнев,
Ежели смиренье приносит плод, —
Это было здесь:
Одорик нашел, чем тронуть сердце.

34 Пред обидою Зербин в колебании:
Мечь или не мечь?
Видя он изменника,
Порывается порешить злодея;
Памятуя он о дружестве
Давнем между ними и слитном,
Влагой благости гасит пламень ярости,
И пощада у него на уме.

В наказание Зербин дает ему спутницей Габрину.

35 А покуда Зербин не знал,
Дать ли пленнику волю иль неволю,
Живота ли изменника лишить
Или в казни оставить его живого, —
Глядь, бежит и ржет
Та кобыла, разнузданная Мандрикардом,
А на ней старуха,
Чуть Зербина не ввергшая под топор.

36 Издали на дух и на звук
Подскакала кобыла к их коням
С дряхлой всадницей,
Тщетно вывшей и кликавшей помочь.
Как увидел ее Зербин —
Вскинул руки, благодаря небеса,
Что послали ему на произвол
Двух, которым он был обязан ненавистью.

37 Приказал Зербин ее схватить,
А сам мыслит, что с нею сделать:
Отрубить ли уши и нос
Напоказ злодеям,
То ль бросить ее труп в пищу коршунам;
Думает, передумывает,
Разные примеривает казни
И решает так.

38 Говорит он, оборотясь к товарищам:
«Я оставлю изменника в живых:
Негоже ему прощенье,
А негожа и злая казнь.
Пусть развяжется и живет,
Ибо грех на нем — от любви,
А где грех слагается на любовь,
Там простительно всякое прощенье.

39 Любовь круто крутит умы,
Крепчайшие Одорикова,
И не раз кривила на край,
Худший даже этой обиды.
Будь же Одорик прощен,
А наказан я за мою слепость —
Ибо слеп, кто доверился, не думавши,
Что где солома, там и огонь.»

40 А потом, посмотря на Одорика:
«Будь тебе по вине и мзда —
Чтобы целый год
Спутничать вот этой старухе.

Днем ли, ночью ли, дома ли, в пути,
А ни шагу прочь, без нее ни на миг,
И пока она жива, на тебе —
Защищать ее от всякой обиды:

41 По единому тебе ее слову
Выходить за нее на бранный бой,
И за этот год
Перемерить из края в край всю Францию». —
Так судил Зербин:
По вине Одорику ждать бы смерти,
И на то развержена ему пропасть,
Избежимая лишь счастливым случаем.

42 Столько витязей, столько дам
Было старою предано и обижено,
Что любой при ней странствующий рыцарь
Не преминул бы вызова и схватки.
В том и казнь обоим:
Ей — за все прегрешенья прежних дней,
А ему — за неправо поборание:
Им живыми далеко не уйти.

Одорик губит Габрину и погибает сам.

43 Крепкою клятвою
Заручает Одорика Зербин
Блюсти верность, а ежели порушит
И доподлинно будет уличен,
То не внемля ему и не милуя,
Ввергнуть в злую казнь.
И на том Альмонию и Коробу
Велено вызволить узника из уз.

44 Неторопко
Повинуются Альмоний и Короб:
Смутительно им и больно
Отрешиться от вожденной мести.
Удаляется вероломец
С клятою старухою за седлом, —
А что дальше, у Турпина не писано,
А писано у другого сочинителя:

45 Пищет он (а кто — не скажу),
Что они не проехали и дня,
Как задумал Одорик разом выручиться,
Попирая и уговор и клятву.
Вскинул он Габрине петлю на шею
И оставил висеть на ветви вяза,
А спустя лишь год, не знаю, где,

Был и сам повешен рукой Альмония.

Зербин находит Роландово оружие.

46 А Зербин вперед, по широким
Следам паладина Роланда,
А чтобы не дать о себе тревоги,
Шлет гонца к своему полку,
Шлет Альмония с многими наказами,
О которых долго бы говорить,
Шлет Альмония, и при нем Ко^еба,
И остался один с своей красавицею.

47 Такова-то была в Зербине
И не менее того в Изабелле
Любовь к доблестному графу Роланду,
Такова была охота дознать,
Отыскал ли граф сарацина,
Своротившего его и в крепком седле, —
Такова была, что все три дня
Не спешил Зербин к Карлову стану:

48 Все три дня, в которые граф Роланд
Звался ждать искателя Дурендали.
Где ни ездил граф,
Там по той же тропе — Зербин;
И достигнул он обок от дороги
Той дубравы, где надписи изменницы,
Той скалы и того ручья,
Где теперь все в развале и раззоре.

49 Смотрит, видит: что-то блестит,⁴⁷⁸
Глядь, зеркало Роландова доспеха,
А поодаль — шлем,
Хоть не тот, что сверкал над лбом
Альмонта;
Слушает, слышит: где-то ржание;
Вскинул шею на звук, а за стволами,
Глядь, гуляет конь Златоузд,
Щиплет травку и свесил поводья.

50 Зербин ищет меч Дурендаль
И находит вырванный из влагалища,
И находит клочья плаща,
Во сто мест рассеянные безумцем.
Изабелла и Зербин скорбны лицами
И стоят, не зная, что думать:
Как ни взмыслят, а в ум нейдет,

478 *Хоть не тот, что сверкал над лбом Альмонта...* — См.: XII, 59 — 60.

Что Роланд решился рассудка.

51 Впору верить, что он убит, —
Но нигде ни на чем ни капли крови.
И тогда-то, глядь, а по берегу
Чуть живой, торопится к ним пастух:
Видел он с холма,
Как несчастного настигло неистовство,
Как он сбросил бронь, сторгнул ткань,
Избил люд и творил иные бедствия.

52 Молвит он Зербину
Вслед на спрос — неложный рассказ;
Тот дивуется, тот неимоверен,
Но воочию видит: это так.
Делать нечего: соступив он с коня,
Полон скорби, любви и жалости,
Собирает оттуда и отсюда
Разметанный Роландов доспех.

Появляется Флорделиза в поисках Брандимарта;

53 Спешившись, спешит⁴⁷⁹
Изабелла в сбор тому же оружию, —
Но
Вдруг является пред ними девица,
Скорбь в очах, вздох в устах,
А откуда она родом и кто она,
Ежели кто спросит, доложу:
Это Флорделиза ищет милого.

54 Как покинул ее Брандимарт,
Тайно скрывшись из Карловой столицы,
Прождала она и шесть и восемь месяцев,
А увидя, что его нет и нет,
Выпустилась в поиск
От моря до моря, от гор до гор,
Изыскав весь край,
Кроме лишь Атлантова прибежища.

55 Залучись она в замок чародея,
Тут бы и предстал Брандимарт
В том же мороке, что и Брадаманта,
Руджьер, Градасс, Феррагус и сам Роланд.
Но как громом грозного рога
Разогнал чародейщину Астольф,
Брандимарт воротился в свой Париж,
А Флорделиза о том еще не ведала.

479 *Это Флорделиза ищет милого.* — См.: VIII, 88 — 90.

56 Вот и говорю я: нечаянно
Повстречав Флорделиза двух друзей,
Узнает доспех, узнает
Златоузда с отпущейною уздою,
Видит беду воочию
И прискорбную слышит повесть
От того пастуха, который
Был свидетель рыцарева неистовства.

57 А Зербин Роландово всеоружие,
Дособрав, гвоздит на сосну,
А потом, чтобы его не присвоил
Ни заезжий рыцарь, ни здешний,
Режет краткую строчку на коре:
«Се — оружие паладина Роланда»,
Словно в знак: не касайся никто
Иль готовься померяться с владельцем.

появляется Мандрикард и хватает Роландов меч.

58 Едва кончил он похвальное дело
И уже садился в свое седло,
Как въезжает на ту поляну
Рыщущий сарацин Мандрикард,
Видит панцирь, шлем и меч на стволе,
Спрашивает, слышит,
И ликует, и ни мига не медлит:
Подлетел и сорвал клинок с сосны.

59 И кричит: «Кто смеет перечить?»⁴⁸⁰
Этот меч не с сегодня — мой:
Где ни взял я его, а взял по праву!
Роланд, струсив его держать,
Притворился спятившим,
Чтобы бросить в прах и уйти:
Малодушию это — оправдание,
Но захвату моему — не препона!»

60 А Зербин на него: «Не тронь —
Или знай, что не так-то это просто!
Гекторову булату
Не по праву ты наследник, а вор!»
И без дальних слов
Оба доблестных сшиблись пыл о пыл.
Гудит воздух от тысячи ударов,
А и то еще рубятся вполплеча.

⁴⁸⁰ *Этот меч не с сегодня — мой...* — Мандрикард считает себя законным владельцем Дурандали, так как завоевал право на обладание полным доспехом Гектора (см.: XIV, 31, прим).

Зербин бьется с Мандрикардом.

61 Куда грянет меч Дурендаль — ⁴⁸¹
Вмиг оттоль ускользнет Зербин, как молния:
Вправо, влево, из уклона в уклон
Горячит коня резвей оленя,
И дело, —
Потому что чуть коснись его сталь,
И витать бы ему под теми сенями,
Где влюбленным душам миртовый рай.

62 Как проворный пес,
Взвидев вепря, отбившегося от стада,
Кружит вокруг, налетает вбок,
А потом как улучит да как вцепится, —
Так Зербин,
Ввысь ли меч, вниз ли меч,
Огибается из отскока в отскок,
Бьет из чести, бежит для жизни.

63 Ав упор ему сарацин
Сечет сталью невпопад и впопад,
Словно свищет в равноденственный март
Ветер в Альпах сквозь ущельные дебри,
Гнет стволы головою долу
Или ломит сучья и крутит в вихре, —
Как ни вейся от ударов Зербин,
А ему не укрыться от последнего.

64 А ему не укрыться от разящего,
Меж клинком и щитом просекающего грудь:
Прочен панцирь,
Толст нагрудник, крепка кольчуга,
А не выстояли,
А впустили жестокое острие —
Режет рубящее
Латы и седло до самых сбруй.

65 Не случись тот удар в полсилы —
Быть бы принцу рассечену, как трость;
Но едва дотянувшись дожива,
Лишь по коже всполосовал клинок.
Вытянулась рана
Не в единую пядь длиной,
Засочилась по блещущему доспеху
Красным швом горячая кровь.

481 *Где влюбленным душам миртовый рай.* — Ср.: «Всех, кого извела любви жестокая язва, Прячет миртовый лес» (*Вергилий. Энеида, VI, 442 — 443*).

66 Таково, я видел, алая прошва⁴⁸²
Рассекает серебристую ткань
Не под тою ли белоснежною ручкою,
От которой и сердце — пополам?
Мало Зербину радости,
Что учен войне, силен и горяч, —
Ибо мощь и меч
Куда крепче у короля Татарии.

67 Басурманский однако взмах
Вышел круче видом, чем делом, —
Захолонуло
Сердце в Изабеллиной груди,
Но Зербин,
Полыхая гневом и ненавистью,
В две руки со всей силы и отваги
Поражает нехристя в самый шлем.

68 Чуть не в конскую ткнулся гриву
Под крутым ударом гордый враг,
И не будь его шлем под чарою,
Не сносить бы ему черепа под мечом.
А теперь он не медлит мздой,
Не сулится до другого-де раза, —
Взвив булат над челом шелома,
Метит взмахом разъять князя по грудь.

69 У Зербина куда глаз, туда мысль,
Он рванул скакуна направо,
Но не так он быстр,
Чтобы щит миновал разруба:
Сверху донизу прошел вражий меч,
И рассек рукоятный ремень, и ранил
Руку,
И пробил броню, и скользнул до бедра.

70 Исхитряется Зербин справа, слева,
Но ему своего не взять —
Бьет по вражьим латам,
А на тех ни малой отметины.
Перевесил
Над Зербином татарский царь,
И уже на шотландце восемь ран,
Щит погублен и шлем разрублен.

Дамы разнимают бойцов.

482 *Таково, я видел, алая прошва...* — Согласно старым комментаторам, сравнение опирается на биографический факт. Что касается литературных источников, ср.: *Гомер. Илиада*, IV, 141 — 145.

71 Истекает кровь, излетают силы,
А Зербин не слышит,
Ибо сердцу крушенья нет,
А как сердце, так и слабое тело.
И тогда-то Зербинова Изабелла,
Бледная, припадает к Доралисе,
Заклиная ради Господа Бога
Разомкнуть отчаянных поединщиков

72 Сколь прекрасная, столь и вежественная,
И тревожась, какой кому конец,
Доралиса для Изабеллы рада
Склонить милого на уемный мир;
А мольбами Изабеллы изъеется
Мстящий гнев из Зербинова сердца, —
И он едет прочь по ее угоде
И уже не посягает на меч.

Флорделиза едет дальше,

73 Флорделиза же, видя в несохранности
Знатный меч злополучного Роланда,
Таково безмолвная страждет,
Что льет слезы и бьет себя в чело:
Она хочет, чтоб предстал Брандимарт —
Отыщись он и услышь эту весть,
И недолго
Мандрикарду хвалиться своей добычею.

74 И пускается Флорделиза искать
Днем и ночью своего Брандимарта,
Но чем дольше ищет, тем дальше от него,
Потому что он давно уж в Париже.
Едет всхолмьями и удожьями,
И приехала к реке, а там брод,
А у брода страждущий паладин, —
Но сначала договорим о Зербине.

а Зербин умирает от раны.

75 Ему пуще всякого горя,
Что не смог он выручить Дурендаль;
Он едва усживает в седле —
Столькой кровью истек он и истекает;
Иссякает гнев, с гневом жар,
Наступает боль,
Наступает боль и теснит,

И он чувствует, что прощается с жизнью.

76 Он уже бессилён идти
И склоняется наземь у источника.
Добрая его подруга
Не найдется, что помолвить, что поделаться,
А лишь видит: умрет он от беспомощья,
Потому что вблизи ни городка,
Чтобы кликнуть лекаря пособить
Ради Господа или ради золота.

77 Что ей делать, как не тщетно страдать
И стенать на судьбу и злое небо?
«Горе мне! — рыдает она, — зачем
Океан не поглотил меня с парусом?»
Взведшему к ней томные очи
Горше Зербину ее горе,
Чем и рана,
Вмучившая в самую смерть.

78 «Сердце мое, — он молит, —
Будь любовна ко мне и после смерти!
Не то жаль, что меня не станет,
А что ты здесь одна и без поборника.
Приключись мой последний час
Не в угрожном месте —
Я бы умер, склонясь к тебе на грудь,
Радостный, веселый, счастливый;

79 Но как нынче жестокий рок
Вырывает тебя неведомо кому,
То клянусь
Силком уст твоих, и очей, и кудрей,
Что в отчаяньи нисхожу я во тьму
Ада, где единый мне помысел
О покинувшейся тебе
Больней злейшей из преисподних казней».

80 Истрадавшаяся
Изабелла склоняет слезный лик
И сливает уста свои с устами
Зербина,
Блекнущими, как роза
Выцветает, несорванная, в тени;
Говорит: «Душа моя, не помысли
Без меня отлететь в последний путь —

81 Не знай обо мне тревоги,
Я с тобою, любовь моя, хоть в рай, хоть в ад:
Вместе отошед,
Вместе быть нам и во вечные веки.
Лишь сомкнешь ты очи,

Как убьет меня душевная боль,
А ежели не она,
То прорубит мне грудь вот это лезвие.

82 И на то во мне живо упование,⁴⁸³
Что к телам нашим смерть добрей, чем жизнь:
Сжалится нашедший
И положит обоих в единый гроб».
И с такими она словами
Скорбными устами
Иссякающие ловила из уст
Вздохи жизни, похищаемые смертью.

83 А Зербин ей бессилеющим голосом:
«Я прошу, я молю, моя богиня,
Ради той любви, для которой
Ты оставила отеческий брег,
Я велю, если вправе я велеть:
Будь жива,
Пока воля на то Господа Бога,
И храни беззабвенно великую мою любовь!

84 Будь жива, и верно, Господь
Охранит тебя от всяческой злобы,
Как извел тебя из вертепа
Рукой римского сенатора Роланда,
Как явил над тобой свою всемилость
И в пучине и пред хищным бискайцем;
А коли поволит твоей он гибели —
Значит, гибель есть меньшее из зол».

85 Таковые последние слова
Он вымолвил, но едва уже слышимо,
И скончался, как кончается светик,
Под которым уж ни воска, ни масла.
Кто расскажет,
Как терзалась юная подруга,
Взвидев навзничь в руках своих Зербиново
Побледнелое, похолоделое тело?

Изабеллу спасает от самоубийства добрый отшельник.

86 Забывает она себя и все на свете,
Омывает кровавое слезами,
Взрыдом
Оглашает окрест луга и рощи,
Нещадимом
Бьет и рвет ланиты и перси,

483 *Скорбными устами...* — Ср.: *Вергилий. Энеида*, IV, 684 — 685.

Исторгает золотые кудри,
Тщетно выкликая милое имя.

87 Грозным горем
Вброшенная в бешенство,
Ослушалась бы она любезного,
Обрушила бы в себя клинок, —
Если бы
Не спустился из ближней кельи к свежей влаге
Отшельник,
Пресекая такое ее желание.

88 Досточтимый, благосердный, здравомысленный,
Полон кротости,
Красен речью и добрыми примерами,
Он уветливо
Побуждает страдальицу к терпению,
Предлагая очам ее, как в зеркале,
Образы старинных жен и дев
Ветхого Завета и Нового.

89 А потом указывает ей, что нет
Истинной отрады, как не в Господе,
А иные людские упования
Невесомо бысролетны, как тень;
И таков был хорош в речах,
Что отвел ее от крайнего умысла
К устремлению всю долиную жизнь
Посвятить Господнему служению.

90 Но и с тем она не оставит
Ни Зербинову любовь, ни Зербинов прах:
Днем и ночью быть ему с ней,
Где бы ни была, куда бы ни ехала.
А отшельник стар, но силен и помощен:
Взгромождает он рыцарские останки
На печального паладинова скакуна,
И — по дебрям многодневными тропами.

91 Не хотел он, вразумительный старец,
Юную красавицу
Ввесть невдаль в свою пещерную келию
И остаться в ней одному с одной,
Рассудив: опасно
Вместе сжать огонь и солому, —
Ни седины его, ни мудрость
В таком деле не гожи быть опорюю.

92 А хотел он с нею dospеть в Прованс,
Где поблизости города Марсея
В крепком замке, богатом и знатно строенном,
Обитала обитель святых сестер.

Для везомого же Зербинова тела
Изготовил он в попутном пристанище
Добрый гроб,
Длинный, емкий и наглухо смоленный.

93 Много дней по многим краям
Пробирались они глушью да глушью,
Потому что все полно войны,
А им надобится быть сокровенными.
Вдруг дороге конец: навстречу всадник,
И гремит на них грозною хулой.
Кто он был, о том еще порасскажется,
А покуда воротимся к татарскому царю.

Мандрикарда же настигает Родомонт.

94 Добив битву, о которой вы знаете,
Юный витязь прилег передохнуть
В прохладной тени над ясной волной,
А коня, расседланного и безуздного,
Отпустил на волю
По зеленой попасться мураве.
Но недолог был такой досуг,
Ибо глядь, с горы спускается рыцарь.

95 Как приподнял он забрало с лица —
Вмиг его узнав, Доралиса
Объявляет Мандрикарду: «А это
Гордый Родомонт
В бой с тобой соступает со скалы.
Радуйся, что ретиво ты ратуешь,
Ибо он в обиде, лишась невесты,
И мчится мстить.

96 Как хороший ястреб,
Куропатку, голубку, утку
Или прочую какую птицу
Взвидев издали, вскинется и рад, —
Так уведомясь Мандрикард о Родомонте,
Что быть битве, быть сече, быть резне,
Весел и удал,
Вмиг в седло, повод в руку, ноги в стремя.

97 Как они сошлись вперекрик —
Во всю спесь
И руками, и головою, и глоткою
Стал грозиться алджирский царь,
Что ужо раскается дерзновенный,
В опрометчивой своей прихоти
Бросив вызов

Конноборцу, умеющему мстить.

98 Откликается Мандрикард: «Нипочем⁴⁸⁴
Ты меня не вгонишь в страх, как ни силься!
Пугай баб, пугай мальчишек,
Пугай тех, кому латы невподъем, —
Только не меня,
Кому подвиг милее отдыха:
Пеший, конный, в меч, вручь, в ограде, в поле, —
Убедись!»

99 Оба в гнев, в крик, в брань,
Клинки вон, загремел булатный звон, —
Словно ветер, который еле дышит,
А потом клонит клены и дубы,
Крутит прахом черный столб до небес,
Рвет стволы, разметает хижины,
Ввергшись в море, взбивает шквал
И по рощам рушит скотские трупы.

100 Несравненные оба сарацина
Полны сил, в сердцах пыл,
Сшиблись в сече, и взбился бой
Подстать дикому племени и семени:
Бьет булат в булат,
Земля в дрожь от грозного звона,
Брызжут искры ввысь, словно твердь
Вспыхнула тысячею светильников.

Битва Мандрикарда с Родомонтом.

101 Крепко рубятся царь с царем,
Без вздоха, без роздыха,
Исхитряясь то в лоб, то в бок
Вскроить бронь и вспороть кольчугу.
Ни этот вспять, ни другой на пядь,
Словно не земля под ними, а золото,
Словно вал и ров
Встал оградой их тесному ристалищу.

102 Как из тысячи ударов удар
В две руки вбил татарин в лоб алджирцу, —
У того в глазах
Закружились вихрями искры,
Не стало сил,
Запрокинулся он на конскую спину,
И теряет стремяна, и едва
Не упал из седла перед невестою.

103 Но как крепкий из лучшей стали
Арбалет,
Гнутый тяжкой тягою ворота,
Чем он круче и чем он туже,
Тем, отпущенный,
Злее бьет, воздавая силе силой, —
Так же вмиг африканец снова прям
И разит за удар двойным ударом.

104 Куда бит, туда бьет
Родомонт Агриканова наследника, —
Не домогся клинок лица,
Забранного троянским забралом,
Но сотряс татарина так,
Что не взвидел тот ни дня, ни ночи;
А разящий
Вновь взъярен, бьет вразлет и метит в голову.

105 Отшарахнувшись от свистящей стали,
Мандрикардов конь
В гибельном отскоке
Своей жизнью спас седока,
Ибо принял пополам головы
Смертный взмах, занесенный на хозяина,
А на той голове не троянская была бронь,
И приходит несчастному погибель.

106 Рухнул конь — Мандрикард встал пеш,
Вновь свеж, чертит круг булатным блеском,
Зол от вида сраженного скакуна
И как тяжким пожаром, пышет яростью.
Африканец на него вскачь,
Но татарин,
Как утес в прибое,
Стоит тверд, а вражий конь сбит с копыт.

Вестник Аграманта и Доралиса их разнимают.

107 Слыша мавр, что конь его пал,
Ноги вон из стремян и прочь с седла,
И стоит неколеблемо и вольно,
Равный равному поединщик.
Пуще прежнего закипает бой,
Каждый горд, каждый гневен, каждый яростен,
И не видно тому конца, — но тут
Приспевает прекратительный вестник.

108 Приспевает вестник от государя,
Из разосланных по франкской земле,

Чтобы скликнуть под государский стяг
Безначальных витязей и начальников,
Потому что магометанский стан
Еле держится пред златыми лилиями,
И не подоспей подмога,
Скоро сарацинству конец.

109 Признал вестник обоих единоборцев,
И не по щитам, не по плащам,
А по блеску лезвий, по силе взмахов,
Каковы не с руки никакой руке.
Меж неистовыми встать он не смел,
Не надеясь быть в безопасности
Даже государеву вестнику,
Хоть кричи он, что он неприкасаем, —

110 А идет он к красавице Доралисе
И гласит, что родитель Стордилан,
И король Аграмант, и король Марсилий
С малым войском сидят в большой беде,
А поведавши, умоляет
Такой вестью замирить драчунов,
Чтоб не медлили
Во спасение сарацин от христиан.

111 Смело бросилась дама меж двух бьющихся
И кричит: «Во имя
Той любви, о которой бой,
Сберегите клинки для лучшей участи!
И немедля — в путь
К басурманскому нашему стану,
Ждущему в злой осаде,
То ли быть подмоге, то ли гибели!»

112 Вслед ей вестник с вестью
О великой сарацинской беде
Простирает грамоту от царя,
От Троянова сына к Улиенову,
И на том полагается уговор,
Что оставив два рыцаря раздор,
Будут в мире
До поры, как собьют они осаду;

113 Но лишь вызволят из осады свой народ, —
Тут же
Их товариществу конец,
А быть жаркой вражде и смертной сече,
Пока меч не решит их спор,
Кто достойней владеть прекрасной дамою.
Таково поклялись бойцы,
А красавица была им заручницею.

114 Хоть была при уговоре и Распря,
Ненавистница перемирия и мира,
И Гордыня,
Несогласная ни к какому согласью,
Но сильнее против них была Любовь,
Недоступная ничьему одолению,
И ее-то стрелы
Отстранили и Гордыню и Распряю.

115 Так в угоду владычице-Любви
Положилось меж соперников замиренье.
Недостало им в ту пору коня,
Ибо конь татарина пал, порубленный,
Но случился к самой стати на прибрежной
Мураве им Роландов Златоузд...
Впрочем, песне уже конец,
И я с вашего дозволения ставлю точку.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ (РИКАРДЕТ)

Песнь XXV

Родомонт, Мандрикард и Доралиса с карликом отправляются к Парижу. В середине — Руджьера настигает гонец от Аграманта. На дальнем плане — Руджьер подъезжает к городу, где ждет смерти Рикардет

Вступление.

1 Ах, как борются в юношеских душах
Жажда славы и страсть любви!
То одна одолевает, то другая,
И доселе неведомо, чья выше мощь.
Честь и Долг
Сильны были в сердцах обоих рыцарей,
Отрешивших любовную вражду,
Чтобы ринуться в помощь осаждаемым,

2 Но сильнее того была Любовь,
Ибо без красавицына приказа
Быть бы буйному бою
До чьего-то победного конца,
И напрасно бы
Ждал подмоги ратный Аграмант.
Знать, не вечно любовь бывает зла:
Инда пагуба от нее, а инда благо.

Мандрикард и Родомонт едут под Париж.

3 Так-то случилось, что оба сарацина,
Недоспорив спор,
Ехали со своею милою дамою
Спасать мавров под городом Парижем,
А при них тот карлик,
По следам похитительного татарина
Лоб в лоб
Выведший ревнивого Родомонта.

4 Выезжают они на зеленый луг,⁴⁸⁵
А на том лугу, над ручьем,
Двое в шлемах, двое без шлемов,
Отдыхают рыцари, и с ними — красавица.
Кто они таковы,
Скажу после, а сперва — о Руджьере,
О Руджьере, который у нас на памяти
Вверг в колодезь свой чудный щит.

Тем временем Руджьер

5 Не отъехал он от того колодезя
И версты, как, глядь, со всех ног
Вслед за ним — гонец,
Зватель витязей в помощь Аграманту,
И доносит тот гонец, что в беде
Сарацины от державного Карла,
И коли не будет подмоги, —
Неминучий им позор или смерть.

6 Разом разные мысли
Ополчились в голову Руджьера,
А довести, которая умней,
Не было ему ни места, ни времени.
И отсылает он гонца во-свояси,
А сам круто сворачивает коня
Все туда же, куда торопит дама,
Не давая ему раскинуть умом.

7 По тому ли по пути на закате
Приезжают они в тот край,
Где владычил средь Франции Марсиль,
Взяв войной его из-под Карловой руки.
Ни у моста, ни у ворот
Ни помехи Руджьеру, ни преграды,
Хоть немало оружного народу

Громоздилось надо рвом и у створ, —

8 Ибо всем была небезведома
Путеводная Руджьерова спутница,
И въезжает Руджьер в градские стены,
Не допрошенный, откуда и с чем.
Едет к площади, там горит костер,
Вкруг костра толпа свирепого люда,
А меж ними — бледный, как смерть,
Обреченный на казнь прекрасный юноша.

9 Как увидел Руджьер его лицо,
Все в слезах, поникшее долу, —
Мнится рыцарю:
Перед ним — лицо милой Брадаманты.
Чем он пристальней глядит в лик и облик,
Тем вернее схожесть,
И он думает: «Или я не Руджьер,
Или это — моя воительница.

10 Верно, пыл души
Устремил ее в помощь обреченному,
Но удача была не с ней,
И я вижу: она схвачена пленная.
Ах, зачем было ей спешить,
Не имея меня споспешником?
Но и то благодарение Господу,
Что поспел я спасти ее из беды».

спасает от костра Рикардета.

11 Он хватает меч⁴⁸⁶
(Копье сломлено у былого замка),
Он бросает коня в толпу,
В бок и в брюхо шпоря на безоружных,
Он кружит клинок
Кому в лоб, кому в щеку, кому в горло;
Толпа с криком прочь, а кто не прочь,
Тот без ног или с разрубленным черепом.

12 Как над заводью в птичий сброд
На беспечном и сытом его приволье
Прянет кречет,
И кого схватил, а кого скогтил,
А вся стая кто куда, кто как смог,
И никто уже друг дружке не дружка, —

⁴⁸⁶ *Копье сломлено у былого замка...* — Имеется в виду поединок у замка Пинабеля. Ариосто прямо не говорил, что копье Руджьера сломалось, но это ясно без слов, так как после схватки с Грифоном Руджьер берется за меч (см.: XXII, 86).

Такова
Эта чернь перед доблестным Руджьером.

13 С непроворных
Ссек он пять, ссек он шесть голов,
Раскроил не меньше того по грудь,
А до глаз и до зубов — неисчетно.
Пусть и не было на темени шлемов,
Но железные были колпаки;
А и шлемы
Сокрушил бы он столько же и так же.

14 Не сравнится моготой с паладином⁴⁸⁷
Ни единый воитель наших дней,
Ни медведь, ни лев,
Ни дубравный зверь, ни заморский,
А лишь тряс земной или Черт Большой,
Не гееннский, а княжеский Альфонсов,
Господину моему в честь
Огнем рушащий землю, море и небо.

15 Что ни удар, то покойник на земле,⁴⁸⁸
Что ни размах, то двое,
А то четверо, а то пятеро,
И уже их сотня и за сотню.
Таков меч у его бедра,
Что сталь ему как мягкое масло;
А сковала этот меч Фалерина
На погибель Роланду в садах Орканьи,

16 В горькую себе же досаду,
Как тот меч порубил тот сад, —
Сколько же порублено и погублено
Тем мечом да в Руджьеровой руке!
Сколько силы, сколько пыла,
Сколько доблести было в паладине, —
Всё он выдал, всё он выложил, всё он выказал,
Чтобы вызволить свою госпожу.

17 Как пред гончей заячье племя,
Такова пред Руджьером чернь:
Сточисленны покойники,
Тьмочисленны беглецы.
А тем временем Руджьерова спутница
Разывает узлы на членах пленника

487 *Черт Большой*. — Gran Diavolo, одно из самых больших орудий в артиллерийском парке Альфонса д'Эсте, кидавшее ядра весом в семнадцать кг. При осаде Леньяно (1510)хватило двух феррарских пушек, чтобы проломить крепостную стену. Одной из этих пушек был Gran Diavolo, другой — Землетрясение (зд. «тряс земной»), однако ни в одном из прижизненных изданий tremuoto не дается с прописной буквы, так что неясно, составляет ли первый член сравнения пару со вторым или Ариосто имел в виду настоящее землетрясение).

488 *А сковала этот меч Фалерина...* — См.: VII, 76. прим.

И спешит к безоружному с оружием:
Щит к плечу, меч в ладонь.

18 За обиду
Он не медлит мстью обидчикам
И такую вскипает силою,
Что отваге его и доблести — хвала.
Лишь когда золотоколесный Феб
Нискатился в западные пучины,
Победительный Руджьер и спасенный юнец
Покидают недружеские стены.

Тот оказывается братом Брадаманты.

19 Только выехав из ворот
И увидев свою жизнь безопасною,
Изъявляет юноша учтиво и вежественно,
Сколь признателен он вызволителю своему,
В смертный спор
Вставшему во спасение незнакомому,
И зовет его назвать свое имя,
Чтобы знать, кому он обязан жизнью.

20 Думает Руджьер:
«Вижу я и лицо и стан и облик
Брадаманты, которую я люблю,
Но не та мне слышится сладость в голосе
И не тот благодарительный лад,
Какой ладен перед верным любовником:
Ежели она — Брадаманта,
То уж ей ли не знать, как я зовусь?»

21 И чтобы узнать наверняка,
Молвит он осторожные слова:
«Не безведомы вы мне,
Но где виданы, того не припамятую;
Если в вас воспоминание живей,
То и вы меня порадуйте вашим именем,
Дабы знать, кого
Довелось мне уберечь от пламени».

22 «Может статься, что вы меня и видывали, —
Отвечает тот, — но когда и где, невесть;
Я ведь тоже странствователь,
Изыскатель несвычных случаев.
Но быть может, то была мне сестра,
Тоже в латах, тоже с мечом:
Вместе мы рождены
И похожи так, что путают родичи.

23 Вы не первый, не второй и не третий,
Не умея нас различить:
Это свыше сил
И отцовых, и братниных, и материных.
Правда, что мои по-мужски
Волосы стрижены и вскудрены,
А ее была голова
Выплетенной увита косою, —

24 Но с тех пор, как в некоторый день⁴⁸⁹
Приняла она рану в голову
(Это долгий сказ!),
И врачующий служитель Христов
Ссек ей пряди по середину уха, —
Рознит нас лишь имя и пол:
Я — Рикардет, она — Брадаманта,
Я Ринальду брат, а она — сестра.

25 А коли не станет вам в доuku,
Я поведал бы вам, какая былъ
Приключилась из-за такого сходства,
Где в начале — радость, а после — скорбь». —
А Руджьеру впрямь
Нет любезнее сказа, слаще песни,
Чем в которых память о милой,
И он просит спутника: «Поведайте!»

Он рассказывает, как в Брадаманту влюбилась Флордеспина,

26 «Довелось, — тот сказал, — моей сестре⁴⁹⁰
Ехать по недалежному лесу,
А была она незадолго ранена,
С непокрытою встретивши головою
Сарацинский набег,

489 *Это долгий сказ!* — Руджьеру нет необходимости его выслушивать, так как он видел, как это случилось: первая встреча его с Брадамантой (Влюбленный Роланд, III, V, 45) закончилась тем, что сарацинский царь ранил Брадаманту, сняв шлем перед Руджьером (ср.: IV, 41, прим.).

Я — Рикардет... — В итальянской эпической традиции младший из сыновей Амона. Французский эпос его не знает: в «Четырех сыновьях Эмона» младшего из братьев зовут Ришар (в «Неистовом Роланде» — Ричардо, Рикард), но именно как младшего именуют ласкательным Ришарден или Ришардет. Французский Ришар превратился в итальянских Риччардо и Риччардетто согласно принципу удвоения персонажа, хорошо знакомому всякой длительной эпической традиции. Что касается спасения Рикардета Руджьером, можно вспомнить, что казнь грозила Ришару в «Четырех сыновьях Эмона», а в «Морганте» Пульчи Ринальд подоспел на выручку Риччардетто, уже взведенному на эшафот.

490 *«Довелось, — тот сказал...»* — Начало рассказа Рикардета (26 — 30) резюмирует начатый, но не доведенный до конца сюжет «Влюбленного Роланда» (III, VIII, 62 — 66; IX, 3 — 25).. Ведущий мотив основной части (сходство с сестрой как средство, выдав себя за женщину, проникнуть к возлюбленной) новелла о Рикардете и Флордеспине разделяет с элегической комедией XII в. «Альда» (ее автор Вильгельм Блуаский). Мотив любви женщины к женщине и полового превращения (у Ариосто ложного) восходит к рассказу Овидия об Ифис (Метаморфозы, IX, 666 — 797). Многочисленные реминисценции из жалобы Ифис - в жалобе Флордеспины.

И врачуя ту недобрую рану,
От беды снесла красу с головы,
И вот ехала по дубраве стриженная.

27 Ехавши, приспела она к ручью
И по долгому своему утомлению
Сходит наземь, снимает шлем,
И ложится, и дремлет в тени на травке.
Никакая сказка
Не затейливей, чем такая быль,
Ибо привелась тогда в те места
Флордеспина, испанская охотница.

28 Смотрит, видит мою сестру,
Стан в доспехе, лицо открыто,
Рядом меч, а не бабье веретено,
И решает, что это юный рыцарь.
Ясный лик и мужественная стать
Привораживают девичье сердце,
И зовет она сестру на охоту,
И заводит в отдаленную сень,

29 И уверяюсь, что никто не помеха
Им двоим,
То словами она, то манованиями
Изъявляет томленье своей души,
Жарким взором, пылким вздохом
Обнажает сердце, в котором рана,
То бледнеет, то вспыхивает, и даже
Подвизается сцеловать поцелуй.

30 . Тут поняв сестра,
В каком красавица заблуждении,
И не могли быть ей надобной помощью,
Трудными раздумьями тревожит ум:
«Лучше, — рассуждает она, —
Мне отринуть ложное ее мнение
И явить себя благородною дамою,
Нежели мужчиною о низкой душе».

31 И воистину, низменная душа,
Каменному вместная истукану, —
У того, кто, повстречав на пути
Даму, слаще нектарного налива,
Поведет с ней речь
Свесив крылья, как сонный филин;
И учтиво поведывает сестра,
Что она родилась девицею,

32 Что она из Арзиллы,⁴⁹¹

491 ...она из Арзиллы... - См.: XIV, 23, прим. Брадаманта выдает себя за сарацинку.

Ипполита - В греческой мифологии царица амазонок, сражавшаяся с Гераклом и Тесеем.

Вставшей на африканском берегу,
И отмлада со щитом и копьем
Ищет славы Ипполиты и Камиллы.
Но ни малой искрою
Не угасла красавицына любовь,
Слишком поздно
Влилось снадобье в глубокую рану.

как она страдала,

33 Не померкло ей милое лицо,
Милый взор, милые повадки,
Не устало пронизанное сердце
Ликовать о возлюбленных очах.
Видевши пред собою мужчину,
Она чаяла сбытности вожделений,
А помывливши его женщиною,
Страждет, стонет и взрыдом точит слезы.

34 Слыша такие слезы,
Кто бы устоял от слез?
«Слыханы ли-де муки,
Говорит она, — злее, чем мои?
Чистая ли любовь, черная ли любовь,
Каждой есть постижная цель,
Роза, чтобы вырвать из шипьев, —
Лишь моим желаниям нет исхода!

35 Ежели, о Амор,
Ты досаден мстить мне за счастье мукою, —
Не довольно ли было пыток,
Пытанных на иных влюбленных?
Ни люд, ни зверь
Женством не вождедеют женства —
Ни дама не пара даме,
Ни агница агнице, ни лани лань.

36 Мне единой такая казнь⁴⁹²
По сей суше, зыби и тверди,
Чтобы крайний явить пример
В моей участи сей твоей могучести.
Страстью к сыну черна Семирамида,
К отцу — Мирра, Пасифая — к быку,
Но мое желанье еще безумнее.

Камилла. — См.: XX, I. прим.

492 *Страстью к сыну черна Семирамида...* Перечисляются персонажи античной мифологии, повинные в противоестественных любовных связях: *Семирамида* — легендарная царица Ассирии и Вавилона, совершила инцест с сыном и оправдала его законом; *Мирра* — дочь кипрского царя Кинира, родившая Адониса от кровосмесительной связи с отцом; *Пасифая* — жена Миноса, мать Минотавра, зачатого от быка.

37 Каждая пылая о мужском,⁴⁹³
Видела пыланью предел,
И одна его нашла в срубной телке,
А другая и третья в другом и третьем;
Но слети ко мне сам острый Дедал,
Он не смог бы умом рассечь узла,
Каковой мне выплела всемогущая
Природа, искуснейшая искусных».

38 Так сдается, так сохнет, так стонет,
И покоя ей нет и нет:
Бьет в лоб, рвет кудри,
И сама себе ищет мстить.
А сестра моя делит ее горе,
Проливает плач сострадания,
Тщится вызволить деву из тщетной страсти,
Но без проку напрасные слова.

как гостила у нее Брадаманта,

39 Не словами бы ей помочь —
Но все больше боль и жесточе жалобы.
А уже у края
День под красным закатным солнцем,
И уже пора восвояси,
Кто не хочет ночь ночевать в лесу.
Приглашает красавица Брадаманту
Погостить в свой недалний край.

40 Не умела сестрица отказать,
И вдвоем они явились в тот самый
Город, где злодейская чернь
Меня бросила бы в пламя, кабы не ты.
И в том городе прекрасная Флордеспина
Оказала сестрице привет и ласку,
Разодевши, однако, женским платьем,
Дабы всем было зримо, что это женщина.

41 Для себя от рыцарского ее облика
Никакого уже не чая прока,
И чтобы никто
Попусту не молвил дурного слова,
Помышляла еще она
Зло в душе от вида мужского платья

493 ...в срубной телке... — Пасифая соединилась с быком, поместившись внутрь коровы, изготовленной из дерева Дедалом.

Дедал. — В греческой мифологии непревзойденный строитель и изобретатель, создатель критского лабиринта, крыльев и пр.

Видом истинного наряда
Выжечь вон.

42 Общее у них ночью было ложе,
Да необщий сон:
Одна спит, другая плачет и стонет,
И всеминутно жарче ее пожар.
А и тронь ее очи сон,
Этот краткий сон тяжел видениями:
Мнится ей, что бог
Изменил Брадаманту в лучший пол,

43 И как хворому,
В жгучей забывшемся жажде,
Видится в прерывистой дреме
Вся когда-то им виденная влага,
Так и ей сновидные образы
Предносят увеселение желаний,
И она просыпается, тянет руки,
И опять осязает, что сон был сон.

44 Сколько ночью восслано молитв
К Магомету и всем богам,
Чтоб явимым чудом
Обратили подругу в сильный пол!
Но тщетно:
Небеса лишь смеялись над обетами.
Ночь прошла, и раскинул светоносные
Кудри над пучиною Феб,

45 День настал, покинуто ложе,
И с того Флордеспине еще больней,
Что, спеша Брадаманта от напасти,
Ей уже сказала свое «прости».
Дарит в дар Флордеспина отъезжающей
Невеликого шпанского жеребца,
Всего в золоте, и налатный плащ,
Знатно вышитый собственной иглою.

как рассказала о том дома

46 Проводив ее толику пути,
Флордеспина плачется во-свои,
А сестра впоспех
Возвращается в Монтальбан еще засветло
К вящему ликованию
Бедной матери и братскому нашему,
Потому что давно не знав вестей,
Мы уже о ней страшились, жива ли.

47 Шлем с чела, мы дивимся, каковы
Стали стрижены прежние косы,
И дивимся, видя,
Что налатный плащ стал заморского тканья;
А она в ответ поведывает,
Что поведал вам и я, от начала до конца:
И как ранена,
И чтоб рану исцелить, сняла волосы;

48 И как, спавши на водном берегу,
Повстречала прекрасную охотницу,
Как, пленясь та мнимым ее обликом,
Пристрастилась к ней от свитных своих;
Не смолчала, мучима угрызениями,
Как та плакалась
И как приняла ее в эту ночь
И все прочее, по самый час возврата.

как он, Рикардет, выдал себя за Брадаманту,

49 А Флордеспина мне была не безведома,
Видевшись и в нашей и в испанской земле,
И немало жгли мою страсть
Ее ясные очи и нежные ланиты.
Но укрепы я тому не давал,
Ибо страсть без надежды есть вздор и бред;
А теперь, как вскрылась такая явь,
Вдруг и вспыхнуло то прежнее пламя.

50 Мне любовь выплетает вязь надежд,
Вязь надежд из небывалых нитей,
Вяжет душу и кажет думе
Путь достигнуть того, чего ищу,
А на том пути сподручную хитрость:
Ежели подобство мое с сестрой
Столь и стольких ввело в обман,
То не ввесть ли в обман и эту даму?

51 Отважиться? не отважиться?
И мне кажется:
Что к любви — то всегда и благо.
Никого не спросясь, ни с кем не сверясь,
Вот иду я ночью,
Беру сестрин доспех и меч,
Вывожу ее коня, и в дорогу,
А до зари еще далеко.

52 Еду целую ночь (любовь — вожатый!),
Чтоб достичь до красавицы Флордеспины,
Приезжаю, а еще и солнце

Не сокрыло в океане свой свет.
Все наперегон
Со всех ног спешат с вестью к королевне,
Каждый радуясь за добрую весть
Быть обласкан и уйти не без дара.

53 И как ты, так все
Привечают меня за Брадаманту,
Да и видя латы и скакуна
Те, что были при вчерашней отъехавшей.
А невдолге и сама Флордеспина
Празднично и нежно
Предстает с такой радостью в лице,
Что светлее и веселее не видывано.

54 Белыми обымает руками,
В самые лобызает уста, —
Суди сам, не стрелою ли и не в сердце ли
Поражает меня Любовь?
Берет за руку, и вводит в покои,
И от шлема до шпор
Своеручно съемлет с меня доспех,
Никого не допустив из служителей.

55 А потом повелевает внести
Свои платья отменные, драгоценные,
Простирает их своєю рукой, облачает меня женой,
Златонитною сеткою кроет волосы;
Я пристойным взором вожу вокруг,
Каждым знаком являю себя дамою,
Исхищряю голос,
Чтобы он мне не сделался уликою.

56 Мы идем в нарочитые палаты,
Многолюдные дворянством и дамами,
Здравствуют нас великими почестями,
Что подстать царицам и вельможицам;
Посмеялся я здесь не раз,
Что иные, того не ведая,
Каков лих я под платьем молодец,
Взмеривали меня похотливыми взглядами.

57 Как зашла уже предпоздняя ночь,
И впустило славное их застолье,
Где отменная по времени года
Громоздилась брашная снедь,
То, не ждав моя красавица просьб
О том, ради чего мое явление,
Сама просит меня с отличным вежеством
В. эту ночь возлечь рядом с ней.

сочинил историю чудесного своего превращения в мужчину

58 Вот расходятся дамы и девицы
И отроки и все дворские чины,
И вдвоем возлегши на ложе
В свете факелов, горящих, как день,
Завожу я речь:
«Госпожа,
Не дивитесь сему скорому возврату,
Хоть и мнилось вам
Не увидеть меня до неведомо когда.

59 Но сначала мой сказ об отъезде,
А о возврате — своею чередой.
Ежели бы я могла,
Здесь умедлив, утишить ваше пламя,
То не знать бы мне иного желанья,
Чем при вас и жить и умереть.
Но как стало умедленье мое вам мукой,
Рассудила я, что лучше уйти.

60 А судьбина меня сбила с тропы
В глухой лес под густые ветви,
И оттуда вдруг слышится мне крик,
Словно женщина кричит: «Помогите».
Поспешаю, а там светлое озеро,
И оттуда леший большим крюком
Тащит на берег нагую девицу
Не иначе, чтоб сожрать ее заживо.

61 Какая от меня ей помога?
Подлетаю и стальной рукой .
Вынимаю душу из рыболова,
А красавица всплеснулась в волну
И гласит: «Небесследна твоя услуга —
Вдоволь
Что захочешь, то и получишь,
Ибо я — нимфа здешних чистых вод,

62 Ив моем предивном могуществе
Все стихии всего естества:
Попроси, что в силах,
И оставь мне заботу удовлетворить.
Моей чарою месяц сходит с неба,
Воздух тверд и огонь — как лед,
И от малого моего словца
Земля двинется и застынет солнце».

63 Не прошу я по такому предлогу
Ни золота, ни угодий, ни подданных,
Ни сил, ни доблести,

Ни почестных побед,
А прошу я того лишь единого,
Что могло бы исполнить вашу страсть:
Ничего-де иного мне не надобно,
И на том предаюсь вам на произвол.

64 Еле вняв такие слова
Она вновь опускается в волну
И вдруг брызжет в меня водною влагою,
А та влага была чародейная,
И едва вскропилось ею лицо,
Чую чудо, что я уже не та:
Вижу, чувствую, сам себе не верю —
Была женщина, а сделался муж.

65 И я в вас не чаял бы веры,
Но могу предъявить, что это так,
Ибо вмиг я готов для вас на все
Как в девическом поле, так и в мужеском:
Повелите —
И мои желания встретят ваши». —
Так сказав, доставляю ей самой
Осязать рукою мою истину.

и слюбился с Флордеспиною.

66 Как лишась последних надежд
О предмете чаянном и желанном,
Без которого много было слез,
И стремления, и томления, и мления,
Вдруг достигнешь, чего искал,
И такая тогда берет тоска,
О тщетах, посеянных на песке,
Что стерявшись, сам себе не веришь, —

67 Так моя красавица,
Осязая и видя вожденное,
Ни перстам, ни очам, ни уму
Не верила и не знала, не спит ли,
Иного взыскуя испытания,
Чтоб уведаться вьявь: что есть, то есть.
«Ежели, — восклицает, — это сон,
Даруй, Господи, вовек не очнуться!»

68 То не трубный гул, не барабанный бой
Дали знак к любовному ратованию,
А лобзательный голубиный ворк
Нас вызывает ко приступам и отступам.
То не лук, не пращ,
То без лестниц взлетел я на твердыню

И вонзил свой стяг,
Поборая простертую поединщицу.

69 Где на ложе лишь ночь тому назад
Исторгали стенания и вздыхания,
Нынче ласки, игры, см[^]х, радость, сладость,
Никому иному не подстать.
Как вьющийся плющ
Оплетает колонны и стропила,
Так сплелись и слились меж ней и мной
Руки, губы, груди, плечи, бедра, ноги.

70 Несколько сладких месяцев
Сокрывалась наша любовь,
А потом до нее некто дослышался
И довел до самого короля;
И от той беды
Ты и спас меня из костра на площади.
Вот тебе и ведомо все, что сдеялось,
А печали сей свидетель бог».

Рикардет с Руджьером узнают,

71 Таковою повестью⁴⁹⁴
Коротал Руджьеру Рикардет
Ночной путь вверх и вверх большой горы,
Обрывавшейся каменными обрывами,
А меж скал была тугая тропа,
Отворяя трудную кручу,
Где ввыси стоял замок Агрисмонт,
Соблюдаемый Альдигьером Клермонтским.

72 То пригульный сын славного Бовы,⁴⁹⁵
Сводный брат Малагиса и Вивиана,
А совсем не законный сын Герарда,
Как о том слывут пустые слова.
Чей бы ни был,
Он удал, умен, вежествен, учтив,
И прилежно печется о братнем замке
День и ночь.

494 *Алдигьер*. — Персонаж итальянской эпической традиции. Согласно «Морганту» Пульчи, крещеный сарацин (см. ниже), по приезде во Францию убит Ганелоном.

495 *Бова*. — Буово д'Агрисмонте (Бев д'Эгрмон), персонаж Каролингова цикла (имеется в «Четырех сыновьях Эмона»), брат Эмона (Амона), Жирара Руссильонского и Доона Нантейльского, мятежный вассал Карла, убит Ганелоном.

Малагис. — См.: XI, 4, прим.

А совсем не законный сын Герарда... — Неясно, с кем Ариосто ведет эту генеалогическую полемику. Пульчи (Моргант, XX, 105), действительно, считает Алдигьера сыном Герарда (Жирара Руссильонского), но не законным, а рожденным во внебрачной связи с сарацинкой Розаспиной.

73 Двоюродного своего Рикардета,
Как родного, приветил Альдигьер,
А по нем и Руджьеру
Честь, почет и любезности.
Но не весел гостеприимен; гостям,
И чело его несвычно опечалено,
Оттого что принеслась ему весть,
От которой темно в лице и сердце.

что Малагису и Вивиану грозит смерть.

74 Вместо слов приветя⁴⁹⁶
Говорит он Рикардету: «Не с добром
К нам приспел заведомый вестник
Что злодей Бертолагий из Байонны
Вошел в сговор
С лютою басурманкою Ланфузою,
Что за многие дары она выдаст ему головой
Наших братьев Малагиса и Вивиана.

75 Как их взял ее сын Феррагус,⁴⁹⁷
Так держала она их в тьме и низости
Много дней до сего черного сговора
С тем, о ком недобрая речь.
Завтра
В полпути меж Байонною и темницею
Майнцский князь сам предстанет взять за откуп
Благороднейшую франкскую кровь.

76 Повестить о том нашего Ринальда
Я послал гонца во всю скачь,
Но едва ли он доспешит,
Ибо путь велик, а время малое.
А мне не с кем восстать на супостата:
Дух бодр — сил нет,
Что тут смолвить, что тут сделать, не ведаю:
Ведь изменник, залуча их, казнит».

496 *Бертолагий*. — Далекий эпический прототип этого персонажа — Бертоле, его в «Четырех сыновьях Эмона» убивает Рено (Ринальд) в ссоре за шахматной доской и это убийство служит завязкой всех сюжетных перипетий поэмы.

Ланфуза. — См.: I, 30. прим. В «Испании», итальянской поэме XV в., знакомой Ариосто, выступает как тюремщица всех французских баронов, побежденных Феррагусом.

497 *Как их взял ее сын Феррагус...* — Ариосто имеет в виду эпизод «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 60 — 61), где Малагис напускает на Родомонта и Феррагуса полчище демонов, но те шутя справляются с ними, берут в плен волшебника вместе с братом и отправляют их к королю Марсилию, осаждающему Монтальбан.

Руджьер вызывается их спасти,

77 Рикардету в досаду злая весть,
А по нем и удалому Руджьеру.
Видя, тот молчит и другой молчит,
Думу думают, а дела не делают,
Говорит он с великою горячностью:
«Вверьте это мне
И ни слова: вернее сот и тысяч
Спасет узных один мой меч,

78 Ни спутников, ни пособников
Не желаю, а выхожу, как есть,
Лишь прошу вожатого
До межи, где преступный торг;
И кто будет в том торгу,
Так поплачет, что доселе услышится».
Так сказал он, а двое слышали:
Рикардету не внове и не в диво,

79 А хозяину таково было слушать,
Словно шуму много, а проку мало;
Но как вымолвил ему Рикардет,
Что Руджьер извел его из огня,
И что пуще любой хвальбы
В верный час быть верному делу, —
Тут и он по-иному клонит слух
И сугубым чтит его почтением.

80 И сажает гостя в господский верх за почестный стол,
Полный яств, как из рога изобилия,
И тогда-то ни в ком уже сомнений,
Что он вызволит узников один за всех.
А по ужине томный сон
Осняет застольных и прислужных;
Лишь один
Бдит Руджьер, бередимый тяжкою думою.

а потом ехать на помощь Аграманту,

81 Не выходит у него из души
Весть гонца об Аграмантовом злополучии:
Видит он, в какой встанет ему позор
Каждый малый час промедления,
Сколько скверны, сколько срама
Быть с врагами своего короля!
Хоть прими он крест —
Скажут: трусость, и скажут: подлость.

82 В иной час все и рады бы признать,
Что подвигся он истинною верою,
Но теперь,
Когда ждет его в осаде Аграмант,
Всем взомнится,
Что не вера была тому виной,
А испуг взбудил в нем малодушие;
И в душе его надлом и растрва.

83 Но зазорно ему уйти,
Не спросив дозволения владычицы,
И вот гнется сомнительное сердце
Меж дум и дум.
Было в нем неверное чаянье
Обрести ее в замке Флордеспины,
Где они вдвоем
Умышляли выручить Рикардета;

84 А теперь он припомнил, что сговорено
.Им найтись в обители Валломброзы,
И что, верно, она уже и там,
И дивится, не встретивши любезного.
Повестить бы ее скорей
Хоть изустно, хоть писаною грамотою
Не роптать, что, нарушив обещание,
Не сказавшись отъехал в маврский стан!

85 Перемерив мыслью и так и сяк,
Он решил, что он о всем и напишет,
А что слать письмо не ведомо, с кем,
Не беда: в пути
Кто-нибудь надежный да отыщется.
И он вмиг с постели прочь, и велит
Дать бумагу, перо, чернил и света.

Об этом он пишет письмо Брадаманте

86 Расторопные и послушливые
Несут слуги Руджьеру все что надобно;
Начинает он писать —
Во первых строках должны приветствованья,
А потом о гонцовой повести,
Что-де царь спрашивает подмоги,
И не будь он быстр,
Царю смерть или плен в руках у недруга.

87 И в такой отлуке
Пред таким взыванием
Откажи он — и сама посуди,
Сколь нещадной он взмерится хулою, —

Между тем, как, желая быть ей муж,
Он бы должен блюстись от всякой скверны,
Ибо ей, чистейшей,
Ничто мерзкое рядом не пристало.

88 Как досель, творя честные дела,
Он искал себе доброго имени,
А стяжав,
Вновь искал не лишиться дорожимого, —
Так он нынче усилюется вдвойне,
Деля славу с суженою женою, —
В розном теле
Едина душа.

89 Он твердит ей на грамотном листе,
Что не раз уже тверживал изустно:
Доживи он, чтоб минул срок
Верной клятве королю Аграманту, —
И он примет святое крещение,
Как на то уже давно его воля,
И тогда-то испросит ее руки
У отца, у Ринальда и всех, кто в роде.

90 А покамест, — он пишет, — «допустите
Меня выручить моего господина,
Чтобы смолкла невежественная чернь
И не баяла неподобные басни,
Что Руджьер-де, пока попутный ветер,
С Аграмантом дневал и ночевал,
А лишь Карл взял верх,
Он и вскинул знамена вслед удачнику.

91 За пятнадцать ли, за двадцать ли дней,
Африканский вал
Я избавлю от насевших теснителей, —
А потом справедливейшие измышлю
Уважения, чтоб уйти навсегда.
Ради чести моей, не обессудьте —
И вся жизнь моя по гроб лишь для вас!»

92 Таковыми словами и подобными,
Невпросказ моему перу,
И писал Руджьер, и писал,
Пока лист не дострочился до края,
А потом согнул, а потом замкнул
И укрыл запечатанный за пазуху,
Без сомненья, что сыщется дорожный
Снести грамоту в красавицыны руки.

93 И замкнул письмо, и сомкнул⁴⁹⁸

Вежды на опочивальном ложе,
И нисшедший сон на усталый стан
Веет веткою летейские росы,
Пока облако алое и белое
Не осеяло цветами светлый восток,
И из золотого покоя
Встал день.

и утром отправляется в путь.

94 А как птицы в зеленых стаях
Вспели встречу новой заре, —
Альдигьер,
Вызвавшись Руджьеру с товарищем
Быть вожатым туда, чтоб двое братьев
Не достались злодею Бертолагию,
Вмиг встал, бодр,
А за ним и оба его спутника.

95 Вздевши платья, вздевши брони,
Выезжают три рыцаря в единый путь,
Ибо тщетно просил Руджьер двоюродных
Уделить это дело лишь ему в удел, —
По любви ли к братьям,
По заботной ли вежественности,
Но сказали они одноборцу «нет»,
И на том были тверже камня.

96 Доезжают они до самого места,
Где назначен Малагису промен,
А то место была праздная степь,
Вся в расстил под солнцевыми лучами,
И на ней ни лавра, ни мирта,
Ни кипариса, ни ясеня, ни явора,
А пустой песок да кривой кусток,
И вокруг не пахано и не сеяно.

97 Где по степи вырезалась тропа,⁴⁹⁹
Там и встали три лихие воителя
И глядят, а навстречу паладин,
Латы в золоте, а щит в зелени,
А по зелени та чудная птица,
Что является раз в сто лет..
Но ни слова более, государь:
Вижу песне конец и прошу роздыха.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Л. Андреев АРИОСТО И ЕГО ПОЭМА

1

Лудовико Ариосто родился в Реджо-нель-Эмилия летом 1474 г. 8 сентября новорожденного крестили. Лудовико — первый из десяти детей, которых Дария Малагуцци подарила своему мужу Никколо Ариосто, графу Священного Латеранского дворца и Священной Римской империи. Брак был заключен годом раньше. Мать Ариосто — уроженка Реджо, отец с начала 1472 г. служил в Реджо в должности начальника гарнизона.

Родоначальником семейства считается некий Альберто из замка Риосто близ Болоньи, живший в XI — XII в.⁵⁰⁰. В XIV в. несколько болонских Ариосто переселились в Феррару; в частности, за «красавицей Липпой» (о которой Лудовико вспоминает в XIII песни «Неистового Орландо»⁵⁰¹), любовницей, а затем женой маркиза Обиццо III д'Эсте, последовали ее братья и сестры. В Ферраре у болонских переселенцев появилось многочисленное потомство: та генеалогическая ветвь, которая проводит к Лудовико, берет начало от Коло из посада Сан-Романо, жившего в конце XIV в. (двоюродного брата «красавицы Липпы»). Среди предков Лудовико были нотариусы, судьи, правоведы. Некоторые из них занимались на досуге поэзией и изящными искусствами. Один даже побывал в учениках у Гварино Веронского. Многие служили при дворе феррарских маркизов. Семейство в Ферраре заметное, хотя и не из первых.

Впрочем, иногда это бывало не препятствием, а преимуществом. В условиях непрочного равновесия сил, определявших политическую обстановку в Италии XV в., правитель Феррары или Неаполя или Милана не мог иначе как с некоторым подозрением относиться к аристократу по крови и наследству, особенно если наследство крови подкреплялось родовым замком где-нибудь на границе. Нужно было постоянно считаться с тем, что этот номинальный подданный захочет вдруг поменять подданство и заодно передвинуть границу. Таким бельмом в глазу у феррарских герцогов был на протяжении нескольких десятилетий Альберто Пио ди Карпи, друг Лудовико и его однокашник. От Ариосто, недавних феррарских жителей, подобной опасности не исходило.

Никколо, отец Лудовико, сделал карьеру при герцоге Эрколе I, доказав ему преданность в ситуациях непростых и небезопасных. Власть Эрколе в 1471 г., когда он наследовал своему единокровному брату Борсо, была не слишком прочной: со смерти их отца, маркиза Никколо III, минуло уже тридцать лет, и все эти годы в Ферраре правили незаконные сыновья маркиза, сначала Леонелло, затем Борсо. Законные, и Эрколе, старший из них в том числе, находились в своего рода почетном изгнании. Нарушение династического права имело, таким образом, значительный срок давности и само уже фактически стало правом. Именно на нем основывал свои притязания Никколо, сын Леонелло (и тем самым племянник Эрколе), вступивший в открытую борьбу с дядюшкой. Эту борьбу новопоставленный герцог выиграл, но Никколо, укрывшийся при мантуанском дворе, продолжал оставаться постоянной и весьма серьезной угрозой. В этот момент герцог вспомнил о Никколо Ариосто.

Дело в том, что Ариосто был фигурой очень удобной. С одной стороны, феррарец и корни его в Ферраре, с другой стороны, уже в течение девяти лет он почти постоянно жил в Мантуе, и жалованье ему платили и Эсте и Гонзаги — оплачивая информацию, которую он поставлял обоим дворам. Вместе с тем в выборе Эрколе заключалась немалая доля риска:

500 *Catalano M. Vita di Ludovico Ariosto. Geneve, 1931. V. II. P. 369.*

501 Все собственные имена, содержащиеся в поэме, в том числе имя заглавного персонажа, даются в статье в соответствии с теми нормами написания, которые приняты в современной филологической традиции (Орландо, а не Роланд) — в переводе принят другой принцип, о котором см. заметку от переводчика.

Ариосто мог согласиться, но мог и вспомнить о жалованье, которое ему шло от мантуанских маркизов. Ариосто согласился: взял на себя организацию заговора, нашел наемных убийц, послал им оружие и яд. Никколо д'Эсте чудом избежал смерти (и потом еще в течение пяти лет досаждал Эрколе, пока не попал к нему в руки и не был казнен), покушавшиеся были четвертованы, а для Никколо Ариосто путь в Мантую стал навсегда отрезан. Но благодарность герцога он себе обеспечил.

Видимым ее знаком и стало назначение в Реджо, где Никколо провел восемь лет, обзавелся семьей, родил нескольких детей и плотно набил кошелек. Репутацию человека, который о себе не забывает, Никколо привез в Реджо, оправдал и продолжал оправдывать на всем протяжении карьеры. Самым ярким ее доказательством стало пребывание Ариосто в должности судьи Коллегии мудрых (высший фискальный орган герцогства): спустя полтора года после его вступления в должность (январь 1486 г.), в один июньский день стены феррарских домов оказались заклеены летучими листками, в которых деятельность почтенного магистрата аттестовывалась весьма нелестно и в выражениях далеко не парламентских. Надо, правда, признать, что сама по себе фискальная политика Эрколе была крайне жесткой и ее проводники популярностью у феррарцев не пользовались: в том числе и такие известные гуманисты и поэты, как Тито Веспасиано Строцци и его сын Эрколе. Оба они побывали в той же должности и не без урона для своего доброго имени. Тем не менее никто не снискал столь единодушной ненависти, как отец поэта. В 1488 г. герцог вынужден был его отставить.

В праздности, однако, Никколо долго не пребывал. В следующем году он поехал капитаном в Модену, где его встретил очередной выпуск обличительных сонетов. В 1496 г. последовало назначение комиссаром Романьи — одна из самых прибыльных должностей в герцогстве. Но не прошло и года, как он был вновь уволен — на этот раз за превышение власти, с громким скандалом и с немалым уроном для кошелька. Нового назначения пришлось ждать долго. Лишь в 1499 г. ему доверили (вторично) войсковое казначейство, и год спустя он умер.

17 июня 1500 г. помечен нотариальный акт, согласно которому Лудовико, старший сын, принимал на себя обязанности главы семейства. Обязанности были не только и не столько моральными. Никколо Ариосто располагал многочисленными и разнообразными источниками дохода, но расходы у него были не менее многочисленны, а, главное, доходы не были обеспечены сколько-нибудь значительной земельной собственностью, т. е. чем-то надежным и постоянным. Наследства в собственном смысле он не оставил. Пока граф Никколо был жив, дети его могли не тревожиться о хлебе насущном. С его смертью благосостояние семейства приходилось создавать сызнова, фактически на пустом месте.

С чем же пришел Лудовико к этой новой и неведомой ему ответственности и какими возможностями он располагал? Во-первых, конечно, церковная карьера: к этой возможности мы еще вернемся, но пока Лудовико о ней серьезно не думал. Во-вторых, весьма доходные и довольно почетные занятия правом, будь то суд, нотариат и прочее в том же роде: в пользу этой возможности говорила и довольно прочная семейная традиция и что-то похожее на личную склонность. Во всяком случае, в октябре 1489 г. Лудовико поступил на юридический факультет Феррарского университета и проучился там пять лет. Однако последние годы, как он сам впоследствии признавался, его удерживала среди правоведов лишь требовательность отца и страх вызвать его неудовольствие. Но удержать не смогли. Лудовико вышел из юридического факультета без диплома, звания и права не только занимать должности, связанные с законоведением, но и просто подвизаться в качестве ходатая. Наконец, придворная служба. Мы видели на примере Никколо Ариосто, какого рода служба требовалась феррарским герцогам. Вопрос в том, требовалась ли им какая-нибудь другая.

Положение герцогства на исходе XV в. в политическом плане было очень трудным. Если властители Феррары стремились прибрать к рукам мелкие феодальные владения на своих границах, и все эти Карпи, Мирандолы, Сан-Чезарио выживали до поры до времени лишь благодаря многообразию и многогранности политических интересов, скрещивавшихся

на их замках, то и сама Феррара, зажата в тиски Римом, Миланом, Венецией и Флоренцией, мало чем от них отличалась. Ей вполне реально угрожала участь Вероны, давно уже поглощенной Венецией, Болоньи, захваченной уже на глазах Ариосто Римом, Сиены, вошедшей несколько позже в герцогство Тосканское — участь малых итальянских республик и синьорий. Открытой борьбы с соседями Феррара выдержать не могла: Эрколе это показала «соляная война» (1482 — 1484), во время которой он видел венецианские суда прямо под стенами своей столицы. С тех пор в войны он не ввязывался — смирился с территориальными потерями (Ровиго), убогаторил агрессивный Борджиев Рим династическим браком (наследник Альфонс и Лукреция Борджа), играл на балансе сил и строго придерживался нейтралитета. Его вместе с миланским Моро считают главным вдохновителем первого французского похода в Италию, открывшего эпоху итальянских войн — для поддержания баланса понадобилась и заальпийская сила. Но и тогда Феррара осталась вне схватки: открыла свою территорию для прохода войск Карла VIII, а герцог умудрился после успеха антифранцузской коалиции, к которой он не примкнул, присвоить себе роль всеитальянского арбитра. Альфонсу, сменившему отца на герцогском престоле, терпения для такой игры не хватало, он был воин, гордился своей артиллерией (и у него были для этого все основания), сполна рассчитался с венецианцами, но зато потерял Модену и Реджо и трижды при трех папах оказывался на волосок от того, чтобы лишиться и Феррары. Трудно сказать, кто рисковал больше, отец или сын, но риск имел оправдание до тех пор, пока Риму можно было противопоставить Венецию, а империи — Париж. Д'Эсте традиционно ставили на Францию (против Рима), но старались прислужиться и к Карлу V, когда же Францию окончательно вытеснили с Аппенин, участь Феррары была решена: она отошла к папам, что случилось, правда, когда Ариосто уже давно лежал в гробу.

Нельзя сказать, что все силы и средства герцогства уходили на то, чтобы выстоять и выжить. Культурой властители Феррары также не пренебрегали. Молодой Феррарский университет стал к концу XV в. одним из заметных в Италии. Жива была память об образцовой гуманистической школе Гварино да Верона, через которую за тридцать лет прошло несколько поколений феррарцев. Облик Рима еще определяла средневековая базилика, а Феррара уже застраивалась по единому градостроительному плану, и перспективу широких улиц венчали первые ренессансные дворцы. Но меценатства ради меценатства в Ферраре не было. Поэтов не изгоняли, но жалованье им платили не за стихи: служба Боярдо, служба отца и сына Строщи была отнюдь не синекурой. Герцоги хотели иметь от культуры практическую пользу: поэтому архитекторов они ценили больше, чем поэтов,

В годы юности Лудовико культурный облик Феррары определяли две равносильных тенденции: яснее всего их демонстрирует каталог герцогской библиотеки и праздничная хроника герцогского двора. Со времени правления Леонелло, прошедшего выучку у Гварино Веронского, книгохранилище д'Эсте мощно пополнилось кодексами классиков, но далеко не иссяк издавна питавший его поток французских рыцарских романов и итальянских рыцарских поэм. Двор Эрколе — первый итальянский двор, при котором, начиная с 1486 г., регулярно играется античная комедия: до 1503 г. на герцогской сцене прошли 13 комедий Плавта и 2 комедий Теренция, иные по нескольку раз («Два Менехма» пятикратно). С другой стороны, не меньше было и рыцарских турниров: тут тоже замечается регулярность, не известная ни одной итальянской синьории. Иначе говоря, Феррара, взятая в аспекте ее официальной культурной политики, была сопричастна в равной мере и итальянскому процессу возрождения античной художественной классики и общеевропейскому рыцарскому ренессансу, сказавшемуся в XV в. повсеместным учреждением рыцарских орденов (Подвязки, Золотого Руна и пр.), переносом в реальную практику чисто литературных моделей поведения (в частности, рыцарского странствия), небывалым расцветом геральдики и этикета и вообще торжеством парадной рыцарской формы. Будущая судьба Ариосто как комедиографа и рыцарского поэта уже угадывается в этом двуедином облике феррарской культуры.

Пока же Лудовико продолжает учиться: бросив правоведение, он не оставил университет и еще два года (1494 — 1496) провел на факультете искусств, где его наставником был Грегорио да Сполето — под его водительством он постиг все тайны золотой латыни, и в литературе Рима для него не осталось темных мест. Внезапный отъезд учителя остановил его на подступе к языку классической Эллады, греческим он так и не овладел, ограничившись самыми начальными сведениями. Одновременно он пробует свои силы как актер и в 1493 г. едет с герцогской труппой в Павию, где она дает несколько представлений. К этому времени относятся и его первые дошедшие до нас поэтические сочинения: латинские оды, эпитафии, элегии, вращающиеся в кругу образов, тем и форм римской поэтической классики. В 1497 г. Лудовико вошел в число герцогских стипендиатов.

После смерти отца он некоторое время продолжает службу у герцога и в 1502 г. едет капитаном в Каноссу — это было прямым повторением отцовской карьеры. Каносса, конечно, не Модена, но с чего-то надо было начинать. Однако начинать Лудовико как раз и не хотел. Как он сам впоследствии признавался и как доказывал, что гораздо убедительнее, своим выбором в ситуациях достаточно ответственных, чины и должности его не привлекали. Он уже ощутил себя поэтом и искал такого жизненного поприща, которое, по крайней мере, не мешало бы ему отдаться своему призванию. Лучше всего его бы устроило место штатного герцогского стихотворца, но штатом оно предусмотрено не было, да и, по совести говоря, Лудовико с его десятком-другим латинских стихотворений вряд ли мог на него претендовать.

Вскоре, однако, образовалась возможность если не полностью достичь желаемого, то, во всяком случае, обеспечить приличные и покойные условия существования, не связывая себя тяготами и риском ответственных магистратур. В сентябре 1503 г. кардинал Ипполито д'Эсте, брат Альфонса, получил после долгих проволочек епископство Феррарское и, устраиваясь на новом месте, обновлял и расширял штат своего двора. Служба у нового епископа предоставляла ряд очевидных и значительных преимуществ: она обещала быть не слишком обременительной, не удаляла от любимой Феррары, оставляла простор для досуга и, главное, в перспективе могла превратиться из службы придворного в службу поэта. Все это, правда, из разряда надежд и по контрасту со службой у прижимистого и требовательного Эрколе. Достаточно было, разумеется, и всякого рода сложностей. Прежде всего, нужно было как-то определиться с отношением к духовному сану. Становиться священником Ариосто не хотел: об этом он вполне определенно заявил много позже, в сатире второй. Об этом же 28 марта 1514 г. Альфонсо Ариосто, родственник Лудовико, писал Ипполито д'Эсте: «Ни за какие блага он не хочет быть священником», — и это повторено в письме трижды⁵⁰². Что касается причин такого отвращения к «воцерковлению», то здесь, видимо, можно довериться объяснению, данному самим поэтом, — нежелание чем-либо себя связывать раз и навсегда. Сложность же его положения заключалась не только в том, что человеку светскому было неприлично состоять при духовном владыке, к этому добавлялось еще и то обстоятельство, что основной доход епископских служащих шел от церковных бенефиций, владеть которыми дозволялось лишь лицам, имеющим отношение к церкви. Был, правда, обходной и компромиссный путь: не принимая сана, принять посвящение в четыре «младших» чина (остиариат, лекторат, экзорцистат, аколитат), что в принципе представляло собой первый шаг к священству, но второй шаг можно было и не делать. И хотя клирик, остановившийся на полпути к «старшим» чинам, был обязан завершить этот путь в течение года или распрощаться с бенефициями, епископ имел власть продлить этот срок до семи „лет, а папа или папский легат — на срок сколь угодно большой. Таким образом в течение семи лет интересам Лудовико ничего не угрожало (а в 1511 г. его привилегию продлил кардинал Джованни Медичи, будущий Лев X, в то время легат в Болонье).

Итак, в конце 1503 г. Лудовико Ариосто, обретя тонзуру, но не сменив светского костюма, стал именоваться *Hippolyti Cardinalis familiaris continuus commensalis*, «Кардинала

Ипполита слуга и сотрапезник». Раз и навсегда определенных обязанностей он не имел; он должен был сопровождать патрона в походах и поездках, участвовать в посольствах, бывал и просто на посылках и вообще всегда должен был находиться под рукой. Вознаграждение состояло из стола для него самого и его слуги и жалованья, которое большей частью выдавалось натурой — провизией и мануфактурой. Кроме того, нужно посчитать доходы с бенефиций и награды за успешно выполненные поручения. В целом, для молодого и одинокого человека неплохо, но для главы семейства, для опекуна братьев и сестер — довольно скудный источник благосостояния. Жалобы на бедность, нередкие в письмах Ариосто, далеко не беспочвенны. Жалованье его росло (со 130 лир в год до 240), но росли и расходы, и материальное положение Лудовико все время службы у кардинала оставалось стесненным.

Зато поначалу оправдывались надежды на более или менее спокойный образ жизни. Кардинал устраивался в Ферраре, новый слуга не был чрезмерно занят и жаловаться мог разве на то, что хозяина приходилось дожидаться чуть ли не до утра — у Ипполита были привычки полуночника. Первое поручение, связанное с поездкой, кардинал возложил на Ариосто только в октябре 1506 г., отправив его в Болонью к Лукреции д'Эсте, супруге Аннибале Бентивольо. Цель поездки неизвестна. В феврале следующего года Лудовико ездил в Мантую к сестре кардинала Изабелле поздравлять ее от имени патрона с благополучным разрешением от бремени. Время постоянных переездов, бешеных скачек через всю Италию, время тяжелой ответственности и нешуточного риска наступило позже — в 1509 — 1510 гг. «Из поэта он сделал меня наездником», — жаловался Ариосто в сатире шестой.

Ситуация в Италии — да, именно такой мерой измеряется этот отрезок жизненного пути Ариосто — была следующей. Половина Европы — Франция, Империя, Рим, — соединилась в Камбрейской лиге, направленной против Венеции. Феррара также к ней примкнула. Первые успехи союзников были впечатляющи. После битвы при Аньяделло (14 мая 1509 г.) Венеция лишилась чуть ли не всех своих материковых владений: Людовик XII наложил руку на восточную Ломбардию, папа Юлий II забрал все, что принадлежало Венеции в Романье, а феррарский Альфонс вернул Ровиго, потерянное его отцом четверть века назад. Тем не менее положение Феррары в победоносном союзе не отличалась надежностью: устранив на время венецианскую угрозу, она оказывалась под прессом со стороны папского Рима, нынешний властелин которого определенно имел виды на давний лен церкви. Кроме того, Юлия II серьезно тревожило стремительное усиление французского влияния в Италии. И когда герцог Альфонс в начале мая отправился в Милан, чтобы приветствовать французского короля, папа дал ему ясно почувствовать свое неудовольствие. Нужно было срочно ублаготворить грозного союзника, и в Рим с этой целью поехал Лудовико: казалось бы, герцогу следовало возложить • деликатную миссию на кого-либо из своего окружения, но послан был придворный кардинала, и это значит, что за шесть лет своей службы Ариосто сумел отличиться не только в выборе драгоценных материй для кардинальского гардероба. Миссия увенчалась успехом: д'Эсте снова ездили к королю, что вряд ли было возможно без хотя бы косвенного одобрения папы⁵⁰³.

Тем временем дела в лиге разладились. Людовик в июле вернулся во Францию и увел с собой основную часть войск. Венеция воспряла духом и забрала назад Падую. В сентябре император Максимилиан, поддержанный феррарской артиллерией и личным участием кардинала Ипполито, пытался Падую штурмовать, но без успеха. К октябрю герцогство Феррарское фактически осталось в одиночестве перед лицом внезапно окрепшего врага. Венеция вновь забрала Ровиго и двумя бастионами отрезала Ферраре выход к морю. 30 ноября при Полеселле войска Альфонса были разбиты. Ариосто снова поехал в Рим.

На этот раз просить помощи. Помощь была обещана, но скудная: папа оставлял в распоряжении герцога отряд своих войск, действовавший на

503 *Catalano M.* Vita di Ludovico Ariosto. V. I. P. 312; *Zanette E.* Personaggi e momenti nella vita di Ludovico Ariosto. Milano, 1970. P. 136 — 137.

феррарской территории, и соглашался ссудить Альфонса жалкой суммой в 5000 дукатов. Прижимистость Юлия II объяснялась просто: в Риме сидели венецианские послы и переговоры о снятии с Венеции церковного отлучения продвинулись уже довольно далеко. Именно из донесений венецианцев мы знаем, что папа принял Ариосто (22 или 23 декабря) «весьма немилостиво». К счастью, 22 декабря, т. е., возможно, в один час с высочайшей и немилостивой аудиенцией, феррарские войска под командованием Ипполито д'Эсте наголову разбили венецианцев во второй битве при Полеселле. Артиллерия кардинала буквально расстреляла венецианский флот.

16 февраля 1510 г. Лудовико вернулся в Феррару, доставив герцогу папское золото, а днем раньше Юлий II подписал мирный договор с Венецией, одновременно пригрозив интердикцией всем государям и народам, находящимся с республикой св. Марка в состоянии войны. Угроза была прямо адресована Ферраре, которая не собиралась замиряться с Венецией, более того, вновь захватила Ровиго. Вдобавок к этому кардинал в нарушение всех канонических правил вынудил капитул богатого аббатства Нонантола (близ Модены) передать ему коммунду на все монастырские доходы: папа приказал ему немедленно явиться в Рим и дать объяснения. Объяснения с Юлием II Грозным для Ипполито могли закончиться подземной тюрьмой в замке св. Ангела. Вместо кардинала в Рим выехал Ариосто.

Задача феррарского посланника была трудноисполнимой и рискованной: Феррара и Рим подошли к открытой конфронтации, и самоуправство кардинала могло стать последней каплей. В таких случаях с послами не церемонились. Ариосто был принят папой 25 мая: единственное, что ему удалось — оправдать задержку патрона. Объяснения по поводу противоправной коммундации были отвергнуты и в выражениях резких. 29 июня папа отказался принять ежегодную подать, следовавшую ему от его феррарского лена, а 3 июля приказал герцогу Урбинскому, командующему войсками церкви, открыть военные действия. В июле же он в ультимативной форме потребовал, чтобы кардинал по истечении двух недель явился в Рим.

Игнорировать приказ не было никакой возможности, и Ипполито двинулся в путь, но, что понятно, не торопился. В Модене его встретил Ариосто, так и не успевший с мая вырваться в Феррару, и тут же поехал назад с новыми инструкциями. В Рим он вернулся 10 августа, а накануне папа обнародовал буллу об отлучении герцога Феррарского от церкви. Лудовико был принят немедленно, папа даже отложил начатый завтрак (тогда как в июле просто выгнал двух феррарских послов), выслушал извинения кардинала и просьбы об отсрочке благосклонно, хотя и с иронией, но от разговора об охранной грамоте, которую устами своего посланца просил Ипполито, уклонился. С этим Лудовико был отпущен и полетел с докладом к патрону, которого нашел уже во Флоренции — следующая остановка на извилистом пути кардинала в Рим. Не задержавшись во Флоренции и дня, Ариосто вновь отправился обратно: кардинал настаивал на охранной грамоте. 21 или 22 августа состоялась пятая и последняя высочайшая аудиенция, чуть не ставшая для кардинальского посланца роковой. Папа не только отказал во всех просьбах, переданных ему Ариосто, но, дав волю своему вошедшему в историю гневу, пообещал отправить собеседника на съедение тибрским рыбам. Лудовико пережил очень неприятные полчаса, и на этом его карьера чрезвычайного и полномочного посланника при папском дворе закончилась. Кардинал же, не решившись вернуться в Феррару, в Рим, разумеется, тоже не поехал и переждал смутное время в Парме.

У Лудовико Ариосто двойственная репутация и двоящийся образ — легендарный и антилегендарный. Легенда изображает его чудаком и мечтателем, человеком, отрешенным как от будничных забот, так и от честолюбивых стремлений, довольствовавшимся малым, плохо приспособленным к борьбе страстей, амбиций, политических и меркантильных интересов, с головой ушедшим в далекие от действительности поэтические миражи. Недостатка в забавных анекдотах, иллюстрирующих его рассеянность и отсутствие житейской сноровки, не было уже в ближайших к нему поколениях. Рассказывали, например, что как-то он гостил в Карпи и вышел прогуляться перед завтраком, в голову ему пришла удачная строка, за ней другая и очнулся он от поэтических грез только вечером, на

центральной площади Феррары, где увидел себя в шлепанцах и домашнем костюме. Или, посеяв каперсы и любовно пестуя молодые всходы, обрел в итоге буйную поросль бузины.

Эта легенда, как и всякая другая, имеет под собой определенные основания. Она опирается на некоторые факты, неверно их толкуя, и на некоторые, данные этим фактам объяснения, принимая их за чистую монету. Факты, например, такого рода. В августе 1517 г. кардинал Ипполито собрался в Венгрию, где у него были обширные бенефиции. Он уже там бывал и не раз: с 1487 по 1494 г. в качестве архиепископа Эстергомского, в 1513 г. в качестве архиепископа Эгерского. На этот раз поездка предполагала быть не такой длительной, как первая, но и не такой короткой, как вторая — два года. Ариосто, включенный в свиту, решительно отказался и причины отказа изложил в первой своей сатире, адресованной секретарю кардинала Лудовико да Баньо и брату Алессандро, также из числа придворных кардинала и также избранного для поездки в Венгрию. Причины следующие: врачи считают, что перемена климата губительно скажется на его здоровье; он и сам убедился, что суровые зимы для него непереносимы; кроме того, он не выносит жар печей и смрад закрытых помещений; крепкие венгерские вина для него хуже отравы; кушанья, приправленные перцем, тяжелы для желудка, а заводить отдельный стол ему не по карману; и наконец, у него на руках немощный брат (Габриэле), сестра, которую нужно выдавать замуж, и мать, нуждающаяся в сыновней опеке.

Как можно было расценить отказ Ариосто, тем более, что за ним последовал полный разрыв с кардиналом? Как его могли расценить, скажем, Челио Кальканьини или Андреа Мароне, соперники в борьбе за вакантное место в свите? Как вопиющее пренебрежение собственными интересами, не иначе. Даже как прямую глупость или, с поправкой на поэтическую натуру, именно как чудаковатость. А объяснения Ариосто могли такое впечатление только усилить: сломать карьеру, лишиться почетного и выгодного места, насмерть рассориться с одним из самых могущественных духовных владык Италии, реальным претендентом на тиару, и только потому, что желудку тяжела пряная пища! Действительно, чудак. Тем более что случай с кардиналом, хотя и самый впечатляющий, но не единственный (в 1524 г., например, Ариосто отказался от места постоянного посланника при Клименте VII, пойдя наперекор недвусмысленно выраженному желанию герцога).

Поведение Ариосто в венгерском эпизоде можно, однако, интерпретировать совершенно иначе. В свете, к примеру, существовавшего в Ферраре до середины 1510-х годов фактического разделения власти между братьями д'Эсте, герцогом и кардиналом, и неявной борьбы со стороны кардинала — за сохранение двоевластия, со стороны герцога — за его устранение. В таком свете отъезд кардинала будет выглядеть признанием поражения, отказ Ариосто его сопровождать — мужественным выбором в пользу политического единства Феррары, а его первая сатира — бурлескной игрой с политическими мотивами, неузнаваемыми в гастрономической, физиологической и эмпирически личной травестии. Такую интерпретацию выдвинул Рикардо Бакелли⁵⁰⁴, и она предполагает тот образ поэта, который мы назвали антилегендарным — он настолько далек от образа легенды, настолько по отношению к нему полемичен, что как бы вынужден черпать свою силу в его жизненности, вынужден воспроизводить его вновь и вновь. Это образ дипломата высокого полета, способного рассчитывать конъюнктуру на много ходов вперед и проникать в тайные пружины политических решений, способного влиять на политическую обстановку во всеитальянском масштабе, используя свои незаурядные личные способности и близость к сильным мира сего, способного самостоятельно вести политическую игру, преданно и целеустремленно отдающего всю свою энергию и все ресурсы своей личности на процветание Феррары и династии и потому высоко ценимого в высших эшелонах власти, желанного сотрудника в любом сложном предприятии, затрагивающем суверенные интересы государства.

Истина, видимо, как ей свойственно, лежит посередине. Чудаком, путающим бузину с

каперсами и бредущим за десяток миль в домашних туфлях, Ариосто, разумеется, не был. Такой человек не вытянул бы на своих плечах огромную семью и не посылался бы раз за разом «смирять (как он сам сказал в первой сатире) великий гнев Второго Юлия». Не был он и прожженным политиком, что, на наш взгляд, лучше всего доказывает эпизод с его губернаторством в Гарфаньяне.

Примерно полгода после разрыва с кардиналом Лудовико оставался не у дел, и только 13 апреля 1518 г. его имя появляется в списке герцогских придворных: Ариосто сменил хозяина. Эта перемена мало сказалась на характере службы: протокольное присутствие при дворе, обязанности текущего момента, деловые и связанные с этикетом поездки в Модену, Венецию, Болонью, Корреджо, Флоренцию. Разве что материальное положение герцогского слуги оказалось в гораздо большей зависимости от финансового положения герцогства: слугам кардинала, не связанным с государственной казной, жилось в этом отношении не в пример свободнее. Ариосто в полной мере испытал это на себе в конце 1521 г. С лета возобновилась война Франции и Империи на итальянской земле. Феррара, как всегда, держала сторону Франции, папский Рим, как всегда, задумывал захват Феррары. Очень быстро положение Франции и ее союзников стало критическим. К декабрю войска церкви овладели Пьяченцей и Пармой, испанцы вошли в Милан. Феррару спасла только скоростигшая смерть Льва X, но финансы герцогства были совершенно истощены непомерными военными расходами, и Альфонс решился на крайнюю меру: приостановил выплату жалованья своим служащим. За последние четыре месяца 1521 г. Ариосто вместо причитавшихся ему 82 маркезанских лир получил 5 лир 12 сольдов — стоимость годового припаса соли. А ведь на плечах Лудовико помимо обычных расходов висели еще платежи за отпечатанного в феврале «Неистового Орландо»: в частности, 100 маркезанских лир, занятых у синьоры Антонио дель Панца. Долг, который Ариосто обязался погасить в течение года (а уплатил только в 1523 г.). Лудовико, оказавшийся на грани банкротства, попросил у герцога «кормления». Ему предложили Гарфаньяну.

Это было ненамного лучше Венгрии: ближе, конечно, но ответственнее и опасней. Да и не так уж близко: более ста миль от Феррары, последняя часть пути — по горам, кишачим бандитскими шайками. Гарфаньяна — область на стыке Аппенин и Апуанских Альп, гористая, труднодоступная, малонаселенная, далекая от центров и магистралей блестящей цивилизации Ренессанса. Совсем другой мир, варварский, неуютный и жестокий. До середины XV в. была под Луккой, затем перешла к Ферраре, в сентябре

1521 г. ею овладели войска Льва X, в декабре вернулась под руку феррарского герцога. Победила партия сторонников Феррары («французская»), но сторонники Медичи («итальянцы») пребывали в добром здравии. Политическая нестабильность усугублялась непрекращающейся войной кланов: непрерывные убийства, грабежи, поджоги, стычки и схватки делали ситуацию в области фактически неподконтрольной. Герцог в марте 1521 г. даже вполне серьезно обдумывал план захвата всех сеятелей беспорядка и депортации их в Феррару — план, впрочем, совершенно нереальный. Ариосто согласился, потому что отступать было некуда. Официально он дал согласие 7 февраля, а 12 продиктовал свое завещание.

К счастью, оно не понадобилось, но за три года (точнее, за 40 месяцев) его пребывания в должности губернатора (комиссара) Гарфаньяны спокойных минут у него было немного. Всего лишь дважды, в сентябре и ноябре

1522 г. Ариосто докладывает, что в провинции все благополучно. Остальное время благополучия не было и в помине. Спустя восемь дней после своего прибытия в Кастельнуово Лудовико обнародовал первый указ против бандитов и их укрывателей: 50 дукатов штрафа — за укрывательство, 25 — за недоносительство. Будет еще много указов, будет непрерывная борьба, но результата это не даст почти никакого. Да и что мог сделать герцогский комиссар с его дюжиной арбалетчиков против многочисленных, прекрасно вооруженных, прекрасно осведомленных о каждом шаге губернатора бандитов, которые опирались на тайную и явную поддержку своих разбросанных по всей провинции кланов и

чувствовали себя дома, на своей земле, откуда их можно было вырвать только с корнями. Лудовико даже пытался организовать на борьбу с бандитами население. Под проливным дождем он направляется со своими арбалетчиками на сборный пункт, ждет полдня и вместо полусотни жителей Трассилико, включенных в ополчение, являются шесть, которые объявляют, что вся банда преспокойно и заблаговременно удалилась в неизвестном направлении. Все карательные операции, задуманные Ариосто, заканчивались подобным образом.

Весьма любопытна позиция герцога. Официальные послания Ариосто к нему — почти всегда просьбы о помощи, об усилении воинского контингента, об ужесточении карательных мер. Ответные послания Альфонса — почти всегда отказы, что можно понять (герцогу было не до Гарфаньяны), и очень часто призывы к умеренности, что понять уже труднее. Вообще линия Лудовико в отношении самых разнообразных категорий гарфаньянских законопреступников — в принципе предельно жесткая (хотя в его письмах нередки и сетования на свое доброе сердце: «Я не создан, чтобы управлять людьми, ибо легко поддаюсь состраданию и не могу отказать, когда меня о чем-нибудь просят»), линия Альфонса опять же в принципе — терпимость и милосердие⁵⁰⁵. Герцог — это та инстанция, где «притесняемые» комиссаром гарфаньянцы почти неизменно находили понимание и защиту (что совершенно выводило комиссара из себя). Поведение Ариосто определялось административной необходимостью, это поведение человека, представляющего закон, перед лицом противозаконных действий. Поведение герцога определялось другой, но не менее настоящей необходимостью — необходимостью удержать за собой провинцию. «Французская» партия, которая вернула ему Гарфаньяну, изгнав в декабре 1521 г. флорентийского губернатора, а летом 1524 г., когда Ариосто ездил по делам в Феррару, организовала сопротивление отрядам Джованни Медичи, вторгнувшимся в провинцию и захватившим Кампорджано, самую мощную ее цитадель — эта партия состояла из таких же бандитов, как и партия медичейских клеветов. Власть герцога в Гарфаньяне держалась в сущности на бандитах. Необходимость, которой он следовал, — необходимость политическая. Ариосто за годы своего губернаторства проявил себя как администратор — способный, ревностный, компетентный, спору нет. Но как политик проявлял себя не он.

Все дипломатические поручения, возлагавшиеся на Ариосто братьями д'Эсте, экстраординарны (от однажды предложенного ему места постоянного посланника Ариосто, как уже упоминалось, решительно отказался — это было как раз в конце его гарфаньянского сидения). Все они имеют целью не далекую политическую перспективу, а внезапно возникшие осложнения данного момента. Лето 1509 г. — срочно замазать трещину, наметившуюся в отношениях Феррары и Рима в связи с официальными демонстрациями filoфранцузской политики Альфонса. Декабрь 1509 г. — срочно испросить помощь в связи с угрожающим продвижением венецианцев. Май 1510 г. — если не предотвратить, то, по крайней мере, задержать открыто враждебные акции Юлия II в отношении Феррары и кардинала. 10 августа — отсрочка и (или) охранная грамота. 21 августа — снова отсрочка и снова охранная грамота. В ситуации, уже вышедшей из-под контроля — спасти хоть что-то, замедлить, отсрочить, на полгода, на месяц, на день. Или флорентийские посольства 1519 г., лишённые явного драматизма римских, но проходившие в таком же политическом цейтноте. Рим и Франция вдруг и стремительно сблизилась. Лоренцо Медичи, племянник Льва X и правитель Флоренции, получил в супруги из рук короля Франциска Мадлену де ла Тур д'Овернь и как бы в дополнение к приданому — отказ короля настаивать на одном из условий ранее заключенного соглашения с папой, согласно которому тот обязался в семимесячный срок вернуть феррарскому герцогу Модену и Реджо. Феррара теряла самого надежного, самого могучего союзника и следующим вкладом в крепнущую франко-римскую дружбу вполне мог стать ее суверенитет. Надо было всеми силами, пока длился этот альянс, поддерживать хорошие отношения с Медичи. Устанавливать или укреплять эти отношения

поехал во Флоренцию Ариосто.

Все это ситуации, которые характеризуются политической безысходностью (во Флоренцию Ариосто отправился 21 февраля, через день после возвращения герцога из Франции, где тот провел два месяца, добиваясь от Франциска I хоть каких-то гарантий, и добился лишь совета «пребывать в дружбе» с Медичи). Политические методы бессильны, политические аргументы исчерпаны, не осталось пространства для отступления и маневра, тупик, глухая стена. Ариосто появляется в этот момент, и у него не припрятано никаких козырных карт, у него нет никаких секретных полномочий. Он и здесь, в звездные часы своей биографии дипломата, не политик: он — человек, умеющий быть обходительным, приятным, умеющий располагать к себе собеседника; умеющий пробудить в нем интерес и доверие, наверное, умеющий коснуться каких-то его тайных струн. И, конечно, — способный внушить уважение к себе, способный поставить себя независимо и достойно, даже представляя сторону слабого, припертого к стене, вынуждаемого к сдаче. Это именно такой человек, какого мы видим в его сатирах.

Семь сатир Ариосто, семь стихотворных посланий, написанных самая ранняя в 1517 г., самая поздняя — в 1525 г., конечно, не самый надежный источник для реконструкции его характера. Это прежде всего литературный жанр, в котором и образ мира, и образ лирического героя, носящего имя Лудовико Ариосто, стилизованы в соответствии с условиями жанра и, в первую очередь, в соответствии с ясно просматриваемым образцом. Таковым является Гораций, причем не столько в одноименном жанре, сколько в одах и посланиях. С Горацием как автором сатир Ариосто объединяет главным образом общий пессимистический взгляд на мир, из од почерпнуты некоторые центральные темы: например, тема уединения, темы довольства малым, дружбы, поэзии. К Горацию отсылает и двоemiрие ариостовских сатир, где мир досуга не только противостоит миру дела, но и морально над ним возвышается. Дает о себе знать и прославленное горацанское чувство меры, его «золотая середина» — скажем, в совете, обращенном к другу и кузену Аннибале Малагуччо (сатира V), не искать себе в жены красавицу, но не впадать и в противоположную крайность.

В таком повороте темы чувствуется некоторая ирония; она чувствуется в сатирах часто — лишившись иронии, послания Ариосто превратились бы в банальные житейские предписания. В данном случае ирония обращена и на предмет, о котором идет речь (женитьба родственника), и на тот образ действий, который преподносится как наилучший. Можно сказать, что она касается самого принципа «золотой середины». Ирония, иначе говоря, — это та форма, посредством которой сатирический поэт Ариосто заявляет о своей независимости от сатирического поэта Горация. Ирония может быть обращена на самого себя (пример чему — каталог причин, побудивших Ариосто отказаться от поездки с кардиналом в Венгрию): тем самым утверждается независимость не только от литературной маски, выбранной вместе с литературным жанром, но и от своей социальной роли, от своего эмпирического образа, даже от своего реального характера.

Независимость и свобода — лейтмотив сатир (тогда как у Горация эта тема проходит как бы в подтексте и случаи, когда она выговаривается впрямую, единичны). Но что понимал под независимостью Ариосто? Нечто в сущности очень скромное. Он даже не вспоминает о воклюзском отшельнике, о той идеальной модели уединенного собеседования с музами, которую завещал грядущим векам Петрарка. Ему нужно, чтобы его ценили за то, за что ценит себя он сам. Чтобы его поэзия считалась его службой. В век, когда культура повсеместно становилась мерилем социального престижа, это желание не было чем-то химерическим и поэтически бесплотным. Оно было выбором — взвешенным, обязывающим, хотя и рискованным, поскольку, как мы видели, в Ферраре такая форма социального самоопределения не поощрялась.

Уже в дебюте Ариосто заявляет о себе как поэте Феррары, феррарской династии, феррарской политики. Первое же его латинское стихотворение, до нас дошедшее, «ода к Филирое» (1494), рисует картину безмятежной любовной идиллии, которую не смущает надвинувшаяся военная гроза — это феррарская программа нейтралитета в инобытии

античных лирических формул. Стихотворения, адресованные к политической злобе дня и содержащие более или менее завуалированную (завуалированную жанровой топикой и формой) апологетику конкретных политических действий — это лишь одна из возможных разновидностей поэтического «служения». Существовали и другие, мимо них Лудовико также не прошел, сейчас же отметим, что к данному разряду апологетического и злободневного комментария относится известная первая эклога Ариосто. Известность у нее скорее печальная: потомки почти единодушно сочли ее низким поступком. Дело в том, что в декорациях вергилиевской буколки она представляет одно из наиболее мрачных событий в истории правящего феррарского дома: заговор Ферранте и Джулио д'Эсте — и рисует заговорщиков, особенно Джулио, самыми черными красками. Собственно, оправдать их было трудно — заговор предполагал двойное, если не тройное братоубийство (кроме герцога и кардинала еще и Сиджисмондо) — но понять можно. Поведение намеченных к закланию жертв, и прежде всего кардинала, во всей этой истории также весьма неприглядно. Ипполито и Джулио столкнуло любовное соперничество: оба не остались равнодушны к прелестям Анджелы Борджа, фрейлины и кузины герцогини Лукреции. Прекрасная испанка предпочла бастарда Джулио; кардинал отомстил и отомстил жестоко: во время случайной встречи за городскими стенами (кардинал со свитой ехал на загородную виллу, Джулио с нее возвращался) приказал вырвать сопернику глаза. У Ипполито есть лишь два смягчающих вину обстоятельства: непредумышленность и мгновенное раскаяние. Во всяком случае он не дал довести исполнение приказа до конца: Джулио жестоко пострадал и навсегда утратил красоту, которой очень гордился, но зрение к нему через какое-то время вернулось. Герцог сделал все, чтобы замять случившееся и примирить братьев — добился же, что ненависть Джулио, которому предложили удовлетвориться формальными извинениями, обратилась и на него. Так вот обо всем этом в эклоге Ариосто нет ни слова. Дон Джулио изображается в ней чудовищем, а его противоестественная жажда братской крови объясняется причинами, так сказать, натуральными: двойной незаконнорожденностью. Виновником его появления на свет объявлен не Эр-коле (Гераклид, как он зовется в эклоге), а некий весьма нелестно характеризуемый Эмофил.

Все так, но прежде, чем выносить автору эклоги приговор, нужно учесть еще два обстоятельства. Во-первых, успех заговора означал бы для Феррары политическую катастрофу — это было Ариосто вполне ясно. Уберечь город и государство могла только сильная власть, Ферранте и Джулио доказали полную в этом плане несостоятельность хотя бы своим поведением в качестве заговорщиков, своим пустым бахвальством, трусостью и нерешительностью. Во-вторых, эклога писалась в августе 1506 г., т. е. непосредственно в ходе судебного процесса над заговорщиками, на котором, однако, отсутствовал один из главных обвиняемых — а именно дон Джулио, сбежавший в Мантую. Мантуанский маркиз долго отказывался его выдать — причины отказа были чисто политические, но в качестве подразумеваемого предлога фигурировала вся драматическая предыстория заговора, в которой герцог и кардинал играли роли преследователей и палачей, а Джулио — роль жертвы. Высшие интересы герцогства, определявшиеся в это время натянутыми отношениями с Римом, двусмысленными отношениями с Мантуей, требовали, чтобы в общественном мнении роли решительным образом переменялись. Такой перемене и должна была способствовать эклога Ариосто (в которой, что весьма показательно, нет ни слова о кардинале, хотя он не только заговор спровоцировал, но и его раскрыл). 9 сентября 1506 г. дон Джулио был, наконец, выдан, что сразу изменило позицию феррарских властей: они теперь нуждались не в громких демонстрациях общественного негодования, а в том, чтобы как можно скорее и безболезненнее потушить скандал. Явно или неявно выраженный заказ, которым руководствовался Ариосто, тем самым отменялся, и его эклога на долгие годы легла в стол, не увидев ни сцены, ни мастерской типографа. Ее актуальность — актуальность момента. Срок жизни ей был отмерен в месяц: с 3 августа, со дня начала процесса (или, что точнее, с 10 августа, когда Франческо Гонзага в очередной раз отказал Альфонсу в выдаче избличенного преступника), по 9 сентября, по день приговора — смертная казнь для трех

менее титулованных заговорщиков, пожизненное заключение для Ферранте и Джулио (для первого оно таким и осталось, второй был помилован спустя полвека)⁵⁰⁶. Эклога Ариосто — прямое политическое действие, сопоставимое с действиями, совершенными в качестве дипломата и администратора, но еще яснее, чем они, указывающее на границу, за которую не распространялась воля Ариосто к независимости. Независимость, но в пределах политической лояльности.

Второй вид поэтического «служения», не так конкретно соотнесенный с моментом и конъюнктурой, но более прочно укорененный и в душевных склонностях поэта и в его, если так можно выразиться, общегражданских убеждениях — это панегирик. Формы его в творчестве Ариосто разнообразны: от малых (шестистрочная латинская эпиграмма на поставление Ипполито епископом в Ферраре) до великих («Неистовый Орландо»), — предмет же один: династия д'Эсте и кардинал д'Эсте. Можно спорить о художественной ценности панегирической поэзии Ариосто, но, даже отказывая ей в праве именоваться поэзией, вряд ли справедливо считать ее проявлением сервиллизма и чистой воды криводушием. В низкопоклонстве и угодничестве Ариосто не грешен: вспомним его разрыв с кардиналом и добавим к этому его письма из Гарфаньяны, адресованные герцогу, — их сухой тон, полное отсутствие лести, сдержанность даже в местах, традиционно отведенных под пылкие и преувеличенные уверения, временами острая и прямая критика⁵⁰⁷. Что касается искренности, то опять же у нас нет оснований сомневаться в глубокой личной заинтересованности Ариосто в процветании и стабильности Феррарского герцогства, чему он дал твердые и недвусмысленные доказательства. Процветание же государства обеспечивалось в его представлении процветанием династии, с чем также не приходится спорить. Обеспечивалось в равной мере усилиями герцога и кардинала, делившего бремя власти с братом и государем и внесшего в отстаивание суверенитета Феррары существенный вклад — это факт исторический. Такой же исторический факт — феррарский патриотизм, преданность феррарцев правящему герцогскому дому. Так что позиция Ариосто может считаться и лично и исторически обоснованной. К тому же одним местным патриотизмом дело не ограничивалось.

Ариосто давно искал подступы к большой эпической форме, которая дала бы ему возможность, по примеру «Энеиды», героизировать современность через изображение героического прошлого. От первой такого рода попытки следов не осталось: лишь упоминание самого Ариосто да некоторые косвенные данные, позволяющие датировать ее 1496 — 1497 гг. Это был, видимо, набросок поэмы в латинских гекзаметрах. Второй опыт до нас дошел: 211 строк, без названия, в терцинах, на итальянском языке, предположительно датированных 1500 — 1503 гг. Время действия неоконченной поэмы — конец XIII в., война французского короля Филиппа IV Красивого и английского короля Эдуарда I. Герой поэмы — маркиз Обиццо II д'Эсте. Тема, заявленная в начальной терцине, — битвы и любовь (тема будущего «Орландо»). О любви отрывок поведать не успел, в битвах же, что характерно, герой выступает как полномочный представитель итальянской доблести, противопоставленной британской, галльской, тевтонской и испанской спеси. Прославление малой родины, следовательно и прославление общего для всех итальянцев дома.

В «Неистовом Орландо» Ариосто нисходит от прадедов к прародителям, от далекого, но исторического времени ко времени легенды, от факта к вымыслу. Одновременно он небывалым образом расширяет охват современности, подлежащей прославлению. На первом месте, конечно, сам кардинал, адресат поэмы и как бы постоянный собеседник поэта — в поэме он, однако, представлен не как князь церкви, а как воин и рыцарь. Рядом с ним его брат, его отец, его предки, родственники и свойственники. Другие государи Италии, государи

506 Об истории заговора и ее отражении в творчестве Ариосто см.: *Bacchelli R.* La congiura di Don Giulio d'Este. Op. cit.

507 *Zanette E.* Personaggi e momenti nella vita di Ludovico Ariosto. P. 450 — 455.

других стран Европы, их полководцы, их придворные. Знаменитые красавицы, знаменитые художники, знаменитые писатели. Вся Италия в двуединстве красоты и поэзии встречает в последней песни певца, окончившего свое плавание по бурному морю поэмы. Чем дальше от современности сюжет, тем чаще и шире распахиваются в нем окна, в которых возникают образы современности. Но они не равны себе. По замечанию новейшего исследователя, Ариосто отталкивается от современности, чью неидеальность он отчетливо сознает, проводит ее через идеализированное прошлое поэтического вымысла и допускает в поэму возвышенной до совпадения с идеалом⁵⁰⁸.

В XXVI песни мы вместе с героями поэмы, отдыхающими после ратных трудов, видим высеченные на мраморе фигуры четырех бойцов против алчности. Их имена — Франциск I, король Франции, Максимилиан Габсбург, император Священной Римской империи, Карл V, его наследник, Генрих VIII, английский король. В исторической действительности Франциск и Карл были смертельными врагами, Франциск и Максимилиан оспаривали друг у друга Миланское герцогство, Генрих колебался между союзом с Францией и союзом с Империей. В поэме они выступают единым строем, и в знак своего единства, в знак общего рыцарского обета несут на своих боевых плащах французскую королевскую лилию. Конечно, среди образов современности, явленных «Неистовым Орландо», есть образы войны и раздора, образы зла, но их многократно перекрывают образы славы. И не только перекрывают, но и как бы черпают в них энергию. Победоносный феррарский герцог великодушно спасает побежденного римского полководца и отпускает его другом (XIV, 4 — 5) — точно так же испанские, французские, итальянские маршалы и капитаны словно протягивают друг другу руку поверх своих сражающихся под Равенной и Павией полков, связанные братством доблести и славы. Это уже, конечно, не лесть и не панегирик, это утопия, даже в своем роде политическая, сравнимая с утопией макьявеллиевского «Государя».

Еще один вид служения в качестве поэта — исполнение литературного заказа. Парадный фасад феррарской придворной культуры был представлен, как мы видели, турниром и театром. В начале XVI в. Феррара далеко опережала прочие итальянские синьории в великолепии и изысканности театральных представлений. Скуповатый Эрколе на театр денег не жалел (а денег он стоил немалых: к примеру, на постановку трех комедий Плавта и Теренция в феврале 1499 г. ушло около 2000 дукатов, что составляет сумму еще довольно скромную, если учесть, что театральные постройки каждый раз обновлялись или возводились заново, оборудовались места для восьми-девяти тысяч зрителей, шились костюмы для нескольких сотен исполнителей, большая часть которых была занята в танцевальных или пантомимических интермедиях). Увлечение отца перенял кардинал Ипполито и вместе с ним волей или неволей все его окружение.

Ариосто был не только драматургом, но и выдающимся театральным организатором: в этом нас убеждают авторитетные свидетельства современников. Анджело Беолько (Рудзанте), первый в Италии и Европе профессионал сцены, полностью передоверяет Ариосто все заботы о постановке, за которой не успевает проследить сам. Изабелла д'Эсте объясняет успех «Лены» исключительно искусством Лудовико, который в качестве постановщика и режиссера не имеет, как она пишет, равных себе в Италии. Оба свидетельства относятся к 1532 г., когда за плечами Ариосто был уже более чем тридцатилетний опыт разнообразной театральной деятельности. Какой-то опыт, в том числе даже актерский, был у него и в пору его дебюта как комедиографа. Дебют состоялся 5 марта 1508 г., и этот день, когда на феррарской придворной сцене была сыграна «Комедия о сундуке», первая комедия Ариосто, можно считать днем рождения нового европейского театра и новой европейской драмы.

В этот последний понедельник карнавала 1508 г. состоялась встреча сценографии, в которой впервые был последовательно проведен принцип перспективы, и драматического текста, который впервые был выстроен строго по образцу древнеримской комедии. Сцена, оформленная Пеллегрино да Удине, художником школы Джованни Беллини, представляла

собой городскую улицу и городскую панораму. Комедия выводила на эту сцену знакомых читателю Плавта и Теренция влюбленных юношей, скупых старцев, хитроумных рабов, сталкивала их в борьбе интриг и интересов и вела к всеобъемлющему финальному компромиссу. Сцена и драма полным взаимным соответствием направляли и ограничивали друг друга. Сцена давала образ пространства, где торжествует порядок (выраженный социальной упорядоченностью городского пейзажа и оптической упорядоченностью линейной перспективы); драма давала образ времени, где царит смута (выраженная в бунте молодости против старости). Драма — это природа, потребовавшая полной свободы. Сцена с ее дворцами и храмами, вознесенными над скромными жилищами купцов и мещан, героев комедии, — это граница, поставленная буйству природных инстинктов, и это гарантия их финальной социализации. В этом новом пространственно-временном единстве театрального события не осталось никаких следов средневековой театральности (еще очень заметных в XV в., у Полициано, Боярдо, Никколо да Корреджо) с ее принципиальным оптическим плюрализмом. Здесь точка зрения зрителя, нашедшая пластическое выражение в сценографии, не имеет соперников.

Постановка «Комедии о сундуке» венчает длительный процесс становления новой театральной эстетики, но решительность и революционность результата указывает не на сумму усилий, а на единый направляющий и цементирующий замысел. Иначе говоря, на Лудовико Ариосто. Что касается собственно литературных достоинств его первой комедии, то они не безусловны. Вместе с существенным в жанровой форме античной комедии Ариосто удержал и ее поверхностные черты, не избежав тем самым некоторого анахронизма: действие «Сундука» происходит в Греции, а герои влюблены в рабыню сводника, т. е. фактически в профессиональных гетер. В дальнейшем такого рода отход от современного быта и знакомой географии Ариосто допускать не будет.

Путь Ариосто-комедиографа можно представить как поиски возможно более актуального содержания (конечно, в пределах жанровых ограничений) и возможно более литературной формы. Две первые комедии («Сундук» и «Подмененные») написаны прозой, две другие («Чернокнижник» и «Лена») — одиннадцатисложным стихом с дактилическим окончанием, представляющим собой, по мысли автора, итальяноязычный вариант античного ямбического сенария. Тем же стихом будут под конец жизни переписаны «Сундук» и «Подмененные». Кроме того, в комедиях ранних главный интерес определяется интригой, по необходимости абстрактной, в комедиях поздних — изображением нравов, по необходимости приближенных к эмпирической реальности. «Чернокнижник» — комедия предрассудка, «Лена» — комедия расчета. В первой все движется доверчивостью, во второй действием правит недоверие. Герои «Чернокнижника» бредут ощупью в тумане суеверия, героев «Лены» ослепляет блеск червонцев. Одни, одурманенные обаянием тайны, готовы снять с себя последнюю рубашку; другие, замороженные звоном золота, готовы сорвать ее с родного отца. Заклады, долги, описи имущества, сборы податей — главные здесь события, и они совершенно подавляют традиционную любовную коллизию. Героем становится быт города, и этот город уже не условная Митилена «Сундука» и не условная Феррара «Подмененных», увиденная глазами престарелого сицилийца, который бранит городские власти за то, что его сын, проникший под видом слуги в дом к возлюбленной, отказывается узнавать отца (т. е. за сюжетные осложнения, определенные не бытом, а жанром). Это Феррара предместий и рынков, где только и разговору что о проданных волах и о ценах на убоину, где то и дело мелькают маклеры и судебные исполнители, где царит атмосфера нечистоплотной сделки. Надо сказать, что перспективу жанрового развития, указанную эволюцией Ариосто-комедиографа, жанр не принял: стих в итальянской комедии не прижился, а европейская ренессансная и постренессансная комедия сделала своим основным законом игру природных сил, оставшись в целом равнодушной к жизне- и нравоописанию. К утвердившейся норме жанра ближе первые комедии Ариосто (недаром ведущим сюжетным мотивом «Подмененных» воспользовался в «Укрощении строптивой» Шекспир), тогда как «Чернокнижник» и особенно «Лена» обнаруживают некоторое сродство разве что с

произведениями такого стоящего вне всяких норм комедиографа как Рудзанте (с его обостренным интересом к социальному анализу и социальным конфликтам).

В творчестве Ариосто-драматурга выделяются два разделенных значительным интервалом периода. Первый открылся «Комедией о сундуке» и завершился через год «Подмененными» (представленными 6 февраля 1509 г.). В том же году был начат «Чернокнижник», но до конца не доведен. Затем кардиналу и Ариосто на долгое время стало не до комедий: Ариосто метался между городами и весями, а кардинал вершил свой многомесячный путь в Рим. К «Чернокнижнику» Лудовико вернулся по просьбе Льва X в 1520 г., закончил его, но постановка в то время не состоялась. Примерно в те же годы он принялся за «Студентов», но оставил их недописанными на четвертом акте. Нового подъема театральной и драматургической деятельности Ариосто приходится ждать до 1528 г.: в этом году написана и сыграна «Лена», получает окончательную редакцию и впервые выходит на сцену «Чернокнижник». Через год (24 января 1529 г.) вновь играется «Комедия о сундуке», вновь играется и «Лена», к которой автор прибавил две сцены. В конце 20-х годов переключаются в стихи две первые комедии, и «Комедия о сундуке», сильно переработанная и в сюжетном плане, еще дважды возвращается на сцену (1531 и 1532 гг.).

В антракте между двумя театральными периодами жизни Ариосто случились два его самых больших разочарования. Первое его постигло в 1513 г., в Риме, куда он бросился сломя голову, как только узнал о решении конклава. Папой стал Джованни Медичи, давний и близкий друг и благодетель. Поездку Ариосто предпринял на собственный страх и риск, не имея официальных полномочий (послом с поздравлениями поехал Сиджисмондо Кантельмо), и с целью явно не бескорыстной. На что он рассчитывал, он ни разу впрямую не сказал. Друга Ариосто Бернардо Довици Лев X включил в первый список кардиналов своего понтификата, другого его друга Пьетро Бембо назначил, сразу по закрытии конклава, апостолическим секретарем (годовой доход — 3000 дукатов). Может быть, Ариосто не метил так высоко, как Довици, и не желал такой хлопотливой должности, как доставшаяся Бембо, может быть, его устроил бы знак внимания менее блестящий, но хоть сколько-нибудь материально ощутимый. Папа расцеловал его в обе щеки (о чем Ариосто вспоминает дважды — в сатирах III и VII) и этим ограничился.

Второй удар связан с поэмой и приемом, ей оказанным. Ариосто, безмерно возвеличив своего патрона в «Неистовом Орландо», вправе был надеяться на существенную компенсацию. Поэма писалась давно, кардинал Ипполито был ее слушателем и, видимо, заинтересованным, ему была вручена рукописная копия и ничто не предвещало того равнодушия, с которым он встретил поднесенный ему в апреле 1516 г. первопечатный экземпляр. Собственно, о реакции кардинала ничего не известно (приписываемая ему реплика: «где вы набрались таких бредней», — совершенно недостоверна), мы судим о ней лишь по нескольким строкам из первой ариостовской сатиры. Ясно одно: дар поэта остался неоцененным. Кардинал получил очень порядочное образование (восьми лет уже читал Вергилия в оригинале) и знал цену культуре. Но в Ариосто он нового Вергилия не увидел. «Неистовый Орландо», скорее всего, представлялся ему одним из многочисленных в то время «прибавлений» к «Влюбленному Орландо» Боярдо, может быть, забавнее других, но не более. И в таком отношении к поэме Ариосто он был далеко не одинок: репутацию произведения, возвышающегося над соплеменной рыцарской литературой, «Неистовый Орландо» завоевал далеко не сразу. Славу Ариосто узнал только к концу жизни. Так что кардинал, не ответив даром на дар, проявил, быть может, неблагодарность, но вряд ли какую-то вопиющую поэтическую глухоту. Аналогичные причины могли руководить и папой: к тому же, в 1513 г. «Неистовый Орландо» был еще известен только по рукописным отрывкам и по немногочисленным авторским чтениям, зато Ариосто уже был известен как доверенное лицо феррарских властей (и значит, в Риме не ко двору).

Но Ариосто-то себе цену знал, и разочарование его было глубоким: пропало даром более чем десятилетнее служение, венцом которого должна была стать поэма. Патрон поставил его на место, а Ариосто это место давно не было впору. «Я слишком велик ростом,

чтобы стягивать с хозяина сапоги», — напишет он в своей первой сатире. Нужно было менять хозяина, и отъезд кардинала в Венгрию явился удобным предложением.

Прошло еще около десяти лет, Ариосто вернулся из Гарфаньяны. Дела его поправились: в 1527 г. он приобрел домик в квартале Мирасоле и устроил его по своему вкусу. Тяжкое бремя семейных забот ослабло: братья, сестры, дети (у Лудовико было два внебрачных сына) пристроены, окончательно установились и вошли в прочную колею отношения с возлюбленной Алессандрой Бенуччи, ставшей в эти последние годы его тайной женой (браки были заключены поздно и тайно, потому что при его объявлении и Алессандра лишалась прав опеки по наследству покойного мужа, и Лудовико лишался доходов с церковных бенефиций). Имя Ариосто уже гремело по всей Италии: видимым знаком признания стал красивый жест имперского главнокомандующего в Италии Альфонсо дель Васто, вручившего в 1531 г. поэту почетный диплом вместе с пожизненной пенсией в 100 дукатов. И в Ферраре больше никому не приходило в голову держать Ариосто за мальчика на побегушках. Он получил то, что желал: место штатного герцогского театрального управляющего и с усердием наблюдал за строительством первого в Италии постоянного театра (сгоревшего вместе с фасадом герцогского дворца в ночь под новый 1533 год, последний год жизни Ариосто). Последние пять-шесть лет прошли спокойно, без ярких событий, в литературных трудах, достоинство которых Ариосто отстоял вместе со своим социальным и личным достоинством. В жизни Ариосто были моменты волнующие, романтические, тяжелые, великие, но сам поэт, промолчавший о своей любви, обронивший два-три глухих слова о своем предстоянии великим мира сего, словно сдерживает будущего биографа, говоря: не это главное. Умер Ариосто 6 июля 1533 г. и был похоронен в церкви монастыря св. Бенедикта, по соседству. Провожали его в последний путь родственники и монахи и никто от герцогского двора: все же и другому своему хозяину Ариосто был чем-то непонятен и неудобен.

2

В «Неистовом Орландо» за исключением Медоро, Зербино, Олимпии и Изабеллы нет ни одного персонажа переднего плана, который был бы впервые явлен на свет поэмой Ариосто. У всех есть биография за ее пределами. Африканцы и азиаты — Аграмант, Градассо, Родомонт, Мандрикардо, Анджелика, Марфиза — пришли из поэмы Боярдо. Христиане и испанские мавры — из литературы каролингского цикла, известного всем странам Западной Европы и издавна популярного в Италии.

Место рождения цикла — Франция, его содержание — история Франции, разумеется, преображенная в соответствии с законами и формами эпической поэзии. Основной массив легенд и сказаний сосредоточен вокруг фигуры Карла Великого, его внешних («королевская жеста») и междоусобных («жеста баронов») войн; к этому центральному ядру примыкают повествования о предках (вплоть до эпохи Меровингов) и потомках императора (среди последних выделен его исторический наследник Людовик Благочестивый, со временем правления которого соотнесена эпическая биография одного из ведущих персонажей цикла — Гильома Оранжского). Знакомство итальянцев с героями и сюжетами каролингского цикла восходит к началу XII в., первые памятники, написанные или записанные в Италии, появляются на рубеже XIII — XIV в. Есть среди них произведения на чистом французском языке, но большинство относится к так называемому франко-венетскому диалекту — диалекту искусственному, сложившемуся в ходе контакта исполнителя и слушателя и этот контакт обслуживавшему и облегчавшему. Один из ранних памятников этого диалекта, именуемый «Французской жестой», отличается и в плане содержания некоторыми выразительными особенностями.

Рукопись, дошедшая до нас неполной, включает шесть поэм. Лишь одна («Ожье Датчанин») разрабатывает магистральную для французской героической поэзии тему — борьбы с неверными и конфликта героя с императором («жеста баронов»). Остальные — это

либо истории жен, отвергнутых и изгнанных (Берта, жена Пипина Короткого, и Бланшефлор, жена Карла Великого), либо истории сыновей, потерявших отчую честь и отчее имя (Бёв Антонский, юный Карл, юный Роланд). Все это не собственно эпические, а скорее сказочные сюжеты — утраченное и вновь обретенное имя, лицо, социальное положение. Автор «Французской жесты» (а он, видимо, существовал в единственном числе) стремится к определенной упорядоченности, понимая ее и как сюжетное единообразие (на каждом генеалогическом витке имеется предательство, катастрофа, чужбина, возвращение в ложном образе, возвращение к истинному), и как порядок смены поколений и продолжения рода. Для предателей и злодеев он также резервирует особую генеалогию: все изменники эпической истории отнесены им к Майнцскому дому (собственно французскому эпосу не известен мотив обусловленного рождением пристрастия к измене). Наконец он, все тот же анонимный автор, делает родиной Роланда Италию. Отсюда уже недалеко до его превращения в Орlando.

Ни одна из включенных во «Французскую жесту» поэм не может претендовать на оригинальность (оригинально только их соединение), все сюжеты пришли с родины цикла, но франко-венетская литература знает и произведения совершенно самостоятельные, не имеющие во французском эпическом корпусе ни прототипов, ни двойников. Это «Вступление в Испанию», поэма, написанная ок. 1320 г. безымянным падуанцем, и это ее продолжение — «Взятие Памплоны», созданное десятью годами позже неким Ник-коло из Вероны (и посвященное Никколо I, маркизу феррарскому — первый шаг к будущему превращению Феррары в столицу рыцарской поэзии). Обе разрабатывают забытую французскими сказителями тему: семь лет испанской войны, приведшей к трагедии Ронсевала. Вообще во Франции история гибели Роланда как бы заслонила историю его жизни. Создание его эпической биографии, равно как и выдвигание Ринальдо (французского Рено) на центральную роль в эпической истории — это вклад Италии. Эпохой после Карла, где возвышается фигура Гильома Оранжевого, итальянцы интересовались гораздо меньше. Эпическое время для них в принципе заканчивалось Ронсевалем, продлевать его можно было лишь в прошлое (следуя за «Французской жестой»). Можно было его также расширять — в границах настоящего. Две поэмы об испанском походе, т. е. об эпическом настоящем — это очередной этап в итальянизации цикла и в романизации эпоса. Вводятся персонажи новые и интересные именно итальянцам: заметную, часто решающую роль во «Взятии Памплоны» играет ломбардский (лангобардский) король Дезидерий. Оживляются новыми красками персонажи известные, но потерявшие в собственно французском эпосе среди фигур фона: Эсту (будущий Астольфо) приобретает черты насмешника, острошлова и задиры, своего рода Динадана, перенесенного из бретонского цикла в каролингский. Роланду сообщается склонность к рыцарскому авантюризму, характерная скорее для героев куртуазного романа: в разгаре испанской кампании он, обидевшись на Карла, удаляется на Восток, где быстро входит в образ странствующего рыцаря и даже не остается совершенно равнодушным к прелестям сарацинских принцесс.

Продолжающийся процесс натурализации цикла приводит в XIV в. к изменению языковой формы: лингвистический компромисс, осуществленный франко-венетскими сказителями, мог быть только временным и только региональным. У тосканских кантасториев галлицизм почти не остается, но первоначальные импульсы, приданные циклу на итальянском севере, сохраняют всю свою силу. Прямые контакты с Францией на этом этапе ослабевают (хотя не отмирают полностью), и развитие идет главным образом за счет внутренних ресурсов и на основе переданного предыдущим этапом фабульного реквизита. Продолжает разрабатываться тема испанского похода (в «Поражении при Ронсевале» и в многочисленных, прозаических и поэтических, редакциях «Испании»). Сохраняется интерес к генеалогическим построениям, складывающимся в универсальные эпические родословные (во «Фиораванте» и у Андреа да Барберино). Ринальдо теснит Орlando с позиции если не лучшего, то, во всяком случае любимейшего эпического героя (в «Историях Ринальдо»). И ускоренным ходом идет сближение с романом.

Центральная фигура этого этапа — флорентинец Андреа да Барберино (ок. 1370 —

1432). Центральная, и ввиду его плодовитости (автор шести произведений), и ввиду того, что некоторые общие жанровые тенденции выступают в его творчестве в отчетливой и обнаженной форме, и просто потому, что, оставаясь полностью в рамках народной эпической традиции, он преодолевает ее обезличивающую анонимность. Самое известное произведение Андреа, превратившееся в народную книгу и в таком качестве сохранившееся до наших дней — «Гверино по прозвищу Горемыка». Это, строго говоря, не эпос, это рыцарский роман в привычной для его постклассической стадии (т. е. структурно аморфной) форме и с каролингским циклом он связан самым поверхностным образом (через генеалогию главного героя). Другое дело «Французские короли», также пользовавшиеся огромной популярностью и также ставшие народной книгой. Это последовательный рассказ об истории французского королевского дома от корней его до вершин, т. е. от сказочного его основателя, сына императора Константина Фиово, до Карла Великого. Андреа, собственно говоря, продолжает начатое безымянным автором «Французской жести» — т. е. собирает рассеянные элементы каролингского сказания на основе единого сказочно-романического мотива. Даже мотив не изменился: изгнание героя, его обездоленность, утрата родственных и социальных связей с последующим их обретением (тот же мотив организует повествование и в «Гверино»). Но проводит эту операцию Андреа с непосильной для автора «Французской жести» систематичностью и последовательностью. Ведущий мотив не только присутствует во всех звеньях генеалогического эпоса (родоначальник Фиово, его сын Фиораванте, его внуки Оттавиано и Джизберто, основатель домов Клермона и Монграны Буово Антонский, Берта Большеногая, юный Карл, родители Орландо Милон и Берта), он к тому же дополнительно романизован. Изгнание героя осложнено повторяющимися из сюжета в сюжет любовными перипетиями, где его партнершей выступает принцесса-язычица. Андреа сохраняет эту стереотипную любовную историю в тех сюжетах, где она дана уже в источнике (Фиораванте, Буово, юный Карл), и вводит ее в те разделы сказания, которые дошли до него без всякого романического сопровождения. Так, к повествованию о Фиово, родоначальнике, он подключает рассказ о Риччери (изначально персонаже следующего поколения), соединяя в нем все детали своего излюбленного сюжета, так возникает рассказ о Боветто, придуманный Андреа специально для заполнения генеалогической паузы (два поколения, отделяющие Оттавиано от Буово Антонского).

Во «Французских королях» эпическая традиция находится на пороге перерождения. Интерес явно передвигается в другую плоскость. Эпическое противостояние религий и континентов сохраняется в виде фона, эпическое противоборство родов — в виде условно обязательной завязки (любой крупный сюжетный ход вводится не без участия очередного зловредного представителя Майнцкого дома), но главенствует, и безраздельно, стихия авантюры. Главный герой Андреа — одинокий рыцарь, волей обстоятельств или собственной волей оторванный от корней и помещенный в некое романическое пространство, где он как бы обречен на преследование только личных целей и проявление только личной инициативы. Эпическая тема продолжения и продления рода проходит серией романов.

Следующий значительный этап в итальянской биографии каролингского цикла — встреча его с новой культурной средой. Первый такого рода опыт, в ходе которого средневековый эпос утрачивает свои существенно средневековые черты — «Моргант» Луиджи Пульчи. Своеобразие этого этапа (и этого произведения) в том, что сам Пульчи, несмотря на то, что был близок к Лоренцо Медичи и вращался в кругу флорентийских гуманистов, не обладал гуманистическим образованием и не сочувствовал гуманистическим идеям (во всяком случае, в той форме, в какой их исповедовала Платоновская академия). В плане идеологии и литературных вкусов он примыкал скорее к пополанской традиции и отношение его к эпическому материалу, доставшемуся ему в обработке простонародных тосканских сказителей (кантасториев), было отношением живого, почти родственного интереса.

«Моргант» — поэма, состоящая из двух частей, если не попросту две поэмы. Первая

часть, в 23 песнях, печаталась отдельно (1481 и 1482 гг.). В 1483 г. поэма вышла в свет, увеличившись на 5 песен и получив имя «Большого Морганта». Части отличаются друг от друга источниками, отношением к ним, повествовательными принципами и, до определенной степени, даже поэтикой. Первая опирается на анонимную поэму XV в. (получившую от первоиздателя имя «Орландо») и следует за ней октава в октаву: все добавления Пульчи, если исключить сплошную стилистическую правку, имеют локальный характер и не влияют на общую конфигурацию сюжета. Вторая восходит к одной из редакций «Испании», но значительно отстает от источника: авторская инициатива впервые распространяется на сюжет. Композицию «Орландо», принятую Пульчи бесспорно, можно считать образцовой для итальянской эпической традиции — настолько она выработалась в схему. Схема слагается из трех основных звеньев. Первое звено: уход героя (в данном случае, заглавного) от двора императора, к чему его вынуждают интриги и клевета Гано (французского Ганелона). Следующее звено: приключения героя, причем, как правило, на Востоке, где он спасает красавиц, повергает великанов, сражает чудовищ, развеивает чары; аналогичные приключения паладинов, отправившихся на его поиски. И последнее: сарацинское нашествие, застающее врасплох Францию, которая осталась без лучших бойцов, возвращение в критический момент вольных и невольных изгнанников, победа и примирение с императором. Но Гано от заслуженного наказания уходит, Карл по-прежнему доверчиво прислушивается к его наветам, и только что проигранный сюжет может воспроизводиться вновь и вновь (в «Орландо» и соответственно в первой части «Морганта» он повторяется дважды), пока в какой-то близкой ли, отдаленной, но вполне произвольной точке не выведет к Ронсевалу. У Пульчи он к нему приводит, но уже в заключительной, свернувшей со следа «Орландо» части поэмы, которая вводится, однако, очередным, выстроенным по той же схеме сарацинским набегом на Францию.

Композиционная схема, лежащая в основе первой части, построена на своеобразном компромиссе эпоса и романа. Эпос в лице «королевской жесты» с ее основной темой, вооруженным противоборством христианства и магометанства, дает ей развязку: вражеское нашествие, отраженное вернувшимися вовремя паладинами. В лице «жесты баронов» он дает завязку: раздор при императорском дворе. Роман дает содержание и основную сюжетную единицу — приключение, героем которого является рыцарь, отрешенный от своего эпического дела, перенесенный в сказочную восточную страну и вынужденный каждый раз заново доказывать свою рыцарственность. При этом обе жанровые разновидности, и эпос и роман, начисто утрачивают, как у Пульчи, так и у его безвестных предшественников, однотонную высоту интонационного ряда. От романа они берут авантюрную стихию, в которой, разумеется, не осталось и следа куртуазности; героика же, все равно эпическая или романная, с одной стороны, безмерно преувеличивается (превращаясь в чистую фантастику), а с другой, низводится на землю либо посредством того же преувеличения (переходящего в гротеск), либо через сплошную натуралистическую травестию (переводящую героическое действие в грубо физиологический контекст). Во второй части «Морганта» между героикой и комизмом нет плавных взаимопереходов, они разъединены, а иногда и прямо противопоставлены друг другу. Поэтика гротеска потеснена поэтикой контраста. Эпическое задание стремится дистиллироваться из растворившей его материально-телесной стихии (и полностью подавляет элементы романа); параллельно происходит существенное расширение сферы действительности, доступной охвату и осмыслению, — в нее прямо включается идеология, выделяется и открыто формулируется позиция автора как комментатора повествования и его режиссера, как друга своих друзей и врага своих недругов.

Две части поэмы в плане композиционном резко асимметричны: структуру первой определяет центробежное движение (от центра на периферию), структуру второй — центростремительное (от периферии к центру, к Ронсевалу)⁵⁰⁹. Лишь два эпизода в каждой из

частей, оба всецело принадлежащие перу Пульчи, обнаруживают разительное сходство. Это два путешествия. Первое совершает заглавный герой поэмы Моргант, великан, побежденный Орландо и ставший его оруженосцем, в компании с встреченным им по пути из Франции в Сирию полувеликаном Маргуттом. На полдороге к ним присоединяется Флоринетта, красавица-сарацинка, томившаяся в плену у лесных разбойников. Герои второго, имеющего целью Ронсеваль, — паладины Ринальдо и Риччардетто и три нечистых духа, два из которых, Астарот и Фарферелло, посланы Маладжиджи, чтобы, вселившись в коней, быстро доставить рыцарей к месту рокового сражения, а третий встречен по дороге и из врага обращен в друга и спутника. Оба путешествия — комические, и оба снабжены развернутым идеологическим обоснованием.

Обоснование первого принадлежит Маргутту, чей символ веры, в согласии с традицией флорентийской комической поэзии (и с еще более давней традицией поэзии вагантов) представляет все общепринятые ценности вывернутыми наизнанку и обращенными в свою противоположность. На место добродетели становится порок, на место бога — ненасытное чрево. Тело полностью поглощает дух и готово поглотить вселенную. Пафосу тотальной профанации сопутствует пафос всеразрушения: Маргутт живет в мире, где каждый воюет против всех. И этот мир, когда исповедание сменяется повествованием, когда два побратавшихся великана пускаются в путь, переходит на страницы рыцарской поэмы. Две старые темы средневековой комической поэзии — обжорство и плутовство — продолжают оставаться на первом плане, но изменился их интонационный контекст вслед за контекстом повествовательным: вместо ярмарочной площади фарса или фаблио — лесная тропа рыцарского романа, вместо черной меланхолии, гложущей героя комического стиха, — гомерический смех, которым то и дело раздражаются все три путешественника и который в конце концов сводит в могилу Маргутта. Вот эта веселость путешествия, внятная не только читателю, но и герою, и есть самое в нем необычное. В средневековых комических жанрах смеются далеко не все и вообще больше осмеивают, чем смеются, — осмеивают в конечном счете тот образ мира, где высшей правдой является правда тела и где эта всеохватывающая телесность неизменно предстает чем-то низменным, скотским, бесовским. А в гротескных гастрономических образах «Морганта» нет ни малейшего намека на сознание их метафизической ущербности. Путешествие двух великанов — это триумфальная процессия плоти, которая в самой себе, в своей предельной гиперболизации и абсолютизации обретает бытийственную опору, обретает прославление и постамент.

В путешествии из второй части присутствует и гастрономическая и плутовская тема, но в их решении гротеск заметно идет на убыль. Несколько падает и веселость сравнительно с путешествием великанов, зато тема товарищества выдвигается на первый план. Моргант и Маргутт оставались плутами и в отношении друг друга, поход Ринальдо и Астарота не омрачают никакие взаимные каверзы. Итогом его является дружеский союз, торжественно заключенный в момент расставания, в преддверии Ронсевальского побоища. Скрепляет эту не совсем обычную дружбу сходство нрава, а обосновывает — одна из лекций Астаротта, читанных им во время путешествия: о христианстве как высшей и синтетической религии. Союз вероисповеданий, союз черта и паладина, а, с другой стороны, — черная тень Ронсевалья. Ситуация, в чем-то подобная декамероновской, где социальная идиллия, достигнутая обществом рассказчиков, развернута на фоне социального хаоса в объятый мором Флоренции.

Два путешествия — это два смысловых центра поэмы. Путешествие первой части — гротескная программа овладения миром. Путешествие второй части — программа его цивилизации. Мир в первой части дан как чистая, самодовлеющая, абсолютная телесность. Во второй части, где Ринальдо может подать руку Астароту, где в одном лице могут совпасть философ и буффон и в единой гармонии — умная беседа и беспечный досуг, в этой части плоть соотнесена с духом и встреча их дает социальность, неизвестную первой части категорию бытия. Правда, это не открытие духовности, а скорее ее пленение материей, экспансия материального взгляда на мир, подчиняющего себе все новые и новые измерения

действительности. Новые и в сравнении с первой частью и, что особенно рельефно, — с предшественниками Пульчи по жанру. То, что в итальянском эпосе существует чисто отрицательно, как неспособность руководствоваться иной мерой, кроме почерпнутой из бытовой повседневности, вдохновляться иными ценностями, кроме ценностей здравого смысла и эмпирической практики, — у Пульчи превращается в положительный идеологический и художественный фактор. Мир Пульчи материален не потому, что бездуховен, а потому, что душой этого мира является материя.

Маттео Мариа Боярдо, в отличие от Пульчи, ничем не обязан пополанской культуре — он аристократ и придворный, из семьи, издавна служившей синьорам Феррары и снискавшей на этой службе почет, титулы, земли и положение. Вместе с тем он, также в отличие от Пульчи, внутренне сопричастен носителям нового гуманистического слова — и образованием, полученным в «гуманизированной» при Леонелло д'Эсте Ферраре, и все теми же семейными связями (родство по женской линии с Тито Веспасиано Строщи), и вкусами, и литературными пристрастиями. Соответственно и отношение Боярдо к материалу итальянской эпической традиции решительно отличается от отношения Пульчи: он не поднимается вместе с ней, а поднимает ее до себя, изыскивая в ней нечто утраченное или, что вернее, никогда не существовавшее — рыцарственность, т. е. то, что может быть сопоставлено с куртуазностью бретонского романа и через нее — с гуманистической духовностью.

Со времен Гастона Париса⁵¹⁰ принято считать «Влюбленного Орландо» моментом схождения двух главных средневековых циклов. Каролингский цикл дает поэме Боярдо номенклатуру персонажей, бретонский — любовь как основную цель и ценность, и приключение как основную сюжетную единицу. Герои «Влюбленного Орландо» — это как бы рыцари короля Артура, переодетые рыцарями Карла Великого. Так оно, в сущности, и есть, но необходимо вместе с тем учитывать, что противостояние циклов, одного в основе своей эпического, другого по преимуществу романного, начало стираться уже давно и к XV в. фактически сошло на нет. Революция, заслугу которой присваивают Боярдо, совершилась раньше и совершилась незаметно. Личный вклад Боярдо скорее в более четкой расстановке акцентов. Он сталкивает напрямую эпические и романские мотивировки и каждый раз, когда такое столкновение происходит, вынуждает своего героя выбрать любовь и пренебречь родиной, религией, долгом.

Поэма Боярдо незакончена. Причиной автор называет французское вторжение в Италию. Но поэма и без того остановилась: за 11 лет, прошедших после ее издания в двух книгах (1483), написаны всего восемь песен третьей и начата девятая песнь. Начало итальянских войн, очевидно, не столько причина, сколько повод. Причину нужно искать внутри, в самой поэме, в том, что поначалу служило ей источником энергии и под конец стало преградой.

В начале «Влюбленного Орландо» и рассказ и рассказчик не выходят из образа, заданного итальянской народной традицией. Автор (в зачинах песен) ставит себя в положение кантастория: слово его ограничено возможностями устного сказа (длина песни не превышает 55 — 60 октав) и обращено к компактной и обозримой аудитории, состав которой ничем не определен и случаен — к слушанию приглашаются все, кто любит «прекрасные истории». Сама же «история» поначалу твердо следует за той схемой, которая известна нам по поэме Пульчи: уход сильнейших христианских бойцов (которые в данном случае увлечены преследованием Анджелики), нашествие сарацинских орд, осада Парижа. Гано, если и не стоит у истока всех поворотов сюжета, как в поэмах типа «Орландо» или «Морганта», то роль играет, во всяком случае, заметную: его подлость, коварство, злоба у всех на языке. Обычная роль у Карла — монарха легковверного по отношению к предателям и подозрительного по отношению к героям. Обычные роли и у всех иных традиционных персонажей. Но вот наступает поворотный момент: Карл и паладины пленены, Париж готов к

510 *Paris G. Histoire poetique de Charlemagne. Paris, 1865.*

сдаче. Время появляться Ринальдо или Орландо. Но вместо них является Астольфо, прославленный хвостун и безобидный весельчак, и именно он отбрасывает победоносное сарацинское войско. Стереотипная композиция мгновенно разваливается, и вместе с ней уходят из поэмы все привычные для народной эпической традиции сюжетные ходы, интонации и характеристики.

Отыграл свою роль Гано — и бесследно исчезает среди фигур фона. Отмирают вульгаризмы и низкая комика: Астольфо расстается со своим шутством, Карл — со слабоумием, Ринальдо — с разбойничьими замашками. Персонажи нерыцарского чина и поведения (вроде знаменитого вора Брунелло) если и встречаются, то вносят свой, пусть комически деформированный, вклад в общий фонд славных деяний, во всяком случае, их плебейской мерой не охватывается мир, где царит благородство и доблесть соревнуется с доблестью. Автор продолжает изображать из себя устного певца, но круг его слушателей с каждой песней становится все теснее: в него нет входа тому, кто низок душой и помыслами, кто бежит любви, кто враг изящного.

Уже в первых песнях, объединенных приливом и отливом сериканского нашествия, рядом с привычной для итальянского эпоса композицией возникает альтернативный композиционный ряд. Сначала он еле намечен и твердо обрисовывается к VIII песни — к тому моменту, когда Астольфо повергает наземь Градассо. Новая композиционная доминанта держится на контрастном параллелизме двух линий — Орландо и Ринальдо. Сама по себе она не нова (заставляет, в частности, вспомнить известный французскому прозаическому роману сюжетный параллелизм), но оформлена и подана в поэме как нечто неслыханное и невиданное, что подчеркнуто полярным обращением традиционных для двух главных героев каролинговского цикла характеристик: Ринальдо действием волшебного источника превращен в женоненавистника из неутомимого дамского угодника; Орландо, никогда не знавший любви, теперь самый верный ее слуга. Они как бы меняются целями и установками, при том что Орландо удерживает от себя прежнего застенчивость и неловкость в обращении с дамами, а Ринальдо сохраняет решительность и бесцеремонность, направленные теперь, однако, к пресечению чересчур близких контактов с прекрасным полом. И вплоть до конца первой книги композиция, найденная в Арденнском лесу с его двумя источниками, пробуждающим и убивающим любовь, будет поддерживаться строгим равновесием двух линий и их нерушимым сюжетным равноправием.

С началом второй книги ломается и она. Ринальдо переходит на положение героя второго плана, подобное положению, скажем, Грифона и Аквиланта: короткая сюжетная самостоятельность и остановка сюжета до встречи с главной линией. Остановку обозначает плен, из которого самому пленнику освободиться не под силу. Освобождает его главный герой — в первой книге роль освободителя была хорошо знакома Ринальдо, во второй он с ней расстается, и выручать его приходится уже Орландо. Место Ринальдо остается вакантным. Руджеро — новое имя в списке персонажей — его не занимает. Его роль не симметрична роли Орландо, он ведет в поэме линию античного эпоса. Сам он уподоблен Ахиллу; история его воспитания и рыцарской инициации, сюжетные функции, возложенные на персонажей из, его окружения, — все воспроизводит предысторию Троянской войны. Атлант, воспитатель и охранитель, — это Хирон, царь гарамантов — Калхас, Собрин — Нестор, Брунелло — Одиссей. Правда, Аграмант мало чем напоминает Агамемнона, и в Монтальбанской битве немного сходства с осадой Илиона (возможно, впрочем, что сходство проявилось бы в рассказе об осаде Парижа, будь он продолжен). На полях Франции Руджеро из классической роли выходит и не успевает войти ни в какую иную — в третьей книге его оттесняет Мандрикардо, противопоставленный одновременно и Орландо и Аграманту. С ним в поэму входит новая тема — своеобразной рыцарской идиллии, где чудесные подвиги, беззаботное застолье, любовные объятия сливаются в сплошной и бесцельный круговорот. Но и эта тема оборвана, едва успев о себе заявить.

Структура «Влюбленного Орландо» не может быть исчерпана какой-либо единой формулой. Это и понятно, так как главный повествовательный и, шире, художественный

принцип поэмы — единообразие в разнообразии. Когда некая повествовательная тенденция укрепляется настолько, что может претендовать на роль закономерности, она немедленно отвергается. И напротив, стоит на время взять верх дезорганизирующим силам (что происходит на большем пространстве второй книги), как в поэтической материи начинают обрисовываться контуры новой повествовательной последовательности (которую ждет судьба предыдущей). Во «Влюбленном Орландо» можно заметить продвижение от простого к сложному: от соотнесения сюжетных линий (Орландо — Ринальдо) к соотнесению тематических блоков и доминант (Орландо и любовная тема — Аграмант и эпическая тема — Руджеро и тема основания рода — Мандрикардо и гедонистическая тема). Но преобладает все же движение в чистом виде, без качественных взлетов, без пауз и итогов, движение, взятое в своей внешней форме, динамизм как таковой. И оно не знает конца — в этом предел художественной инициативы Боярдо. Его поэма — это вечный процесс и ее незавершенность — не случайность, а принцип. Найти формулу единства в самом разнообразии, ничем из него не жертвуя и никак его не обедняя — это задача, которую Боярдо только поставил, но решить не сумел. Он передал ее Ариосто.

3

Ариосто приступил к своему «Орландо» примерно в 1504 — 1506 гг. — вскоре после того, как окончательно расстался с идеей «Обищеиды». Вернее, приступил не к своему, а к чужому, Боярдову «Орландо» — решив его продолжить и завершить. Продолжателем Боярдо он оказался не единственным и не первым: его опередил, в частности, Никколо дельи Агостини, издавший в 1505 г. «Четвертую книгу» — в дальнейшем он добавит к ней «Пятую» и «Шестую» (а его «Четвертую» в свою очередь продолжит некий Раффаэлло из Вероны). Творческая история «Неистового Орландо» разграничена тремя прижизненными изданиями: соответственно в 1516, 1521 и 1532 гг. Правда, история, предшествующая первоизданию, совершенно нам неизвестна: от этого периода не сохранилось ни одной рукописной строки. Ничего, за исключением случайных впечатлений современников, самое известное из которых дошло до нас в письме Изабеллы д'Эсте к кардиналу Ипполито (3 февраля 1507 г.): Изабелла благодарит брата за поздравления по случаю рождения ребенка и за удачный выбор посланника, мессера Лудовико Ариосто, который весьма ее утешил чтением отрывков из произведения, им составляемого⁵¹¹.

Столь же беден автографами и период, прошедший между 1-м и 2-м изданием, но здесь уже появляется, по крайней мере, материал для сравнения. И сравнение показывает, что автор, оставив содержание нетронутым, все внимание сосредоточил на стиле и языке. Он последовательно изгоняет диалектизмы: идет процесс очищения языка от эмилианских грамматических форм. Вместо них вводятся тосканские формы⁵¹². Эта работа будет продолжена с еще большей настойчивостью при подготовке 3-го издания; она в это время получает теоретическое обоснование и практическое обеспечение, благодаря опубликованному в 1525 г. «Рассуждениям о народном языке» Пьетро Бембо, где впервые проводится в программном порядке установка на язык флорентийских писателей XIV в. как на норму литературного языка. Что касается стилистики, то в этом плане основная забота Ариосто (и она также проходит непрерывно от первого издания к третьему) — гармонизация синтаксиса и метрики⁵¹³. Он устраняет переносы и инверсии — все, что способно хоть в малейшей степени затруднить течение стиха, что дает его октаве некий прозаический фон, меряет ее мерой прозаической речи. С другой стороны, он решительно расстаётся с

511 *Catalano M. Vita di Ludovico Ariosto. V. И. P. 79.*

512 *Segre C. Esperienze ariostesche. Pisa, 1966. P. 35.*

513 *Ibid. P. 39.*

наследством, полученным вместе с этой народной строфикой, борется против ее элементарной мелодичности, старается избегать частых словесных повторов, прямолинейных синтаксических и лексических параллелизмов. Его представления о музыкальности стиха много сложнее, и он целеустремленно, от издания к изданию, проводит их в жизнь, достигая единственной в своем роде плавности перехода между стихами, строфами, фразами, периодами — того, что потомки единодушно назовут «золотой октавой» Ариосто.

Готовя поэму к 3-му изданию, Ариосто значительно ее расширил: 46 песен вместо прежних 40. Он, во-первых, обновил ту ее часть, которая имеет непосредственное отношение к современности: не вычеркнул почти ничего, но добавил много — больше стало хвалебных упоминаний о живописцах и поэтах, появились мореплаватели, чьими трудами были раздвинуты старые границы ойкумены, молодые генералы, чьи имена прославили недавно прогремевшие битвы, князья, взошедшие на отцовские престолы. Во-вторых, и именно за этот счет поэма так выросла, Ариосто сделал четыре крупных дополнения к сюжету: история Олимпии, приключения Брадаманты в замке Тристана, поход Руджеро, Марфизы и Брадаманты на Марганорра, экспедиция объятаго ревностью Руджеро на Балканы, в итоге которой он становится другом и должником своего соперника и, отдавая долг, чуть не прощается с возлюбленной и с жизнью.

От десятилетия, прошедшего между 2-м изданием и 3-м, сохранился значительный массив подготовительных материалов, в том числе автографов. Помимо черновых вариантов он включает и некоторые более или менее обширные фрагменты, которые в окончательный текст не вошли. Среди них выделяются так называемые «Пять песней» — правда, лишь Чезаре Сегре датирует их 20-ми годами, остальные исследователи считают, что они были написаны в 1518 — 1519 г., т.е. во время подготовки 2-го издания (но они же не исключают, что Ариосто возвращался к своему отвергнутому замыслу и позже)⁵¹⁴. Источниками текста являются два издания (1545 г. и 1548 г.) и рукопись, выполненная, по всей видимости, позже, в 50-х годах. Владельцем автографа был сын Ариосто, Вирджинио; издатели располагали копией, которую он им предоставил; судьба автографа неизвестна. Фрагмент, как это ясно из его названия, состоит из пяти песней (более 500 октав) и имеет весьма существенное значение для понимания поэтики «Неистового Орландо» и ее развития во времени.

Европа «Неистового Роланда»

Содержание его в общих чертах следующее. Фея Альчина, которая не простила Руджеро своего унижения и его бегства, решает покарать вместе с бывшим любовником всю Францию и весь христианский мир. Орудием своего замысла Альчина выбирает Гано, и тот, подстрекаемый Завистью, которую наслала на него фея, отправляется на Восток, где поднимает на Францию могучих сарацинских царей. Подозрение, другой адский союзник Альчины, проникает в сердце лангобардского короля Дезидерия и также побуждает его выступить против императора. Отовсюду, из Европы и из Африки, грозят Франции вставшие как по волшебству бесчисленные вражеские рати. Император, не успев отпраздновать победу над Аграмантом, вновь собирает распущенные было войска. Первый его ответный удар могуч и победоносен. Ринальдо громит аквитанских мятежников, Оливьер и другие паладины наводят порядок на западных и северных границах, Брадаманта и Руджеро берут под охрану южное побережье, Орландо вторгается в Италию и наносит жестокое поражение лангобардам. Сам же Карл с основной массой войск движется на восток, усмиряет отложившуюся Баварию и обкладывает осадой Прагу. Под Прагу прибывает также Гано, успешно завершивший свои черные дела в Египте; он убеждает императора согласиться с

⁵¹⁴ *Dionisotti C.* Per la data dei "Cinque canti" // *Giornale storico della letteratura italiana.* № 2. 1960; *Fontana P.* I "Cinque canti" e la storia della poetica del "Furioso". Milano, 1962; *Caretti L.* Antichi e moderni. Torino, 1976.

предложением богемского короля (сделанным, чтобы выиграть время) и доверить исход войны поединку. К Праге подтягиваются войска, идущие на помощь осажденным, а Гано начинает успешно сеять раздор в стане осаждающих. Посредством подложных писем он внушает Ринальдо уверенность, что Карл собирается отстранить его от командования, и Ринальдо, заключив союз с полуразбитыми аквитанцами, обращает оружие против своего государя. Руджеро, повинаясь такому же фальшивому приказу, отплывает с флотом в Португалию, и Гано изображает императору его отплытие как бунт. Карл принимает ответные меры, во всем полагаясь на своего коварного советчика. Орландо приказано покинуть Италию и выступить против Ринальдо, а Риччардо — направить свой флот, курсирующий у атлантического побережья, на перехват флота Руджеро. Сам же Гано отправляется в Марсель и хитростью берет в плен Брадаманту. Однако Орландо ее освобождает и теперь предатель сам оказывается в оковах. Однако адская машина, пущенная им в ход, продолжает действовать. Риччардо, захватив врасплох ни о чем не подозревающего Руджеро, жжет и топит его корабли; Руджеро, спасаясь с горящего судна, прыгает в море и его проглатывает морское чудовище. Недра кита, в которых заживо погребен паладин, не пустынно: он встречает там старожителя, видит недавно проглоченного Астольфо и узнает, что его постигла участь, уготованная Альчиной всем изменившим ей любовникам. Астольфо рассказывает новому товарищу по несчастью, как, задумав овладеть чужой женой, попал в ловушку и в брюхо к чудовищу. К Праге подходят войска саксов, венгров, валахов, болгаров, поляков, русов, завязывается битва. В Аквитании бьются Орландо и Ринальдо. Брадаманта и Марфиза едут в Богемию, пылая гневом на императора (их ввели в обман все те же подложные письма, найденные у плененного Гано). С холма близ Праги они наблюдают сражение, которое вскоре переходит в побоище — войска христиан бегут, и сам Карл чудом избегает гибели. На этом фрагмент обрывается.

Ариосто не сразу и не без колебаний отказался от продолжения «Пяти песней» и от включения их в поэму (если верно, что он вновь возвращался к ним в 20-е годы). Но он не мог не отказаться, и причины, определившие это решение, достаточно очевидны. Одна из них — резкий диссонанс в стиле и интонации. «О наша жизнь, исполненная муки, как мало длится всякая твоя радость», — эти слова из II песни можно поставить эпиграфом ко всему фрагменту. Действительно, радости в нем мало, и контраст с атмосферой «Неистового Орландо» — разительный. Света и смеха здесь не остается, тона мрачные, торжествуют силы зла, трещит и рушится под их целенаправленным ударом собратство доблести и чести. О любви нет ни слова. Совершенно исчезает основной элемент «Неистового Орландо» — приключение с его случайностью и его свободой. В основе действия — злая воля и четко продуманный план, движут действием не вольные маршруты рыцарей, а тяжелые марши многотысячных отрядов. Решает его исход не богатырский взмах меча, а клевета, навет, предательство, оплошность.

В рукописи фрагмент начинается с октавы, которая фигурирует также и в тексте «Неистового Орландо» (в изданиях Мануция и Джолито ее нет): это октава 45 XL песни (по изданиям 1516 и 21 г.) или 68 XLVI (по изданию 32 г.). В ней и в предыдущей речь идет о злобе, которая грызет Гано и его сородичей в то время, как весь императорский двор объят ликованием. В 3-м издании это ликование по поводу возвращения Руджеро и согласия родителей Брадаманты на ее брак с ним. Другими словами, это финал самого обширного из эпизодов, добавленных автором в последнее прижизненное издание (Руджеро отправляется лично свести счеты с претендентом на руку Брадаманты, византийским принцем Леоном, попадает в плен, его изводит из темницы соперник, Руджеро не может отказать ему в просьбе заменить его в брачном поединке с Брадамантой, выигрывает поединок и готов казнить себя добровольной смертью, когда Леон приносит ему спасение своим отказом от завоеванной руками Руджеро невесты).

Однако место двух фрагментов, принятого и отвергнутого, в структуре повествования не идентично. История Руджеро и Леона исполнена именно как эпизод — осложняющий путь героя к бракосочетанию с Брадамантой в финале, но не отменяющий финал, каким он был в

двух первых изданиях поэмы. «Пять песней» как будто служат той же цели, но при этом брак негласно признается уже свершенным (Руджеро и Брадаманта не раз и не два в тексте фрагмента именуется мужем и женой), а прежний финал — пройденным и потерявшим значение финала. Стержень действия в «Пяти песнях» — новое нашествие на Францию, таких нашествий в «Морганте» Пульчи было три, два (Градассо и Аграманта) во «Влюбленном Орландо», в итальянской рыцарской поэме их вообще могло быть сколько угодно, поскольку повторение композиционной схемы, известной нам по «Морганту» и по первым песням Боярдо и включавшей в качестве обязательного момента близость военной катастрофы, не было здесь ограничено ничем. В том, что мы имеем дело в «Пяти песнях» именно с этой композицией, традиционной композицией итальянского рыцарского эпоса нас убеждает возвращение ариостовских героев к прежним, доариостовским образам и ролям. Гано, который в «Неистовом Орландо» упоминается каких-нибудь два-три раза среди персонажей фона, выходит в «Пяти песнях» на первый план и становится, как у Пульчи и его предшественников, главным мотором действия. Ринальдо бунтует против императора — бунтовщиком он и вошел в каролингский цикл (а в «Неистовом Орландо», в отличие от заглавного героя, верно нес вассальную службу). Астольфо, совершенно забывший в «Неистовом Орландо» о любви, впадает в свое традиционное амплуа дон-жуана и дамского угодника. Орландо предстает суровым воином и преданным вассалом императора, его любовные странствия и любовные безумства исчезают как не бывали.

Сюжет «Неистового Орландо» предполагается завершенным — это необходимое условие включения в работу данной композиционной схемы. «Пять песней» относятся к целому «Неистового Орландо» не как часть, а как продолжение, и поэма отвергает их также и в этом качестве. Поэма Ариосто не может быть продолжена, хотя все как будто свидетельствует об обратном. Брачные торжества в Париже могут считаться неким итогом и завершением только для линий Руджеро и Брадаманты, свершившим свое предназначение и положившим своим союзом начало славному роду властителей Феррары. Другие же линии оставлены более или менее открытыми. Все герои поэмы, чувствуя в последней песни новобрачных, могут вновь повести за собой сюжет: не все коллизии разрешены, не все узлы развязаны, не все противники покоятся в земле. «Если поэма все же заканчивается, то лишь потому, что нужно же ее когда-нибудь закончить. Она обрывается на полуслове, на очередном поединке, в котором Руджеро убивает Родомонта. Но она может быть закончена иначе или тут же продолжена — подобно тому, как сам Ариосто продолжил Боярдо»⁵¹⁵.

Если это не так, если эта необязательность конца только впечатление, которым был обманут и исследователь и в какой-то момент сам автор, то в «Неистовом Орландо» имеется достаточно жесткая повествовательная структура, сопротивляющаяся произвольному растягиванию сюжета. Казалось бы, какой структурной упорядоченности можно ждать от произведения, которое заведомо лишено начала: начало там, где остановилось перо предшественника. Однако, если внимательно присмотреться к стыкам двух поэм, оказывается, что Ариосто даже в начале не ограничивается пассивной ролью продолжателя⁵¹⁶. Он проводит полную ревизию связей с поэмой Боярдо, тщательно ее скрывая, и в итоге с «Влюбленным Орландо» мы прощаемся в минуту относительного и, конечно, недолговечного затишья — с «Неистовым Орландо» знакомимся в момент даже ему не всегда свойственного динамического взрыва. Ревизия, проведенная Ариосто (одни линии он возвращает обратно, другие обрывает, третьи отводит в сторону), многократно усиливает эффект подхвата действия, который при ином подходе к связующим звеньям можно было свести почти на нет. Сюжет «Неистового Орландо», конечно, перенимает чужой,

515 Боткин Л. Ренессансный миф о человеке // *Вопр. литературы*. 1971. № 9. С. 127 — 128.

516 О композиционной функции начала и конца в поэме см. нашу работу: Ариосто и ренессансный рыцарский роман // *Андреев М. Л., Хлодовский Р. И.* Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988. С. 123 — 126

оборванный, недосказанный, но он также и кажется подхваченным с полуслова — точно так же, как оборванным на полуслове он только кажется в конце.

4

Поэма Ариосто рождает у читателя два одинаково сильных и вполне противоположных впечатления. С одной стороны, мир поэмы — это мир свободы, по всей видимости, абсолютной. Свободен, прежде всего, герой: он взлетает в небо, спускается в ад, ему подвластно все широко распахнутое, от Китая до Гебрид, пространство поэмы. Ведут его в бесконечном его странствии свободно избранные цели и свободно воспылавшие страсти: совершая свой выбор, вступая на свой вольный маршрут, он без колебаний отбрасывает все, что привязывает его к раз и навсегда данной роли, к постоянному месту, к неподвижному образу. Его не могут остановить ни внушения разума, ни голос здравого смысла, ни приказ, ни препятствия свыше сил человеческих. Ничто не может перед ним устоять.

Есть, однако, и другая сторона. Астольфо, оседлавший крылатого коня и шутя перелетающий через моря и горы, свободен как никакой другой герой поэмы. Но его полет, закончившийся на высочайшей земной вершине, входит, как вскоре выясняется, в некий провиденциальный план. Он всего лишь исполнитель, и свобода его мнимая. Свободен Орландо в своем беге, свободен от доспехов, оружия, одежды, любви и цели, но его свобода — это свобода безумца. И два этих, самых свободных странствия поэмы с необходимостью ведут их героев навстречу друг другу: Астольфо, проникшийся сознанием своей миссии и отрешившийся тем самым от свободы, возвращает Орландо разум и вместе с ним чувство долга, чувство чести, обязанности рыцаря и вассала — всю его отвергнутую в безумии несвободу. Свобода небезгранична: безумие — это один ее предел, промысел, провидение, план — другой. Мало того, она и сомнительна. То и дело вмешивается в повествование автор, напоминая о своей власти, о своей свободе поступать как заблагорассудится с героями и с действием. Герои — марионетки в его руках, и он по своей прихоти вызывает их к жизни, посылает на край света, надолго о них забывает, опять к ним возвращается, чтобы вновь оставить на краю бездны, в лапах чудовища, в волнах разъяренной стихии. Из всех героев поэмы свободен по-настоящему лишь один — Лудовико Ариосто.

Но и эта свобода, по крайней мере, небеспроблемна. Да, действие «Неистового Орландо» демонстрирует поистине ошеломляющую подвижность; оно, как кажется, способно вечно стремиться вперед, описывая немислимые кривые и ничего в этом движении не приобретая, кроме очередного и столь же бесцельного прилива энергии. Все попытки, начало которым было положено уже в XVI в., выделить в этом ребусе с сотнями действующих лиц, с десятками сюжетных сцеплений, обрывов, расхождений и разветвлений какой-то магистральной сюжет, какую-то одну повествовательную закономерность, хоть в какой-то степени независимую от воли и произвола автора, — все эти попытки успеха не имели. Вместе с тем поэма не кажется чем-то хаотичным, разбросанным, дезорганизованным — читатель отходит от нее с чувством приобщения к некоему строгому и стройному порядку. Сформулировать принцип этого порядка не так уж сложно, и слово для него найдено уже давно. «Единство в разнообразии», — так еще в прошлом веке сказал Де Санктис⁵¹⁷. Сложнее показать, как это единство осуществляется, не уничтожая и не ущемляя разнообразия, порождая его вновь и вновь как свою опору и гарантию своей прочности.

Возьмем для примера два эпизода из истории заглавного героя поэмы: плен во дворце Атланта и безумие. В их отношении друг к другу нельзя заметить какой-нибудь логической принудительности: и частный сюжет Орландо, и общий сюжет поэмы не претерпели бы никакого существенного ущерба, если бы герою на его пути вообще не встретился дворец обманов и миражей. Какие-то сюжетные возможности и ходы, завязавшиеся во время блуждания Орландо по покоям Атлантова дворца, благополучно сходят на нет задолго до

517 Де Санктис Ф. История итальянской литературы. М., 1964. Т.Н. С. 28 — 29.

того, как паладин попадает на место любовной идиллии Анджелики и Медоро — ни один сюжетный импульс от первого эпизода до второго не достигает. Случай с Орландо, связанным по рукам и ногам колдовским миражом, прикованным к бессмысленной погоне за призраком Анджелики, — наиболее очевидный пример свободы сюжета от каких-либо обязательств в отношении самого себя, в отношении своей последовательности и своего порядка. Пример «разнообразия» ради разнообразия. Но таким этот случай предстает, если мы ограничиваемся контекстом поэмы. Стоит выйти за его пределы, и картина будет совершенно иная.

В поэме Боярдо есть похожий эпизод — плен в замке феи Драгонтины. Испив из кубка феи, Орландо утрачивает память: не помнит себя, не узнает окружающих. Его пытается спасти Астольфо, и сам становится пленником. Спасает Орландо и других пленников феи Анджелика — с помощью своего волшебного, развеивающего чары перстня. В поэме Ариосто Орландо, оказавшись в ловушке Атланта, также не узнает окружающих (хотя память сохраняет), его также и с помощью того же перстня выводит на свободу Анджелика, а Астольфо довершает ее дело, разрушив чары Атланта и освободив остальных его пленников. Роль Астольфо у Ариосто не симметрична его роли у Боярдо, прочие же герои эпизода свои роли сохраняют. Если мы теперь обратимся к безумию Орландо, то увидим в рассказе о нем и знакомые мотивы, и знакомых персонажей в знакомых ролях. Заглавный герой не помнит себя и не узнает окружающих — как в замке Драгонтины; он нападает на Анджелику, как у Боярдо напал на Астольфо. Волшебный перстень снова идет в дело, но теперь он выручает саму Анджелику. Астольфо возвращает Орландо разум, как Анджелика у Боярдо вернула ему память. Безумный ариостовский Орландо прямо продолжает ту роль, которую он играл в замке Драгонтины; ариостовские Астольфо и Анджелика своими прежними ролями обмениваются. Так или иначе ясно, что данный эпизод «Неистового Орландо» восходит к тому же эпизоду «Влюбленного Орландо», что и плен во дворце Атланта — у них общий источник или, что вернее, общая повествовательная модель. В контексте «Неистового Орландо» связь двух эпизодов установить невозможно, так как выпадает решающий для идентификации мотив — потери самосознания. В контексте обоих «Орландо» устанавливается не только связь — полная структурная и смысловая тождественность.

«Второй» контекст «Неистового Орландо» (или его «подтекст», если брать этот термин в значении, указанном К. Тарановским) не так уж широк. Из классической традиции в нем активно участвует «Энеида» (сюжетообразующая роль гомеровских поэм проявлена значительно более слабо), из жанровой традиции — поздние французские рыцарские романы (главным образом, прозаический «Тристан» и «Роман о Паламеде»). На первом месте и безоговорочно — «Влюбленный Орландо». Другие включения во «второй» контекст поэмы случайны, эпизодичны и второстепенны. Источники Ариосто может комбинировать (история выбора Дораличе, отвергнувшей жениха и отдавшей руку насильнику, опирается на семь аналогичных эпизодов из «Тристана» и «Паламеда»)⁵¹⁸, может разъединять (пример чего мы только что видели), но в любом случае он использует ведущий мотив для установления не всегда очевидных связей в «первом» контексте. Выбор Дораличе узнается в выборе Ориджиллы, изменившей доблестному Грифону с трусом и подлецом Мартано, узнается и в выборе Анджелики, которая предпочла простого пехотинца Медоро всем рыцарям мира. Основная тенденция, на которую работает «второй» контекст — отождествление всего со всем. Каждый образ и эпизод поэмы явно заявляет о своей неповторимой единичности и тайно свидетельствует о своем сходстве с иным образом и эпизодом — в пределе со всяким. Для того, чтобы обнаружить эту тенденцию, не всегда обязательно выходить за границы поэмы. Иногда она довольно полно проявлена и в пределах «первого» контекста⁵¹⁹, но все же

518 *Rajna P.* Le fonti dell'Orlando Furioso. Firenze, 1876. P. 380 — 381.

519 См. в нашей цитированной выше работе пример отождествления Медоро и Зербино (*Андреев М. Л., Хлодовский Р. И.* Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. С. 130 — 131). Там же — о принципе взаимоотражения эпизодов и образов.

остается только тенденцией, поскольку характеризует не столько структуру, сколько стиль. Систему, если она имеется, нужно искать не здесь.

В «Неистовом Орландо» много действующих лиц, но далеко не все из них способны вести действие. Подавляющее большинство персонажей существуют только в орбите более мощных сюжетных линий, один на один с действием не остаются, сюжетной самостоятельности не ищут и ее не выдерживают. Среди них не только персонажи фона, чья жизнь в поэме ограничена эпизодом или строкой, но и персонажи заметные — Карл, Аграмант, Оливьер, Брандимарт, Фиорделиджи и другие, их много, они проходят через всю поэму, но всегда рядом с ними главный герой. Таких тоже немало, но все же число их не ошеломляет. Их четырнадцать — пять дам (Анджелика, Брадаманта, Марфиза, Олимпия, Изабелла), девять рыцарей (Орландо, Ринальдо, Астольфо, Руджеро, Родомонт, Мандрикардо, Зербино, Грифон, Медоро).

Анджелика первой из ведущих персонажей поэмы в ней появляется. Она бежит из стана разбитого французского войска, затем бежит от Ринальдо, но лишь затем, чтобы встретить нового преследователя. И в этой роли вечно преследуемой (ей досаждают Сакрипант, отшельник, эбудские пираты, Руджеро, вновь Сакрипант в компании с Орландо и Феррау) она пребывает до середины поэмы, пока не встретит израненного Медоро и не подарит ему сердце. Потом будет еще один бег — от обезумевшего и утратившего человеческий облик Орландо. Структура сюжетной линии явным образом слагается из двух звеньев: в первой части героиня торжествует даже в унижении, сохраняя ореол победоносной и неотвратимой красоты; во второй — унижается даже в своей любовной идиллии. В первой части она, прикованная к эбудской скале, преобразуется в Андромеду, когда к ней с неба слетает крылатый рыцарь; во второй — нисходит на уровень скромной вергилиевской пастушки и склоняет гордую голову под низкие своды пастушеской хижины, ставшей ее брачным чертогом. И погоня за ней во второй части — не благородная рыцарская скачка, а дикая и бешеная охота. Вторая часть двумя своими сюжетными ходами с двух сторон опровергает и травестирует первую: основной мотив первой части выступает здесь в отражении перевернутом (объект эротического преследования становится его субъектом) и в отражении искаженном (эротическое преследование становится преследованием разбойным и безумным).

Линия Брадаманты также состоит из двух частей. В первой (до плена во дворце Атланта) эта галльская амазонка предстает в одном и неизменно равном себе образе — образе неустанной и целеустремленной искательницы. Она ищет своего возлюбленного Руджеро, и ничто не может ее от этих поисков отвлечь, никакое препятствие не может ее остановить. Поиски она продолжает и освободившись из дворца Атланта, но теперь в образе Брадаманты проступает некоторая двойственность. С одной стороны, авантюризм ее сюжетной линии на какой-то момент стремительно возрастает, с другой стороны, в девчонке рядом с воительницей обнаруживается дева. Брадаманту, оказавшуюся близ родного замка, заточают в ее девичий терем, где она тоскует, предается любовным тревоблениям и впервые познает ревность. Чем ближе к концу, тем явственнее дева выступает на первый план. Вокруг героини свивается плотная сеть матримониальных коллизий и расчетов. Родители прочат ее за византийского принца и отказывают Руджеро. Брадаманта переживает конфликт любви и дочернего долга — неизвестный рыцарскому роману, но любимый комедией. Вся она теперь в девичьих терзаниях: льет слезы о возлюбленном, винит его в неверности, тревожится за исход поединка Руджеро и Ринальдо. В наказание за строптивость ее вновь заточают в отдаленный замок. С головой погрузившись в комедийный сюжет, она прибегает и к оружию комедии — интриге. Даже финальное умиротворение обеспечивается посредством испытанного комедийного хода — повышением социального статуса претендента. Болгары венчают Руджеро своим царем, что сразу снимает все возражения родителей Брадаманты.

Как легко убедиться, темы и образы первой части воспроизводятся во второй в

сниженном и отчасти пародированном виде. Тема поисков возлюбленного либо подвергается иронической коррекции (героиней движет теперь не столько любовь, сколько ревность), либо переводится в свою противоположность (героиня теперь не столько ищет, сколько ждет — в Монтальбане и Рошфоре, — чтобы нашли ее). Это та же процедура, что и в случае с Анджеликой: прямая перестановка знаков, перемена субъекта на объект или наоборот (преследуемая героиня становится преследующей, ищущая — искомой) и перевод темы в более или менее явный комический контекст (охота Орландо за Анджеликой, ревнивый поиск Брадаманты).

Следующий по очередности появления женский персонаж из числа имеющих самостоятельный сюжет — Олимпия, злосчастная дочь графа голландского. Ее история (любовь к Бирено, сватовство фризского принца и т.д.) организована поначалу как вставная новелла — как рассказ героини, в котором последнюю точку ставит слушатель (Орландо). Таким же образом чуть раньше была рассказана Ринальдо история Джиневры. Но история Олимпии имеет продолжение (измена Бирено, необитаемый остров, эбудские пираты, новое спасительное вмешательство Орландо), благодаря чему вписывается в общий сюжет поэмы и обретает уже знакомую нам двучастность. Снижения здесь нет, но жанровый сдвиг можно заметить. Обстановка первой части близка к современной хронике: спор, правда, идет о руке красавицы, но главной целью Чимоско является не овладение Олимпией, а овладение Голландией. Нерыцарственность целей подчеркнута нерыцарственностью средств: все свои победы фризский король одерживает с помощью аркебузы, и Орландо, избавившись от этого дьявольского оружия будущих войн, провожает его проклятием. Во второй части современность уступает место древности: оба сюжета этой части (оставление на острове и спасение от чудовища) воспроизводят сюжеты античного мифа (Тесей и Ариадна, Геракл и Гесиона); Ариосто близко следует античным литературным образцам, Катуллу и Овидию; природа мифологизирована и героиня выступает в сплошном кольце мифологических перифраз и сравнений.

Изабелла, подобно Олимпии, входит в поэму героиней вставной новеллы (вновь с Орландо в качестве слушателя) и, подобно ей же, не заканчивает свою жизнь в поэме, окончив рассказ. Вообще ее история прочитывается как обращенное отражение истории Олимпии (хотя, если учитывать хронологию создания поэмы, порядок будет обратным: Изабелла сначала, Олимпия потом). Действительно, в первой части своего сюжета Олимпия — героиня, стойко проходящая через все испытания и готовая доказать свою верность возлюбленному великим подвигом самопожертвования; этот подвиг совершит Изабелла, но во второй части. В первой части она была жертвой, на которую непрерывно и необъяснимо падали удары судьбы — это роль и удел Олимпии, но во второй части. Изабелла сначала жертва, затем героиня; Олимпия, наоборот, — жертва в конце, а героиня в начале. В истории Изабеллы движение темы идет от мужской неверности (Одорико) в первой части к женской верности во второй (эпизод с Родомонтом); в истории Олимпии, напротив, — от женской верности в первой к мужской неверности (измена Бирено) во второй. Жанровый переход в сюжете Изабеллы также дает о себе знать. Первая часть построена как авантюрная новелла (что подчеркнуто переключками с новеллой Боккаччо и с эпизодом апулея «Золотого осла»), вторая (в главном своем эпизоде) — как комическая новелла о женском хитроумии. Однако этот комизм затрагивает лишь окружение Изабеллы, над ней самой он не властен. Это и понятно, если вспомнить, что своими корнями финальный эпизод уходит в житийную литературу. Предшественницей Изабеллы был св. Эвфразия. Начавшись «Декамероном», сюжет Изабеллы заканчивается мариологом.

Мир «Неистового Роланда»

Линия Марфизы, последней из великих героинь «Неистового Орландо» появляющейся на его страницах, представляется просто бессвязным набором эпизодов. Она идет от

приключения к приключению, без плана, без цели, без какой-нибудь высшей идеи. Ее закон — случай. Для Марфизы, род которой неизвестен, нет своих, но чужих для нее тоже нет. Она не обременена никаким долгом и не обременяет им других. Она — женщина, но не только избрала мужскую долю, она в принципе отвергла женское отношение к мужчине, которое постепенно возвращает пол Брадаманте. В этой пустоте, окружающей героиню, не может возникнуть ни прочных связей, ни дальних целей. Однако связи, хотя и недолговечные, все время непонятным образом завязываются. Самый асоциальный из персонажей «Неистового Орlando» как бы излучает парадоксальную социальность. Любое соприкосновение Марфизы с окружающими начинается агрессией и кончается образованием группы (встреча с Астольфо и Сансонетто, встреча с Грифоном и Аквилантом, встреча с Гвидоном, встреча с Руджеро, Риччардетто и Альдиджеро и т. д.). Поначалу эти образования нестабильны, но когда голос Атланта, поданный из могилы, объявляет ее и Руджеро братом и сестрой, т.е. указывает ей прочное место в системе семейных, вероисповедных, социальных отношений, она с энтузиазмом его занимает: не медля ни минуты, переходит к христианам, склоняется перед Карлом и с этого момента усердно блюдет свой воинский долг.

Марфиза не только сама социализируется, но и как бы овладевает той стихией социальности, которая до границы частей, обозначенной вмешательством в действие Атланта, проявлялась в ней вопреки ее природе хищника (ср.: XX, 103). В двух эпизодах, которые составляют вторую часть сюжетной линии, Марфиза занята полезной социальной деятельностью: она переустраивает общество (уничтожая женоненавистнический закон Марганора), и она устраивает брак Руджеро и Брадаманты. Комическая атмосфера, которая почти неизменно сопутствовала героине в первой части, во второй как-то незаметно сходит на нет — полная противоположность линиям Анджелики и Брадаманты, где ироническое снижение происходило во второй части. Тема же, носителем которой выступает весь сюжет, раскрывается в двух вставных новеллах, услышанных Марфизой. Обе — и история возникновения царства амазонок, и история учреждения Марганором его злого обычая — изображают печальные последствия, к которым приводит тирания одного из полов, и тем самым утверждают идею гармонии как необходимого условия социальной жизни. Эту же идею в форме парадокса утверждает и сам образ Марфизы. Ее антисоциальная энергия, постоянно продуцирующая возмущения и конфликты, так же постоянно направляется к конструктивным целям. Марфиза приходит к социальному творчеству несмотря на свой принципиальный индивидуализм и, хотя она и отринула свою женскую природу, заканчивает поэму в роли некоей героической свахи.

Линия Орlando состоит из трех разделов. В первом, проходящем под знаком любовного поиска, Орlando — типичный странствующий рыцарь, ничем не отличающийся от многочисленных своих собратьев и от образа, созданного Боярдо. Второй раздел — любовное безумие, также достаточно традиционный сюжетный момент. Однако вовсе не традиционно то обстоятельство, что весь второй раздел представляет собой гротескно-натуралистическую трагедию первого: это как бы один сюжет, воспринятый сначала жанром рыцарского романа, а затем — жанром ирои-комической поэмы. В первом разделе Орlando уничтожает сарацинский отряд — во втором избивает крестьянский скот и разгоняет толпу поселян, ведет рыцарские поединки — и крушит черепа пастухов, спасает прекрасных дам — и гонится за Анджеликой как дикий зверь. В третьем разделе излеченный от любви и от безумия Орlando возвращается к традиционному (но уже для себя) образу сурового и аскетичного воина, не причастного к легкомысленному и легковесному миру любовных приключений. Герой рыцарского романа уступает место эпическому герою, и Орlando прощается со своим романским прошлым решительно и бесповоротно, не сохранив никаких о нем воспоминаний и никаких его примет. Превращение значительно более радикальное, чем те, которые переживали другие персонажи поэмы. В свете этого переворота различие двух первых разделов представляется уже малосущественным, и вся линия Орlando принимает знакомый нам вид двучастности. Однако асимметрия частей и изолированность последней части сообщают фабуле известную незавершенность и как бы инерцию продолжения.

Сюжет, который связан с именем Ринальдо, второго бойца империи, представляется наиболее разбросанным и хаотичным. На самом деле в нем можно выделить единую схему, которая повторяется с неуклонным постоянством от первого до последнего выхода героя на сцену «Неистового Орландо». Схема следующая: отъезд, либо по приказу, либо по собственной воле, — приключения, отодвигающие на второй план причину отъезда, — возвращение к вассальному долгу и воинской службе. Герой проходит через этот сюжетный цикл пятью разами. Первый раз — от преследования Баярда, переходящего в преследование Анджелики, до приезда в Париж; второй — от поездки в Британию за подкреплениями до возвращения в Париж во главе английского и шотландского войска; третий — от очередной отлучки, предпринятой для поисков Анджелики, до ночного удара по сарацинскому лагерю, в итоге которого Аграмант вынужден бежать в Арль; четвертый — от выхода на несостоявшийся поединок с Градассо до выхода на неоконченный поединок с Руджеро; и пятый — от нового ухода по следам Анджелики до возвращения в Париж вместе с героями Липадузского боя.

Легко заметить, что на каждом отрезке своего сюжетного пути Ринальдо совершает тот переход, на который ушел весь сюжет Орландо — переход от романа (срединная фаза цикла, где Ринальдо занят только приключениями и где он служит только любви) к эпосу (конечная фаза, где он выступает как защитник родины и христианства). Поединок с Градассо в начале цикла Ринальдо ведет как странствующий рыцарь и призом победителю служит конь — на поединок с Руджеро в конце цикла он выходит как представитель Франции и как поборник правой веры и наградой ему будет победа в войне. Что касается аналогии с Орландо, то она не случайна: взаимосвязь между линиями двух лучших рыцарей Франции поддерживается постоянно. Но в определенный момент эта изометрия линий ломается: исцеление от любовной страсти (пятый цикл) дается Ринальдо, когда он уже миновал пик своих ратных свершений — не располагаясь, как исцеление Орландо, на переходе от любви к войне. С этого момента, с источника, освободившего Ринальдо от любовной неволи, он ведет свой сюжет вне всякой проекции на сюжет Орландо, что лучше всех других свидетельств говорит о том, что и в его линии имеется уже привычная нам дихотомия. Но есть и другие свидетельства. Из своего пятого и последнего отъезда Ринальдо возвращается не эпическим бойцом, как это бывало раньше: он снова участник конфликта, но не народов и религий, а личных интересов и семейных расчетов. Он своей волей отдал Брадаманту Руджеро и теперь, единственный из семьи, стоит за этот брак в споре с родителями. О вступлении в сферу семейно-бытовых коллизий свидетельствует и тематика, новелл, выслушанных Ринальдо во время его итальянского путешествия: ревнивые мужья, неверные жены, предприимчивые любовники. Первая новелла — о том, как взращенная в чистоте и воспитанная в добродетели жена не могла уберечь ни того, ни другого, соблазняемая звоном и видом золота. Рассказчик и герой этой новеллы, испытывавший на свою беду верность' супруги, делает из своей истории такой вывод: не следует «больше знать, чем велено знать» (XLIII, 45). В оригинале сказано еще определеннее: не следует *sercare oltre alia meta*, переходить через грань. Об этом еще до рассказа знает Ринальдо: после недолгого колебания он отодвигает от себя чудесный кубок, посредством которого проверяется супружеская верность. Он не хочет знать больше, чем нужно (XLIII, 7), не хочет переходить через грань. Герой, остановившийся на границе, герой меры и умеренности — вот кем выказывает себя Ринальдо. И если во второй части меру диктует здравый смысл и житейская осторожность, то в первой, героической и любовной, этой мерой взвешены подвиг и страсть. Ринальдо в недавнем исследовании назвали героем-заместителем⁵²⁰; он, действительно, не равен Орландо, потому что никогда не доходит в подвиге до титанизма, а в любви — до безумия.

Напротив, никаких границ ни в пространстве, ни в действии не признает еще один паладин Франции — английский принц Астольфо. Этот персонаж Ариосто изменился в сравнении с его традиционным образом наиболее радикально — больше, чем Орландо, и тем

более больше, чем Ринальдо. В ариостовском Астольфо невозможно узнать того шута, безбожника, хвастуна, дон-жуана, каким он был раньше, от франко-венетских поэм до Пульчи и Боярдо. Осталась от прежнего Астольфо только зыбкая комическая атмосфера, но дистиллируется из нее ничем не замутненная авантюрная струя, чистая жажда приключений, как бы эссенция духа рыцарского романа.

Так, по крайней мере, поначалу. С первого шага Астольфо сопровождает стихия сказочности: фея-покровительница, чудесные противники, волшебное оружие. Но после разрушения Атлантова дворца и полета на гиппогрифе в царство Сенапа характер его приключений резко меняется. Они по-прежнему чудесны, но собственно сказочными их уже не назовешь (тем более, что Астольфо постепенно утрачивает свои волшебные предметы: золотое копьё отдано Брадаманте, рог, побывав на Луне, потерял волшебную силу и т. д.). Теперь все приключения Астольфо воспроизводят деяния героев античной мифологии: Зета и Калаида (изгнание гарпий), Улисса и Энея (сошествие в ад), Беллерофонта (полет на крылатом коне), Эола (пленение ветра), Девкалиона и Пирры (сотворение живых существ из камней). Сенапу он мнится ангелом господним. И, действительно, миссия, возложенная на него Иоанном Евангелистом, достойна ангельского чина: принести спасение вере и империи, вернуть в ряды христианского воинства самого могучего его бойца. Заканчивает поэму этот самый легкомысленный, самый неэпичный ее герой в роли полководца и военного триумфатора.

Руджеро и Астольфо сближает стихия волшебной сказки. У обоих есть фея-покровительница, у обоих есть волшебные предметы: рогу Астольфо соответствует ослепительный щит Руджеро, книге Астольфо, раскрывающей секреты колдовства, — кольцо, отнимающее у колдовства его силу. Крылатый конь переходит от Руджеро к Астольфо. Правда, в отличие от английского принца, Руджеро не свободен в своих сказочных перипетиях. От приключения к приключению его ведут за руку волшебник и фея, а через них — вечная и неотвратимая воля провидения, согласно которой Руджеро суждено в браке с Брадамантой положить начало славному роду властителей Феррары. Тем не менее в линии Руджеро, в первой ее части отражается весь сюжет Астольфо, со всеми его основными мотивами и сюжетными ходами (плен, путешествие, сошествие в ад — для Руджеро это остров Альчины — и исход из преисподней). Все меняется после освобождения Руджеро из Атлантова дворца (последняя прямая аналогия с сюжетом Астольфо). Первым отступает и быстро сходит на нет опутавшее героя волшебство. Гиппогрифа и перстень он теряет непосредственно перед пленением во дворце, по выходе из дворца бросает в колодец свой волшебный щит. Атлант, удрученный очередной неудачей, расстается с жизнью, и Мелисса также ослабляет свою прежде неусыпную опеку. Исчезают внешние препятствия, но нарастают и множатся препятствия внутренние. Сердцем Руджеро с Брадамантой, но разум, чувство долга, голос чести заставляют его раз за разом откладывать соединение с возлюбленной. Вторая часть сюжетной линии отрицает первую, переводя ее в план последовательной интериоризации. Противоборство магических сил сменяется противоборством душевных сил, привязанностей и долженствований. И как в первой части герой не мог освободиться из волшебного плена без волшебной помощи, так и здесь, во второй, он не в силах разрешить свой внутренний конфликт без поддержки извне и свыше. Трех пленениям первой части соответствуют три конфликтные ситуации второй: из поединка с Ринальдо, братом нареченной невесты, героя выводит Мелисса (как в первой части из замка Атланта и с острова Альчины), из борьбы любовной и вассальной верности — воля божества и проповедь отшельника (как в первой части из дворца Атланта — волшебный рог Астольфо), из столкновения между долгом перед возлюбленной и долгом перед другом — вновь Мелисса.

Интериоризация конфликта при переходе во вторую часть — традиционный мотив рыцарского романа в его классическом варианте⁵²¹. Однако у Ариосто, если сравнивать его с

⁵²¹ Мелетинский Е. М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983. С. 276 — 277.

Кретьеном де Труа, конфликт дополнительно романизован. Спор здесь идет не между личным и общим (между любовью и рыцарским служением, как в «Эреке» и «Ивейне»), а между личным и личным — на чашу весов положены любовь и честь, честное имя, также категория личная, но нуждающаяся в социальной апробации. Причем, честь важнее для героя не только любви, которая вынуждена каждый раз отступать во внутреннем споре, но и долга, что он, в частности, доказывает в распри с Родомонтом. Родомонт готов спешить на выручку Аграманту, отложив сведение личных счетов — не только с Руджеро, но и с Мандрикардо, похитителем невесты. Руджеро же и слышать не хочет ни о какой отсрочке, хотя речь для него идет не о невесте, а о коне. Помощь Аграманту оказана как бы случайно и мимоходом, в промежутке между двумя вспышками распри, идущей все о том же — о материальных символах чести, о гербах, щитах, конях и мечах.

Всем решениям героя во второй части сопутствует некий ореол амбивалентности, омрачающий чем дальше тем больше программную идеальность образа. Честь, о которой Руджеро так печется, слишком явно покорствуется мнению окружающих, в том числе и «невежеской черни», как однажды обмолвился герой (XXV, 90), и в равной мере препятствует ему и в достижении счастья и в исполнении долга. Возможно, именно поэтому в заключительном разделе сюжетной линии, дополнившем ее в последнем прижизненном издании (эпизод с Леоном), остается лишь один член прежней дилеммы — любовь. О чести уже речи нет и вынуждает любовь еще раз отступить долг благодарности в отношении друга. Дилемма есть и здесь, в этом финальном выборе героя, но нет двойственности целей, поэтому нет сомнений, нет отсрочек и нет противоречия воли. Герой рвет со своей рабской зависимостью от мнения других. Он наконец обретает свободу — в момент отречения и жертвы.

И только теперь, на уровне темы вновь дает о себе знать глубинная связь линий Астольфо и Руджеро. В первой части своего сюжета Астольфо свободен, как только может быть свободен сказочный герой, обладающий сказочным всемогуществом и не скованный ни сказочными целями, ни сказочным противодействием. У Руджеро, напротив, в его первой части есть и цель, присущая сказке — Брадаманта, и присущий сказке противник — Атлант. Поэтому Астольфо свободно странствует по свету, а Руджеро переходит от плена к плену. Вторая часть превращает Астольфо в исполнителя, который ни на шаг не волен отступить от порученной ему миссии и ни в чем не вправе нарушить предначертанный план — Руджеро же, перейдя во вторую часть, должен сам выбирать свой путь, изживая внутри, в душе то сопротивление прежней внешней несвободы, которое сосредоточилось теперь в понятии чести. Сюжетная линия Астольфо указывает на внешний предел внешней свободы, линия Руджеро прокладывает путь к свободе внутренней.

Линия Родомонта, величайшего сарацинского богатыря, также очевидным образом слагается из двух частей. В первой, до рокового решения Дораличе, отдавшей похитителю предпочтение перед женихом, Родомонт выступает в образе эпического героя. В этом образе он входит в поэму, штурмуя Париж; его же он сохраняет, когда откладывает заботы о любви и чести и устремляется на помощь разбитому сарацинскому воинству. Во второй части он играет роль неудачливого романического героя: его отвергает Дораличе, обманывает Изабелла, сбрасывает с седла Брадаманта. Тон всей второй части задает рассказанная в ее начале новелла о Фьямметте — о не знающем меры и узды женском сладострастии. Тон этот определенно комический. Выбивается из него лишь эпизод финального боя с Руджеро, где Родомонт возвращает себе если не величие, то, по крайней мере, серьезность.

Линия Мандрикардо, еще одного сарацинского богатыря, обнаруживает значительное сходство с линией Родомонта. Начало обеих — парад под стенами Парижа, конец — поединок с Руджеро. У Мандрикардо, правда, нет подвига, сравнимого со штурмом Парижа. Он сразу начинает с «ухода»: услышав об истреблении одним рыцарем целого сарацинского отряда, он пускается по следам этого неизвестного. Не свой подвиг, таким образом, а зависть к чужому. Далее будет похищение Дораличе, поединок с Орландо, у Габрины Мандрикардо

отберет узду, смертельно ранит Зербино, попытается завладеть Марфизой — все эти эпизоды имеют более или менее явных двойников в линии Родомонта. Лишь немногие события, участником которых является Родомонт, никак не отражаются в сюжете Мандрикардо: нет здесь вставной новеллы, нет отшельничества, нет повторного ухода (после суда Дораличе), который проводил границу между двумя частями. Нет, соответственно, и привычной нам двучастности. То обращение темы, которое, как правило, совершается во второй части, здесь присутствует в самой теме, которая с самого начала направлена на дискредитацию персонажа. Мандрикардо — герой насилия и грабежа. Он всегда претендует на чужое — на невесту, меч, щит, упряжь. Тот образ титана, который являет первая часть линии Родомонта, второй частью скомпрометирован, но не опровергнут — только параллель с Мандрикардо этот образ полностью опровергает и дегероизирует.

И еще одна пара — Зербино и Грифон. В линии Зербино главенствует тема верности, о чем прямо заявлено автором (XXI, 1 — 2). Весь сюжет проходит в окружении эксплицирующих эту тему примеров и контрпримеров. Верность до героизма, до самопожертвования выказывает Изабелла в отношении возлюбленного, Медоро — в отношении государя, Клорйдано — в отношении друга. Верность дружбе, любви, долгу, слову попирают Одорико, Пинабелло, Габрина. История Габрины, включенная в сюжет в качестве вставной новеллы, сталкивает образцовое предательство с образцовой верностью: верность терпит в этом столкновении крах. Основной сюжет — это и параллель новелле (вновь ложь и предательство со стороны Габрины) и одновременно ее опровержение: гибель Зербино представляет собой апофеоз верности, ничем и никак не запятанной.

Сюжеты Грифона и Зербино многое объединяет. Вначале обоих турнир: на турнире Зербино встретил и полюбил Изабеллу; на турнире же происходит завязка основной коллизии, в которую вовлечен Грифон. Затем предательство: Зербино обманут своим доверенным (пытающимся овладеть Изабеллой); Грифон — своей возлюбленной. Последствия предательства: обманутый Ориджиллой Грифон приговорен к позорному наказанию — оклеветанный Габриной Зербино приговорен к казни. И наконец возмездие: Зербино карает Одорико и Габрину — Грифон судит Ориджиллу и Мартано. Сходство значительное, но в этом сопоставлении есть одна неточность. В линии Грифона выдержана сюжетная последовательность (события в Дамаске), в линии Зербино в сюжет первого предательства (со стороны Одорико) вкрался эпизод, относящийся к последствиям второго предательства (со стороны Габрины). Вообще вся история первого предательства в сюжет Зербино прямо не входит (это сюжет Изабеллы): она как бы навязана ему параллелизмом с линией Грифона. Иначе говоря, наличие параллельного сюжета отзывается в сюжете Зербино появлением первого повествовательного тура, которого он, взятый изолированно, лишен. С другой стороны, и в сюжете Грифона, включенном в систему сопоставлений, начинают проступать контуры неразвернутой второй части (эпизод в замке Пинабелло).

И, наконец, Медоро, последний из персонажей, имеющих самостоятельную роль. Правда, самостоятельность его весьма относительна. Проявляет ее он только в эпизоде ночной экспедиции за телом убитого государя — это в сущности вставная новелла, хотя и оформлена она как часть общего сюжета поэмы, не как рассказ третьего лица. За пределами своего классического подвига он не только вводится в орбиту более мощной сюжетной линии, но и полностью в ней растворяется. В любовном дуэте с Анджеликой у Медоро нет ни лица, ни голоса. Его сюжет фактически заканчивается там, где кончается его сходство со стациевым Оплеем и вергилиевым Нисом.

Список ведущих персонажей исчерпан, и можно теперь подвести некоторые итоги. Основным принципом сюжетостроения в «Неистовом Орландо» является принцип дихотомии. Лишь три сюжета поэмы — Мандрикардо, Зербино и Грифона — не обнаруживают никаких признаков двучастности. Остальные же одиннадцать могут быть в разной степени структурированы, могут слагаться из большего или меньшего числа композиционных звеньев низшего уровня (три звена в линии Орландо, пять — в линии Ринальдо и т. п.), но все частные различия отступают перед единообразием общей

дихотомической структуры. Исключения также предусмотрены этой системой, о чем несколько ниже.

При переходе из части в часть происходит интонационный сдвиг и сдвиг в жанровой доминанте. Ни один из них по отдельности не универсален, универсальны они только в совокупности. Ровно в половине двучастных сюжетов жанровое смещение сопровождается интонационным. В четырех случаях (Олимпия, Изабелла, Астольфо, Руджеро) интонация остается постоянной, при том что жанровый сдвиг налицо. В случае с Марфизой имеется снятие комизма первой части (комизма рассредоточенного, что ослабляет момент интонационного сдвига), но нет никакого превращения поэтики. И наконец, сюжет Медоро при явной его двучастности не подходит ни под одно из основных преобразований, что, на наш взгляд, является признаком его исключенности из общего процесса сюжетообразования в поэме (другой признак — его непарность).

В первой части своего сюжета Анджелика выступает преимущественно как объект эротического преследования; во второй части это сюжетно-тематическое постоянство уступает место двойственности — к пассивной роли вечно преследуемой (в эпизоде с безумным Орландо) добавляется активная роль в собственной любовной партии (достижение эротической цели). В линии Брадаманты основной мотив первой части (субъект эротического поиска) переходит во вторую, где рядом с ним возникает новый (объект эротического поиска или преследования). Такая же процедура наблюдается в других женских линиях (кроме линии Марфизы): объект эротического преследования в первой части, а во второй — объект преследования (эротического только в случае Изабеллы) и, в дополнение, утрата эротической цели (измена Бирено и гибель Зербино). В линии Орландо первая часть слагается из двух сюжетно-тематических блоков (субъект эротического поиска — субъект поиска, лишённого цели); во второй части они бесследно исчезают, вытесненные третьим (субъект героического действия и арбитр героической коллизии). То же в линии Ринальдо: два блока первой части (субъект эротического поиска — субъект героического действия) и один, никак с ними не соотносящийся, во второй (арбитр бытовой коллизии). В линиях Астольфо и Руджеро первая часть одномотивна (Астольфо как субъект сказочно-героического действия, Руджеро как объект сказочно-эротического преследования), но вторая обнаруживает явное сходство с финалами других рыцарских сюжетов (Астольфо как арбитр героической коллизии, Руджеро как арбитр внутренней коллизии). В линии Родомонта опять удвоенность первой части (субъект героического действия — субъект эротического поиска) сменяется единообразием второй (утрата эротических целей). И в линии Марфизы мы вновь имеем прямое совпадение сюжетно-тематического блока с композиционным разделом: субъект героического поиска в первой части — арбитр бытовой и социальной коллизии во второй.

Как можно видеть, мужские и женские партии в поэме (исключая из числа женских линию Марфизы) организованы по-разному. Во всех женских линиях основной мотив первой части обязательно переходит во вторую, где соединяется с новым, дополнительным, который представляет собой все тот же основной мотив, но с изменённым знаком (перемена объекта на субъект, активной роли на страдательную и наоборот). Иначе говоря, дихотомия в этой группе сюжетов строится по принципу бинарности. Герои поэмы, в отличие от героинь, не переносят во вторую часть мотивы первой, и она, эта часть, не может быть представлена как простое преобразование первой на основе изъятия или прибавления какого-либо одного признака. Женские линии строго симметричны — в мужских симметрия, если она есть, действительна только в границах первой части (взаимоотражение любовного и безумного странствий в сюжете Орландо и т. п.). Женские линии, как следствие, более самостоятельны, независимы, замкнуты в себе — ими достигнута полная гармонизация. Мужская линия, взятая изолированно, выглядит недоговоренной: темы двух ее частей повисают в воздухе, не имея точек соприкосновения.

Положение исправляется с выходом на новый, более общий уровень сюжетообразования — за пределы изолированного сюжета. Здесь вступает в силу вторая закономерность поэмы: сюжеты, поделенные надвое, теперь по двое слагаются. В женской

половине поэмы это попарное объединение следует тому же принципу бинарности, что и деление. Анджелика противопоставлена Брадаманте как преследуемая преследующей и как женщина с преувеличенным женским началом — женщине с преувеличенной мужественностью. В стане героев сложение сюжетов происходит на основе менее простой процедуры. В каждой паре сюжетов может быть выделен сюжет ведущий, чья первая часть сопоставлена по линии прямых аналогий и оппозиций с обеими частями параллельного сюжета. Скажем, в сюжете Ринальдо первая часть соотнесена темой эротического поиска с первой частью сюжета Орlando, а темой героического действия — со второй его частью. В то же время тема второй части ведущего сюжета (в данном случае, роль Ринальдо в разрешении частных конфликтов) не имеет видимой опоры в сюжете смежном и могла бы остаться совершенно изолированной, если бы в линии Орlando теме второй части не был придан дополнительный поворот: Орlando не просто участвует в героическом действии, но своим участием определяет его исход (т. е. выступает в его отношении как арбитр). Таким образом, имеется аналогия функции или роли и резкое разграничение сфер ее осуществления (Ринальдо — арбитр семейно-бытовых коллизий, Орlando — арбитр войны и мира). Сюжеты Орlando и Ринальдо связаны отношением дополнительности.

Такая же связь устанавливается между линиями Астольфо и Руджеро, где линия Руджеро — ведущая. Вновь кричащий дисбаланс масштабов и вновь усиленная социализация героя в момент вступления в систему дополнительных соотношений (т. е. во второй части). Орlando и Астольфо решают судьбы народов, Ринальдо занят судьбой влюбленной пары и общей проблемой брака, Руджеро — своей собственной судьбой (но в подчеркнута социальном аспекте). Наоборот, анти- и асоциальность возрастают во второй части линии Родомонта, где герой не только уходит от людей и пытается жить анахоретом, но и где постоянно опровергаются его претензии на роль арбитра (он затыкает рот защитнику женщин при обсуждении рассказа трактирщика, отправляет в море монаха, отстаивавшего правильность решения Изабеллы, пытается покарать за мнимое предательство Руджеро и т. д.). Родомонт — псевдоарбитр, как псевдогероем является персонаж парного сюжета.

Линии Грифона и Зербино не только не доросли до полной структурированности (поскольку одночастны), но и не способны довести своих героев до полной социальной зрелости. Суд, который они вершат — это всегда суд над личными обидчиками. Даже Родомонт, обидившийся на всех женщин сразу, судит масштабнее. В чем-то они похожи на героинь поэмы, линии которых идут не к усилению, а скорее, к ослаблению социального начала. И совсем не похожи на Марфизу, в сюжете которой социальная тема звучит наиболее чистым тоном. Как сама героиня задержалась где-то на границе полов, так и ее сюжетная линия совмещает признаки мужских и женских сюжетов: в ней проявлены и женская асоциальность и мужская социальная активность. Будучи срединным, этот сюжет по необходимости не имеет двойника.

На этом этапе анализа можно ввести еще одно разграничение сюжетов: они делятся на малые и большие. Причем, для малых (Олимпия, Изабелла, Мандрикардо, Зербино, Грифон), по всей видимости, не обязателен закон дихотомии. Двучастность линий Изабеллы и Олимпии объясняется тем, что их принадлежность к группе малых сюжетов слабее их принадлежности к группе женских сюжетов (более отчетливо структурированных, чем мужских). Тем не менее и в этих линиях контраст частей ослаблен отсутствием интонационного сдвига. Что касается малых мужских сюжетов, то они вступают в парные отношения, компенсируя свою одноплановость и как бы наращивая недостающую вторую часть.

Однотонность интонации в малых сюжетах соотносится с еще одним их качеством — резким распределением света и тени. Положительный персонаж здесь положителен всецело, а отрицательный исчерпан своей отрицательностью. В то же время к Анджелике, например, свойства положительности и отрицательности вообще не приложимы, а Родомонт, при всей его несомненной неположительности, обладает бесспорным и впечатляющим величием. Именно малые сюжеты дают образцы абсолютного и беспроблемного злодейства (Габрина)

наряду с образцами столь же абсолютной добродетели (Зербино и Изабелла). Причем, если в плане негативных примеров большие сюжеты еще могут поспорить с малыми, то ничего более высокого, чем жизнь и смерть Изабеллы, они предложить не в состоянии. Здесь мы уже выходим на уровень проблематики или идеи сюжета и отчетливо видно, что общей идеей всех малых сюжетов является торжество добродетели и разоблачение порока. Иначе говоря, вся проблематика этой сюжетной группы строго держится сферы морали.

Нельзя сказать, что этические оценки безразличны для больших сюжетов, но они не являются для них определяющими. В этой группе сюжетов главенствует идея преодоления эксцессов, возвращения к норме, утверждения порядка и меры. Линия Анджелики приводит к устранению гиперженственности героини, линия Брадаманты — к устранению гипермужественности. Марфиза избавляется от своей преувеличенной асоциальности, линии Орlando, Ринальдо и Родомонта отмечены снятием титанизма в героическом действии или любовной страсти. В линии Астольфо анархическая свобода выступает как момент всеобщей предопределенности, а линия Руджеро завершается преодолением двойственности внутреннего и внешнего, индивидуального и социального и их приведением к гармоническому согласию. Обобщенным героем малых сюжетных линий является человек в однозначности его моральных классификаций, обобщенным героем главных сюжетов — человек в многообразной соотнесенности со своей человеческой сущностью. Это герой, шагнувший из своей природы, вырвавшийся за ее границы и возвращенный к ним не каким-то роковым и недоступным человеку препятствием, не бездной, перед ним открывшейся, не метафизической своей недостаточностью, а просто сознанием меры, вложенным в само его чрезмерное усилие, в непомерность его силы или свободы или красоты.

В «Неистовом Орlando» нет ни одного персонажа, который был бы в принципе, самым своим положением в списке действующих лиц огражден от возможного снижения и компрометации. Именно это обстоятельство послужило питательной средой для мифа об ариостовской иронии, которую, начиная с Гегеля, представляли как силу всеразрушающую, не признающую никаких незыблемых и авторитарных святынь и направленную в конечном счете на само произведение, на его отжившую и потерявшую актуальность, рыцарскую фантастику. Однако, как мы не раз имели возможность убедиться, проникновение комических элементов в поэму следует определенному порядку. О двойственности интонации, которую предполагает такая, романтическая по сути, концепция иронии, говорить не приходится, поскольку граница, разделяющая серьезное и комическое, сохраняет всю свою силу и лишь проходит не между персонажем и персонажем, а между двумя частями сюжета. Другое дело, что снижение героя может быть не прямо и грубо комическим, не фарсовым, а стертým, скрытым, опосредованным, выраженным через жанровую трансформацию или через тонкий контраст ситуаций. Но ироническая атмосфера в поэме, какими бы средствами она ни создавалась, неизменно предполагает момент перехода и перелома, вступление сюжета в иную систему отношений, и сама это вступление обозначает. «Интонация поэмы — функция ее композиции».⁵²²

Но это только одна сторона проблемы. Обратим внимание на тот факт, что множественность интонационных регистров свойственна только большим сюжетным линиям. Этическая доминанта малых сюжетов, диктующая четкие и однозначные критерии оценки и размежевания персонажей, попросту не оставляет для иронии почвы. В больших сюжетах, где нет такой определенности в распределении светлых и темных красок, на первом плане некое свойство или качество персонажа, имеющее антропологическую природу и либо замкнутое в своем антропологизме (мужественность — женственность), либо соотнесенное со шкалой общезначимых (но социальных, а не моральных) ценностей. Тот художественный идеал, который является верховным принципом и целью всякого ренессансного произведения, может быть достигнут применительно к персонажу малой сюжетной линии посредством простой и прямой абсолютизации — так образуются беспорочная добродетель

Изабеллы и безупречная верность Зербино. Обращенный на персонажа большой сюжетной линии процесс приведения к абсолюту дает не идеальный образец, а крайность — преувеличенную мужественность, преувеличенный индивидуализм, преувеличенную страсть, преувеличенную силу. И вот тут приходит время иронии: бесконечность необходимо обуздать. Ирония выступает в функции ограничителя, т. е. берет на себя ту роль, которая в группе малых сюжетов принадлежала этике с ее разграничивающими и ограничивающими классификациями. Ирония способствует созданию идеального образа, т. е. миссия ее по преимуществу конструктивная (а не разрушительная, как считал Гегель и вслед за ним Де Санктис). Она устраняет угрозу бесформенности, которую неминуемо влечет за собой вышедшая из-под контроля бесконечность; тем самым она выступает как формообразующий фактор, как отношение, по сути своей, эстетическое.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать с большой уверенностью, что единство в поэме Ариосто существует и распространяется не только на сферу стиля, но и на сферу повествования. Именно линейное развертывание сюжета, его синтагматика, сообщает «Неистовому Орландо» его главный отличительный признак — неисчерпаемое богатство событий, связей и отношений. И именно синтагматика сюжета, т. е. те принципы, в согласии с которыми выстраивается или не выстраивается его дихотомическая структура, образует парадигматическое пространство, в границах которого конкретный сюжет выступает как часть единой системы. Разнообразие, тем самым, является необходимым и достаточным условием единства. Но и этого мало. Формула единства не является в «Неистовом Орландо» мертвой. Она подвижна, она предполагает и учитывает возможность самоотрицания. Принцип дихотомии является в поэме структурообразующим, но из него исключен целый класс сюжетов (малые мужские). Принципу попарного объединения подчиняются в поэме все сюжеты, но опять же за исключением одного (Марфиза). Объединение в пары совершается, как правило, между общими по классу сюжетами (большие мужские с большими мужскими, малые женские с малыми женскими и т. д.), но и здесь имеется единственное исключение (Родомонт + Мандрикардо — большой и малый мужской). Закономерность не только проявляется в разнообразии, но и проявляет его в себе.

Если теперь, с новой точки зрения взглянуть на работу автора по дополнению и расширению его поэмы, то ясно видно, в чем неизбежная неудача первой попытки и чем определяется успех второй. «Пять песней» размыкали поэму извне: продленные сюжеты выходили из той системы связей, которая обеспечивала их уравновешенность, нарушался принцип дихотомии, нарушалась попарная соотнесенность линий — рушился весь динамический баланс сил. Дополнения, вошедшие в издание 1532 г., размыкали поэму изнутри, развивая ее фундаментальные структурные принципы. История Олимпии, составив пару с историей Изабеллы, сообщила необходимую последовательность принципу сдвоенности сюжетов. Эпизод Марганорра придавал вес второй части в линии Марфизы: без него и без участия Марфизы в предсвадебных трудностях Брадаманты этой части попросту бы не было. Новые перипетии в линиях Руджеро и Брадаманты также способствовали усилению вторых частей и выправлению структурных пропорций. Лишь эпизод с замком Тристана, где Брадаманта сражается с тремя спутниками Улании и знакомится с хроникой будущих галльских вторжений в Италию, не внес в состав поэмы никакой дополнительной упорядоченности. Надо, впрочем, отметить, что этот эпизод представляет единственный в поэме сюжетный узел, не имеющий развязки (Улания везет ко двору Карла щит исландской королевы, предназначенный лучшему в мире рыцарю, но так его и не довозит) — за ним, по крайней мере, резервирована возможность сыграть в будущем какую-то конструктивную роль.

И вообще, отвлекаясь от этого неразвязанного узла, можно утверждать, что повествование сохраняет в поэме обширный запас нерастроченной энергии. Из этого запаса Ариосто черпал, внося дополнения в последнее издание. Но до конца его не исчерпал. Можно указать на сюжет Медоро, остановившийся где-то на пороге полного сюжетного самоопределения; на сюжет Феррау, который усилением линии Медоро (с которой у него

прослеживаются некоторые элементы параллелизма) мог быть выведен из числа побочных и второстепенных, мог бы стать сюжетом; на таких героев, как Фиордилиджи, Брандимарт, Градассо, Дудон, Оливьер, Собрино, Аграмант, которые, долгое время пребывая в тени, к концу поэмы как бы заявляют претензии на самостоятельное место в структуре повествования. Эта нерастроченная повествовательная потенция и создает то впечатление необязательности конца, о котором нам уже приходилось упоминать. На самом деле, резерв сюжетных возможностей не может быть израсходован в принципе — при любом расширении содержания он будет возникать вновь и вновь, поскольку его необходимость заложена в самой композиционной идее «Неистового Орландо». Структура в поэме есть и есть, следовательно, достаточно строгие ограничения, но в них, в этих ограничениях, в отношении структуры к содержанию полностью снят количественный аспект. Ни одна структурная закономерность поэмы не предписывает ей какого-либо числа — ни числа эпизодов в сюжетной линии, ни числа самих этих линий. Повествовательное богатство «Неистового Орландо» предстает поэтому не как нечто законченное и закрытое, а как часть и образ еще большего богатства, как подступ к повествовательной бесконечности.

«Неистовый Орландо» — итог и завершение того процесса развития рыцарской поэмы и рыцарского романа, который совершался в течение двух веков во вступающей в Возрождение Италии. Вместе с тем он немислим без полной перестройки структур и форм традиционного жанра в соответствии с ренессансными художественными принципами. Лучше всего эта укорененность в ближайшей традиции и одновременно отход от нее заметны в сравнении с поэмой Боярдо, представляющей более раннюю стадию того же процесса. В обоих «Орландо» нет одной и единственной композиции, но если у Боярдо этот композиционный плюрализм осуществляется синтагматически, в виде последовательности, где каждое новое композиционное решение бесповоротно отменяет предыдущее, то у Ариосто он организован по системному принципу, согласно которому действующая в данный момент повествовательная, стиливая, интонационная, жанровая доминанта отсылает ко всей совокупности своих представленных в поэме вариантов и только во взаимоотношении с ними обретает свой полный смысл и свое самостоятельное значение. Движение, сохраняя потенциальную устремленность в бесконечность, подчинено в «Неистовом Орландо» целому ряду закономерностей, которые не столько его тормозят и дисциплинируют, сколько извлекают из него его идею, т. е. нечто пластически оформленное и в известном смысле неподвижное. У Боярдо свобода подавляет и отесняет единство, у Ариосто является его принципом и гарантией. Пройдет еще неполных полвека, и свобода станет восприниматься творцами большой повествовательной формы как отступление и измена, как нечто, с чем во имя единства нужно бороться, что нужно сдерживать и преодолевать. Для Тассо в его «Освобожденном Иерусалиме» свобода еще не утратит своей привлекательности, но лишь в качестве искушения, соблазна и порока, в качестве уклонения с прямого пути, которым должен идти героический эпос.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Этот перевод «Неистового Роланда» Ариосто выполнен не традиционным для русских переводов условным «размером подлинника» — 5-стопным ямбом в октавах с чередованием мужских и женских рифм, будто бы передающим итальянский силлабический 11-сложник в октавах со сплошными женскими рифмами. В нашем переводе сохраняется счет строф и счет строк, но ни метра, ни рифм в этом стихе нет: это свободный стих, верлибр. В европейской стихотворной традиции переводы верлибром вместо переводов «размером подлинника» давно привычны. У нас они еще внове. Автор этого перевода применил в свое время верлибр в переводе Пиндара, изданном «Литературными памятниками» в 1980 г., и перевод был принят читателями. Каждый перевод жертвует одними приметам подлинника ради сохранения других. Отказываясь от точности метра и рифмы, переводчик получает больше

возможности передать точность образов, интонации, стиля произведения. Ради этого и был предпринят столь решительный шаг.

Конечно, точность не означает буквальности. Кому свободный стих такого перевода покажется подстрочником, тот ошибется. Подстрочники прозаичны не потому, что в них нет ритма и рифмы, а потому, что слова в них стоят случайные, первые попавшиеся. Возьмем подстрочник и сделаем его немногословным и не «случайнословным» — и мы получим перевод верлибром, причем сделать такой перевод будет гораздо труднее, чем иной перевод с ритмом и рифмой. Верлибр не бесформен, а предельно оформлен: в нем каждое слово на счету. Это идеальный аккомпанемент, откликающийся на каждый оттенок смысла. И верлибр не однообразен: всякий, кто работал с ним, тот чувствовал, как в нем словесный материал сам стремится под пальцами оформиться то в стих равнотонический, то, наоборот, в перебойный, то в играющий стиховыми окончаниями и пр.: это такой раствор форм, из которого могут по мере надобности естественно выкристаллизовываться многие размеры, знакомые и незнакомые русскому стиху. Всеми этими возможностями переводчик старался пользоваться в полную меру.

Конечно, не для всякого перевода хорош верлибр. Лучше всего он может служить службу тем произведениям, форма которых достаточно привычна, традиционна, устойчива, чтобы опытный читатель держал ее в памяти, читая верлибр. Именно таковы октавы Ариосто, о которых читателю все время напоминает строфическое членение текста. Больше того: можно сказать, что в «Неистовом Роланде» октава пассивна, повествование катится по строфам ровным потоком, тогда как, например, в «Дон-Жуане» Байрона или в «Домике в Коломне» Пушкина октава активна, то и дело выделяя и подчеркивая острую сентенцию или иронический поворот интонации. Я не решился бы перевести верлибром «Дон-Жуана», но перевести «Неистового Роланда» решился. Более того: всякий читавший оригинал (а тем более — вялый «перевод размером подлинника») знает, как убаюкивающе действует плавное течение эпического стиха, в котором узловые моменты повествования ничем не выделяются из попутных описаний и отступлений. Для перечитывающего в этом есть особая прелесть, но для читающего впервые — это немало мешает восприятию. А русский читатель читает Ариосто подряд впервые. Поэтому я нарочно старался помогать ему, движением стиха подчеркивая движение событий, а заодно отмечая основные моменты действия маленькими подзаголовками на полях — по образцу некоторых старинных итальянских изданий.

Трудным вопросом был выбор стиля. Поэма Ариосто и языком и стихом несколько выбивалась из господствовавшей в начале XVI в. манеры: Ариосто осторожно старался придать ей некоторый оттенок архаичности (разумеется, не насквозь, а от места к месту). В переводе я сделал опору именно на это обстоятельство, памятуя, что Ариосто — это прежде всего последний рыцарский роман, некоторую аналогию которому на русской почве представляют собой, пожалуй, пересказы «Бовы королевича» XVIII в. О прямой передаче этих русских образцов, разумеется, не могло быть и речи; просто я старался дать язык, который был бы легко понятен, но в то же время ощущался бы как не совсем обычный, сдвинутый по семантике отдельных слов, по синтаксическим конструкциям и пр. Это не единственное возможное решение: можно было подчеркнуть, что Ариосто — это прежде всего продукт придворного Ренессанса и стилизовать перевод под акварельно-тонкую лирику. Но для этого мне просто не достало чувства языка и творческих способностей.

Особой заботой оказалась передача имен. По-итальянски героев каролингского эпоса зовут Орландо, Руджьеро, Ринальдо, Маладжиджи; по-французски — Роланд, Рожер, Рено, Можис; каждый язык переименовывал их на свой лад, и нужно было сделать выбор, наиболее удобный для русского языка с его привычкой к склоняемым существительным. Поэтому во всех сомнительных случаях за основу бралась самая интернациональная форма имени — латинизированная: отсюда в переводе Роланд, Руджьер, Ринальд, Малагис и т. д. Русификацию по смыслу мы позволили себе лишь в одном случае, назвав Фьямметту Пلامетой (так старые переводчики настойчиво переводили Флорделизу «Лилейдой»). Что Алджир не стал Алжиром, а Китай Китаем во избежание слишком современных ассоциаций,

читателю понятно.

Перевод был предпринят в качестве сознательного эксперимента, не более того. Экспериментатор глубоко признателен, во-первых, известному переводчику С. А. Ошерову, живо поддержавшему этот опыт, а во-вторых, академику Г. В. Степанову, который счел возможным предложить его читателям «Литературных памятников». В «Дополнениях» к настоящему изданию напечатаны образцы более традиционных переводов отрывков из «Роланда», как с соблюдением «размера подлинника», так и без такового; в сопоставлении с ними и достоинства и недостатки предлагаемого перевода должны выступить особенно отчетливо.

Переводчик полностью отдает себе отчет, каким соблазном может явиться такой перевод правильного размера верлибром для тех любителей облегченного перевода, которые так недавно, наоборот, изо всех сил старались переводить верлибры правильными размерами. Все, что можно сказать по этому поводу: я думаю, что хороший перевод не-верлибра верлибром хоть сколько-то лучше посредственного перевода «размером подлинника», но плохой перевод не-верлибра верлибром бесконечно хуже даже посредственного перевода «размером подлинника». О дальнейшем будут судить читатели.

М. Л. Гаспаров

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА Д'ЭСТЕ

ЭПИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДОМА *(по итальянским источникам)*

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)